

06
п. 5373

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

06
4

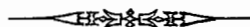
УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
ИНСТИТУТА
СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

V

06
У

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

**УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
ИНСТИТУТА
СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ**

Т о м V

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

МОСКВА — 1952

06

п. 5373

ИНСТИТУТ МАТЕМАТИКИ
АКАДЕМИИ НАУК СССР

п. 5682

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР

П. Н. ТРЕТЬЯКОВ

СТАТЬИ

М. А. Бирман

НАРАСТАНИЕ РЕВОЛЮЦИОННОЙ СИТУАЦИИ В БОЛГАРИИ В 1917—1918 гг. И ВЛАДАЙСКОЕ ВОССТАНИЕ

Первая мировая империалистическая война принесла тяжелые испытания болгарскому народу. Положение трудящихся масс с момента вступления Болгарии в войну (в октябре 1915 г.) резко ухудшилось.

Прежде всего увеличилось налоговое обложение, как прямое, так и косвенное. Общая сумма прямых налогов возросла с 26 млн. левов в 1915 г. до 58 млн. левов в 1918 г.; а косвенных налогов — с 75 млн. левов в 1915 г. до 220 млн. левов в 1918 г.¹

С каждым годом росли сверхсметные ассигнования на военные нужды, которые за период военных лет (1915—1918 гг.) достигли громадной суммы в 4650,5 млн. левов. Таким образом, за три года войны на военные нужды было израсходовано на 1119,3 млн. левов больше, чем по всем статьям государственного бюджета за все время существования независимого болгарского государства до балканских войн (1879—1912 гг.)². Согласно данным депутата XVII Народного собрания Болгарии Н. Сакарова, к концу 1917 г. война стоила Болгарии ежедневно 4—5 млн. левов, а государственный долг к этому же времени достиг 7 млрд. левов (в десять раз больше, чем накануне балканских войн)³.

К резкому ухудшению положения трудящихся приводила политика инфляции, проводимая буржуазным правительством Болгарии. В результате политики инфляции и усилившейся в связи с этим спекуляцией, а также вследствие сокращения выпуска продукции цены на дефицитные товары, особенно на продовольствие, росли с катастрофической быстротой. Наименее обеспеченные слои трудящихся начали страдать от недостатка продовольствия уже в 1916 г.⁴

¹ См. М. Горов. Борьба крестьян Болгарии, М, 1927, стр. 97.

² См. Хр. Кабакчиев и Р. Караколов. Болгария в первой мировой империалистической войне, „Историк-марксист“, 1941, № 1, стр. 68.

³ См. Н. Сакаров. Държавните дългове пръвз войната, София, 1918, стр. 20 и 23.

⁴ Министр правительства Радославова Пешев еще в январе 1916 г. зафиксировал в своем дневнике случаи смерти от голода. См. „Обвинителен акт против бывших министры отъ кабинета на д-ръ В. Радославовъ пръвз 1913—1918 години“ (в дальнейшем сокращенно: „Обвинителен акт...“), София, 1921, стр. 489.

Зима 1916/17 г. была еще более трудной. Участились случаи смерти от голода. Наиболее остро ощущалась нехватка продуктов в западных районах Болгарии (в Дупницком, Трынском и других), в Родопях и в оккупированных землях Македонии и Поморавья.

Попытка органов снабжения (так называемой дирекции СГОП) установить нормирование продовольственных продуктов оказалась несостоятельной. Установление твердых цен на продукты по талонам не дало результатов, ибо по твердым ценам нельзя было почти ничего достать. На черном же рынке цены были в среднем в десять раз выше твердых.

Единственным продуктом, который пока можно было более или менее регулярно достать по твердой цене, был хлеб. Недаром газета тесняков «Работнически вѣстникъ» указывала в сентябре 1917 г., что хлеб являлся главным, если не единственным, продуктом питания трудящегося населения города и в значительной части деревни. Лишь летом к хлебу добавлялись доступные для кармана бедняков овощи¹.

В 1917 г. от голода начали страдать даже более состоятельные слои населения. Так, например, известный болгарский писатель Иван Вазов в начале 1917 г. в письме своему брату в Стара-Загору жаловался на уменьшение хлебного пайка и просил послать ему немного муки².

Норма выдачи хлеба постоянно уменьшалась. Резкое сокращение урожая в 1917 г. привело к тому, что жители столицы стали получать всего лишь 300 г хлеба в день³. На черном рынке хлеб вздорожал в конце 1917 г. по сравнению с 1915 г. на 500%⁴. Вздорожали и другие продукты. Масло по сравнению с тем же 1915 г. вздорожало на 1000%, картофель — на 1000% и т. д.⁵ В среднем цены на продукты питания и предметы первой необходимости в конце 1917 г. выросли по сравнению с 1915 г. на 300—500%, а по некоторым видам — на 1000—1200%⁶.

Начиная с 1917 г. трудящееся население Болгарии сильно страдало от эпидемических болезней, особенно быстро распространявшихся в больших городах. Резко увеличилась смертность населения, в особенности среди детей. Если в 1910 г. в Софийском округе умерло 7500 чел. (из них до 20 лет — 3327 чел.), в 1915 г. — 7596 чел. (до 20 лет — 4067 чел.), то в 1917 г. умерло 8778 чел. (до 20 лет — 4709 чел.), а в 1918 г. — 11 827 чел. (до 20 лет — 5961 чел.)⁷.

Особенно в тяжелом положении находился пролетариат. Пользуясь военными условиями, болгарская буржуазия резко ухудшила условия труда на предприятиях. Рабочий день на предприятиях достигал в среднем 10—12 часов; на некоторых же предприятиях он доходил до 15—16 часов⁸. Хотя номинально заработная плата увеличилась по сравнению с довоенным уровнем в среднем на 30—40%⁹, реальная заработная плата упала за то же время в несколько раз. Ухудшились санитарные условия труда. На самых тяжелых работах, в том числе даже в каменноугольной промышлен-

¹ См. „Работнически вѣстникъ“, 3.IX 1917 г.

² См. „Исторически преглед“, година шеста, 1949—1950, кн. I, стр. 46.

³ См. „Работнически вѣстникъ“, 7.XII 1917 г.

⁴ См. „Дневници (стеинографски) на седемнадесето обикновено Народно събрание“ (в дальнейшем сокращенно: Дневници на XVII-то О. Н. С.), IV редовна сесия, кн. 1, стр. 721.

⁵ См. там же.

⁶ См. „Работнически вѣстникъ“, 1.X 1917 г. и 25.IV 1918 г.

⁷ См. там же, 14.X 1919 г.

⁸ См. Дневници на XVII-то О. Н. С., III р. с., кн. 2, стр. 1577.

⁹ См. там же, 25.IV 1918 г.

ности, стали применять женский труд. Усилилась эксплуатация детского труда.

На многих предприятиях были созданы каторжные условия. Владельцы предприятий иногда даже передавали друг другу работавших у них рабочих без согласия последних, как это произошло, например, в 1917 г. в Пловдиве¹.

Администрация предприятий и учреждений пользовалась любыми предложениями, чтобы штрафовать рабочих. Так, например, беспощадно штрафовались работницы государственного огородного хозяйства (овощного сада) в Панагюриште, получавшие нищенскую заработную плату (от 1 до 2 левов в день)².

Рабочих, которые выражали свое недовольство и требовали повышения заработной платы и улучшения условий труда, предприниматели передавали военным властям и отправляли на фронт, несмотря на то, что они бронировались за промышленностью специальными постановлениями правительственных органов³.

В тяжелом положении оказалось и трудовое крестьянство, составлявшее основную массу населения Болгарии. Как и все трудящиеся, болгарское крестьянство несло на себе тяготы войны, выплачивая «налог кровью» и все прямые и косвенные налоги.

Основная масса крестьянства переносила в годы войны тяжелые лишения. Из-за отсутствия взрослых мужчин обрабатываемая площадь трудового крестьянского хозяйства резко уменьшилась, падала и производительность таких хозяйств. Крестьянская беднота разорялась, в то время как кулацкие хозяйства за годы войны сильно разбогатели, наживаясь на продаже товаров на черном рынке. В результате войны возросло число безземельных и малоземельных крестьянских хозяйств⁴.

Чрезвычайно разорительными для трудового крестьянства были систематические реквизиции за бесценнок сельскохозяйственных продуктов в пользу государства. Крестьяне вынуждены были поставлять государству зерно по твердой цене, не превышавшей $\frac{1}{2}$ лева за килограмм, в то время как за муку, которую они покупали на черном рынке, нужно было платить по 10—12 левов за килограмм⁵. Реквизиционные команды беспощадно обирали бедноту. Один из современников так описывает деятельность этих команд: «По домам ходили в поисках спрятанной муки и других продуктов команды тыловых солдат; они взламывали сундуки, распарывали матрацы, подушки и отбирали даже последний килограмм хлеба, если находили его»⁶. За отобранное продовольствие крестьяне получали реквизиционные расписки, которые не имели никакой ценности.

Кроме «регулярных» реквизиций, имели место и «экстраординарные».

От этого грабежа страдало трудовое крестьянство, лишавшееся последнего куса хлеба и даже семенного зерна.

Крестьянская беднота страдала также и от недостатка промышленных товаров. Даже такие товары, как соль, керосин, спички и другие, которые должны были распределяться среди сельского населения, факти-

¹ См. В. Коларов. Кой спечели от войната? София, 1919, стр. 34—35.

² См. „Работнически вѣстник“, 3.VI 1917 г.

³ См. там же, 8.X 1917 г.

⁴ См. М. Горюв. Указ. соч., стр. 98—99.

⁵ См. „Мемоар на бюрото търговско-промишлените камарите в царствата“, 1920, стр. 6.

⁶ Хр. Халачев. Бунтът в 28 пехотен полк, София, 1949, стр. 72.

чески редко доходили до беднейшего крестьянства, попадая большей частью к сельским спекулянтам. На черном же рынке эти необходимые каждой семье товары стоили чрезвычайно дорого. Так, например, килограмм соли стоил в начале 1917 г. во многих сельских местностях Болгарии 5—6 левов¹.

Местные власти — околийские начальники, кметы (старосты), секретари-казначей, сборщики налогов и прочие должностные лица — пользовались любым случаем, чтобы грабить трудовое крестьянство. Письма солдатских жен своим мужьям на фронт были полны жалоб на поборы, издевательства, несправедливости, которые причиняло им местное начальство².

Доведенные до отчаяния крестьяне иногда пытались оказывать сопротивление реквизициям, за что они беспощадно преследовались — избивались и арестовывались.

Известия о лишениях и бедствиях, которые испытывало население в тылу, производили большое впечатление на солдатскую массу и еще более способствовали распространению революционного настроения в армии. В сердцах рядовых солдат закипала ненависть к генералам и офицерам, которые ради карьеры бросали части в бессмысленные, неподготовленные наступления, к интендантам, обворовывавшим армию, подсовывавшим камни в мешки с сахаром и речной песок в муку³. Воровство интендантов приводило к тому, что даже скудные нормы солдатского пайка и те не доходили до солдат полностью.

От былого шовинистического угара, охватившего в начале войны некоторые слои населения и армии, не осталось и следа. К распространенному в начале войны солдатскому маршу, в котором фигурировали слова: «Да здравствует дядо Радославов!», теперь прибавлялись проклятия по адресу главы правительства Радославова и царя Фердинанда⁴.

Большое недовольство у болгарских солдат вызывало хозяйничанье немецких генералов в болгарской армии (из четырех болгарских армий двумя командовали немецкие генералы: фон Шольц и фон Штейбен), привилегированное положение германских солдат, получавших лучшее питание и обмундирование, чем болгарские солдаты, и т. д.

Росту непопулярности войны способствовало и сознание того, что Болгария была единственной славянской страной, сражавшейся на стороне враждебных славянским народам австро-германских империалистов⁵.

С начала 1917 г. внутреннее положение в Болгарии начало обостряться. Все сильнее ощущалось истощение экономических и человеческих ресурсов. Недостаток продовольствия стал чувствоваться и в армии. В январе 1917 г. сильно ощущался, в частности, недостаток продовольствия в войсках Южного фронта, что явилось предметом специального обсуждения правительства⁶.

В некоторых районах страны наступал настоящий голод⁷. Прибывавшие в отпуск солдаты с целью пропитания своих семей занимались мешоч-

¹ См. „Обвинителен акт...“, стр. 501.

² См. „Дневници на XIX-то О. Н. С.“, III р. с., Приложение. „Доклад на парламентарната изпитателна комисия...“, София, 1923, стр. 18—19.

³ См. „Доклад на парламентарната комисия...“, стр. 50.

⁴ См. Хр. Халачев. Указ. соч., стр. 80.

⁵ Об этом свидетельствуют, например, даже представители американской дипломатии в Европе, отнюдь не являвшиеся поборниками идеи славянской солидарности (см. „Papers relating to the foreign relations of the United States“, 1918, Supp. 1, vol. 1, p. 283. В дальнейшем сокращенно „Foreign relations...“).

⁶ См. „Обвинителен акт...“, стр. 499.

⁷ См. там же, стр. 501.

ничеством, отправляясь в поисках продовольствия в отдаленные районы страны.

Международная обстановка в начале 1917 г. также способствовала обострению внутривнутриполитического положения в Болгарии. С конца 1916 г. стал нарастать общий политический и хозяйственный кризис военного блока центральных держав. Перспективы войны на 1917 г. были для лагеря центральных держав далеко не утешительными. На долю Болгарии, в частности, падала почти вся тяжесть борьбы на Салоникском фронте, где войска Антанты, стабилизирував положение в 1916 г., накапливали силы для удара.

Положение правящей буржуазно-шовинистической клики Болгарии становилось все более затруднительным. В стране назревал политический кризис.

Большое влияние на пробуждение политической активности трудящихся Болгарии, как и всего мира, оказала февральская революция в России. «... Каждый шаг нашей революции, — писал И. В. Сталин летом 1917 г., — неминуемо вызывает ответную волну... и рост мирового революционного движения, толкая рабочих всех стран к борьбе с капиталом»¹.

Революция в России внесла в сердца солдат болгарской армии надежду на быстрое окончание войны. «Все почувствовали, — писал один современник, — что начинается нечто новое, нечто великое, которое скоро глубоко затронет и наше положение, нашу солдатскую судьбу»².

Огромное влияние оказала революционная борьба русского пролетариата на партию тесняков. Тесняки сохранили свою верность интернационалистской позиции, осудив «широких» социалистов, скатившихся в болото социал-шовинизма. Развитие революции в России приковывало к себе пристальное внимание партии тесняков. В органе тесняков — газете «Работнически вѣстникъ» — в большом количестве ежедневно печатались материалы, освещавшие ход революции в России. Приветствуя героическую борьбу русского пролетариата, газета тесняков писала, что русский пролетариат «завоевал первое место в среде международного пролетариата...», и указывала, что «это место он, без сомнения, будет занимать с достоинством»³.

Будучи революционерами, тесняки, хотя и не сумели полностью оценить значение тактики большевиков, все же в основном правильно восприняли разгоревшуюся революционную борьбу в России. Один из вождей партии тесняков, Г. Кирков, в газете «Работнически вѣстникъ» называл линию Ленина и большевиков «правильной, ясной и определенной»⁴; одобрял тактику Ленина и большевиков⁵. Тесняки подчеркивали, что именно потому, что Ленин и большевики действительно борются за интересы угнетенных, «русские империалисты ведут ожесточенную борьбу против Ленина — самого опасного их врага»⁶. Газета тесняков разоблачала предательскую роль меньшевиков и эсеров, пошедших на соглашение с временным правительством⁷.

Соглашательская роль меньшевиков и эсеров, всшедших в состав временного буржуазного правительства, лишней раз убеждала тесняков в том,

¹ И. В. Сталин. Соч., т. 3, стр. 248.

² Хр. Халачев. Указ. соч., стр. 86.

³ „Работнически вѣстникъ“, 31.V 1917 г.

⁴ Там же, 30.VI 1917 г.

⁵ См. там же, 24.VII 1917 г.

⁶ Там же, 5.VI 1917 г.

⁷ См. там же, 19.V 1917 г.

что большевики являются единственной последовательно революционной партией в России, выражающей подлинные интересы трудящихся.

Влияние большевистской партии на партию тесняков непрерывно росло.

Летом 1917 г. под влиянием большевиков тесняки присоединились к воззванию левой циммервальдской группы. Воззвание подчеркивало, что только посредством пролетарской революции может быть достигнут «...мир, отвечающий интересам рабочего класса, мир без аннексий и контрибуций, мир, раскрепощающий народы от капиталистического и любого национального гнета»¹. Таким образом, тесняки по существу присоединились, правда декларативно, к лозунгу большевиков о превращении войны империалистической в войну гражданскую.

Не вполне еще разобравшись в это время в позиции В. И. Ленина и большевиков, тесняки тем не менее начали воспринимать опыт большевистской партии.

На страницах газеты «Работнически вѣстникъ» печатались статьи, освещавшие тактику большевиков, публиковались доходившие с трудом до Болгарии документы большевистской партии, такие, как обращение Бюро ЦК большевиков от 11 марта (26 февраля) с призывом к вооруженной борьбе, резолюция фракции большевиков Петроградского совета по вопросу о корниловском мятеже, резолюции VI съезда партии большевиков и т. д.²; печатались в изложении и произведения В. И. Ленина, например, первое письмо из «Писем из далека»³, «Письма о тактике»⁴.

Большую роль для популяризации в Болгарии тактики большевиков сыграли корреспонденции руководителей тесняков Г. Киркова и В. Коларова, находившихся летом 1917 г. в Стокгольме. В этих корреспонденциях излагалась тактика большевиков, взгляды В. И. Ленина по вопросам революции. Иногда в корреспонденциях приводились выдержки из произведений и выступлений В. И. Ленина — например, выдержки из прощального письма В. И. Ленина к швейцарским рабочим, приведенные в корреспонденции В. Коларова от 15 мая 1917 г.⁵, и другие.

Во время своего пребывания в Стокгольме Г. Кирков и В. Коларов установили непосредственные связи с находившимися там русскими большевиками. Выступая на одном из собраний русских революционеров-эмигрантов в июне 1917 г., Г. Кирков напомнил о старых традициях русско-болгарских революционных связей и приветствовал от имени болгарского рабочего движения русскую революцию и героический русский пролетариат⁶.

Представители тесняков — Кирков и Коларов, — воспользовавшись пребыванием курьеров большевистской партии в Стокгольме, передали через них от имени болгарского пролетариата горячий привет В. И. Ленину и его соратникам⁷.

¹ „Българска работническа партия (комунисти) в резолюции и решения на конгресите, конференциите и пленумите на ЦК“ (В дальнейшем сокращенно: „БРП(к) в резолюции...“), т. I, София, 1947, стр. 407.

² См. „Работнически вѣстникъ“, 21.VII; 20, 25, 26.IX 1917 г.

³ См. там же, 6.IX 1917 г.; см. также В. И. Ленин. Соч., т. 23, стр. 291—361.

⁴ См. „Работнически вѣстникъ“, 2.X 1917 г.; см. также В. И. Ленин. Соч., т. 24, стр. 23—34.

⁵ См. „Работнически вѣстникъ“, 18.VI 1917 г.

⁶ См. там же, 20.VI 1917 г.

⁷ См. там же.

В это же время Кирков и Коларов опубликовали «Заявление болгарских социал-демократов-интернационалистов», напечатанное в июле 1917 г. в «Правде». Представители тесняков осуждали предательскую, шовинистическую политику «широких» и заявляли, что партия тесняков поддерживает выдвинутые большевиками лозунги о немедленном заключении мира без аннексий и контрибуций и о праве народов на самоопределение¹.

Многое в тактике большевиков оставалось тесняками не понятным. Однако несомненно, что тесняки по целому ряду вопросов стали приближаться к позиции большевистской партии еще до Великой Октябрьской революции.

Успехи революции в России, пример героической борьбы русского пролетариата, возглавляемого большевиками, оказали большое влияние на активизацию деятельности партии тесняков. В сентябре 1917 г. была проведена конференция партии тесняков, обязавшая партию усилить агитационно-пропагандистскую деятельность и распространение социалистической литературы².

Тираж газеты «Работнически вѣстникъ» после февральской революции в России значительно вырос. Под давлением солдатских масс командование вынуждено было официально разрешить доставку газеты тесняков на фронт.

За короткое время орган тесняков стал самой популярной газетой в окопах. В то время как орган военного командования «Военные известия» и газеты буржуазных партий, распростиравшиеся в армии бесплатно, почти не читались, «Работнически вѣстникъ» зачитывался до дыр. Более того, солдаты по грошам собирали деньги на поддержку любимой газеты³.

Влияние русской революции привело к тому, что в болгарской армии начала усиливаться антивоенная деятельность тесняков. Возникали нелегальные антивоенные организации. Одной из них была нелегальная организация, возникшая летом 1917 г. в 28-м полку⁴. В сентябре 1917 г. в 34-м полку в районе озера Дойран была проведена под руководством тесняков антивоенная демонстрация, прошедшая настолько организованно и сплоченно, что командование не посмело арестовать ее организаторов⁵.

В болгарской армии усиливалось брожение. На Дунайском фронте болгарские солдаты начали брататься с русскими солдатами⁶. Братание перекинулось и на Салоникский фронт, где находились сербские, французские и русские солдаты экспедиционного корпуса. Дисциплина в болгарской армии падала; личный состав частей таял от дезертирства.

В городах под влиянием революции в России усилилась политическая активность болгарского пролетариата. Рабочие Болгарии организованно провели в 1917 г. день 1 Мая. Во многих городах состоялись рабочие собрания, а кое-где, например в Сливене, рабочие в этот день

¹ См. «Правда», 11.VII 1917 г. и «Работнически вѣстникъ», 12.XI 1917 г.

² См. «Работнически вѣстникъ», 20.IX 1917 г.

³ См. там же, стр. 100.

⁴ См. там же, стр. 115.

⁵ См. там же, стр. 118—119.

⁶ Зимой 1916 г. по рукавам Дуная имели место взаимные посещения и угощения (см. Н. Станев. На-нова история на България, кн. II, стр. 336—337, София, 1925).

бастовали¹. Участились стачки; летом 1917 г. прошли стачки в Софии, Сливене, Габрово, Пловдиве и других городах².

Показателем начинающегося пробуждения политической активности болгарских трудящихся были массовые демонстрации. В марте и мае 1917 г. в Пловдиве и других городах происходили массовые женские демонстрации³. «Душно стало народам Европы, — писал И. В. Сталин весной 1917 г., — и они уже поднимают голову против воинствующей буржуазии. . . При громе русской революции поднимаются от спячки и народы Запада. Забастовки и демонстрации в Германии, манифестации в Австрии и Болгарии, . . . массовое братание на фронтах — таковы первые ласточки нарастающей социалистической революции»⁴.

В 1917 г. усиливались проявления недовольства и в болгарской деревне. Крестьянская беднота, недовольная реквизициями и поборами, открыто выступала против реквизиционных команд, против кметов и других местных властей, как это было, например, в селах Карловской и Свищовской околий. Совершались нападения на склады, в которых находилось реквизированное продовольствие⁵. Учащались столкновения крестьян с германскими солдатами⁶. Волнения происходили и на оккупированной территории Поморавья⁷. Болгарские тюрьмы наполнились участниками крестьянских выступлений.

Суммируя все имеющиеся в нашем распоряжении далеко не полные данные, мы можем констатировать, что 1917 год в Болгарии был годом пробуждения политической активности трудящихся масс.

Положение правящей верхушки болгарского государства становилось все более затруднительным. Правительство Радославова чувствовало себя все более непрочно. О внутренних трудностях заговорили сами члены правительства⁸. Между отдельными членами правительства начались раздоры. Министр железных дорог Никола Апостолов в марте 1917 г. вышел в отставку. Другой министр — лидер народно-либеральной партии — Добри Петков в письме от 7 марта 1917 г. выразил неодобрение внутренней политике Радославова⁹.

Усилились споры между военным командованием и правительством.

Начали шевелиться и бывшие оппозиционные (мелкобуржуазные и буржуазные) партии, свернувшие с начала войны свои партийные знамена и выступавшие с активной поддержкой правительства Радославова.

В господствующих кругах болгарского государства усиливались фракционные раздоры.

В стране нарастала революционная ситуация.

В работе «Крах II Интернационала» В. И. Ленин указал на три главных признака революционной ситуации: «. . . 1) Невозможность для гос-

¹ См. „Работнически вѣстник“, 16.V 1917 г.

² См. там же, 16.V, 29.VI, 29.VIII, 3 и 4.IX и 2.X 1917 г.

³ См. G. Karpcheff. La Débâcle Nationale Bulgare devant la Haute Cour, Paris, 1925, p. 146, и „Дневници на XVIII-то О. Н. С.“, I р. с., кн. 1, стр. 315.

⁴ И. В. Сталин. Соч., т. 3, стр. 37—38.

⁵ См. „Дневници на XIX-то О. Н. С.“, I и с., кн. 2, стр. 570.

⁶ Д. Петковъ. Виновицитъ за погрома на България прѣвъ септември 1918 г., София, 1927, стр. 132.

⁷ „Дневници на XIX-то О. Н. С.“, I р. с., кн. 2, стр. 1194.

⁸ См. дипломатическую переписку между Радославовым и посланником Болгарии в Турции Колушевым („Дипломатически документи по участието на България в европейската война“, т. II, София, 1919, стр. 744).

⁹ См. Д. Петковъ. Указ. соч., стр. 72, 75—77, 128—142.

подствующих классов сохранить в неизменном виде свое господство; тот или иной кризис «верхов», кризис политики господствующего класса, создающий трещину, в которую прорывается недовольство и возмущение угнетенных классов. . . 2) Обострение, выше обычного, нужды и бедствий угнетенных классов. 3) Значительное повышение, в силу указанных причин, активности масс, в «мирную» эпоху дающих себя грабить спокойно, а в бурные времена привлекаемых, как всей обстановкой кризиса, так и самими «верхами», к самостоятельному историческому выступлению»¹.

1917 год был для Болгарии годом назревания элементов революционной ситуации. На складывание революционной ситуации в целом огромное влияние оказала Великая Октябрьская социалистическая революция в России.

* * *

Великая Октябрьская социалистическая революция в России произвела коренной перелом не только в жизни народов России, но и в жизни и судьбах всего человечества.

Октябрьская революция расколола единую до того капиталистическую систему, разорвала фронт империализма и передала пролетариату власть в одной из самых больших стран мира. Впервые в истории человечества рабочий класс в результате победоносной революции стал господствующим классом.

Победа Великой Октябрьской социалистической революции, говорит И. В. Сталин, означала «... коренной перелом в освободительном движении мирового пролетариата, коренной перелом в способах борьбы и формах организации, в быту и традициях, в культуре и идеологии эксплуатируемых масс всего мира»².

Бросив семена революции как в центры империализма, так и в его тылы, Великая Октябрьская социалистическая революция поставила, говорит далее И. В. Сталин, тем самым «... под вопрос самое существование мирового капитализма в целом... Октябрьская революция нанесла мировому капитализму смертельную рану, от которой он никогда не оправится больше»³.

Победа Великой Октябрьской социалистической революции, разбудившей угнетенные народы, положила начало огромным сдвигам и в болгарском обществе.

Октябрьская революция встретила горячую симпатию и поддержку со стороны трудящихся Болгарии и в первую очередь — пролетариата.

Буржуазные и мелкобуржуазные болгарские партии и их печать встретили с яростным озлоблением весть о пролетарской революции в России, пытаясь очернить ее в глазах трудящихся. В то же время буржуазная печать Болгарии не могла скрыть своего страха перед происшедшей в России революцией, перед влиянием, которое оказывали события в России на болгарский народ. Так, например, реакционная газета «Мир», в страхе перед проникновением большевистских идей в Болгарию, панически вопила несколько дней спустя после Октябрьской революции: «... Опасайтесь

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 21, стр. 189—190.

² И. В. Сталин. Соч., т. 10, стр. 240.

³ Там же, стр. 245—246.

большевизма!»¹ Болгарская буржуазия боялась, как бы болгарские трудящиеся не последовали примеру России, и питала надежды на то, что империалисты (в первую очередь империалисты Антанты) задушат революционную Россию².

Бешеная классовая ненависть и страх перед революционной Россией объединили все буржуазные и мелкобуржуазные партии Болгарии.

В общий антисоветский хор буржуазного лагеря включились и болгарские социал-шовинисты и оппортунисты — лидеры партии «широких социалистов», не отстававшие в своей враждебной Советской России деятельности от других социал-предателей из II Интернационала. Орган «широких» — газета «Народ», выполняя социальный заказ болгарской буржуазии, стремившейся опорочить революцию в России в глазах болгарского народа, возводила гнусную клевету на Великую Октябрьскую социалистическую революцию.

«Широкие» осуждали большевиков за отказ вступить в коалицию с социал-предателями и социал-шовинистами³; они поддерживали русскую контрреволюцию в борьбе против революционного лагеря.

Лишь одна болгарская партия восторженно приветствовала Великую Октябрьскую социалистическую революцию в России. Это была партия тесняков, отражавшая интересы трудящихся страны.

С самого момента Октябрьского переворота партия тесняков заняла ясную и определенную позицию безоговорочной поддержки революции в России. 10 ноября 1917 г. газета тесняков «Работнически вѣстникъ» писала: «Грандиозные события в России снова приковывают внимание всего мира. Самоотверженный петроградский пролетариат, понесший неисчислимые тяжкие жертвы в борьбе за дело революции, снова поднялся под водительством большевиков и мощным ударом сверг коалиционное правительство Керенского, которое препятствовало заключению мира и развитию революции... Революция выдвинула достойных мужей, непоколебимых борцов — большевиков, интернациональных революционных социал-демократов... 7 ноября судьба русской революции перешла в крепкие надежные руки. С 7 ноября Великая Русская республика пошла по новому, ясному, строго определенному пути. Это путь мира и освобождения народов от ужасных испытаний, которым они подвержены вот уже более трех лет. Русский революционный пролетариат, который понес в течение десятилетия неисчислимые жертвы в своей героической борьбе за освобождение, приблизил конец страшной опустошительной всеобщей войны и взял на себя незабываемую историческую миссию спасителя человечества от полного самоистребления. С горячей радостью приветствуем мы самоотверженный русский пролетариат — страж мира, свободы и братства народов»⁴.

Газета «Работнически вѣстникъ», солидаризуясь с русским пролетариатом и его авангардом — партией большевиков, — свое основное внимание уделяла событиям в России; не менее половины двухстраничного номера посвящалось событиям в России⁵. В передовой статье, опубликованной

¹ См. «Работнически вѣстникъ», 16.XI 1917 г.

² Газета «Утро», близкая к германофильским правительственным кругам, 13 ноября 1917 г. передавала известие о том, что «английское правительство возьмет в свои руки верховную власть над Россией в случае, если новый режим выродится в анархию» (см. «Литературен фронт», 2.XI 1950 г.).

³ См. «Работнически вѣстникъ», 13, 14.XII 1917 г.

⁴ Там же, 10.XI 1917 г.

⁵ См., напр., «Работнически вѣстникъ», 10, 12, 13, 14, 15, 16, 17, 19, 20, 21, 22.XI 1917 г. и др.

через четыре дня после Октябрьского переворота, указывалось: «То, что происходит нынче в России, имеет всемирно великое историческое значение»¹. В другой, опубликованной две недели спустя передовице, озаглавленной «Россия и Европа», газета «Рабочнически вѣстникъ» подчеркивала, что именно русский пролетариат стал отныне знаменосцем мира, демократии и социализма. «Русский пролетариат, — писала газета, — сверг абсолютизм и превратил Россию из крепости европейской реакции, какой она была, в крепость европейской демократии и революции... Русский революционный пролетариат занял передовую позицию в общем международном рабочем движении за социализм... Своей борьбой русский пролетариат обостряет классовые противоречия и толкает вперед классовую борьбу в капиталистическом мире. Сбываются старые пророческие слова о том, что „свет придет с востока“»².

* * *

Огромное влияние на болгарский народ оказала борьба советского правительства за мир, которого добивались измученные и истрадавшие от долгодетних лишений трудящиеся. Победа Октябрьской революции открыла для народов воюющих стран новые горизонты. Борьба за мир, начатая советским правительством с первых дней его существования, создавала благоприятные возможности и для борьбы болгарского демократического лагеря за мир, за окончание войны, за избавление от империалистического гнета.

Написанный В. И. Лениным, утвержденный 8 ноября 1917 г. II съездом Советов и переданный в тот же день по радио, декрет о мире был немедленно принят болгарскими солдатами-радиотелеграфистами. Декрет предлагал всем народам и правительствам воюющих стран немедленно приступить к заключению демократического мира, мира без аннексий и контрибуций³.

Передовой отряд болгарского пролетариата — партия тесняков немедленно выступила с поддержкой предложений советского правительства о заключении мира между воюющими странами. По поручению ЦК тесняков, декрет был переведен на болгарский язык, отпечатан и распространен в большом количестве в тылу и на фронте.

Тесняки развернули большую агитационно-пропагандистскую деятельность в связи с мирными предложениями Советской России. Газета «Рабочнически вѣстникъ» почти ежедневно печатала статьи и материалы о борьбе советского правительства за мир. Газета подчеркивала, что «первое слово Петрограда — есть мир»⁴. Через четыре дня после опубликования декрета о мире газета «Рабочнически вѣстникъ» в передовой статье под заглавием «Предложение мира» писала:

«Предложение о мире, выдвинутое новым революционным русским правительством, является актом великого исторического значения. Этим предложением Россия окончательно порывает с империалистической политикой и уничтожает все сомнения других воюющих стран в отношении миролюбивого характера политики революционной России»⁵. Далее в статье излагалось предложение Советского правительства о заключении немедлен-

¹ „Рабочнически вѣстникъ“, 12.XI 1917 г.

² Там же, 29.XI 1917 г.

³ См. В. И. Ленин. Соч., т. 26, стр. 217—221.

⁴ „Рабочнически вѣстникъ“, 17.XI 1917 г.

⁵ Там же, 13.XI 1917 г.

ного мира без аннексий и контрибуций. В заключение подчеркивалось, что Советское правительство обращается с предложением о мире не только к правительствам, но и к народам, и выражает надежду, что в своем стремлении к миру оно будет поддержано сознательными рабочими. Последнее, говорило Советское правительство, «... своей мощной энергией и самопожертвованием помогут нам довершить дело мира и освободить от эксплуатации все трудящиеся классы»¹.

Газета «Рабочнически вѣстникъ» популяризировала мероприятия Советского правительства в его благородной борьбе за мир. Она публиковала призывы Советского правительства открыть переговоры о перемирии и мире, печатала информацию об опубликовании Народным комиссариатом иностранных дел РСФСР тайных договоров, разоблачивших империалистическую политику европейских буржуазных правительств.

Во время переговоров в Брест-Литовске газета тесняков продолжала разъяснять внешнюю политику Советского правительства, «разоблачая грабительские цели и политику империалистической коалиции центральных держав. В эти дни газета писала: «Болгарский народ никогда не забудет того, что великая революционная и социалистическая Россия первая подала ему братскую руку мира и решительно положила начало спасению и его и всего мира от ужасов войны»². Орган тесняков подчеркивал демократические принципы советской внешней политики. «Революционная Россия, — писала газета «Рабочнически вѣстникъ», — дала балканским народам и народам всего мира великий пример. Она отказалась от вмешательства и признала за малым народом — болгарским народом — право самостоятельно распоряжаться своей судьбой... Балканские народы ныне... могут смело рассчитывать на ее мощную поддержку в своем стремлении к демократии и национальной независимости»³.

В то же время газета тесняков разоблачала происки империалистов США и Антанты, отвергнувших советское предложение о заключении мира без аннексий и контрибуций. В передовой статье «Россия и мир» указывалось, что «... капиталистические правительства Англии, Франции, Италии и Америки... не только не приняли русского предложения о перемирии и не начали переговоров о мире, но даже не ответили на это предложение. Таким образом, империалистические правительства западных держав сами сбросили с себя маску. Они не хотят признать истинно революционное правительство русских рабочих и крестьян, русского народа. Они не хотят позвать протянутую русским народом руку мира, они не хотят дать своим народам мир»⁴. Одновременно газета разоблачала также и грабительский германский империализм. Возмущаясь срывом мирных переговоров и наступлением, предпринятым германскими империалистами в феврале 1918 г. на молодую Советскую республику, газета тесняков клеймила германский империализм и поддерживавших его правых немецких социал-демократов.

Борьбу за заключение справедливого мира на основе предложений Советского правительства тесняки проводили и с парламентской трибуны. Уже через несколько дней после опубликования Советским правительством декрета о мире фракция тесняков в Народном собрании послала главе правительства и председателю Народного собрания резолюцию. В этой резолюции тесняки настаивали на немедленном созыве Народного собрания

¹ «Рабочнически вѣстникъ», 13.XI 1917 г.

² Там же, 30.XII 1917 г.

³ Там же, 31.XII 1917 г.

⁴ Там же, 3.XII 1917 г.

с целью обсуждения «... предложения русского революционного правительства о перемирии и мире»¹.

Фракция тесняков, пропагандируя лозунги Октябрьской революции (в первую очередь лозунг мира), добивалась в Народном собрании, чтобы правительство Болгарии приняло мирные предложения советского правительства. «Наши товарищи в России, — заявил Д. Н. Благоев в Народном собрании 10 декабря 1917 г., — которые находятся в настоящее время у власти, предлагают определенные условия мира без аннексий и контрибуций, с правом угнетенных народов самим определять форму правления»².

Поддерживая справедливые и благородные мирные предложения советского правительства во время переговоров в Брест-Литовске и противопоставляя их захватнической политике австро-германской коалиции, депутаты тесняки — Д. Благоев, Г. Кирков, Г. Димитров, В. Коларов в своих выступлениях в Народном собрании осуждали антисоветскую политику болгарского буржуазного правительства Радославова. Г. Кирков в одном из своих выступлений в Народном собрании (15 февраля 1918 г.) заявил по адресу правительства Радославова: «... хотя вы угрожаете большевизму, вы не можете ничего сделать, ибо большевизм во всем мире не есть нечто случайное, не есть что-то выдуманное; большевизм есть не что иное, как социализм. Он выношен широкими массами. Социализм ныне остался единственной надеждой обездоленных народов, и только посредством него они добьются прочного мира, а не посредством карикатуры, которую вы сочинили в Брест-Литовске»³.

Тесняки предупреждали, что если правительство не заключит мир на основе предложений Советской России, Болгарию ожидает катастрофа⁴.

Однако болгарское правительство Радославова, стремившееся во что бы то ни стало провести аннексионистскую программу великоболгарских шовинистов и превратить Болгарию в гегемона на Балканах, и слышать не хотело о мире без аннексий и контрибуций⁵. Мир, подписанный 3 марта 1918 г. в Брест-Литовске, приостановил для Болгарии военные действия лишь на румынском фронте. На основном для Болгарии фронте — Салоникском — война продолжалась.

* * *

Под влиянием Великой Октябрьской социалистической революции партия тесняков активизировала всю практическую деятельность.

Прежде всего агитация и пропаганда тесняков приняли более действенный, более революционный характер. Если раньше тесняки свой основной лозунг — лозунг борьбы за мир — не связывали с необходимостью превращения войны империалистической в войну гражданскую, направленную против своих эксплуататоров и угнетателей, то после Октябрьской революции они подчеркивали, что путь к миру лежит через революцию.

¹ „Дневници на XVII-то О. Н. С...“, IV р. с., кн. 1, стр. 145.

² Там же, стр. 219.

³ Там же, кн. 2, стр. 1043.

⁴ См., например, выступление Д. Н. Благоева от 30 января 1918 г. („Дневници на XVII-то О. Н. С...“, IV и. с., кн. 1, стр. 818).

⁵ Первый болгарский делегат на конференции в Брест-Литовске министр юстиции Христо Попов, отрицая настроения буржуазно-шовинистических кругов Болгарии, отказался даже на словах согласиться с советской формулой мира (см. Макс Гофман. Записки и дневники. 1914—1918, Л., 1924, стр. 121).

2 Ученые записки, т. V

Самая борьба тесняков за мир приняла более конкретный характер. От абстрактного лозунга мира они перешли к популяризации мирных предложений советского правительства, к широкой пропаганде выдвинутого большевиками лозунга о мире без аннексий и контрибуций.

Большое значение для развития революционной борьбы в Болгарии имели массовые митинги, проведенные тесняками в начале декабря 1917 г. в Софии, Сливене, Стара-Загоре и других городах¹. По некоторым сведениям, на митинге, состоявшемся 2 декабря в Софии, присутствовали более 10 тыс. человек² — главным образом рабочие, женщины, солдаты-отпускники. Полиция, несмотря на военное положение в стране, не посмела разогнать огромную массу собравшихся. На митинге выступили Д. Н. Благоев, Г. М. Димитров и Хр. Кабакчиев, которые выдвинули лозунги мира, поддержав мирные предложения советского правительства. Закрывая митинг, Д. Н. Благоев сказал:

«Будьте бдительны и наготове, когда мы призовем вас! Борьба продолжается!»³

В резолюции, принятой на митинге в Софии, говорилось, что победа социалистической революции в России является для международного пролетариата сигналом «... к решительной борьбе за свержение капиталистических правительств и овладение политической властью. Собрание, убежденное в том, что оно выражает желание пролетариата и громадной подавляющей части болгарского народа, посылает самые горячие братские поздравления русскому пролетариату и заявляет, что болгарские рабочие и работницы считают дело русского пролетариата своим собственным делом и готовы приложить все усилия в целях полного его торжества». Отмечая далее, что собрание с восторгом поддерживает предложение русского революционного социалистического правительства о немедленном заключении перемирия и мира, резолюция указывала: «Немедленное перемирие и заключение мира являются самым горячим желанием широких рабочих и народных масс. Собрание требует от болгарского правительства принятия русского предложения и... открытия переговоров об общем мире без аннексий и контрибуций, на основе права народов на самоопределение». В резолюции указывалось, что «... мир без аннексий, гарантирующий право на национальное самоопределение, возможен на Балканах только с уничтожением нынешнего буржуазно-монархического режима в балканских странах...». В заключение резолюции следовали лозунги: «Да здравствует русская рабочая революция! Да здравствует интернациональная массовая борьба за мир!.. Да здравствует социалистический мир!»⁴

Резолюция эта под заголовком «Русская революция и мир» была напечатана в тысячах экземпляров и широко распространена внутри страны и на фронте⁵. Она была зачитана Д. Н. Благоевым на заседании XVII обыкновенного Народного собрания 3 декабря 1917 г.⁶

¹ См. „Дневници на XVII-то О. Н. С...“, IV р. с., кн. 1, стр. 148; Д. Благоев. Отчет на централния комитет на работническа социал-демократическа партия в България, София, 1919, стр. 4.

² См. „Дневници на XVII-то О. Н. С...“, IV р. с., кн. 1, стр. 148.

³ Хр. Халачев. Указ. соч., стр. 135.

⁴ См. „Известия на българското историческо дружество“, кн. XXII—XXIV, София, 1948, стр. 451—452.

⁵ Там же, стр. 450.

⁶ См. „Дневници на XVII-то О. Н. С...“, IV р. с., кн. 1, стр. 148.

Наряду с резолюцией Софийского митинга от 2 декабря партия тесняков распространяла в стране нелегальными и полулегальными путями прокламации, призывы и брошюры (оригинальные и в переводе с русского языка), которые знакомили болгарский народ с событиями в России, с лозунгами Октябрьской революции, с борьбой советского правительства за мир и призывали поддержать эту борьбу.

Важную роль сыграло историческое воззвание ЦК партии тесняков, написанное и распространенное тотчас же после Октябрьского переворота. Это воззвание, под заглавием «Призыв к рабочим и мелким собственникам в городах и селах», было распространено в огромном для болгарских масштабов числе — 10 тыс. экземпляров — в тылу и на фронте¹. О широком распространении возвания свидетельствует также факт наличия различных редакций этого документа, что, вероятно, было вызвано переписыванием этого возвания от руки².

В возвании говорилось, что болгарский народ должен последовать примеру русского народа, ибо «кровь, которую он (болгарский народ. — М. Б.) проливал, жертвы, которые он понес, муки, лишения и страдания, которые он переживает, могут быть искуплены только по примеру русского народа — через свержение монархии и провозглашение Болгарии демократической республикой».

В заключение воззвание призывало:

«В этот решительный момент болгарский пролетариат, как наиболее сознательная часть болгарского народа, должен поднять свой голос и по примеру своих русских братьев первым решительно и смело подняться на борьбу. Эта борьба неизбежно завершится полной победой народа над его угнетателями и эксплуататорами, полной победой революционного социализма над капитализмом, над политическим и экономическим рабством! Заря социализма и свободы взойдет!»³

Тесняки распространяли также в переводе на болгарский язык обращение советского правительства от 19 декабря 1917 г., известное под названием «К трудящимся, угнетенным и обескровленным народам Европы»⁴. Последнее было обнаружено болгарской охранкой в январе 1918 г. в Бургасе и других городах Болгарии, а также во многих, расположенных в Македонии болгарских частях⁵.

Партия тесняков распространяла изданный большевиками призыв «К рабочим всех стран». Обращение это рассказывало о переходе в России власти в руки рабочих и призывало поддержать «призыв красного Петрограда и выступить на поддержку русской революции»⁶. Распространялась также брошюра тесняков «Путь к миру и Балканская федеративная республика», которая заканчивалась следующими словами: «Русские рабочие и крестьяне выступили первыми. . . , долг пролетариата балканских стран

¹ В. Коларов. Влияние на Октомврийската революция в България. („С перо и слово за Българо-съветска дружба“, София, 1947, стр. 197).

² Кроме ранее опубликованного в сборнике „БРП(к) в революция. . .“ (т. I, стр. 417—423) текста возвания, болгарским историком Хр. Христовым найдена в архиве новая редакция этого возвания (см. „Известия на българското историческо дружество“, кн. XXII—XXIV, стр. 452—457).

³ „БРП(к) в революция. . .“, т. I, стр. 420.

⁴ См. „История дипломатии“, т. II, М., 1945, стр. 315.

⁵ „Известия на българското историческо дружество“, кн. XXII—XXIV, стр. 451.

⁶ „Българска комунистическа партия (тѣсни социалисти). Кореспонденция за партийни другари“, № 5, 19. III 1920 г., стр. 9.

подняться, продолжить и завершить дело русской революции»¹. В брошюре «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» тесняки призывали болгарский народ последовать примеру русских братьев².

Воззвания и брошюры распространялись нелегально специальными группами или отдельными членами тесняцкой партии. Одной из таких групп, с центром деятельности в Стара-Загоре, руководил депутат Народного собрания К. Ципоранов. В нее входили тесняки, проживавшие в городах и селах Южной Болгарии (Стара-Загора, Нова-Загора, Копрившница, Чирпан, Габрово, Златица, а также в селах — Енина, Съединение и других селах Чирпанской, Стара-Загорской, Казанлыкской, Нова-Загорской областей). О деятельности этой группы вскоре стало известно полиции. Во время распространения среди населения четырех воззваний («К рабочим и мелким крестьянам городов и сел», «К рабочим всех стран», «Призыв к трудящимся, угнетенным и обескровленным народам Европы», «Путь к миру и Балканская федеративная республика»³) тесняки из Стара-Загорской группы были арестованы⁴.

Наряду со Стара-Загорской группой действовали и другие группы тесняков. Известно, что в конце 1917 г. существовал кружок телеграфистов Софии, а также нелегальные организации в 21-м полку, в 1-м горном полку и других⁵. Весной 1918 г. агитацией и распространением нелегальных листовок среди трудящихся города Сливена и среди солдат частей, расположенных вблизи города, занимались несколько членов партии тесняков, позднее арестованных полицией⁶. В Бургасе за распространение нелегальных воззваний и брошюр, в которых трудящиеся призывались к революции по примеру России, в январе 1918 г. была также арестована группа тесняков⁷.

За антиправительственную и антивоенную деятельность было арестовано значительное число тесняков и в ряде других городов Болгарии⁸.

Тесняки, привыкшие до войны к легальной агитационно-пропагандистской и парламентской деятельности, не были подготовлены к нелегальной борьбе. В связи с этим они не сумели создать боевой и разветвленной нелегальной организации, какая была у большевиков. Тем не менее деятельность отдельных тесняцких групп и членов партии как в тылу, так и на фронте направлялась партийным руководством из Софии, куда приезжали за получением инструкций и литературы представители с мест. Многие руководители партии тесняков лично занимались распространением нелегальной литературы, как, например, секретарь ЦК Георгий Кирков⁹, депутаты Народного собрания Тодор Луканов, Коста Ципоранов¹⁰, Тодор Петров¹¹, Василь Мулетаров и другие.

¹ „Българска комунистическа партия (тесни социалисти). Кореспонденция за партийни другари“, № 5, стр. 10.

² См. „Дневници на XVII-то О. Н. С. . .“, IV в. с., стр. 24.

³ См. „Българска комунистическа партия (тесни социалисти). Кореспонденция за партийни другари“, 19. III 1920 г., № 5, стр. 9; „Дневници на XVII-то О. Н. С. . .“, IV р. с., кн. 2, стр. 1314.

⁴ См. „Кореспонденция за партийни другари“, № 5, стр. 12.

⁵ См. там же, стр. 16.

⁶ См. там же, стр. 14—15.

⁷ См. там же, стр. 13.

⁸ См. „Работнически вѣстник“, 9. XI 1921 г.

⁹ См. Хр. Христов. Влиянието на Великата Октомврийската революция в България, „Исторически преглед“, година шеста, 1949—1950, кн. 1, стр. 64.

¹⁰ См. „Дневници на XVII-то О. Н. С. . .“, IV р. с., стр. 31.

¹¹ См. там же, I р. с., кн. 1, стр. 143.

Огромную роль в борьбе против империализма и войны играл один из руководителей партии Г. М. Димитров¹.

В конце 1917 г. Г. М. Димитров добился, как депутат Народного собрания, разрешения на поездку в прифронтовую полосу (в Западную Фракию и Македонию) под предлогом обследования положения рабочих-табачников Ксанти и Драмы. Прибыв в Ксанти, Г. М. Димитров организовал там демонстрацию против войны и помог восстановить профсоюзную организацию². В Дrame по инициативе Г. М. Димитрова был открыт рабочий клуб³. Далее Г. М. Димитров направился на линию фронта. Фронтное командование было предупреждено о прибытии в этот район столь опасного «гостя». Однако благодаря умелой конспирации, при содействии революционно настроенных солдат, обслуживающих транспорт и органы связи, Г. М. Димитров проник в район фронта. Здесь он провел нелегальное совещание солдат-тесняков, на котором информировал их о международном положении, о директивах ЦК партии тесняков, рассказал собравшимся о происшедшей в России Великой Октябрьской социалистической революции⁴.

Самоотверженной революционной деятельностью Г. М. Димитров вызвал особую ненависть со стороны болгарской буржуазии. Г. М. Димитрову стали чинить препятствия в его деятельности на посту депутата Софийского муниципалитета и руководителя союза шахтеров Перника⁵. Позднее, летом 1918 г., Г. М. Димитров был арестован. В качестве предлога для ареста был использован инцидент, случившийся в поезде еще 17 августа 1917 г., когда Г. М. Димитров заступился за инвалида войны, на которого набросился полковник. По обвинению в подстрекательстве к неповиновению начальству, а фактически за революционную деятельность, Г. М. Димитров был приговорен к трем годам строгого тюремного заключения и посажен 29 августа 1918 г. в Софийскую центральную тюрьму⁶.

Большое агитационное значение имела деятельность небольшой фракции тесняков в Народном собрании. Депутаты-тесняки выступали с разоблачением шовинистической и националистической политики правительства Радославова и фактически поддерживавших его оппозиционных буржуазных и мелкобуржуазных партий.

Представители партии тесняков (Г. Кирков, Г. Димитров, В. Коларов, Хр. Кабакчиев, Т. Петров и др.) в своих выступлениях требовали установления 8-часового рабочего дня, издания законов, направленных на удовлетворение интересов широких трудящихся масс, настаивали на выполнении и проведении в жизнь изданных ранее законов, в той или иной степени охранявших интересы трудящихся⁷. Они разоблачали демагогию болгарских социал-предателей — «широких» социалистов, являвшихся верными слугами болгарской буржуазии⁸.

¹ См. Хр. Христов. Указ. статья, стр. 66.

² См. С. Благоева. Георгий Димитров, М., 1937, стр. 20.

³ Др. Коджейков. Спомени за Георги Димитров. („Георги Димитров. 65 години от рождението му“, София, 1947, стр. 164).

⁴ См. С. Благоева. Указ. соч., стр. 20.

⁵ См. „Работнически вѣстник“, 13, 15.IV 1918 г.; „Исторически преглед“, 1949—1950, кн. 1, стр. 65.

⁶ См. „Българска комунистическа партия (тѣсни социалисти). Кореспонденция за партийни другари“, 19.III 1920 г., № 5, стр. 4—7.

⁷ См., например, выступление Г. М. Димитрова 18 февраля 1918 г. („Дневници на XVII-то О. Н. С. . .“, IV р. с., кн. 2, стр. 1065).

⁸ „Дневници на XVII-то О. Н. С. . .“, IV р. с., кн. 2, стр. 1414.

Правительство подвергало членов партии тесняков жестоким преследованиям, арестовывало депутатов тесняков, несмотря на их депутатский иммунитет. В течение 1918 г. были арестованы и посажены в тюрьмы, кроме Г. М. Димитрова, также Тодор Луканов, Коста Ципоранов, подвергался аресту Тодор Петров. Тем не менее фракция тесняков продолжала мужественно бороться в парламенте, отстаивая интересы трудящихся масс.

Огромную роль в проведении антивоенной и антиимпериалистической агитации тесняков играла попрежнему газета «Работнически вѣстник».

В газете печатались отдельные произведения и выступления В. И. Ленина¹, а также статьи о В. И. Ленине, о разрешении в Советской России национального вопроса, о культурном строительстве, об организации учебного дела² и т. д. Тесняки осуждали в своих статьях Каутского и других социал-предателей за их выступления против русской революции³. Разоблачая происки международного империализма, газета «Работнически вѣстник» перепечатывала некоторые статьи из советских газет (с трудом доходивших до Болгарии), как, например, статью Керженцева из газеты «Известия» о грабительской и захватнической политике империалистов Германии, США и Японии⁴.

Великая Октябрьская социалистическая революция оказала огромное влияние и на перестройку идеологических основ партии тесняков. Весной 1918 г., следуя примеру большевиков, тесняки начали в своем органе поднимать вопрос о переименовании партии в коммунистическую, чтобы таким образом подчеркнуть полный разрыв с социал-шовинистами⁵.

В этот же период в газете «Работнически вѣстник» были напечатаны статьи: «Капитализм или социализм», «Буржуазная демократия», «Капитализм», «Демократия и социализм» и др.⁶, в которых разоблачалась истинная сущность буржуазной демократии и отмечалась необходимость установления диктатуры пролетариата. Так, например, в последней из указанных статей говорилось, что «... буржуазная демократия стала тормозом для развития новой, истинной, рабочей демократии»⁷.

Под влиянием работы В. И. Ленина «Империализм, как высшая стадия капитализма» в мае—июле 1918 г. в газете «Работнически вѣстник» была опубликована серия статей Д. Н. Благоева: «Что такое империализм?», «Экономика империализма», «Банки и их роль», «Финансовый капитал», «Вывоз капитала», «Концентрация производства», «Финансовый капитал и колониальная политика», «Сущность полемики об империализме»⁸. В этих статьях автор, излагая содержание работы В. И. Ленина, называл точку зрения Каутского неправильной, не марксистской⁹. Однако Благоев в своем анализе не подчеркивал важнейшего вывода, сделанного В. И. Лениным, о том, что империализм есть умирающий капитализм, что империализм есть канун социалистической революции. Это отражало взгляды тесняков, не рассматривавших в это время проблему революции в Болгарии как про-

¹ См. напр., «Работнически вѣстник», 15.XI 1917 г., где дается подробное, иногда дословное, изложение работы В. И. Ленина «Кризис назрел» (Соч., т. 26, стр. 55—59).

² См. там же, 15.XI, 7, 13, 19, 21.XII 1917 г., 16, 18, 25.III 1918 г.

³ См. там же, 30.III, 13, 14 и 15.V 1918 г.

⁴ См. там же, 17.IV 1918 г.

⁵ См. там же, 1.V 1918 г.

⁶ См. там же, 2.II, 4, 5, 6.IV, 31.V, 1, 11.VI 1918 г.

⁷ Там же, 11.VI 1918 г.

⁸ См. там же, 11, 16, 20, 23, 29.V, 10, 17, 26.VI, 7.VII 1918 г.

⁹ Там же, 7.VII 1918 г.

блему сегодняшнего дня. Благоев не соглашался также с оценкой, которую дал В. И. Ленин Каутскому, как сознательному искажителю марксизма.

Непонимание Благоевым значения борьбы В. И. Ленина против Каутского в вопросе об империализме свидетельствовало о том, что хотя тесняки выступили с поддержкой Октябрьской революции и большевистской партии, однако они в это время не понимали еще всей глубины пропасти, отделявшей большевиков от социал-демократии. Тесняки не смогли сразу разобраться в уроках Октябрьской революции для международного рабочего движения и не сумели в это время творчески воспринять опыт революции в России, в частности в вопросах тактики, в отношении к крестьянству и т. д. Все это мешало им быстро стать настоящей боевой партией, партией нового типа.

Тем не менее, несмотря на существенные недостатки в деятельности партии тесняков, распространение тесняками идей и лозунгов Великой Октябрьской социалистической революции имело огромное значение для революционирования трудящихся масс Болгарии.

Правительство Радославова, почувствовав угрозу со стороны партии тесняков, усилило репрессии по отношению к ней.

Вся полиция была поставлена на ноги в целях борьбы с тесняками. Народный дом в Софии, где помещалось руководство партии, был окружен шпионами и агентами, следившими за каждым шагом всех посещавших этот дом¹. Была также усилена цензура. Кроме официальной цензуры в центре, в январе 1918 г. была учреждена дополнительная цензура на местах. Согласно распоряжению от 27 января 1918 г. военным комендантам городов и железнодорожных станций вменялось в обязанность контролировать содержание газет и изданий и по собственному усмотрению решать вопрос о возможности распространения этих газет на подведомственной им территории².

Депутаты партии тесняков в своих выступлениях в 1917—1918 гг. неоднократно протестовали против жестокой цензуры. Так, например, Д. Н. Благоев в речи от 10 декабря 1917 г. в Народном собрании отмечал: «Мы имеем цензуру, которая абсолютно ничего не разрешает писать... Всякое слово объявляется бунтовщичеством»³.

В результате жестокой цензуры газета «Работнически вѣстникъ» стала почти каждый раз выходить с белыми полосами; редакция вынуждена была часто заполнять их различными объявлениями. Такими объявлениями были заполнены, в частности, места для передовиц в номерах газеты от 4, 15. XII 1917 г., 6. II, 5. III, 1. IV 1918 г. и другие. Иногда эти объявления занимали всю или почти всю первую страницу газеты⁴.

В феврале 1918 г. выпуск газеты «Работнически вѣстникъ» был запрещен почти на три недели, а члены редакции были отданы под суд⁵.

Несмотря на преследования, партия тесняков развернула значительную революционную деятельность. Тираж газеты «Работнически вѣстникъ» после Октябрьской революции резко вырос. Если в мае 1917 г. число постоянных подписчиков газеты было равно 3—4 тыс., то в начале декабря

¹ См. „Дневници на XVII-то О. Н. С...“, IV р. с., кн. 2, стр. 863; „Ново време“, 1919, кн. X—XI, стр. 246.

² См. „Дневници на XVII-то О. Н. С...“, IV р. с., кн. 2, стр. 1104.

³ Там же, кн. 1, стр. 224.

⁴ См. „Работнически вѣстникъ“, 5, 6.IV, 30.V, 4, 5, 18, 27.VI 1918 г.

⁵ См. „Дневници на XVII-то О. Н. С...“, IV р. с., кн. 2, стр. 1020; „Работнически вѣстникъ“, 1.III 1918 г.

1917 г. оно достигло 12 тыс. человек, а в середине марта 1918 г. — 16 тыс.¹ Влияние и авторитет партии в глазах трудящихся масс непрерывно росли.

Октябрьская революция сыграла огромную роль в развязывании революционной инициативы у местных организаций и групп, а также отдельных членов теснящей партии, находившихся по большей части в армии.

* * *

Проникновение большевистских идей в болгарскую армию началось еще до Октябрьской революции.

Значительное влияние оказали на болгарских солдат русские солдаты из частей, расположенных на Румынском фронте. Между болгарскими и русскими солдатами усиливалось братание. Русские солдаты выставляли плакаты, на которых было написано: «Братья болгары, низвергните Вильгельма и Фердинанда, которые с Николаем пьют чай, а мы здесь деремся. Николая уже нет. Приходите к нам»².

Среди болгарских солдат распространялись и воззвания, написанные от руки русскими солдатами³. В одном из таких воззваний русские солдаты призывали болгарских солдат стать гражданами свободной Болгарии: «Откликнитесь на наш зов — и скажите все в один голос: долой Вильгельма и Фердинанда. . . пора кончать войну. Ведь война нужна одним немцам да еще купцам. Мы своего царя убрали. . . вы сделайте то же со своим Фердинандом, ведь он у вас немец и играет [на руку]⁴ Вильгельму. Идите к нам, братушки, верно, так будет лучше.

Ваши братья по вере русские»⁵.

Среди болгарских солдат на Румынском фронте летом 1917 г. распространялись и болгарские листовки, в которых отражалось влияние революционных событий в России⁶.

Великая Октябрьская социалистическая революция, провозглашенные ею лозунги мира вызвали небывалый энтузиазм среди солдат болгарской армии. Один из бывших фронтовиков так описывает впечатление, произведенное Октябрьской революцией на болгарских солдат: «В начале ноября до нас дошла большая новость о победе Великой Октябрьской социалистической революции в России! . . . Мы, фронтовые солдаты, встретили эту новость с огромной радостью. Победа русских рабочих и крестьян была и нашей победой — победой всех, кто жаждал мира, человеческой жизни и, в особенности, тех, кто поднялся вслед за ними на борьбу. . . Что власть в России перешла в руки истинно рабоче-крестьянского правительства — это увидел и почувствовал каждый простой солдат уже на другой день после победы большевиков. . . Мир! — в первый раз за эти три страшных года антинародной войны мы, измученные в окопах, облитые кровью солдаты услышали это священное слово из уст одного правительства. Этого одного уже было достаточно, чтобы глубоко почувствовать, что Советское

¹ См. Д. Благоев. Отчет на центральный комитет на работническа социал-демократическа партия. . . , стр. 6.

² Хр. Христов. Указ. статья, стр. 56.

³ См. там же, стр. 56—57.

⁴ В тексте сказано: в руке.

⁵ Там же, стр. 57.

⁶ Там же.

правительство — особенное правительство, что оно коренным образом отличается от всех других правительств, что это наше правительство — правительство рабочих и крестьян»¹.

Весть о призыве советского правительства заключить мир быстро облетела всю болгарскую армию. Мирные предложения советского правительства стали центральной темой разговоров среди болгарских солдат, измученных многолетней войной. Болгарские солдаты говорили: «Теперь-то мы увидим, что собой представляют наши правители. Чего еще желать? Люди предлагают мир на основе уважения свободы и прав всех народов. Если не будет принято предложение большевиков, то не сносить головы нашим министрам и генералам!»² В болгарских окопах появились многочисленные надписи: «Конец войне, мы требуем мира! Да здравствуют бра-тушки, да здравствуют большевики!»³

Подписание 15 декабря 1917 г. перемирия в Брест-Литовске усилило братания между болгарскими и русскими солдатами на Румынском фронте. Русские солдаты распространяли в болгарской армии различную революционную литературу⁴.

Лозунги Октябрьской революции проникали в болгарскую армию и через передачи московского радио, которое тайком слушали болгарские солдаты-радиотелеграфисты. Последние принимали также радиопередачи русских солдат-радиотелеграфистов и распространяли дальше полученные ими новости из России⁵. Главный штаб действующей армии Болгарии еще в телеграмме за № 9120 от 24 февраля 1918 г. командиру 3-й армии, находившейся на Румынском фронте, предписывая бороться всеми средствами с «распространением большевизма у нас», указывал на необходимость воспрепятствования получению в армии «радиотелеграмм, которые с агитационной целью передаются из России»⁶.

После подписания Брестского мира войска 3-й Болгарской армии были переброшены на Македонский фронт, где солдаты этой армии оказали революционизирующее влияние на другие части болгарской армии.

Неутомимыми пропагандистами идей и лозунгов Октябрьской революции в болгарской армии были мобилизованные в армию тесняки, деятельность которых после Октябрьской революции сильно активизировалась. Находившиеся в армии члены партии тесняков во время отпусков или командировок стремились заехать в Софию, чтобы получить у ЦК указания и нелегальную литературу.

Нелегальные воззвания писались также и самими солдатами-тесняками, находившимися в армии. Так, например, в начале декабря 1917 г. в 57-м полку были найдены три нелегальных воззвания. Эти воззвания, написанные рядовым солдатом-тесняком, подвергнутым за это аресту, призывали покончить с войной⁷.

¹ Хр. Халачев. Бунтът в 28 пехотен полк, стр. 129—130.

² Там же, стр. 131.

³ Там же.

⁴ См. Хр. Христов. Указ. статья, стр. 58.

⁵ См. Д. Коджейков. Руската революция и спомени на един телеграфист, „Пошеница“, 1950, кн. 5, стр. 4.

⁶ См. Хр. Христов. Указ. статья, стр. 59.

⁷ См. „Дневници (стенографски) на деветнадесето обикновено Народно Събрание, Трета редовна сесия. Приложение. Доклад на парламентарната изпитателна комисия за анкетиране управлението на бившия кабинет Ал. Малинов — Ст. Костурков“, София, 1923, стр. 50. (В дальнейшем, сокращенно: Доклад на парламентарната комисия. . .)

Большое революционизирующее влияние на солдат оказывала газета «Работнически вѣстникъ». После Октябрьской революции влияние газеты «Работнически вѣстникъ» заметно выросло.

О росте влияния партии тесняков и газеты «Работнически вѣстникъ» среди солдат свидетельствовали даже донесения командного состава армии. Командир 2-й пехотной дивизии, описывая в одном из докладов в феврале 1918 г. моральное состояние вверенной ему части и констатируя чрезвычайный рост влияния газеты «Работнически вѣстникъ», отмечал, что во многих ротах около 50% солдат является подписчиками этой газеты. Он просил главное командование запретить публикацию новостей об успехах Советской России и вообще доставку газеты «Работнически вѣстникъ» на фронт¹. Популярность газеты «Работнически вѣстникъ» среди солдат была засвидетельствована и главнокомандующим генералом Жековым, сообщавшим в письме от 25 марта 1918 г., что в 1-й Болгарской армии газета «Работнически вѣстникъ» получалась в количестве 969 экз., в то время как орган главного командования — «Военные известия» — в 772 экз., а органы буржуазных и мелкобуржуазных партий в еще меньшем количестве².

Солдаты видели в газете «Работнически вѣстникъ» защитника своих интересов и возмущались клеветнической кампанией, проводимой буржуазной печатью Болгарии по адресу тесняков и большевиков. В одном из писем, посланных в редакцию буржуазной газеты «Радикал», солдаты писали: «Господин редактор, предупреждаем через Вас всю черносотенную клику, чтобы Вы не смели распространять гнусности в адрес нашей партии»³. Далее солдаты предупреждали реакционеров, чтобы они не пытались задуть большевизм в Болгарии, и грозили в противном случае не оставить камня на камне от буржуазного государства⁴.

Под влиянием Октябрьской революции, ее идей, распространявшихся тесняками, политическая активность солдатской массы значительно возросла. Если в предыдущий период недовольство болгарских солдат проявлялось в основном в форме дезертирства, то в конце 1917 г., под влиянием воздействия событий в России и усилившейся агитации тесняков в болгарской армии участились волнения. В конце 1917 г. имело место выступление солдат 8-го Приморского пехотного полка, которое возглавлял унтер-офицер, член партии тесняков, бывший портовый рабочий города Варны⁵.

Одним из крупнейших солдатских волнений этого периода было выступление солдат 28-го Струмицкого пехотного полка в начале января 1918 г. В полку еще в 1917 г., по инициативе группы солдат, членов партии тесняков, были созданы нелегальные ротные и батальонные комитеты с полковым комитетом во главе⁶.

Большое впечатление на солдат 28-го полка произвело сообщение о состоявшемся в начале декабря 1917 г. антивоенном митинге в Софии, весть о котором разнесли по всем частям солдаты-отпускники, вернувшиеся

¹ См. «Военен журнал», 1947, № 8, стр. 29.

² См. там же; «Исторически преглед», 1949—1950, кн. 1, стр. 68.

³ Л. Малеев. Приносъ към истината за катастрофата на България през септември 1918 година, София, 1921, стр. 250.

⁴ См. Л. Малеев. Указ. соч., стр. 250.

⁵ См. Хр. Халачев. Указ. соч., стр. 161, 198.

⁶ См. Хр. Халачев. Указ. соч., стр. 115—118.

на фронт¹. Полученный в начале января 1918 г. солдатами 28-го полка призыв заграничного комитета большевиков, призывавший не только сочувствием, а делом поддержать борьбу русских рабочих, крестьян и солдат, был распространен в большом количестве во всех ротах и взводах 28-го полка². Солдаты начали готовиться к выступлению.

9 января 1918 г. солдаты организованно отказались подчиниться приказу о подготовке бессмысленного наступления³. Растерявшееся начальство первоначально не решалось ничего предпринять. Затем, воспользовавшись недостаточной решительностью руководителей выступления, полковое начальство арестовало 18 января организаторов солдатского выступления⁴. 24 руководителя солдатского выступления были преданы суду, более 300 рядовых участников выступления — переведены в штрафные батальоны⁵.

Первоначально военное командование было намерено расстрелять руководителей восстания 28-го полка. Вмешательство руководства партии тесняков предотвратило зверскую расправу реакции над руководителями восстания⁶.

В конце 1917 — начале 1918 г. в болгарской армии также начали создаваться руководимые тесняками солдатские комитеты. Об этом свидетельствует и чрезвычайно важный документ — листовка-газета «Правда», — найденный болгарской полицией в начале февраля 1918 г. в Главной артиллерийской мастерской в Софии⁷. В этой листовке, отпечатанной на гектографе, имелся следующий подзаголовок: «Правда № 51. Газета солдатских, рабочих и крестьянских революционных Советов Болгарии (наподобие таких же русских)». В листовке рассказывалось о борьбе русского революционного правительства за мир и о препятствиях, чинимых всеобщему миру империалистами разных стран. Газета указывала, что народы воюющих стран должны подняться и лишить власти «монархо-капиталистических разбойников». В заключение следовало: «Товарищи солдаты, крестьяне и рабочие! Давайте, присоединяйтесь и укрепляйте существующие и действующие уже у нас солдатско-рабочие советы для того, чтобы положить раз и навсегда силой оружия конец войне и капиталистам, ее виновникам. Да здравствует революция! Долой войну, да здравствует мир! Долой капиталистов — убийц народов! Да здравствует международное братство! Да здравствует социализм — единственный спаситель народов! Да здравствует русская революция! Да здравствуют солдатско-рабоче-крестьянские советы! Рабочие, поднимайте оружие! Время настало!

От солдатско-рабоче-крестьянских Советов»⁸.

¹ См. Хр. Халачев. Указ. соч., стр. 135—136.

² См. там же, стр. 136—137; „Българска комунистическа партия (тѣсни социалисти). Кореспонденция за партийни другари“, 19.III 1920 г., № 5, стр. 9.

³ См. Хр. Халачев. Указ. соч., стр. 137—142.

⁴ См. там же, стр. 142—152.

⁵ См. там же, стр. 153—164.

⁶ От имени ЦК партии с протестом против готовящейся расправы с солдатами 28-го полка 8 февраля 1918 г. в Народном собрании выступил В. Коларов, добивавшийся разрешения выступить защитником на суде над солдатами 28-го полка (см. „Дневници на XVII-то О. Н. С...“, IV р. с., кн. 2, стр. 880—881; Хр. Халачев. Указ. соч., стр. 176—177).

⁷ Обнаружена болгарским историком Хр. Христовым в архиве военного министерства и опубликована в „Известия на българското историческо дружество“, кн. XXII—XXIV, стр. 451.

⁸ „Известия на българското историческо дружество“, кн. XXII—XXIV, стр. 459—460.

Этот документ, напечатанный, судя по некоторым заключенным в нем сведениям, в январе 1918 г., свидетельствует о том, что под влиянием Октябрьской революции в болгарской армии начали создаваться солдатские комитеты. Несомненно, что дальнейшие розыски в болгарских архивах помогут раскрыть более полно картину того, как в болгарской армии под влиянием русского примера создавались и распространялись солдатские комитеты.

В середине января 1918 г. произошло выступление солдат 34-го Троянского пехотного полка, которое также было возглавлено тесняками¹. Выступление это было подавлено: 3 солдата были расстреляны, 36 — заключены в тюрьму².

В феврале 1918 г. в Добрудже произошло выступление солдат 48-го пехотного полка 4-й Преславской дивизии, не желавших после окончания военных действий на Румынском фронте отправиться на Салоникский фронт. 27 руководителей выступления в 48-м полку были преданы суду³. По аналогичным мотивам вспыхнули в этот же период волнения в 25-м Драгоманском полку, в 19-м Шуменском полку и других частях⁴. Одновременно с этими волнениями имели место подавленные в самом зародыше выступления солдат 1-й бригады и 9-го Пловдивского полка⁵.

Революционные выступления солдат, выражавших свое возмущение политикой буржуазно-монархического правительства Радославова, чрезвычайно напугали болгарскую правящую клику. Болгарское командование начало принимать спешные меры для «укрепления духа» армии. Еще в конце 1917 г. при Главном командовании болгарской армии был создан военно-политический отдел, который дал предписание всем командирам полков присылать каждые две недели донесения о «состоянии духа» вверенных им частей⁶.

Болгарское командование усилило преследования тесняков в армии. В январе 1918 г. был издан приказ (№ 39), в котором говорилось: «После русской революции тесные социалисты начали оживленную деятельность по вовлечению гражданского населения и армии в революционную борьбу против правительства и против войны вообще... Тесные социалисты достигли своей цели, продемонстрировав свою солидарность с русскими революционерами и своими единомышленниками в других странах. Они находятся в связи со своими единомышленниками на фронте. Исходя из этого, всем начальствующим лицам вменяется в обязанность зорко следить и тотчас же доносить о самых малейших проявлениях бунтовщичества в армии, чтобы уничтожить в зародыше это движение. С этой целью всем начальствующим лицам до ротных командиров включительно, необходимо иметь по два-три агента, которые должны доносить обо всем назначившему их начальнику. Всех отпускников во время отправления и по возвращении из отпуска необходимо подвергать тщательному наблюдению; нужно ознакомиться с их письмами; необходимо изучить прошлое каждого солдата и

¹ См. „Дневници на XVIII-то О. Н. С...“, I р. с., кн. 2, стр. 526.

² См. „Доклад на парламентарната комисия...“, стр. 32; „Дневници на XVIII-то О. Н. С...“, I р. с., кн. 1, стр. 526.

³ См. Хр. Христов. Указ. статья, стр. 75.

⁴ См. „Доклад на парламентарната комисия...“, стр. 13.

⁵ См. Хр. Халачев. Указ. соч., стр. 198; Хр. Христов. Указ. статья, стр. 75.

⁶ См. Хр. Халачев. Указ. соч., стр. 140.

офицера — не был ли он сторонником или сочувствующим партии тесняков — и при малейшем сомнении отстранять от должности и отдавать под суд; необходимо следить, с кем и с какими людьми на фронте и в Болгарии он дружит; сомнительных людей нужно окружить доверенными лицами, которые бы вызывали их на откровенность с целью выяснения их мнения о положении и о деятельности тесных социалистов»¹. Тесняки, мобилизованные в армию, находились на особом счету еще и до этого приказа. «Наша партия и наш орган поставлены на фронте в исключительно нелегкие условия. Нас преследуют на фронте», — заявил в одном из парламентских выступлений от 10 ноября 1917 г. Георгий Кирков². После же приказа № 39 за тесняками буквально была установлена слежка³.

Штаб действующей армии приказал подвергать дополнительной цензуре в штабе дивизии каждый номер газеты «Работнически вѣстникъ», поступавшей на фронт. В связи с этим многие номера газеты вовсе не доходили до солдат. Солдаты, выписывавшие газету «Работнически вѣстникъ», начали подвергаться систематическому преследованию. Они заносились в черные списки, а в некоторых частях подвергались наказаниям. Начальник одной из войсковых частей приказал в феврале 1918 г. подвергнуть телесному наказанию по 25 палочных ударов пятерых солдат, получивших газету «Работнически вѣстникъ»⁴.

Фронтное начальство препятствовало сбору пожертвований в фонд помощи газеты «Работнически вѣстникъ». Цензура запретила редакции публиковать в газете список фамилий жертвователей, а затем и вообще какие-либо сведения о суммах пожертвований⁵. Однако, несмотря на это, солдаты по грошам продолжали делать взносы в фонд своей газеты.

Особенно жестокому преследованию подвергались солдаты, осмелившиеся распространять газету «Работнически вѣстникъ» и проводить на нее подписку. Были случаи, когда за распространение газеты «Работнически вѣстникъ» привлекали даже к военно-полевому суду.

В результате массовой волны арестов и преследований, последовавших в феврале—марте 1918 г., по данным Г. Киркова, приведенным им 28 марта 1918 г. в Народном собрании, в болгарской армии было привлечено к ответственности и подверглось наказаниям 40 тыс. солдат и 800 офицеров, из них более 2,5 тыс. человек было расстреляно⁶.

Среди расстрелянных и брошенных в тюрьмы участников солдатских выступлений большую часть составляли члены партии тесняков.

В то же время значительная часть находившихся в армии членов партии широких социалистов была верной опорой болгарского командования. Многие из них являлись осведомителями командования⁷.

Характерно, что в упоминавшемся выше приказе № 39 специально указывалось, что все меры, которые должны быть приняты для борьбы

¹ „Дневници на XVIII-то О. Н. С...“, I р. с., кн. 1, стр. 143.

² „Дневници на XVII-то О. Н. С...“, IV р. с., кн. 1, стр. 136.

³ См. там же, кн. 2, стр. 880.

⁴ Об этом сообщил В. Коларов в своем выступлении в Народном собрании от 25 февраля 1918 г. (см. „Дневници на XVII-то О. Н. С...“, IV р. с., кн. 2, стр. 1105).

⁵ См. Д. Благоев. Отчет на централния комитет на работническа социал-демократическа партия... стр. 6.

⁶ См. „Дневници на XVII-то О. Н. С...“, IV р. с., кн. 2, стр. 1419.

⁷ См. Хр. Халачев. Указ. соч., стр. 124.

против деятельности тесняков, не должны применяться по отношению к широким социалистам, которые, как выразился командир 28-го полка, «... доказали свой патриотизм перед царем и отечеством»¹.

Руководители партии широких социалистов яростно боролись против революционной агитации тесняков и, как и все шовинисты, ревностно отстаивали проведение аннексионистской программы, расходясь иногда с правительством лишь в формах и методах проведения этой политики. Ярый враг революции, депутат широких социалистов Крыстю Пастухов, выступая 22 марта 1918 г. в Народном собрании, осудил агитацию тесняков среди солдат и призывал к преследованию тесняков². Эта речь была встречена ликованием в буржуазных кругах. Буржуазная пресса рекламировала эту речь на все лады, предлагалось отпечатать и распространить ее в армии бесплатно³. Реакционная газета «Мир», восхваляя поведение «широких», приветствовала их за то, что они «стали настоящими болгарскими националистами»⁴. Не случайно командование болгарских частей рекомендовало ротным командирам читать солдатам вслух статьи из газеты «Народ»⁵.

Подобную же позицию заняли и лидеры Земледельческого союза. В то время как многие рядовые члены Земледельческого союза вместе с тесняками выступали на фронте против войны, руководство союза и его депутаты в Народном собрании поддерживали шовинистическую политику болгарского правительства. В письме генералу Жекову, отправленном в начале 1918 г., они осуждали «всякие перемены и всякие бунты»⁶.

Таким образом, мелкобуржуазные партии поддержали болгарское буржуазно-монархическое правительство в его борьбе с авангардом трудящихся масс — партией тесняков.

Однако попытки болгарской буржуазии приостановить процесс революционизирования болгарской армии были тщетными.

Весной 1918 г. революционная активность болгарских солдат еще более усилилась. К этому времени положение болгарских солдат стало исключительно тяжелым. Они были вечно голодны, ибо хлебный рацион в течение 1917—1918 гг. непрерывно уменьшался. В июне 1918 г. он составлял всего 400 г в день и никак не мог удовлетворить истощенных от долгого недоедания солдат. К тому же хлеб, который выдавался в 1918 г. солдатам, был настолько низкого качества, что иногда даже голодные солдаты отказывались его есть. Мяса же, как признавался главнокомандующий генерал Жеков в докладе от 12 июня 1918 г., — солдаты почти не видели. «Воинские части, — писал в этом докладе Жеков, — питаются в основном овощами, выращенными на собственных огородах у линии фронта»⁷. С одеждой и обувью у солдат положение было столь же плачевное. В этом же докладе генерал Жеков сообщал: «Солдаты голы и босы. Имеются воинские части, в которых 25% состава совершенно не имеет обуви, а одежда превратилась в лохмотья. Нередки случаи, когда у солдат из-под оборванных

¹ Хр. Халачев. Указ. соч., стр. 124. Халачев в своих воспоминаниях свидетельствует, что среди тысяч арестованных солдат, находившихся в тюрьмах за время его пребывания там, он не встречал ни одного широкого социалиста (стр. 162).

² „Дневници на XVII-то О. Н. С...“, IV р. с., кн. 2, стр. 1325.

³ См. „Работнически вѣстник“, 27.III 1918 г.

⁴ Там же, 16.IV 1918 г.

⁵ См. „Дневници на XVII-то О. Н. С...“, IV р. с., кн. 2, стр. 1422.

⁶ К. Кожухаров. Радомирската република, София, 1948, стр. 12.

⁷ Л. Малеевъ. Указ. соч., стр. 116.

штанов и курток видно голое тело, так как многие из них не имеют нижнего белья»¹.

По далеко не преувеличенным данным его же доклада от 23 июня 1918 г., около 20% личного состава частей не имело обуви, около 25% — нижней одежды; у 20% солдат была совершенно изодранная верхняя одежда²; в среднем же обувь и одежда солдат были на 50% в негодном состоянии³.

Доведенные до отчаянного положения солдаты в массе своей перестали повиноваться начальству. Чаще всего это неповиновение выражалось в отказе солдат участвовать в наступлениях, которые готовились командованием Салоникского фронта. В апреле 1918 г. отказались наступать солдаты болгарских частей, расположенных в районе Охриды. В июне 1918 г. отказались занять боевые позиции солдаты 8 и 58-го полков⁴. В этот же период солдаты сборной дивизии отказались атаковать высоту «Симеон»⁵. 30 мая 1918 г. большая группа солдат и офицеров 5-й дивизии, около 1700 человек, сдались у высоты Яребично в плен почти без сопротивления⁶. Солдаты других частей 5-й дивизии отказались пойти в контратаку, имевшую целью отбить позиции в районе высоты Яребично⁷.

Дезертирство весной 1918 г. приняло широкие размеры. Если ранее солдаты бежали главным образом через фронт, к неприятелю, то в 1918 г. основная масса солдат дезертировала во внутренние районы Болгарии. Часть солдат бежала в лесные и горные районы, а некоторые поближе к дому.

Летом 1918 г. солдаты начали дезертировать с фронта целыми группами. Уходили не только рядовые, но и унтер-офицеры и даже офицеры. Дезертировавшие солдаты, как правило, уносили с собой оружие⁸.

Болгарские правящие круги пробовали применять жесточайшие меры. Пойманные дезертиры беспощадно расстреливались; принимались репрессивные меры по отношению к семьям дезертиров. Однако эти меры лишь усиливали ненависть солдатской массы к господствующим классам.

Болгарское командование было уже не в силах приостановить процесс разложения армии.

Солдаты открыто собирались на собрания и митинги и принимали резолюции с требованием мира. Подобные митинги и собрания произошли в июне—июле 1918 г. в 5, 27, 28, 33, 34, 56, 58-м и других полках⁹.

Болгарская армия все более революционизировалась, становилась все менее боеспособной. Этот факт признал царь Фердинанд, который в письме Жекову от 11 июня 1918 г. по поводу событий у Яребично писал: «... Знаю, что дух войск очень плох и что они, к сожалению, совершенно заражены преступной агитацией. То, что я считал невозможным, стало печальным и опасным фактом: действующая армия окончательно заражена политическими и партийными страстями. Вследствие этого не могу уже в дальнейшем рассчитывать на нее. Катастрофические последствия этого

¹ Л. Малеев в. Указ. соч., стр. 116.

² См. там же, стр. 141.

³ См. там же, стр. 146.

⁴ См. „Доклад на парламентарната комсия...“, стр. 18, 32.

⁵ См. там же, стр. 8.

⁶ См. Л. Малеев в. Указ. соч., стр. 78—79.

⁷ См. там же, стр. 124—125.

⁸ См. „Доклад на парламентарната комсия...“, стр. 61, 65—66.

⁹ См. „Военен журнал“, 1947, № 8, стр. 32.

грозного положения не замедлят положить конец моей деятельности на Востоке»¹.

Наиболее ярким показателем революционирования болгарской армии была волна солдатских выступлений и восстаний, охватившая армию весной и летом 1918 г.

Одним из крупнейших солдатских восстаний было восстание в 27-м Чепинском полку в июне 1918 г., превзошедшее по своему размаху большинство волнений в других частях.

В 27-м полку давно проводила пропагандистскую работу группа тесняков. Один из находившихся в полку тесняков, подпоручик Георгий Петров был в начале 1918 г. арестован за распространение нелегальных воззваний². Однако оставшиеся на свободе тесняки продолжали антивоенную деятельность. К лету 1918 г. они распропагандировали большинство солдат полка. 5 июня 1918 г. солдаты нескольких рот отказались выполнять приказания командиров. 9 июня к ним присоединились солдаты пулеметной роты, возглавленные членом партии тесняков подпоручиком Борисом Николчевым, пользовавшимся большим авторитетом у солдат. Для усмирения восставших командование использовало значительные силы, в том числе артиллерию и солдат 302-й немецкой дивизии. После подавления восстания несколько сот солдат было арестовано и приговорено к расстрелу³.

Подобные волнения, хотя и меньшего масштаба, прошли летом 1918 г. во 2, 5, 7, 9, 16, 18, 19, 31, 35, 36, 39, 50, 70, 80, 83-м и ряде других полков⁴. Несмотря на массовые расстрелы организаторов и участников этих выступлений (по некоторым данным, за время войны было расстреляно 9536 солдат)⁵, волнения в армии не прекращались в течение всего лета 1918 г. По признанию генерала Кантарджиева в 1918 г. «редка была часть, в которой не происходили бы бунты»⁶.

Политическая активность солдат болгарской армии достигла летом 1918 г. небывалых размеров.

* * *

Аналогичным было положение и в болгарском тылу. К весне 1918 г. положение трудящихся Болгарии еще более ухудшилось. Затяжка войны принесла новые неисчислимые бедствия и страдания болгарскому народу.

Выдача хлеба по твердым ценам составляла в 1918 г. всего 250 г на человека в день⁷.

В течение 1918 г. цены продолжали неуклонно расти, так что в июле 1918 г. цена на картофель по сравнению с довоенным 1914 г. составляла 1323%, на жиры — 1098%, на яйца — 700%⁸. Трудящееся население Болгарии буквально голодало; смертность гражданского населения значительно

¹ „Дневници на XIX-то О. Н. С...“, III р. с., стр. 1437.

² См. „Българска комунистическа партия (тѣсни социалисти). Кореспонденция за партийни другари“, № 5, стр. 16.

³ См. Хр. Халачев. Указ. соч., стр. 188—199, Хр. Христов. Указ. статья, стр. 76—78.

⁴ „Доклад на парламентарната комисия...“, стр. 12, 13, 20, 30, 57, 61; „Дневници на XIX-то О. Н. С...“, I р. с., кн. 2, стр. 1202—1203.

⁵ См. К. Драмалиев. Теория и практика на великобългарския шовинизъм, София, 1947, стр. 24—25.

⁶ „Доклад на парламентарната комисия...“, стр. 13.

⁷ См. Н. Станев. И тория на нова България, стр. 371.

⁸ Л. Кандевъ. Държавниятъ служащи. София, 1919, стр. 8—9.

возросла. В течение 1918 г. в Болгарии умерло от голода и болезней 182 тыс. чел. (в основном дети), что на 70 тыс. чел. превысило число убитых болгарских солдат за всю первую мировую империалистическую войну¹.

Октябрьская революция резко повернула внимание трудящихся к социальным проблемам, толкнув их по примеру русского народа на борьбу за мир, за социальное освобождение. С конца 1917 г. в стране непрерывно нарастала в городах волна женских демонстраций. Непосредственной причиной большинства их было отсутствие продовольствия.

На этой почве произошли выступления женщин Пловдива в декабре 1917 г. и Габрово в январе 1918 г.

В январе 1918 г. продовольственное положение трудящихся Габрово еще более ухудшилось. В конце января отчаявшиеся женщины собрались у помещения Комитета снабжения и потребовали увеличения хлебного пайка и улучшения качества выдаваемого хлеба. Не получив удовлетворительного ответа, женщины произвели обыск в домах членов Комитета и конфисковали найденные продукты. Напуганные власти вызвали для борьбы с женщинами солдатское подразделение из Стара-Загоры, состоявшее из турок. При помощи солдат трехдневные волнения женщин в Габрово были подавлены. Многие женщины были арестованы. В городе было введено осадное положение. Гарнизон города был усилен.

На короткое время в Габрово установился «порядок».

Подобные выступления голодающего населения прошли в это время в Стара-Загоре, Плевне, Нова-Загоре, Бургасе, Пазарджике, Ломе, Сливене и других городах². Женщины, часто с детьми, выходили на улицы городов, требуя улучшения продовольственного положения и заключения мира.

После Великой Октябрьской революции участились выступления болгарского пролетариата. В декабре 1917 г. произошла забастовка на сахарной фабрике Пловдива, где рабочие потребовали повышения заработной платы на основе закона о повышении зарплаты, изданного, но не проведенного в жизнь. Владелец фабрики, отказавшись удовлетворить требования рабочих, уволил зачинщиков забастовки. Они были отправлены на фронт, стачка была подавлена при помощи солдат³. Весной 1918 г. потребовали повышения заработной платы сливенские ткачи, добившиеся некоторого успеха в апреле 1918 г.⁴, рабочие Софийского трамвая и другие⁵.

Болгарское правительство попыталось в начале 1918 г. драконовскими мерами навести «порядок» в стране, ударив в первую очередь по немногочисленным оставшимся в тылу членам партии тесняков.

В ряде городов — в Бургасе, например, — были закрыты клубы партии тесняков⁶, запрещены профсоюзные собрания, производились обыски у тесняков и т. д.⁷ В Пловдиве полицейские власти произвели обыск у всех 500 официальных подписчиков газеты «Работнически вѣстникъ»⁸.

¹ См. „Работнически вѣстникъ“, 3.X 1918 г.

² См. „Дневници на XVII-то О. Н. С...“, IV р. с., кн. 1, стр. 1099, 1419 и др.

³ См. там же, кн. 2, стр. 1103.

⁴ См. „Работнически вѣстникъ“, 4, 6.IV 1918 г.

⁵ См. там же, 13.IV 1918 г.

⁶ См. „Дневници на XVII-то О. Н. С...“, IV р. с., кн. 2, стр. 863.

⁷ См. „Дневници на XVII-то О. Н. С...“, IV р. с., кн. 2, стр. 800, 863.

⁸ См. там же, стр. 1313.

Однако репрессии не смогли сломить поднимающихся на борьбу болгарских трудящихся. Одним из крупнейших выступлений болгарских трудящихся этого времени была грандиозная демонстрация женщин Пловдива в мае 1918 г. Политическая активность трудящихся города Пловдива была выше, чем в большинстве других болгарских городов. В Пловдиве было сосредоточено большее число предприятий табачной и других отраслей промышленности.

В мае 1918 г. изголодавшиеся работницы табачных фабрик Пловдива под руководством наиболее сознательных работниц — членов партии тесняков — устроили демонстрацию. По пути к ним присоединялись массы трудящихся, в основном женщины. Демонстрантки шли с лозунгами: «Хлеба! Долой войну! Верните нам наших мужей и братьев!» Высланные против них полицейские отряды были оттеснены. Демонстрация направилась к дому городского головы. Последний встретил безоружных женщин огнем из окон своего дома, убив трех и ранив несколько женщин. Возмущенные женщины разгромили дом, выбросив оттуда огромное количество спрятанных промышленных товаров и продовольствия. Демонстрантки разбили также стекла в доме, где помещались продовольственные органы. Лишь с помощью дополнительных отрядов полиции удалось разогнать демонстрацию; было арестовано несколько десятков женщин¹.

Подобные же бурные демонстрации прошли весной и летом 1918 г. почти во всех городах Болгарии. В Софии 14 мая 1918 г., в связи с уменьшением хлебной нормы, произошла демонстрация женщин и детей перед зданием продовольственного ведомства, при этом были разбиты камнями стекла в доме главы правительства В. Радославова². Демонстрации происходили также в Ямболе, Сливене, Разграде, Казанлыке, Дупнице, Плевене, Стара-Загоре, Панагюриште и других городах³.

Усилилось брожение и в болгарской деревне.

Возмущение трудового болгарского крестьянства, страдавшего от плохого урожая 1917 г. и реквизиций, достигло в 1918 г. крайней степени. Крестьянки, жены солдат, выступали против реквизиций, против войны и голода. Открытое проявление недовольства войной имело место в феврале 1918 г. в селах Русенской околицы — Долни-Дубник и в Тырстенике⁴ (население последнего активно участвовало в крестьянских волнениях в 1900 г.) и в селах Габровской околицы, жительницы которых приняли участие в упомянутом выступлении женщин города Габрова в конце января 1918 г.

Весной 1918 г. положение в болгарской деревне еще более ухудшилось. По селам рыскали многочисленные реквизиционные отряды, состоявшие главным образом из турок, ибо болгарские власти не надеялись на солдат-болгар. У кого ничего не находили, тех арестовывали и избивали.

Отчаявшиеся крестьяне начали организовывать отпор. В некоторых селах весной 1918 г. происходили столкновения между крестьянами и реквизиционными командами, при которых были жертвы с обеих сторон.

¹ См. Хр. Халачев. Указ. соч., стр. 72, 200—201; „Дневници на XVIII-то О. Н. С...“, I р. с., кн. 1, стр. 297.

² См. „Обвинителен акт...“, стр. 515; „Доклад на парламентарната комиси...“, стр. 65, 260.

³ См. „Доклад на парламентарната комиси...“, стр. IV, V, 52, 260; „Дневници на XVII-то О. Н. С...“, IV р. с., кн. 2, стр. 1103; „Дневници на XVIII-то О. Н. С...“, кн. 1, стр. 262.

⁴ См. „Доклад на парламентарната комиси...“, стр. 18—19.

Крестьянские «низы» пришли в движение.

Слабой стороной нарастающего в стране революционного движения было то, что выступлениям трудящихся не хватало организованности и руководства со стороны боевой партии. Хотя тесняки и являлись руководителями и инициаторами значительной части революционных выступлений, партия тесняков не была тогда действительно организующей силой, способной возглавить разрозненные выступления трудящихся Болгарии.

Подводя итоги, необходимо отметить, что в 1918 г. обострение нужды и бедствий угнетенных классов болгарского общества достигло чрезвычайной степени. Под влиянием этого болгарские трудящиеся, пробужденные Великой Октябрьской социалистической революцией, пришли в движение. Политическая активность эксплуатируемых масс болгарского общества летом 1918 г. была чрезвычайно велика. Болгарские «низы» совершенно очевидно не хотели уже жить по-старому, выражая это самым недвусмысленным образом.

Летом 1918 г. в Болгарии были явно налицо «обострение, выше обычного, нужды и бедствий угнетенных классов»¹ и «значительное повышение... активности масс»², которые В. И. Ленин считал одними из признаков революционной ситуации.

* * *

В органической связи с усилением политической активности болгарских «низов» становилось все более затруднительным положение правящей верхушки Болгарии.

Прежде всего это было связано с ослаблением военно-политической и экономической силы коалиции центральных держав, начинавшим явственно сказываться в 1917 и особенно в 1918 г. С начала 1918 г. германское правительство перестало оказывать болгарскому правительству финансовую помощь, ранее предоставлявшуюся ежемесячно в размере 50 млн. франков. С февраля 1918 г. Германия перестала снабжать болгарские войска оружием, снаряжением и обмундированием³. Весной 1918 г., подготавливаясь к своим последним наступлениям, германское командование перебросило с Балканского театра военных действий на Запад почти все германские части. Из находившихся ранее в Болгарии трех немецких дивизий в августе 1918 г. оставалось лишь три немецких батальона с батареями и пулеметными отрядами⁴.

Царь Фердинанд и правящая германофильская клика, лишившись поддержки германских дивизий, потеряли одну из своих главных опор.

В правящем лагере Болгарии росло чувство неуверенности и недовольство создавшимся положением. Большую роль в этом сыграли внешнеполитические неудачи правительства Радославова, неудачи в попытках юридического закрепления за Болгарией завоеванных в ходе войны войсками центральной коалиции территорий, на которые претендовала болгарская буржуазия. Неудачи эти определялись общим положением

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 21, стр. 189—190.

² Там же, стр. 190.

³ См. Richard von Mach., *Aus bewegter Balkanzeit 1879—1918*, Berlin, 1928, S. 267.

⁴ См. Д. Маринов. Истината по катастрофа при Добро-Поле, София, стр. 52.

центральной коалиции и главным образом взаимоотношениями внутри коалиции.

В правящих кругах Болгарии усиливался разброд. Часть болгарской буржуазии была недовольна проникновением германского капитала, захватившего в годы войны ключевые позиции болгарской экономики. В рядах болгарских правительственных кругов росло недовольство хозяйничанием в Болгарии германского командования, которое постоянно вмешивалось в дела болгарского командования и добивалось через послушного ему царя Фердинанда отстранения неугодных лиц. Так, по настоянию германского командования были смещены генералы Луков, Тошев, Петров Иван, Савов и другие¹.

Недовольство политикой германских империалистов проявлялось иногда даже среди германофильских элементов болгарской правящей верхушки. Это объяснялось тем, что немецкие империалисты почти совершенно не считались с интересами болгарской буржуазии. Адьютант главнокомандующего майор Малеев однажды отметил, что «в некоторых случаях с Болгарией обходились не как с преданной и лояльной союзницей, а как с побежденной страной»². Во время конференций и совещаний держав центральной коалиции болгарским представителям отводилась второстепенная роль. Во время переговоров в Брест-Литовске болгарский посол в Берлине Дм. Ризов писал в своих донесениях: «Все другие делегаты смотрят на наших делегатов, как на бедных родственников, засидевшихся в гостях»³. Когда зашел вопрос об интересующей болгар аннексии сербской территории, то глава делегации министр юстиции Хр. Попов, чувствуя, что он не может отстоять домогательств болгарских националистов, покинул конференцию и уехал в Софию⁴. Для повышения авторитета болгарской делегации ее возглавил позже сам В. Радославов.

Неудачно кончились и попытки Попова вступить в отдельные переговоры относительно территориальных претензий Болгарии с делегацией украинской Рады⁵.

Интересы болгарской буржуазии ущемлялись непрерывно. Дело дошло до того, что германский канцлер в своей речи в январе 1918 г. заявил — решение балканских вопросов предоставляется на усмотрение Австро-Венгрии⁶.

Правящие круги Болгарии проявляли недовольство и в связи с тем, что правительство Австро-Венгрии предъявило претензии на Неготинский округ — часть территории Сербского Поморавья, обещанного Болгарии⁷, а особенно позицией Германии в вопросе о Добрудже. Тотчас по очищении Добруджи от румынской армии между болгарским и немецким командованием возникли разногласия, в результате которых ушел в отставку по настоянию Макензена командующий 3-й Болгарской армией в Добрудже

¹ См. Л. Малеев в. Указ. соч., стр. 179—180.

² Там же, стр. 31.

³ „Дипломатически документи по участието на България в европейската война“. Т. II, 1915—1918 год (до перемирието), София, 1921, стр. 888. (Дальше сокращенно: „Дипломатически документи...“).

⁴ См. В. Радославов. България и световната криза, стр. 196—197.

⁵ См. „Дипломатически документи...“, т. II, стр. 888.

⁶ См. там же, стр. 890—891.

⁷ „Дипломатически документи...“, т. II, стр. 986. Болгарский историк Крачунов, имевший доступ к архивам министерства иностранных дел за 1918—1920 гг., упоминает также и о претензии Австро-Венгрии на район Кладово (см. К. Крачунов. La politique extérieure de la Bulgarie. 1880—1920, Sofia, 1920, p. 80).

генерал Тошев. В Добрудже было создано германское управление тылом¹.

Болгарское правительство при поддержке австрийских кругов претендовало на всю Добруджу, но это встретило противодействие со стороны германских империалистов, желавших сохранить за собой ключевые позиции на Балканах (в частности, железную дорогу Чернавода—Констанца)². По прелиминарному миру, подписанному 5 марта 1918 г. в Буфтеа, Румыния уступила Добруджу до Дунайского рукава св. Георгия в совместное управление центральных держав. Такой способ решения добруджанского вопроса был выдвинут еще в Бресте в отсутствие болгарского делегата, а затем был принят в Буфтеа вопреки возражениям Болгарии³. Положение усложнялось еще в связи с тем, что Турция в виде компенсации за участие в компании в Добрудже двух турецких дивизий, сменивших немецкие дивизии, переброшенные на Запад⁴, претендовала на Западную Фракию до реки Места (особенно на Димотику), уступленную Болгарии в сентябре 1915 г. Турецкие требования не встретили противодействия германского военного командования⁵. В связи с этим последовали длительные переговоры между болгарскими и турецкими дипломатами, апеллировавшими к германскому правительству⁶.

По Бухарестскому договору от 7 мая 1918 г. Болгария получила часть Добруджи, расположенную к югу от железной дороги Чернавода—Констанца, т. е. ту часть, которой она лишилась в результате второй Балканской войны (по Бухарестскому договору от 10 августа 1913 г.), и еще небольшой район. Сама же железная дорога вместе с полосой земли вокруг нее и Констанца остались «временно» в руках немецких империалистов. Часть Добруджи, расположенная к северу от этой железной дороги, официально поступила в совместное управление центральных держав (кондоминиум), — фактически же в руки германского командования. Все это давало германскому командованию лишнюю возможность оказывать давление на болгарское правительство.

Недовольство правящих болгарских кругов усилилось в связи с тем, что Болгарию «обделили» при распределении румынского имущества, а также в связи с недостатком германским правительством обещанных поставок продовольствия из Украины. У болгарского правительства появились также подозрения относительно серьезности намерений Германии передать Болгарии области Сереса, Драмы и Каваллы⁷.

Все эти дипломатические неудачи усиливали раздоры в правящем лагере и толкали болгарскую буржуазию к мыслям о перемене внешнеполитической ориентации Болгарии, о смене прогерманской ориентации ориентацией на империалистов США и Антанты. Некоторые болгарские буржуазные деятели начали еще в 1917 г. зондировать почву путем переговоров с дипломатами держав Антанты в нейтральных странах⁸.

Империалисты стран Антанты делали со своей стороны попытки оторвать Болгарию от центральной коалиции, рассматривая ее, как указы-

¹ В. Радославов. Указ. соч., стр. 174.

² См. Людендорф. Мои военные воспоминания, т. II, 1924, стр. 140.

³ См. В. Радославов. Указ. соч., стр. 209.

⁴ См. „Дипломатически документи...“, т. II, стр. 774, 902.

⁵ См. Людендорф. Указ. соч., стр. 142.

⁶ См. „Дипломатически документи...“, т. II, стр. 902—989.

⁷ См. там же, стр. 742—743, 890—891.

⁸ См. Д. Петковъ. Виновиците за погрома на България през септември 1918 г. въз основа на исторически документи и факти, София, 1927, стр. 74—79.

валось в меморандуме государственного департамента США от 22 декабря 1917 г., в качестве «... слабого звена в германской цепи»¹. Значительную и все более растущую активность проявляла в 1918 г. в Болгарии американская дипломатия. После вступления США в апреле 1917 г. в войну против Германии между США и Болгарией не последовало разрыва дипломатических отношений, так как американское правительство имело свои собственные империалистические планы на Балканах.

Некоторые круги американского капитала к концу первой мировой войны начали интересоваться Болгарией, рассчитывая превратить ее, как и другие балканские страны, в рынок сбыта и в сферу вложения капитала. Представители «делового мира» США уже в годы войны проявляли интерес к болгарскому табаку².

После Великой Октябрьской социалистической революции американская империалистическая дипломатия усилила свою активность в Болгарии. Болгарию стали рассматривать в качестве возможного плацдарма для развертывания антисоветской интервенции. Эта активность встречала поддержку среди значительной части болгарской буржуазии. Представители продажной болгарской буржуазии готовы были на предательство национальных интересов Болгарии и на превращение Болгарии в американский протекторат, лишь бы американские империалисты помогли в осуществлении экспансионистских стремлений болгарской буржуазии и оказали ей поддержку в борьбе с революционным движением. Один из американских дипломатов, поверенный в делах США в Швейцарии, Вильсон, сообщая в государственный департамент о своих беседах, состоявшихся в самом конце января 1918 г. с болгарским буржуазным деятелем Шипковым, отмечал, что последний добивался благожелательного отношения американского правительства к планам создания «Великой Болгарии». В обмен на это, указывал Шипков, Америке «... будут открыты двери для новых и беспредельных вложений американского капитала. Великая Болгария стала бы фактическим благодарным и благожелательным американским протекторатом»³.

С целью распространения своего влияния в Болгарии американская дипломатия создала американские средние школы и пансионы (мужские и женские) в Самокове и Ловече⁴. В качестве проводников американского влияния империалисты США использовали представителей американской церкви в Болгарии. Государственный департамент США еще в январе 1918 г. утвердил предоставление ежемесячной денежной ссуды на нужды представителей американской методической епископальной церкви в Болгарии⁵.

¹ „Papers relating to the foreign relations of the United States. 1919. The Paris Peace conference“, Washington, 1942, vol. I, p. 47.

² Американские дипломаты соблазнили торговые круги Болгарии закупками огромного количества табака, залежавшегося на складах Болгарии, отрезанной за время войны от рынков сбыта (см. Людендорф. Мои воспоминания, т. II, стр. 117).

³ „Papers relating to the foreign relations of the United States“, 1918, Supp. I, vol. I, p. 144—149.

⁴ См. В. Радоулавов. Указ. соч., стр. 173—174.

⁵ Таким образом, империализм США стал использовать в своих империалистических целях американских миссионеров гораздо раньше 30-х годов [во время процесса 1949 г. над американскими шпионами — деятелями церкви в народно-демократической Болгарии — предполагалось, что эта их деятельность началась только с 30-х годов (см. „Работническо дело“, 19—28.II 1949 г.)], во всяком случае не позднее конца первой мировой войны (Foreign relations, 1918, Supplement 2, p. 554).

Стремясь ослабить эффект, произведенный советскими предложениями о мире, американская дипломатия выступила со своей псевдопацифистской и лжедемократической программой в виде 14 пунктов Вильсона. Послание это, являвшееся завуалированной программой американской империалистической экспансии, своей лжедемократической фразеологией должно было способствовать разложению армий центральных держав и парализовать, хотя бы отчасти, влияние советских предложений о мире¹. Американская дипломатия приложила все усилия с целью как можно более широкого распространения послания среди болгарского населения.

Интриги дипломатии США и Антанты и недовольство болгарской буржуазной верхушки политикой германского империализма значительно способствовали усилению разброда и шатания в правящем лагере Болгарии.

Буржуазные и мелкобуржуазные партии, поддерживавшие в первые годы войны кабинет «либеральной концентрации» Радославова, в связи с неудачами правительства вновь заговорили о своих разногласиях с правящими либеральными партиями. Буржуазные антантофильские партии — демократы, прогрессисты, народняки, — ориентировавшиеся до вхождения Болгарии в войну на союз с Антантой, начали думать о смене правительства и о составлении нового кабинета. Об этом же мечтали и лидеры мелкобуржуазных партий — Земледельческого союза, радикальной партии и партии широких социалистов. Рядовые же члены мелкобуржуазных партий под влиянием грозного и все возрастающего недовольства широких народных масс толкали своих лидеров на критику внутренней политики правительства.

Так в Болгарии вновь зашевелилась буржуазная оппозиция.

Страх перед ростом революционного движения объединял буржуазные и мелкобуржуазные партии.

Весной 1918 г. возникло нечто вроде блока из шести оппозиционных (антантофильских) буржуазных и мелкобуржуазных партий: демократов, народняков, прогрессистов, радикалов, земледельцев и широких социалистов. Представители этих партий собирались на совещания, на которых присутствовали по три-четыре лидера от каждой партии². Программа, выработанная блоком оппозиционных партий в июне 1918 г., была более чем умеренной. Они требовали: «1) обеспечить снабжение армии продовольствием; 2) принять меры к уничтожению коррупции; 3) добиться для Болгарии равноправия в коалиции центральных держав»³.

Как лидеры правых буржуазных партий, так и лидеры мелкобуржуазных партий выступали против заключения мира, за продолжение войны. В частности, один из лидеров Земледельческого союза Неделко Атанасов на совещании оппозиционных партий высказался против заключения мира и против перемен во внутренней политике в момент войны⁴.

Лидеры буржуазных и мелкобуржуазных партий боялись, что скольконибудь серьезные перемены во внутренней и внешней политике, заключение сепаратного мира — будут способствовать усилению революционного движения в стране. Ввиду этого они не решались активно выступать против правительства Радославова. К тому же в оппозиционном лагере не было

¹ Многие государственные деятели США и держав Антанты прямо рассматривали программу Вильсона как «хорошее слабительное средство» в деле подрыва единства и духа в лагере центральных держав (см. «Архив полковника Хауза», т. IV, М., стр. 145).

² См. «Доклад на парламентарната комисия...», стр. 78, 115, 125.

³ Там же, стр. 115, 125.

⁴ См. там же, стр. 115, 131.

единодушия. Неудача германского наступления на Западном фронте в марте и апреле 1918 г. привела к тому, что газеты оппозиционных партий, выслуживаясь перед потенциальными победителями — империалистами США и Антанты, начали упрекать друг друга в измене в 1915 г. антантофильскому лагерю и в поддержке германофильского правительства Радославова¹.

Рост революционного движения, обострение внутриполитического положения в стране привели к тому, что у некоторых представителей буржуазной оппозиции появились планы организации «верхушечного» переворота. Путем свержения Фердинанда, правительства Радославова и германофильской клики и установления в Болгарии антантофильского правительства некоторые группировки болгарской буржуазии надеялись предупредить надвигавшуюся в стране революцию. Подобные планы зрели, в частности, в кругах болгарской эмиграции в Швейцарии (в Берне и в Женеве), где существовали болгарские комитеты, готовившие организацию переворота сверху².

Планы организации «верхушечного» переворота вызревали и у лидеров Земледельческого союза Ал. Стамболийского и Р. Даскалова, находившихся в тюрьме и рассчитывавших произвести переворот при помощи офицеров некоторых частей, с которыми они находились в контакте.

В самой правящей коалиции либеральных партий также усилились раздоры. В марте 1918 г. с поста директора ведомства снабжения ушел в отставку генерал Протогеров, недовольный усиливавшимся засилием в Болгарии германской военщины³. Весной 1918 г. о трудностях, стоящих перед правительством, и о кризисе правительственного лагеря открыто говорили сами представители правительства⁴.

В конце мая 1918 г. один из министров правительства Радославова Добри Петков подал в отставку⁵. Начался длительный правительственный кризис. Царь Фердинанд, пытавшийся путем различных комбинаций и реорганизаций сохранить у власти кабинет либеральных партий, вынужден был в конце концов отказаться от этих попыток и дать 15 июня 1918 г. отставку всему правительству «либеральной концентрации» Радославова⁶. Этим он хотел спасти престол и династию и оттянуть на время взрыв в стране.

Оппозиционные партии в обстановке революционных выступлений как на фронте, так и в тылу без особого энтузиазма принимали предложения о составлении нового кабинета. «Открытый правительственный кризис, — признавала в середине июня 1918 г. газета «Радикал», орган радикальной партии, — есть только последствие переживаемого общего кризиса в стране. Способ управления либерального правительства вызвал всеобщее недовольство». Далее газета указывала, что необходимо новое правительство, перед которым встанут трудные задачи, ибо «... речь идет не о применении

¹ См. „Работнически вѣстникъ“, 16.IV 1918 г.

² См. „Rheinisch-Westfälische Zeitung“ 5.X 1918 г.; „Дневници на XVII-то О. Н. С...“, IV я. с., стр. 112—130. Сведения о планах организации переворота в Болгарии дошли и до американского посланника в Швейцарии Stovall'a, о чем он сообщал в своем донесении в государственный департамент (см. „Foreign relations...“, 1918, Supp. 1, vol. I, p. 283).

³ См. дневник Пешева („Обвинителен акт...“, стр. 501—502).

⁴ См. напр., речь главы правительства В. Радославова от 2 апреля 1918 г., („Обвинителен акт...“, стр. 515).

⁵ См. „Дневници на XVII-то О. Н. С...“, IV я. с., кн. 2, стр. 1523—1526.

⁶ См. Л. Малеевъ. Указ. соч., стр. 26, 35—36; Д. Петковъ. Указ. соч., стр. 73.

известной программы, не о проведении определенных реформ, а о выводе страны из положения, которое ведет ее к катастрофе». Об огромных трудностях, стоящих перед новым правительством, писали и другие буржуазные газеты¹.

Верхи болгарского буржуазного государства не могли уже больше управлять по-старому. Они метались в поисках новых форм и методов управления. Получивший мандат на формирование нового правительства лидер демократической партии Александр Малинов попытался впервые в истории Болгарии привлечь в состав правительства представителей мелкобуржуазных партий: Земледельческого союза, радикальной партии и реформистской партии широких социалистов. В течение нескольких дней он вел с лидерами Земледельческого союза и широких социалистов переговоры, которые, однако, кончились безрезультатно². Руководители Земледельческого союза и партии широких социалистов отказались войти в формируемый Малиновым коалиционный кабинет из представителей всех оппозиционных партий, боясь ответственности и последствий. В конце концов кризис окончился формированием двухпартийного кабинета Малинова—Костуркова. Как свидетельствуют некоторые источники, в ликвидации кризиса и образовании правительства Малинова значительную роль сыграла американская дипломатия (в частности, генеральный консул США в Болгарии Мэрфи³), рассчитывавшая заполучить в лице Малинова, давно делавшего реверансы в сторону США⁴, проводника американского влияния в Болгарии.

Образованный 21 июня 1918 г. кабинет Малинова—Костуркова состоял из восьми представителей буржуазной антантофильской партии демократов (Малинов — премьер и министр иностранных дел, М. Такев — министр внутренних дел, А. Ляпчев — министр финансов, генерал-лейтенант С. Савов — военный министр, Г. Данаилов — министр торговли, промышленности и труда, Н. Мушанов — министр общественных работ, Р. Маджаров — министр земледелия и В. Моллов — министр железных дорог) и двух представителей радикальной партии (С. Костурков — министр просвещения и И. Фаденхехт — министр юстиции).

Фердинанд и правящие круги Болгарии сменой правительства и передачей власти в руки кабинета, составленного из представителей оппозиционных антантофильских партий, надеялись ослабить революционное движение на фронте и в стране. С другой стороны, это должно было дать возможность, как мыслили некоторые представители правящих кругов, в случае необходимости, установить контакт с империалистами США и Антанты.

Двухпартийному кабинету Малинова—Костуркова была обещана поддержка со стороны других четырех антантофильских партий, не вошедших в состав правительства, — народняков, прогрессистов, земледельцев и широких социалистов⁵. Правда, и это не обеспечивало ему твердой

¹ См. „Работнически вѣстникъ“, 22.VI 1918 г.

² См. „Дневници на XIX-то О. Н. С...“, II п. с., кн. 2, стр. 903; „Доклад на парламентарната комисия...“, стр. 79, 83.

³ См. „Daily Telegraph“, 4. X 1918 г. и „Доклад на парламентарната комисия...“, стр. 10.

⁴ См. „Доклад на парламентарната комисия...“, стр. XIII—XIV.

⁵ См. „Дневници на XIX-то О. Н. С...“, III п. с., кн. 3, стр. 1592; „Работнически вѣстникъ“, 22.VI 1918 г.

поддержки со стороны XVII Народного собрания, где большинство принадлежало либеральным партиям¹. Однако не это смущало правительство Малинова. Оно не знало, как подавить растущее революционное движение в стране.

В первые дни своей деятельности правительство Малинова выступило со следующими обещаниями: 1) улучшить продовольственное снабжение населения; 2) очистить административный аппарат от продажных чиновников и 3) добиться мира.

Пытаясь укрепить положение правительства, Малинов в первые недели своего правления отстранил из органов государственного аппарата наиболее одиозные фигуры, замешанные в спекуляциях, аферах, использовании служебного положения. Так, были заменены 35 кметов, 191 заместитель кметов, 13 чиновников центрального аппарата, 277 чиновников полиции².

В основном кабинет Малинова продолжал линию прежнего правительства, ибо выполнение даже довольно ограниченной программы, обещанной народу, было не в интересах буржуазии и не под силу буржуазным партиям. Крупная буржуазия, разбогатевшая на военных поставках и нажившая огромные состояния, не желала мира, во всяком случае такого мира, который бы лишил ее завоеванных в годы войны территорий Сербского Моравья, Македонии и Добруджи.

Дворцовая же камарилья и германофильская клика, к которой примыкали Данаилов и др. министры, и слышать не хотели о разрыве с центральными державами и заключении мира. Под давлением германофильских кругов Малинов в первые же дни после прихода к власти послал телеграмму германскому канцлеру Гертлингу, в которой заверял его, что он «... твердо решил всегда следовать той внешней политике, за священные цели которой сражаются изо всех сил наши храбрые воины на славных боевых полях...»³

Совершенно извращали историческую действительность те болгарские буржуазные историки, которые, пытаясь оправдать политику Малинова, утверждали, что, якобы, «... руководящей идеей его кабинета был мир»⁴. В действительности же политика кабинета Малинова мало чем отличалась от кабинета Радославова, разве лишь тем, что Малинов был несколько менее послушным орудием в руках Германии, чем Радославов. Он делал робкие попытки лавировать, заручиться связями и в лагере Антанты, особенно надеясь на США⁵. Правительством Малинова были предприняты новые попытки зондажа условий сепаратного мира для Болгарии⁶. Однако оно не спешило активизировать переговоры⁷.

Политика кабинета Малинова была политикой, направленной на осуществление аннексионистских планов болгарской буржуазии и на подавление

¹ В избранном еще в феврале 1914 г. XVII обыкновенном Народном собрании правительство Малинова имело поддержку 36 депутатов правительственных партий (демократов — 31, радикалов — 5) и 66 депутатов антантофильских партий (земледельцев — 45, „широких“ — 9, народняков — 10, прогрессистов — 2), т. е. всего 102 депутата из 245 депутатов XVII Народного собрания (см. „Работнически вѣстникъ“, 22.VI 1918 г.).

² См. „Le Temps“, 13.VIII 1918 г.

³ П. Пешев. Историческите събития и живота ми, София, 1925, стр. 227.

⁴ К. Kratchonov. Указ. соч., стр. 8.

⁵ См. „Foreign relations...“, 1918, Supp. I, vol. I, pp. 266, 279.

⁶ См. Л. Ламуш. Петнадесет години Балканска история (1904—1918), София, 1930, стр. 154.

⁷ См. „Доклад на парламентарната комисия...“, стр. VI—XV.

ние развертывавшегося революционного движения в стране¹. Дипломатическая переписка показывает, что даже в критические дни после поражения у Добро-Поле Малинов продолжал настаивать перед германским правительством на аннексии Северной Добруджи².

Правительство Малинова было неспособно заключить мир не только потому, что буржуазия не хотела лишиться завоеванных территорий, но также из-за опасений политических последствий выхода из войны.

Войну Болгария могла кончить только свержением Фердинанда и вместе с ним германофильской клики, противившейся сепаратному миру. В борьбе с германофильской кликой Малинов мог бы опереться только на болгарский народ. Однако буржуазное правительство Малинова больше всего боялось своего народа. Растущее революционное движение так напугало правительство Малинова, что оно поспешило отказаться от проектируемых переговоров с лагерем Антанты. Так под давлением революционного движения изменялась линия тех кругов болгарской буржуазии, которые надеялись использовать новое правительство для смены внешнеполитической ориентации Болгарии.

Стремясь обеспечить в первую очередь сохранение своих классовых привилегий и все еще надеясь на удовлетворение аннекционистских планов, основная часть болгарской буржуазии фактически продолжала послушно плестись в хвосте австро-германского империализма.

Между тем народные массы, истолковавшие смену правительства как смену курса, требовали серьезных перемен и во внешней и во внутренней политике государства. Но проходили дни и недели, а ожидаемые перемены не наступали.

Трудящееся население тыла все сильнее проявляло свое недовольство. Классовые противоречия достигли такого напряжения, что революционная гроза неминуемо должна была разразиться. Летом 1918 г., как заявил об этом на одном из межпартийных совещаний лидер Земледельческого союза Драгиев, даже «дети играли уже не в войну, а в революцию»³. Солдаты отказывались подчиняться началству и нередко открыто угрожали своим офицерам и унтер-офицерам скорым возмездием. Командующий 1-й Болгарской армии в июне 1918 г. сообщал в рапорте, что командиры частей «не только не имеют доверия к своим частям, но и сами упали духом до крайности». На этом докладе главнокомандующий генерал Жеков сделал следующую характерную пометку: «Роли переменялись — командуют ныне не командиры, а подчиненные; солдаты диктуют свою волю, свои понятия командирам»⁴.

На митингах и собраниях, которые в это время происходили на фронте, солдаты начали открыто заявлять, что если правительство не заключит в сентябре мира, то они сами добьются его⁵. Некоторые солдаты просили

¹ Аппетиты болгарских буржуазно-шовинистических кругов были настолько велики, что летом 1918 г. болгарское правительство стало добиваться участия Болгарии в совместном управлении территориями Кавказа, захваченными турецкими националистами (см. „Дипломатически документи...“, т. II, стр. 484). Характерно, что при этом болгарское правительство в инструкции своим дипломатам — участникам переговоров о судьбе кавказских территорий указывало, что „...необходимо во время переговоров вести себя так, чтобы в будущем мы не обвинялись как непосредственные участники раздробления России“ („Дипломатически документи...“, т. II, стр. 865).

² См. „Дипломатически документи...“, т. II, стр. 1042, 1051.

³ Д. Драгиев. Една политическа исповядъ, Стара Загора, 1919, стр. 31.

⁴ „Доказд на парламентарната комсия...“, стр. 53—54.

⁵ См. Хр. Халачев. Указ. соч., стр. 211.

в письмах к своим родным приготовить им гражданскую одежду, ибо они к сентябрю собирались быть дома¹. Внутри страны появились отряды дезертиров, против которых правительство посылало целые воинские подразделения. Власти пробовали при помощи военно-полевых судов и расстрелов восстановить дисциплину в армии, но из этого ничего не выходило. Болгарская армия перестала быть опорой интересов болгарской буржуазии. Это было вызвано влиянием Великой Октябрьской социалистической революции, влиянием русского примера на солдатскую массу.

Правительство не могло восстановить «порядок» ни в тылу, ни на фронте. В поисках опоры внутри страны оно обращалось за помощью и поддержкой к мелкобуржуазным партиям — Земледельческому союзу и широким социалистам, имевшим некоторое влияние среди трудящихся. С этой целью правительство созвало летом 1918 г. ряд совещаний совместно с лидерами партий, входивших в состав антантофильского блока, на которых присутствовали представители широких социалистов (Сакизов, Пастухов, Джигдров и др.) и Земледельческого союза (Радолов, Драгиев и др.)².

Лидеры широких социалистов и «земледельцев», хотя и воздержались от участия в правительстве и критиковали некоторые его действия, фактически поддерживали общую линию буржуазно-монархического лагеря, проводимую кабинетом Малинова—Костуркова³. Орган широких социалистов газета «Народ» в июле 1918 г. в унисон с самыми яркими шовинистами призывала к войне до победного конца и называла «безумством» и «преступлением» стремление к сепаратному миру⁴. Состоявшаяся 1 сентября 1918 г. конференция партии широких социалистов закрепила социал-шовинистскую и социал-предательскую позицию руководства партии, постановив, что необходимо с оружием в руках оборонять фронт и ожидать мира⁵.

Таковую же в основном позицию занимала и большая часть руководства Земледельческого союза, в то время как рядовые члены Земледельческого союза на фронте часто выступали совместно с тесняками против войны. Орган Земледельческого союза — газета «Земледельско знаме», — иногда критикуя правительство, фактически поддерживала его, призывая солдат продолжать войну до тех пор, пока правительство не заключит мира⁶.

По инициативе лидера партии широких социалистов Сакизова правительство Малинова прибегло к новому средству «укрепления духа» солдат на фронте⁷: оно начало посылать на фронт депутатов парламента и министров, которые, играя на патриотизме, уговаривали солдат продолжать войну. Разговоры эти велись в таком духе: продержитесь, мол, еще немного, скоро война окончится, и будет заключен мир. В течение лета 1918 г. такие поездки на фронт предприняли наследник престола Борис, министры Данаилов, Мушанов, Маджаров, Костурков и Фаденхект⁸.

¹ См. Л. Малеев в. Указ. соч., стр. 250.

² См. „Дневници на XIX-то О. Н. С...“, III р. с., кн. 3, стр. 1520—1521, и „Доклад на парламентарната комисия...“, стр. 80.

³ См. „Доклад на парламентарната комисия...“, стр. 92—93, 115, 124, 138—139; „Дневници на XVIII-то О. Н. С...“, I р. с., стр. 97.

⁴ См. „Дневници на XIX-то О. Н. С...“, I и. с., стр. 1387.

⁵ См. там же, кн. 3, стр. 1482.

⁶ См. „Доклад на парламентарната комисия...“, стр. 99; „Дневници на XIX-то О. Н. С...“, III р. с., кн. 3, стр. 1482, 1596.

⁷ См. „Дневници на XVIII-то О. Н. С...“, I р. с., кн. 1, стр. 97.

⁸ См. „Доклад на парламентарната комисия...“, стр. 9, 11, 19, 31—32. 40, 109, 126—127, 152.

а также депутаты различных партий, в том числе и представители широких социалистов и Земледельческого союза¹ (например, Цанко Бакалов). Но уговоры были уже совершенно бесполезны.

Бессилие правительства усилило разногласия внутри самого кабинета — между представителями демократической и радикальной партий².

Фракционная борьба по вопросу о курсе правительственной политики охватила само правительство.

Болгарские «верхи» явно уже не могли сохранить контроль над происходившими в стране событиями. Кризис правящих верхов был налицо.

Подведем некоторые итоги вышесказанному:

1. Первая мировая империалистическая война и вызванные ею хозяйственная разруха и истощение сил народа произвели глубочайшие изменения в болгарском государстве:

а. Угнетение громаднейшего большинства населения (пролетариата, крестьянства, мелкой буржуазии города) достигло к 1918 г. небывалых размеров. Жизненный уровень трудящихся снизился до крайней степени.

б. В связи с этим народные массы Болгарии пришли в движение. Политическая активность эксплуатируемых масс в тылу и солдат на фронте резко выросла.

2. Огромное значение в деле пробуждения политической активности трудящихся в Болгарии сыграла Великая Октябрьская социалистическая революция, ее идеи и лозунги, распространявшиеся тесняками в стране. «Наша революция, — указывал В. И. Ленин в 1918 г., — поползла с востока на запад и встречает там все более подготовленную почву»³.

Великая Октябрьская социалистическая революция пробудила революционную инициативу эксплуатируемых классов болгарского общества, показав им пример решения насущных вопросов.

3. В течение 1917 — первой половины 1918 г. в Болгарии нарастало революционное движение. В условиях обострения классовой борьбы в стране назревал кризис политики господствующих классов. Последний обострялся также и обстоятельствами внешнеполитического порядка (дипломатические неудачи, интриги дипломатии империалистов США и Антанты и др.).

Летом 1918 г. болгарские «верхи» явно не могли уже управлять по-старому.

Все это дает нам основание утверждать, что летом 1918 г. в Болгарии была налицо революционная ситуация.

4. Назревшая в Болгарии летом 1918 г. революционная ситуация была итогом длительного развития болгарского буржуазного государства, итогом тех перемен в болгарском обществе, которые были вызваны первой мировой империалистической войной и общим кризисом капиталистической системы хозяйства, обострившимся в ноябре 1917 г. расколом мира на две системы.

Обострение социально-экономических и политических противоречий в болгарском обществе, вызвавшее нарастание революционной ситуации, должно было привести к новым революционным битвам.

¹ См. «Доклад на парламентарната комисия...», стр. 80.

² См. там же, стр. 19.

³ В. И. Ленин. Соч., т. 28, стр. 95.

*
*
*

К сентябрю 1918 г. положение в Болгарии достигло крайнего напряжения. Иллюзии, связанные со сменой правительства, полностью рассеялись. Трудящиеся массы и солдаты на фронте совершенно потеряли веру в обещания правительства облегчить их положение и заключить мир.

Один очевидец охарактеризовал положение в болгарской армии в конце августа — начале сентября 1918 г. следующими словами:

«Никогда в жизни я не видел такого грозного недовольства истрадавшихся людей. В сердце каждого солдата-фронтовика коренилось твердое убеждение, что в самом близком будущем он должен действовать таким образом, чтобы положить конец этой безумной войне...»¹ По всему фронту стихийно распространился лозунг: «Мир до 15 сентября!» Дата 15 сентября фигурировала в различных листовках и плакатах на фронте, а также в письмах, посылавшихся домой². Тем самым солдаты заявляли, что 15 сентября является крайним сроком их терпения в ожидании мероприятия правительства по заключению мира.

Правительство Малинова запросило помощи у германского командования. В ответ на это германское правительство организовало очередную поездку в Болгарию представителей немецких царствующих домов: 10 сентября в Болгарию прибыл баварский король Людвиг III, а 15 сентября — саксонский король Август III. Визиты немецких коронованных особ должны были продемонстрировать «неразрывность уз», связывающих обе союзные державы.

К сентябрю 1918 г. соотношение сил на Салоникском фронте было следующее. Силы и возможности Восточной армии Антанты непрерывно увеличивались с начала 1918 г. В связи с провалом немецких наступлений на Западном фронте в 1918 г., переходом инициативы с 18 июля 1918 г. в руки Антанты и началом контрнаступления Фоша, а особенно после 8 августа 1918 г. («черной» пятницы германской армии), военно-политическая обстановка явно сложилась в пользу держав Антанты.

Новый главнокомандующий армиями Антанты на Салоникском фронте генерал Франше д'Эсперэ, сменивший генерала Гильома, начал подготовку к решительному наступлению.

К моменту наступления превосходство армии Антанты над болгарской армией было подавляющим³.

В составе Восточной армии были: французская армия (8 пехотных дивизий и 1 кавалерийская бригада), английская армия (4 пехотных дивизии), 2 сербские армии (6 пехотных дивизий), 1 итальянская и 10 греческих пехотных дивизий — всего 29 пехотных дивизий и кавалерийская бригада. Это составляло до 670 тыс. человек при 2070 орудиях против 400-тысячного деморализованного болгарского войска⁴, состоявшего из 11-й «германской» армии (она называлась германской ввиду того, что

¹ Хр. Халачев. Указ. соч., стр. 212.

² См. «Доклад на парламентарната комисия...», стр. 27, 61; Хр. Халачев. Указ. соч., стр. 211—212.

³ Недаром главнокомандующий болгарской армией генерал Жеков 8 сентября неожиданно под предлогом болезни уехал в Вену, и его заменил генерал Тодоров.

⁴ Корсун. Балканский фронт мировой войны 1914—1918 гг., стр. 93—94; А. Христов. Исторически преглед на общоевропейската война и участието на България в нея, София, 1925, стр. 480—481.

высшее командование ее шести пехотных дивизий находилось в руках немецких офицеров — советников, а ранее в ее состав входили немецкие части), 3 болгарских армий (7 пехотных и 1 кавалерийской дивизии) и отдельного австрийского корпуса в Албании (2 пехотных и 1 кавалерийской дивизии) — всего 15 пехотных и 2 кавалерийских дивизии. К тому же союзники имели полное превосходство в артиллерии и авиации¹.

В тот самый день, 15 сентября 1918 г., когда царь Фердинанд устроил торжественный прием во дворце саксонскому королю, армия Антанты на Салоникском фронте начала наступление в районе Добро-Поле, в Македонии. После артиллерийской подготовки, произведенной 14 сентября, войска Антанты в течение четырех дней (15—18 сентября) прорвали проходившую по горным рубежам у Добро-Поле линию обороны.

Командование Антанты бросило в прорыв кавалерийскую часть, устремившуюся в направлении на Скопле. Значительная часть болгарской армии, находившаяся западнее района прорыва, начала отступать слишком поздно и оказалась отрезанной от Болгарии. Остальные болгарские части отступали к границам Болгарии.

Болгарский фронт был полностью дезорганизован. Отступление болгарской армии превратилось в беспорядочное бегство.

Командование попыталось расстрелями приостановить бегство отступающих солдат. Это не помогло. Тогда болгарское командование обратилось 23 сентября к Гинденбургу, прося прислать в помощь не менее десяти дивизий². В эти же дни подобные просьбы о помощи были посланы в Берлин и Вену³. В то же время правительство Малинова, очевидно, не представляя еще в полной мере катастрофичности положения Болгарии, продолжало по инерции старую линию проведения аннексионистской программы болгарских шовинистических кругов. В ряде телеграмм, посланных в Берлин уже после прорыва у Добро-Поле (например, 22 сентября), оно настаивало на разрешении вопроса о Северной Добрудже в пользу Болгарии⁴.

Германское правительство, не имея свободных резервов, отказало болгарскому командованию в посылке подкреплений. Одновременно с этим, опасаясь выхода Болгарии из коалиции центральных держав и стремясь привязать к себе правительство Малинова, германское правительство в последний момент решило отдать Болгарии Северную Добруджу, о чем был подписан *ad referendum* 25 сентября в Берлине соответствующий протокол между болгарским посланником Колушевым и представителями Германии, Австро-Венгрии и Турции⁵.

Между тем Болгарский фронт полностью развалился. Правительство, тщетно пытаясь исправить положение, послало юнкеров из школы запасных офицеров и конных гвардейцев, которые беспощадно расстреливали отступающих солдат. Это только усилило негодование отступавшей массы сол-

¹ На решающем участке фронта в районе прорыва у Добро-Поле союзники имели подавляющее превосходство. Только на участке Солул-Баховская гряда войска Антанты имели в 3,5 раза больше штыков, в 4,5 раза больше пулеметов, в 6,3 раза больше легких и в 8,9 раза больше тяжелых орудий, чем у болгарской армии (см. Д. Маринов. Указ. соч., стр. 25).

² См. «Дипломатически документи...», т. II, стр. 1055.

³ См. там же, стр. 1075.

⁴ См. там же, стр. 1042, 1054—1055.

⁵ См. там же, стр. 1061.

дат, давно стремившихся покончить с антинародной, империалистической войной.

Поражение армии, развал дисциплины и полный хаос, наступивший на фронте, дали выход давно назревшему негодованию солдатской массы, горевшей желанием расправиться с виновниками войны. В такой обстановке и зародилось стихийное солдатское движение — «На Софию!» под лозунгом «Под нож погромаджитѣ!» («Смерть виновникам разгрома!»)¹.

Утром 24 сентября в районе Берово-Пехчево (в восточной части Македонии, около болгарской границы) это движение солдат на Софию начало получать организованную форму. Часть солдат отступающей армии объединились в два батальона, избрав ротных командиров². Так возник один из очагов стихийно начавшегося солдатского восстания.

Другим ядром армии восставших явилась группа солдат, которая под руководством подпоручика Димитрова совершила 24 сентября нападение на штаб-квартиру в Кюстендиле. В отряде, организовавшем нападение на штаб-квартиру, существовал солдатский комитет. Захватив без всякого сопротивления штаб, солдаты уничтожили архив и арестовали генералов и офицеров, находившихся там. Через несколько часов солдаты по неопытности освободили арестованных генералов и офицеров³.

Были и другие очаги восстания. В районе Горна-Джумайи, куда на усмирение отступающих солдат была послана конная гвардия, 23—24 сентября солдаты обратили в бегство гвардейскую часть⁴. Среди участников этих событий был и член партии тесняков военнослужащий военно-технической части Ганчо Динчев⁵.

В эти дни готова была подняться вся армия, клокотавшая от ненависти к тем, кто заставил солдат в течение долгих лет страдать в окопах. Нехватало лишь организующего начала — партии, которая бы возглавила и направила это восстание.

Тем временем правительство Малинова, уяснившее уже себе значение поражения на Македонском фронте и размеры грозящих политических последствий создавшейся обстановки, решило предпринять срочные меры. Узнав о начавшемся восстании, правительство на вечернем заседании 25 сентября решило войти в контакт с командованием Антанты с целью прекращения военных действий и установления мира⁶. Правительство хотело вырвать лозунг мира, бывший одним из наиболее популярных лозунгов среди недовольных солдат, из рук восставших, ослабить их волю к борьбе, локализовать, а затем и подавить восстание.

На пути к установлению контакта с командованием Антанты встал царь Фердинанд, верный холоп германского империализма. Уже в первые дни после прорыва у Добро-Поле Фердинанд решил разогнать при помощи немецких войск правительство Малинова и установить диктатуру во главе

¹ См. Г. Дамьянов. Истината на Септемврийската революция в България от 17 до 30 септември 1918 г., София, 1921, стр. 27.

² См. там же. Болгарский историк Христов высказал предположение, что к отступающим солдатам в их стихийном движении на Софию присоединились и солдаты, ранее дезертировавшие с фронта и скрывавшиеся от преследований командования как раз в районе Берово-Пехчево, о котором говорит Г. Дамьянов (см. „Исторически преглед“, 1949—1950, кн. 1, стр. 74).

³ См. Хр. Христов. Войнишкото въстание през 1918 г., „Исторически преглед“, 1950, кн. 1, стр. 42.

⁴ См. Хр. Халачев. Указ. соч., стр. 218—219.

⁵ См. там же.

⁶ См. К. Kratchounov. Указ. соч., стр. 86, 88.

с преданным ему и Германии генералом (вроде генерала Рачо Петрова). Он предпринял поездку в Ускюб, к командиру 11-й «германской» армии генералу Шольцу, а также совещался с немецкими представителями в Болгарии — полковником фон Массовым и графом Оберндорфом. Фердинанд хотел и дальше продолжать войну на стороне Германии, превратив Болгарию в театр военных действий¹. Однако сил для правительственного переворота у Фердинанда не оказалось.

Правительство же Малинова, подталкиваемое страхом перед нарастающей волной народного гнева, начало предпринимать спешные меры, чтобы установить контакт с командованием Антанты.

На помощь правительству пришли американские дипломаты². Представители американской дипломатии в Болгарии — генеральный консул Д. Мэрфи и атташе миссии А. Уолкер поспешили оказать содействие заключению перемирия между Болгарией и Антантой, надеясь, что перемирие даст возможность болгарскому правительству собрать свои силы для подавления восстания. 25 сентября Мэрфи и Уолкер вместе с уполномоченными болгарского правительства (Ляпчевым и Радевым) спешно отправились в штаб болгарской армии, а оттуда навстречу наступающим войскам Антанты, чтобы завязать переговоры с их командованием³.

В этот же день правительство поспешило освободить из тюрьмы лидеров Земледельческого союза А. Стамболийского и Р. Даскалова.

Вокруг личности Стамболийского и Даскалова в литературе был создан ореол организаторов и руководителей Владейского восстания, творцов Радомирской республики. В литературе можно даже встретить и название «земледельческая революция». Этим названием «земледельцы», враги единых действий с коммунистами, хотели подчеркнуть, что Земледельческий союз якобы сыграл роль безраздельного и единственного организатора Владейского восстания. Все эти легенды не соответствуют действительности.

Выпустив Стамболийского из тюрьмы, правительство намеревалось использовать его авторитет для борьбы против восстания. Просидевший три года в тюрьме за выступление в сентябре 1915 г. против участия Болгарии в войне на стороне Германии, Стамболийский был окружен в глазах крестьян, одетых в солдатские шинели, ореолом борца против Фердинанда. Солдатские массы не знали, что Стамболийский выступал в 1915 г. против Фердинанда потому, что был за участие Болгарии в войне на стороне России и Антанты.

Освобожденный утром 25 сентября 1918 г. из Софийской тюрьмы, в которой в это время продолжал находиться в заточении Г. М. Димитров, Стамболийский присутствовал на совещании партий антантофильского блока с участием представителей демократов, радикалов, народняков, прогрессистов, земледельцев, широких социалистов, посвященном вопросу о борьбе с нараставшим солдатским восстанием. Затем Стамболийский посетил совет министров, получил информацию у военного министра генерала Савова⁴, после чего имел беседу с царем Фердинандом, в ходе которой он

¹ См. P. Gentizon. Le drame bulgare (de Ferdinand de Bulgarie a Stamboulisky), Paris, 1924, p. 12—13; „Доклад на парламентарната комисия...“, стр. 99, 103, 125.

² См. „Дневници на XIX-то О. Н. С...“, I р. с., кн. 2, стр. 1169, 1172; III р. с., стр. 1468; „Доклад на парламентарната комисия...“, стр. 110, 119, 182.

³ См. „Foreign relations...“, 1918, Supp. I, vol. I, p. 323, 477.

⁴ См. „Работнически вѣстник“, 10.X 1920 г.

4 Ученые записки, т. V

согласился отправиться вместе с представителями других партий навстречу восставшим солдатам, чтобы уговорить их прекратить восстание¹.

Мотивы, определявшие согласие Стамболийского и Даскалова на поездку в составе правительственной делегации, были совершенно противоречивы, как противоречива была идеология этих мелкобуржуазных деятелей и все их дальнейшее поведение во время восстания.

Стамболийский и Даскалов принадлежали к числу радикальных лидеров Земледельческого союза рассматриваемого периода. Однако Стамболийский не был революционером, каким он иногда казался в глазах малосознательной массы трудового крестьянства. Хотя Стамболийский, отражая недовольство крестьянской массы, шедшей за Земледельческим союзом, часто выступал с радикальными требованиями против самодержавных тенденций царя Фердинанда и его германофильского курса, однако он был противником революции.

Стамболийский, как и многие другие мелкобуржуазные деятели из Земледельческого союза того времени говорили «... о возможности уничтожения зол капитализма, не посягая на основы капитализма»². Этим, в основном, и определялось отрицательное отношение Стамболийского к революционным выступлениям трудящихся масс вообще и к вооруженному восстанию болгарских солдат в частности, которое он и не скрывал³.

Разразившееся в стране солдатское восстание пугало Стамболийского. Он опасался, что это восстание могло расстроить проектировавшиеся им еще во время пребывания в тюрьме планы «бескровной революции», которую Стамболийский намеревался совершить при помощи офицеров второй армии, чтобы свергнуть Фердинанда и германофильскую клику и установить правительство, ориентирующееся на Антанту⁴. Боязнь революционных действий народных масс толкала мелкобуржуазных руководителей Земледельческого союза к соглашению с антантофильскими кругами болгарской буржуазии; от этих последних они рассчитывали получить поддержку в борьбе против Фердинанда и германофильской клики, в которой они видели главное зло.

С другой стороны, были, без сомнения, и другие противоречившие указанным мотивы, определившие согласие Стамболийского на его поездку к восставшим. Стамболийский и Даскалов, дав согласие на поездку в составе правительственной делегации, втайне мечтали при благоприятном стечении обстоятельств взять в свои руки руководство восставшими солдатами, чтобы направить восстание в нужном для них направлении. Они намеревались использовать восставших солдат для того, чтобы свергнуть Фердинанда и германофильскую клику, а если удастся, то и провозгласить республику, руководимую Земледельческим союзом с президентом Алексан-

¹ А. Стамболийский. Двѣтъ ми срѣщи с царь Фердинандъ, София, 1919, стр. 31.

² В. Червенков. За работата на комунистическата партия в село (сборник от доклади и статии), София, 1951, стр. 278.

³ В ряде более поздних выступлений (в 1919—1922 гг.) Стамболийский признавал, что у него не было намерения способствовать победе революционного восстания солдат. «Мы не хотели совершать революции», говорил он, например, в 1919 г. (см. «Дневници на XVIII-то О. Н. С. . .», I р. с., кн. I, стр. 523).

⁴ В целях осуществления этого плана Стамболийский и Даскалов еще во время пребывания в тюрьме сблизались с находившимся в той же тюрьме агентом французской разведки неизвестным авантюристом Костой Тодоровым (см. Хр. Халачев. Указ. соч., стр. 228; П. Генев. Коста Тодоров, София, 1947, стр. 26, 34, 48).

дром Стамболийским во главе. Во имя осуществления этого плана Стамболийский не отказывался и от идеи блока с тесняками, о чем свидетельствует его беседа с Д. Н. Благоевым, состоявшаяся 25 сентября 1918 г. в день его освобождения из тюрьмы¹.

Таковы были основные причины противоречивого, колеблющегося, объективно сыгравшего на-руку болгарской реакции поведения Стамболийского и Даскалова во время восстания².

В то самое время, когда в правящих кругах Болгарии проектировались различные планы верхушечных переворотов, а правительство предпринимало меры для локализации и «обезвреживания» восстания и, в частности, готовило отправку делегации с участием Стамболийского, ряды восставших все более расширялись.

К отступавшим солдатам, стремившимся на Софию для того, чтобы расправиться с виновниками войны, присоединялись все новые и новые группы. Все они направлялись из Восточной Македонии, через Горна-Джумайю (ныне Благоевград), Кюстендил и Дупницу (ныне город Станке-Димитров) на Радомир, а оттуда на Софию. Один из участников событий — Г. Дамянов рассказывает, что их группа солдат по пути из Пехчево в Горна-Джумайю росла так быстро, что к утру 25 сентября насчитывала в своем составе четыре батальона³. Достигнув к вечеру 25 сентября города Горна-Джумайи, этот отряд восставших помог находившимся в районе Горна-Джумайи восставшим солдатам разбить юнкеров и занять железнодорожную станцию. В Горна-Джумайе и Дупнице восставшие солдаты освободили арестованных. Из Горна-Джумайи солдаты отправились на поездах в Радомир. Небольшой отряд восставших под командованием унтер-офицера Попова двинулся по шоссе для того, чтобы обезопасить сообщение по железнодорожной линии и освободить арестованных в разных местах солдат⁴.

Когда отряды восставших солдат прибыли 26 сентября в Радомир, они застали там отряд восставших, участвовавший в нападении на штабквартиру в Кюстендиле, и другие группы солдат. Общее число восставших солдат, организованных в отряды и группы, достигало к этому времени, по некоторым данным, 4—5 тыс. человек. Кроме того, в Радомире и его окрестностях насчитывалось не менее 8—10 тыс. неорганизованно отступавших солдат⁵.

Из Горна-Джумайи и Кюстендила прибывали все новые и новые поезда с отступавшими солдатами, многие из которых присоединялись к восстанию. Однако значительно большее число солдат расходилось по домам.

¹ См. „Работнически вѣстник“, 6.VI 1919 г.

² Хотя колеблющаяся и противоречивая позиция Стамболийского в период Владыйского восстания объективно сыграла на руку реакции, из этого, однако, ни в коем случае не следует делать вывод о том, что Стамболийский был субъективно сторонником реакционного лагеря. Свою жизнь, полную присущих мелкобуржуазным деятелям колебаний и непоследовательности, Стамболийский окончил в июне 1923 г. в борьбе против болгарских фашистов, ставленников английского и итальянского империализма. Тщетны поэтому попытки бежавших из народно-демократической Болгарии агентов американско-английского империализма — презренных геметовцев и виколопетковцев — представить себя в качестве идейных наследников Стамболийского.

³ См. Г. Дамянов. Указ. соч., стр. 27.

⁴ См. там же, стр. 28—31.

⁵ См. Хр. Христов. Указ. статья, стр. 44.

В Радомире восставших солдат возглавлял комитет, состоявший из трех человек. В составе этого комитета, которому принадлежала власть в Радомире, находились: один рабочий-швейник, член партии тесняков, один солдат, член Земледельческого союза, и один анархист¹.

Поднявшиеся на восстание солдаты не поддавались уговорам офицеров и гражданских лиц, пытавшихся еще на пути в Радомир, в городе Дупница, отговорить их от движения на Софию. В ответ на обещания продовольствия, свободы и т. д. солдаты дружно отвечали:

«София и ничто другое!»²

Восставшие солдаты добивались, как об этом свидетельствовал Стамболийский в 1919 г., прекращения войны и наказания виновников этой войны, освобождения арестованных участников солдатских восстаний, уничтожения монархии и провозглашения республики, конфискации в пользу народа богатств, награбленных миллионерами во время войны, проведения радикальных реформ с целью демократизации страны³.

Таким образом, стихийно начавшееся в ряде мест 22—24 сентября 1918 г. солдатское восстание в течение нескольких дней сделало значительные успехи, охватив большое число отступающих солдат.

Однако восставшим не хватало руководства со стороны боевой революционной партии, которая возглавила бы восстание, расширила бы его, выдвинув ясные цели и лозунги и подняв на борьбу широкие массы угнетенных города и деревни.

* * *

Тесняки своей антивоенной агитацией, развернувшейся особенно после Великой Октябрьской социалистической революции, во многом подготовили солдатское восстание.

Антивоенная деятельность тесняков в годы войны в Народном собрании, распространение ими полулегальной и нелегальной литературы в стране и на фронте, агитационная деятельность находившихся в армии десятков и сотен рядовых членов партии тесняков, подвергавшихся за это жестоким репрессиям, приняли после Октябрьской революции значительный размах.

Нараставшее весной и летом 1918 г. революционное движение в болгарской армии привело в конце концов к массовому солдатскому восстанию в сентябре 1918 г.

«Великая русская революция, — говорил В. П. Коларов в своем выступлении по случаю 4-летней годовщины Октября на митинге в Софии 7 ноября 1921 г., — распространила через тесных социалистов свое влияние и на народные и солдатские массы Болгарии»⁴.

В самой партии тесняков к этому времени начали намечаться некоторые, все усиливающиеся сдвиги в сторону большевизации. Тесняки этого времени были передовым отрядом болгарского пролетариата, к которому применимы слова В. И. Ленина о том, что «передовые рабочие во всех странах... не столько поняли, сколько инстинктом революционного класса

¹ См. М. Г о р о в. Борьба крестьян Болгарии, М., 1927, стр. 102.

² Г. Д а м я н о в. Указ. соч., стр. 30.

³ См. А. С т а м б о л и й с к и й. Результатът от дейността на земеделски тесняци, София, 1919, стр. 35.

⁴ „Работнически вестник“, 9.XI 1921 г.

схватили, почуяли», что «русский образец показывает всем странам кое-что, и весьма существенное из их неизбежного и недалекого будущего»¹.

Однако, хотя тесняки пропагандировали многие идеи и лозунги Великой Октябрьской социалистической революции, они не сумели в это время творчески воспринять и усвоить опыт революции в России применительно к болгарским условиям.

«Тесняки, — говорил Г. М. Димитров в докладе на V съезде БРП(к), — не восприняли новую фазу капитализма — империализм, как его последнюю фазу, как канун пролетарской революции, партия не ставила конкретно вопроса о власти, о вооруженном восстании, как средстве свержения власти класса буржуазии»².

Проблему революции в Болгарии тесняки не рассматривали как проблему сегодняшнего дня. Они исходили из неправильного представления о том, что судьбы революции в Болгарии зависят в основном («на три четверти») от развития событий в больших европейских странах, что обрекало партию на пассивное выжидание³.

Тесняки, с одной стороны, соглашались с необходимостью превращения войны империалистической в войну гражданскую и поражения своего правительства в империалистической войне, а с другой — попрежнему выдвигали в качестве центрального лозунга лозунг мира, не связывая борьбу за мир с борьбой за власть, за революцию. Так, например, в упоминавшемся выше призыве «К рабочим и мелким собственникам городов и сел», опубликованном ЦК партии тесняков после Октябрьской революции, говорилось:

«Самой насущной потребностью настоящего момента является немедленный всеобщий мир, — и не только для того, чтобы положить конец страшному кровопролитию и истреблению народа, но главным образом для того, чтобы развязать руки рабочему классу и всем угнетенным и обездоленным, чтобы дать им возможность взять в собственные руки свою судьбу»⁴.

Таким образом, тесняки не понимали, что дело мира связано с победой пролетарской революции, что именно свержение власти буржуазно-шовинистического империалистического правительства является наиболее верным средством ликвидации войны и достижения справедливого мира без аннексий и контрибуций. Тесняки ошибочно полагали, что сначала нужно заключить мир, после чего пролетариат продвинется к революции. Эта глубоко ошибочная точка зрения привела к тому, что даже в дни Владыйского восстания страницы газеты «Работнически вѣстникъ» были наполнены статьями, призывавшими к миру и игнорировавшими вопрос о власти⁵.

Занимаясь в основном агитационно-пропагандистской деятельностью, партия тесняков организационно не закрепила свое растущее идейное влияние среди трудящихся масс. Она не направляла революционной энергии

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 31, стр. 5—6.

² Г. М. Димитров. Политический отчет ЦК БРП(к) на V съезде, „Ново време“, София, 1949, № 1, стр. 20—21.

³ В программе партии тесняков говорилось, что „... освобождение рабочего класса является делом, в котором принимают равномерное участие рабочие всех цивилизованных стран“ („БРП(к) в резолюции...“, т. I, стр. 206).

⁴ Там же, стр. 419.

⁵ См., напр., номер от 28 сентября 1919 г., где помещена передовая статья под заглавием „Всеобщий мир“.

пролетариата на использование революционной ситуации в стране в целях свержения буржуазно-монархического режима. «Партия, — говорил Г. М. Димитров, — еще не рассматривала себя как высшую форму организации болгарского рабочего класса, ... не рассматривала себя активной силой, призванной не только организовывать и просвещать трудящихся... но и участвовать в формировании и направлении революционных событий, быть руководящим фактором в подготовке, организации и развитии пролетарской революции»¹.

В результате этого партия тесняков не стала активной силой, способной возглавить и направить борьбу трудящихся, не стала организатором и руководителем масс, партией нового типа. Фактически партия тесняков продолжала оставаться небольшой группой преданных революции и рабочему движению людей, мало связанных с широкими массами.

Руководство партии тесняков не сделало в это время правильных выводов из опыта русской революции и в области тактики. Оно попрежнему доктринерски подходило к вопросу о компромиссах, отрицая революционные компромиссы, что привело партию к отказу от участия во Владайском восстании. Партии «было чуждо ленинское учение о революционных компромиссах, без которых ни одна революционная партия не может успешно бороться и двигаться вперед»².

Чрезвычайно губительно в болгарских условиях было неправильное отношение тесняков к крестьянству.

«„Тесный“ социализм, — говорил Г. М. Димитров, — доктринерски считал крестьян, товаропроизводителей лишь консервативным элементом. Он не учитывал, что господство монополий связано со все большим угнетением и разорением основных масс крестьянства, что оно усиливает среди них недовольство и революционные настроения. Это непонимание революционных возможностей крестьянства как союзника рабочего класса в революции является весьма характерным отличием «тесного» социализма от ленинизма»³. Признавая после Октябрьской революции правильную тактику большевиков в России в крестьянском вопросе, тесняки еще не понимали необходимости изменить свою собственную тактику по отношению к крестьянству. Они продолжали игнорировать революционные возможности болгарского крестьянства. Так, например, в передовой статье «Кризис капитализма», напечатанной в конце мая 1918 г. в газете «Работнически вѣстникъ», говорилось о том, что наступает период великих общественных преобразований, в которых активная творческая роль принадлежит рабочему классу. О крестьянстве же тесняки в условиях Болгарии, где 80% населения составляли крестьяне, не говорили ни слова⁴.

Яркой иллюстрацией положения в партии тесняков в этот период были решения II партийной конференции тесняков, состоявшейся накануне самого восстания 22 сентября 1918 г.

В резолюции, принятой на конференции по докладу Хр. Кабакчиева «О международном положении и задачах интернациональной социал-демократии», говорилось: «Болгарская социал-демократическая партия с восторгом приветствует победу русского пролетариата, видя в последнем передовой отряд европейского революционного пролетариата и рассматривая

¹ Г. М. Димитров. Указ. соч., стр. 20—21.

² Там же, стр. 21.

³ Там же, стр. 22.

⁴ См. „Работнически вѣстникъ“, 22.V 1918 г.

русскую революцию авангардом европейской социалистической революции»¹. Далее в резолюции указывалось, что «русская революция имеет не только местное значение, для России... она окажет решающее влияние на дальнейшую борьбу международного социалистического пролетариата»². Резолюция подчеркивала, что все рабочие партии «должны всеми силами поддержать русскую революцию», и указывала, что «все партии, которые прямо или косвенно поддерживают свои правительства в борьбе против русской революции или относятся к ней безучастно, — способствуют ее поражению и тем самым изменяют социализму и переходят в лагерь контр-революции»³. Резолюция осудила предательство социал-демократов западноевропейских стран, предательство социал-патриотов II Интернационала и призвала к созданию нового — III Интернационала, продемонстрировав таким образом верность партии тесняков принципам интернационализма, делу пролетарской революции.

Однако резолюция не упоминала о непосредственной подготовке революции в самой Болгарии. Более того, в резолюции указывалось, что такая маленькая страна, как Болгария, должна ожидать своего освобождения от победы революции в Европе⁴.

Таким образом, в период революционной ситуации партия тесняков явно отставала от тех требований, которые предъявляла история к авангарду пролетариата. Правда, когда один из делегатов конференции, представитель из армии, задал Благоеву вопрос, что нужно делать в случае восстания в армии, Благоев на это ответил: «Вам нужно взять оружие и направиться на Софию, чтобы взять власть»⁵. Однако это словесное присоединение к большевистскому лозунгу о превращении войны империалистической в войну гражданскую на деле оказалось только декларацией. Руководство партии тесняков в решениях конференции не нацелило партию и болгарский пролетариат на вооруженное восстание, не разработало конкретного плана революционных действий, не подготовило партию к вооруженному восстанию.

Поэтому в момент, когда в Болгарии вспыхнуло Владайское восстание, партия тесняков оказалась не подготовленной к тому, чтобы возглавить революционную борьбу восставших солдат.

Нельзя сказать, что тесняки и сочувствующие им рабочие не приняли участия во Владайском восстании (как об этом пишут некоторые авторы брошюр о Владайском восстании)⁶. В рядах восставших солдат было значительное количество членов партии тесняков и сочувствующих им солдат. Об этом свидетельствует один из деятелей Земледельческого союза, участник восстания Г. Дамянов, который рассказывает, что когда восставшие солдаты по пути на Софию узнали об освобождении Стамболийского из тюрьмы, многие из них громко выражали свое недовольство тем, что не были освобождены из тюрьмы депутаты партии тесняков — Г. М. Димитров и К. Ципоранов⁷.

¹ „БРП(к) в резолюции...“, т. I, София, 1947, стр. 427.

² Там же, стр. 428.

³ Там же.

⁴ См. там же, стр. 429—430.

⁵ Хр. Кабакчиев. Д. Благоев и болгарские тесняки. „Историк-марксист“, 1935, № 4, стр. 54.

⁶ См., напр., Б. Пашов. Д-р Райко Даскалов — вождь на Радомирската република, София, 1946, стр. 9.

⁷ См. Г. Дамянов. Указ. соч., стр. 29.

Более того, многие тесняки были руководителями восставших солдат. Тот же Дамянов свидетельствует, что в группе восставших, в которой находился он сам, целый ряд избранных солдатами командиров рот были тесняками (или, как автор называет их, — «коммунистами»¹). В числе трех членов революционного комитета, захватившего власть в городе Радомире, был рабочий-тесняк.

Большое значение имела также деятельность тесняков в частях и гарнизонах в тылу. Революционную пропаганду в частях, расположенных внутри страны, проводили в это время тесняки Станке Димитров (Марек)², Антон Иванов, находившийся в это время в железнодорожных войсках в Радомире³, Георгий Дамянов, проводивший во время восстания пропаганду среди солдат роты связи⁴, и другие. В результате правительство в момент восстания оказалось лишенным поддержки со стороны частей, находившихся внутри Болгарии. Так, например, оказался совершенно небоеспособным гарнизон города Дупницы, где проводил работу Станке Димитров. Многие солдаты находившихся в Дупнице частей готовы были присоединиться к восставшим, но командир Дупницкого гарнизона генерал Чилингиров зверскими репрессиями навел «порядок» в гарнизоне⁵.

Готовились к выступлению в ряде мест и рабочие, руководимые тесняками. Так, например, шахтеры Перника (ныне город Димитрово), узнав о приближении восставших солдат, послали своих представителей (в числе их был один из организаторов перникского союза шахтеров тесняк Иван Костадинов) в Софию, в Центральный комитет партии тесняков за получением инструкций⁶.

Однако руководство партии тесняков в ночь с 25 на 26 сентября заняло оппортунистическую позицию, приняв решение о невмешательстве в события⁷. Эту позицию осуждал Г. М. Димитров, внимательно следивший из тюрьмы за политическим положением в стране и ставивший в одном из писем, посланных из тюрьмы в момент восстания, вопрос о совместной с Земледельческим союзом борьбе против монархии и германофильской клики, о необходимости вмешательства партии в руководство восстанием⁸. Находившийся же в то время в Софии секретарь ЦК партии тесняков Христо Кабакчиев в ответ на вопросы многих представителей низовых организаций тесняков о позиции партии заявил, что начавшееся восстание «есть бунт сельских масс, партия не может довериться стихийному движению сельской массы»⁹. Таким образом, партия тесняков самоустранилась от руководства стихийным восстанием солдатских масс, недооценив, его огромных революционных возможностей. Заняв эту ошибочную, оппортунистическую позицию, руководство партии тесняков очистило тем самым поле действия для лидеров Земледельческого союза.

¹ Г. Дамянов. Указ. соч., стр. 29.

² См. „Работническо дело“, 18.II 1949 г.; „Свободная Болгария“, 12.XII 1948 г.

³ „Антон Ивановъ. 1884—1942“, М., 1944, стр. 8, 17, 41.

⁴ См. „Народна войска“, 18.XII 1948 г.

⁵ См. „Дневници на XVII-то О. Н. С...“, IV н. с., стр. 40.

⁶ См. Хр. Халачев. Указ. соч., стр. 229—230.

⁷ См. там же, стр. 219.

⁸ См. С. Благоева. Георгий Димитров, М., 1937, стр. 25. Об отрицательном отношении Г. М. Димитрова к пассивному поведению партии во время восстания свидетельствует находившийся с ним в это время в одной тюрьме Хр. Халачев (Хр. Халачев. Указ. соч., стр. 230).

⁹ Хр. Халачев. Указ. соч., стр. 219.

* * *

В то время, когда руководство партии тесняков приняло свое доктринерское решение о невмешательстве в события, из Софии навстречу восставшим солдатам выехала делегация правительства и вместе с нею А. Стамболийский и Р. Даскалов. Кроме последних в составе делегации находились военный министр генерал Сава Савов и представители буржуазных и мелкобуржуазных партий, в том числе от партии широких социалистов Никола Сакаров¹.

Посылка правительством делегации имела прежде всего целью выиграть время, необходимое правительству для того, чтобы собраться с силами. В частности, оно возлагало большие надежды на Стамболийского. Восставшие солдаты на пути их следования к Софии всюду получали специальные предупреждения о том, что Стамболийский выпущен из тюрьмы. Правительство надеялось этим успокоить солдат².

Вечером 26 сентября 1918 г. правительственная делегация прибыла в Радомир и, направившись в лагерь восставших, сразу же попыталась воздействовать на солдат³. Утром 27 сентября делегация представителей буржуазных и мелкобуржуазных партий снова пыталась уговорить солдат отправиться на фронт⁴. Первым выступил Стамболийский. В своей речи Стамболийский пытался доказывать, что он якобы всегда боролся за интересы родины и народа, ссылаясь при этом на свое выступление против Фердинанда в 1915 г. и на трехлетнее пребывание в тюрьме. Призывая солдат «образумиться», он говорил:

«В сентябре 1915 г., когда вам приказали воевать, я высказался против войны... Теперь я — тот самый Стамболийский, которого вы так хорошо знаете, нынче умоляю вас воздержаться от мятежа и насилий»⁵. Однако выступление Стамболийского не произвело впечатления на солдат, что засвидетельствовал Дамянов, отметивший в своих воспоминаниях, что на слова Стамболийского мало кто обратил внимание⁶. После окончания речи Стамболийского послышались крики: «Долой!».

После Стамболийского выступил представитель «широких» Н. Сакаров. Он заявил, что партия широких социалистов полностью поддерживает правительство, и призывал солдат отправиться на фронт. Выступление Сакарова было прервано руководителем одного из отрядов восставших солдат унтер-офицером Ароновым, который сочувствовал партии тесняков⁷. Восставшие солдаты отнеслись резко отрицательно к попыткам Стамболийского и Сакарова уговорить их прекратить восстание. Так же они отнеслись и к предложению военного министра генерала Савова сдать оружие и разойтись по домам. Выступление военного министра, наполненное угрозами вперемежку с посулами, не произвело никакого впечатления.

¹ См. Д. Драгиев. *Една политическа исповядь*, София, 1919, стр. 33; „Дневници на XVII-то О. Н. С...“, IV р. с., стр. 495; IV и. с., стр. 552.

² См. Д. Драгиев. *Указ. соч.*, стр. 28, 29—30, и Г. Дамянов. *Указ. соч.*, стр. 28—30.

³ См. Г. Дамянов. *Указ. соч.*, стр. 32.

⁴ См. там же, стр. 34.

⁵ „Земеделско знаме“, 20.XI 1919 г. (цит. по книге G. Y. Kartcheff. *La Débâcle Nationale Bulgare devant la Haute Cour, Paris, 1925, pp. 220—221*).

⁶ См. Г. Дамянов. *Указ. соч.*, стр. 34.

⁷ См. Хр. Христов. *Указ. статья*, стр. 47.

Правительственная делегация, почувствовав непоколебимую решимость находившихся в Радомире солдат довести восстание до победного конца, поспешила выехать из Радомира. Она направилась в Кюстендил, для того чтобы выяснить, каково состояние других частей отступающей армии. В Кюстендилье делегация убедилась, что солдаты и других частей начали присоединяться к восставшим. Движение захватило даже юнкеров: большая часть юнкеров школы запасных офицеров в Кюстендилье отказалась выступить против восставших солдат. В результате 230 юнкеров были арестованы и отданы под суд¹. Новая попытка Стамболийского и других членов делегации, предпринятая ими 27 сентября, уговорить находившихся в Кюстендилье солдат прекратить восстание окончилась так же безрезультатно.

27 сентября в 1 час дня в Радомире, под давлением восставших солдат, была провозглашена при участии Даскалова республика².

Революционная волна захлестнула Даскалова, отделившегося от делегации и случайно оказавшегося в Радомире. Даскалов, более решительный, чем Стамболийский, под давлением стихии событий решил примкнуть к революционному восстанию, чтобы провести в жизнь тот план свержения Фердинанда и германофильской клики, который они составили со Стамболийским, еще сидя в тюрьме.

Провозглашение республики было выражением единодушного стремления восставших солдатских масс покончить со старым, буржуазно-монархическим строем, вовлекшим страну в империалистическую войну, которая принесла народу неисчислимые бедствия и несчастья. Оно явилось выражением стихийного стремления восставших солдат к созданию нового строя по примеру русских рабочих и крестьян.

После провозглашения республики (солдатское восстание в сентябре 1918 г. известно в литературе также под названием «Радомирской революции») восставшими был издан специальный манифест. Манифест, составленный Р. Даскаловым и опубликованный по телеграфу в 6 часов вечера того же 27 сентября, гласил:

«Прокламация к болгарскому народу.

Сегодня, 27 сентября, болгарский народ сбросил оковы рабства, сверг деспотический режим Фердинанда и его помощников, объявил их врагами народа, провозгласил свободное республиканское управление и подал руку европейским народам для перемирия и соглашения. С сегодняшнего дня царь Фердинанд и его династия и бывшее правительство свергнуты. Всем окружным управителям, околийским начальникам, комендантам, кметам и войсковым начальникам исполнять приказы временного правительства республики. Президент Стамболийский. Главнокомандующий Райко Даскалов»³.

Кроме этого манифеста, правительству и всем местным властям была послана в тот же вечер телеграмма, почти повторявшая первую⁴.

Манифест, составленный Даскаловым, провозглашал только изменение формы государственного устройства и говорил о перемене внешнеполитической ориентации в связи с возможным перемирием. Все старые органы

¹ См. „Дневници на XVII-то О. Н. С...“, IV и. с., стр. 39; „Исторически преглед“, 1950, № 1, стр. 48.

² См. письмо Р. Даскалова А. Стамболийскому, опубликованное в брошюре К. Кожухарова (К. К о ж у х а р о в. Радомирската република, стр. 40—45).

³ Там же, стр. 41.

⁴ См. „Дневници на XIX-то О. Н. С...“, III р. с., кн. 3, стр. 1601.

государственной власти сохранялись. Автор манифеста все зло видел только в Фердинанде и не стремился передать власть в руки народа, провести сколько-нибудь глубокие социальные изменения.

Опубликованные документы создавали впечатление, что инициаторами восстания и организаторами республики были лидеры Земледельческого союза А. Стамболийский и Р. Даскалов. В действительности же дело обстояло далеко не так. Прежде всего Стамболийский, находившийся в момент провозглашения республики не в Радомире, а в Кюстендиле, где он уговаривал солдат прекратить восстание, никакого отношения к провозглашению республики не имел. Об этом прямо свидетельствует Р. Даскалов в письме к Стамболийскому, написанном через полтора часа после провозглашения республики. В этом письме Р. Даскалов, извиняясь за то, что он поставил без разрешения Стамболийского его имя под документом о провозглашении республики, просил Стамболийского не разглашать этого в том случае, если последний откажется поддержать республику¹.

Даскалов же, принявший под давлением революционных событий участие в провозглашении республики, вслед за этим ничего не сделал для закрепления и расширения восстания. Превратившись из «уговаривателя» в главнокомандующего республиканской армией, встав волею случая во главе восставших солдат, Даскалов с самого же начала стремился к тому, чтобы ограничить размах восстания, избежать обострения революционной борьбы. Так, например, в посланной в 9 часов вечера 27 сентября телеграмме «бывшему правительству» он приказывал ему немедленно выйти в отставку, пугая опасными последствиями². Желая избежать гражданской войны, Даскалов добивался того, чтобы правительство уступило власть без боя.

Между тем весть о провозглашении восставшими солдатами в Радомире республики способствовала еще большему размаху восстания. К восстанию присоединялись все новые сотни и тысячи солдат. Утром 28 сентября число восставших достигало, по некоторым данным, 30 тыс. чел.³ Начали волноваться солдаты многих гарнизонов Болгарии, в частности в Дупнице, где солдаты, распропагандированные тесняками, намеревались присоединиться к восставшим⁴, в Стара-Загоре, Пловдиве⁵ и других местах. Именно в этот момент под руководством тесняков начали готовиться к выступлению шахтеры Перника⁶.

Движение начало приобретать все более острый характер. Об этом косвенно свидетельствует хотя бы тот факт, что офицеры, отступавшие с фронта вместе с солдатами, не приняли участия в восстании, не пожелав вступить в создающую после провозглашения республики республиканскую гвардию. Многие же офицеры приняли участие в борьбе против восставших и против революционно настроенных солдат в городах, не охваченных восстанием, например, в Пловдиве⁷.

Несомненно, что на глубину и остроту движения накладывали отпечаток участвовавшие в восстании солдаты-тесняки. Характерно, например,

¹ См. К. Кожухаров. Указ. соч., стр. 44.

² См. „Дневници на XVII-то О. Н. С. . .“, IV р. с., стр. 495.

³ См. Г. Дамьянов. Указ. соч., стр. 27.

⁴ См. „Дневници на XVII-то О. Н. С. . .“, IV и. с., стр. 38.

⁵ См. там же, стр. 38—39.

⁶ См. Хр. Халачев. Указ. соч., стр. 229.

⁷ См. „Дневници на XVII-то О. Н. С. . .“, IV и. с., стр. 39; К. Кожухаров. Указ. соч., стр. 58.

что воззвания, опубликованные так называемым местным революционным комитетом, в отличие от составленных Р. Даскаловым прокламаций об объявлении республики, призывали к решительной расправе с врагами народа, засевавшими в Софии, и к революции. Так, например, распространенное среди солдат поздно вечером 27 сентября воззвание местного революционного комитета (очевидно, Радомирского революционного комитета) гласило:

«Товарищи!

Все, кто имеет оружие, направляйтесь к Софии! Там находятся разбойники, которые скрывались до настоящего времени. Довольно терпеть! Необходимо доказать, что мы сильны. Смерть грабителям! Да здравствует республика! От местного революционного комитета»¹.

Другое, довольно пространное воззвание, распространенное 27 сентября среди населения и солдат, находившихся в Радомире, составленное, вероятно, также Радомирским революционным комитетом и выразившее клопочущую ненависть угнетенных масс к эксплуататорам, также призывало к решительной расправе с врагами народа — генералами и банкирами, военными спекулянтами и всеми, кто поддерживает царя и правительство; оно оканчивалось призывом: «Да здравствует революция! Да здравствует республика!»². Если вспомнить, что в составе Радомирского революционного комитета находился один из рабочих-тесняков, то более решительный характер этих воззваний не покажется удивительным.

Размах движения все более пугал примкнувшего к нему Райко Даскалова. Он хотел использовать солдатское восстание для того, чтобы свергнуть гермаофильскую клику во главе с Фердинандом и установить в Болгарии правительство, которое заслужило бы, как писал Даскалов Стамбульскому, «доверие Америки и Англии»³, правительство, в котором решающую роль должны были играть лидеры Земледельческого союза. Не случайно одновременно с опубликованием о провозглашении республики Даскалов направил специальный манифест об этом в штаб наступающих войск Антанты⁴.

Не случайно также Даскалов в одном из своих выступлений перед восставшими солдатами, в ответ на их единодушное требование расправиться с виновниками войны, предложил солдатам передать виновников войны властям Антанты и сделать последним следующее заявление: «Вот истинные виновники войны, делайте с ними, что хотите. Болгарский же народ ни в чем не виноват; он просит вашей снисходительности к его ошибкам, совершенным по неопытности»⁵.

Даскалов всеми силами стремился избежать углубления и обострения революционной борьбы. В цитированном выше письме Стамбульскому Даскалов подчеркивал, что он стремится избежать «внутренних междоусобиц», и заверял последнего: «Я не позволю, чтобы проливалась кровь. Приказ о стрельбе будет дан только в том случае, если мы подвергнемся

¹ „Днегници на XVII-то О. Н. С. . .“, IV р. с., стр. 495.

² Хр. Христов. Указ. статья, стр. 50—52.

³ К. Кожухаров. Указ. соч., стр. 42—43.

⁴ См. речь Даскалова „Радомирская революция“, произнесенную им в 1919 г. в городе Разграде (К. Кожухаров. Указ. соч., стр. 58, 61—63). В одном из писем к Стамбульскому Даскалов намекал на желательность того, чтобы „противник“ (т. е. державы Антанты) превратился в „союзника“ (см. К. Кожухаров. Указ. соч., стр. 44).

⁵ Г. Дамьянов. Указ. соч., стр. 35—36.

нападению»¹. В другом письме Стамболийскому, написанном позднее (2 октября 1918 г.), уже после поражения восстания, Даскалов снова подчеркивал, что все его помыслы были направлены к тому, чтобы избежать обострения гражданской войны в стране, или, как он выразался, «пролития крови» и других «большевистских» методов².

Даскалов боялся развития революционного движения в стране. 28 октября в ответ на выраженную шахтерами Перника готовность принять участие в вооруженном восстании, Даскалов предложил им разойтись по домам³.

Фактически, как главнокомандующий республиканской армией, Даскалов сыграл чрезвычайно губительную для восстания роль. Он оставил всю артиллерию по дороге на Софию, в Радомире и в других местах. В результате этого армия восставших, двигавшаяся на Софию, была вооружена только винтовками и небольшим количеством пулеметов.

Тем не менее и эта плохо вооруженная армия представляла собою значительную революционную силу. Восставшие солдаты горели нетерпением расправиться с виновниками войны, и их трудно было остановить призывами к миру и спокойствию. Поняв это, Стамболийский, отделившись от возвращавшейся в Софию правительственной делегации, приехал 28 сентября в Радомир к Даскалову. Впоследствии Даскалов в своем письме к Стамболийскому от 2 октября 1918 г. в следующих словах охарактеризовал приезд Стамболийского в Радомир: «...я ожидал, что ты приедешь в Радомир 27 сентября, чтобы поддержать меня и взять политическое руководство делами. Я писал и несколько раз телеграфировал тебе об этом. Но ты приехал на целых 24 часа позднее и на сколько? На полчаса! И в эти полчаса вместо поддержки и советов я услышал укоры и осуждения!»⁴

После получасового разговора с Даскаловым Стамболийский покинул ряды восставших, якобы для переговоров с политическими партиями в Софии, по сути дела главным образом из-за того, что он испугался размаха восстания. Стамболийский не прочь был использовать восставших солдат для проведения своих планов. Но разраставшееся восстание, рост числа и решительность восставших напугали Стамболийского. Несмотря на предложение Даскалова остаться среди восставших и возглавить политическое руководство восстанием, он покинул лагерь восставших.

Страх перед революцией был основной двигательной пружиной действий Стамболийского в дни Владайского восстания. В одном из своих выступлений в 1919 г. Стамболийский сам заявил: «Мы не хотели совершать революции... Я не доверял тем людям, которые находились у Владая»⁵.

Об этом свидетельствовало все его поведение с момента прибытия в Софию. Один из руководителей Земледельческого союза Драгиев рассказал, что 28 сентября, сразу по прибытии в Софию, Стамболийский на вопрос одного из офицеров о характере Радомирской республики показал последнему воззвание Земледельческого союза (под которым стояла и фамилия самого Стамболийского), осуждавшее восстание, и заявил ему: «Вот

¹ К. Кожухаров. Указ. соч., стр. 44.

² „Социалистически преглед“, 25.X 1919 г.

³ „Дневници на XVIII-то О. Н. С...“, I н. с., стр. 181.

⁴ „Социалистически преглед“, 25.X 1919 г.

⁵ „Дневници на XVIII-то О. Н. С...“, I р. с., кн. 1, стр. 528.

наше мнение, читайте здесь — никакой республики, никакой революции»¹. Вслед за этим Стамболийский направился в совет министров, где он попытался доказать, что не несет никакой ответственности за провозглашение республики в Радомире и что события в Радомире были для него «полной неожиданностью». Стамболийский стремился выгородить также и своего шурина Райко Даскалова, заявив, что «Даскалов пленен этой взбесившейся толпой»². Увидев недоверие со стороны правительства и опасаясь ответственности, Стамболийский в конце концов предпочел выждать исхода событий в тиши и скрылся, по некоторым данным, в доме лидера буржуазной партии прогрессистов Ст. Данева³.

* * *

Тем временем восставшие солдаты продолжали свое продвижение к Софии. Общее число восставших достигало 30 тыс. чел. Двигавшаяся на столицу армия насчитывала около 10 тыс. чел. Многие колебавшиеся солдаты отступавшей армии расходились по домам.

Группа солдат, не принимавшая участия в восстании, разграбила 27—28 сентября военные склады в Радомире⁴. Реакция поспешила приписать это ограбление восставшим солдатам, хотя последние не только не принимали в нем никакого участия, но и пытались воспрепятствовать подобным эксцессам. В целях укрепления и установления порядка в Радомирском районе, например, были созданы специальные комендантства революционной армии.

28 сентября передовые колонны восставших достигли находящегося в 15 км от Софии села Владая⁵, по имени которого и получило название само восстание.

Правительственный лагерь находился в крайней растерянности. В распоряжении правительства в это время находились лишь юнкера военного училища и конная гвардия из охраны Фердинанда. По позднейшему признанию военного министра генерала С. Савова, в его распоряжении в Софии было в это время не более 500 штыков⁶. Некоторые представители правящего лагеря, охваченные паникой, готовились с минуты на минуту покинуть Софию. Для царя Фердинанда был приготовлен специальный поезд, который стоял наготове на станции Надежда⁷. Готовилось к отъезду и само правительство⁸.

В столице царил паника. Были случаи, когда солдаты, арестованные за революционную деятельность и находившиеся под конвоем, пользуясь растерянностью, убегали из-под ареста⁹. Дисциплина, державшаяся на палке, рухнула. Государственная машина трещала по всем швам.

В эти дни в Софии рабочие и солдаты устраивали митинги (даже перед дворцом Фердинанда), на которых ораторы выступали против царя

¹ Д. Драгиев. Указ. соч., стр. 39—40.

² Там же, стр. 41.

³ См. „Rheinisch-Westfälische Zeitung“, 8.X 1918 г.

⁴ См. Г. Дамьянов. Указ. соч., стр. 37.

⁵ См. там же, стр. 38.

⁶ См. речь Р. Даскалова „Радомирская революция“ (К. Кожухаров. Указ. соч., стр. 59).

⁷ См. „Доклад на парламентарната комисия...“, стр. 230; Р. Gentizon. Указ. соч., стр. 20.

⁸ См. „Александър Малинов“ (сборник статей и речей), София, 1946, стр. 47; К. Kratchounov. Указ. соч., стр. 89.

⁹ См. Хр. Халачев. Указ. соч., стр. 218.

и правительства¹. Трудящееся население Софии с сочувствием ожидало вступления восставших, говоря о них: «Большевики идут!»².

Прибытие 28 сентября в Софию Стамболийского, очевидно, подействовало ободряюще на правящий лагерь. Правительство поняло, что в лагере восставших нет должного руководства и организованности. По настоянию министра внутренних дел, лидера демократической партии М. Такева и коменданта Софийского гарнизона генерала Протогерово правительство осталось в Софии, решив оборонять столицу³. Вся полнота власти в столице была передана генералу Протогерову, верному холопу царя и германофильской клики, прославившемуся своими жестокостями по отношению к населению оккупированной территории Поморавья. Общее руководство борьбой против восстания взял на себя министр внутренних дел «демократ» М. Такев⁴.

По приказу властей 28 сентября юнкера в целях устрашения восставших учинили около сахарного завода близ Софии кровавую «баню». Следовавший из Перника в Софию поезд, заполненный солдатами, частично ранеными, не имевшими никакого отношения к восставшим, был обстрелян из орудий и пулеметов. Во время этой провокации погибли более 500 солдат. Оставшиеся в живых были арестованы, частью расстреляны, частью посажены в тюрьмы⁵.

София была объявлена с 29 сентября на осадном положении⁶. В различных, имевших стратегическое значение местах — на колокольне церкви св. Софии, на мостах и т. д. — были установлены пулеметы. На окраины столицы — к поселкам Княжево, Горна-баня, Бояна, Панчарево и другим — были посланы отряды юнкеров, которые образовали там оборонительные заставы. Они задерживали и разоружали дезертиров и «подозрительных»⁷.

Все силы буржуазно-монархического лагеря были мобилизованы на борьбу с восставшими.

Забыв о своих недавних разногласиях с правительством, Фердинанд и германофильская клика объединились с ним для разгрома восстания. На заседаниях представителей буржуазных партий, собиравшихся для обсуждения мер борьбы с восставшими, присутствовали и лидеры германофильских либеральных партий, такие, как Дм. Тончев (лидер младолибералов) и другие⁸. 28 сентября главу правительства Малинова специально посетил лидер народно-либеральной партии Добри Петков, заверивший Малинова в том, что представляемая им партия окажет правительству поддержку. Он заявил, что «если правительство почувствует необходимость в моральной и материальной поддержке для спасения переживающего критический момент отечества (читай — болгарской реакции. — М. Б.), — мы все придем ему на помощь»⁹.

Оказали поддержку буржуазно-монархическому лагерю и руководители мелкобуржуазных партий — Земледельческого союза и партии широких социалистов. Очутившись перед тремя возможными перспективами: 1) побе-

¹ См. „Manchester Guardian“, 2.X 1918 г.; „Volksrecht“, 3.X 1918 г.

² См. Хр. Халачев. Указ. соч., стр. 220.

³ См. П. Пешев. Указ. соч., стр. 269.

⁴ См. „Доклад на парламентарната комисия...“, стр. 127.

⁵ См. „Дневници на XVII-то О. Н. С...“, IV и. с., стр. 18.

⁶ См. „Доклад на парламентарната комисия...“, стр. XIX, 229.

⁷ См. „Дневници на XIX-то О. Н. С...“, III р. с., кн. 3, стр. 1601; „Исторически преглед“, 1950, № 1, стр. 465.

⁸ См. „Дневници на XVII-то О. Н. С...“, IV р. с., стр. 496.

⁹ Д. Петков. Указ. соч., стр. 159.

дой восставших, 2) переворотом, который при помощи немецких солдат готовили Фердинанд и германофильская клика, и 3) заключением перемирия и оккупацией Болгарии войсками Антанты, — мелкобуржуазные партии, как и почти весь буржуазный лагерь Болгарии, предпочитали третью перспективу. Об этом без обиняков заявил один из лидеров Земледельческого союза Д. Драгиев, говоривший в своей речи в 1919 г. по поводу положения Болгарии в сентябре 1918 г. следующее: «... не в провозглашении республики, не в перевороте Фердинанда, а в заключении перемирия в Солуни — в этом я видел спасение Болгарии в тот час, в этом его видели и другие»¹.

В этот период Земледельческий союз был, по оценке В. Червенкова, «... сословной организацией, в которой трудящиеся крестьяне находились вместе с сельскими чорбаджиями и капиталистами и в которой держали руководство и фактически задавали тон именно сельские чорбаджии и капиталисты»².

Неудивительно поэтому, что руководство Земледельческого союза с самого начала солдатского восстания высказалось против восстания. Еще на первом заседании буржуазных партий, созванном 25 сентября с целью выяснения мер для борьбы с восстанием, присутствовали несколько представителей Земледельческого союза со Стамболийским во главе. На этом совещании Стамболийский, в ответ на предложение Малинова провести реорганизацию кабинета с целью включения в него представителей других партий антантофильского блока, заметил, что сейчас не время заниматься реорганизациями кабинета и что в первую очередь необходимо «успокоить» солдат и заключить перемирие. Это предложение Стамболийского было встречено с одобрением всеми присутствующими³.

Рано утром 26 сентября состоялось совещание представителей Земледельческого союза с участием Стамболийского и Драгиева. Все согласились на том, что «необходимо задержать фронт... , предохранить ее (Болгарию. — М. Б.) от внутренней анархии и облегчить и ускорить заключение перемирия»⁴. На совещании было решено, что Стамболийский, Даскалов и Момчев примут участие в правительственной делегации, посылаемой к восставшим, а те, которые останутся в Софии, обратятся к восставшим с соответствующим воззванием⁵. В тот же день, 26 сентября, через несколько часов после совещания, руководство Земледельческого союза обратилось с воззванием к болгарскому народу. В этом воззвании оно призывало «очистить души от, всякой страсти и злобы» и говорило: «... Будем спокойными и дисциплинированными, чтобы сохранить фронт от разложения, страну от анархии, и облегчить скорейшее заключение желанного перемирия и мира, не помешаем ему неуместными и гибельными раздорами или оставлением своих постов». В заключение обращение призывало к «спокойствию» и «трезвости»⁶. Этот призыв за подписью Драгиева, Цанко Бакалова и Стамболийского был опубликован в утренних газетах 27 сентября 1918 г. и в тот же день был разбросан в виде листовок в Радомире специальным правительственным аэропланом⁷. Драгиев, составивший текст воззвания, поставил под ним и фамилию Стамболийского,

¹ Д. Драгиев. Указ. соч., стр. 35.

² В. Червенков. Указ. соч., стр. 277—278.

³ См. Драгиев. Указ. соч., стр. 35.

⁴ Там же, стр. 33.

⁵ См. Д. Драгиев. Указ. соч., стр. 33.

⁶ „Работнически вѣстник“, 28.IX 1918 г.

⁷ См. Г. Дамьянов. Указ. соч., стр. 39—40.

хотя последний в это время отсутствовал, отбыв с правительственной делегацией к солдатам¹. Основной смысл воззвания совпадал с духом выступлений Стамболийского на заседаниях 25 и 26 сентября, и Стамболийский полностью нес ответственность за позицию руководства Земледельческого союза во время восстания.

Таким образом, руководство Земледельческого союза с самого же начала восстания единодушно выступило против восставших. Вслед за провозглашением 27 сентября в Радомире республики представители Земледельческого союза приняли участие в состоявшемся вечером 27 сентября 1918 г. новом совещании буржуазного лагеря, на котором, кроме представителей правых буржуазных партий — демократов, радикалов, народников, прогрессистов, были и представители широких социалистов — Сакызов и Джидров. На этом совещании было решено, что представители Земледельческого союза (в частности, Д. Драгиев и Ц. Бакалов) попытаются отправиться к восставшим, чтобы подействовать на их руководителей, в частности на Р. Даскалова². Однако последние побоялись отправиться в лагерь восставших и попытались воздействовать на Даскалова путем разговора по телефону. Во время разговора Драгиев назвал Даскалова «безумцем» и высказался против республики³.

Вслед за этим парламентская фракция Земледельческого союза выступила с новым обращением, в котором она осуждала провозглашение республики в Радомире и поведение Райко Даскалова. В обращении говорилось: «Группа заявляет, что происшедшее в Радомире есть акт умопомрачения, и умоляет солдат и народ быть единодушными в доведении дела Болгарии до хорошего конца»⁴.

Позднее (30 сентября 1918 г.) было опубликовано еще одно обращение парламентской группы Земледельческого союза, в котором подтверждалась прежняя точка зрения группы и заявлялось, что парламентская группа твердо отстаивает прежде занятую позицию. В этом новом обращении цитировалось целиком прежнее обращение и в добавление к нему следовало: «...встречая с величайшим прискорбием и неодобрением происшедшие в эти часы смуты, как губительные для дела мира и подвергающие жизнь страны новым опасностям, мы призываем болгарских солдат не вступать в братское кровопролитие и самоуничтожение. Мир приближается, и тот, кто при помощи бунтов или другим способом помешает ему, тот не спасает, а губит Болгарию»⁵. Это обращение парламентской группы Земледельческого союза, подписанное Д. Драгиевым и Ц. Бакаловым, и, как и предыдущие обращения, обложенное в оболочку призыва к миру, было явно направлено против солдатского восстания. Таким образом, основная часть руководства Земледельческого союза с самого начала и до конца восстания поддерживала буржуазно-монархический лагерь в борьбе против восставших, в рядах которых было много рядовых членов Земледельческого союза⁶.

¹ См. Д. Драгиев. Указ. соч., стр. 33—34.

² См. там же, стр. 36.

³ м. там же, стр. 36—37. В другом месте своей книги Драгиев прямо говорит: «Я выступил тогда против республики» (стр. 5).

⁴ „Работнически вѣстник“, 15.VIII 1919 г.

⁵ Там же, 3.X 1918 г.

⁶ Позднее один из правых лидеров Земледельческого союза Омарчевский, оправдывая политику правительства Малинова в борьбе против восстания, заявил, что „Малинов был прав, когда искал германские войска, чтобы противопоставить их тем, которые шли свергнуть правительство“ („Доклад на парламентарната комисия...“, стр. 81).

Аналогичную же примерно позицию заняли и лидеры партии широких социалистов. Их представители (Сакизов, Джидров и другие) вместе с лидерами Земледельческого союза принимали участие во всех совещаниях буржуазных партий, созывавшихся с целью ликвидации восстания¹. Представитель партии в правительственной делегации Сакаров и лидеры партии П. Джидров и Я. Сакизов (в разговорах по телефону) принимали участие в уговорах восставших солдат прекратить восстание². Газета партии широких социалистов «Народ» в дни восстания заявляла, что «... долг всякого здравомыслящего болгарина прежде всего сохранить в этот момент порядок в стране...», и объявляла, что широкие социалисты предоставляют в распоряжение правительства «... общественно-политический актив и материальную и моральную силу партии»³.

Парламентская фракция «широких» выступила 30 сентября с заявлением, в котором под флагом борьбы за мир осуждала всякую анархию и конфликты и призывала армию и народ к самообладанию и сохранению спокойствия и порядка в стране. Это заявление было отпечатано и распространено с помощью правительственных самолетов. С аналогичным заявлением выступило 28 сентября руководство реформистского профобъединения «Союз союзов», которое также под флагом борьбы за мир осуждало всякие попытки перемен в стране и заявляло о своей поддержке политики блока антантофильских партий⁴.

Все эти обращения пытались вырвать популярный лозунг мира, за который боролись восставшие солдаты, из рук последних и использовать его в борьбе против восстания, ослабить волю восставших к борьбе.

Таким образом, на борьбу против восставших солдат выступил весь буржуазный лагерь — от крайне правой германофильской клики либеральных партий до руководства мелкобуржуазных партий — Земледельческого союза и партии широких социалистов.

Партия же тесняков, хотя рядовые тесняки и находились в рядах восставших, а некоторые рабочие коллективы рвались в бой, оставалась из-за доктринерских ошибок основной части ее руководства в стороне от восстания.

Сил у правительства для борьбы с восставшими было попрежнему очень мало. Мобилизовав всех юнкеров, гвардейцев, молодых (17—18-летних) новобранцев, легко раненных солдат, софийские власти едва составили несколько заградительных отрядов, которые не могли, конечно, остановить всю армию восставших, если бы она в полном составе двинулась на столицу.

Внешнеполитическое положение правительства было крайне неопределенным. Порвав с коалицией центральных держав и спешно послав делегацию с просьбой о перемирии к командованию Восточной армии Антанты в Салоники, оно не знало, как к этому отнесется само командование Антанты. С другой стороны, оно опасалось карательных мер со стороны германского военного командования и германского правительства.

В этот критический для болгарского буржуазного государства момент большую помощь болгарскому правительству оказала американская дипломатия.

¹ См. Д. Драгиев. Указ. соч., стр. 36.

² См. там же, стр. 38—39.

³ „Работнически вѣстник“, 3.X 1918 г.

⁴ См. „Дневници на XVIII-то О. Н. С...“, I и. с., стр. 108; „Исторически преглед“, 1950, кн. I, стр. 55—56.

* * *

Генеральный консул США в Болгарии Мэрфи и атташе миссии Уолкер поспешили взять на себя роль посредников в переговорах между болгарской правительственной делегацией и командованием Восточной армии Антанты.

Американские дипломаты, хорошо осведомленные о недовольстве широких масс народа и болгарской армии правительством и режимом в стране¹, боялись, чтобы начавшееся солдатское восстание не охватило всей армии. Они опасались, что расширившееся солдатское восстание будет поддержано трудящимся народом в тылу и приведет к свержению не только неугодного и для империалистов США и Антанты царя Фердинанда, но и всей династии и правительства, а может быть даже и к установлению большевистской власти в Болгарии. Призрак большевистской Болгарии уже мерещился американским дипломатам. Этим главным образом и объясняется та активность, которую проявила дипломатия США, содействуя скорейшему заключению перемирия между Болгарией и Антантой. Перемирие дало бы возможность болгарскому правительству выбить из рук восставших лозунг мира. К тому же подписание перемирия помогло бы правительству собрать все силы для подавления солдатского восстания.

Ввиду этого Мэрфи и Уолкер 25 сентября спешно отправились с уполномоченными болгарского правительства в штаб болгарской армии, откуда они должны были выехать навстречу наступавшей армии Антанты². Поспешность, с которой они отправлялись, была засвидетельствована Мэрфи в его отчете, посланном через несколько дней (10 октября 1918 г.) в Вашингтон, в котором он писал: «... мы ехали на полной скорости всю ночь без остановки»³. Навстречу спешившим в Салоники дипломатам и уполномоченным болгарского правительства двигались восставшие солдаты. По прибытии в болгарский штаб состав делегации, направлявшейся для переговоров с командованием Антанты, несколько изменился. Мэрфи предусмотрительно воздержался от дальнейшей поездки. К уполномоченным болгарского правительства (Ляпчеву и Радеву) присоединился командир 2-й армии генерал Луков, после чего они 28 сентября направились в Салоники, чтобы начать переговоры с командованием Антанты. Вместе с ними по поручению Мэрфи и с его письмом на имя главнокомандующего Восточной армией Антанты генерала Франше д'Эспере отправился и А. Уолкер⁴.

¹ Донесения из Софии в Вашингтон в Государственный департамент были полны сообщений о недовольстве политикой правительства Болгарии в самых различных общественных кругах страны (см. „Foreign relations“, 1918, Supp. I, vol. I, pp. 283, 293, 329, 477 и сл.).

² См. „Foreign relations“, 1918, Supp. I, vol. I, pp. 323, 477. Тем временем болгарское правительство обратилось 26 сентября через своих дипломатических представителей в Вашингтоне, Гааге и Берне с официальной просьбой к правительству США о взятии им роли посредника в деле установления перемирия между Болгарией и Антантой.

³ „Foreign relations“, 1918, Supp. I, vol. I, p. 477.

⁴ См. „Foreign relations“, 1918, Supp. I, vol. I, pp. 329, 477. Во время этой поездки они несколько раз встречали восставших солдат, причем однажды в районе Дупницы произошло даже столкновение: восставшие забросали камнями автомобиль с делегацией. Во время этого столкновения Уолкер был ранен в голову. Через несколько дней после этого престарелый Мэрфи в беседе с правыми лидерами Земледельческого союза заявил им следующее: „Благодарите, что камень попал в голову молодого человека, а не в мою. Он молод и выживет. Если бы камень попал в мою голову, а мне 70 лет, я мог бы и умереть. Подумайте, — говорил он устра-

Содержание этого важного письма Мэрфи не привел в подробном официальном отчете о событиях в Болгарии. Можно предположить, что в этом письме Мэрфи доводил до сведения командования Антанты о политическом положении в Болгарии и призывал поторопиться с заключением перемирия ввиду грозивших политических последствий разразившегося восстания. В пользу этого предположения говорит и тот факт, что если 28 сентября Франше д'Эспере, очевидно, исходя из стремления к полному разгрому болгарской армии, отказался приостановить военные действия даже на 48 часов, о чем первоначально просили его болгарские офицеры, то позднее, после беседы с Уолкером и ознакомления с письмом Мэрфи, а также после встречи с болгарскими уполномоченными (все это состоялось в Салониках, 29 сентября)¹ заключение перемирия последовало в тот же день — 29 сентября 1918 г. Перемирие было подписано настолько быстро, что отпала надобность в официальном посредничестве президента Вильсона, который успел только послать правительству Болгарии телеграмму о согласии взять на себя эту миссию².

Таким образом, командование Восточной армии Антанты поспешило пойти навстречу болгарскому правительству, прекратив военные действия³. Нараставшая в Болгарии революция заставила спешить с подписанием перемирия и болгарскую буржуазию и англо-американских империалистов.

При этом командование Восточной армии Антанты, воспользовавшись трудным положением болгарского правительства, продиктовало тяжелые для Болгарии условия перемирия, которые означали фактическую капитуляцию.

Согласно подписанному вечером (в 22 часа 50 минут) 29 сентября 1918 г. Салоникскому перемирию Болгария обязана была выполнить следующие условия:

1. Немедленно очистить все греческие и сербские территории, занятые еще болгарскими войсками, без права вывоза при этом какого-либо имущества, равно как и без учинения там разрушений Болгарской администрации продолжать функционировать на территории Болгарии, занятой союзниками.

2. Немедленно демобилизовать все болгарские армии за исключением трех дивизий, предназначенных для обороны границ Восточной Болгарии и Добруджи и охраны железных дорог.

шающе, — что сказала бы Америка, что Америка предприняла бы, если бы она узнала, что в этот момент, в момент беспорядков в Болгарии, убит ее представитель“ (см. Драгиев. Указ. соч., стр. 42). Разговор этот шел в таком тоне, как если бы американский дипломат разговаривал с политическими деятелями Панамы или Никарагуа. Лидеры же Земледельческого союза (Драгиев, Радолов и др.) подобострастно выслушивали выговор. Драгиев, передавая впоследствии содержание этой „беседы“, говорил: „Господин Мэрфи не одобрял провозглашение республики, но осуждал республику. Он говорил укорительно по поводу произошедшей смуты. . . Господин Мэрфи не одобрял Радомирского мятежа, он стремился к миру, порядку и спокойствию“ (Д. Драгиев. Указ. соч., стр. 42—43).

¹ „Foreign relations“, 1918, Supp. I, vol. I, p. 477—478.

² „Архив полковника Хауза“, т. IV, стр. 46—47. В записях Хауза можно заметить даже удивление по поводу поспешности заключения перемирия между Болгарией и войсками Антанты (стр. 47).

³ О том, что командование Восточной армии Антанты было осведомлено о внутриполитическом кризисе в Болгарии в эти дни, свидетельствует также тот факт, что генерал Франше д'Эспере во время переговоров в Салониках с болгарскими уполномоченными спросил у Ляпчева (имея в виду критическое положение болгарского правительства), является ли Ляпчев министром в эту минуту? (См. „Дневники на XVII-то О. Н. С. . .“, IV и. с., стр. 552).

3. Оружие, боеприпасы, обозы демобилизованных соединений сосредоточить в складах под контролем союзников; передать последним конский состав армии.

4. Возвратить Греции материальную часть 4-го греческого корпуса, захваченную во время оккупации Восточной Македонии.

5. Части 11-й, так называемой германской армии, находившейся западнее меридиана Ускюба, должны сдать оружие и сдаться в плен¹. (Таким образом, около 90 тыс. болгарских солдат и офицеров становились военнопленными; общее же количество последних достигало 150 тыс. человек).

6. Державам Антанты разрешить использование болгарских военнопленных на Востоке до заключения мира. Союзных военнопленных в Болгарии освободить без промедления.

7. Германии и Австро-Венгрии в течение четырех месяцев вывести из Болгарии свои войска, дипломатических представителей и подданных².

Кроме этого официального соглашения о перемирии, было подписано секретное приложение к соглашению, которое гласило:

«1) Эвентуальное перемещение союзных военных сил на болгарской территории, а также использование железных дорог, шоссе, водных путей и пристаней является предметом специальной конвенции между болгарским правительством и главным командованием Восточной армии. Переговоры об этом начнутся не позднее чем через 8 дней. Они будут касаться также контроля над телефоном, телеграфом и над беспроволочной связью;

2) Союзные великие державы оккупируют известное число стратегических пунктов внутри болгарской территории. Эта оккупация будет временной и будет служить только гарантией. Она не даст повода для принуждения или произвольных реквизиций; главнокомандующий генерал Союзных армий заверяет, что София не будет оккупирована, за исключением чрезвычайных случаев;

3) Главнокомандующий сохраняет право потребовать, в случае необходимости, полного прекращения всех сношений Болгарии с ее бывшими союзниками;

4) Болгарские порты открываются для союзных и нейтральных судов. Андрей Ялчев. Генерал Луков. Франше д'Эспере»³.

Условия Салоникского перемирия должны были, по мнению командования Антанты, не только вывести Болгарию из лагеря центральных держав, но и укрепить положение болгарского правительства, помешать оккупацией стратегических пунктов распространению революционного движения в Болгарии и соседних балканских государствах.

Гениальную оценку положения в Болгарии и условий перемирия дал В. И. Ленин в своей речи о международном положении на VI Всероссийском чрезвычайном съезде Советов 8 ноября 1918 г., в которой он, подчеркнув растерянность англо-американского империализма перед лицом революционного восстания в Болгарии, разоблачил их контрреволюционную роль. «Возьмите, — говорил он, — Болгарию. Казалось бы, что такая страна, как Болгария, колоссу англо-американского империализма ведь

¹ Болгарские уполномоченные и не собирались добиваться освобождения солдат отрезанной 11-й армии. Они предпочитали сдать в плен противнику революционно настроенных солдат 11-й армии, боясь их влияния на болгарский народ. Это было прямым предательством интересов болгарского народа.

² См. „Принос към дипломатическата история на България“, Сборник документов под ред. Д. Б. Кесякова, т. I, София, 1925, стр. 80—81.

³ Там же.

страшна быть не могла. Однако революция в этой маленькой, слабой, совершенно беспомощной стране заставила англо-американцев потерять голову и поставить условия перемирия, которые равны оккупации. . . Люди, которые стоят на точке зрения буржуазии — старого господствующего класса, старых военных отношений, они только презрительно улыбаются. Ну, что значит этот пигмей — Болгария — против англо-американских сил? С военной точки зрения — ничто, а с точки зрения революционной — очень много. Это не колония, где привыкли побежденных вырезывать миллионами и миллионами. Ведь англичане и американцы считают это только водворением порядка, внедрением цивилизации и христианства в среду диких африканцев. Это им не центральная Африка; тут солдаты, как ни сильна была бы их армия, — тут солдаты разлагаются, когда они встречаются революции»¹.

Таким образом, перед лицом разгоравшегося революционного восстания болгарских солдат империалисты США и Антанты поспешили заключить с Болгарией перемирие, стремясь укрепить болгарское буржуазное правительство в критический для него момент.

Болгарская же буржуазия, рассчитывавшая опереться на поддержку англо-американских штыков, пошла на подписание тяжелейших условий перемирия, на предательство национальных интересов страны.

* * *

В это время восставшие солдаты находились около Софии. Еще утром 29 сентября значительные силы восставших солдат (около 6 тыс. чел.) находились в селе Владая, в 16 км от Софии. Однако командовавший ими Даскалов продолжал придерживаться злополучной и губительной тактики — он попрежнему медлил с наступлением на Софию, стремясь к соглашению с правительством и избегая обострения гражданской войны. Объявляя в письме к Стамболийскому от 2 октября 1918 г. свою тактику этих дней, Даскалов указывал, что он считал «...необходимым любой ценой избежать вооруженного столкновения»². При этом Даскалов отмечал, что ему приходилось сдерживать нетерпеливость восставших солдат, горевших желанием поскорее расправиться с виновниками войны и народных несчастий.

Ожидая, что правительство Малинова уступит ему власть без боя, он вместо немедленного и решительного наступления на Софию утром (в 9 часов 25 минут) 29 сентября послал в Софию следующую телеграмму: «Бывшему правительству. Если в продолжение пяти часов я не получу из Софии известия о том, что бывшие власти бывшего царства Болгарии исполнили данные мною раньше приказания и признали новое положение, я буду вынужден перейти к применению силы и вступить с войсками народной гвардии в Софию»⁴.

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 28, стр. 138—139. Необходимо отметить, что В. И. Ленин продолжал и позже интересоваться Владайским восстанием 1918 г. и беседовал на эту тему в 1920 г. с представителем компартии Болгарии на II конгрессе Коминтерна Хр. Кабакчиевым. В ходе этой беседы В. И. Ленин отнесся скептически к попыткам Хр. Кабакчиева оправдать позицию партии тесняков во время восстания (см. Хр. Кабакчиев. Ленин и болгарские тесняки, „Историк-марксист“, 1934, № 35, стр. 184).

² „Социалистически преглед“, 25.X 1919 г., № 33.

³ См. там же.

⁴ „Дневници на XVII-то О. Н. С. . .“, IV р. с., стр. 495.

В то время как Даскалов, находясь в нерешительности, продолжал пугать правительство, последнее собирало силы. Еще к концу дня 28 сентября на территорию Болгарии начали прибывать части 217-й германской дивизии, спешно переброшенной из России (из Крыма)¹. Управление железными дорогами получило приказ приостановить все железнодорожное движение в Северной Болгарии и как можно быстрее перевезти немецкие части в Софию².

Чувствуя себя более уверенно, правительство заговорило другим языком с восставшими солдатами.

От уговоров оно перешло к угрозам.

В ответ на утреннюю телеграмму Даскалова 29 сентября над лагерем восставших пролетел самолет, разбросавший листовки, в которых восставшим солдатам предлагалось к 6 часам вечера сдаться, — в противном случае правительство угрожало применить оружие. Через некоторое время восставшие были подвергнуты пулеметному обстрелу и бомбежке с самолетов³.

В 3 часа дня, выждав указанные в телеграмме правительству 5 часов, Даскалов отдал приказ о продвижении на Софию⁴. Наступление на Софию велось тремя колоннами. Одна из них — правая колонна — от села Владая направлялась на Бояну; средняя колонна, в которой находился Даскалов, двигалась по шоссе на Княжево; левая колонна наступала на Горна-Баню.

Передовые отряды средней колонны, завязав сражение с правительственными войсками у Александровского моста около Княжево, нанесли им поражение и заставили отступить. В это время повстанцы левой колонны достигли Горна-Бани, находящейся в 10 км юго-западнее Софии, а отряды правой колонны приблизились к пригороду столицы — поселку Бояна, в 8 км юго-западнее Софии. Сражения с правительственными отрядами были довольно кровопролитными.

К вечеру 29 сентября повстанцы средней колонны заняли поселок Княжево, расположенный в 9 км юго-западнее столицы, с которой он был связан трамвайной линией. Вступившие в Княжево и в Бояну повстанцы были подвергнуты ожесточеннейшему обстрелу тяжелой крепостной артиллерией Боянского редута и авиационной бомбардировке. Тем не менее, несмотря на ожесточенную бомбардировку, повстанцы продолжали продвигаться вперед. Часть восставших уже достигла Боянского редута⁵.

В это время Даскалов, придерживаясь все той же губительной медлительной тактики, — не желая вступать ночью в город, дабы не причинить ему вреда, — отдал приказ прекратить наступление и отложить вступление в столицу на утро.

В эти часы в Софию прибыли основные силы 217-й немецкой дивизии с артиллерией и пулеметами. Соотношение сил изменялось в пользу контрреволюционного лагеря.

Наутро, когда восставшие возобновили свое продвижение в Софию, они были встречены ураганным огнем немецкой артиллерии, которая нанесла большие потери повстанцам. По поводу этой бомбардировки один из участников боев, бывший фронтовик, вспоминал: «Подобный адский артиллерийский огонь из полевых орудий я видел только в боях

¹ См. „Дипломатически документи...“, т. II, стр. 1066.

² См. „Дневници на XIX-то О. Н. С...“, III р. с., кн. 3, стр. 1532.

³ См. Г. Дамьянов Указ. соч., стр. 39—40.

⁴ См. „Дневници на XVII-то О. Н. С...“, IV р. с., стр. 495.

⁵ См. Письмо Даскалова Стамбулскому от 4.X 1918 г. („Социалистически преглед“, 25.X 1919 г.).

у Кобадины и Дойрана»¹. Восставшие ничего не могли противопоставить тяжелой артиллерии. После ожесточенной бомбардировки ударная немецкая группа, вооруженная пулеметами (часть вооруженных пулеметами подразделений перебрасывалась на автомашинах), перешла в наступление в направлении на Княжево. В завязавшемся сражении армия повстанцев, предвзвительно сильно расстроенная артиллерийским огнем, потерпела поражение.

К вечеру 30 сентября немецкие войска вступили в Княжево².

Разбиты были и две другие колонны повстанцев, начавшие отступление от предместий Софии к склонам Витоша и на Люлин.

Командование правительственными войсками послало в тыл отступающим отрядам восставших кавалерийские части, усилившие дезорганизацию в рядах повстанцев.

Преследовавшие восставших немецкие части и правительственные отряды совершали чрезвычайные жестокости. Они добывали раненых, совершая невероятные зверства, расстреливали пленных и т. д. Число истребленных повстанцев только в районе Владайского ущелья превышало 2,5 тыс. человек³.

Дух повстанцев сильно упал. Даже слабая организация, которая имела ранее в армии восставших, во время отступления перестала существовать.

Захват правительственными войсками 2 октября Радомира положил конец всякому организованному сопротивлению восставших.

Большая часть восставших была захвачена в плен преследовавшими их правительственными отрядами. Те из повстанцев, которые не попали в руки правительственных войск, стремились укрыться от преследований. Раненый в бою Даскалов спасся от пленения, добравшись при содействии связанных с Антантой деятелей Земледельческого союза до передовых отрядов наступающей армии Антанты, откуда при помощи полковника французской армии Удай он был направлен в автомобиле в Салоники, где находился штаб Восточной армии Антанты⁴.

Все захваченные в плен повстанцы, в том числе и раненые, были помещены в запломбированные товарные вагоны и развезены по тюрьмам болгарских городов (Софии, Шумена, Плевена, Сливена, Русе и др.). По дороге многие из них умирали от голода и жажды. Число пленных, обреченных на нечеловеческие страдания в тюрьмах, превышало 10 тыс. чел.⁵

Так жестоко расправилась болгарская буржуазия с участниками революционного восстания, угрожавшего подорвать устои ее классового господства в стране.

* * *

Подведем итоги.

Сложившаяся летом 1918 г. и все более нараставшая революционная ситуация привела в сентябре 1918 г. к крайнему обострению политического кризиса в стране. Кризис этот был вызван тремя основными причинами:

¹ Г. Дамьянов. Указ. соч., стр. 40.

² См. Г. Дамьянов. Указ. соч., стр. 41.

³ См. „Дневници на XVII-то О. Н. С...“, IV р. с., стр. 546.

⁴ См. Недялко Атанасов. Цанко Бакалов Церковски, София, 1916, стр. 38; P. Gentiço п. Указ. соч., стр. 21. Этот факт лишний раз подтверждает антантофильские симпатии и связи значительной части лидеров Земледельческого союза того времени.

⁵ См. „Дневници на XVII-то О. Н. С...“, IV и. с., стр. 11, 38.

1) Огромное недовольство трудящихся тыла и солдат политикой правительства.

2) Раздоры в правящем лагере, в первую очередь раздоры между германофильской кликой, возглавленной Фердинандом, и антантофильским блоком.

3) К этим двум факторам, определявшим внутривнутриполитическую обстановку в стране еще с весны 1918 г., в середине сентября 1918 г. добавился новый огромный важности фактор — поражение на фронте.

Таковы были непосредственные причины, вызвавшие новое обострение политического кризиса в стране. В основе же его лежали экономическое истощение и разруха вследствие войны.

Поражение у Добро-Поле и развал в армии обострили до крайности и без того напряженное положение в стране. В Болгарии наступил кризис власти.

«Кризис власти, — учит И. В. Сталин, — определяется её неустойчивостью: наступил момент, когда приказы власти вызывают либо смех, либо равнодушие, и никто не хочет их исполнять. Недоверие к власти проникает в глубь населения. Власть колеблется. В этом основа кризиса власти»¹. С точки зрения классовая, указывает И. В. Сталин, «... кризис власти есть не что иное, как внешнее выражение борьбы классов за власть»². Наглядной иллюстрацией этого сталинского положения является кризис власти, наступивший в конце сентября 1918 г. в Болгарии.

Угнетенные массы болгарского народа восстали против буржуазно-монархического режима.

Так возникло стихийное восстание одетых в солдатские шинели болгарских крестьян и рабочих, поднявшихся на вооруженную борьбу против ненавистного царя и правительства.

На революционизирование болгарских трудящихся оказала огромное влияние Великая Октябрьская социалистическая революция. Недаром восставших солдат называли «большевиками» как сочувствовавшие им трудящиеся, так и бесновашаяся от злобы и страха буржуазия. Оценивая влияние Октябрьской революции на Владайское восстание, В. И. Ленин в статье, написанной 7 октября 1918 г., по горячим следам событий в Болгарии, писал: «... теперь вот прямо подражает нам Болгария»³.

Вспыхнувшее в стране солдатское восстание имело огромные перспективы. Революционная ситуация начала перерастать в революцию.

В Болгарии начиналась революция. Это прозорливо увидел гениальный В. И. Ленин, указавший в ряде своих выступлений и статей в октябре—ноябре 1918 г. на то, что искры революционного пожара из России перекинулись в другие европейские страны, в том числе и в Болгарию, где осенью 1918 г. начиналась революция⁴. «... Наша революция, — говорил В. И. Ленин в одном из своих выступлений этого времени, — поползла с востока на запад и встречает там все более подготовленную почву. Вы знаете, что вспыхнула революция в Болгарии»⁵.

Расстановка классовых сил в Болгарии в сентябре 1918 г. благоприятствовала успеху революционной борьбы. Огромное большинство населения страны было охвачено недовольством. Распространяемая тесняками правда

¹ И. В. Сталин. Соч., т. 3 стр. 114—115.

² Там же, стр. 294. См. также стр. 115.

³ В. И. Ленин. Соч., т. 28, стр. 92.

⁴ См. там же, стр. 95, 136—139.

⁵ Там же, стр. 95.

о первом в мире социалистическом государстве — Советской России — проникла в самые глухие углы Болгарии. Крайне немногочисленный вследствие мобилизации в армию болгарский пролетариат был революционно настроен.

Основная часть населения страны — трудовое крестьянство, изнывавшее от реквизиций, поборов и грабежей, несомненно поддержало бы выступление пролетариата.

Недовольством была охвачена и мелкая буржуазия города — ремесленники и т. д.

В лагере господствующих классов усилились разброд и раздоры: в стране был налицо кризис власти.

В сентябре 1918 г. в Болгарии сложились объективные условия для успеха революционной борьбы. Однако наличие благоприятной объективной обстановки является для успеха революционной борьбы условием необходимым, но не достаточным.

Для успеха революции необходим еще субъективный фактор, который состоит, как говорил В. И. Ленин, в способностях «... революционного класса на революционные массовые действия, достаточно *сильные*, чтобы сломить (или надломить) старое правительство, которое никогда, даже и в эпоху кризисов, «не упадет», если его не уронят»¹; в наличии революционной партии, у которой хватает «... достаточно сознательности, организованности, связи с эксплуатируемыми массами, решительности, умения, чтобы использовать этот кризис (речь идет о революционном кризисе. — М. Б.) для успешной, для победоносной революции»².

«Победа революции, — учит И. В. Сталин, — никогда не приходит сама. Ее надо подготовить и завоевать. А подготовить и завоевать ее может только сильная пролетарская революционная партия. Бывают моменты, когда положение — революционное, власть буржуазии шатается до самого основания, а победа революции все же не приходит, так как нет налицо революционной партии пролетариата, достаточно сильной и авторитетной для того, чтобы повести за собой массы и взять власть в свои руки»³.

В сентябре 1918 г. Болгарии не доставало именно субъективного фактора. Субъективная сторона революционного процесса сильно отставала от объективной.

Своеобразие исторической обстановки осени 1918 г. в Болгарии состояло именно в том, что болгарский пролетариат не был готов к выполнению своей исторической миссии класса-гегемона. Большая часть наиболее передовых и сознательных элементов пролетариата была в армии. Единственная партия в стране, которая могла бы возглавить революционную борьбу масс, — партия тесняков — была к этому не готова.

Не понимая сложности и диалектичности процесса революционного преобразования общества, тесняки полагали, что поскольку пролетариат в Болгарии крайне немногочисленен, следовательно, страна еще далека от пролетарской революции. Доктринерски подходя к борьбе за пролетарскую революцию, они считали, что пролетарская партия должна выступать только на борьбу за пролетарский переворот. Ленинская теория перерастания буржуазно-демократической революции в революцию социалистическую не была еще воспринята тесняками. Партия тесняков недопонимала своеобразие

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 21, стр. 190.

² Там же, т. 31, стр. 203.

³ И. Сталин. Вопросы ленинизма, изд. 11, стр. 433.

развития революционного процесса в Болгарии. В стране еще не были разрешены некоторые задачи буржуазно-демократической революции. В силу этого пролетарская партия должна была, принимая активное участие в общедемократическом движении, стремиться к тому, чтобы, борясь за разрешение задач буржуазно-демократической революции, повести за собой болгарское крестьянство. Для этого необходимо было выдвинуть близкий и понятный для трудящихся города и деревни общедемократический лозунг. Таким лозунгом должен был быть лозунг борьбы за демократическую республику. Еще в 1915 г. В. И. Ленин указывал, что лозунгом борьбы революционной социал-демократии в отсталых монархических странах должен быть лозунг республики¹.

Между тем тесняки не сумели оценить огромной перспективы начатой восставшими солдатами борьбы за республику. В решительный момент, когда солдаты на фронте повернули штыки против виновников войны, поднялись, провозгласили республику и направились к Софии, т. е. последовали на деле примеру русских братьев, — партия тесняков не организовала и не возглавила солдатское восстание, не превратила его в народное восстание против монархии — главной агентуры германского империализма — и против буржуазии, которая использовала войну в целях грабежа и обогащения. «Лозунг мира и народной демократической республики, если бы он был выдвинут тогда партией, — указывал Г. М. Димитров, — объединил бы без сомнения огромные массы трудящихся города и деревни... Победоносное народное восстание во имя народной республики в 1918 г. могло изменить общее направление развития страны и Балкан в интересах огромного большинства нашего народа»². Партия тесняков не оказалась на высоте поставленных перед нею историей задач.

«Главная причина, вследствие которой наша партия не встала во главе восставших осенью 1918 г. солдатских масс, — указывал Г. М. Димитров, — лежала в ее доктринерстве, в меньшевистских позициях, методах и традициях тесного социализма.

Не обладая ленинской теорией о своеобразии революционного процесса в различных странах, об отношениях и органической связи между борьбой за демократию и борьбой за социализм, наша партия считала, что в наступавшую эпоху социалистической революции лозунг народной республики, как не специфически социалистический, не может быть выдвинут марксистской партией. Не обладая ленинским пониманием боевого союза рабочих и крестьян, она считала, что так как солдатские массы, состоящие преимущественно из крестьян, не готовы еще бороться за советскую власть, ввиду этого они не способны ни к какой настоящей революционной борьбе. Только из-за своего доктринерского понимания марксизма наша партия не приняла руководство солдатским восстанием, не сделала ничего для превращения его в общенародное восстание, вследствие чего оно осталось изолированным, без надежного руководства и было подавлено»³.

Несмотря на свои огромные заслуги перед болгарским народом в области распространения идей и лозунгов Октябрьской революции, партия тесняков не смогла сыграть роль организатора и руководителя революционной борьбы. Восприняв еще в 1917 г. большевистский лозунг прекращения войны империалистической в войну гражданскую, тесняки и

¹ См. В. И. Ленин. Соч., т. 21, стр. 139.

² Г. М. Димитров. Доклад пред V конгресс БРП(к), М., 1951, стр. 16.

³ Г. М. Димитров. Указ. соч., стр. 16—17.

в 1918 г., в период революционной ситуации в стране, продолжали заниматься лишь пропагандой и агитацией. Между тем обстановка в стране потребовала от них, чтобы этот лозунг из лозунга пропаганды и агитации стал лозунгом действия, а в сентябре 1918 г. — и директивой. Тесняки оказались неподготовленными к тому, чтобы использовать создавшийся в результате ослабления болгарского капиталистического государства революционный кризис в стране для свержения буржуазно-монархической клики и изменения существовавшего в Болгарии строя.

Для осуществления этой великой исторической миссии нужна была иная партия, партия нового типа, марксистско-ленинская, большевистская партия. Оставаясь пока еще в основном на своих старых позициях, не овладев ленинизмом, тесняки не смогли обеспечить победоносный исход из создавшегося в стране революционного кризиса. «Тесный» социализм, — говорил Г. М. Димитров, критически оценивая период революционных боев 1918—1923 гг. в Болгарии, — как идейно-политическое вооружение рабочего класса у нас, не выдержал экзамена истории в новых условиях послевоенного кризиса капитализма и непосредственной борьбы за власть. Это вооружение оказалось явно недостаточным и непригодным для того, чтобы обеспечить победу пролетариата в нашей стране»¹.

Неправильная позиция партии тесняков привела к тому, что возмущение и негодование эксплуатируемых масс Болгарии не получили организационного оформления.

Отсутствие организованного начала в революционном лагере Болгарии сказалось прежде всего на размахе революционной борьбы. В революционном восстании участвовала часть болгарского трудящегося народа — армия и притом далеко не вся.

Самоустранение партии тесняков от руководства восстанием расчищило поле для деятельности колеблющихся, ведущих двусмысленную противоречивую политику мелкобуржуазных лидеров Земледельческого союза. Отправившийся из столицы по поручению правительства вместе со Стамболийским и вместе с другими буржуазными парламентариями с целью «нейтрализации» восстания Даскалов волею случая и под влиянием стихии событий оказался во главе восставших. Это сыграло роковую роль в судьбе восстания.

Мелкобуржуазные руководители всеми силами стремились избежать гражданской войны, сузить рамки и ограничить размах восстания, смягчить остроту борьбы. Своим стремлением к компромиссу, стремлением избежать народной революции они объективно способствовали поражению восстания. Еще раз подтвердились вещие слова Ф. Энгельса, сказанные им в классической работе «Революция и контрреволюция в Германии»: «Мелкая буржуазия, великая в хвастовстве, совершенно не способна действовать и очень трусит рисковать чем бы то ни было»². «Она, — говорит Ф. Энгельс, — способна лишь на то, чтобы погубить всякое движение, которое вверяется ее руководству»³. Таким образом, даже наиболее радикальные из мелкобуржуазных лидеров Земледельческого союза проявили свою полную неспособность успешно руководить революционным восстанием трудящихся масс и обрекли его на поражение.

¹ Г. М. Димитров. Указ. соч., стр. 26.

² К. Маркс, Ф. Энгельс. Избранные произведения, т. II, 1941, стр. 114.

³ Там же.

В целом же весь лагерь мелкобуржуазных партий (включая правых лидеров Земледельческого союза и социал-предателей из партии широких социалистов) выступил в этот критический для болгарского буржуазного государства период на стороне контрреволюции.

Однако при существовавшем в стране соотношении сил этой помощи — поддержки мелкобуржуазных партий — для разгрома восстания было далеко не достаточно.

Спасение болгарской буржуазии пришло извне. На подавление начинающейся революции в Болгарии ринулись германские империалисты и империалисты США и Антанты. В результате вмешательства извне, при помощи германских штыков и пулеметов, Владайское восстание было подавлено. Болгария была оккупирована войсками Антанты.

Так, соединенными силами внутренней и международной контрреволюции было подавлено революционное восстание в Болгарии.

Владайское восстание явилось кульминационным пунктом революционной борьбы болгарских трудящихся периода 1918 г. Этот момент определял судьбу болгарского народа на многие годы.

Неудача восстания способствовала сохранению в Болгарии ненавистного трудящимся буржуазно-монархического режима, сыгравшего губительную роль и в дальнейшей истории болгарского народа, задержавшего его прогрессивное историческое развитие.

Но, несмотря на поражение, Владайское восстание сыграло большую роль в историческом развитии Болгарии. Оно потрясло болгарское буржуазное государство, нанесло ему удар такой силы, от которого буржуазия не сразу оправилась. Удар этот сказывался на протяжении дальнейшего периода — он предопределил отречение и бегство Фердинанда, равно как и многие другие внутривосточные сдвиги в Болгарии в 1918—1919 гг.

Революционные силы болгарского народа не были разгромлены, хотя восстание и окончилось неудачей.

Владайское восстание было первой попыткой болгарских трудящихся свергнуть ненавистный буржуазно-монархический строй, положив начало длительной и упорной революционной борьбе.

Владайское восстание пробудило энергию наиболее передового и революционного класса — болгарского пролетариата, который через короткий промежуток времени после поражения восстания повел новое наступление на существующую власть.

На этот раз партия тесняков возглавила революционную борьбу. В ходе этой борьбы партия тесняков преобразовалась в коммунистическую партию Болгарии.

Восприняв опыт большевистской партии, болгарские коммунисты критически пересмотрели исторический опыт борьбы болгарских трудящихся (в том числе и в период Владайского восстания). В ходе длительной и героической борьбы болгарские коммунисты привели болгарский народ к великой исторической победе 9 сентября 1944 г. Освобожденный от фашистского ига Советской Армией болгарский народ, свергнув 9 сентября 1944 г. фашистский режим, в настоящее время успешно закладывает основы социализма.

Ю. А. Писарев

**ИЗ ИСТОРИИ РЕВОЛЮЦИОННОГО ДВИЖЕНИЯ
РАБОЧЕГО КЛАССА И КРЕСТЬЯНСТВА
В СЕРБО-ХОРВАТО-СЛОВЕНСКОМ ГОСУДАРСТВЕ
в 1919—1923 гг.**

Великая Октябрьская революция в России, открывшая новую эру в истории человечества — эру социализма, нанесла смертельный удар империализму. Капитализм перестал быть единой всеохватывающей системой хозяйства: в результате Октябрьской революции произошел прорыв империалистической цепи в самом слабом ее звене — в царской России. Рабочий класс и крестьянство нашей страны под руководством партии Ленина—Сталина свергли власть помещиков и капиталистов и построили первое в мире социалистическое государство.

Мир раскололся на два лагеря: крепнущий и развивающийся лагерь социализма и разваливающийся, переживающий общий кризис, идущий к неминуемой гибели лагерь империализма.

Товарищ Сталин на XIV партийном съезде указывал:

«... Всеохватывающего капитализма во всем мире нет больше. После того, как на свет появилась Советская Страна, после того, как старая Россия превратилась в Советский Союз, — после этого — всеохватывающего капитализма во всем мире не стало. Мир раскололся на два лагеря: на лагерь империализма и лагерь борьбы против империализма»¹.

Борьба и сосуществование этих двух непримиримых лагерей стали определять все существо международной и внутренней обстановки².

Революционное движение рабочего класса и трудящегося крестьянства вновь созданного Сербо-хорватословенского государства составляло неотъемлемую часть общей борьбы народов против империализма.

Империалисты Англии, Франции и США после провала планов сохранения реакционной империи Габсбургов, развалившейся в результате революционного движения, начали грубо вмешиваться во внутреннюю жизнь вновь возникшего Королевства сербов, хорватов и словенцев и других балканских государств, нарушая их суверенитет и попирая национальные права. Антанта — англо-франко-американская коалиция — не останавли-

¹ И. В. Сталин. Соч., т. 7, стр. 281.

² См. там же, т. 4, стр. 232.

вазась при этом перед применением военной силы. Так, в 1918—1919 гг. были посланы войска этой коалиции против революционной Болгарии¹. В ноябре 1918 г. американские, французские и итальянские войска участвовали в кровавом подавлении революционного движения народов Хорватии, Словении, Черногории и Далмации². Весной 1919 г. войска Антанты были введены в Сербию и Словению.

Под прямым нажимом американского, английского и французского империализма произошло насильственное присоединение Хорватии, Словении, Воеводины и других южнославянских областей бывшей Австро-Венгрии к Сербскому королевству, зависевшему от иностранного капитала и имевшему большую армию для подавления революционного движения. Власть во вновь созданном Сербо-хорвато-словенском государстве захватил при помощи империалистов стран Антанты буржуазно-помещичий блок.

Еще более усилившееся после образования Сербо-хорвато-словенского королевства проникновение в экономику страны французского, американского, английского и других иностранных капиталов сопровождалось резким ухудшением положения трудящихся классов, усилением реакции в общественной и политической жизни, полицейским террором. Проникновение иностранного капитала в Королевство СХС привело к его превращению в аграрно-сырьевой придаток империалистических государств, а в политическом отношении — в их сателлита. Сербо-хорвато-словенское государство рассматривалось империалистами США, Франции и Англии как один из ближайших резервов империализма, как военно-стратегический плацдарм для подготовки интервенции против Советской России.

Но революционное движение рабочего класса и трудящегося крестьянства в 1918—1923 гг. в Хорватии, Македонии, Черногории и в других частях Сербо-хорвато-словенского государства сковывало силы сербской военщины и тем срывало агрессивные антисоветские планы милитаристских кругов Королевства СХС и их империалистических хозяев. Незатихающая народно-освободительная борьба расшатывала самые основы буржуазно-помещичьего Сербо-хорвато-словенского государства. Борьба эта была действительно революционной и всенародной, так как в ней активно участвовали рабочий класс и трудящееся крестьянство.

Вопрос о судьбах национально-освободительного движения, о характере и быстроте его развития определялся соотношением общественных сил, равнодействующей классовой борьбы. Завершится ли эта борьба решительной победой или дело окончится компромиссом, пойдет страна по пути революции или урезанных реформ, зависело от того, какому классу — пролетариату или буржуазии удастся завоевать на свою сторону крестьянство и повести его за собой.

Единственным последовательно революционным классом является пролетариат. Только он способен довести до конца буржуазно-демократическую революцию. Только он может осуществить вековые чаяния крестьянства в области земельных реформ.

Товарищ И. В. Сталин, указывая на большое влияние русской революции на развитие революционного движения народов Австро-Венгрии, писал:

«Нужно ли говорить, что всё это не пройдет даром для угнетённых народов Запада и прежде всего для народов Австро-Венгрии, переживаю-

¹ См. „Вопросы истории“, 1951, № 5, стр. 27—43.

² См. „Известия АН СССР, Серия истории и философии“, т. VII, 1950, № 4.

щих пока еще период буржуазно-освободительного национального движения, но уже вступивших силой вещей в полосу борьбы с империализмом?»¹

Доведение до конца буржуазно-демократической революции и осуществление в стране пролетарской революции — такова задача, которая стояла перед рабочим классом Сербо-хорвато-словенского государства в 1918—1923 гг.

На эту задачу указывал товарищ И. В. Сталин в своем выступлении на заседании югославской комиссии Исполнительного комитета Коммунистического интернационала 30 марта 1925 г.

«Исходным пунктом национальной программы, — говорил товарищ И. В. Сталин, — должно быть положение о советской революции в Югославии, положение о том, что без свержения буржуазии и победы революции национальный вопрос не может быть разрешен сколько-нибудь удовлетворительно»².

Другим классом, участвовавшим в революционном национально-освободительном движении, против национального гнета сербской буржуазии и социального гнета сохранных сербской монархией феодалов, было крестьянство. Оно придавало этому движению подлинно массовый, всенародный характер.

«... Основу национального вопроса, его внутреннюю суть, — учит товарищ И. В. Сталин, — ... составляет вопрос крестьянский. Этим именно и объясняется, что крестьянство представляет основную армию национального движения, что без крестьянской армии не бывает и не может быть мощного национального движения»³.

В течение веков хорватский, словенский, воеводинский и боснийский крестьянин боролся за землю. После первой мировой войны под влиянием революционного движения рабочего класса эта борьба приобрела особенно острый характер: в Сербо-хорвато-словенском государстве в 1918—1919 гг. началась аграрная революция.

Но крестьянство не было последовательным и устойчивым в своей борьбе. В силу своей классовой природы оно колебалось между пролетариатом и буржуазией.

«Такие колебания, — говорит В. И. Ленин, — неизбежны, ибо крестьяне — противники помещиков и крепостничества, но в то же время сами мелкие хозяйчики, мелкие буржуа»⁴.

Развертывание революционного движения рабочего класса и трудящегося крестьянства заставило выступить и либеральную буржуазию.

Буржуазия Хорватии, Словении, Воеводины и других южнославянских областей бывшей Австро-Венгерской империи, вошедших в состав Сербо-хорвато-словенского государства, выступала против препятствующей ее росту сербской буржуазии, была заинтересована в создании условий для развития национальной буржуазии, носилась со всевозможными планами и проектами учреждения национальной автономии в рамках Сербо-хорвато-словенского государства⁵.

Однако хорватская, словенская и другая национальная буржуазия, участвуя в национальном движении, боялась, что это движение приобретет

¹ И. В. Сталин. Соч., т. 4, стр. 181.

² Там же, т. 7, стр. 74.

³ Там же, стр. 71—72.

⁴ В. И. Ленин. Соч., т. 20, стр. 283.

⁵ Федеративный план хорвата Агге Трумбича, план автономии словенца Корошеца и другие.

революционный характер, что пролетариат повернет свое оружие не только против великосербских поработителей, но и против буржуазии своей собственной национальности, что в стране произойдет социалистическая революция.

В 1918—1919 гг. — в период первого послевоенного революционного кризиса — буржуазия Хорватии, Словении, Боснии-Герцеговины и Воеводины, чтобы задушить революционное движение, пошла на сговор с сербской монархией и американско-англо-французским империализмом, призвав их войска для кровавого подавления выступления рабочего класса и трудящегося крестьянства.

Буржуазия Сербо-хорвато-словенского государства выступала против революционного движения и в последующие годы, широко используя для ведения подрывной работы в рабочем классе свою агентуру — социал-демократию, предавшую дело пролетариата и способствовавшую поражению революционного движения.

Такова была расстановка классовых сил в Сербо-хорвато-словенском государстве в рассматриваемый период.

1. РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПОДЪЕМ 1919 г.

В начале этого периода — в 1919 г. — в стране происходит новый революционный подъем, второй после 1917—1918 гг.¹

Непосредственным толчком для нового подъема революционного движения рабочего класса Сербо-хорвато-словенского государства послужила советская революция в Венгрии. Эта революция, возникшая под влиянием Великой Октябрьской социалистической революции в России, еще более революционизировала рабочий класс Королевства сербов, хорватов и словенцев.

Провозглашение в Будапеште 21 марта 1919 г. Советской властью было встречено с огромным ликованием трудящимися Сербо-хорвато-словенского государства.

26 марта 1919 г. в Белграде стихийно возникли рабочие демонстрации и собрания. Пролетариат сербской столицы приветствовал рабочий класс Венгрии и потребовал немедленного прекращения интервенции против Венгерской Советской республики.

«Собрание сербских рабочих, — говорилось в резолюции городского митинга в Белграде, — восторженно приветствует диктатуру мадьярского пролетариата и заявляет о своей готовности поддержать всеми силами венгерских братьев...»²

В пограничных сербско-венгерских районах поднимались волнения сербских солдат, которые отказывались выступать против революционных венгерских войск и братались с ними.

«В Беременде, — писала 15 апреля 1919 г. «Правда», — сербские солдаты вместо борьбы с венгерскими революционными отрядами побратались

¹ Данная статья является продолжением опубликованной в № 4 «Ученых записок Института славяноведения АН СССР» статьи «Положение трудящегося крестьянства в Сербо-хорвато-словенском государстве и аграрная реформа 1919 г.», где рассматривается период революционного подъема 1917—1918 гг.

² Сообщение венгерского «Корреспондент-Бюро», «Жизнь национальностей», 26. IV 1919 г.

с венгерскими солдатами. . . Братание происходило не в одном только Беременде, а шло по всей демаркационной линии»¹.

В сербских войсках вспыхнул ряд восстаний. Так, в апреле было поднято восстание в Пече и Дравастваре (Южная Венгрия). Сербские солдаты потребовали провозглашения в Королевстве СХС республики и низложения династии Карагеоргиевичей. Посланные на усмирение восстания французские войска оказались неблагонадежными и были отозваны обратно².

Такие же восстания были подняты в Сегеде, Мике и других городах Южной Венгрии, в которых были расквартированы сербские войска³.

Наращение революционного движения требовало создания единой централизованной партии рабочего класса, способной руководить этим движением. В 1919 г. была предпринята первая попытка создания такой партии: 20—25 апреля 1919 г. в Белграде был созван учредительный съезд, на котором присутствовало 560 делегатов, приехавших с разных концов страны и представлявших до сих пор самостоятельно существовавшие разрозненные социал-демократические организации Сербии, Хорватии, Словении и Боснии-Герцеговины, левые элементы которых приняли решение об объединении на платформе Коммунистического интернационала. Однако, несмотря на формальное объединение в единую «Социалистическую рабочую партию (коммунистов)»⁴, в Сербо-хорвато-словенском государстве фактически не было создано боевой партии рабочего класса — партии нового типа, последовательно стоящей на марксистско-ленинских интернационалистических позициях и беспощадно борющейся против оппортунизма и троцкизма, за чистоту партийных рядов.

По своему социальному составу коммунистическая партия Сербо-хорвато-словенского государства по существу не была пролетарской партией. Рабочие составляли в ней меньше 10% (причем значительная часть — аристократия и люмпенпролетариат)⁵.

В 1919 г. коммунистической партии, как единой организации, фактически не существовало. Основная масса членов партии шла за Центральным комитетом; существовали также группы левых, правых и центристов. Все эти группы имели свои печатные органы, которые выходили, однако, от имени единой партии. Так, «Нови свет» в Загребе, «Радничке новине» в Белграде и «Радничке лист» в Нови Саде представляли Центральный комитет; газета «Нова истина» в Загребе и «Глас слободи» в Сараеве — центристскую группу, газета «Освобождение» в Сплите открыто проповедовала анархо-синдикализм⁶.

Коммунистическая партия допустила серьезные ошибки в организационном вопросе. Она ограничивалась главным образом созданием городских и окружных (уездных, волостных, областных) партийных организаций и почти совсем не создавала партийных организаций на селе (исключе-

¹ «Правда», 15. IV 1919 г.

² См. «Жизнь национальностей», 29. IV 1919 г.

³ См. «Коммунистический интернационал», 1919, № 3.

⁴ В 1919 г. в рядах социалистической рабочей партии (коммунистов) насчитывалось 12 тыс. человек. После II съезда (1920 г.) партия была переименована в коммунистическую партию Сербо-хорвато-словенского государства.

⁵ См. Перо Попивода. За возрождение революционной подлинно коммунистической партии Югославии, «За прочный мир, за народную демократию!», 15. IX 1950 г., № 37.

⁶ См. «Novi Svijet», 1920, № 5. Орган ЦК КП Сербо-хорвато-словенского государства.

чение составляет только одна Вараждинская партийная организация). Как правило, не создавались первичные организации и на отдельных предприятиях. Коммунистическая партия Сербо-хорвато-словенского государства оказалась оторванной от масс, и, когда на нее обрушивались правительственные репрессии, она не умела быстро уходить в подполье.

В коммунистической партии Сербо-хорвато-словенского государства не была преодолена групповщина, организационная разобщенность и идейная разногласица, что наносило большой ущерб делу объединения и руководства революционным движением, а засоренность рядов коммунистической партии случайными и враждебными элементами широко использовалась полицией для засылки в нее провокаторов и шпионов. Вследствие слабой связи коммунистической партии с народом и подрывной деятельности провокаторов, полиции удавалось вылавливать из рядов партийных организаций лучших работников и подвергать их жестоким преследованиям.

Сразу после образования коммунистической партии в конце апреля 1919 г. по приказу министра внутренних дел Прибичевича было арестовано все руководство коммунистической партии Сербо-хорвато-словенского государства (Центральный комитет), весь состав краевых комитетов Далмации и Воеводины и больше 100 воеводинских местных руководящих работников. В Боснии и Герцеговине были арестованы не только члены краевого комитета, но и почти все члены местных комитетов. Общее число арестованных коммунистов и прогрессивных деятелей в одной только Боснии превысило 2 тыс. человек¹.

В стране был введен самый разнузданный террористический режим. «В Королевстве сербов, хорватов и словенцев, — писала итальянская газета «Ил Секколо», — свирепствует белый террор... В городах Чазме, Беловаре и Радече сербская военная комендатура издала приказ о расстреле всех республиканских агитаторов и лиц, поддающихся их влиянию. Для устрашения населения трупы расстрелянных в течение трех дней выставляются на городской площади. Повсюду производится насильственный набор в войска. Призванным запрещается чтение газет и всякое общение с гражданским населением. Сербские жандармы производят насилия, во много раз превышающие то, что творилось в самые темные времена габсбургского самодержавия»².

Но преследования и террор не могли остановить революционного движения. Наоборот, оно все более и более ширилось.

1 мая 1919 г. во всех крупных городах страны состоялись многотысячные демонстрации³. Особенно внушительно и организованно эти демонстрации прошли в Боснии, где в них приняли участие десятки тысяч рабочих. Напуганные власти вызвали в Боснию дополнительные войска и запретили выход всех коммунистических и прогрессивных газет. Боснийские социал-предатели (Смитран и др.) оказали прямую помощь полиции, призывая рабочих отказаться от демонстрации⁴.

Майское выступление рабочих, имевшее массовый характер, выявило революционные настроения трудящихся. Среди лозунгов демонстрантов были лозунги, призывающие рабочих и крестьян бороться против военной интервенции в Венгрию и Советскую Россию.

¹ См. „Коммунистический интернационал“, 1920, № 13, стр. 2567—2572.

² Цитировано по „Жизни национальностей“, 1919, № 16 (8).

³ „Жизнь национальностей“, 25. V 1919 г.

⁴ См. „Agrarier Tageblatt“, 7. V 1919 г.

В июне—июле 1919 г. революционное движение приобрело еще больший размах. Его возглавили коммунисты-ленинцы. 20—21 июня коммунисты организовали всеобщую забастовку протеста против подготавливаемой по приказу Антанты военной интервенции в Советскую Венгрию¹.

Бастующих рабочих поддержали солдаты. Вспыхнули восстания во многих войсковых соединениях, расквартированных в Хорватии и Воеводине и предназначенных для посылки против венгерской Красной Армии.

23 июля в районе Новиград—Иштванди хорватские солдаты перешли демаркационную линию и начали браться с отрядами венгерской Красной Армии. На границе был созван массовый митинг, в котором принимали участие венгерские и хорватские солдаты. 24—25 июля вспыхнули восстания словенских солдат в Мариборе, Дорнау и Прогерско (Словения). Восставшие захватили казармы и вывесили красные знамена. В те же дни восстали солдаты хорватских частей в Загребе и Вараждине (Хорватия). Командование послало против восставших надежные сербские части, которые, однако, были отброшены назад, потеряв убитыми до 200 человек. Восставших солдат поддержали рабочие и служащие почты и телеграфа: 24—25 июня по всей стране была прервана почтово-телеграфная связь.

25 июля 1919 г. восстали три хорватских отряда, посланные в район Сегеда против венгерской Красной Армии. Восставшие отказались сражаться с венгерскими солдатами и братались с ними².

Военное командование спешно сняло с сербско-венгерской границы ряд военных частей и отправило их в глубь страны. Были произведены многочисленные аресты. Среди арестованных и сосланных в Македонию было 450 коммунистов, работавших в армии³.

Выступления рабочего класса и солдатских масс заставили буржуазию временно прекратить посылку интервенционистских войск. Это была серьезная победа рабочего класса, оказавшего тем самым большую помощь Венгерской Советской республике.

Рабочему классу удалось также добиться введения 8-часового рабочего дня, заключения коллективных договоров, легализации профессиональных союзов и различных общественных организаций. Перед угрозой роста стачечного и общего революционного движения буржуазия была вынуждена пойти на уступки.

Крупнейшими выступлениями середины 1919 г. были: двухмесячная забастовка типографских рабочих Боснии, волнения в Загребе, в Вараждине (Хорватия) и Мариборе (Словения).

В Мариборе в конце июля состоялась многолюдная антимоноархическая демонстрация трудящихся, переросшая в вооруженное столкновение словенского населения с сербской жандармерией и войсками. Решительное сопротивление повстанцев продолжалось два дня и было жестоко подавлено двинутыми на город войсками. Свыше 30 человек было убито⁴.

В Загребе волнение охватило не только рабочих города, но и железнодорожников, в результате чего прекратилась работа транспорта, используемого для перевозки карательных отрядов сербских войск⁵. Однако и в по-

¹ См. „Коммунистический интернационал“, 1920, № 13, стр. 2567—2572.

² См. „Korrespondenz-Express“, 25. VII 1919 г.

³ См. „Коммунистический интернационал“, 1920, № 13, стр. 2567—2572.

⁴ См. там же.

⁵ „Правда“, 28. VII 1919 г.

следних тоже начиналось брожение. Солдаты отказывались выступать против хорватских рабочих.

«Войсковые части, — писала австрийская газета «Нейес Винер Журналь», — которые были отправлены против хорватов и словенцев, взбунтовались. Солдаты стреляли из окон железнодорожных вагонов в воздух и кричали: «Да здравствуют Советы!»»¹.

8 августа 1919 г. вспыхнули восстания в Вараждине и Кричевце, где восставшими, которыми руководил коммунисты, были захвачены правительственные здания и вокзалы².

В Мариборе, Осиеке и Загребе были созданы Советы рабочих и солдатских депутатов.

Революционные выступления рабочих, солдат и крестьянства сотрясали самые основы Сербо-хорвато-словенского государства. Летом и осенью 1919 г. положение правящих классов стало еще более критическим, чем в грозные октябрьско-ноябрьские дни 1918 г.

В Белграде царил настоящая растерянность. Об этом говорит непрерывный правительственный кризис, переживаемый в течение второй половины 1919 г. За два-три месяца сменилось несколько кабинетов.

Вначале создание правительства было поручено так называемой «демократической партии»³. Социальной опорой этой партии была финансовая буржуазия, торговцы, кулачество, буржуазная интеллигенция. Отстаивая великосербскую гегемонию, демократическая партия, в целях расширения влияния правящей сербской буржуазии, выдвигала идею предоставления некоторым национальностям Сербо-хорвато-словенского государства права на областное самоуправление. Причем это самоуправление мыслилось как весьма ограниченное право заниматься только хозяйственной и культурной деятельностью, контроль над которой должны были осуществлять сербские чиновники. 16 августа 1919 г. лидер демократической партии Люба Давидович⁴ сформировал новый кабинет, немедленно провозглашенный буржуазной прессой как «левое правительство».

Министром иностранных дел в этом кабинете стал председатель «Хорватского клуба» Анте Трумбич⁵, министром социальной политики и здраво-

¹ „Neus Wiener Journal“, 1. VI 1919 г.

² См. „Sudslawische Korrespondenz“, 9. VIII 1919 г.

³ „Демократическая партия Сербо-хорвато-словенского государства“ основана в 1919 г. в результате слияния трех политических групп крупной и средней сербской буржуазии: „Сербской прогрессивной партии“ (лидер М. Новакович), „Народной партии“ (лидер Стоян Рибарач) и „Самостоятельной радикальной партии“ (лидер Л. Давидович).

⁴ Люба Давидович — лидер буржуазной сербской „демократической партии“. Благодаря своей политике демагогии и обещаний слыл за сторонника радикальных реформ в области разрешения национального вопроса (предоставление автономии) и государственного устройства (конституционная монархия). Однако фактически Давидович не рещался даже на эти куцые буржуазные реформы и не шел дальше робких требований либеральной буржуазии. Вместе с тем против революционного движения трудящихся Л. Давидович выступал со всей решительностью буржуазного правителя. Правительство „демократа“ Давидовича обрушилось с жестокими репрессиями на рабочий класс и трудящееся крестьянство.

⁵ „Хорватский клуб“ возник еще до образования Сербо-хорвато-словенского государства и объединял хорватскую буржуазную интеллигенцию, большинство которой выступало до 1918 г. за создание трнединной империи в составе Австрии, Венгрии и Хорватии, а после развала Габсбургской монархии и создания Сербо-хорвато-словенского королевства — за национальную автономию в рамках королевства. Председателем этого клуба был Анте Трумбич — хорватский националист.

охранения — хорватский социалист Витомир Корач¹ и министром лесов и рудников — словенский социалист Антон Кристан².

Правительство Любы Давидовича, по меткому определению газеты «Правда», являлось «правительством демократической ловушки»³, и включение в него социалистов было предпринято для обмана рабочего класса. Основной целью правительства было подавление революционного движения. Недаром портфель министра внутренних дел был сохранен в руках палача югославского народа Светозара Прибичевича⁴, одним из первых мероприятий которого был приказ об аресте руководителей коммунистической партии и ряда революционных деятелей крестьянских партий.

Но правительство Давидовича не долго смогло продержаться у власти: оно так и не сумело справиться с революционным движением и ушло в отставку. 5 октября 1919 г. вместо правительства Давидовича был создан «правый кабинет» одного из лидеров старых радикалов Марко Трифковича, в который вошли тот же Трумбич, Корошец (словенская католическая партия), Дринкович (радикал) и другие.

Таким образом, к власти снова пришла партия крупной финансово-промышленной сербской буржуазии — так называемая «народная радикальная партия»⁵, стоящая на открыто националистических великосербских позициях. Правда, возглавил правительство представитель умеренного крыла этой партии, высказывающийся за некоторое сотрудничество с буржуазными партиями национальных районов, а в состав правительства вошли Трумбич и Корошец⁶ — представители буржуазии Словении, но существо дела от этого не менялось, — правительство Трифковича было создано для того, чтобы задушить национально-освободительное движение. Когда же выяснилось, что и это правительство не оправдало возлагавшихся

¹ Витомир Корач — лидер правых социалистов Хорватии, известный предатель рабочего движения.

² Антон Кристан — лидер правых социалистов Словакии, нанесший большой ущерб рабочему движению своей раскольнической деятельностью.

³ «Правда», 20. VIII 1919 г.

⁴ С. Прибичевич — один из самых ярких реакционеров и монархистов, сербский националист, душитель революционного движения. С 1918 до 1920 г. — министр внутренних дел, в 1920—1923 гг. — министр просвещения в различных кабинетах. В 1919—1921 гг. Прибичевич создает в стране фашистские организации — «Ордуны» и «Адриатическую стражу».

⁵ «Народная радикальная партия Сербии» называлась партией старых радикалов в отличие от отколовшейся от нее в 1901 г., возглавляемой Л. Давидовичем, партии молодых радикалов.

Партия старых радикалов основана в 1881 г. Центральный орган партии — газета «Самоуправа», монархическо-реакционного направления. Лидеры партии — Никола Пашич, Стоян Протиц, М. Весенич, Л. Новакович, Ст. Новакович, Драшкович и другие реакционеры. С 1903 г. партия старых радикалов почти непрерывно находилась у власти, лишь на время уступая право сформировать кабинет представителям других буржуазных сербских партий. Партия старых радикалов стояла на националистических великосербских позициях, выполняя требования крупной сербской буржуазии.

⁶ Антон Корошец — лидер реакционной Словенской католической («народной») партии — партии помещиков и крупной словенской буржуазии. До 1918 г. Корошец был депутатом австрийского парламента от Крайны (Словения), где он служил священником в церкви. В 1918 г. Корошец был избран председателем Народного вече в Загребе и в качестве такового начал свою «деятельность» с приглашения войск Антанты задушить революционное движение. В первом правительстве Сербия-хорватия-словенского государства Корошец — заместитель премьера, в правительстве Трифковича (1919 г.) и Л. Давидовича (1924 г.) — министр просвещения, в 1928 г. — премьер-министр.

на него реакцией надежд, принц-регент Александр передал власть в руки ярого реакционера и душителя революционного движения Стояна Протича¹.

Протич обратился за помощью к Антанте. Впрочем последнюю не надо было просить об этом. Англо-франко-американские империалисты уже давно с тревогой следили за развитием революционных событий в Сербо-хорвато-словенском государстве.

Еще 23 апреля 1919 г. по инициативе президента США Вудро Вильсона было созвано специальное заседание «Совета четырех» по вопросу о борьбе против революционного движения в Сербо-хорвато-словенском государстве. На заседании присутствовали: Вудро Вильсон, Ллойд Джордж, Клемансо, секретарь сэр Морис Хэнкл и переводчик профессор Манту. Вильсон сообщил присутствующим, что им получен меморандум от хорватских эмигрантов, выражающих свое крайнее беспокойство ростом революционного движения в Сербо-хорвато-словенском государстве.

«Этот меморандум, — заявил Вильсон, — не может не вызвать нашу общую тревогу, так как он говорит о росте большевистской опасности»².

На заседании делегации США на Парижской мирной конференции 24 мая 1919 г. полковник Шерман Майлс, вернувшийся из Черногории, доложил о положении в Черногории и Албании³. Совещение приняло решение оказать немедленную помощь буржуазии Сербо-хорвато-словенского государства в подавлении революционного движения; в столицу были посланы войска Антанты. Английские, американские и французские империалисты установили полный контроль над телеграфом и почтой Сербо-хорвато-словенского государства. Ни одна телеграмма не пропусклась без визы союзного командования. Был установлен контроль над железными дорогами, судоходством, воздушным флотом⁴.

Не доверяя сербским войскам, Антанта послала свои колониальные войска на государственную границу Венгрии и Королевства СХС. Здесь они использовались не только для борьбы против венгерской Красной Армии, но и для подавления революционного выступления сербских солдат. Так, например, когда в Сегеде (Венгрия) сербские войска отказались воевать против венгерской Красной Армии и стали брататься с венграми, — французские войска заняли мост через Тиссу и находящийся в тылу сербских войск Новый Сегедин и направили свое оружие против восставших сербских войск⁵.

В июле 1919 г., когда в Загребе, Нише, Мариборе, Белграде и других больших городах страны произошли антимонархические выступления и над сербской короной нависла непосредственная опасность, — Антанта решительно поддержала династию Карагеоргиевичей. Французское правительство предоставило королевству заем в 50 млн. франков⁶. В Белграде были

¹ Стоян Протич (1857—1923) — один из самых махровых реакционеров и рьяных сторонников монархии. Идеолог партии старых радикалов. См. «Народна енциклопедија Краљевине, Срба, Хрвата и Словенаца», т. III, Б-д, 6. г., стр. 598.

² «Papers». „Relating to the Foreign Relations of the United States 1919. The Paris peace conference“. Washington, Vol. II, 1942, p. 149.

³ См. В. М. Турок. Захватнические планы американского империализма в странах Юго-Восточной Европы в 1919 г., „Вопросы истории“, 1950, № 11, стр. 89.

⁴ „Жизнь национальностей“, 25. V 1919 г.; см. также Розенберг. Иностранни капитал у Југославији, Б-д, 1936, стр. 44.

⁵ „Коммунистический интернационал“, 1919, № 3.

⁶ Славко Шећеров. Наше финансије, Б-д, 1926, стр. 12.

усилены антантовские воинские части, которые стали даже принимать участие в охране королевского дворца¹.

США страшились усиления революционного движения в стране, которую они рассматривали уже и как объект для экспансии своего капитала, и как выгодный в стратегическом отношении плацдарм для борьбы против Советской России. В наиболее агрессивных американских кругах вынашивался даже план превращения Сербо-хорвато-словенского государства в подмандатную США территорию. Известно, что в числе прочих президентом Вильсоном и государственным секретарем полковником Хаузом обсуждался и такой план во время их пребывания в Париже на мирной конференции². По словам эксперта американской делегации Д. Х. Миллера, Вильсон на заседании «Совета десяти» 30 января 1919 г. настаивал на включении Сербо-хорвато-словенского государства в число подмандатных США территорий³. В течение работы Парижской мирной конференции Герберт Гувер выступил с рядом экспансионистских планов, в том числе и с планом так называемой «нормализации сообщения по Дунаю», требуя предоставления Генеральному директору права полного и беспрепятственного контроля над транспортом, всеми реками и рядом окраин Сербо-хорвато-словенского государства «в целях доставки в страну продовольствия»⁴.

Летом 1919 г. Антанта организовала интервенцию против Советской Венгрии. 1 августа 1919 г. Венгерская советская республика пала. В ноябре в Венгрии к власти пришел адмирал Хорти, фашистские войска которого (так называемая «национальная армия») были сформированы в Сербо-хорвато-словенском государстве.

После кровавого подавления советской революции в Венгрии англо-франко-американский империализм сосредоточил свои силы на удушении революционного движения в Сербо-хорвато-словенском государстве.

Снова усилилось преследование коммунистов и прогрессивных элементов. Тюремь были переполнены сотнями и тысячами арестованных рабочих и крестьян.

II. СЕРБО-ХОРВАТО-СЛОВЕНСКОЕ ГОСУДАРСТВО ПОСЛЕ ПОРАЖЕНИЯ РЕВОЛЮЦИОННОГО ДВИЖЕНИЯ В 1919 г. ОБЩАЯ ОБСТАНОВКА В СТРАНЕ

После поражения революции в Венгрии и революционного движения рабочего класса в Королевстве СХС сербская буржуазия перешла в наступление на жизненный уровень трудящихся и прежде всего трудящихся национальных районов.

В нарушение коллективных договоров, право на заключение которых было завоевано рабочими в стачечной борьбе 1919 г., повсеместно был отменен 8-часовой рабочий день, прекращено предоставление оплачиваемых отпусков, значительно сокращен размер пособий, выдаваемых в случае потери на производстве трудоспособности, и т. д.⁵.

¹ См. „Жизнь национальностей“, 6. VII 1919 г.; 27. VII 1919 г.

² „Pod Zastavom internationalizma“, 10. VI 1951 г. Орган революционных югославских эмигрантов в Румынии.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ „Zrveni Kalendar“, 1920, январь—май. Б-д. Орган ЦК профсоюзов, находившихся под влиянием КП Сербо-хорвато-словенского государства.

Резко ухудшилось общее экономическое положение в стране. Сербо-хорватско-словенское государство переживало послевоенный экономический кризис, который являлся следствием общего кризиса капитализма.

В 1920 г. в стране попрежнему, как и в 1918—1919 гг., царили хаос и экономическая разруха. К 1920 г. не было восстановлено ни одно крупное промышленное предприятие, разрушенное во время войны. В Хорватии, Боснии-Герцеговине и Словении происходило сокращение числа действующих предприятий ввиду отсутствия угля и сырья. Предприниматели нередко отвечали на забастовки рабочих закрытием фабрик и заводов, пытаясь рукой голода задуть революционное движение. К 1920 г. заметно усилилась безработица.

«В Далмации, — писала коммунистическая газета «Новый свет», — не работает ни одно промышленное предприятие. Полностью прекратилось судоходство. Население голодает... Особенно плохо живут крестьяне в Имотской и Крайне, где беднота бросает все: хозяйство, дом, клочок земли и уходит в другие края на поиски средств к существованию»¹.

То же самое наблюдалось и в других районах Сербо-хорватско-словенского государства и даже в Словении, где промышленность была более развита, чем в остальных областях страны, и где промышленные предприятия меньше пострадали от военных действий².

Правительство проводило политику безудержной инфляции. Деньги падали с каждым месяцем. В сравнении с французским франком в 1919—1920 гг. динар упал на 200—250%. Количество находящихся в обращении бумажных денег достигло в 1920 г. 10 млрд. динаров³.

«Денежный рынок в Королевстве СХС, — писала 13 июля 1920 г. английская «Таймс», — наводнен бумажными деньгами, курс которых все более падает. Многие капиталисты переводят свои деньги в американскую, швейцарскую или английскую валюту. Наблюдается стремление вложить капитал в местные банки и промышленные предприятия, в доходные дома и земли... Все банки и промышленные предприятия пользуются этим настроением для увеличения своего капитала. Всякие новые выпуски акций раскупаются толпами подписчиков буквально нарасхват. В Сербо-хорватско-словенском государстве появилась новая буржуазия, нажившаяся на войне, спекуляциях и царящей в стране инфляции»⁴.

В конце 1919—начале 1920 г. сербская буржуазия провела грабительскую денежную реформу, по которой 1 сербский динар был приравнен к 4 словенским и хорватским (австрийским) кронам и 2 черногорским перперам. Реформа не только не улучшила общего экономического положения, но даже ухудшила его, так как она повлекла за собой падение и кроны, и динара. Денежная реформа сильнее всего ударила по национальным районам — Хорватии, Боснии-Герцеговине и Словении, где население получило в четыре раза меньше денег, чем оно имело раньше.

Катастрофически быстро росла дороговизна. По сравнению с 1914 г. в 1920 г. цены выросли: на картофель — на 120%, на сахар — на 153%, на хлеб — на 200—250%, на мясо — на 300%. Кваргирная плата выросла в среднем на 200—300%, цена на одежду — на 300% и т. д.⁵

¹ „Novi Svijet“, 30. IX 1920 г.

² „Красный интернационал профсоюзов“, 1923, № 9, стр. 346, а также „Жизнь национальностей“, 1920, № 27.

³ См. „Iutarni List“, 10. IX 1921 г.

⁴ „Times“, 13. VII 1920 г.

⁵ „Novi Svijet“, 7. VIII 1920 г.

По данным Центрального комитета профсоюзов рабочих Сербо-хорватословенского государства, общий индекс цен в 1920 г. по сравнению с 1913 г. вырос в 13 раз¹.

Годы	И н д е к с ц е н	
	Продукты питания	Общий индекс
1913	100	100
1920	1267	910
1921	1304	1337
1922	2327	2433
1923	2585	2840

Такое колоссальное вздорожание жизни привело к резкому ухудшению положения не только рабочего класса, но и крестьянства, беднейшая часть которого сама покупала продукты питания у кулаков и торговцев. Рост цен на промышленные товары и предметы первой необходимости (керосин, цена на который выросла на 250%, спички, соль и т. д.) болезненно отражался на положении трудящегося крестьянства. Крестьянин все больше попадал в кабалу к кулаку, наживавшемуся за счет спекуляции хлебом.

По подсчетам коммунистической газеты «Новый свет», дефицит государственного бюджета достигал в 1920 г. 1800 млн. динаров². Чтобы покрыть этот дефицит, правительство прибегло к новым налогам и повышению железнодорожных тарифов. Последние были повышены на 100%, а налоги — на 500—1000%³.

Основная тяжесть налогового пресса легла на плечи рабочих и крестьян, что достигалось главным образом повышением косвенных налогов.

В середине 1920 г. буржуазно-помещичье правительство провело еще одно реакционное мероприятие, больно ударившее по трудящемуся крестьянству: 3 июля 1920 г. Министерством аграрной реформы было принято решение, исключающее из списка на получение земли вдов, сирот, инвалидов и всех тех, кто не в состоянии сам обработать землю⁴.

Это постановление затронуло огромную массу крестьян: в одной только Сербии во время войны было убито и искалечено до 600 тыс. человек, т. е. более половины всего работоспособного мужского населения⁵.

¹ („Centralni Radnički Sindikalni Odbor Jugoslavije Izveštai za 1923—27 godinu“, Beograd, 1927, p. 11).

² Еще более резкое вздорожание жизни происходит в современной Югославии. Фашистская клика Тито своей преступной антинародной политикой довела страну до хозяйственной катастрофы. В Югославии непрерывно растет дороговизна, падает реальная заработная плата рабочих. Цены на предметы первой необходимости в Белграде в 1951 г. выросли на 50—60% по сравнению с 1949 г. В провинции цены выросли еще больше. За это же время более чем в 1,5 раза сократилась заработная плата. В январе 1951 г. официально введена капиталистическая система в торговле, а в апреле 1951 г., после роспуска государственных плановых органов и ряда министерств, открыто реставрирован капитализм в промышленности. В сентябре 1951 г. титовская фашистская клика узаконила капиталистическую систему эксплуатации рабочего класса и ввела неограниченный рабочий день (см. „За прочный мир, за народную демократию!“, 24. VIII и 12. X 1951 г.).

³ См. „Novi Svijet“, 19. VIII, 7. X 1920 г. Торговый дефицит Сербо-хорватословенского государства за 9 месяцев 1920 г. составил 1,86 млрд. динаров („Бюллетень Коминтерна“, 5. II 1921 г. № 20).

⁴ Ђурђе Јеленић (Нова Србија, Б-д, 1923, стр. 453) считает, что налоги были почти равны всем остальным статьям дохода вместе взятым и составляли 2378 млн. динаров.

⁵ См. „Agrorna reforma“, Beograd, 1923.

Реакционная политика правящего буржуазного помещичьего блока вызывала все нарастающее возмущение трудящихся масс. Внутривнутриполитическая обстановка в стране с 1921 г. сильно накалилась.

Все более острые формы стал приобретать также национальный вопрос¹.

Сербская буржуазия после создания Сербско-хорватско-словенского государства значительно усилилась. На месте королевства Сербии образовалось государство, в четыре раза превышающее старую Сербию по территории и в пять раз — по числу населения. Сербские промышленники приобрели рынки сбыта для своих товаров, сербские торговцы — транзитные пути, выход к Адриатическому морю, портовые города, в которых останавливались корабли различных стран мира.

Однако было одно обстоятельство, чрезвычайно затрудняющее проникновение сербского финансового капитала и распространение сербских промышленных товаров во вновь присоединенных территориях. Дело в том, что часть этих территорий — Хорватия, Словения, Воеводина — была более развиты в экономическом отношении, чем Сербия. Хорватская и словенская буржуазия сама претендовала на захват внутренних рынков в Сербско-хорватско-словенском государстве. Она и на присоединение-то к Сербскому королевству пошла отчасти потому, что боялась сильной конкуренции со стороны итальянского капитализма, который к тому же проявлял более чем определенные экспансионистские тенденции (захват Триеста, Пола, Фиуме). Хорватская и словенская буржуазия надеялась встретить более благоприятные условия для развития капитализма во вновь создаваемом Сербско-хорватско-словенском государстве, где отсталая в капиталистическом отношении Сербия вряд ли могла оказать серьезное сопротивление проникновению хорватских капиталов и словенских промышленных товаров. Но случилось иначе. Сербская буржуазия сама перешла в наступление, используя находящийся в ее руках государственный аппарат и армию.

Василь Коларов в статье «Национальный вопрос на Балканах» писал: «Сербская буржуазия, опираясь на монархизм и милитаризм, имея поддержку со стороны французского капитала, стремится установить свою гегемонию над гораздо более развитыми в капиталистическом отношении бывшими австро-венгерскими провинциями. На этой почве развивается конфликт между Сербией, с одной стороны, и Хорватией, Словенией, отчасти Боснией — с другой»².

Возглавляемое представителями сербских буржуазных партий правительство проводит политику всемерного поощрения развития промышленности, главным образом военной, собственно Сербии и дискриминации по отношению к национальным районам. В Хорватии и Словении насильственно закрывается ряд финансовых, промышленных и торговых предприятий и переводится в Белград³.

«Сербы, — писала хорватская буржуазная газета «Обзор», — всеми средствами стараются окончательно разрушить Хорватию. Наше сырье отдается иностранцам, все банки и промышленные предприятия переносятся в Белград, чтобы одним взмахом убить и уничтожить торговлю и промыш-

¹ Вопрос этот требует, несомненно, специального изучения, — настолько он важен и в то же время сложен. В данной статье он может быть поставлен лишь в связи с историей крестьянского движения, поскольку задачей настоящей работы является изучение революционной борьбы трудящихся масс.

² „Коминтерн“, 1924, № 3—4, стр. 127.

³ „Deutsche Allgemeine Zeitung“, 15. V 1927 г.; „Revue économique de Belgrade“, XII 1928 г., p. 293.

ленность Хорватии... В Загребе концентрируются самые верные и самые лучшие сербские полки»¹.

Сербская буржуазия прибегала к колониальным методам по отношению к угнетенным национальностям. Это нашло свое выражение и в налоговой политике. Согласно официальным данным Министерства финансов, население Хорватии, Боснии-Герцеговины, Далмации, Воеводины, составляющее немногим более 50% всего населения страны, уплачивало в среднем в период 1919—1926 г. 72,8% всей суммы прямых налогов, в то время как Сербия (вместе с Македонией, Черногорией и Коссовою Метохией) — только 22,72%². При этом надо принять во внимание то обстоятельство, что Министерство финансов преднамеренно не выделило отдельно Сербию, которая основное бремя налогов переложила на Македонию, Коссовую Метохию и Черногорию.

В Сербии налог на 1 человека составлял в среднем 407 динаров, в Хорватии — 762, Словении — 1035, Воеводине — 1118 динаров. Налог на землю составлял в Сербии 18 тыс. динаров на 1 кв. км, в Хорватии — 44 тыс., в Словении — 67 тыс., в Воеводине — 72 тыс. динаров³. Особенно велика была разница при выплате косвенных налогов⁴.

Цены на продукты питания, а также на одежду и прочие предметы первой необходимости в Сербии были значительно ниже, чем в других районах. Даже в таких хлебных областях, как Воеводина, сельскохозяйственные продукты (пшеница, картофель и т. д.) стоили дороже, чем в Белграде. Еще более высокими были цены в непродовольственных районах страны (Далмация, Босния-Герцеговина, Македония)⁵.

В общем, в 1920 г. стоимость жизни, например, в Боснии возросла по сравнению с 1913 г. в 40 раз, а в Сербии — в 10 раз⁶.

Великосербской была и кредитная политика. Созданные для кредитования «деревни» аграрные банки, во-первых, кредитовали только сельскую буржуазию, а во-вторых, предоставляли кредит прежде всего буржуазии сербской национальности⁷.

За счет ограбления трудящихся угнетенных национальностей обогащалась сербская буржуазия⁸.

¹ „Obsor“, Zagreb, 3. II 1921 г.

² Крестьянин Воеводины, владеющий 4 га земли, уплачивал в среднем 5548,88 динара всех государственных, муниципальных и других налогов, а крестьянин Сербии, также владеющий 4 га земли, — только 1418,80 динара, т. е. в четыре раза меньше, чем воеводинский крестьянин („Народна енциклопедија“, т. III, стр. 500).

³ См. „Народна енциклопедија“, т. III, стр. 500. Недвижимое имущество, дающее доход в 40 тыс. динаров, облагалось в Сербии в размере 7—8 тыс. динаров, а в Хорватии — втрое больше.

⁴ В 1926 г. Сербия и Черногория уплатили только 16,9% всех косвенных налогов, а остальные области — 83,81% („Народна енциклопедија“, т. III, стр. 500).

⁵ Согласно данным Министерства земледелия, в 1924 г. в Белграде 100 кг пшеницы стоили 310 динаров, в Воеводине — 330, Хорватии — 350, Македонии — 520, а в Далмации — 550 динаров („Ministère de l'agriculture et des eaux du Roiaume des Serbes, Croates et Slovènes. Superficies productives et rendement des plantes cultivées l'année 1924 et 1923“, Belgrade, 1925, pp. 52—75).

⁶ См. „Коммунистический интернационал профсоюзов“, М., 1921, № 8, стр. 294.

⁷ Даже по официальным, сильно заниженным данным, Сербия получила в 1920 г. 41,7% всех кредитов, в 1926 г. — 46,7%, а в следующие годы — больше 60% („Народна енциклопедија“, т. III, стр. 500).

⁸ С 1920 г. при общем промышленном застое и экономической разрухе в национальных районах, за счет ограбления этих районов, началось развитие отдельных отраслей промышленности в Сербии (военной, легкой, текстильной и др.). Основные бюджетные средства стали тратиться на экономическое развитие Сербии. 4/5 всех железнодорожных линий и 75—80% построенных шоссе дорог падает

«Угнетённые национальности, — писал И. В. Сталин в статье «Октябрьская революция и вопрос о средних слоях», — угнетаются обычно не только как крестьянство и городской трудовой люд, но и как национальности, т. е. как трудящиеся определённой национальности, языка, культуры, быта, нравов, обычаев»¹.

Великодержавная политика сербской буржуазии сказывалась во всем: в гонении на национальную культуру, в террористическом режиме по отношению к неполноправным национальностям², в экономическом угнетении этих национальностей.

«Югославское правительство, — писал Д. Э. Мануильский, — с тупой жандармской последовательностью ведет в Македонии политику насильственной сербизации. Оно закрывает школы, преследует македонскую интеллигенцию, запрещает употребление болгарского языка, наводняет страну сербскими жандармами и шпионами, представляющими самое гнилое, развратное и подкупное отребье югославской администрации. Наряду с этим оно прибегает к насильственной колонизации Македонии сербами, отнимая у местных крестьян принадлежащие им пахотные земли и пастбища»³.

Такие же колониальные методы применялись и в других национальных районах.

Угнетенные нации были лишены всякой политической самостоятельности. У них было отнято даже то небольшое, что они имели раньше. После создания Королевства сербов, хорватов и словенцев был ликвидирован Хорватский собор (провинциальный парламент), который существовал с 1868 г. на основе хорвато-венгерского соглашения. Были распущены Народная скупщина в Черногории, Народный собор в Боснии и Герцеговине. Македонцам, албанцам и венграм запрещалось употребление родного языка в судебных заседаниях, в школах, в печати. Преследовались национальная культура, литература, искусство. Жесточайшим образом подавлялось все передовое и прогрессивное.

III. РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПОДЪЕМ 1920 г.

Ответом на сербскую великодержавную политику и усиление реакционного курса буржуазно-помещичьего правительства было обострение национально-освободительной борьбы угнетенных наций, новый подъем революционного движения.

В 1920 г. усилилась борьба рабочего класса против перешедшей в наступление на его жизненный уровень буржуазии.

В стране снова — в третий раз — наступила революционная ситуация.

Первым массовым выступлением 1920 г. была январская стачка белградских рабочих.

26 января 1920 г. в Белграде произошли крупные волнения на ряде предприятий. Рабочие потребовали повышения заработной платы, соблю-

на Сербии. В то же время огромные территории Боснии-Герцеговины, Коссовой Метохии, Далмации попрежнему оставались изолированными от внешнего мира: в них не строилось ни одной железной дороги (Kukoleča. *Industrija Jugoslaviji, Zagreb, 1937, Beograd, 1938*).

¹ И. В. Сталин. Соч., т. 5, стр. 345.

² Газета „Giornale d'Italia“ от 3 октября 1920 г. сообщает, что от террора сербских властей из Черногории были вынуждены бежать несколько тысяч черногорцев (перепечатка сообщения в „Бюллетене НКВД“, 18. XI 1920 г.).

³ „Правда“, 27. VII 1924 г.

дения коллективных договоров и ликвидации хозяйственной разрухи. Постепенно выступление приняло политический характер: к экономическим требованиям присоединились политические: был выдвинут лозунг: «Власть — Советам!». Однако забастовка протекала стихийно. Лишь в конце стачки выступление рабочих возглавили коммунисты.

Для подавления забастовки правительство приняло экстренные меры. Чтобы изолировать выступление белградских рабочих, было прекращено движение по железнодорожному мосту через реку Саву, связывающему Белград с Земунем. В город были стянуты войска. Выступление рабочих было подавлено¹.

В апреле 1920 г. началась стачка на железных дорогах. Она охватила все железные дороги королевства. В забастовке приняли участие 80 тыс. рабочих. Так же как в Белграде, экономическая стачка переросла в политическое выступление рабочего класса. Железнодорожные рабочие отказались перевозить сербские войска в Бессарабию для интервенции против Советской России, сорвав тем выполнение требований Антанты². Правительство Стояна Протича объявило 2-месячную мобилизацию всего железнодорожного персонала и обрушилось на бастующих репрессиями. Тогда на помощь железнодорожникам пришли промышленные рабочие: 22—23 апреля 1920 г. состоялась 2-дневная стачка пролетарской солидарности³. Перепуганная буржуазия прибегла к услугам своей верной агентуры — социал-демократии, руководство которой обратилось к железнодорожникам с призывом прекратить забастовку. Реформистским профсоюзам удалось внести раскол в ряды стачечников. После 15-дневной борьбы забастовка была прекращена⁴.

Рост революционного движения заставил буржуазию пожертвовать слишком прямолинейным Стояном Протичем и назначить премьер-министром более тонкого и хитрого политика — Миленко Веснича. Поручение Весничу сформировать кабинет было связано еще и с тем, что в 1920 г. значительно усилилась зависимость Сербско-хорватско-словенского государства от французского, английского и американского империализма и на посту премьера заграничным хозяевам желательно было видеть верного им человека. Кандидатура Миленко Веснича, ярого реакционера по убеждению, но слышшего за либерала и даже радикального деятеля, вполне подходила для этого. Веснича более чем хорошо знали и во Франции, и в Италии, и в США: больше половины своей долгой жизни Веснич провел то в Риме, то в Париже, представляя Сербию, и даже женат был на американке. За границей была известна и «сговорчивость» Веснича: будучи главой делегации Сербско-хорватско-словенского государства на Парижской мирной конференции, Веснич шел на любые уступки, лишь бы угодить ее организаторам.

17 мая 1920 г. кабинет был создан. В него вошли: премьер-министр Миленко Веснич (сербский старый радикал), министр иностранных дел

¹ См. „Die kommunistische Arbeiterzeitung“, Hamburg, 7. II, 1920 г.; см. также „Zrveni Kalendar“, 1920. II.

² „Правда“, 18. VII 1920 г.; „Слободна реч“, 29. I 1922 г.

³ „Работнически вестник“, София, Орган на Българската Комунистическа партия (тѣсни социалисти), 14. VI 1920 г.; „Комунистически интернационал“, 1921, № 17, стр. 4358.

⁴ „Слободна реч“, 29. I 1922 г. В газете содержатся материалы процесса, возбужденного против участников забастовки через 2 года после ее окончания. В течение двух лет арестованные сидели без суда и следствия; „Zrveni Kalendar“, 1920. V.

Анте Трумбич, министр финансов Коста Стоянович (демократ). Бывшему министру внутренних дел палачу Прибичевичу на этот раз было поручено Министерством народного образования, а министром внутренних дел был назначен «демократ» Люба Давидович. Стоян Протич получил портфель министра конституции, разработка проекта которой являлась одной из ближайших задач буржуазии. Буржуазия хотела при помощи конституционных иллюзий отвлечь рабочий класс и крестьянство от революционного движения.

Показателем усиления политической активности рабочего класса является численный рост коммунистической партии, которая в это время представляла собой уже значительную силу, насчитывала в своих рядах больше 60 тыс. членов и вела за собой около 200 тыс. организованных в профсоюзы рабочих¹. Больше 6 тыс. молодых рабочих состояли в комсомоле.

20—25 июня 1920 г. в городе Вуковаре был созван II съезд социалистической партии (коммунистов) Сербо-хорватословенского государства. Съезд принял новое название партии: «Коммунистическая партия Сербо-хорватословенского государства», новую программу и устав, избрал руководящие органы и обсудил вопрос о задачах партии в связи с международным и внутренним положением².

Однако II съезд не преодолел основных политических ошибок в важнейших программных вопросах (национальном, крестьянском и др.), не разоблачил до конца правого оппортунизма, центризма и «левого» авантюризма, не очистил ряды партии от случайных и враждебных элементов. Из коммунистической партии не была исключена центристская группа, которая сразу же после съезда еще шире развернула свою подрывную деятельность³.

Серьезная ошибка была допущена коммунистической партией и в тактическом вопросе. Партия, как и в 1919 г., основное внимание уделила парламентской борьбе, недооценив силу и размах поднимающегося рабочего и крестьянского движения⁴.

В июле—августе 1920 г. выступление рабочего класса было связано с усилением опасности новой войны, разжигаемой милитаристами, и вылилось в мощный протест против интервенционистских планов англо-франко-американского империализма по отношению к Советской России. Сербская военщина по указке Антанты начала подготавливать войска для участия в интервенции против страны социализма. В Сербо-хорватословенском государстве находили себе приют разбитые Красной Армией белогвардейские войска, которые переформировывались и готовились к оказанию помощи генералу Врангелю.

В 1920 г. резко обострились отношения между Королевством СХС и Италией. Постоянными стали пограничные столкновения и конфликты. В воздухе запахло войной.

Милитаристские круги (офицерская организация «Белая рука»⁵) стремились политикой внешних авантюр отвлечь трудящихся от револю-

¹ „Коммунистический интернационал“, 1920, № 14, стр. 2880; 1920, № 15; 1921, № 17.

² См. „Работнически вѣстник“, София, 25—26. VIII 1920 г.

³ Центристская группа была исключена из КП только после того, как она выступила с открытой антипартийной платформой в ноябре 1920 г.

⁴ Подробнее об ошибках коммунистической партии см. ниже, стр. 117—118.

⁵ „Белая рука“ и „Черная рука“ — военнофашистские организации сербского националистического офицетства.

ционной борьбы против буржуазии. В июле 1920 г. была объявлена мобилизация в армию.

В ответ на приказ о мобилизации по всей стране прокатилась волна митингов и демонстраций. Организаторами этих митингов были коммунисты. 30 июля 1920 г. краевой комитет компартии Хорватии и Словении обратился к трудящемуся населению со следующим воззванием:

«Рабочие, работницы, бедняки и угнетенные трудящиеся!

Коммунистическая партия созывает вас всех на митинг протеста против поджигателей войны — капиталистов и монополистов Италии и Королевства СХС. Последнее время сербские шовинисты толкают народ на войну и тем оказывают помощь реакции в ее злостных намерениях против трудового народа.

Товарищи рабочие и работницы, беднейшие и угнетенные трудящиеся, вдовы, потерявшие своих мужей, инвалиды, загубившие свое здоровье в прошлых войнах, матери, сестры, жены — поднимем оной голос протеста против поджигателей войны! Организуем по всей стране митинги протеста!»¹.

С таким же призывом к населению обратились и Сербская, Словенская, Боснийская и Далматинская организации коммунистической партии.

В городе Осиеке на митинге протеста против подготовки новой войны присутствовали 2 тыс. чел., в Земуне и Вуковаре — по 5 тыс., в Карловаце — 1,5 тыс., в Белграде — 15 тыс. чел.²

Особенно внушительными были демонстрации в Загребе, проходившие под лозунгами: «Да здравствует русская революция!», «Вон контрреволюционеров из Сербо-хорвато-словенского государства!», «Долой правительство, которое помогает барону Врангелю!»³.

«Мы, — говорилось в резолюции митинга загребских рабочих, — осуждаем реакционную политику правительства и разоблачаем антинародные намерения правящих кругов вовлечь страну в новую войну, чтобы укрепить тем самым реакцию. Правительство хочет мобилизовать весь трудовой народ городов и сел в армию и тем сорвать выполнение наших требований о демобилизации... Общее собрание предупреждает трудовой народ об опасности, которая исходит от реакции, опасности, против которой требуется вести самую решительную борьбу. Долой реакционеров — милитаристов, поджигателей новой войны! Долой войну! Да здравствует братский народ Советской России!»⁴.

Осенью 1920 г. резко усилилось забастовочное движение.

В конце августа—первой половине сентября 1920 г. в промышленных центрах Сербо-хорвато-словенского государства был проведен ряд забастовок, наиболее крупными из которых являлись: 2-месячная стачка рабочих текстильных предприятий Дугореза Карловацкой области (Сербия), 24 забастовки рабочих-лесорубов Вировитицы⁵ и всеобщая стачка рабочих города Осиек (Хорватия).

В октябре забастовали 17 тыс. шахтеров Трбовля (Словения). Бастующие рабочие обратились ко всем углекопам страны с призывом поддержать забастовку протеста против подготовки антисоветской войны и усиления эксплуатации трудящихся.

¹ „Novi Svijet“, 31. VII 1920 г.

² „Novi Svi et“, 3. V II 1920 г.

³ „Novi Svijet“, 10. VIII 1920 г.

⁴ „Novi Svijet“, 3. VIII 1920 г.

⁵ См. „Proleter“, VIII 1920. Орган КП Вировитицы.

«Горняки Трбовля, — говорилось в обращении, — приняли решение начать забастовку против войны, против невыносимых условий жизни, крайне низкой заработной платы, чрезвычайно длинного рабочего дня, против огромных прибылей, выкачиваемых иностранными капиталистами (трбовльские шахты бурого угля принадлежали французскому и английскому капиталу. — Ю. П.). Углекопы Трбовля призывают шахтеров Загорья, Кочевья, Храстинка и Райхенбурга присоединиться к бастующим рабочим, доказав тем свою братскую солидарность»¹.

На призыв трбовльских шахтеров откликнулись горняки Иванчи, рудокопы Боснии, рабочие шахт Загорья (Западная Хорватия).

Другими крупными стачками конца 1920 г. были: 6-месячная стачка железнодорожников, забастовки рабочих лесопильных заводов и деревообделочных фабрик Герцеговины, стачки в Осиеке, Загребе, Новиграде, Броде, Сараеве и Баньялуке².

Всего в 1920 г. было проведено около 600 стачек, в которых участвовали 200 тыс. рабочих³.

В 1920 г. значительно возросли влияние и авторитет коммунистической партии. Рабочие видели в революционерах-коммунистах передовых борцов за удовлетворение законных прав трудящихся, организаторов борьбы против поджигателей новой войны, против империалистических планов интервенции в Советскую Россию.

Именно в эти месяцы (июль—ноябрь 1920 г.), когда сербские милитаристы, выполняя приказ своих французских и англо-американских хозяев, готовили войска для помощи барону Врангелю и когда коммунисты-ленинцы встали во главе прогрессивных сил, борющихся против империалистов, именно в эти месяцы начался бурный рост коммунистической партии.

В коммунистическую партию вступали сотни и тысячи передовых рабочих. За 4 месяца партия выросла на 20 тыс. и превратилась в крупнейшую партию Сербо-хорвато-словенского государства (в конце 1920 г. партия насчитывала в своих рядах более 80 тыс. членов)⁴.

Показателем роста влияния коммунистической партии среди масс являлись ее успехи на муниципальных выборах 23 августа 1920 г., в результате которых коммунистическая партия вышла на первое место во многих крупных промышленных центрах страны — Белграде, Нише, Крагуеваце, Куманове, Скопле и других городах⁵.

Коммунистическая партия завоевала белградский муниципалитет, получив 30 мандатов (радикалы получили только 8 мандатов, демократы — 6)⁶.

За коммунистов отдали свои голоса больше половины избирателей Черногории, где самоотверженную работу вели такие революционеры-коммунисты, как Савва Распопович и Брацан Брацанович, зверски замученные

¹ „Novi Svijet“, 14. X 1920 г.

² См. „Novi Svijet“, 16, 22, 28. X, 5—7. XI, 24. XII 1920 г.; „Правда“, 3. II 1921 г.; „Rote Fahne“, 4. XI 1920 г., 20. I 1921 г.

³ „Красный интернационал профсоюзов“, 1921, № 8.

⁴ В Сербии и Македонии было 20 500 коммунистов, в Хорватии — 15 500, Словения — 11 790, Боснии — 7 424 и т. д. („Коммунистический интернационал“, 1920, № 14, стр. 2880; „Работнически вѣстник“, София, 1. X 1920 г., Орган Компартии Болгарии).

⁵ „Бюллетень НКВД“, 12. I, 5. IV 1921 г.; „Бюллетень Коммунистического интернационала“, 1921, № 2—3, стр. 5; „Novi Svijet“, 22, 28. X 1920 г.; „Работнически вѣстник“, София, 23. IX 1920 г.

⁶ Там же.

в полицейском застенке в 1929 г.¹ Коммунисты достигли блестящего успеха в Вуковаре, где, несмотря на кровавый террор (среди убитых полицией был секретарь вуковарской партийной организации Супанит)² и преследования, коммунистическая партия собрала абсолютное большинство голосов. Получили коммунисты большинство и на рудниках Боснии-Герцеговины, в шахтах Трбовля (Словения), на заводах Лесковаца (Сербия).

Однако компартия не сумела достичь таких же успехов в деревне. Весьма показательны данные той же избирательной кампании в муниципалитеты. В Сербии в 568 сельских районах победили радикалы, в 524 районах — демократы, в 58 — сербский «Союз сельских хозяев»³ (все три партии выставили лозунги помощи крестьянству путем выдачи кредитов, организации кооперации, проведения аграрной реформы и т. д.). Коммунистическая же партия, которая не вела работы в деревне, не получила большинства голосов ни в одном сельском районе Сербии.

Поражение компартии на выборах в деревне явилось следствием грубейшей политической ошибки, допущенной коммунистической партией Королевства СХС в крестьянском вопросе: она недооценивала значения революционного крестьянского движения, которое в 1920 г. развернулось с новой силой.

IV. КРЕСТЬЯНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ 1920 г.

О росте крестьянского движения в 1920 г. свидетельствовало создание массовых крестьянских политических организаций — новых крестьянских партий и изменение партийных программ старых крестьянских партий, руководство которых пошло на эти изменения, чтобы не потерять массы. В конце 1919—1920 гг. в Сербо-хорвато-словенском государстве был создан ряд новых крестьянских партий — «Союз земледельцев» («Союз сельских хозяев») в Сербии, «Крестьянское объединение» в Далмации, «Союз крестьян в Боснии», «Хорватская партия сельских хозяев» и другие⁴. Ряд старых крестьянских партий (хорватская крестьянская партия, словенская крестьянская партия и др.) под давлением масс изменили свою партийную программу.

Наиболее показательна в этом отношении хорватская крестьянская партия, принявшая в 1920 г. новую программу, в которой стали фигурировать уже пункты о проведении аграрной и налоговой реформы и о национальной независимости Хорватии⁵.

Так, в § 7 новой программы говорилось:

«Наше требование — отмена государственной, церковной и помещичьей собственности на землю (на леса, пашни и луга) и полное признание и законодательное утверждение крестьянского права на всю землю так, чтобы

¹ „Diktatur in Jugoslawien. Dokumente. Tatsachen“, Berlin, 1930, S. 20—53.

² „Коммунистический интернационал“, 1920, № 17, стр. 4363.

³ „Союз сельских хозяев“ или „Союз земледельцев“ — сербская партия кулаков, в целях прикрытия подлинной капиталистической сущности своей политики выставившая на выборах демагогическую избирательную программу. Подробнее об этой партии см. ниже.

⁴ В 1922—1923 и последующих годах был основан еще ряд крестьянских партий, в том числе: „Независимая хорватская крестьянская партия“, „Земледельческий клуб“, „Королевская хорватская партия сельских хозяев“ и др.

⁵ Новая программа хорватской крестьянской партии была принята на IV съезде в 1920 г. См. R. Herzog. Seljački pokret u Hrvatskoj, Zagreb, 1923, p. 67—68.

каждая крестьянская семья могла при государственной помощи иметь столько земли, сколько сможет сама обработать»¹.

Этот пункт уже отличался от старой партийной программы, принятой еще на II съезде партии в 1905 г., в которой лишь в самой общей форме декларировалось право крестьян на землю. Однако и новая аграрная программа не содержала основного требования крестьянства о конфискации помещичьей земли без всякой компенсации. В программе ничего не говорилось также и о средствах достижения поставленных в ней целей. Таким образом, аграрная программа хорватской крестьянской партии мало чем отличалась от аграрных программ остальных буржуазных партий, которые тоже признавали на словах необходимость «справедливого» разрешения аграрного вопроса.

Другим новым пунктом, внесенным в программу, являлся § 9 о налоговой реформе. В этом параграфе говорилось:

«Введение всеобщего налога на доходы на такой основе, чтобы с небольшого дохода, который необходим человеку для поддержания своей жизни, не платить ничего, а с большого дохода платить соответственно больший размер налога»².

Включенный в новую партийную программу пункт о проведении налоговой реформы представлял собой типичное требование мелкой буржуазии и был рассчитан на завоевание популярности среди крестьянства, наиболее страдающего от непосильного налогового бремени.

«Налоговая реформа, — писал К. Маркс, — это конёк всех радикальных буржуа, это — специфический элемент всех буржуазно-экономических реформаторов... Налоги могут, в лучшем случае, видоизменить во второстепенных пунктах, а не в основе отношения распределения, основывающиеся непосредственно на буржуазном производстве... Даже уничтожение налогов могло бы только ускорить развитие буржуазной собственности и связанных с ней противоречий»³.

Новым программным положением хорватской крестьянской партии, не внесенным в программу партии, а являвшимся одним из лозунгов партии, был лозунг национальной независимости Хорватии, выдвинутый ею впервые в 1918 г. и снова включенный в избирательную платформу накануне парламентских выборов 1920 г.

Этот лозунг также был рассчитан на завоевание популярности среди населения Хорватии, что для руководства хорватской крестьянской партии было особенно важно в связи с предстоящими выборами в Народную скупшину. Руководство хорватской крестьянской партии отнюдь не собиралось действительно бороться за подлинную национальную независимость Хорватии, независимость, завоевание которой возможно только при переходе власти в руки пролетариата, при совершении социалистической революции. Лозунг национальной независимости Хорватии был демагогическим предвыборным лозунгом хорватской крестьянской партии, а вся партийная программа — буржуазной программой.

Еще более отчетливо буржуазный, классовый характер партийных программ виден на примере программ других крестьянских партий Сербско-хорватско-словенского государства.

Вот, например, программа сербского «Союза земледельцев», центральный пункт которой гласил:

¹ „Sloboden Dom“, Zagreb, 1920, № 29. Орган хорватской крестьянской партии.

² „Sloboden Dom“, 1920, № 29; „Novi Svijet“, 1920, № 45.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. VIII, стр. 311.

«Принцип частной собственности несколько не противоречит социальной справедливости, не препятствует экономическому прогрессу и не способствует эксплуатации. Напротив, это — важная социальная функция»¹.

Согласно программе, задача крестьянской партии состоит не в отмене принципа частной собственности, а лишь в «правильном его применении» т. е., во-первых, в ограничении чрезмерных прибылей крупных промышленников и банкиров путем введения прогрессивного подоходного налога (§ 5 программы) и, во-вторых, в осуществлении таких мероприятий, которые бы обеспечивали свободное развитие торговли, предпринимательства и т. д.

Программа призывала крестьян к отказу от революционных методов, к разрешению всех вопросов «законным», мирным путем.

Коренное улучшение жизни крестьянства по программе «Союза земледельцев» может быть достигнуто прежде всего при помощи развития всех видов кооперации.

«Через кооперацию — к созданию экономической демократии, без которой не может быть и политической демократии», — гласил § 3 программы².

Чтобы привлечь в «Союз земледельцев» крестьянство, в программу был включен пункт о наделении крестьян землей на основе принципа уравнительного землепользования.

В программе содержались также туманные обещания бороться за такую организацию государственной власти, при которой крестьяне «имели бы широкий доступ к управлению». С этой целью программой предусматривалось создание особого государственного органа — так называемого «Профессионального парламента», избираемого на основе всеобщего избирательного права по профессиям, что обеспечивало крестьянам, составлявшим большинство населения (земледельческая профессия), большинство.

Однако тут же, в программе, делалась существенная оговорка, сводящая на нет «всеобщее избирательное право»: к представителям земледельческой профессии могли быть отнесены только те крестьяне, которые, как говорилось в программе, «могут действительно обеспечить самостоятельное ведение хозяйства»³.

Другими словами, избирательного права лишались батраки и крестьянская беднота.

Что касается Профессионального парламента, то он должен был являться лишь совещательным органом и ведать главным образом чисто экономическими вопросами. Вся же полнота политической власти — полиция, армия, суд и т. д. — сохранялась попрежнему в руках короля и сербской буржуазии, которая использовала бы «крестьянский» Профессиональный парламент в качестве удобного прикрытия для проведения своей политики.

Сербский «Союз земледельцев» выражал интересы кулачества и имел наибольшее количество членов в самых богатых районах Сербии — в Шумадии, Подринье, Среме, Бачке и Банате⁴. Во главе руководства Союза стояли крупные кулаки и торговцы Лачич и Йован Йованович⁵.

Кулацкой партией была и организованная в Любляне (Словения) так называемая «Самостоятельная крестьянская партия», имеющая аналогичную программу и находящаяся под сильным влиянием буржуазной католи-

¹ „Selo i seljaci“, Zagreb, 5. XII 1920 г., стр. 69 (Издание программы сербского „Союза земледельцев“ на хорватском языке).

² „Selo i seljaci“, 5. XII 1920, стр. 69.

³ Там же.

⁴ См. „Selo i seljaci“, 5. XII 1920 г., стр. 70.

⁵ См. „Novi Svijet“, 13. XI 1920 г., № 51.

ческой партии словенских клерикалов. Словенская «Самостоятельная крестьянская партия» требовала предоставления ее лидеру, Пучели, портфеля министра аграрной реформы, свободы торговли сельскохозяйственными продуктами как внутри страны, так и за границей, снятия всяких таможенных ограничений на вывоз сельскохозяйственного сырья при одновременном введении охранительных тарифов на импорт промышленных товаров и т. д.¹

Мало отличались от этих двух партий и остальные вновь созданные кулацкие партии Сербско-хорватско-словенского государства — «Крестьянское объединение» в Далмации, «Союз сельских хозяев» в Боснии и «Хорватская партия сельских хозяев» (лидер — Франьо Польяк, бывший министр, крупный банкир в Хорватии). Все эти партии приняли откровенно буржуазные программы и были созданы буржуазией для отвлечения трудящегося крестьянства от активной борьбы. В 1920 г., когда вспыхнуло восстание бедноты в Хорватии, хорватская крестьянская партия призвала восставших отказаться от борьбы и выступила с демагогическим лозунгом создания «общенародной» крестьянской республики.

Восстание в Хорватии² началось 4 сентября в Беловерской волости и уже 5—6 сентября перебросилось на соседние районы, охватив не только территорию значительной части Хорватии, но и часть Славонии, Далмации и Загорья. Такое быстрое развитие восстания и широкое его распространение объяснялось чрезвычайной остротой положения в деревне. Хорватское крестьянство было задавлено налогами, размер которых непрерывно увеличивался. Крестьянская беднота сильно пострадала от грабительской денежной реформы, проведенной в конце 1919 — начале 1920 г. При обмене старых денег на новые население Хорватии отдавало 4 кроны за 1 сербский динар, курс которого до войны был равен курсу 1 кроны.

В хорватской деревне царил произвол сербской жандармерии и правительственных уполномоченных. В 1920 г. в Хорватии и Славонии началась реквизиция лошадей для армии³. (Сербская военщина в это время, по заданию своих западноевропейских империалистических хозяев, готовилась к войне против Советской России и усиленно вооружала армию.) Реквизиция скота проводилась сербскими жандармами. По распоряжению властей каждое село Хорватии попадало под разверстку и должно было поставить определенное количество скота в волостные управления. Во внимание не принималось даже то обстоятельство, что нередко отбиралась последняя лошадь или корова⁴. За реквизируемый скот не выплачивалось никакой компенсации.

¹ См. „Internationale Presse-Korrespondenz“, Berlin, 1925, № 2 и 61.

² Крестьянское восстание в Хорватии осенью 1920 г. до сих пор не было изучено в исторической литературе. Ход восстания прослежен по хорватской и сербской печати и прежде всего по коммунистической газете „Новый свет“ за сентябрь—октябрь 1920 г. Использована также болгарская печать, в первую очередь газеты болгарской коммунистической партии (тесянков) — „Работнически вѣстник“ и „Селски вѣстник“ за сентябрь—октябрь 1920 г.

³ Это было особенно тяжелое для населения мероприятие, так как во время войны 1914—1918 гг. в Хорватии количество скота сократилось на 60%. Значительная часть скота была вывезена австрийскими войсками в Австро-Венгрию. Часть скота погибла из-за отсутствия кормов.

⁴ Еще большее насилие над трудящимся крестьянством творит ныне титовская фашистская клика, при помощи янычаров Ранковича насильно отбирающая у крестьян не только крупный скот, но даже свиней, овец и домашнюю птицу. Трудящееся крестьянство в титовской Югославии доведено до грани полного обнищания. Деревня отдана на откуп кулаку и сельскому ростовщику, беспощадно эксплуатирующим беднейшее крестьянство.

Все это вызывало возмущение крестьянства. В первых числах сентября 1920 г. вспыхнуло восстание.

В ночь с 4 на 5 сентября 1920 г. в селах Беловарская Моравча Беловарской волости и Кошино Святи-Иван Зелинской волости большая толпа крестьян напала на волостное управление и сожгла списки описи скота. Был убит председатель волостного управления, в доме которого крестьяне также нашли списки и описи и уничтожили их.

Из районного центра в восставшие села были отправлены отряды жандармов численностью до 50 человек каждый. Однако эти отряды натолкнулись на ожесточенное сопротивление крестьян и отступили. Тогда на помощь жандармерии был выслан эскадрон конницы, учинившей над крестьянами этих сел дикую расправу: все жители Кошино и Беловарской Моравчи были перепороты и жестоко избиты, «зачинщики бунта» — расстреляны¹.

Известие о разгule сербской военщины с быстротой молнии облетело соседние села. К восстанию присоединились деревни: Иваньская, Гарешница, Велика Грдевча, Дугосело, Новосело и другие². 6 сентября утром началось восстание в районе Грубишнополя, расположенного от первоначальных очагов восстания в 50 км, в тот же день — в Чазменской и Дугосельской волости, в Иваничграде, Великой Трновитице и Бродски Варе³.

В Чазменском котаре крестьяне напали на военные склады и забрали ружья и револьверы, в Грубишнополе разоружили жандармерию⁴. 7 сентября восстание охватило уже всю северо-восточную Хорватию⁵. В Дугосельской волости толпа крестьян, вооруженных топорами, обрезами и косами, напала на отряд жандармерии, разоружила его и обратила в бегство. Командир отряда и его помощник были убиты. Были вынуждены отступить и присланные воинские подкрепления.

В ночь с 9 на 10 сентября вооруженные крестьянские отряды появились вблизи города Сисака, заняли железнодорожные станции между Лекеником и Сисаком, перерезали железнодорожную линию, по которой правительство отправляло войска, захватили в свои руки телефон и телеграф⁶.

На следующий день в районе Сисака действовала уже целая крестьянская повстанческая армия в количестве 3 тыс. человек.

«Восставшие крестьяне, — говорилось в правительственном сообщении, — имеют ружья и даже 3—4 пушки и насчитывают в своих рядах более 3 тысяч человек... Им удалось остановить воинский поезд и разоружить солдат»⁷.

Сообщение следующего дня выдавало еще большую тревогу правительства.

«Крестьянские беспорядки, — говорилось в этом сообщении, — распространялись и на район Загорья (на границе со Словенией. — Ю. П.). Телефонная связь в местности Мария Бистрина прервана... Город Криж (небольшой город в Хорватии. — Ю. П.) взят восставшими. Ночью крестьяне напали на гор. Златар и призвали солдат присоединиться к ним... Восставшие требуют провозглашения крестьянской республики»⁸.

¹ „Novi Svijet“, 11, 12. IX 1920 г.

² „Agrarmer Tageblatt“, 11. IX 1920 г.

³ „Работнически вестник“, 1. X 1920 г.; „Селски вѣстник“, 23. IX 1920 г.

⁴ „Novi Svijet“, 11. IX 1920 г.

⁵ „Правда“, 9. X 1920 г.

⁶ „Novi Svijet“, 14. IX 1920.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

Восстание, таким образом, охватило хорватскую столицу — Загреб — со всех сторон и перебрасывалось в Словению. В самом Загребе, а также в Осиеке, Карловаце и других крупных городах Хорватии было неспокойно. Рабочие требовали повышения заработной платы и улучшения жизненных условий. Рудокопы Боснии объявили забастовку. В августе—сентябре 1920 г. на промышленных предприятиях Хорватии и Словении стихийно возникали рабочие митинги и забастовки. Однако в Хорватии не было создано единого революционного фронта рабочего класса и трудящегося крестьянства. Выступления крестьян и рабочих проходили изолированно друг от друга. Коммунистическая партия не возглавила нарастающего революционного движения рабочего класса и не проводила никакой работы в деревне. Все внимание компартии было обращено на подготовку к выборам в Учредительное собрание. Крестьянское восстание оказалось лишенным руководства. Хорватская же крестьянская партия Степана Радича проповедовала примирение классовых противоречий и установление «социального мира».

Между тем правительство принимало срочные меры. В ночь на 8 сентября в Белграде было созвано чрезвычайное заседание кабинета министров. Правительство отдало распоряжение о приведении в боевую готовность всех войск, расквартированных в Загребе, Вараждине, Осиеке, Сисаке и других крупных городах Хорватии. На подавление восстания была брошена целая армия (4-я армия), командованию которой были предоставлены¹ чрезвычайные полномочия¹.

В середине сентября восстание было подавлено. Для расправы с крестьянами была создана специальная правительственная комиссия (Комиссия по делу о крестьянских беспорядках) и учреждены чрезвычайные суды, заседавшие до февраля 1921 г. и приговорившие к тюремному заключению тысячи крестьян². В одной только Чазменской волости в тюрьму было отправлено более 200 крестьян³.

Руководителей крестьянского восстания отправили на каторгу в Косовую Метохию и Македонию. В числе сосланных на каторжные работы по осушению болот был и 62-летний крестьянин Иосиф Коларич, которого не смогли сломить полицейские истязания и пытки. Его мужественное поведение на суде было воспето боснийским поэтом-коммунистом Хусния Ченгич, который был так же, как Коларич, зверски убит сербскими жандармами в 1930 г.⁴

Расправившись с крестьянским движением, буржуазия обрушилась на рабочий класс и коммунистическую партию. В Белграде и других городах, в которых коммунисты получили большинство голосов на муниципальных выборах, приказом министра внутренних дел Драшковица были распущены муниципалитеты. Начались аресты коммунистов и прогрессивных деятелей, особенно усилившиеся в связи с предстоящими в ноябре 1920 г. выборами в Учредительное собрание.

Но террор не запугал рабочий класс, — на состоявшихся 28 ноября 1920 г. выборах он отдал свои голоса за коммунистическую партию. В городах коммунистическая партия снова одержала внушительную победу,

¹ См. „Riječ“, 13. IX 1920 г.

² См. „Работнически вѣстник“, 29. IX 1920 г.

³ См. „Novi Svijet“, 9. X 1920.

⁴ См. „Die Dokumente und Tatsachen“, Berlin, 1930, стр. 20—53.

заявив третье место по числу собранных голосов и получив 58 мандатов (из 419) в Учредительном собрании¹.

Иным было положение в деревне, где коммунистическая партия не получила ни одного мандата. В ее избирательной платформе даже не содержалось конкретных пунктов о безвозмездной экспроприации помещичьей земли и ее разделе между крестьянами. Выставленный коммунистической партией лозунг установления диктатуры пролетариата не был доведен до широких крестьянских масс. Коммунистическая партия недооценила потенциальные возможности крестьянского движения, которые были очень велики. Показателем революционной активности трудящегося крестьянства являлись многочисленные крестьянские сходки и митинги, в которых принимали участие несколько десятков тысяч человек. Буржуазное руководство хорватской крестьянской партии Степана Радича в ноябре 1920 г. сумело при помощи демагогических лозунгов повести значительную часть крестьянства за собой. Этими лозунгами были: проведение налоговой реформы, «справедливое разрешение аграрного вопроса» и установление в Хорватии «крестьянской республики», в которой, по «теории» Степана Радича, нет ни классов, ни классовой борьбы и господствует «гармония общечеловеческих интересов».

8 декабря 1920 г., в день открытия внеочередного съезда хорватской крестьянской партии, «крестьянская республика» была провозглашена. Вот как описывала этот день коммунистическая газета «Новый свет»:

«По улицам Загреба непрерывным потоком текли толпы крестьян, прибывших в хорватскую столицу даже из самых отдаленных уголков страны. Крестьяне шли пешком, ехали на лошадях, некоторые приезжали с целой семьей на телегах. Тысячи людей из Междумурья и горных поселков Хорватии стояли на Королевской площади у трибуны и ждали, что скажет Радич... Но вдруг раздались звуки государственного гимна, воспевающего существующий порядок насилия и гнета... И как бы вторя ему, стал говорить Радич, да нет, не говорить — напевать, как вильсоновский фонограф старые-престарые песни о народности и человеколюбии, о вере и почтении по отношению в властям, об отказе от всякой борьбы и миролюбии...»².

Хорватская «крестьянская республика» не просуществовала и одного дня и о ней можно было бы не говорить вовсе, если бы нас не интересовала теоретическая сторона вопроса, так как положение о крестьянском государстве является одним из основных положений «крестьянского социализма» Степана Радича — «учения», которое нанесло такой большой ущерб революционному движению трудящегося крестьянства в Сербско-хорватско-словенском государстве в 1918—1923 гг.

V. ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ ТАК НАЗЫВАЕМОГО «МЕЛКОБУРЖУАЗНОГО СОЦИАЛИЗМА» СТЕПАНА РАДИЧА

После второй мировой войны, когда земной шар раскололся на два лагеря: возглавляемый СССР лагерь мира, демократии и социализма, и

¹ 50 мандатов получила хорватская крестьянская партия, 39 — «Сербский союз сельских хозяев». Всего оппозиция имела 147 мандатов. Все депутаты, принадлежавшие к оппозиционным партиям, высказались за республику («Бюллетень НКИД», 12. I, 5. IV 1921 г.; «Бюллетень Коммунистического интернационала», 1921, № 2—3, стр. 5).

² «Novi Svijet», 10. XII 1920 г.

возглавляемый США лагерь войны и империализма, — империалисты в своей борьбе против стран народной демократии охотно используют «крестьянский социализм» Степана Радича и в особенности положение о «крестьянском государстве», противопоставляемом народно-демократическим режимам в странах Восточной Европы.

Созданный в 1946 г. в Вашингтоне Аграрный комитет, руководящую роль в котором играет гестаповский агент Влатко Мачек и такие «водители» крестьянских партий, как бежавшие из своих стран изменники и враги народа Гемето (Болгария), Миколайчик (Польша), Надь Ференц (Венгрия) и другие, снова поднял на щит «теории» Степана Радича и пытается использовать их для противопоставления деревни городу в странах народной демократии, для отрыва крестьянства от рабочего класса, для раскола единого блока демократических сил. Разоблачение реакционных «теорий» Степана Радича приобретает, таким образом, большое актуальное значение. Немаловажное значение имеет и выявление подлинной роли лидера хорватской крестьянской партии, столь тщательно скрываемой буржуазной историографией.

* * *

Степан Радич — одна из самых колоритных и вместе с тем самых одиозных фигур истории Сербо-хорвато-словенского государства. В течение почти 25 лет он являлся одним из руководителей хорватской крестьянской партии и ее идеологом¹. Ни один политический деятель Сербо-хорвато-словенского государства не выступал так часто с многословными речами, как Степан Радич. Ни одно имя не склонялось так постоянно во всех газетах всевозможных направлений, как его имя. И, наконец, ни один партийный лидер не получал такой противоречивой оценки своей деятельности со стороны представителей различных буржуазных партий, как председатель хорватской крестьянской партии.

Достаточно сказать, что одинаковое распространение в стране имели две взаимно исключающие оценки деятельности Степана Радича.

Одни исследователи (А. Чезарец. Степан Радич и республика, Загреб, 1925) считали его чуть ли не самым ярким реакционером, другие, наоборот, превращали Радича в самого решительного радикала (Р. Герцог. Крестьянское движение в Хорватии, Загреб, 1923) и даже революционера.

Такая противоречивая оценка деятельности вождя хорватской крестьянской партии, как, впрочем, и всей партии в целом, не случайна. Она объясняется, во-первых, классовой и партийной принадлежностью авторов этих исследований, которые, выполняя определенный социальный заказ, тенденциозно подходили к оценке Радича и подгоняли факты, а во-вторых, такая противоречивая оценка становится возможной вследствие наличия крупных внутренних противоречий в теоретических положениях и практической деятельности лидера крестьянской партии.

«Мелкий буржуа, — писал К. Маркс в письме к Швейцеру («О Прудоне»), — ... составлен из «с одной стороны» и «с другой стороны». Таков он в своих экономических интересах, а потому и в своей политике, в своих

¹ Основные работы Степана Радича: „Девојачки свијет“ (1902); „Модерна колоквијација у Словенији“ (1905); „Донашна финансијална знатност“ (1905); „Савремена Европа“ (1905) „Чешки народ на початку 20 столећа“ (1910).

религиозных, научных и художественных воззрениях. Таков он в своей морали, таков он во всем. Он — воплощенное противоречие»¹.

Только подход с позиций марксистско-ленинского диалектического метода позволяет дать правильную научную оценку деятельности С. Радича и правильно проанализировать историю хорватской крестьянской партии.

В первый период своей деятельности Степан Радич² находился под сильным влиянием народнических идей русских реакционных народников 80—90-х годов и своего брата Антона Радича³. Так же как последний, он проповедовал культ сильной личности и индивидуализм.

Степан Радич отказывался от решительных методов борьбы, переоценивал значение просвещения, организации кооперативов, кредитования деревни и т. д.⁴ Во всех основных вопросах Степан Радич не расходился с Антоном Радичем. Он слыл только за более радикального «теоретика» хорватской крестьянской партии и значительно более, решительного ее руководителя.

Неоднократные аресты Степана Радича сначала австро-венгерскими властями, а потом сербской жандармерией превратили его в национального мученика. Трагическая смерть Степана Радича в июле 1928 г. от руки сербского националиста снова укрепила это мнение, которое было сильно подорвано его предательской политикой по отношению к крестьянству в 1924—1925 гг.

Основные теоретические положения Степана Радича сформулированы в его работах, посвященных организации «крестьянской республики», которую Радич провозглашает совершенно особым, специфическим типом государства, «не похожим на все, что было когда-либо в истории», и, как утверждает Радич, «непредусмотренным даже ни в одной теории»⁵.

«Идеал социалистического и коммунистического государства, а точно так же идея... корпоративного государства, — говорит С. Радич, — должны быть отвергнуты, так как они не являются естественными органами власти. Крестьянское государство должно иметь совершенно новый облик, новую форму...»⁶.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения, т. I, М., 1948, стр. 354.

² Степан Радич родился в 1871 г. в богатой крестьянской семье, которая имела возможность предоставить ему широкое образование.

Сначала Радич учился в гимназии в Загребе и Карловаце, затем — в Загребском университете на юридическом факультете. После посещения в 1896 г. России С. Радич в 1897 г. уехал в Париж и в течение двух лет обучался в Парижской политической школе, где изучал биологические теории Спенсера, Гоббса, Фрейда и теории немецких неокантианцев Марбургской школы (Наторп, Штаммлер, Заммель и др.). Ознакомился Радич и с работами Прудона и немецкого экономиста Карла Бюхера.

По окончании Парижской политической школы он уехал в Прагу, затем в Земун и, наконец, вернувшись в Загреб, стал одним из вождей антивенгерской оппозиции.

В течение четырех лет, с 1902 по 1906 г., Радич издавал ежемесячник «Хорватская мысль», в которой публиковал свои статьи, положенные впоследствии в основу программы хорватской крестьянской партии.

³ Антон Радич — основатель и идеолог хорватской крестьянской партии, созданной в 1904 г. Антон Радич проповедовал реакционные народнические взгляды, отрицал классовую борьбу, призывал к примирению классовых противоречий.

⁴ Особенно четко это положение сформулировано в его программной статье «Старая и новая хорватская политика», опубликованной в газете «Дон» в мае 1904 г.

⁵ Ivo Šaranić. Ideologija hrvatskog seljačkog pokreta, Zagreb, 1923, S. 90.

⁶ Там же.

В основе этого «особого государства», по Радичу, лежат три принципа: бесклассовость, свобода и народовластие.

Остановимся подробнее на каждом из этих принципов.

* * *

Первым принципом «крестьянской республики» является «бесклассовость». В ней, согласно утверждению идеолога хорватской крестьянской партии, несмотря на наличие частной собственности на средства производства и имущественное неравенство, нет классов, нет эксплуатации человека человеком, все равны.

«В нашем крестьянском государстве, — писал Радич в послесловии к книге Герцога «Идеология хорватского крестьянского движения», — все равны, бедный и богатый сидят за одним столом»¹.

Крестьянство, утверждает Радич, представляет собой однородную массу, в которой не произошло еще классовой дифференциации. Об этом он так прямо и пишет в своей статье «Общий взгляд на народы Балканско-Дунайской Европы»:

«Крестьянство в Хорватии составляет больше 90% и оно везде состоит из *однородной* массы (курсив здесь и ниже мой. — Ю. П.), почти нигде еще не раслоившейся... В Хорватии нет кулаков в русском смысле слова. Это и есть основная причина того факта, что крестьянство считает себя одним и тем же классом, или, как говорят в Хорватии, «народом»².

Так писал Степан Радич в 1920—1924 гг., т. е. в тот период, когда уже давным-давно о едином крестьянстве, крестьянстве-сословии не могло быть и речи и когда в результате развития капитализма в деревне произошла резкая классовая дифференциация и обнажились до предела классовые антагонизмы³.

Создавая «теорию» «средней линии» общественного развития, «всеобщего равенства», «бесклассовости», Радич пытался обойти вопрос о своей собственной классовой принадлежности. Он не мог открыто встать на позицию крупной буржуазии — массы отшатнулись бы от него. Он не мог встать и на позицию пролетариата, так как она была ему чужда, как представителю класса буржуазии, кулачества. Теория «средней линии» общественного развития служила Радичу для прикрытия его буржуазной идеологии.

Своей теорией «всеобщего равенства» Степан Радич не создал чего-либо нового, оригинального, как он это пытался утверждать. Заявляя об отсутствии классов в «крестьянском государстве», Радич повторял лишь зады реакционных теорий идеологов мелкой буржуазии Франции, Германии, Австрии, Венгрии и других стран, разгромленных еще Марксом и Энгельсом в «Манифесте Коммунистической партии», «Нищете философии», «Немецкой идеологии», «18 брюмера Луи Бонапарта» и других исторических произведениях великих классиков марксизма.

¹ R. Herzog. Die Ideologie der kroatischen Bauernbewegung, Zagreb, 1923, S. 90.

² „Новый восток“, М., 1924, № 6, стр. 34. Титовские фашисты, возродившие в Югославии капиталистическое рабство, отрицают существование в Югославии классов. Применяя фашистскую терминологию Гитлера и Муссолини, они пытаются „доказать“, что в Югославии нет рабочего класса и капиталистов, нет трудящихся крестьян, кулаков, нет эксплуататоров и эксплуатируемых, а есть лишь „прямые производители“ (см. „За прочный мир, за народную демократию!“ 12. X 1951 г.).

³ См. „Ученые записки Института славяноведения АН СССР“, т. IV, 1951, стр. 153—158.

Великие основоположники научного социализма Маркс и Энгельс показали идейную несостоятельность и убожество так называемого «неклассового социализма», разоблачили до конца реакционную сущность «теории» уравнивания классов и беспощадно разбили мелкобуржуазных идеологов.

Маркс и Энгельс разработали и отстаивали подлинно научное учение об уничтожении классов через развитие классовой борьбы, о построении социализма путем ликвидации эксплуататорских классов, о диктатуре пролетариата, как единственно возможной форме перехода к бесклассовому, социалистическому обществу.

В своем письме Центральному бюро Международного альянса социалистической демократии К. Маркс, говоря о выдвинутом Бакуниным принципе «политического, экономического и социального уравнивания классов», писал:

«Уравнивание классов, понимаемое буквально, сводится к «гармонии капитала и труда», столь назойливо проповедуемой буржуазными социалистами. Не уравнивание классов — бессмыслица, на деле несуществующая — а, наоборот, уничтожение классов — вот подлинная тайна пролетарского движения, являющаяся великой целью Международного товарищества рабочих»¹.

В. И. Ленин и И. В. Сталин, творчески развивая и обогащая марксизм, подняли учение Маркса и Энгельса на новую, более высокую ступень, в непримиримой борьбе со всякими проявлениями буржуазной идеологии разгромили враждебные бухаринско-рыковские и прочие контрреволюционные «теории» «затухания классовой борьбы», «врастания капитализма в социализм», «примирения классовых противоречий», организовали строительство социалистического общества на базе ликвидации капиталистических классов, привели рабочих и крестьян Советского Союза к социализму.

Великая Октябрьская социалистическая революция, ликвидировав власть эксплуататорских классов, нанесла сокрушительный удар по капиталистическому миру, открыла эпоху пролетарских революций. Рабочие и крестьяне всех стран на опыте Советского Союза увидели, что путь к социализму лежит только через диктатуру пролетариата. Они все более начали понимать, что в порядок дня должен быть поставлен основной вопрос — вопрос «экспроприации экспроприаторов».

Именно поэтому с такой звериной злобой обрушиваются ныне на лозунг диктатуры пролетариата агенты буржуазии — социал-предатели, пытающиеся прикрыть свою измену делу рабочего класса различными псевдосоциалистическими «теориями».

Именно поэтому буржуазией вытаскивается старое заржавленное оружие «общенародного социализма» и «гармонии классовых интересов».

Именно поэтому борьба с возрожденными теориями буржуазных идеологов приобретает сейчас такое актуальное значение.

Лидер английских лейбористов Эттли, верой и правдой служащий капиталистическим хозяевам, в своем выступлении в лейбористском клубе Оксфордского университета в 1948 г. заявил, что лейбористы «переросли идею классового деления», что английский народ надо рассматривать, «как народ в целом», без учета классового деления².

Другой видный деятель лейбористской партии Кроссмэн, именующий себя к тому же «левым лейбористом», в своем докладе «Классовая борьба

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XIII, стр. 295—296.

² См. Г. Глезерман. Ликвидация эксплуататорских классов и преодоление классовых различий в СССР, М., 1949, стр. 41.

и национальные традиции Запада» утверждал, что в Англии и Западной Европе вообще, якобы «нет больше ни буржуазии, ни пролетариата в прежнем смысле слова», и имеются только отдельные «случаи» эксплуатации, которые стали уже «не правилом, а исключением».

Подлый холоп американского и французского империализма Леон Блюм в своей грязной книжонке «В масштабе человечества», опубликованной в 1945 г., писал, что социализм строится не в результате непримиримой классовой борьбы, а на основе «всеобщего признания понятия о правах человека и гражданина», что «главным препятствием, задерживающим процесс морально-гуманного оздоровления, является классовое сознание рабочих и их классовая борьба», что буржуазия в «великих англо-саксонских странах» согласилась на такие реформы, которые равнозначны ее «добровольному самоотречению». Руководствуясь этими положениями Леона Блюма, французские социалисты на своем съезде в 1946 г. вовсе исключили из программы партии самое понятие классовой борьбы, как якобы «несвойственное марксизму».

С той же проповедью примирения классовых антагонизмов выступал и такой матерый социал-предатель, как Карл Реннер, ревизионистская брошюра которого «Новый мир и социализм» легла в основу послевоенной деятельности австрийских социал-демократов.

О затухании классовой борьбы кричат и презренные титовские фашисты, по прямому заданию американо-английского империализма возродившие в Югославии капиталистическое рабство.

Обманывая трудящихся насквозь лживыми баснями о «неклассовой политике» и «гармонии интересов» при капитализме, буржуазия усиливает эксплуатацию рабочего класса и крестьянства, еще более поработщает угнетенные народы.

Так используется в настоящее время реакционная теория «бесклассовости» и «общенародности», которую проповедают мелкобуржуазные идеологи и с которой выступал сам Степан Радич.

Вторым основным принципом «крестьянского государства», по Степану Радичу, является так называемая «свобода».

Под свободой Радич понимает прежде всего свободу частной инициативы, предпринимательства, торговли. Частная собственность является незыблемой, и ее охрана гарантируется законом.

В этой теории Радича — о полной и ничем не ограниченной свободе — с особой отчетливостью проявляется буржуазная сущность его идейных взглядов.

«Крестьянское государство, — говорит Радич, — есть организация хозяев (курсив мой. — Ю. П.). Поэтому необходима полная свобода состояния, охрана частной собственности. . . Каждый имеет право свободно заниматься всем, чем он хочет, особенно всякой торговлей. . . Пошлин нет. Они вводятся только для предметов роскоши. . .»¹

Еще более откровенно высказался другой идеолог хорватской крестьянской партии, один из руководителей ее правого крыла, Иво Шаринич. Он заявил:

«Мы не признаем капитализма, мы признаем только капитал. . . Следовательно, надо создать такое законодательство, которое защищало бы и обеспечивало свободное развитие капитала»².

¹ J. Šarinić. Указ. соч., стр. 81—82.

² Там же, стр. 111.

Таким образом, «свобода» в радичевской республике означает не что иное, как свободу наживы, обогащения и эксплуатации.

Но кулацкие идеологи используют учение о «полной свободе» в «крестьянском» государстве не только для этого. Острие этого учения направлено против пролетариата и его революционной борьбы. Играя на собственнических инстинктах крестьянина, на его привязанности к своему клочку земли, своему дому, своему хозяйству, идеологи сельской буржуазии пытаются натравить крестьян на рабочих, представляя последних, как врагов крестьянства.

«Право крестьянской собственности, — писал К. Маркс, — является талисманом, который отдавал до сих пор крестьян во власть капитала; во имя этой собственности капитал натравливал их против промышленного пролетариата»¹.

Кулацкие идеологи хорватской крестьянской партии делают это довольно откровенно.

«Крестьянин — собственник, — пишет Шаринич. — Он имеет дом, землю, урожай с земли, личное имущество. Это надо провозгласить, и тогда это положит конец агитации пролетариата и его борьбе»².

Третьим основным принципом хорватской «крестьянской республики» является народовластие.

Крестьянское государство, по Ст. Радичу, «организация всего суверенного народа, который решает все территориальные вопросы при помощи плебисцита, а все законодательные вопросы — путем голосования той части населения, на которую это законодательство распространяется»³.

В «крестьянской республике» Радича существует разделение властей. Законодательная власть принадлежит Законодательному собранию⁴, избираемому на четыре года, исполнительная — кабинету министров. Кабинет министров ответственен перед Законодательным собранием и состоит из следующих министерств: внутренних дел, просвещения, правосудия, народного хозяйства, финансов, торговли и средств связи, социального обеспечения, здравоохранения и обороны⁵. Основные министерства — внутренних дел, просвещения и народного хозяйства. Последнее ведает земледелием, скотоводством, рыболовством и лесоводством. В его же компетенцию входит и промышленность, играющая в «крестьянской республике» незначительную роль и целиком связанная с сельским хозяйством.

Министерство просвещения ведает народным образованием, которое является весьма односторонним: школьное светское обучение имеет по преимуществу только прикладной характер, а общее образование отдается в руки церкви, занимающей в «крестьянской республике» ведущее положение⁶.

Особенно большое значение имеет министерство внутренних дел. Оно призвано поддерживать «внутренний порядок» и «охранять спокойствие», т. е. приводить в повиновение граждан «крестьянской республики» в слу-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. VIII, стр. 76.

² J. Šarinić. Указ. соч., стр. 85.

³ Там же, стр. 81.

⁴ Члены Законодательного собрания, согласно проектам Радича, пользуются депутатской неприкосновенностью и могут быть лишены этого права только решением самого Собрания. Законодательный совет ежегодно обсуждает и принимает бюджет. Все важнейшие государственные вопросы, разработанные Законодательным собранием, принимаются при помощи референдума.

⁵ См. „Политика“, 13. V 1923 г.

⁶ См. „Дом“, 1920, ноябрь. Орган хорватской крестьянской партии.

чае их несогласия с политикой «крестьянских» правителей. Министерство внутренних дел поэтому наделяется особыми полномочиями и имеет самые широкие права. Это единственное министерство, которому разрешается вмешиваться во внутреннюю жизнь самоуправляющихся общин.

Идеологи мелкой буржуазии, афишируя свой пацифизм, сохраняют армию для подавления внутренних «беспорядков».

«Крестьянская республика, — говорилось в избирательной платформе хорватской крестьянской партии 1920 г., — содержит столько войск, сколько необходимо для охраны внутреннего мира и труда».

Главкомандующим войсками государства является президент республики — бан, избираемый при помощи референдума².

Все внешние дела хорватской «крестьянской республики», ее территориальные споры и внешнеполитические конфликты должны разрешаться в международной организации — Лиге наций.

Согласно проектам, территориально хорватская «крестьянская республика» делилась на округа, последние — на сельские общины. И те и другие имели самую широкую автономию и представляли собой самоуправляющиеся единицы³.

«Село, — пишет Шаринич, — носитель и создатель хорватской национальной культуры, носитель и создатель хорватской народной индивидуальности. Сельская община — основная цель народной морали. Село — основная единица...»⁴.

Общегосударственная власть не должна вмешиваться в дела округа и общин, которые, как предполагалось, имели право вырабатывать свои собственные правила, издавать свои распоряжения, иметь свои финансы и т. д. Центральное правительство могло нарушить автономию местных властей лишь в самых исключительных случаях, когда того требовали «общегосударственные интересы»⁵.

Община в крестьянском государстве играет очень большую роль, а положение о сельской общине занимает большое место в государственной теории Степана Радича. В этом сказалось влияние русского реакционного народничества 80—90-х годов на идеолога хорватской мелкой буржуазии.

Подобно народникам и другим утопистам Степан Радич игнорировал условия материальной жизни общества, реальную действительность и с идеалистических позиций строил свои «идеальные планы» восстановления сельской общины, давно разрушенной развитием капитализма.

«Падение утопистов, в том числе народников, анархистов, эсеров объясняется, между прочим, тем, — подчеркивает И. В. Сталин, — что они не признавали первенствующей роли условий материальной жизни общества в развитии общества и, впадая в идеализм, строили свою практическую деятельность не на основе потребностей развития материальной жизни общества, а независимо от них и вопреки им, — строили на основе

¹ R. Herzog. Указ. соч., стр. 63—67.

² См. J. Šarinić. Указ. соч., стр. 88.

³ Законодательный орган округа — окружная скупщина — согласно проекту, должен был состоять из равного числа представителей от всех сельских общин данного округа, избираемых на четыре года, а выработанные окружной скупщиной правила иметь силу закона на всей территории округа. Низовая территориальная единица — сельская община (по тому же проекту) объединяла целое село, а иногда и несколько небольших деревень. Население общины избирало общинскую скупщину во главе с председателем скупщины.

⁴ J. Šarinić. Указ. соч., стр. 153.

⁵ Там же.

«идеальных планов» и «всеобъемлющих проектов», оторванных от реальной жизни общества»¹.

Этот отрыв от реальной жизни общества имел резко отрицательное значение. Утверждая необходимость сохранения сельской общины, Степан Радич тем самым выступал против общественно-экономического развития страны. Его требование возврата к старому общинному строю, т. е. к пройденному уже этапу, являлось реакционным требованием.

Сельская община Степана Радича, в которой он видел основную ячейку «крестьянского социализма», не только не устраняла экономического неравенства и не избавляла крестьянина-бедняка от беспощадной эксплуатации кулака, а, наоборот, лишь ухудшала положение трудящегося крестьянина, который вследствие прикрепления к общине вынужден был испытывать самые тяжелые виды кулацкой кабалы.

«... Охранение прикрепления крестьян к земле и сословной замкнутости крестьянской общины, — писал В. И. Ленин в статье «От какого наследства мы отказываемся?», — только ухудшает положение сельского пролетариата и задерживает экономическое положение страны, не будучи нисколько в силах защитить «оседлого пролетария» от худших видов кабалы и зависимости, от самого низкого падения заработной платы и жизненного уровня»².

Основой сельской общины радичевского государства являлась семейная община — крестьянский дом с его патриархальными устоями, с верховенством старейшины и семейным советом.

«Крестьянский дом, — говорит Степан Радич, — есть основа крестьянской деревни, которая является организацией объединенных крестьянских домов»³.

Итак, патриархальный дом — сельская община — «общенародная» крестьянская республика — такова единая линия, таков «социализм» Степана Радича.

Посмотрим поближе, что представляет собой этот «социализм».

Степан Радич говорит о всеобщем равном избирательном праве. Но кто является полноправным гражданином в «крестьянской республике»?

Только крестьянин-земледелец, только тот, кому принадлежит земля. В «крестьянской республике» нет помещиков. Вся земля передается крестьянам. Но при этом из числа крестьян исключается огромная масса деревенской бедноты, батрачества, сельскохозяйственных рабочих.

«Крестьянином считается не всякий, живущий на земле, — пишет Шаринич. — Из числа крестьян должны быть исключены все несобственники земли, все сельскохозяйственные рабочие и батраки»⁴.

Не получив земли, эти категории крестьян попрежнему должны идти в кабалу к кулаку. При «крестьянском социализме» Радича, таким образом, сохраняется эксплуатация человека человеком, сохраняется бесправное положение бедноты по отношению к кулаку.

Последний же получает большие возможности для своего роста (снятие ограничений в торговле, отмена пошлин и налогов, государственная субсидия «тем крестьянским хозяйствам, которые их могут употребить в дело»⁵, и т. д.).

¹ История ВКП(б). Краткий курс, стр. 110—111.

² В. И. Ленин. Соч., т. 2, стр. 468.

³ J. Šarinič. Указ. соч., стр. 81.

⁴ Там же., стр. 56.

⁵ Там же.

Не все равны в хорватской «крестьянской республике» и с точки зрения национальной.

Полноправной нацией являются лишь хорваты. Сербам предоставляется только право на культурную автономию, на свободу вероисповедания, языка, а в районах с преобладанием сербского населения — право на самоуправление. Все же остальные народы — черногорцы, албанцы, словенцы, македонцы и т. д. — не имеют даже и таких прав.

Наконец, в хорватской «крестьянской республике» не имеется равенства и между рабочим и крестьянином.

Степан Радич и в особенности его последователи — И. Шаринич, Рудольф Хорват и другие — разработали так называемую «сословную теорию» или «теорию профессий», согласно которой общество делится не на классы, а на сословия или профессии. Причем основных сословий (профессий) два: крестьяне-земледельцы и горожане, к числу которых относится как крупная буржуазия, так и пролетариат.

Такое противопоставление города деревне делал в свое время еще Антон Радич, который в 1902 г. писал: «Город, фабрика и железная дорога — это только желудок, который получает пищу от сельского хозяйства»¹. Но и Антон Радич повторял то же самое, что говорили до него другие буржуазные идеологи², так же как они выполняя социальный заказ буржуазии.

Ф. Энгельс в «Крестьянской войне во Франции и Германии», разоблачая этих буржуазных идеологов, писал:

«С тех пор как возникло рабочее движение, западноевропейским буржуа, особенно в тех странах, где преобладает крестьянская парцелльная собственность, не очень-то трудно было возбуждать в крестьянах подозрение и ненависть к социалистическим рабочим, разрисовывая этих последних перед крестьянской фантазией, как *partageux*, как сторонников «делажки», как ленивых, жадных горожан, спекулирующих на крестьянской собственности»³.

Последователи Антона Радича в Сербо-хорвато-словенском государстве развили противопоставление города деревне до предела. Так, например, Степан Радич, выступая перед крестьянами в августе 1921 г., заявил:

«Деревню создал бог, а город, — я не хочу сказать — дьявол, но люди. Город возник из села и за счет села живет. Хлеб из сельских закромов, сырье для фабрик с крестьянских полей — все из крестьянских рук. Вот почему мы и говорим: «Крестьянское государство»»⁴.

Причину такого враждебного отношения к городу открыл лидер правого крыла хорватской крестьянской партии Иво Шаринич.

«Рабочий, — заявил он, — выступает против собственности как классовый борец, который на основе своего права, права организованной классовой силы, намеревается устроить власть пролетариата»⁵.

¹ „Божиница“, 1902, VIII, стр. 13.

² Противопоставление деревни городу, или так называемый „аграризм“, имело место и в теориях других идеологов мелкой буржуазии, в особенности у лидера „Болгарского земледельческого союза“ Александра Стамболийского. Лозунг „Назад к земле“ был в свое время выдвинут Мелином, Казиво и Гитье и в значительной мере воспринят Антоном Радичем и Степаном Радичем.

Впоследствии этот лозунг был использован кулацким „Зеленым интернационалом“ („Международным аграрным бюро“), созданным в 30-х годах в Праге для раскола единого фронта рабочих и крестьян.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVI, ч. II, стр. 441.

⁴ „Време“, 30. VIII 1921 г.

⁵ J. Šarinić. Указ. соч., стр. 72.

Кулацкий идеолог Шаринич призывает крестьян порвать союз с пролетариатом «... и прекратить с ним всякие связи»¹.

Итак, власть в хорватской «крестьянской республике» Радича далеко не принадлежит «всему народу». Из числа этого «народа» исключаются все рабочие и крестьяне других национальностей, и в неравноправное положение ставятся рабочие и беднейшие крестьяне хорватской национальности. Да и самим хорватским гражданам отводится второстепенная и третьестепенная роль слепой толпы, следующей за сильными государственными личностями.

«Народ, — говорит Радич, — грубое и слепое орудие, которое может служить государству. Народ не является высшей духовной силой, которая призвана господствовать в государстве»².

Построенная на основе экономического неравенства и эксплуатации «крестьянская республика» Степана Радича представляет собой чистой воды буржуазное государство.

Республиканская форма этого государства была всего лишь демагогическим лозунгом руководства хорватской крестьянской партии, которое от него очень скоро отказалось, как только увидело серьезное недовольство этим лозунгом сербских монархистов. «По нашему мнению, — заявил в газете «Слободен дом» Степан Радич, — может быть создана хорватская республика в рамках королевства Югославии»³.

А 12 июля 1924 г. на крестьянском митинге в Врполье Радич раскрыл и самое существо слов «республика и республиканство».

«„Да здравствует республика!“, — сказал он, — это не означает: „Долой монархию!“. Меньше всего это означает „Долой Карагеоргиевичей!“. Тот, кто больше всех терпит, — тот самый близкий нам брат. В этом состоит наше республиканство»⁴.

Ненавидя революцию и провозглашая примирение классовых антагонизмов, Степан Радич во что бы то ни стало стремился «доказать» специфичность хорватского крестьянства, своеобразие пути его развития и прежде всего отличие этого пути от революционного пути, проделанного русским крестьянством, коренным образом разрешившим земельный вопрос и под руководством рабочего класса построившим подлинный, а не надуманный, радичевский «социализм».

«В Хорватии, — писал Степан Радич в органе хорватской крестьянской партии «Слободен дом» 13 августа 1924 г., — совсем другая социальная структура, чем в России. У нас нет такого количества крупных имений, как в России... Разум нам говорит, что мы не должны делать революции»⁵.

14 августа 1924 г. в речи, обращенной к хорватским крестьянам, Радич заявил: «Вам не нужен русский пример. Конечно, очень хорошо, что русская революция произошла, но слава богу, что мы можем обойтись без нее. Мы — пацифисты, миротворцы, нам не нужна революция»⁶.

То же самое, только на несколько иной основе, говорят сейчас и предатели дела социализма титовцы, отрицающие значение примера социалистического строительства СССР и лицемерно утверждающие «возможность» развития Югославии по «особому» пути. «Особое» государство Степана

¹ J. Šarinić. Указ. соч., стр. 72.

² С. Livadić. Radnička klasa i hrvatski narodni pokret, Toronto, 1937, S. 61.

³ „Sloboden Dom“, 13. VIII 1924 г.; „Политика“, 14. VIII 1924 г.

⁴ „Политика“, 13. X 1924 г.

⁵ „Sloboden Dom“, VIII, 1924.

⁶ „Политика“, 15. VIII 1924 г.

Радича представляло собой не что иное, как типичное буржуазное государство. Провозглашаемый продажной фашистской кликой Тито «особый» путь развития Югославии является путем, приведшим страну в империалистический лагерь.

Утверждение «особого» пути развития нации неизбежно приводит к национализму самого худшего толка и, в конце концов, к продаже интересов своей родины, к измене и предательству.

Степан Радич, исходя из утверждения «особых» черт хорватского народа и противопоставляя хорватов другим южнославянским народам, дошел до провозглашения идеи создания «Великой Хорватии», объединяющей в своем составе все Королевство сербов, хорватов и словенцев, а в конечном итоге — весь Балканский полуостров и Дунайские страны.

«И исторически, и географически, и, наконец, экономически, — писал Радич в статье «Общий взгляд на народы Балкано-Дунайской Европы», — Хорватия является главным фактором как на Балканах, так и в Дунайской Европе. Хорватский народ является безусловно центром нового переустройства Балканского полуострова и Дунайской Европы...»¹.

Созданная по мысли Радича «Великая Хорватия» должна была представлять собой государство, в котором господствовала бы хорватская нация и угнетались все остальные нации.

Еще дальше Радича пошли его последователи и преемники по руководству партией. Уже в период 1919—1923 гг. правая часть руководства (Радич занимал центристские позиции) — Рудольф Хорват, Иво Шаринич, А. Предавец и в особенности Влатко Мачек — придерживались еще более откровенно-националистической политики. Тогда же Влатко Мачек и Анте Павелич стали платными агентами итальянского империализма.

Появление «теорий» Степана Радича в Сербо-хорвато-словенском государстве не было случайным. Оно являлось следствием двух причин: во-первых, общей экономической отсталости, что, как учит В. И. Ленин, «... вызывает переживание и воскрешение в той или иной форме отсталых форм социализма...», который является мелкобуржуазным социализмом...»², и, во-вторых, следствием слабого распространения научного социализма, марксистско-ленинского учения о классах и классовой борьбе, о пролетарской революции и диктатуре пролетариата, что объясняется политической незрелостью рабочего класса Королевства СХС, не сумевшего повести за собой крестьянства, которое ввиду своей темноты и отсталости подпадало в значительной мере под влияние «мелкобуржуазного социализма».

«Мелкобуржуазный социализм» Степана Радича, представляя собой старые, отжившие теории, тормозил развитие общества, отвлекал крестьянство от революционной борьбы, являлся реакционным учением.

«Общественные идеи и теории бывают различные, — пишет И. В. Сталин в своей гениальной работе «О диалектическом и историческом материализме». — Есть старые идеи и теории, отжившие свой век и служащие интересам отживающих сил общества. Их значение состоит в том, что они тормозят развитие общества, его продвижение вперед»³.

К числу таких реакционных теорий относится и «мелкобуржуазный социализм» Степана Радича.

¹ „Новый Восток“, М., 1924, № 6, стр. 82—83.

² В. И. Ленин. Соч., т. 9, стр. 282.

³ История ВКП(б). Краткий курс, стр. 111.

VI. ПОРАЖЕНИЕ РЕВОЛЮЦИОННОГО ДВИЖЕНИЯ В 1920 г. ОБЩАЯ ОБСТАНОВКА В СТРАНЕ

Соглашательская политика хорватской крестьянской партии помогла правительству расправиться с революционным движением рабочего класса и трудящегося крестьянства в 1920 г.

Для подавления революционного движения было сформировано правительство «твердой руки» во главе с лидером сербских радикалов Николой Пашичем.

Кабинет был сформирован 17 декабря 1920 г. В него вошли такие махровые реакционеры, как Никола Пашич — премьер-министр и министр иностранных дел, Милорад Драшкович (сербский демократ) — министр внутренних дел, Светозар Прибичевич — министр просвещения и другие. Министрами были назначены только представители сербских буржуазных радикальной и демократической партий. Ни один представитель партий Хорватии, Словении и других национальных районов в кабинет включен не был.

Назначение Николы Пашича главой правительства означало переход к открытой реакции. Пашич был верным и надежным защитником монархии Карагеоргиевичей, ярким националистом и законченным реакционером. От его юношеских увлечений анархизмом Бакунина¹ и социалистами-утопистами Франции и Англии давным-давно не осталось и следа. С 1903 г. Пашич неизменно занимал пост председателя правительственной партии старых радикалов, а с 1912 по 1918 г. непрерывно возглавлял сербское правительство. Придя снова к власти в декабре 1920 г., Пашич немедленно приступил к походу против прогрессивных элементов.

29 декабря 1920 г. Народной скупщиной был принят закон о запрете коммунистической партии («Обзнана») и роспуске прогрессивных профсоюзов.

Коммунистическая партия была загнана в подполье. В стране начались повальные аресты. За два месяца (декабрь 1920—январь 1921 г.) было арестовано около 10 тыс. человек².

Основная причина поражения революционного движения трудящихся масс состояла в том, что в Сербо-хорвато-словенском государстве в 1920 г. не было союза пролетариата и крестьянства, что рабочий класс не возглавил восстания крестьян, что революционные выступления рабочих и крестьян, даже совпадая по времени, проходили изолированно друг от друга, чем воспользовалась буржуазия и разбила движение по частям.

«Крестьянские восстания, — учит И. В. Сталин, — могут приводить к успеху только в том случае, если они сочетаются с рабочими восстаниями, и если рабочие руководят крестьянскими восстаниями. Только комбинированное восстание во главе с рабочим классом может привести к цели»³.

Революционное движение в Хорватии и в других национальных районах Королевства СХС в 1920 г. потерпело поражение также и потому, что оно протекало стихийно, неорганизованно, не имело руководства со стороны рабочего класса.

¹ В 70-х годах XIX в. Н. Пашич за границей встречался с Бакуниным и был близок к его „Альянсу“.

² См. „Правда“, 26. I 1921 г.

³ И. В. Сталин. Соч., т. 13, стр. 112—113.

В своей брошюре «К деревенской бедноте» В. И. Ленин, говоря о причинах поражения крестьянского восстания в России в 1902 г., писал:

«Крестьянское восстание было подавлено потому, что это было восстание темной, несознательной массы, восстание без определенных ясных политических требований, т. е. без требования изменить государственные порядки. Восстание было подавлено, потому что оно было неподготовлено. Крестьянское восстание было подавлено, потому что у деревенских пролетариев не было еще союза с городскими пролетариями»¹.

Все сказанное В. И. Лениным о причинах поражения крестьянского восстания в России в 1902 г. может быть полностью отнесено и к причинам поражения крестьянского восстания в Хорватии в 1920 г.

Важнейшая причина поражения революционного движения в Сербо-хорвато-словенском государстве заключалась в том, что коммунистическая партия фактически не руководила этим движением.

В работе коммунистической партии имелись крупные идеологические, политические и организационные недостатки. Коммунистическая партия Сербо-хорвато-словенского государства не имела боевой большевистской программы, вокруг которой могла бы объединить рабочий класс и трудовое крестьянство. В программе отсутствовали марксистско-ленинские положения по национальному и крестьянскому вопросам, имеющие особенно большое значение в такой многонациональной и крестьянской стране, как Сербо-хорвато-словенское государство.

С предельной ясностью и четкостью существо грубейших политических ошибок компартии Сербо-хорвато-словенского государства в крестьянском и национальном вопросах было выражено И. В. Сталиным в его выступлении в югославской комиссии ИККИ 30 марта 1925 г.² и в статье «Еще раз к национальному вопросу», опубликованной в июне 1925 г. в журнале «Большевик»³.

Первая ошибка коммунистической партии Сербо-хорвато-словенского государства состояла в неправильном подходе к национальному вопросу, в забвении основного марксистско-ленинского положения о том, что национальный вопрос есть часть общего вопроса о пролетарской революции, часть вопроса о диктатуре пролетариата. Компартия Сербо-хорвато-словенского государства сводила национальный вопрос на конституционную почву, т. е. рассматривала его как вопрос реформ⁴.

Исходя из этого в корне ошибочного положения, коммунистическая партия Сербо-хорвато-словенского государства не поддерживала национально-освободительного движения в Черногории, Хорватии, Македонии и других национальных районах, хотя в 1919—1920 гг. это движение принимало такой размах, что в порядок дня ставился вопрос о власти. (В Черногории, например, национально-освободительное движение проходило под лозунгом: «За Советскую Черногорию!»).

Вторая ошибка коммунистической партии в национальном вопросе происходила из первой и заключалась в неправильной оценке национального движения. Коммунистическая партия Сербо-хорвато-словенского государства недооценивала внутренней мощи национального движения, не понимала «... глубоко народного, глубоко революционного характера националь-

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 6, стр. 385—386.

² См. И. В. Сталин. Соч., т. 7, стр. 69—77.

³ См. там же, стр. 216—227.

⁴ См. там же, стр. 71.

ного движения»¹, заключающегося в том, что основную силу этого движения составляло многомиллионное крестьянство.

Коммунистическая партия Сербо-хорватско-словенского государства, по сути дела, не вела никакой работы в деревне, не направляла революционного движения крестьянства, не боролась за сочетание этого движения с революционными выступлениями рабочего класса.

Третья грубейшая политическая ошибка коммунистической партии заключалась в том, что она рассматривала национальный вопрос «...вне связи с международной обстановкой и с вероятными перспективами в Европе»².

В программе коммунистической партии ни слова не говорилось о праве наций на самоопределение вплоть до отделения и праве тех национальностей, которые не хотят отделяться, на их национально-территориальную автономию.

Недооценка крестьянства, как союзника пролетариата в буржуазно-демократической революции, и беднейшего крестьянства, как союзника рабочего класса в социалистической революции, приводила к ошибкам меньшевистско-троцкистского толка, к сектантской тактике, авантюризму.

Переоценка коммунистической партией Сербо-хорватско-словенского государства парламентско-конституционных способов борьбы, борьбы на основе легальных и «законных» средств и отрицание классовой дифференциации в деревне приводили к социал-реформизму и правому оппортунизму.

Отказ от ленинско-сталинского принципа разрешения национального вопроса (от признания права наций на самоопределение вплоть до отделения), забвение интернациональных задач пролетариата приводили к национализму.

Несчастьем рабочего движения являлось то, что во главе коммунистической партии почти все время фактически находилась агентура буржуазии, которая постоянно сбивала партию с правильного пути, неоднократно вызывала в ней кризисы и в конце концов привела ее к разгрому и позорной ликвидации, к титовскому фашизму³.

* * *

Поражение революционного движения рабочего класса в конце 1920 г. и кровавое подавление крестьянского восстания в Хорватии позволили буржуазно-помещичьему правительству снова перейти в наступление.

Когда принцу-регенту Александру 21 февраля 1921 г. был вручен подписанный 48 хорватскими депутатами Народной скупщины меморандум, содержащий протест хорватского народа против беззакония, чинимого сербскими властями в Хорватии, принц-регент грубо указал хорватским депутатам на дверь, а на меморандум ответил посылкой в Хорватию еще трех дивизий регулярных сербских войск. Правительство Пашича назначило в Хорватию нового правительственного комиссара — ярого реакционера Томислава Томльеновича.

Не менее цинично повели себя сербские правители и в конституционном вопросе. 28 июня 1921 г. Учредительным собранием должна была быть

¹ И. В. Сталин. Соч., т. 7, стр. 72.

² Там же.

³ Перо Попиводе. За возрождение революционной подлинно коммунистической партии Югославии. „За прочный мир, за народную демократию!“, 15. IX 1950 г.

принята конституция — первая конституция Сербско-хорватско-словенского государства. В связи с этим отдельными партиями были разработаны проекты конституционного устройства государства¹. Однако ни один из этих проектов даже не был рассмотрен конституционной комиссией, которую возглавляли премьер Пашич и министр конституции Стоян Протич.

Оппозиционные партии объявили бойкот конституционной комиссии, и когда 28 июня 1921 г. в Учредительном собрании состоялось голосование, в зале отсутствовал 161 депутат (депутаты коммунистической партии, хорватской крестьянской партии, сербской крестьянской партии и народной партии Словении). 35 депутатов (группа Трумбича, республиканцы, социалисты и др.) голосовали против проекта.

За проект конституции голосовали только сербские буржуазные партии — радикалы и демократы и две буржуазно-помещичьи партии Боснии-Герцеговины — партия джемийет и Мехмеда Спахо. Чтобы получить поддержку этих партий, Пашич дал обещание уплатить помещикам полную компенсацию за отчужденную по закону об аграрной реформе помещичью землю, переложив всю тяжесть расходов на плечи боснийского крестьянства.

Видовданская конституция², узаконивающая деспотизм сербской монархии, была принята большинством всего лишь в 27 голосов, да и то за счет представителей помещичьей партии джемийет. Конституция полностью игнорировала права национальностей на независимость и даже автономию. Видовданская конституция представляла собой реакционный акт, попирающий свободу и независимость народов³.

Покончив с конституционным вопросом, правительство Пашича еще более усилило реакционный курс. В июле 1921 г. Народной скупщиной был принят закон «об охране государства» («обзнана»), согласно которому были лишены депутатской неприкосновенности все 58 коммунистических депутатов парламента, закрыты народные дома, конфисковано имущество коммунистической партии и еще более усилены репрессии.

«Оправившись от ударов революции, полученных в связи с результатом империалистической войны, и придя в себя, — писал И. В. Сталин в декабре 1921 г. в статье «Перспективы», — мировая буржуазия перешла от обороны к нападению на «своих собственных» рабочих, искусно использовала промышленный кризис и отбросила рабочих в худшие условия существования (понижение заработной платы, увеличение рабочего дня, массовая безработица)»⁴.

В Королевстве СХС был введен 10-часовой рабочий день, отменен закон об оплачиваемых отпусках и социальном страховании. Одновременно

¹ В Министерство конституции и конституционную комиссию было направлено несколько десятков проектов.

² Конституция была принята в день св. Вида.

³ Видовданская конституция обеспечивала большинство в Народной скупщине сербам, в ущерб другим национальностям. Из 419 депутатов Народной скупщины собственно Сербия посылала 103 депутатов, Македония — 55 депутатов, Воеводина — 44 и Черногория — 10. Эти три области считались частью Сербии и от них в качестве депутатов также посылались сербы. Таким образом, Сербия имела фактически 212 мандатов. Кроме того, с сербской буржуазией блокировались 53 депутата от Боснии-Герцеговины, являвшихся представителями главным образом партий мусульманских помещиков „Джемийет“ и партии Мехмеда Спахо. Хорватия, насчитывающая примерно столько же населения, что и Сербия, посылала в Народную скупщину только 93 депутата, Словения — 40, а Далмация — лишь 11 („Neue Zürcher Zeitung“, 15. V 1921 г.).

⁴ И. В. Сталин. Соч., т. 5, стр. 118.

была снижена в среднем на 40—50% заработная плата¹. Повсеместно был введен реакционный террористический режим.

«В стране, — писала либеральная буржуазная газета «Слободна реч», — резко усилились репрессии. Тюремны переполнены арестованными рабочими и крестьянами. В Сплите среди арестованных много ветеранов войны, в Дубровнике (Далмация. — Ю. П.) — рабочих, крестьян и студентов, в Коттаро — портовых рабочих и матросов. В Тузле ведется процесс 350 горняков, арестованных за прошлогоднюю стачку. Запрещена не только компартия, но и профсоюзы. На каждое выступление крестьян или рабочих власти отвечают жестокими репрессиями»².

Особенно усилился террор после спровоцированного полицией покушения на принца-регента Александра и покушения на министра внутренних дел Драшковича³ (июль 1921 г.). В одном Белграде 10 июля 1921 г. было арестовано свыше 2 тыс. рабочих и все рабочие венгерской национальности выселены из Белграда в Венгрию «как неблагонадежные элементы»⁴. Всего в тюрьмы было брошено свыше 15 тыс. человек⁵. Повсеместно была произведена «чистка» государственных учреждений, школ и университетов от прогрессивных элементов. Для увольнения и даже ареста достаточно было обвинения в «свободомыслии» и «нелояльности» по отношению к существующему режиму»⁶. Так, например, в июле—августе 1921 г., согласно сообщению газеты «Слободна реч», в Лесковачском районе (Сербия) были произведены многочисленные аресты рабочих города и крестьян только за то, что они «вели политические разговоры». В Лесковаце были брошены в тюрьму и замучены в полицейском застенке революционеры-коммунисты: токарь Стоянович, слесарь Маркович, руководитель профсоюза портных 65-летний М. Филипович и другие⁷.

В своей борьбе против рабочего класса буржуазия прибегла к уже неоднократно испытанному средству — к помощи социал-предателей. Распустив находящиеся под влиянием коммунистической партии профсоюзы, правительство дало санкцию на создание реформистских профсоюзов, которым были переданы помещения, кассы, архивы и типографии распущенных прогрессивных профсоюзов⁸.

«Террористическая политика правительства, — говорилось в принятом в июле 1921 г. обращении ЦК коммунистической партии Сербо-хорватословенского государства ко всем трудящимся мира⁹, — поддерживается бандой социал-предателей во главе с членами 2½ Интернационала Д. Лапчевичем и Ж. Топаловичем¹⁰. В тот самый день, когда в Белграде

¹ См. „Centralni Radnički Sindikalni Odbor Jugoslavije. Izveštaj za 1923—1927 godinu“, Beograd, 1927, p. 25.

² „Слободна реч“, 29 I. 1922 г.

³ Министр внутренних дел Драшкович был убит террористом на следующий день после принятия конституции.

⁴ Из обращения ЦК коммунистической партии Сербо-хорватословенского государства к рабочим всех стран, „Правда“, 10. VIII 1921 г.

⁵ См. „Отзыв“, „Ежедневен вестник“, София, 25. VIII 1924 г.

⁶ См. „Работнически вестник“, София, 18. III 1921 г.

⁷ См. „Слободна реч“, 29. I 1922 г. Газета перечисляет 200 фамилий арестованных рабочих и крестьян.

⁸ См. „Zrveni kalendar“. Chikago, 1922, февраль.

⁹ См. „Правда“, 10. VIII 1921 г.

¹⁰ Лапчевич и Топалович входили в центристскую группу коммунистической партии Сербо-хорватословенского государства, ведущую линию на подрыв единства партии. Центристская группа Топаловича—Лапчевича в 1920 г. опубликовала грязную брошюру „Манифест оппозиции коммунистической партии“, в которой

были арестованы 2 тыс. рабочих, эти полицейские социалисты, окруженные сворой жандармов, добивались от полиции, чтобы им, по приказу правительства, передали наши два народных дома, наш книжный склад и нашу типографию в Белграде, а также помещения редакций наших закрытых партийных органов. Кроме того, правительство передало этим социал-предателям и кассы наших профсоюзов»¹.

В 1921—1924 гг. резко усилилась борьба между капиталистами США, Англии, Франции и Италии за гегемонию в Сербо-хорвато-словенском государстве, за использование страны в качестве рынка сбыта своих товаров, в качестве сферы приложения своих капиталов. Иностраный капитал использовал при этом благоприятно сложившуюся для него внутреннюю обстановку: сильнейшие экономические трудности, переживаемые страной, рост финансовой зависимости Сербо-хорвато-словенского государства от заграницы, продажность буржуазного правительства и придворной камарильи.

Английские, американские и французские империалисты спешили захватить командные позиции в народном хозяйстве Сербо-хорвато-словенского государства, сосредоточить в своих руках важнейшие сырьевые источники — месторождения свинца, меди, цинка, угля, хрома, магнетита и т. д., завоевать решающие отрасли промышленности — металлургию, горнорудное дело, судостроение и т. п. и установить полный контроль над финансами и внешней торговлей государства².

Товарищ Сталин указывал: «... Англия и Франция, обгоняя друг друга, стараются всячески обеспечить своё влияние на Балканах, в новых государствах, образовавшихся в результате разложения Австро-Венгрии...»³.

В 1921—1924 гг. на первом месте по сумме инвестиций, вложенных в экономику Сербо-хорвато-словенского государства, стояла Франция (25,1% всех иностранных капиталовложений), затем — Англия (17,3%), США, Чехословакия, Италия, Бельгия, Швейцария.

Французский капитал, раньше других проникший в Сербию, сосредоточил в своих руках горнорудную (вместе с Англией), электрическую, химическую, авиационную промышленность, наиболее крупные банки, судостроительные заводы и электростанции. На юге Сербии хозяйничала старейшая французская компания по добыче меди «Компани Франсез де мин де бор», которой принадлежали самые крупные в Европе Борские медные рудники⁴.

Основными конкурентами Франции в борьбе за гегемонию в Сербо-хорвато-словенском государстве являлись Англия и США.

ревизовались основные положения ленинизма. К центристам примыкал и ярый троцкист, один из нынешних главарей изменнической клики Тито, Моше Пияде. За свою подрывную враждебную деятельность центристская группа была исключена из коммунистической партии. В декабре 1921 г. выброшенные из коммунистической партии центристы влились в объединившуюся из разрозненных к этому времени организаций (Хорватской, Словенской, Сербской) в единую социалистическую партию Сербо-хорвато-словенского государства, продемонстрировав тем самым свое полное идейное родство с социал-предателями.

¹ „Правда“, 10. VIII 1921 г.

² „Доля иностранного капитала в наших банках так велика, — писал в марте 1936 г. белградский журнал „Экономист“, — что ни одно мероприятие, ни одно распоряжение по нашим банкам, ни одно решение любого вопроса не может обойтись без участия иностранного капитала или без согласования с ним“.

³ И. В. Сталин. Соч., т. 7, стр. 12.

⁴ См. В. Розенберг. Указ. соч., стр. 22—75; Г. КукOLEЦА. Указ. соч., стр. 198.

Английские империалисты господствовали в судостроительной, лесной, деревообрабатывающей, целлюлозной, вагоностроительной промышленности, хищнически эксплуатировали месторождения хрома, цинка¹, антимония и т. д.

Англо-пражский банк, не ограничившись участием в кредитовании сахарной и спиртоводочной промышленности, постепенно установил полный контроль над целыми сельскохозяйственными районами Сербо-хорватословенского королевства, производящими сахарную свеклу и технические культуры².

В 1921 г. в Белграде был основан Английский торговый банк, в 1922 г. — Англо-сербское керосиновое общество³.

Проникновение американского капитала в Сербо-хорватословенское государство началось после первой мировой войны, т. е. позднее, чем других капиталистических стран. Однако оно было значительно более интенсивным. Очень скоро американский капитал оттеснил на задний план многих своих конкурентов и к 1924 г. вышел на третье место (после Франции и Англии) по сумме капиталовложений.

Прикрываясь демагогическими обещаниями оказания экономической «помощи» разоренным войной народам Европы, империалисты США проводили явно экспансионистскую, захватническую политику в Сербо-хорватословенском государстве.

Американцы установили прежде всего свой контроль над железными дорогами, телеграфом, телефоном и внешней торговлей страны. Среди 16 акционерных компаний, участвовавших в 1921—1924 гг. в капиталовложениях в транспорте, США обеспечили себе первое место. Заняли они первое место и в организации акционерных компаний во внешней торговле Сербо-хорватословенского государства⁴.

В 1921 г. некоторые американские империалистические круги, чтобы вытеснить из табачной промышленности Францию, предприняли попытку проникнуть в богатые табаководческие районы Македонии, имеющие к тому же большое стратегическое значение. Был задуман захват части македонской территории и ее колонизации, для чего прибегли к излюбленному способу — предложили оказать «помощь» сербским переселенцам, находящимся в США.

Американским обществом сербских и хорватских эмигрантов («Грашевинско-Пољопривредно Друштво») министерству аграрной реформы Сербо-хорватословенского государства в феврале 1921 г. была направлена просьба о предоставлении обществу бесплатно 1 тысячи га земли в Македонии, Коссове или Овчеполье для заселения этой территории 5 тыс. переселенцев-эмигрантов. Общество обязывалось построить завод по производству сельскохозяйственного инвентаря и завод строительных материалов. Стоявшие за спиной этого общества американские финансовые круги отпускали на все предприятие 1 млн. долларов⁵.

¹ „Английским компаниям „Трепча Mines Ltd“ и „Selection Trust“ принадлежали цинковые рудники в Трепче, дающие 80% годовой добычи цинка страны („Народно Благостање“, 1934, № 18, стр. 79).

² См. „Народно Благостање“, 1934, № 18, стр. 79.

³ См. „Народна енциклопедија“, т. I.

⁴ В 1924 г. американскому капиталу принадлежало 26,8% всех акций железнодорожных компаний на сумму 20 млн. долларов (В. Розенберг. Указ. соч., стр. 74).

⁵ См. „Политика“, 22. II 1921 г. (газета, близкая к министерству иностранных дел).

Плохо замаскированная экспансионистская цель этого предложения была столь очевидна, что правительство Сербо-хорвато-словенского государства не решилось его принять.

В 1922 г. в Сербо-хорвато-словенском государстве одновременно с Англо-сербским керосиновым обществом, в качестве его конкурента, было создано Американско-сербское общество по проведению геолого-разведочных работ по отыскиванию нефти («Стандардт ойл компани Нью-Йорк») с капиталом в 8 млн. долларов¹. Тогда же, в 1922 г., был основан Американско-сербский банк по кредитованию лесопильной промышленности и колонизации с капиталом в 7,5 млн. динаров. Очень скоро этот банк увеличил свои капиталы до 30 млн. динаров и расширил сферу своей деятельности.

Другим крупным банком, представляющим интересы американского капитала в Сербо-хорвато-словенском государстве, был дом Дилона².

В 1924 г. минеральными богатствами Сербо-хорвато-словенского государства заинтересовался Рокфеллер, предложивший правительству Королевства СХС заем в 200 млн. долларов³.

Американский, английский и французский капиталы действовали не только сами, но очень часто выступали за спиной другой страны или какого-нибудь банка Сербо-хорвато-словенского государства.

Особенно удобно в этом отношении было использовать бывшие австрийские и венгерские банки, в значительной мере потерявшие после войны свою самостоятельность. Так, например, крупнейший банк Австрии «Oesterreichische Kreditanstalt», принимавший большое участие в Люблянском кредитном банке, Хорватском учетном банке и Земельном боснийском банке, находился под сильным влиянием американского и английского капитала⁴.

Другой крупный австрийский банк — «Zentraleuropäische Länderbank» («Banque des pays de l'Europe centrale»), фактически распоряжавшийся всеми финансовыми операциями основанного в 1918 г. в Загребе Хорватского (словенского) банка, сам находился в руках французского капитала.

Английские, французские и американские капиталы стояли также за спиной «Niederösterreichische Escompte Gesellschaft», который имел 10 тыс. акций в Боснийском банке, «Wiener Bankverein», «Union Bank» и других австрийских банков⁵.

Да и сам Государственный объединенный банк Сербо-хорвато-словенского государства был теснейшим образом связан с лондонским Сити.

Хищнически хозяйничая в стране, французские, английские, американские, итальянские, немецкие и прочие империалисты наживали огромные капиталы, обогащались за счет безудержной эксплуатации сербских, хорватских и словенских рабочих.

¹ В Сербо-хорвато-словенском государстве почти нет нефти. Здесь идет речь о создании компании по поисковым работам по выявлению нефтяных месторождений.

² См. „Народна енциклопедија“, т. II, стр. 118.

³ См. „Wirtschaftsdienst“, Heft 18, 4. V 1928, S. 747; „Financial News“, 8. III 1924 г.; „Wirtschaftsdienst“, № 11, 14. III 1924 г., S. 315.

⁴ „Участие“ Oesterreichische Kreditanstalt“ или, говоря точнее, американского и английского капиталов в этих банках было очень велико. Вот, например, что пишет об этом „участии“ финансовый и экономический журнал „Народно благостање“: „Люблянский кредитный банк только называется словенским. На самом деле — это чистейшей воды иностранный банк. Из общего количества 125 тыс. акций 110 тыс. принадлежит Австрийскому кредитному банку“ („Народно благостање“, 1931, № 24, стр. 373).

⁵ См. В. Розенберг. Указ. соч., стр. 19.

Согласно подсчетам Экономической комиссии Лиги Наций, ежегодные дивиденды иностранных капиталистов в Сербо-хорвато-словенском государстве в 1921—1924 гг. составляли в среднем 10 млн. динаров¹.

Одна только французская компания по добыче меди в Боре ежегодно получала в среднем свыше 26 млн. франков чистой прибыли².

Господствующий в Сербо-хорвато-словенском государстве иностранный капитал³ являлся серьезным отрицательным фактором, задерживающим развитие производительных сил в стране, превращавшим ее в аграрно-сырьевой придаток США и западноевропейских капиталистических стран, и лишившим Сербо-хорвато-словенское государство экономической самостоятельности и национальной независимости.

«... Югославия, — подчеркнул в своей речи в югославской комиссии ИККИ И. В. Сталин, — является страной не вполне независимой ... она связана с известными империалистическими группировками, и ... следовательно, она не может уйти от той большой игры сил, которая ведётся вне Югославии»⁴.

В 1921—1923 гг. англо-франко-американские империалисты приступили к подготовке новой интервенции против Советской России.

Анализируя международную обстановку этих лет и указывая на то, что в связи с некоторым спадом революционного движения и временным укреплением внутреннего положения в капиталистических странах буржуазия перешла в наступление на рабочий класс, И. В. Сталин писал в статье «Перспективы»:

«Но дело не ограничивается наступлением буржуазии на «своих собственных» рабочих. Буржуазия знает, что ей не сломить «своих» рабочих без обуздания России. Отсюда все усиливающаяся работа буржуазии по подготовке нового наступления на Россию, более сложного и основательного, чем все предыдущие наступления»⁵.

Подготавливая наступление на СССР, империалисты Антанты начали спешно разрабатывать планы военного и хозяйственного окружения Страны социализма, создания вокруг Республики Советов военно-стратегических плацдармов и баз, сколачивания антисоветских блоков и союзов.

«Не следует забывать, — писал товарищ Сталин, указывая на необходимость крепить оборону, чтобы быть готовым к отражению новой интервенции, — что Турция, Персия, Афганистан, Дальний Восток наводняются агентами империализма, золотом и прочими «благами» для того, чтобы создать вокруг Советской России хозяйственное (и не только хозяйственное) кольцо»⁶.

¹ „Balances de paysans“, Genève, 1936, p. 180.

² В. Розенберг. Указ. соч., стр. 96. В настоящее время Борские рудники захвачены американскими монополистами („За прочный мир, за народную демократию!“, 6. IV 1951 г.).

³ В буржуазной литературе нет правильной оценки роли иностранного капитала. Все без исключения западноевропейские авторы исследований экономики Сербо-хорвато-словенского государства пытаются „доказать“, что иностранный капитал якобы в той или иной мере „способствовал развитию промышленности, железнодорожного строительства и пр. в Сербо-хорвато-словенском государстве“. Под влиянием этих „исследований“ находится и ряд сербских авторов, которые, несмотря на критику хищнической политики иностранного капитала, в конечном счете выступают его апологетами. К их числу относится и В. Розенберг, книга которого („Иностранни капитал у Југословенској привреди“, Б-д, 1937) неправильно интерпретирует приведенные в ней факты.

⁴ И. В. Сталин. Соч., т. 7, стр. 74.

⁵ Там же, т. 5, стр. 119.

⁶ Там же.

Одним из антисоветских плацдармов должно было стать Сербо-хорватско-словенское государство.

В 1921—1922 гг. английскими, американскими и французскими империалистами для борьбы против революционного движения на Балканах и вооруженного нападения на Советскую Россию¹ была создана так называемая Малая Антанта.

Руководящая роль в этом антисоветском блоке отводилась фашизирующемуся Сербо-хорватско-словенскому государству.

Сербо-хорватско-словенское государство было наводнено белогвардейскими врангелевскими войсками, разгромленными Красной Армией в Советской России². Страна милитаризировалась. Руководящую роль при дворе все больше начинала играть военно-фашистская организация сербского офицерства «Белая рука»³. Расширялось строительство военных предприятий (в особенности в Сербии), значительно увеличивались государственные ассигнования на военные нужды. В 1922—1923 гг. 50% всех бюджетных средств (7 млрд. динаров на 14 млрд. динаров госбюджета) тратилось на армию⁴. Усиливался импорт в Сербо-хорватско-словенское королевство вооружения и боеприпасов из империалистических государств.

«За последние 15 месяцев, — писала 2 июля 1924 г. английская «Дейли Геральд», — Сербо-хорватско-словенское государство снабжено миллионом винтовок и громадным количеством другого вооружения, в том числе полевыми орудиями. В 1923 г. Королевство СХС израсходовало 2 млрд. с лишним французских франков на покупку военного снаряжения»⁵.

* * *

Чрезмерные военные расходы тяжелым бременем легли на трудящиеся массы страны, экономическое положение которой в 1921—1923 гг. стало катастрофическим. Наряду с развитием военной промышленности в связи с наплывом иностранных товаров и капиталов происходит свертывание отечественной промышленности, крах большого числа мелких и средних предприятий, вследствие чего сильно возрастает безработица.

Резкое падение государственной валюты, начавшееся в конце октября 1922 г. и связанное с обесценением динара в результате серьезной задолженности Сербо-хорватско-словенского государства иностранным государствам⁶, все увеличивающегося пассива внешней торговли (в 1922 г. экспорт составлял только 57,2% к импорту) и непрекращающейся политики инфляции, снова, как и в первые послевоенные годы, привело к полной дезорганизации денежного обращения.

¹ Ныне та же роль американо-английским империализмом отводится титовской Югославии, превращенной шпионской бандой Тито—Ранковича в военный плацдарм империализма США на Балканах.

² В 1921 г. в Сербо-хорватско-словенское государство прибыло до 500 тыс. врангелевцев.

³ Особенно развернула свою националистическую деятельность эта организация в 1924 г. против македонского населения (см. „Трудов глас“, София, 3. VIII 1924 г.).

⁴ „Wirtschaftsdienst“, 21. XI 1924 г., стр. 1616.

⁵ „Известия“, 4. XII 1924 г.

⁶ В 1921 г. государственный долг Сербо-хорватско-словенского государства был равен 10 млрд. динаров, в 1924 г. — 30 млрд. динаров („Centralni Radnički Sindikalni. Odbor Jugoslavije Jsvestaj za 1923—1927 godinu“; см. также „Наше домаћа привреда и национални приход“, Б-д, 1930, стр. 34).

В начале марта 1923 г. Министерство финансов попыталось было поднять динар путем упорядочения девизов и получения долгосрочного займа в Швейцарии, «на более приемлемых» (т. е. менее грабительских) условиях. Однако эта попытка была сорвана США (банковской группой Блэр), потребовавшими либо немедленной уплаты долгов, либо увеличения американских инвестиций в народное хозяйство Сербо-хорвато-словенского государства¹.

Королевство СХС было вынуждено капитулировать перед этими требованиями США, после чего его положение еще более ухудшилось. Страна окончательно запуталась во внешних долгах. Министерство финансов приняло решение провести дефляцию 6 млрд. бумажных динаров при одновременном повышении налогов и увеличении железнодорожных и почтовых тарифов. В течение 1923 г. дважды были повышены железнодорожный тариф, три раза — тариф на ввозные пошлины, более чем вдвое — почтовые тарифы. Резко возросли налоги. Косвенные налоги, т. е. налоги на трудящихся, составляли в 1923—1924 гг. уже 92% общих налогов².

Сильно возросла в 1923—1924 гг. крестьянская задолженность. Согласно анкетным данным Министерства земледелия, общая задолженность крестьян тех сел, в которых была проведена анкета, равнялась 10—12% годового дохода с обрабатываемой земли³. На самом деле задолженность была значительно большей. Так, например, в Босанской Краине (Босния) размер крестьянских долгов доходил до 300 тыс. динаров на одну семью. Крестьяне села Левче Поле были должны кулакам и сельским ростовщикам 7 млн. динаров. Размер процентов, назначаемых сельскими ростовщиками, достигал нередко 30—50, а в ряде районов — 60—70 в месяц⁴.

Тяжелое положение крестьянской бедноты усугублялось еще значительными экономическими трудностями 1923—1924 гг., вызванными сильной засухой и стихийными бедствиями в ряде районов страны, чем воспользовалось кулачество и вздуло цены на продукты питания. В 1923—1924 гг. индекс цен возрос по сравнению с 1913 г. на 2034 пункта⁵.

В стране начинался настоящий голод. Особенно плохо было в непроевляющих районах. Вот, например, что писала белградская газета «Политика» о положении в Черногории в 1923 г.:

«Значительная часть населения Черногории находится в очень тяжелом, почти отчаянном, положении вследствие недостатка продуктов. Народ страшно нуждается, совсем не имеет денег. Голод охватил ряд районов...»⁶

Не лучшим было положение и в Хорватии, а также в таких потребляющих районах страны, как Босния-Герцеговина, Македония и Далмация.

VII. РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ В 1921—1923 гг.

В 1921—1923 гг. на почве дороговизны и дальнейшего ухудшения положения трудящихся снова разгорелась стачечная борьба рабочего класса и развернулось крестьянское движение.

¹ См. „Wirtschaftsdienst“, 16. III 1923 г., № 11, стр. 277.

² См. там же.

³ См. „Политика“, 24. X 1927 г. „Гласник Министерства пољопривреде и воде“, Б-д, 1924.

⁴ См. „Трговински гласник“, 10. IX 1928 г.

⁵ См. Н. Поповић и И. Мишић. „Наша домаћа привреда и национални приход“, Б-д, 1930, стр. 56.

⁶ „Политика“, 4. IV 1923 г.

Крупнейшими выступлениями рабочего класса в 1921—1923 гг. были: стачки боснийских горняков в январе—феврале 1921 г.¹, всеобщая забастовка рабочих г. Сплита (Далмация) в феврале 1921 г.; апрельская стачка хорватских железнодорожников в 1921 г. в Загребе; майские демонстрации трудящихся в 1921 и 1922 гг.; августовские и сентябрьские забастовки рабочих деревообделочной и камнедобыльной промышленности в 1922 г.²; забастовка горняков Загорья (Хорватия), рабочих г. Нови-Сада (Воеводина), всеобщая стачка железнодорожников в апреле 1923 г.; забастовка углекопов в Словении в июле—сентябре 1923 г.; ноябрьские демонстрации пролетарской солидарности с рабочим классом Советского Союза 7 ноября каждого года.

Особенно внушительной была всеобщая железнодорожная стачка 1923 г.³ Она началась в конце апреля выступлением рабочих железнодорожного депо Загреба и Белграда, в течение 2—3 дней перебросилась на все железные дороги страны и приняла всеобщий характер. Правительство объявило железные дороги милитаризованными и прибегло к помощи войск. Однако войска не смогли сломить рабочих, наоборот, стачка разгорелась с еще большей силой. Тогда на помощь правительству пришли социал-предатели и через находящийся в их руках реформистский профсоюз⁴ призвали рабочих прекратить стачку и вернуться к работе. Когда это не помогло, раскольники рабочего движения отказались предоставить забастовщикам денежную помощь и тем сорвали стачку.

Так же предала интересы рабочих социал-демократия и во время стачки углекопов в Словении в июле—сентябре 1923 г. Первоначально забастовка шахтеров намечалась на май и должна была оказать поддержку бастующим железнодорожникам, но реформистскому профсоюзу угольщиков удалось перенести стачку на июль и таким образом помешать солидарному выступлению рабочих.

Большого размаха достигли в 1921—1923 гг. майские выступления рабочих. 1 мая каждого года в Белграде, Загребе, Нови-Саде, Загорье, Сараеве и других крупных городах страны происходили многотысячные демонстрации трудящихся. В Белграде в первомайских демонстрациях участвовало почти все население города.

В течение 1921—1923 гг. неоднократно поднимались волнения в армии, самым крупным из которых было восстание солдат пехотного полка весной 1922 г. в Боснии и Герцеговине⁶.

Однако все эти выступления рабочего класса и солдатских масс в 1921—1923 гг., так же как и в предыдущий период, в значительной мере проходили неорганизованно, стихийно. Ощущалась большая разобщенность рабочего движения, изолированность выступления рабочего класса одних районов Сербо-хорвато-словенского государства от других. Загнанная

¹ В стачках боснийских горняков приняли активное участие прибывшие из Чехословакии на сезонные работы чешские рабочие. Правительство лишило всех чешских рабочих-забастовщиков избирательных прав („Pester Lloyd“, 12. II 1921 г.).

² Прослежено по болгарской коммунистической газете „Работнически вестник“ за 1921—1924 гг., а также по сербской прессе.

³ См. „Политика“, 30. V 1923 г.

⁴ В Сербо-хорвато-словенском государстве имелось два профсоюза железнодорожников: один находился под влиянием компартии, другой — социал-демократической партии.

⁵ См. „Политика“, 3. V 1921 г., 23. V 1922 г., 5. V 1923 г., 3. V 1924 г.

⁶ См. „Политика“, 10. V 1923 г. (в номере помещены материалы о суде над восставшими в 1922 г. солдатами пехотного полка).

в подполье коммунистическая партия не сумела централизовать рабочего движения.

Не было единства и в профсоюзах. В стране насчитывалось несколько профсоюзных объединений, находящихся под влиянием различных политических партий.

Компартия (после запрета стала называться независимая рабочая партия) вела за собой профсоюзы рабочих текстильной, лесной, электрической, горнорудной промышленности, но она не сумела завоевать остальные профсоюзы, которые подчинялись Амстердамскому интернационалу¹.

Используя разобщенность рабочего движения для борьбы против рабочих и заимствуя методы буржуазии Запада, буржуазия Сербо-хорватословенского государства в 1923—1924 г. предприняла попытку раскола рабочего класса путем создания так называемой «рабочей аристократии» за счет еще большей эксплуатации основной массы пролетариата.

«Путь развития капитализма есть путь обнищания и полуголодного существования громадного большинства трудящихся при подкупе и подкармливании незначительной верхушки этих трудящихся»².

В 1923 г. в Сербо-хорватословенском государстве была введена новая шкала заработной платы, согласно которой квалифицированный рабочий Белграда получал в среднем 30 динаров в день, а рабочий Македонии, Словении, Боснии и других районов неполноправных наций — 15—20 динаров в день³.

Отсутствие единства рабочего движения было одной из основных причин его поражения.

VIII. КРЕСТЬЯНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В 1921—1923 гг.

Еще менее единым было крестьянское движение, которое, охватив в 1923—1924 гг. почти всю страну, не превратилось вместе с тем в одно общее, централизованное выступление трудящегося крестьянства, идущее вслед за централизованным выступлением рабочего класса, что предопределило его неуспех.

«Без централизованного крестьянского движения, — писал В. И. Ленин в «Аграрной программе с.-д. в первой русской революции», — без централизованной политической борьбы крестьянства во всем государстве, идущего вслед за централизованным пролетариатом, не может быть никаких серьезных «завоеваний революции»...»⁴.

Крестьянское движение 1921—1924 гг. в различных районах Сербо-хорватословенского государства протекало изолированно друг от друга и не имело общей связи. Больше того, вследствие специфических особенностей отдельных районов это было, по сути дела, не одно крестьянское движение, а несколько крестьянских движений, каждое из которых требует, в связи с этим, отдельного изучения.

¹ Показателем раздробленности профсоюзного движения этого периода могут служить профсоюзы угольных шахт в Трифайле (Словения), где работало всего 11 тыс. рабочих и было целых четыре профессиональных союза: Союз угольщиков, находившийся под влиянием социал-демократии, Союз горняков, в котором руководили коммунисты, Профессиональная организация христианских социалистов и буржуазный профсоюз шахтеров, стоящий на националистических позициях и объединяющий в своем составе главным образом «рабочую аристократию» (см. „Internationale Presse-Korrespondenz“, 1923, № 29).

² И. В. Сталин. Соч., т. 7, стр. 97.

³ См. „Привредни преглед“, 2. VIII 1925 г., стр. 2—11.

⁴ В. И. Ленин. Соч., т. 13, стр. 304.

а) Крестьянское движение в Хорватии (1921—1924 гг.)

Как и в предыдущие годы, наиболее широким было крестьянское движение в Хорватии. Именно об этом движении говорил И. В. Сталин в марте 1925 г. на заседании югославской комиссии ИККИ как о глубоко народном, действительно массовом, национально-освободительном движении, недооценка потенциальной силы которого была чревата такими тяжелыми последствиями для коммунистической партии Сербо-хорвато-словенского государства.

«Это непонимание и эта недооценка, — предупреждал И. В. Сталин, — представляют большую опасность, ибо они означают на практике недооценку внутренней потенциальной силы, кроющейся в движении, скажем, хорватов за национальную свободу, недооценку, чреватую серьезными осложнениями для всей югославской компартии»¹.

Одним из показателей размаха крестьянского движения в Хорватии является петиционная кампания, организованная в 1923 и 1924 гг. хорватской крестьянской партией по сбору подписей под адресованной парламенту петицией, в которой содержались требования крестьянства о немедленной экспроприации крупных земельных владений и разделе земли между крестьянами. В одном только Горном Банате под петицией было поставлено более 10 тыс. таких подписей².

Многие села, не ограничившись петицией, направили в Белград, к председателю Народной скупщины, делегации (села Кларье, Башхида, Крстура, Црна Бара, Джалье, Обиличеве и десятки других)³.

О росте политической активности хорватского крестьянства говорят также грандиозные крестьянские сходки, неоднократно созываемые по всей Хорватии и принимавшие огромные размеры. В 1923 г. состоялось около 60 крестьянских сходок, на каждой из которых в среднем присутствовало больше 10 тыс. крестьян. Особенно грандиозной была сходка 14 июля 1923 г., — в день взятия Бастилии, — когда в хорватскую столицу — Загреб — съехались крестьяне почти со всех концов страны. На сходке присутствовало около 20 тыс. человек.

Эти сходки созывались хорватской крестьянской партией в целях проведения предвыборной агитации перед парламентскими выборами. Однако, помимо воли их организаторов, на сходках крестьянской массой выдвигались революционные требования раздела помещичьей земли, пересмотра аграрной реформы 1919 г. Хорватская крестьянская партия одержала внушительную победу на выборах в Народную скупщину 18 марта 1923 г., она получила 350 тыс. голосов и 69 мандатов в Народную скупщину, в то время как все остальные хорватские партии, вместе взятые, едва собрали 10 тыс. голосов и не получили ни одного мандата⁴.

Хорватская крестьянская партия благодаря поддержке широких крестьянских масс, отдавших свои голоса за нее, накануне выборов снова выдвинула популярный среди народа лозунг национальной независимости, превратилась в единственную политическую партию, представляющую в парламенте Хорватию.

В результате победы хорватской крестьянской партии в парламенте создалось крайне неустойчивое положение для правящей радикальной

¹ И. В. Сталин. Соч., т. 7, стр. 72.

² См. „Политика“, 6, 25. II 1924 г.

³ См. „Време“, 6. II 1926 г.

⁴ См. „Internationale Presse-Korrespondenz“, 1923, № 27.

партии, которая, имея большинство мандатов по партийным спискам (109 мандатов из 313), оказалась в меньшинстве по отношению к объединенной оппозиции (69 мандатов хорватской крестьянской партии и 52 мандата оппозиционной буржуазной демократической партии). Зато для хорватской крестьянской партии создалась благоприятная обстановка. Лидер партии Степан Радич попытался воспользоваться этой обстановкой для осуществления своих целей. Хорватская буржуазия, борясь за создание наиболее благоприятных условий для капиталистического развития Хорватии, выдвинула лозунг национальной автономии Хорватии. Радич назвал эту национальную автономию «республикой».

«Мы требуем, — заявил он 16 апреля 1923 г. на крестьянской сходке близ Загреба, — предоставления Хорватии независимости... Монархия — дух старого времени, а республика — современного»¹.

Хорватская республика, по проекту Радича, остается в рамках Сербо-хорвато-словенского государства, сербский король становится главнокомандующим союзной армией и представляет государство за границей. Снова вводится отмененный Видовданской конституцией 1921 г. институт хорватских банов (председатель республики). Создается федерация из четырех независимых государств: 1) Хорватии с Славонией и Далмацией, 2) Словении, 3) Боснии-Герцеговины и 4) Сербии с Воеводиной и Черногорией².

Создание такой федерации обеспечивало бы хорватской буржуазии гегемонию в будущем объединенном государстве, так как главный соперник хорватской буржуазии — Сербия получала бы, согласно проекту Радича, отсталую в экономическом отношении Черногорию и удаленную от моря Воевину, зерновой экспорт которой зависел бы от находящихся в руках Хорватии далматинских портов. От Сербии отделялась также Босния-Герцеговина, близость которой к развитой в капиталистическом отношении Хорватии подчиняла ее последней³.

Буржуазно-националистический характер этого проекта совершенно очевиден. Притом возможность его осуществления Радич видел только в одном — в переговорах с правительством. Радич как огня боялся народного движения. Поэтому на той же крестьянской сходке 16 апреля 1923 г. Радич обратился к 20-тысячной толпе крестьян с призывом сохранять спокойствие и не предпринимать никаких решительных мер для завоевания национальной независимости Хорватии⁴.

В Белград были отправлены уполномоченные хорватской крестьянской партии для ведения переговоров с сербскими радикалами, т. е. как раз с той партией, которая стояла на страже сербской монархии и решительно выступала против республиканской формы правления и против какой бы то ни было федерации.

Однако на эти переговоры Радич возлагал большие надежды, и его сильно беспокоила их затяжка, вызванная неуступчивостью сербского премьера Пашича.

¹ „Политика“, 16. IV 1923 г. Весьма показательно, что эта речь Степана Радича была встречена с большим неудовольствием империалистами Антанты. Раймонд Пуанкаре прямо заявил:

„Манифестация господина Радича обрадовала, без сомнения, врагов Сербо-хорвато-словенского государства, но она не может поколебать уверенность французского народа в будущности единого, дойяльного и храброго союзника“ („Политика“, 3. V 1923 г.).

² См. „Политика“, 16. IV 1923 г.

³ Подробнее о федеративных планах Радича см. болгарскую газету „Зоря“ от 16. II 1924 г. и сербскую „Политику“ от 17. II 1924 г.

⁴ См. „Обзор“, 11. IV 1923 г.; „Политика“, 11—12. IV 1923 г.; „Хрват“, 13. IV 1923 г.; „Јутарни лист“, Загреб, 13. IV 1923 г.

В статье «На пути к взаимопониманию» Радич писал: «Хорваты хотят достигнуть взаимопонимания с сербами через переговоры с радикальной партией. . . Но, как видно, помириться монархическим сербам с республиканскими хорватами. . . дело нелегкое»¹. В переговорах с Радичем от радикалов участвовал Стоян Протич.

О характере переговоров достаточно ярко рассказал сам Степан Радич в своей статье «Общий взгляд на народы Балкано-Дунайской Европы»².

Эта статья Радича дает убийственную характеристику не одному только Стояну Протичу. Она вместе с тем обличает и самого Степана Радича, который не только выслушивал все то, что говорил ему Протич, но и пытался найти с ним общую почву для соглашения.

«Однажды, — рассказывает Радич, — Протич был особенно откровенен. — Вся наша крестьянская программа и вся ваша крестьянская политика, сказал он мне, не только фантазия, но и очень опасная фантазия. Вы пробуждаете силы, которыми позже не будете в состоянии овладеть. . . Я надеюсь в короткое время опять стать во главе нашего правительства, и вы увидите, что я тогда сделаю. Наша сербская радикальная партия (во главе с Пашичем) изменит тогда некоторые пункты в своей программе согласно желаниям крестьянства. Мы увеличим также число депутатов, чтобы можно было привлечь крестьян, но только таких, которые вполне для нас благонадежны, которые пользуются большим влиянием среди крестьянской массы и которым мы всегда будем давать значительные средства, чтобы они привлекали к нам и других влиятельных крестьян. Вот это называется созидательная государственная работа, а то, что вы делаете, это — сумасшествие»³.

Так с циничной откровенностью раскрывал свои карты лидер сербской партии крупной буржуазии, призывая председателя хорватской крестьянской партии последовать его советам.

В начале мая 1923 г. соглашение между хорватской крестьянской партией и радикалами было достигнуто, и представители обеих партий подписали протокол⁴, по которому хорватская крестьянская партия отказывалась почти от всех своих основных требований (федерация, республиканский образ правления и т. д.), в то время как радикалы сделали лишь самые незначительные уступки⁵.

«Переговоры между Радичем и радикалами, — писала по поводу их завершения белградская газета «Политика», — были ловким маневром Пашича и окончились полной его победой». Соглашение позволило Пашичу изолировать в Народной скупщине 69 депутатов ХКП.

Получив при помощи этого соглашения устойчивое большинство в парламенте, радикалы провели ряд реакционных законов: закон о печати, устанавливающий наказания за антиправительственную деятельность и «оскорбления», закон о праве правительства увольнять всех служащих по причине их «нелояльности» и другие⁷.

Вскоре репрессии обрушились и на самую хорватскую крестьянскую партию: начались аресты ее наиболее левых деятелей.

¹ „Sloboden Dom“, 15. V 1923 г.

² См. „Новый Восток“, 1924, № 6.

³ „Новый Восток“, 1924, № 6.

⁴ См. „Pujer“, 18. IV 1924 г.

⁵ См. „Internationale Presse-Korrespondenz“, 1923, № 27.

⁶ См. „Политика“, 30. V 1924 г.

⁷ „Internationale Presse-Korrespondenz“, 1923, № 35.

Так окончилась эта двойная игра руководства хорватской крестьянской партии, в которой оно потерпело полное поражение. И снова, вместо того чтобы апеллировать к массам, Радич решил пойти по пути переговоров. На этот раз — с Западом.

В июле 1923 г. Радич выехал за границу и 18 августа прибыл в Лондон, где встретился с английским премьер-министром Болдуином, министром иностранных дел лордом Керзоном, главным редактором газеты «Таймс» и другими видными консервативными деятелями.

Во время переговоров Радич пытался убедить влиятельных английских политических деятелей в необходимости оказания давления на Сербию на предмет предоставления Хорватии независимости в рамках единого Сербо-хорватско-словенского государства. Радич говорил, что в стране усиливается всенародное движение, выдвигающее требование национальной независимости Хорватии. Но именно это больше всего вооружало против него империалистов Англии — ярых врагов всякой национальной независимости больших и малых народов. К тому же в 1923 г. Англия готовила свой поход против СССР (нота Керзона, март 1923 г.), в котором, по замыслам интервентов, должно было принимать участие Сербо-хорватско-словенское государство. Лидеру хорватской крестьянской партии было указано, что его дальнейшее пребывание в Лондоне неуместно, и в ноябре 1923 г. Степан Радич вынужден был покинуть английскую столицу¹.

Не увенчалась успехом и его поездка в Вену, где он не смог даже получить разрешения на созыв съезда представителей хорватского и словенского национальных меньшинств. Против возможности такого съезда со всей решительностью высказалось правительство Сербо-хорватско-словенского государства, направившее Австрии особую ноту.

С переговорами на Западе ничего не получалось.

Между тем, в Хорватии крестьянское движение разрасталось. Выступая за национальную независимость и свободу, против империализма и подготовки новой антисоветской войны, рабочие и крестьяне Сербо-хорватско-словенского государства обращали свои взоры к стране строящегося социализма — СССР, в котором они видели своего единственного друга и защитника, непоколебимого борца за мир, против порабощения и угнетения народов.

Хорватский, черногорский, македонский и другие народы Сербо-хорватско-словенского многонационального государства видели в Советском Союзе единственную в мире страну, которая отстаивает до конца национальную независимость и суверенитет народов, решительно разоблачает антинародную, колониальную политику империалистических государств.

В 1922 г., когда была созвана Генуэзская конференция, только один участник этой конференции — Советская Россия со всей решительностью выступила против угнетения хорватского, черногорского и македонского народов и потребовала немедленного прекращения дикого произвола и насилия, чинимого сербской буржуазией.

Советская делегация, защищая справедливые требования угнетенных национальностей Сербо-хорватско-словенского государства, сделала специальное представление от имени Советского правительства председателю Первой комиссии Генуэзской конференции Шанцеру.

«На юго-востоке Европы, — говорилось в письме советской делегации, — румыны, насильственно оккупируя Бессарабию, продолжают угне-

¹ См. А. Dresler. Kroatien, 1943, s. 100—104; „Народна енциклопедија“, т. III, стр. 630—632.

тать население этой провинции, навязывая ему чуждый ему режим. То же происходит в Югославии в отношении черногорцев, кроатов и македонцев»¹.

Поддержка Советской России нашла горячий отклик среди народов Сербо-хорватско-словенского государства.

«Советская делегация знает в деталях хорватский вопрос и выступает в качестве непримиримого противника белградского деспотизма и милитаризма». Так писал орган хорватской крестьянской партии «Дом», выражая мнение всего народа².

Авторитет и популярность Советского Союза среди трудящихся масс были исключительно велики.

В опубликованной в сентябре 1924 г. статье «К международному положению» И. В. Сталин писал:

«Чем объяснить этот небывалый авторитет и эту необычную популярность в народных массах чужих государств такой «диктаторской» и революционной власти, как власть Советская?»

Во-первых, ненавистью рабочего класса к капитализму и его стремлением освободиться от него. Рабочие буржуазных государств сочувствуют Советской власти, прежде всего, как власти, свергшей капитализм...

Во-вторых, ненавистью народных масс к войне и их стремлением разбить военные начинания буржуазии... Народные массы видят, что Советский Союз является единственной страной, ведущей борьбу против новой войны. Они сочувствуют Советской власти потому, что она является знаменосцем мира между народами и верным оплотом против войны...

В-третьих, ненавистью угнетённых масс зависимых стран и колоний к игу империализма, их стремлением разбить его... Советское правительство является единственным в мире правительством, отстаивающим до конца единство и независимость, свободу и суверенность... колониальных и зависимых стран всего мира»³.

В 1924 г. почти все местные организации хорватской крестьянской партии на своих конференциях вынесли решения о заключении тесного союза с крестьянством Советской России, о присоединении хорватской крестьянской партии к Крестьянскому интернационалу.

В мае—июле 1924 г. такие конференции состоялись в Врполье, Зенице, Оточце, Добойе, Храсном, Дугой Реки, Старой Пазови, Вировитице, Крушеваце, Горной Стубице, Госличе и других местах⁴.

Руководство хорватской крестьянской партии не могло не считаться с требованием масс.

В июле 1924 г. Степан Радич прибыл в Москву. 27 июля 1924 г. хорватская крестьянская партия вступила в Крестьянский интернационал.

Для Степана Радича вступление хорватской крестьянской партии в международную крестьянскую организацию было лишь очередным маневром. Он рассматривал этот шаг как средство для усиления популярности хорватской крестьянской партии и прежде всего как средство для завоевания еще большего количества голосов на предстоящих парламентских выборах.

¹ Материалы Генуэзской конференции. Полный стенографический отчет, 1922, стр. 323—326.

² «Дом», Загреб, 1923, № 31.

³ И. В. Сталин. Соч., т. 6, стр. 299—300.

⁴ Прослежено по газетам «Слободен дом», «Политика», «Време», за май—сентябрь 1924 г.

«Дело в том, что моя поездка в Москву, — заявил Степан Радич, — настолько усилила хорватскую крестьянскую партию, что на выборах мы могли бы получить большинство голосов...»¹.

Так думал Радич. Но иначе к этому вопросу подходили крестьянские массы. Они рассматривали вступление хорватской крестьянской партии в Крестьянский интернационал прежде всего как сближение с крестьянством великого Советского Союза. Именно поэтому с таким энтузиазмом встречали прибывшего из советской столицы Степана Радича: в нем видели человека, установившего связи с рабоче-крестьянским социалистическим государством. Встреча Радича превращалась во всенародную демонстрацию братской дружбы с трудящимися Советского Союза. Вот, например, как описывает газета «Политика» одну из таких встреч — первый день прибытия Радича из СССР в Загреб (11 марта 1924 г.):

«День и час приезда Радича в Загреб из Москвы держался полицией в строгом секрете. Однако, несмотря на это, на Северном вокзале собралось несколько тысяч человек, чтобы приветствовать крестьянского вождя... Полиция отдала распоряжение о задержке поезда и его переводе на Южный вокзал, но и это не помогло: Радич был встречен тысячами крестьян и трудящихся города, которые выкрикивали: «Да здравствует наша народная Хорватия!», «Да здравствует СССР!»»².

В городе Осиеке 16 августа 1924 г. на крестьянской сходке присутствовало около 10 тыс. человек. Многие крестьяне пришли в Осиек пешком из самых дальних мест, чтобы послушать рассказ о пребывании Радича в Советском Союзе. Были и такие, кто приехал даже из Воеводины. В тот же день состоялась многотысячная крестьянская сходка в Загребе³.

В Далмации стихийно возник ряд крестьянских митингов, на которых скандировались лозунги: «Да здравствует СССР!», «Да здравствует рабоче-крестьянское правительство!»⁴.

Но особенно мощным был съезд хорватской крестьянской партии, состоявшийся 14 сентября 1924 г. На съезд прибыло более 100 тыс. крестьян. Вот как описывает эти дни газета «Слободен дом»:

«Все движение в Загребе было приостановлено. Город целиком находился во власти крестьян. Полиция не только не решалась предпринимать каких-нибудь мер — ее вообще не было видно. На площадях и улицах — море голов. Сюда приехали из Далмации, Словении, Сербии, Боснии, Воеводины. Каждое упоминание о Советском Союзе вызывало бурю восторгов. Непрерывно раздавались многотысячные приветствия: «Да здравствует Советский Союз!»»⁵.

Размах крестьянского движения напугал руководство хорватской крестьянской партии, правая часть которого открыто высказалась против союза с крестьянством СССР и потребовала выхода хорватской крестьянской партии из Крестьянского интернационала.

24 июля 1924 г. в загребской газете «Рујег» появилась большая статья лидера правых хорватской крестьянской партии Рудольфа Хорвата, в которой он нападал на Степана Радича за его поездку в Москву и заявил о том, что он и его 40 сторонников «независимо от решения партии будут поддерживать сербское буржуазное правительство»⁶, против Радича.

¹ „Известия“, 2. VIII 1924 г.

² „Политика“, 12. VIII 1924 г.

³ См. там же, 17. VIII 1924 г.

⁴ „Крестьянский интернационал“, М., 1924, № 10—12, стр. 122.

⁵ „Слободен дом“, 15. IX 1924 г., „Политика“, 15. IX 1924 г.

⁶ „Политика“, 24. VII 1924 г.

Особенно сильно внутрипартийная борьба разгорелась на пленуме хорватской крестьянской партии 3 августа 1924 г., где с ожесточенной критикой «нового курса» Радича выступили правые — Рудольф Хорват, адвокат Хортнер и Валечич.

После пленума из хорватской крестьянской партии в знак протеста против ее вступления в Крестьянский интернационал вышла группа правых (Ловрекович, Ялжабетич и др.) и образовала свою, кулацкую партию под названием «Хорватская крестьянская самостоятельная партия», которая проводила гнусную клеветническую кампанию против коммунистической партии и беспрекословно поддерживала сербскую монархию. «Вера в бога, в короля и крестьянское единение» — таков был эпиграф, стоящий на издаваемой партией бульварной газетке «Свободный крестьянин»¹.

Хорватская самостоятельная крестьянская партия не пользовалась никаким влиянием на крестьянство, а вскоре и вовсе прекратила свое существование, войдя в «Федералистический клуб», представляющий собой организацию торговой и промышленной буржуазии Хорватии².

Против Радича поднялось хорватское и словацкое католическое духовенство³, а в Боснии и Герцеговине — партия мусульманских помещиков (партия Мехмеда Спахо). Наконец, от Радича стала отходить и часть интеллигенции, тесно связанная с крупной промышленной и торговой буржуазией.

Но хорватская крестьянская партия от этого не стала слабее. Наоборот, в нее вливались новые сотни и тысячи членов.

Не смогло нанести удара хорватской крестьянской партии и сменившее кабинет Давидовича еще более реакционное правительство радикала Пашича, начавшее преследование хорватской крестьянской партии⁴. На состоявшихся в феврале 1925 г. очередных выборах в Народную скупщину хорватская крестьянская партия, несмотря на террор и репрессии, получила 300 тыс. голосов и снова вышла на первое место (68 мандатов) в Хорватии и на второе место в Сербо-хорвато-словенском государстве⁵.

Решающий удар хорватской крестьянской партии нанес сам Степан Радич.

Боясь развития революционных событий, Степан Радич сразу по своему возвращению из Москвы стал держать курс на свертывание крестьянского движения и во всех своих выступлениях перед крестьянами стал

¹ „Слободен дом“, 3. VIII 1924 г.

² См. „Време“, 19. VIII 1925 г.

³ Лидер словенской „народной“ (католической) партии Корошец, отмежевываясь от Радича, поспешил заявить о своих верноподданнических чувствах и даже организовал торжественное богослужение „единства католической и православной церкви“, на котором присутствовал король Александр („Agrarmer Tageblatt“, 30. VIII 1924 г.).

⁴ 24 декабря 1924 г. Народная скупщина приняла решение о роспуске хорватской крестьянской партии, запрете выхода ее печатных органов, отстранении ее членов от государственной деятельности и судебном преследовании ее руководителей („обзнана“). Мотивом для роспуска хорватской крестьянской партии была „связь с крестьянским интернационалом“. Среди арестованных был и Степан Радич. Однако главный удар был направлен не против руководства хорватской крестьянской партии, которое к тому же вскоре было выпущено на свободу (Радич уже в 1925 г. вошел в правительство, получив министерский портфель), а против той части партии, которая активно боролась с сербским самодержавием. В одном только округе Вировитица было брошено в тюрьму свыше 600 крестьян. В феврале 1925 г. было репрессировано 5000 чел., 400 крестьян получили побои, 12 были убиты (см. „Наши дни“, София, 9. I 1925 г., 3. X 1925 г., а также „Мировое хозяйство и мировая политика“, 1925, № 3, стр. 107—108).

⁵ См. там же.

призывать их ограничиться мирными и «законными» средствами борьбы.

Так же как правые, Радич согласился поддержать правительство Давидовича. Не ограничившись простой поддержкой Давидовича, Радич выразил даже готовность войти в это правительство¹, а 25 сентября 1924 г. по этому поводу начал вести практические переговоры с министром внутренних дел Петровичем, во время которых пошел на отказ от республиканской формы правления и высказался за конституционную монархию по английскому образцу².

Так подготавливалась измена делу национальной независимости хорватского народа.

То, что произошло 27 марта 1925 г., явилось лишь логическим завершением всей предыдущей деятельности Радича, о которой с полным основанием можно сказать словами Маркса, употребленными им для характеристики деятельности мелкой буржуазии и ее вождей:

«... Революционные угрозы мелких буржуа и их демократических представителей, это — не более как попытка запугать противника. И если они попадают в тупик, если они так далеко заходят, что принуждены приступить к выполнению своих угроз, — они это делают двусмысленно, избегая более всего средств, ведущих к цели, и гонясь за предлогом к поражению. Оглушительная увертюра, возвещавшая борьбу, превращается в робкое ворчание, лишь только дело доходит до самой борьбы; актеры перестают принимать себя всерьез, и действие замирает, спадает, как надутый воздушный пузырь, который проткнули иголкой»³.

Так случилось и со Степаном Радичем. 27 марта 1925 г. в Народной скупщине от его имени было сделано заявление, в котором признавалась безоговорочная капитуляция хорватской крестьянской партии перед сербской крупной буржуазией и содержался полный отказ от всяких лозунгов национальной независимости и крестьянской республики, т. е. от основных лозунгов Радича на протяжении многих лет.

«Хорватская крестьянская партия, — говорилось в заявлении, — признает Видовданскую конституцию и Александра Карагеоргиевича как главу государства — признает безоговорочно и безусловно».

И чтобы уж не осталось никаких сомнений относительно «республиканизма» Радича, последний передал для опубликования в печати статью, в которой говорилось:

«Я рекомендовал республику только из чисто тактических причин и видел в ней лучшее предохранительное средство против большевизма, против габсбургской опасности и против клерикализма. Нового направления я придерживаюсь не из тактических соображений, а из полной убежденности, что я нашел новую политику как лучший путь к прогрессу хорватского народа»⁴.

Эта радичевская «новая» политика ничем, собственно, не отличалась от политики Пашича, Давидовича, Протича и других представителей крупной буржуазии. Войдя в реакционное правительство сербского радикала Пашича в качестве министра просвещения, Степан Радич превратился в блюстителя «спокойствия и порядка» в учебных заведениях страны и одного из ревностных охранителей существующего капиталистического строя.

¹ См. „Internationale Presse-Korrespondenz“, 1926, № 46.

² См. „Политика“, 25. IX 1924 г.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения, т. I, М., 1948, стр. 240.

⁴ „Internationale Presse-Korrespondenz“, 1925, № 15.

⁵ „Политика“, 17. VII 1925 г.

«С мартовских дней, т. е. с марта 1925 года, — заявил в своей речи в Народной скупшине один из лидеров сербских радикалов д-р Лазе Маркович, — хорватская крестьянская партия стала такой же партией, как и все остальные партии парламента. Между ней и радикальной партией не было никаких серьезных различий»¹.

Предательство Радича привело к разложению хорватской крестьянской партии и отходу от нее масс. Из этой партии выходят целиком местные организации, заявляющие о своем несогласии с капитулянтской политикой партийного руководства.

«Хорватский народ, — говорилось в опубликованном газетой «Республиканска слога» одним из многочисленных решений, принятых на собраниях местных организаций хорватской крестьянской партии в Далмации, — в настоящее время больше, чем когда бы то ни было, противник Видовданской конституции»².

«Народ попрежнему остается республиканским и только республиканским», — говорилось в другой резолюции³.

2 сентября 1925 г. из хорватской крестьянской партии вышли все местные организации Петринского среза (волости)⁴. 20 сентября 1925 г. произошел раскол крупнейшей областной организации хорватской крестьянской партии в Сараеве (Босния). Здесь состоялось многочисленное собрание членов партии, осудившее капитулянтскую политику Радича⁵. В ноябре 1925 г. о своем несогласии с руководством хорватской крестьянской партии заявила Мариборская (Словения) партийная организация — другая крупнейшая организация партии. Тогда в г. Марибор поехал сам Степан Радич, 12 декабря он прибыл в город. Но что это был за приезд! Всего лишь год тому назад, когда Радич возвращался из Москвы, его восторженно встречали здесь тысячи крестьян, приветствуя в его лице человека, который заключил союз с крестьянством великого Советского Союза. В 1925 г. приезд Радича был совсем иным. Вот как описывает подготовку съезда местной организации хорватской крестьянской партии буржуазная газета «Време»:

«Состав аудитории съезда был заранее подготовлен. Чтобы на заседание не проникли нежелательные левые элементы, впуск в здание, где должен был заседать съезд, производился лишь по особым удостоверениям со штампом партийной организации. Удостоверения выдавались только после строгой специальной проверки»⁶.

Однако не помогли и эти предохранительные меры. Верноподданническая речь Радича встретила решительный отпор даже на этом съезде. Но особенно резко отрицательно она была воспринята в Суботице (Воеводина) и даже в Загребе, который ранее являлся цитаделью Радича.

Предательство Радича нанесло огромный ущерб крестьянскому движению в Хорватии. Коммунистическая партия Сербо-хорвато-словенского государства не сумела разъяснить массам весь вред капитулянтской политики лидера хорватской крестьянской партии и не смогла повести за собой хорватское крестьянство. Последнее оказалось безоружным перед лицом перешедшей в наступление реакции⁷.

¹ „Време“, 9. VIII 1925 г.

² „Republikanska Sloga“, Zagreb, 19. VIII 1925 г.

³ Там же.

⁴ См. „Време“, 4. IX 1925 г.

⁵ См. там же, 21. IX 1925 г.

⁶ „Време“, 13. XII 1925 г.

⁷ Спад крестьянского движения и разложение хорватской крестьянской партии вследствие капитуляции Степана Радича позволили усилиться сербским национали-

б) Крестьянское движение в Черногории (1921—1923 гг.)

В отличие от Хорватии в Черногории национально-освободительным движением руководила коммунистическая партия — сильнейшая партия этой страны, что придавало движению подлинно революционный характер. Героическая борьба свободолюбивого черногорского народа против сербской тирании не прекращалась в течение ряда лет и проходила под лозунгом создания Советской черногорской республики¹.

В 1921 г. в Черногории дважды вспыхивало вооруженное крестьянское восстание — в январе и октябре. Особенно сильным было октябрьское восстание. Оно началось 18 октября. Повстанческий комитет, руководимый славным сыном черногорского народа, стойким и самоотверженным борцом, отдавшим всю свою жизнь за дело революции, коммунистом Саввой Распоповичем, обратился с воззванием к населению Черногории, в котором говорилось: «Балканские рабоче-крестьянские массы поднимают революционные красные знамена на помощь Ленинскому Советскому Союзу и мировой революции для освобождения угнетенных классов из-под ига помещиков, купцов и капиталистов... Без советской власти и без коммунистической партии рабоче-крестьянский союз не может ни победить фашистов и буржуазию, ни удержать свою диктатуру над буржуазией. Так нас учит ленинизм!»².

Призыв повстанческого комитета был подхвачен трудящимися Черногории: восстание быстро разрасталось и охватило почти всю страну. В районе города Прекорница и Лисца действовал повстанческий отряд Вука Стойевича, в районе побережья Адриатического моря и Рагузы — отряд Саввы Распоповича. Третий отряд боролся против сербских войск в районе горы Кисовики.

Одновременно с восстанием крестьян началось и революционное выступление рабочего класса. 18 октября 1923 г. забастовали рабочие второго по величине города в Черногории — Подгорицы; 19 октября была объявлена забастовка в городе Даниловграде, 20 октября — в столице Черногории — Цетинье. Однако силы восставших не были объединены в единую повстанческую армию, а были разбиты на три части, действующие изоли-

стическим организациям, члены которых, при попустительстве правительства, развернули террористическую деятельность. В 1928 г. от руки сербского националиста погибли Степан Радич и двое других лидеров хорватской крестьянской партии (Павел Радич и Басаричек), застреленные во время заседания Народной скупщины. Убийца Степана Радича — Пуниша Рачич — сербский националист, бывший руководитель террористических банд, избивавших албанцев. Долгое время Рачич был секретарем лидера радикалов и неоднократного премьер-министра Николы Пашича. Убийство хорватских представителей в государственном парламенте сербским националистом вызвало бурю возмущения в Хорватии. По всей стране прокатилась волна многотысячных митингов и демонстраций. В Загребе произошли баррикадные бои.

¹ К сожалению, однако, об этой борьбе имеются лишь самые отрывочные данные, случайно проникшие в сербскую печать, которая замалчивала революционное движение в национальных районах, а те события, которые невозможно было полностью замолчать, показывала в извращенном, тенденциозном свете. Нельзя проследить эту борьбу и по коммунистической печати, так как в 1921—1924 гг. компартия была загнана в подполье и не выходило ни одной печатной коммунистической газеты. Нет никакой документации, а также нет ни одной сколько-нибудь серьезной работы, посвященной движению черногорского народа за свою национальную независимость. Только отдельные материалы (письма из страны, отдельные резолюции и т. д.) были опубликованы в журнале «Коммунистический интернационал» и газете «Жизнь национальностей».

² «Правда», 21. I 1921 г., 10. II 1921 г.

рованно друг от друга. Кроме того, был упущен момент общего штурма. Начало похода на черногорскую столицу было перенесено с 18—19 октября на 25 октября, хотя восстание достигло наивысшей точки именно 19—20 октября и хотя в начале восстания был самый благоприятный момент для захвата власти.

Нерешительно действовали и партизанские отряды, окружившие город Даниловград. Вместо того, чтобы штурмом взять город, из которого буржуазия панически бежала, партизаны ожидали условного дня — 25 октября — и тем дали реакции возможность подготовиться для отпора.

Сербское правительство было вынуждено стянуть в Черногорию регулярные войска. Восставшие черногорцы оказали сербским войскам решительное сопротивление. Особенно жестокие бои шли в горных районах, где повстанцам помогали племена пиперов. Несмотря на численный перевес и артиллерию, сербская военщина долгое время не могла справиться с плохо вооруженным черногорским крестьянством.

25—30 октября разгорелись решающие бои между повстанцами и сербскими войсками. В бою смертью храбрых пали члены военно-революционного комитета коммунисты Савва Распопович, Милован Милунтинович, Йован Томашевич, Милутин Маркович и командир партизанского отряда Вука Стойевич, перед боем подавший заявление о вступлении в коммунистическую партию.

Восстание было подавлено с неслыханной жестокостью. Расстреляны были не только все попавшие в плен участники восстания, но и многие крестьяне, оказавшие помощь повстанческим отрядам. Сотни крестьян были арестованы, их дома сожжены, имущество конфисковано.

Село Медвежье Стубицкое (близ города Никшича) было разрушено, а его жители зверски избиты. Руководитель партизан из этого села Милослав Нинчевич был подвергнут нечеловеческим пыткам: ему отрезали нос, положили на голову раскаленную плиту, раздробили руки, после чего убили. Так же жестоко расправились озверевшие жандармы с командиром партизанского отряда в деревне Богомиловичи Пешивцы Бошковичем, женщиной-партизанкой Н. Николия из села Озиринича, с десятками и сотнями других партизан.

В селе Одыме сербская жандармерия перепорола шомполами поголовно всех крестьян, в том числе женщин, стариков и малых детей. В районе Белопавличей у семей партизан было конфисковано все имущество, а семьи выселены из Черногории и отправлены на каторжные работы в Боснию и Македонию.

Однако жестокие репрессии не сломили духа черногорского народа. Партизанское движение не было задушено. Ушедшие в горы партизаны продолжали свою борьбу. В районе горы Прекорница был организован партизанский штаб, который имел даже свою типографию и выпускал газету «Первая зубла». Коммунисты продолжали вести большую пропагандистскую работу, подготавливали трудящиеся массы к новому восстанию против сербских работодателей.

В эти трудные для коммунистической партии Черногория дни, когда партии пришлось уйти в подполье, во главе ее руководства встали такие коммунисты-революционеры, как Марко Машанович-Шульгин, являющийся одновременно членом Политбюро Центрального комитета коммунистической партии Сербо-хорватско-словенского государства, и Брацан Брацанович — крупнейший организатор и пропагандист партии. Оба они всю свою жизнь посвятили борьбе за свободу трудового народа. Брацан Брацанович погиб

в 1929 г. от фашистского террора. Марко Машанович-Шульгин большую часть своей жизни провел в тюрьмах и полицейских застенках и умер от туберкулеза¹.

30 августа в Черногории вспыхнуло новое восстание в районе села Шишмин. Восстание было ответом на произвол и бесчинства сербской жандармерии и сборщиков налогов. В этот день пьяные жандармы, ворвавшись в крестьянские дома, произвели там дебош, избили оказавших им сопротивление крестьян и разграбили имущество.

Возмутившиеся крестьяне подняли восстание. Во время боя были убиты пять жандармов. На следующий день на помощь жандармерии пришло подкрепление.

Между тем восстание разрослось, перебрсившись на соседние села. Лишь посланным из города Подгорицы и других мест регулярным войскам удалось подавить восстание. На крестьян обрушились дикие репрессии. Уже после прекращения боев на село Шишмин был направлен артиллерийский огонь и убиты сотни мирных жителей. Арестованные крестьяне без суда просидели в тюрьме около трех лет, и их дело слушалось только в январе 1926 г.²

В декабре 1923 г. в Черногории снова вспыхнуло вооруженное крестьянское восстание (в районе Почтов Камен). Однако об этом восстании не имеется никаких данных.

в) Крестьянское движение в Македонии (1923 г.)

В Македонии и Коссовой Метохии крестьянское движение достигло особого размаха в 1923 г., когда наиболее сильно обострился аграрный вопрос в связи с проведением в 1922—1923 гг. «переселенческих мероприятий», которые выразились в насильственной передаче лучших участков земли, отобранных у македонских крестьян, и без того страдавших от малоземелья³, сербским кулакам-переселенцам⁴.

Ответом на захват крестьянских общинных земель, на «земельные репрессии» был подъем крестьянского движения.

Участие крестьян в национальном движении, говорит товарищ И. В. Сталин, «...зависит прежде всего от характера репрессий. Если репрессии затрагивают интересы «земли»..., то широкие массы крестьян немедленно становятся под знамя национального движения»⁵.

В 1923 г. в ряде районов Македонии и Коссовой Метохии раздел крестьянских общинных земель и передача их сербским кулакам-переселенцам, как правило, кончались кровавыми столкновениями македонских крестьян с правительственными чиновниками и жандармерией, перерастающими нередко в местные крестьянские восстания. Так, например, 9 декабря 1923 г. на почве насильственного раздела земли македонских крестьян в селах Марчишта и Осимчана Скоплевского среза вспыхнуло вооруженное восстание, в ходе которого македонские крестьяне-бедняки, вооруженные вилами,

¹ См. „Diktatur in Jugoslawien Dokumente. Tatsachen“. Berlin, 1930. „Freier Balkan“.

² См. „Политика“, 25. I 1926 г.

³ Аграрная реформа не распространялась на Македонию и в стране попрежнему оставались неликвидированными крепостнические „чифчийские“ отношения.

⁴ Нередко в пользу переселяющихся в Македонию сербских кулаков отбиралась не только земля, но и жилые дома македонских и албанских крестьян, которые безжалостно выбрасывались на улицу.

⁵ И. В. Сталин. Соч., т. 2, стр. 307.

гопорами и косами, напали на поселок сербских кулаков-колонистов и отобрали обратно свою землю. Только подоспевшие из г. Скопле отряды жандармерии, жестоко расправившиеся с восставшими, снова отдали крестьянские земли сербским кулакам-переселенцам¹.

Сербские газеты приводят многочисленные случаи так называемых «земельных споров» и судебных разбирательств по делу о поджогах домов, построек и стогов сербских кулаков-переселенцев македонскими крестьянами-бедняками.

Обострение национально-освободительной борьбы в Македонии в 1923 г. было вызвано также усилением национального гнета сербской буржуазии, приступившей к «планомерной сербизации» национальных окраин, т. е. к усилению жесточайшей эксплуатации и порабощения угнетенных народов, еще большему преследованию национальной культуры, национального языка, насильственному изменению этнического состава населения, применению террористических способов принуждения².

В 1923 г. сербское буржуазно-помещичье правительство перебросило на окраины дополнительные контингенты жандармерии и войск, которые держали себя в национальных районах, как в завоеванной вражеской стране, грабили население, бесчинствовали и в случае малейшего неповиновения жесточайшим образом расправлялись с мирными жителями, сжигая крестьянские дома, сажая крестьян в тюрьмы и расстреливая их на месте.

В органе Исполнительного Комитета Коммунистического интернационала «Internationale Presse-Korrespondenz» за 1922—1923 гг. приведены многочисленные факты дикого произвола сербской жандармерии в Македонии.

В деревне Моносвигово жандармы согнали в амбар 30 крестьян и в течение нескольких дней держали их без еды. В то же время солдаты бесчинствовали в их домах, зарезали 96 телят и сожгли 2 дома. Когда же члены семей арестованных заявили протест, жандармы арестовали еще 40 человек. В селе Свидовица была арестована 30 крестьян. Деревня Колешино была полностью разграблена, жители деревни разбежались в леса. То же самое произошло в деревне Дроздово. Здесь много крестьян было избито и расстреляно, много женщин изнасиловано³.

Бесчинства сербских колонизаторов по отношению к албанскому населению Коссово Метохии были так велики, что Албания была вынуждена обратиться в Лигу Наций с официальным заявлением, содержащим просьбу принять срочные меры для прекращения террористической политики Сербии в Коссово Метохии.

«Правительство Югославии, — говорилось в заявлении⁴, — стремится... любой ценой изменить этнический характер районов, населенных албанцами, путем всевозможных гонений, жестокой денационализации,

¹ См. „Време“, 10. XII 1923 г.

² Тиговские фашисты намного превзошли правителей Сербско-хорватско-словенского государства в политике национального угнетения и порабощения народов. В Македонии свирепствует террор янычаров Ранковича, пылающего кровавыми репрессиями сломить национально-освободительное движение против фашистской тирании. Тиговцы пробуют лишить македонское население родного языка и национальной культуры. Только в течение 1950—1951 гг. три раза насильственно изменялся македонский алфавит, чтобы оговорить его с сербским и, таким образом, принудительно навязать македонцам чужой им язык (см. „За прочный мир, за народную демократию!“, 25. V 1951 г.).

³ См. „Internationale Presse-Korrespondenz“, 1923, № 43.

⁴ „La Fédération Balkanique“, 1930, № 127, p. 2822.

изгнания или истребления тех элементов, которые не желают ни покинуть страну, ни спокойно подчиниться сербизации»¹.

По далеко неполным данным, за период с 1918 по 1922 г. в Коссовой Метохии была истреблена почти $\frac{1}{3}$ албанского населения. За это время были убиты: в Плаве и Гусине (на границе с Албанией) 600 человек, в Ругове и Подгурье — 700, в районе Приштина — 1000 человек, в Дренице Вучитрнского округа — 1200 человек и т. д.²

Нередко карательные отряды сербских войск для расправы с беззащитными македонскими селами употребляли артиллерию.

Вот, например, как описывает одну из карательных экспедиций буржуазная сербская газета «Политика»:

«Вчера рано утром два батальона королевской пехоты столкнулись с партизанами у Кривой Ливады близ Брезницы. Завязалась ожесточенная борьба, которая продолжалась до полудня, но не принесла, однако, успеха нашим войскам. Тогда им на помощь была направлена батарея артиллерии, открывшая огонь по деревне. Положение вскоре изменилось»³.

«Артиллерийским огнем, — заканчивает свой скупой отчет газета, — было разрушено много домов. Подсчет убитых и раненых крестьян продолжается»⁴.

В тот же день, согласно сообщению другой буржуазной газеты «Време», против крестьян села Добри Локе были двинуты четыре отряда пехоты и три артиллерийские батареи⁵.

Таких фактов можно было бы привести сотни. Почти ежедневно в печати публиковались краткие сообщения о мелких стычках и крупных сражениях в Македонии и Коссовой Метохии.

Тысячи крестьян гибли в борьбе за независимость и лучшее будущее своей страны.

В Македонии пылала партизанская война.

¹ Еще более жестокими методами осуществляется насильственная сербизация в современной Югославии, фашистские правители которой применяют против народа дикий террор, разжигают шовинизм и национальную ненависть, проводят политику колониального угнетения и порабощения народов. Особенно жестоко преследуются национальные меньшинства — албанцы, венгры, румыны, болгары, македонцы. Албанские крестьяне Коссовой Метохии лишаются земли и угоняются на принудительные работы в леса и шахты. На их место переселяются кулаки из Сербии, Хорватии и Герцеговины, получая лучшие земли, луга и пастбища.

Чтобы подавить стремление проживающих в Югославии албанцев (800 тыс.) к воссоединению со своей родиной — Народной республикой Албанией, Тито разработал чудовищный план массового уничтожения албанского населения путем распространения сыпного тифа, эпидемий, переселения албанцев в болотистые нездоровые районы страны и физического их уничтожения (см. документацию, приведенную в газете „За прочный мир, за народную демократию!“, от 25.V 1951 г. и 23. XI 1951 г.).

² Согласно данным, опубликованным в сборнике документов о военно-фашистской диктатуре в Югославии (Diktatur in Jugoslawien Dokumente. Tatsachen. „Pueier“, 1930) с 1912 по 1928 г., т. е. за 16-летний срок господства сербов в Македонии и Коссовой Метохии было уничтожено несколько десятков тысяч албанцев, свыше 100 тыс. албанцев было вынуждено эмигрировать из страны. Карательными экспедициями сербской жандармерии было сожжено свыше 5 тыс. крестьянских домов (там же, стр. 81).

В 1930 г. в Лигу Наций с заявлением о зверствах сербской жандармерии по отношению к македонскому населению обратились общественные деятели Македонии. Это заявление было опубликовано в „La Fédération Balkanique“, 1930, № 127, p. 2881.

³ „Политика“, 16. V 1923 г.

⁴ Там же.

⁵ „Время“, 16. V 1923 г.

«В настоящее время, — писала сербская буржуазная газета «Политика», — партизанское движение в Македонии приобрело такой размах, какого еще не было раньше... Особенно тяжелое для наших войск положение в Струмичском районе. Там действуют хорошо вооруженные и дисциплинированные партизанские отряды, с которыми бороться очень трудно, так как их поддерживает население»¹.

Почти ежедневно между солдатами и жандармерией, с одной стороны, и партизанами — с другой, происходили вооруженные стычки и сражения.

Только за один месяц — с 30 ноября по 30 декабря 1923 г. — в Македонии было зарегистрировано около ста таких вооруженных столкновений².

20 ноября велось ожесточенное сражение в районе села Маричини вблизи города Штипа³, 3 декабря 1923 г. — в районе Гостивара и Тетова, в тот же день — в Прилепском срезе⁴, 17—18 декабря — двухдневные бои в селе Ракоше, в которых против крестьян была применена артиллерия⁵, 25 декабря — сражение в районе Митровица и Стрчево⁶ и т. д. и т. п.

Правительство посылало в Македонию все новые и новые пополнения. В конце декабря 1923 г. решением кабинета министров в Македонии и Черногории снова было повышено жалование за службу в жандармерии на 25%⁷. В Черногорию, Македонию и Коссовую Метохию для борьбы с партизанами из центральной Сербии были направлены регулярные воинские части. Однако борьба от этого лишь еще больше обострилась.

«Нельзя не признать того факта, — писала с тревогой сербская газета «Политика», — что опасность со стороны комитаджей (партизанских отрядов. — Ю. П.) стережет наших солдат на каждом шагу, на всех дорогах страны: и в Коссовой Метохии, и в районе Охрида, и вблизи Призрена, и у Рашки»⁸.

В Македонии и Коссовой Метохии развернулась настоящая партизанская война типа испанской герильи. Почти повсеместно действовали мелкие повстанческие отряды комитаджей и кичаков. Эти отряды были очень подвижны и почти неуловимы. Сербским войскам с ними было очень трудно бороться: они быстро перемещались с места на место, скрывались в лесах и горах, переходили болгарскую и албанскую границы и через несколько дней вдруг неожиданно появлялись в тылу сербских войск, нанося им сокрушительные удары.

Сила комитаджей и кичаков состояла в активной поддержке партизанского движения всем населением Македонии и Коссовой Метохии. Это вынуждены были признать и сами оккупанты. Вот, например, что писал председатель созданных в помощь жандармерии отрядов сербских четников д-р Шушкалович:

«Нельзя скрыть факты... Всем нам хорошо известно, что комитаджи и кичаки не только люди, присланные из-за границы⁹. Напротив, в своем

¹ «Политика», 13. XI 1923 г.

² По данным сербских газет «Време» и «Политика» за ноябрь—декабрь 1923 г. и болгарской газеты «Луч» за тот же период.

³ «Политика», 1. XII 1923 г.

⁴ Там же, 4. XII 1923 г.

⁵ Там же, 19. XII 1923 г.

⁶ Там же, 26. XII 1923 г.

⁷ Там же, 27. XII 1923 г.

⁸ Там же, 25. XII 1923 г.

⁹ Буржуазия пыталась выдать широкое народное движение македонского крестьянства против великосербского гнета, как борьбу отдельных мелких групп, перешедших из Пиринской Македонии (Болгария) в Сербо-хорватословенское государство. Эти мелкие группы были теми же партизанскими отрядами, которые, спа-

большинстве — это местные жители и те, кто был вынужден покинуть свою страну и не нашел себе отечества на чужбине. Их защищают все местные жители — крестьяне, ремесленники, интеллигенция. Их защищают и им сочувствуют местные священники, учителя, судьи, даже туземные полицейские и другие чиновники, — словом, все те, кто не любит нашу власть и кто открыто или тайно борется против нее»¹.

Сербское правительство было бессильно справиться с партизанским движением в Македонии; в 1924 г. оно еще более усилилось.

В январе—феврале 1924 г. число крестьянских волнений, стычек с сербской жандармерией и восстаний по сравнению с ноябрем—декабром 1923 г. еще более увеличилось. В это время в Македонии шли бои: в долине реки Струма, в районе Кривой Паланци и Куманово, в Петриче, Святом Спасе, Джумии, в окрестностях Царева Села и Штипа, вблизи Струмицы, Неготина и Джевджелии — т. е. фактически по всей стране².

Самоотверженная борьба македонского народа за свою национальную независимость и освобождение от сербской тирании не прекратилась и в последующие годы. Ежегодно вспыхивали крестьянские восстания, не затихала партизанская война.

г) Крестьянское движение в Воеводине (1923—1924 гг.)

В очень острой форме развивалось крестьянское движение и в Воеводине. В отличие от Черногории, Македонии и Хорватии здесь крестьянское движение не имело характера национально-освободительной борьбы, так как подавляющее большинство сельского населения области — и крупные землевладельцы, и безземельные крестьяне — принадлежало к одной и той же сербской национальности.

В Воеводине, где дальше всего зашел процесс развития капитализма в сельском хозяйстве и где всего сильнее и всего обнаженнее были классовые противоречия в деревне, острее, чем где бы то ни было, развернулась и классовая борьба деревенской бедноты против своего эксплуататора — кулака.

Борьба батрачества и сельскохозяйственных рабочих против сельской буржуазии приняла здесь особенно большой размах в 1923—1924 гг., когда кулак, выросший и окрепший в результате буржуазной аграрной реформы и осмелевший в связи с проведением в стране реакционного курса, резко усилил эксплуатацию деревенского пролетариата.

Во главе этой борьбы в Воеводине стали наиболее обездоленные и наиболее революционные элементы — сельскохозяйственные рабочие, которых насчитывалось здесь около 500 тыс. человек и значительную часть которых составляли бедняки-переселенцы, прибывшие в Воеводину из различных областей Сербско-хорватско-словенского государства в поисках средств к существованию.

саясь от преследований сербской жандармерии, лишь временно переходили сербско-болгарскую границу и снова возвращались на родину для борьбы за ее освобождение.

¹ „Политика“, 25. XII 1925 г.

² Прослежено по болгарским газетам „Работническо дело“ и „Утро“ и сербским газетам „Време“ и „Политика“ за февраль—март 1924 г. Однако во всех этих газетах содержится только упоминание о крестьянских волнениях в Македонии. Буржуазная пресса Сербско-хорватско-словенского государства тщательно скрывала факты: документальных и каких-ли о дополнительных данных автору, к сожалению, найти не удалось, из-за чего революционное движение в Македонии оказалось освещенным недостаточно.

Многие из переселенцев были солдатами-добровольцами, сражавшимися во время войны против войск Четверного союза. В 1919—1920 гг. им обещали земли и кредиты, сельскохозяйственный инвентарь и государственную помощь для устройства на новом месте. После поражения революционного движения в 1920 г. все обещания были забыты. В 1923 г. осмелевшая буржуазия стала отбирать у переселенцев даже то небольшое, что им было дано по закону об аграрной реформе. Основываясь на параграфах аграрного закона, предусматривающих необходимость возведения переселенцем на новом месте дома и хозяйственных построек в течение трех лет со дня поселения¹, местная администрация приступила к так называемой «ревизии землепользования», т. е. к насильственному выселению большинства переселенцев, не выполнивших указанных параграфов, с участков земли, которые возвращались через суд бывшим владельцам или продавались с молотка, т. е. попадали в руки к кулакам.

О том, как жили бедняки-переселенцы в Воеводине и как происходила эта «ревизия землепользования», красноречиво говорят многочисленные заявления переселенцев в Министерство аграрной реформы.

«В Немачкой Црне, — сообщается в одном из таких заявлений, — на землях имения графа Чеконича еще в 1920 г. было поселено 225 добровольцев-колонистов из Черногории и Сербии. Переселенцы исправно платили все налоги, несли большие расходы по обработке земли. Дома так и не смогли построить из-за того, что министерство не отпустило средств и не дало строительных материалов. Переселенцы целых 3 года жили частично в сараях, частично в землянках. Они так и не получили приусадебной земли, которая осталась в руках графа. Граф имел 500 к. ютаров земли² в одном только Великом Коштанце (Банат) и пытался вернуть себе землю и здесь, в Немачкой Црне».

«Однажды, — сообщали далее переселенцы, — в деревню, где жили переселенцы, явились вооруженные люди графа и стали прогонять их с земли. Произошло вооруженное столкновение. Тогда переселенцев вызвали к властям и предложили им покинуть землю на том основании, что они не построили себе домов и не имеют приусадебных участков»³.

В 1923—1924 гг. в Воеводине повсеместно происходили столкновения между переселенцами и представителями местных властей. Столкновения нередко превращались в настоящие вооруженные сражения. Так, в Петровом селе (Бачка) переселенцы оказали сопротивление обмерщикам и жандармерии, которые пытались обмерить их участки, чтобы потом отобрать их за то, что колонисты не построили домов.

«Когда начался обмер на первом участке, — рассказывает об этом случае газета «Политика», — собралась толпа переселенцев, бывших солдат, — человек 150. Переселенцы заявили, что они не допустят, чтобы у них отобрали землю, которую они защищали своей кровью во время войны с австрийцами. . . Добровольцы избили старосту и жандармов»⁴.

2 мая произошло вооруженное столкновение между обмерщиками и переселенцами в деревнях Лазарево и Мартинице, 14 мая — в районе Суботицы⁵, 8 августа — в Дервенте, 28 августа — в районе Белого монастыря,

¹ См. «Аграрна реформа, Збирка закона», Загреб. 1923.

² Када тровый ютар равен 0,57 га.

³ «Политика», 6. III 1926 г.

⁴ «Политика», 16. IV 1924 г.

⁵ См. «Политика», 14. V 1926 г. (В этом номере опубликовано сообщение о суде над добровольцами, оказавшими вооруженное сопротивление властям еще в 1924 г.).

30 августа — в Старом Сивце, Стапаре и Крупе (Бачка), 4 сентября — в районе Жаблье близ г. Нови Сада, 7 ноября — в селе Зобнатице в окрестностях г. Бачка Тополи и т. д. и т. п.¹

Особенно сильным было столкновение в Банатском Карагеоргиеве и Банатском Александрове, куда был вынужден приехать сам министр аграрной реформы.

10 октября 1924 г. во время обмера земли в Баймоке на переселенцев напали вооруженные отряды кулаков и стали забирать себе землю. В результате кровопролитного столкновения с каждой стороны было около 15 человек убитых и раненых².

Таких фактов можно было бы привести десятки. Они свидетельствуют о крайней обостренности и напряженности обстановки в воеводинской деревне, об усилении классовой борьбы между кулачеством и беднейшим крестьянством.

* * *

То же самое наблюдалось и в других районах Сербо-хорвато-словенского государства — в Боснии-Герцеговине, Сербии, Словении, где поджоги домов кулаков и сельских ростовщиков — лихварей, нападения крестьян на сборщиков налогов и даже на волостные налоговые отделения становятся частым явлением. Об этом свидетельствует возросшее число судебных заседаний, специально созданных по делу о поджогах. Согласно судебной хронике, в городе Банья Лука (Босния) менее чем за два месяца (декабрь 1923—январь 1924 г.) слушалось несколько десятков таких дел³.

В течение августа—сентября 1924 г. в Звишском срезе Паждаревачской области и Подринском срезе Новопазарской области Сербии и в Македонии было сожжено 115 дворов сельских ростовщиков и кулаков⁴.

В сентябре 1924 г. в Герцеговине, по сообщению сербской печати, почти ежедневно происходили какие-нибудь волнения. Вот, например, данные⁵ за одну только неделю. 18 сентября, как пишет газета «Време», в районе Бихача группа крестьян напала на торговцев, которые держали в долговой кабале все село, и жестоко избивала их. 19 сентября, согласно сообщению той же газеты, в селе Биошти близ г. Мостара крестьянами были сожжены дома кулаков и уничтожено их имущество, общей стоимостью в 700 тыс. динаров. 20 сентября были сожжены дома кулаков в селе Борана в Герцеговине, 21-го — в ряде окрестных сел города Банья Лука. 22 сентября произошло кровавое столкновение между молодежью богатого мусульманского села Цима и бедной сербской деревни Виховичи, крестьяне которой батрачили у мусульман-кулаков. В результате столкновения было 9 тяжело раненных, большинство из которых скончалось в больнице.

Классовая борьба в деревне Сербо-хорвато-словенского государства разгоралась, усиливалась классовая поляризация, все более обнаженными становились классовые антагонизмы.

¹ О событиях в Балканском Карагеоргиеве и Балканском Александрове не имеется подробных данных.

² См. «Политика», 27. XII 1927 г.

³ См. «Политика», 11. XII 1926 г.

⁴ Подсчет произведен на основании официальных данных, опубликованных в печати. На самом деле число сожженных кулацких домов было значительно большим.

⁵ Прослежено по сербской периодической печати за сентябрь 1924 г.

«После первой мировой войны, — писала сербская газета «Време», — количество крестьянских «беспорядков» достигло невероятно больших размеров. От идиллических описаний нашего села не осталось и следа»¹.

В 1924 г. и последующие годы процесс дифференциации деревни еще более усилился. Быстро шла пауперизация трудящегося крестьянства. С другой стороны, экономически росло и укреплялось кулачество. Этому способствовал закон о так называемом факультативном, или добровольном, выкупе, разработанный одним из лидеров правого крыла хорватской крестьянской партии Павлом Радичем и принятый Народной скупщиной 31 июля 1925 г.²

По своему классовому существу этот закон был кулацким, буржуазным; он был рассчитан на дальнейшее разорение деревни, отдачу деревни на разграбление сельской буржуазии, на которую стремилась опереться буржуазно-помещичья власть в Сербо-хорвато-словенском государстве при проведении своей антинародной политики.

Закон о факультативном выкупе, декларируемый в качестве «новой аграрной реформы», полностью лишал крестьянина-бедняка возможности получить землю, ибо он предусматривал высокую плату за продаваемый помещиком участок земли. Этот закон вместе с тем открывал самые широкие возможности для роста кулачества.

Наряду с законом о факультативном выкупе в 1925 и последующих годах буржуазное правительство осуществляло и другие мероприятия по укреплению своей социальной базы в деревне. Создавались банки и кредитные учреждения, предоставляющие кредиты только кулачеству³. Расширялась сеть кулацких кооперативов. Возникали новые кулацкие партии⁴.

Сербо-хорвато-словенское государство стаивилось на путь фашизации. В 1929 г. при прямом содействии англо-американского и французского империализма в стране был установлен режим неприкрытой военно-фашистской диктатуры⁵.

* * *

Изученные материалы позволяют сделать следующие выводы:

1. Период 1918—1923 гг. во вновь созданном многонациональном Сербо-хорвато-словенском государстве был периодом общего революцион-

¹ «Време», 1. XII 1925 г.

² См. «Аграрная реформа», Б-д, 1927.

³ Государство предусматривало кредитование кулачества через посредство различных кредитных учреждений и аграрных банков, выдающих кредиты только «с гарантией», т. е. только зажиточным крестьянам. По данным сербского финансиста Славко Шечерова, на кредитование кулака в 1919—1920 гг. было затрачено 1,5 млн. динаров, в 1920—1921 гг. — 43,3 млн. динаров, в 1922—1923 гг. — 54,6 млн. динаров, в 1924—1925 гг. — 92,6 млн. динаров (С. Шечеров. Наше село, Б-д. 1929, стр. 545).

⁴ В Воеводине в середине 1924 г. была создана кулацкая «крестьянская» партия «Нива», членом которой мог быть только тот землевладелец, который имел не менее 50 кадастровых ютаров земли. Задачей партии, как говорилось в партийной программе, являлась скупка земель для увеличения земельной собственности кулачества (Hribar. Savremeni agrarizam, Zagreb, s. 48—49).

В 1924 г. созданы две новых кулацкие партии в Хорватии и Банате (Воеводина), выдвигавшие неприкрыто кулацкие программные требования (Hribar. Указ. соч., стр. 53—54).

В Боснии-Герцеговине возникли две кулацкие мусульманские партии («Политика», 15. IV 1927 г.).

⁵ С 1929 г. были ликвидированы всякие остатки национальных свобод. Территория государства, делившаяся ранее на национальные районы, была искусственно разделена на бановины (области), в каждой из которых стала господствующей сербская нация. Национальные самоуправления были окончательно упразднены.

ного подъема в стране, неизмеримо усилившегося под влиянием Великой Октябрьской социалистической революции в России, периодом развертывания революционного движения рабочего класса и трудящегося крестьянства, усиления борьбы угнетенных национальностей за национальную независимость и свободу.

Послевоенный подъем крестьянско-демократического движения за захват и раздел помещичьей земли совпал по времени с выступлениями рабочего класса, с широким национальным движением хорватов, словенцев, македонцев, черногорцев и других угнетенных народов за свою национальную независимость. Однако, несмотря на совпадение по времени этих различных революционных выступлений, они не слились в один общий революционный поток, руководимый пролетариатом. Движение крестьянства оказалось изолированным от революционной борьбы рабочего класса, лишенным руководства со стороны его передового отряда — коммунистической партии, разрозненным и разобщенным, что позволило буржуазно-помещичьему правительству подавить как выступление рабочего класса, так и выступление крестьянства.

Отсутствие союза рабочего класса и крестьянства явилось первой и основной причиной поражения крестьянского движения.

«Крестьянские восстания, — учит товарищ Сталин, — могут приводить к успеху только в том случае, если они сочетаются с рабочими восстаниями, и если рабочие руководят крестьянскими восстаниями. Только комбинированное восстание во главе с рабочим классом может привести к цели»¹.

Отсюда проистекали и другие причины поражения крестьянского движения — разрозненность действий крестьянских масс, отсутствие четких политических лозунгов, плохая подготовка и организация крестьянских восстаний.

Одна из основных причин неуспеха революционного движения рабочего класса и крестьянства в Сербо-хорвато-словенском государстве состояла в том, что коммунистическая партия допустила в крестьянском и национальном вопросах грубейшие политические ошибки. Коммунистическая партия Сербо-хорвато-словенского государства недооценивала значение союза рабочего класса и трудящегося крестьянства, не вела работы в деревне, не возглавила крестьянского движения. Этим воспользовалась буржуазия, которая через посредство организованных в стране многочисленных «крестьянских» партий — хорватской, сербской, словенской и т. д., при помощи распространения реакционной мелкобуржуазной идеологии — так называемого «крестьянского социализма», отвлекала крестьянство от революционной борьбы, препятствовала установлению союза рабочего класса и трудящегося крестьянства.

Поражению революционного движения в огромной степени способствовала социал-демократия, предавшая рабочий класс и проводившая подрывную, раскольническую деятельность.

Подавление революционного движения в Сербо-хорвато-словенском государстве было осуществлено совместными усилиями внутренней и внешней реакции — буржуазией и помещиками Сербо-хорвато-словенского государства и империалистами США, Франции, Италии и Англии, оказавшими буржуазно-помещичьему правительству Сербо-хорвато-словенского государ-

¹ И. В. Сталин. Соч., т. 13, стр. 112—113.

ства прямую военную помощь в кровавом походе против рабочего класса и крестьянства.

2. Революционное выступление рабочего класса и трудящегося крестьянства Сербо-хорвато-словенского государства в 1918—1923 гг. потерпело поражение, но оно не прошло бесследно для народа.

Уроки поражения рабочего и крестьянского движения показали, что подлинное разрешение аграрного вопроса возможно только в результате социалистической революции, что для победы социалистической революции необходимо укрепление союза пролетариата и беднейшего крестьянства, осуществление гегемонии рабочего класса.

3. Революционное движение рабочего класса и трудящегося крестьянства в 1918—1923 гг. в Сербо-хорвато-словенском государстве имело и международное значение. Оно оказало влияние на развитие революционного движения в соседних странах — в Румынии, Албании, Болгарии.

Революционное движение в Сербо-хорвато-словенском государстве препятствовало осуществлению вынашивавшихся в империалистическом лагере планов использования его в качестве душиителя революционного движения в странах Юго-Восточной Европы, в качестве антисоветского военно-стратегического плацдарма.

В 1919 г. мощная волна рабочих стачек, крестьянских и солдатских восстаний заставила буржуазно-помещичье правительство Сербо-хорвато-словенского государства отозвать сербские войска из Венгрии, куда они были посланы для борьбы против Советской республики.

В 1920—1921 гг. развернувшееся в стране широкое революционное движение разрушило планы американского, английского и французского империализма, стремившегося превратить Сербо-хорвато-словенское государство в базу для формирования антисоветской интервенционистской армии, составленной из разгромленных войск барона Врангеля, сербских войск и войск зависимых от империалистических государств стран.

В 1921—1922 гг. революционным выступлением рабочего класса и трудящегося крестьянства (многотысячные антивоенные демонстрации, всеобщая стачка, охватившая все железные дороги и крупные предприятия Сербо-хорвато-словенского государства, волнение крестьян в ряде районов страны) была сорвана новая попытка американо-английских империалистов и правящих кругов королевства СХС организовать интервенцию против Советского социалистического государства.

На каждую попытку империалистического лагеря пойти войной против Советской России трудящиеся Сербо-хорвато-словенского государства отвечали развертыванием революционного движения.

4. Опыт классовых боев 1918—1923 гг. был использован в последующие годы народно-освободительным движением, принявшим особенно широкий размах в период немецко-фашистской оккупации, когда югославский народ, несмотря на подлую измену титовской шайки, активно сотрудничавшей с гитлеровскими оккупантами, самоотверженно боролся за свободу и независимость родины. Народы Югославии были вызволены из фашистского рабства великим Советским Союзом, разгромившим гитлеровскую Германию и спасшим мир от фашизма. Героическая Советская Армия своим стремительным и мощным наступлением сорвала американо-английские планы оккупации Югославии и спасла югославский народ от нового империалистического рабства, принесла ему свободу и независимость. Однако народы Югославии были преданы узурпировавшей в стране власть буржуазно-реставраторской шпионской кликой Тито—Ранковича.

Продажная фашистская банда англо-американского агента Тито ликвидировала все завоевания народа, установила в Югославии фашистский режим, реставрировала капитализм и превратила страну в колонию и военный плацдарм американо-английских агрессоров.

Но ни наглой демагогией, ни кровавым террором клики Тито не сломила духа и воли югославского народа, сопротивление которого фашистским насильникам растет.

«... Антинародная и предательская деятельность клики Тито встречает все большее сопротивление как со стороны коммунистов, сохранивших верность марксизму-ленинизму, так и среди рабочего класса и трудового крестьянства Югославии»¹.

Нет никакого сомнения в том, что среди рабочих и крестьян найдутся силы, способные обеспечить победу над буржуазно-реставраторской фашистской кликой Тито, что трудящиеся Югославии под руководством рабочего класса сумеют восстановить свои демократические права и свободы, завоеванные в войне против немецко-фашистских захватчиков, что Югославия вернется в семью стран народной демократии и пойдет по пути строительства социализма.

«Народы Югославии достойны лучшей участи, и мы верим, что недалеко то время, когда они одержат победу над фашистской кликой Тито—Ранковича»².

¹ „Совещание Информационного бюро коммунистических партий в Венгрии во второй половине ноября 1949 года“, Госполитиздат, 1949, стр. 27.

² Н. А. Булганин. Речь на торжественном заседании в Праге, посвященном 5-летию освобождения Чехословакии Советской Армией, „Правда“, 7. V 1950 г.

Е. И. Рубинштейн

**ПОЛИТИКА КОЛОНИЗАЦИИ
ЗАПАДНЫХ ПОЛЬСКИХ ЗЕМЕЛЬ
ВИЛЬГЕЛЬМОВСКОЙ ГЕРМАНИЕЙ
(1900—1914 гг.)**

В течение ряда столетий Познань и Поморье, Силезия и другие западные польские земли являлись объектом агрессивных, враждебных славянству устремлений немецко-прусских колонизаторов и осуществлявшейся ими политики «Drang nach Osten». Захватывая западные исконно польские земли, они старались натравить польский народ на другие славянские народы и прежде всего на русский, украинский и белорусский народы.

Только в результате великой исторической победы Советского Союза над фашистской Германией все западные польские земли были, наконец, освобождены от немецко-прусского гнета. На основе братской помощи Советского Союза и великого друга польского народа товарища Сталина было осуществлено воссоединение всех польских земель в народно-демократической Польше и установлена граница мира и дружбы между польским и немецким народами.

Значительными вехами на пути к укреплению прочных дружественных отношений между ними явились ликвидация оплота милитаризма и реакции — Пруссии и создание Германской демократической республики, являющееся «поворотным пунктом в истории Европы»¹.

Вопреки решениям Крымской и Потсдамской конференций по вопросу о западных границах Польши, американо-английские империалисты и их фашистские наемники в Западной Германии ведут враждебную польскому народу пропаганду, оспаривая эти границы и принадлежность западных польских земель народно-демократической Польше.

В противовес всем этим попыткам превратить вопрос о границах между Германией и Польшей в источник разжигания волны шовинизма и национальной вражды между польским и немецким народами, правительство Германской демократической республики заявило: «Мы никогда не потерпим, чтобы заинтересованные в новой войне империалисты использовали границу по Одере—Нейссе для натравливания немецкого народа на нашего польского соседа. Граница по Одере—Нейссе должна стать

¹ И. В. Сталин. Приветствие президенту Германской демократической республики господину Вильгельму Пику, премьер-министру правительства Германской демократической республики господину Отто Гротеволу. „Правда“, 14. X 1949 г.

границей мира и никогда не должна мешать дружеским связям с польским народом»¹.

В свете этих фактов особенно ясно, сколь важным и актуальным является изучение истории западных польских земель. Судьбы Познани и Поморья, Силезии, Вармии и Мазурских земель в прошлом были различными, однако все они после разделов Польши в конце XVIII в. находились под господством немецко-прусских захватчиков.

Особенно тяжелые испытания польскому населению этих земель принес период империализма. Господство монополий и рост захватнических устремлений германского империализма, вышедшего на арену колониальной мировой политики, когда раздел мира был уже завершен и на очередь дня стал вопрос о его насильственном переделе, сопровождалось усилением реакции и национального гнета внутри страны и, в частности, усилением антипольского курса в Познани, Поморье и Силезии.

С наступлением периода империализма в Познани, Поморье и Силезии, как и в других польских землях, усилилась развивавшаяся в течение долгих десятилетий борьба польского народа против иноземного гнета.

Вопросы, связанные с польско-немецкими отношениями и, в частности, вопрос о германской правительственной политике в западных польских землях в период империализма, в течение многих лет являлись предметом самой беззастенчивой фальсификации со стороны буржуазных историков и публицистов. Стремясь разжечь вражду между польским и немецким народами и оторвать польские народные массы от других славянских народов, они всячески извращают и затемняют вопросы, связанные с историческими судьбами западных польских земель.

Уже в конце XIX—начале XX в. ряд немецких реакционных историков — Генрих ф. Трейчке, Герман Онкен, Фридрих Мейнеке и другие — выступали с фальсификаторскими, лживыми «концепциями» по этим вопросам. Провозглашая превосходство немцев над другими народами, они всячески старались оправдать антипольскую политику правящих классов Германии.

Немецкие буржуазные историки старались уверить, будто после разделов Польши в конце XVIII в. и, в особенности, после подавления польского восстания 1863 г. польский вопрос «перестал существовать», «навсегда» превратившись в вопрос «внутренней политики» царской России, гогенцоллерновской Германии и габсбургской монархии.

История Познани, Силезии и других западных польских земель, находившихся под властью Германии, изображалась ими как история «прусских провинций», «восточных окраин» Германской империи («Ostmarken»).

Реакционные концепции германской буржуазной историографии по вопросу о положении западных польских земель далеко не всегда встречали должный отпор со стороны польских историков. Некоторые польские буржуазные историки и публицисты, проникнутые низкопоклонством перед прусско-немецкими захватчиками, всячески прикрашивали политику германского империализма в западных польских землях и изображали в ложном свете положение польских народных масс в этих землях (М. Бобжинский, Ст. Кемпнер, В. Студницкий и др.).

¹ Вильгельм Пик. Речь, произнесенная 11 октября 1949 г. — «Образование Германской демократической республики. Документы и материалы», Госполитиздат, 1950, стр. 69.

В немногочисленных специальных работах по вопросу о германской правительственной политике в польских землях в конце XIX—начале XX в. польские буржуазные историки затушевывали классовую суть, классовый характер угнетательской политики колонизации и германизации этих земель, нередко изображая ее лишь как проявление «расовой» борьбы между немцами и поляками.

Являвшиеся выразителями прогерманского крыла польской националистической буржуазии, эти реакционные историки старались скрыть от народных масс, что антипольская политика имперских и прусских властей в конце XIX—начале XX в. была неразрывно связана с захватническими вождениями германского империализма.

Изучение польской буржуазной историографии свидетельствует о том, что, так же как немецкая, она фальсифицировала историю польского народа и проявила полную несостоятельность в освещении истории польских земель, находившихся под господством вильгельмовской Германии. Только на основе решительного разоблачения всех фальсификаторских «концепций» немецкой и польской буржуазной историографии, только на основе марксистско-ленинской методологии возможна плодотворная, подлинно научная разработка вопроса об исторических путях, пройденных польским народом в его борьбе за социальное и национальное освобождение.

1. СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ЗАПАДНЫХ ПОЛЬСКИХ ЗЕМЕЛЬ К КОНЦУ XIX—НАЧАЛУ XX в.

Немецкие буржуазные историки и публицисты приложили немало усилий для восхваления «благотворных результатов» насильственного присоединения к Пруссии Познани, Поморья, Силезии и господства прусско-немецких колонизаторов в западных польских землях. Однако все социально-экономическое и политическое развитие этих земель к концу XIX—началу XX в. свидетельствует о глубоко тенденциозном, лживом характере этих утверждений.

История польских земель, очутившихся в результате многовековой немецкой агрессии под властью Германии, представляет собой мрачные страницы подавления польской культуры и порабощения широких слоев польского народа. Ф. Энгельс характеризовал прусскую политику в польских областях, осуществлявшуюся посредством железной поступи завоевательных армий или осторожной, хорошо рассчитанной игры дипломатии¹, как «самое грязное деяние новой истории»².

В 1833 г. прусскими властями был издан министерский указ, согласно которому польские имения продавались исключительно немцам. В поисках легкой наживы в Познань и другие западные польские земли устремились земельные спекулянты из всех германских провинций. В результате прусской грабительской политики уже в течение первой половины XIX в. значительная часть земли была захвачена прусскими аграриями. «... Поместья эти, собственность польской нации, были раздарены, уступлены, распроданы, и вырученные деньги потекли в прусскую государственную кассу»³.

¹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. VI, стр. 58.

² Там же, стр. 381.

³ Там же.

Особенно широкие размеры это ограбление польских земель приняло после кровавого подавления польского восстания в Познани в 1848 г. В Берлине под непосредственным покровительством прусских властей образовалась целая «акционерная компания» в целях скупки и раздела польских земель.

Наряду с этим происходило массовое ограбление крестьян объединенными усилиями прусских земельных магнатов и польской шляхты. В течение многих десятилетий продолжался связанный с прусским путем развития капитализма процесс насильственного вытеснения с земли крестьянства и переход его земель в руки крупных землевладельцев и гроссбауэров.

В своей работе «К истории прусского крестьянства» Энгельс ярко рисует исторические предпосылки накопления огромных земельных фондов в руках прусских земельных магнатов и государственного фиска, которые «присвоили себе в виде майоратных и других дворянских поместий и государственных доменов» подавляющую часть крестьянских земель.

«Таким образом, все крупное землевладение немецкого дворянства, особенно же к востоку от Эльбы, составлено из *награбленной крестьянской земли*»¹.

Аграрные реформы XIX в., на основе которых феодальные повинности не уничтожались безвозмездно, а подлежали выкупу, не поколебали засилья крупного помещичьего землевладения в западных польских землях, находившихся под прусским господством.

На основе прусского указа от 7 июня 1821 г. право на выкуп предоставлялось крупным крестьянским хозяйствам и, как писал Энгельс, «определенно увековечивались барщина и другие феодальные повинности для владельцев мелких хозяйств»...

... «Одним словом, прославленное просвещенное аграрное законодательство «просвещенного государства» преследовало одну только цель: спасти из феодализма все, что еще можно было спасти»². Изданный прусскими властями в 1823 г. специальный закон о «регуляции» в Познани действовал в том же направлении³.

Все эти буржуазные аграрные реформы способствовали дальнейшему ограблению широких масс крестьянства. Крестьянские хозяйства, не располагавшие достаточным для обеспечения семьи количеством пахотной земли и соответствующей тягловой силой, вовсе не подлежали юридической «регуляции» и особенно часто становились жертвой алчности крупных аграриев. Вместе с тем и сама «регуляция» была использована помещиками в целях массового сгона крестьян с земли и их экспроприации. В результате пресловутой «регуляции» и ликвидации общинного землепользования сотни тысяч крестьян были «освобождены» не только от феодальной зависимости, но и от значительной части своей земли. Так, например, в Великом княжестве Познанском подлежащие «регуляции» крестьянские хозяйства «с упряжкой»⁴ потеряли с 1816 по 1859 г. 250,9 тыс. мергов (морге-нов) земли⁵.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVI, ч. I, стр. 244, 249.

² Там же, стр. 246.

³ См. Г. Ф. Кнапп. Освобождение крестьян и происхождение сельскохозяйственных рабочих в старой провинции прусской монархии, СПб., 1900, стр. 172.

⁴ К хозяйствам „с упряжкой“ („spannfähig“, „sprzeżajne“) прусская статистика обычно относала крестьянские хозяйства, владеющие рабочим скотом (не менее двух лошадей) и достаточным для содержания семьи количеством пахотной земли.

⁵ См. J. Marchlewski. Stosunki społeczno-ekonomiczne w ziemiach zaboru pruskiego, Lwow-Warszawa, 1903, стр. 103.

Это ограбление крестьянства продолжалось и в 60—70-х годах XIX в.; только за два с лишним десятилетия, от 1859 до 1880 г., в Познани были «ликвидированы» 2832 крестьянских хозяйства «с упряжкой» («sprzeżajnych»), и вся их земля с площадью свыше 170 тыс. мергов перешла в руки крупных аграриев¹.

Особенно тяжелые для польских крестьян последствия повлекла за собой эта «регуляция» в Верхней Силезии, представлявшей собою, по словам Энгельса, «полный комплект всех разнообразных форм этого (феодалного. — *Е. Р.*) порабощения»². Прусские земельные магнаты, владевшие здесь большей частью годной к обработке земли, долго оказывали упорное сопротивление отмене феодальных повинностей и проведению «регуляции» и добивались для себя от прусских властей ряда значительных изъятий и привилегий. Так, например, согласно закону 1827 г., «регуляции» должны были подлежать в Верхней Силезии только крупные крестьянские хозяйства с площадью не менее 25 мергов³.

Когда же революция 1848 г., сопровождавшаяся массовыми крестьянскими восстаниями в Силезии, вынудила, наконец, силезских аграриев к «освобождению» крестьян, оно сопровождалось жестоким ограблением крестьян и выкачиванием из них многомиллионных выкупных платежей. Разоряемые этими платежами, широкие слои силезских крестьян фактически оказались вовсе лишенными земли и пролетаризированными, либо же были обречены на мучительное прозябание на крохотных клочках земли, превратившись в объект тяжелой эксплуатации силезских земельных и горнопромышленных магнатов⁴.

Таким образом, в результате аграрных реформ сотни тысяч крестьян в Познани, в Поморье, в Силезии и других западных польских землях были ограблены и экспропрированы. Даже по преуменьшенным данным, приводимым немецкими буржуазными экономистами, крестьянство в этих польских областях потеряло в течение первых двух третей XIX в. не менее 4 млн. мергов земли.

¹ См. Z. Doliwa, „Położenie włościan i własności ziemskiej w XIX wieku w W. Księstwie Poznańskim“, Szkie historyczno-społeczne. Zürich, 1898, стр. 256.

Приведем некоторые свидетельства современников о методах осуществления и результатах пресловутого прусского „освобождения крестьян“ в Познани. „Случалось, что помещики, превышая свою власть, разгоняли целые общины; здесь можно было увидеть целые деревни, сравненные с землей и топы крестьян, блуждающие без всякого пристанища... Заброшенные поля присоединялись к помещичьим имениям, либо передавались немцам-колонистам“ (см. Krz uż t o r ó g. O urządzeniu stósunków rolniczych w Polsce, Poznań, 1860, стр. 326—328. Цит. по кн: Z. Doliwa. Szkie historyczno-społeczne“, Zürich, 1898, стр. 239).

„Крестьянин свободен, но что такое для него свобода, если он лишен собственности? Он находится под опекой права, но где же находится путь, по которому он может добраться до „хранителей“ этого права?“ („O uregulowaniu stósunków włościanskich w W. Księstwie Poznańskim“, Lipsk, 1843, стр. 93—94, цит. по Z. Doliwa, указ. соч., стр. 239).

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XV, стр. 329.

³ См. Г. Ф. Кнапп. Освобождение крестьян и происхождение сельскохозяйственных рабочих в старой провинции прусской монархии, СПб., 1900, стр. 177.

⁴ „Большая часть крестьян, на которых в результате „регуляции“ была наложена ежегодная рента,—пишет Г. Ф. Кнапп, говоря о Силезии,—вскоре потеряла свою землю, так как уплата ренты оказалась им не под силу“ (указ. соч., стр. 194). По данным, приводимым в отчетах силезского оберпрезидента, число крестьянских хозяйств в Силезии только за 30 лет—с 1850 по 1880 г.—уменьшилось на 4923 с площадью в 194,8 тыс. га (см. А. Miaskowski. Agrarpolitische Zeit- und Streitfragen, Leipzig, 1889, стр. 64).

Каково же было распределение земли в западных польских областях к концу XIX—началу XX в. в результате этого ограбления крестьянства и как все эти изменения отразились на положении польского крестьянства? Для выяснения этих вопросов обратимся к рассмотрению данных всегерманской переписи 1895 г. Эти статистические данные свидетельствуют о том, какая огромная часть земельной площади была сосредоточена к концу XIX в. в руках крупного юнкерского землевладения. К 1895 г. в Великом княжестве Познанском, в Восточном Поморье (Западной Пруссии) и в Верхней Силезии имелось 4325 крупных имений с площадью от 100 до 500 га и около 1300 имений с площадью свыше 500 га¹. Из общей земельной площади 5800 тыс. га крупным землевладельцам с площадью 100 га и выше принадлежало в этих польских областях 2825 тыс. га, т. е. около половины всей пригодной земли.

Чрезвычайно показательны статистические данные, характеризующие распределение земли по отдельным западным польским землям. В Познани в 1895 г. 54,9% используемой земли принадлежало аграриям, владевшим свыше 100 га. В некоторых округах Познани этот процент был значительно более высоким, — преобладающая часть земли находилась в руках небольшой кучки крупнейших земельных магнатов. Так, например, в Быдгощском районе в округе Выжиско (Вирзиц) имения в 500—750 га занимали $\frac{2}{3}$ всей земельной площади².

Классической страной крупного юнкерского землевладения являлась и Верхняя Силезия, в которой, как писал Энгельс, «... система латифундий и связанное с ней принудительное обращение населения в поденщиков-коттеров получили самое широкое развитие»³. В рассматриваемый нами период большая часть земли принадлежала здесь крупным аграриям с владениями свыше 100 га, причем $\frac{1}{3}$ земли (329 тыс. га) находилась в руках десяти крупнейших земельных магнатов. Крупный земельный магнат граф Тиле владел там поместьями площадью в 41 тыс. га, князь Гогенлоэ — 42,6 тыс., князь Плесс — 40,4 тыс., герцог Ратибор — 33 тыс. га и т. д.⁴

Характерной особенностью землевладения в Пруссии являлся чрезвычайно большой удельный вес неотчуждаемых и неделимых крупных поместий — фиденкомиссов. Эта отсталая форма землевладения, являвшаяся одним из пережитков феодализма, подлежала ликвидации уже по конституции 1850 г., однако через два года была вновь «узаконена» прусской реакционной кликой. В Пруссии фиденкомиссы были значительно многочисленнее и занимали большую земельную площадь, чем в других частях Германии. Прусские власти особенно широко насаждали фиденкомиссы в западных польских землях и прежде всего в пограничных районах. Ряд немецких экономистов (Бельгард и др.) приводят данные, свидетельствующие о том, что в Познани, в Западном и Восточном Поморье и в Восточной Пруссии большая часть крупных поместий принадлежала к неотчуждаемым фиденкомиссам⁵. Так, в Верхней Силезии в фиденкомиссах было сосредото-

¹ Статистические данные приводятся здесь, как и ниже, по административным делениям конца XIX — начала XX в.

² См. M. Weber. Die Verhältnisse der Landarbeiter in ostelbischen Deutschland, Leipzig, 1892, S. 403.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVI, ч. I, стр. 247.

⁴ См. „Verhandlungen des deutschen Reichstages“, XII Lgp., II Session, Bd. 268, S. 7634.

⁵ См. M. Belgard. Parzellierung und innere Kolonisation in den 6 östlichen Provinzen Preussens. Leipzig, 1907, S. 3.

точено 279,9 тыс. га (21,7% всей площади), в Познани — 149,6 тыс. га, в то время как в 28 округах Пруссии на владения фидейкомиссов приходилось в среднем всего по 34,1 тыс. га.

В ряде округов Силезии крупным земельным магнатам, владевшим неочуждаемыми фидейкомиссами, принадлежало 30—40% всей земли. Говоря об удельном весе крупного землевладения в западных польских землях в конце XIX—начале XX в., следует отметить, что значительная часть земли находилась здесь во владении прусского фиска; чрезвычайно симптоматично, что именно здесь была сосредоточена большая часть всех прусских государственных доменов¹. Рассмотрение данных о распределении земли в Поморье, Познани, Силезии и других западных землях к концу XIX в. показывает, что концентрация земельных владений, находившихся в руках крупных аграриев и прусского фиска, была здесь более высокой, чем в германских провинциях².

Все возраставшее под влиянием прусского пути развития капитализма в сельском хозяйстве и реакционного законодательства XIX в. засилье крупного землевладения в западных польских землях сопровождалось длительным и мучительным процессом дифференциации крестьянства, «превращения массы крестьян в бобылей и кнехтов, насильственного удращения нищенского уровня жизни массы», а наряду с этим выделением «небольших горсток гроссбауэров...»³. В Познани, Поморье и других польских землях в конце XIX в. наряду с крупным юнкерским землевладением уже имелись десятки тысяч крупных кулацких хозяйств, владевших десятками и даже сотнями гектаров земли и широко эксплуатировавших наемный труд. Так, например, в Познани на основе данных переписи 1895 г. имелось 20,3 тыс. хозяйств, владевших 10—20 га земли, и около 11 тыс. хозяйств, владевших 20—50 га. Только этим двум категориям владений (всего около 31 тыс. хозяйств) принадлежало в Познани свыше 700 тыс. га земли, в то время как около 150 тыс. малоземельных крестьян (с владениями ниже 5 гектаров) имели всего около 154 тыс. га.

В то время как огромная часть земли была сконцентрирована в руках прусских юнкеров и кулаков—гроссбауэров, широкие слои крестьян в Познани, Поморье и Силезии страдали от жестокого земельного голода. Многие экономисты отмечают тот факт, что именно в этих землях процент малоземельных и безземельных крестьян являлся в последние десятилетия XIX в. особенно высоким. «Именно в Померании, Познани и Верхней Силезии с крестьянством дело обстоит особенно плохо», — отмечал проф. А. Мясковский в конце 80-х годов⁴. К такому же выводу приходит и

¹ См. „Statistisches Jahrbuch für den preussischen Staat, 1915“, Berlin, 1916, S. 46.

² Даже представители казенной прусской статистики при рассмотрении данных переписи 1882 г. вынуждены были констатировать следующее: „Рассматривая размеры хозяйств различных категорий в сравнении с общими данными, мы видим, что крупные владения в Пруссии, достигающие 4 тысяч моргенов и выше, наиболее многочисленны в Быдгоцком районе, где они занимают 11,52% всей площади, и в Познанском районе — 11%, в то время как в среднем по Пруссии эти владения в 4 тысячи моргенов составляют всего 3,9% площади. Провинция Познань и Поморье имеют наиболее высокий процент крупного землевладения (разрядка моя.—Е. Р.). Имена в 4 тыс. моргенов и выше занимают здесь большее место, чем во всех других провинциях“ (см. „Zeitschrift des Preussischen Statistischen Bureau“, 1895, S. 179—180).

³ В. И. Ленин. Соч., т. 13, стр. 387.

⁴ А. Miaskowski. Agrarpolitische Zeit- und Streitfragen, Leipzig, 1899, стр. 226.

польский экономист З. Долива в своей работе, специально посвященной вопросу о положении крестьянства в Познани¹. Статистические данные переписи 1895 г. о распределении земельной собственности в западных польских землях целиком подтверждают эти выводы: сотни тысяч крестьян владели здесь карликовыми участками земли менее 2 га и небольшими участками от 2 до 5 гектаров. В Познани в 1895 г. участками ниже 2 га владели 125,9 тыс. крестьян, в Восточном Поморье (Западной Пруссии) — 95,4 тыс. и в Верхней Силезии — 89,2 тыс. крестьян. Таким образом, в общей сложности 310 тыс. крестьян владели в этих землях карликовыми участками земли — ниже 2 га и свыше 77 тыс. — участками от 2 до 5 га.

В своем труде «Развитие капитализма в России» В. И. Ленин, анализируя процесс расслоения крестьянства под влиянием развития капитализма, блестяще доказал, что преобладающая часть малоземельного крестьянства уже давно превратилась в сельскохозяйственных рабочих с наделом. При этом Ленин подчеркнул, что «... тип сельского рабочего с наделом свойственен всем капиталистическим странам... Принадлежит ли ему земля на праве полной собственности (как parcelльному крестьянину) или ее дает ему лишь в пользование лендлорд или Rittergutsbesitzer (дворянский вотчинник. Ред.), или, наконец, он владеет ею, как член великорусской крестьянской общины, — дело от этого несколько не меняется»².

Процесс разложения крестьянства в Познани, Поморье и Силезии, сопровождавшийся, наряду с выделением немногочисленного слоя капиталистических элементов деревни, непрерывным ростом численности малоземельных и безземельных крестьян, в значительной своей части превратившихся в сельскохозяйственных рабочих «с наделом», является ярким подтверждением этого замечательного положения, выдвинутого В. И. Лениным.

При рассмотрении удельного веса этих малоземельных крестьянских хозяйств (до 5 га), владельцы которых не могли прокормиться, не прибегая к работе по найму на стороне, оказывается, что в Познани они составляли 76,2% всех хозяйств, в то время как земля, которой они владели, не достигала и 6% всей площади. Примерно таков же был удельный вес этих хозяйств в Восточном Поморье (Западной Пруссии), где они составляли 72,2% всех хозяйств, а земли у них было, так же как и в Познани, около 6% общего количества. В Силезии мелкие и карликовые земельные участки составляли к этому времени 72,1% общего числа хозяйств, но земли у них было менее 5% (4,5 процента)³. Таково же примерно было распределение земли и в Вармии и мазурских землях, входивших в состав восточнопрусской провинции.

Эти разительные данные свидетельствуют о том, что в результате ограбления крестьянства прусскими аграриями и польской шляхтой и под влиянием прусского пути развития капитализма, около трех четвертей крестьянства в Познани, Силезии и других западных польских землях принадлежали к концу XIX в. к категориям безземельных и малоземельных

¹ „Положение крестьян здесь тяжелее, чем в других провинциях германской империи“, — отмечает он. (Z. Doliwa. Objawy kapitalizmu w Polsce; „Położenie własności ziemskiej w XIX wieku w W. Ks. Poznańskiem. — „Szkice historyczno-społeczne“, Zürich, 1898, стр. 202, 266.

² В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 146.

³ См. „Stat. Jahrbuch für den preussischen Staat 1914“, Berlin, 1915, S. 120—121.

крестьян, владевших небольшими клочками земли. На деле большая часть этих крестьян к этому времени уже превратилась в сельскохозяйственных рабочих с лоскутным «наделом».

Некоторые польские буржуазные историки, фальсифицируя историю, пытались уверить, что польские крестьяне в Познани, Поморье, Силезии и других западных польских землях чуть ли не «благоденствовали» под прусско-немецким господством. Так, например, в 1908 г. польский реакционный историк В. Студницкий, скатившийся впоследствии к фашизму, утверждал, что «нигде польские крестьяне не пользуются таким благосостоянием, как в прусской Польше»¹. Позднее, также фальсифицируя историю, польский историк Свентоховский заявлял: «Как мы знаем, наиболее счастливая судьба из всех трех разделов была с этой точки зрения у польских крестьян в Пруссии. Они были ранее всего освобождены, наделены постоянными участками, урегулированными в отношении наследников. Они располагали заботливой и справедливой опекой со стороны властей, а также могли использовать поучительный пример немецких хозяйств»².

Эта оценка положения польских крестьян в западных польских землях не имеет ничего общего с исторической правдой. Как было показано выше, положение крестьянства в этих землях в конце XIX—начале XX в. было значительно более тяжелым, чем в Центральной и Западной Германии. В условиях засилья прусских земельных магнатов и польской шляхты, сосредоточивших в своих руках более половины всей пригодной земли, развитие капитализма сопровождалось здесь особенно мучительным процессом дифференциации крестьянства и разорением широких его слоев. Именно здесь — в Познани, Поморье, Силезии с особенно большой интенсивностью происходил процесс экспроприации мелких товаропроизводителей и образования стоявшего на грани полной пролетаризации широкого слоя малоземельных и безземельных крестьян и формирования сельскохозяйственного пролетариата.

Особенно тяжелыми были условия труда и жизни польских крестьян, составлявших в Верхней Силезии, в Познани, а также в ряде районов Восточного Поморья (Западной Пруссии) преобладающую часть крестьянства, испытывавших на себе все последствия не только социального, но и национального гнета. Даже некоторые представители казенной немецкой науки вынуждены были констатировать, что положение польских крестьян в Познани и в других западных польских землях являлось гораздо более тяжелым³. Широкие слои польских крестьян в Познани, Поморье и Силезии задыхались в тисках нужды и земельного голода. В условиях иноземного господства прусско-немецких колонизаторов процесс разорения и пролетаризации широких слоев крестьянства происходил особенно интенсивно и мучительно среди польских крестьян. Преобладающая часть польского крестьянства Познани и Силезии принадлежала к категориям малоземельных и безземельных крестьян, которые вынуждены были прибегать

¹ В. Студницкий. Польша в политическом отношении от разделов до наших дней, СПб., 1908, стр. 185. См. также Grabiec. Współczesna Polska w cyfrach i faktach, Kraków, 1913, St. Kempner. Dzieje gospodarcze Polski porozbiorowej, t. II, Warszawa, 1924, стр. 98.

² А. Świętochowski. Historia chłopów polskich, t. II, Poznań, 1928 стр. 409.

³ См., например, сообщение Натуснуса на заседании познанской Провинциальной экономической коллегии в 1883 г. (Nathusius. Bäuerliche Zustände in der Provinz Posen, „Schriften des Vereins für Socialpolitik“, т. III, стр. 5).

к аренде земли на кабальных условиях, являясь по существу батраками с доскутными участками земли.

Характеризуя особенности прусского пути развития капитализма в сельском хозяйстве, В. И. Ленин указывает, что «... средневековые отношения землевладения не ликвидируются сразу, а медленно приспособляются к капитализму, который надолго сохраняет в силу этого полуфеодалные черты»¹.

В западных польских землях, находившихся под германским господством, эти полуфеодалные черты развития капитализма в деревне наложили свой отпечаток на положение не только крестьян, но и сельскохозяйственных рабочих. Несмотря на проведение в XIX в. ряда аграрных реформ, отменявших феодальные повинности, здесь еще в начале XX в. продолжали существовать значительные полукрепостнические пережитки, которые особенно сильно сказывались на формах и методах эксплуатации сельскохозяйственных рабочих. «Фактически полукрепостное состояние остальбских сельских рабочих есть главная основа господства прусских юнкеров, а вместе с тем и специфического прусского господства в Германии, — писал Энгельс в начале 90-х годов, — только освященные законодательством и обычаем, фактически полукрепостные порядки и вследствие этого возможность безграничной эксплуатации сельских рабочих позволяют утопающему юнкерству все еще держаться на поверхности»².

Большая часть сельскохозяйственных рабочих в западных польских землях принадлежала к категориям так называемых «депутантов», «челяди», «халупников», «коморников», находившихся во власти полуфеодалных форм эксплуатации³. Оплата труда «депутантов» и «коморников» производилась в значительной своей части в натуральной форме — в виде части обмолоченного зерна, части собранного картофеля и т. д. При этом заключаемые с ними контракты распространялись не только на них лично, но и на их семьи; они должны были поставлять помещику во время летних полевых работ в качестве вспомогательной рабочей силы (так называемых «Scharwerker») жену, детей или же, в случае отсутствия трудоспособных членов семьи, наемного работника со стороны.

Получая от помещика жалкое жилье и небольшой клочок земли, эти категории рабочих находились в большой зависимости от него. В отличие от «депутантов», «коморники» оплачивались не на основе годовых контрактов, а по денно, и лишь при наличии работы⁴. В особенно тяжелой кабале находилась жившая при господском дворе «челядь», которая получала скудное пропитание и небольшое вознаграждение на основе годового контракта. Рабочие, принадлежавшие к «челяди», не имели права обзаводиться семьей.

Все эти категории полукрепостных сельскохозяйственных рабочих были представлены в западных польских землях, находившихся под властью Германии, в самых разнообразных и причудливых сочетаниях, наряду с так называемыми «вольнорабочими» рабочими и многочисленными сезонными рабочими, прибывающими из-за границы.

Рассмотрение экономического, правового и политического положения многоотысячной армии сельскохозяйственных рабочих в западных польских

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 15, стр. 117.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVI, ч. II, стр. 460—461.

³ См. Z. Doliwa. Szkice historyczno-społeczne, Zürich, 1898.

⁴ См. J. Marchlewski. Stosunki społeczno-ekonomiczne..., Lwow — Warszawa, 1903, стр. 260.

землях, находившихся под германским господством, в конце XIX—начале XX в. с особенно большой наглядностью рисует перед нами тяжелый гнет полукрепостнических пережитков.

Полуфеодальные, полукрепостнические формы эксплуатации сельскохозяйственных рабочих, сочетаясь с жестокой капиталистической эксплуатацией, обуславливали особенно тяжелые условия их жизни и труда. Данные специальной анкеты по вопросу о положении сельскохозяйственных рабочих, проведенной в Германии в 1873—1874 гг., свидетельствуют о том, что годовая оплата их труда в Познани была значительно более низкой, чем в Пруссии и в Германской империи. Рабочий день начинался летом с 4—5 часов утра и продолжался до захода солнца. При обсуждении в германском рейхстаге вопроса о недостатке рабочей силы в крупных поместьях приводились примеры, когда продолжительность рабочего дня летом достигала 17 часов — с 3 часов утра до 8 часов вечера¹.

В крупных имениях Познани, Поморья и Силезии в связи с развитием свеклосеяния, связанного с увеличением спроса на труд сельскохозяйственных рабочих и с огромным ростом их эксплуатации, начал особенно широко применяться женский и детский труд.

Тяжелые жизненные условия сельскохозяйственных рабочих в западных польских землях в конце XIX—начале XX в. усугублялись запутанностью и устарелостью правовых «норм», определявших их положение. В Пруссии все еще отсутствовало единое и более или менее современное законодательство в отношении сельскохозяйственного пролетариата. Правовое положение его все еще зиждилось на давно устаревших пятидесяти трех «Уложениях о челяди» (*Gesindeordnungen*), изданных в Пруссии в 1810 г. (!). Одно из этих «Уложений» имело даже почти двухсотлетнюю давность, существуя с 1732 г.

Экономический и правовой гнет, тяготевший как на «челяди», «коморниках» и «депутантах», так и на других категориях сельскохозяйственных рабочих, особенно тяжело обрушивался на польских рабочих. Они ощущали на себе с удвоенной силой всю тяжесть безжалостной эксплуатации и произвола прусских властей, усугублявшихся тяжелым национальным гнетом. Гонимые голодом и нуждой, десятки тысяч польских батраков устремлялись на шахты и заводы Верхней Силезии, а также в промышленные центры Центральной и Западной Германии.

Таким образом, в результате прусского пути развития капитализма в сельском хозяйстве в социальной структуре деревни в Познани, Восточном Поморье, Силезии и других западных польских землях сохранился целый ряд полуфеодальных, полукрепостнических пережитков. Концентрация огромной части земли в руках юнкеров и польской шляхты, а также быстро усиливавшейся сельской буржуазии — грессбауэров, тяжелый земельный голод широких слоев крестьянства, целый ряд полукрепостнических пережитков, характеризовавших положение сельскохозяйственных рабочих, — таковы были здесь основные черты социальной структуры деревни в рассматриваемый период.

Господство прусско-немецких колонизаторов наложило свой отпечаток не только на социально-экономические условия деревни в Познани, Поморье и других польских землях, находившихся под властью Пруссии, но и на развитие промышленности и торговли. В течение долгих десятилетий немецкие колонизаторы проводили политику, направленную на превращение

¹ См. „Verhandlungen des deutschen Reichstags“, Bd. 292, S. 6635.

этих польских земель в «аграрные придатки» Германии, в поставщиков дешевого сырья и дешевой рабочей силы для промышленных районов Западной и Центральной Германии.

Прусские власти сознательно добивались ликвидации самостоятельных экономических позиций польских земель. В этих целях они старались подорвать их прежние торговые связи и максимально использовали их экономические ресурсы в своекорыстных интересах германской правящей клики. Так, например, под влиянием введенной Бисмарком в конце 70-х годов в интересах прусских аграриев системы высоких таможенных пошлин транзитная торговля хлебом и мукомольная промышленность Познани и других западных польских земель потеряли свое прежнее значение. Сильно ослаблена была и достигшая ранее значительного развития торговля Поморья, несмотря на наличие таких морских портов, как Эльблонг и Гданьск.

Объединение Германии и быстрые темпы ее промышленного развития в последние десятилетия XIX в. не принесли с собой благоприятных перспектив для экономического развития западнопольских земель. Германские правящие классы продолжали рассматривать их лишь как рынки сбыта для растущей германской промышленности. Под влиянием этой политики западные польские земли, за исключением Верхней Силезии, оставались к концу XIX—началу XX в. по преимуществу аграрными.

Развитие промышленности в Познани и Поморье в последние десятилетия XIX в. шло по преимуществу по линии переработки продуктов сельского хозяйства. Прусские земельные магнаты сплошь и рядом сами становились владельцами многочисленных сахарных, пивоваренных, консервных и кирпичных заводов, мукомольных предприятий и т. д. Одной из наиболее широко распространенных и излюбленных ими отраслей промышленности являлись здесь спиртоводочные, винокуренные заводы, которые составляли, как писал Энгельс, «условие существования юнкеров к востоку от Эльбы с их 3000 крепостных на каждую квадратную милю»¹.

Только в Познани насчитывалось накануне первой мировой войны около 570 спиртоводочных заводов, выпускавших ежегодно 610,6 тыс. гектолитров безводного алкоголя. Несколько сот крупных спиртоводочных заводов имелось и в Поморье, Силезии и т. д.² Предприятия, производящие спирт, объединялись крупным акционерным обществом, которое сосредоточивало в своих руках к началу XX в. около 99% винокуренного производства во всей Германии³.

Одним из проявлений промышленной отсталости польских областей являлась слабая концентрация промышленности, — число крупных фабричных предприятий было как в Познани, так и в Поморье сравнительно незначительным. Вплоть до начала XX в. здесь преобладала домашнекапиталистическая промышленность и небольшие предприятия, насчитывавшие 5—10 рабочих.

О печати отсталости, лежавшей под влиянием политики немецких колонизаторов на экономическом развитии большинства западных польских земель, свидетельствует не только слабая концентрация промышленности,

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XV, стр. 312.

² См. А. Krzyżanowski i K. Kumaniecki. Statystyka Polski, Kraków, 1915, стр. 164.

³ См. Донесение генер. консула в Бреславе от 24 декабря 1902 г., Архив внешней политики России, Дела канц. МИД, N. 5022, л. 548.

но и сравнительно незначительное развитие больших городов. К началу XX в., по данным переписи 1900 г., в Познани имелось всего два города с населением свыше 25 тыс. — Познань (117 тыс.) и Быдгощь (52 тыс.); в Восточном Поморье таких городов насчитывалось всего четыре — Гданьск (147 тыс.), Эльблонг (53 тыс.), Грудзёндз (38 тыс.) и Торунь (30 тыс.)¹.

В чем же заключалась причина сравнительной промышленной отсталости Великого княжества Познанского и других западных польских земель (кроме Верхней Силезии)? Некоторые немецкие буржуазные историки пытались «объяснить» ее «неблагоприятным географическим положением» Познани и Поморья, «отсутствием» местного сырья, «недостатком рабочей силы» и в особенности квалифицированных рабочих. Однако они умалчивали при этом об основной причине, а именно о том, что прусские колонизаторы в течение ряда десятилетий старались превратить эти земли в «аграрные придатки» Германии, в ее полукolonии.

Рассмотрение социально-экономической обстановки в западных польских землях к концу XIX в. было бы неполным без характеристики экономического развития Верхней Силезии с ее крупным угольным бассейном и богатыми запасами других ископаемых. Оторванная от Польши в XIV в., Силезия была объектом особенно упорных вожделений немецких колонизаторов. Если в западной, более плодородной ее части им удалось в значительной мере вытеснить польских крестьян, то в Верхней Силезии были онемечены лишь верхи; народные массы, — польское крестьянство, а затем и постепенно формировавшийся сельскохозяйственный и промышленный пролетариат, сохранили свой родной язык, свою национальность.

В то время как крупное землевладение, так же как и большинство крупных промышленных предприятий в Верхней Силезии, находились к концу XIX в. почти целиком в руках немецких магнатов земли и капитала, миллионные массы крестьянства, а также рабочий класс были польскими. Таким образом, здесь национальный гнет особенно тесно и непосредственно переплетался с гнетом социальным, с классовыми противоречиями между широкими слоями крестьянства и крупными прусскими аграриями, между растущим пролетариатом и магнатами капитала.

Еще во второй половине XVIII в. в Верхней Силезии возник ряд угольных шахт. В середине XIX в. в результате технических изобретений и быстрого развития капитализма строительство шахт и угледобыча в Верхней Силезии приняли широкий характер.

В 50—60-х годах XIX в. в Катовицком, Бытомском, Забжском, а отчасти и в Рыбницком и Пщыньском районах Верхней Силезии было построено множество новых шахт, находившихся в руках прусского государственного ведомства или крупных немецких аграриев.

В то же время в Верхней Силезии получила широкое развитие разработка железной руды, цинка, олова и ряда других важных ископаемых.

Промышленное развитие Верхней Силезии привело к быстрому росту городского населения; вокруг шахт, рудников и заводов вырастали многочисленные горнозаводские поселки, быстро превращавшиеся в крупные промышленные центры. Так, город «Королевская Гута» возник в 1869 г. из нескольких соединившихся поселков, население которых не превышало в общей сложности 5 тыс. человек; в 1880 г. в нем насчитывалось уже 32 тыс., а в 1900 г. — 59 тыс.²

¹ См. „Stat. Jahrbuch für den preussischen Staat, 1903“, Berlin, 1904, S. 5—12.

² См. там же.

Промышленный город Бытом насчитывал в 1880 г. 27 тыс., а через 20 лет, в 1900 г., — 52 тыс. жителей; население г. Катовице выросло с 13 тыс. в 1880 г. до 32 тыс. в 1900 г.¹

«Нигде нет столь разительной противоположности между чисто промышленными местностями и непосредственно к ним прилегающими сельскохозяйственными, — писал в начале XX в. один из виднейших руководителей польской социал-демократии Юлиан Мархлевский, характеризуя последствия быстрого развития капитализма в Силезии, — ... Промышленность завоевала здесь земледельческую страну, — с американской быстротой возникли здесь многочисленные фабричные поселки, где, — как нигде в другом месте, — безраздельно господствует бизнес, — настоящие норы, запущенные в санитарном и культурном отношении. . . И тут же, как только исчезают из поля зрения фабричные трубы, начинаются крупные имения земельных магнатов»².

Сконцентрировав в своих руках почти все шахты, прусские аграрии превращались сами в горнопромышленных магнатов, а впоследствии и во владельцев наиболее значительных металлургических и других промышленных предприятий. Таким образом, в Верхней Силезии, этой исконно польской области, не только земля, но и большая часть других средств производства были захвачены графами Хейнкель фон Доннерсмарк, князьями Ратиборскими, Гогенлоэ, Плесс, графами Ренар и другими представителями прусской знати.

В руках графов Баллештрем было сосредоточено 5 угольных и 2 цинковых шахты, на которых работало около 6 тыс. горнорабочих; графы Хейнкель фон Доннерсмарк владели 7 угольными шахтами, 11 железными и 7 цинковыми рудниками, а также 6 кирпичными заводами и несколькими целлюлозными фабриками, на которых было сосредоточено в общей сложности 12 тыс. рабочих; князья Гогенлоэ-Ориген являлись владельцами 6 угольных шахт, 6 цинковых рудников и нескольких фабрик, на которых работало 10 тыс. рабочих³.

Быстрый процесс концентрации производства сопровождался образованием в Верхней Силезии крупных монополистических организаций с участием немецкого и иностранного капитала. В руках владельцев многочисленных огромных концернов были сконцентрированы почти все железные и цинковые рудники и угольные шахты Верхней Силезии, а также ряд крупных металлургических и химических предприятий. Испытывая большие затруднения со сбытом своей продукции, некоторые верхнесилезские промышленные магнаты основывали свои предприятия в промышленных центрах Царства Польского (особенно Домбровского района), а также в Галиции, Румынии и Венгрии.

Интересные данные по вопросу об истории возникновения крупнейших верхнесилезских концернов и об экономических ресурсах, которыми они располагали в начале XX в., приводятся в содержательной статье А. Гродека, опубликованной в Польской народно-демократической республике, в журнале «Przegląd Zachodni».

Эти данные показывают, как далеко к этому времени зашел процесс концентрации производства в верхнесилезской промышленности. Так, на-

¹ См. „Stat. Jahrbuch für den preussischen Staat, 1903“, Berlin, 1904, S. 6—8.

² J. Marchlewski. Stosunki społeczno-ekonomiczne w ziemiach zaboru pruskiego, Lwow, 1903, стр. 211.

³ Там же, стр. 211.

пример, $\frac{3}{4}$ рабочих железоделательной промышленности Верхней Силезии были заняты в 1913 г. на предприятиях, входивших в состав пяти крупнейших концернов¹.

Еще более высокого уровня достигла концентрация предприятий в огромных монополистических объединениях цинковой промышленности.

Таким образом, графы фон Доннерсмарк, Гогенлоэ-Ориген, гр. Баллештрём, Ренар и другие представители юнкерской знати, владевшие огромными поместьями и тесно связанные с берлинскими банками и биржей, возглавляли крупнейшие верхнесилезские концерны; последние сосредоточили в своем владении не только всю железоделательную и угольную промышленность Верхней Силезии, но и протянули свои щупальцы по ту сторону границы — в Царство Польское и ряд стран Восточной и Юго-Восточной Европы.

* *
*

Уже эта краткая характеристика социально-экономического развития западных польских земель к концу XIX в. показывает, сколь пагубное влияние оказывал их насильственный отрыв от других польских земель и тяжелый иноземный гнет немецких колонизаторов. Последние вели политику превращения большинства западных польских земель в «аграрные придатки» и всячески препятствовали их промышленному развитию, а наряду с этим хищнически эксплуатировали их богатые экономические ресурсы.

Сравнительная экономическая отсталость западных польских земель, находившихся под властью Германии, выступает с особенной рельефностью при сравнении их экономического развития во второй половине XIX в. с промышленным развитием Царства Польского.

Отмена крепостного права в России и аграрная реформа 1864 г. в Польше способствовали значительному расширению внутреннего рынка. Наряду с этим, включение в российскую таможенную систему открыло широкие рынки сбыта и сырья для растущей в Царстве Польском промышленности. Уже в 50—70-х годах XIX в. здесь происходил быстрый рост фабричной промышленности; Лодзь, Домбров, Варшава вскоре превратились в крупные индустриальные центры с многотысячным пролетариатом². В 60—70-х годах XIX в. была закончена постройка железных дорог, соединивших Варшаву с Петербургом, Москвой, с Белоруссией и Украиной, с г. Быдгощ в Познани, а также с Веней³.

В то время как в западных польских землях, находившихся под властью Германии, количество крупных городов было незначительным, в Царстве Польском происходил быстрый рост больших городов с высоко развитой промышленностью. Так, например, население Лодзи выросло с 32 тыс. жителей в 1860 г. до 150 тыс. в 1885 г. и до 315 тыс. в 1895 г.⁴

Быстрыми темпами росло население Варшавы, увеличившееся со 150 тыс. в 1857 г. до 443 тыс. в 1890 и до 845 тыс. в 1913 г. Этот

¹ См. А. Grodek. *Rozwój kapitalizmu na Górnym Śląsku*. „Przegląd Zachodni“, Rok IV, 1948, № 4, стр. 371.

² См. St. Koszutski. *Rozwój przemysłu wielkiego w Królestwie Polskiem*, Warszawa, 1901, стр. 50.

³ См. Р. Люксембург. *Промышленное развитие Польши*, СПб., 1899, стр. 15.

⁴ См. там же стр. 25.

быстрый рост промышленности явился предпосылкой создания в Царстве Польском в последние десятилетия XIX в. многочисленного промышленного пролетариата.

В западных польских землях, несмотря на сравнительную экономическую отсталость, в последние десятилетия XIX в. также происходило формирование сельскохозяйственного и промышленного пролетариата. Под влиянием развития капитализма в Познани, Поморье и Силезии усилилась дифференциация крестьянства, причем, как было показано выше, процесс пролетаризации крестьянства происходил здесь более интенсивно, чем в германских провинциях.

Значительные слои малоземельных крестьян, владевших лоскутными участками земли, не обеспечивавшими им даже самого скромного прожиточного минимума, были вынуждены искать заработка в юнкерских латифундиях и в хозяйствах гроссбуаэров либо на шахтах и на заводах. Гонимые нуждою и земельным голодом, миллионы польских крестьян и батраков в поисках заработка покидали родные места и в течение долгих лет скитались по чужим странам.

Эта трагедия польских народных масс нашла яркое отображение в польской художественной литературе. В поэме Марии Конопницкой «Пан Бальцер в Бразилии» живо описаны злоключения польских «выходцев», обманутых агентами американских вербовочных компаний, а также их жестокая эксплуатация на рудниках и кофейных плантациях Бразилии, где тысячи польских переселенцев гибли от малярии, тифа и других болезней. Многие «выходцы», преодолевая огромные препятствия, возвращались впоследствии на родину. Поэма «Пан Бальцер в Бразилии» была написана Марией Конопницкой под впечатлением встречи с возвращающимися из Америки больными, измученными голодом и тяжелыми испытаниями польскими реэмигрантами, которые брели пешком из марсельского порта через Францию и Швейцарию в свои родные места, в Польшу.

Каких не исходили мы дорог!
Какие звезды в небе не сияли!
Каких не испытали мы тревог!
Какую боль! Какой душевный голод!
Какой жестокий зной и лютый холод!¹

Начиная с 90-х годов эта эмиграция из западных польских земель стала значительно сокращаться, однако в то же время со все возрастающей интенсивностью происходила миграция населения на запад Германии.

Десятки тысяч человек передвигались ежегодно из Познани, Поморья и других польских земель в центральные и западные области Германии. Это движение населения получило название «Sächsehgängerei», т. е. «отхода в Саксонию»; очень скоро, однако, оно распространилось далеко за пределы Саксонии — в крупные промышленные центры и индустриальные области Центральной и Западной Германии. Так, уже в 1900 г. в Берлине находилось свыше 185 тыс. уроженцев западных польских земель, в Гамбурге — свыше 10 тыс. и т. д.

«Название «Sächsehgängerei» стало теперь анахронизмом, — писал Юлиан Мархлевский (Карский), — ибо не только на свекловичных плантациях, на кирпичных и цементных заводах и на строительстве железных дорог Саксонии, но и в Рейнской области, в Бадене, Баварии. Вюртембурге

¹ М. Конопницкая. Пан Бальцер в Бразилии. — Избранное, М., Гослитиздат, 1950, стр. 408.

и даже в Эльзас-Лотарингии имеются целые армии польских рабочих»¹. Но особенно большое количество населения, мигрировавшего из западных польских земель, концентрировалось в индустриальных областях на западе Германии.

Таким образом, польский рабочий класс и польское крестьянство с удвоенной тяжестью ощущали на себе все последствия капиталистической эксплуатации, сочетавшейся с жестоким национальным гнетом.

2. ОБОСТРЕНИЕ ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОЙ АНТИПОЛЬСКОЙ ПОЛИТИКИ В ДЕРЕВНЕ В КОНЦЕ XIX—НАЧАЛЕ XX в.

Объединение Германии, произведенное «сверху», на прусско-юнкерской милитаристской основе, не только не улучшило положения народных масс в западных польских землях, но принесло им ряд новых испытаний.

Характеризуя итоги 27-летнего хозяйничанья Бисмарка, Энгельс подчеркнул, что широко осуществлявшееся им порабощение чужих народов — аннексия датского Шлезвига и Эльзас-Лотарингии, так же как и «мелочные преследования прусских поляков» не имели «... решительно ничего общего с осуществлением „национального единства“ и «... навлекли на Германию... ненависть всего мира»².

Особенно большое усиление национального гнета принесло с собой наступление периода империализма. Рассматривая западные польские земли как плацдарм военных действий в подготавливавшейся мировой войне и видя в борьбе против польского народа одно из звеньев в осуществлении своей агрессивной политики «Drang nach Osten», германская правящая клика стремилась вытеснить польский народ с его исконных земель, поработить его, сделать эти земли «аграрными придатками» Германии, подавить польскую культуру и искоренить польский язык, — словом, превратить польский народ в бесправных илотов германского империализма.

Уже в середине 90-х годов в германской реакционной прессе, на заседаниях рейхстага и прусского ландтага была развернута шовинистическая антипольская пропаганда. Требуя усиленных вооружений в целях осуществления агрессивных планов германского империализма, немецкие шовинисты всех разновидностей старались отравить сознание немецких народных масс ядом оголтелого буржуазного национализма и призывали к немедленному проведению в жизнь целой программы антипольских мероприятий.

Особенно разнузданный характер носила пропаганда, развернутая наиболее агрессивными идеологами германского империализма из «Пангерманского союза», а также из основанного по инициативе пангерманцев и при непосредственном содействии уже пребывавшего в отставке Бисмарка так называемого «Союза содействия германству в восточных окраинах», получившего сокращенное название «Deutscher Ostmarkenverein».

Уже в 1891 г. на заседании Центрального правления «Пангерманского союза» было принято специальное решение по польскому вопросу, в котором подчеркивалась необходимость усиления антипольской политики в западных польских землях; в этом документе довольно откровенно под-

¹ J. Karski. Die Neue Zeit, XIX Jrg., Bd. I, S. 722.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVI, ч. II, стр. 358—359.

черкивалось, что жестокая антипольская политика должна являться составной частью общего враждебного славянским народам политического курса вильгельмовской Германии.

Политические партии юнкерства и империалистической буржуазии — консерваторы, имперские консерваторы и национал-либералы, которые нередко лицемерно пытались «отмежеваться» от пангерманцев, на деле целиком разделяли их идеологию звериного шовинизма, их ненависть к славянским народам, их антипольские планы. Все эти юнкерские и буржуазные партии — в более или менее откровенной форме — всячески способствовали обострению национального гнета. При подготовке тех или других антипольских мероприятий во всех органах печати, находившихся на службе этих партий, поднималась бешеная травля польского народа.

К этому отвратительному хору присоединяли свои голоса и ученые лакеи буржуазии, которые использовали кафедры университетов, страницы толстых журналов и свои «ученые» труды для пропаганды всякого рода клеветнических, расистских измышлений, направленных против польских народных масс.

Немецкие шовинисты всех разновидностей крикливо призывали к истребительной политике против поляков («Ausrottungspolitik») и к искоренению польского народа. Они усиленно подчеркивали «крупное военно-стратегическое значение» Познани, Силезии и других западных польских земель в связи с предстоящими военными конфликтами и требовали проведения «политики твердой руки» в западных польских землях.

Усилению антипольской пропаганды в вильгельмовской Германии способствовал также глубокий экономический кризис 1900—1903 гг., который усилил господство финансовой олигархии в экономической и политической жизни страны и вместе с тем способствовал растущему обнищанию народных масс и подъему рабочего движения.

Придя на пост имперского канцлера в условиях углубления внутривнутриполитических противоречий, роста реакции и экспансионистских устремлений германского империализма, Бюлов поставил перед собой задачу укрепления юнкерски-буржуазного империалистического блока. Сохранив преобладающее влияние прусских юнкеров в государственном аппарате и в армии и обеспечив им за счет дальнейшего снижения жизненного уровня народных масс высокие цены на продукты сельского хозяйства, Бюлов осуществлял одновременно широкую программу вооружений в интересах империалистической буржуазии.

Захватническая политика «Drang nach Osten», рост милитаризма и усиление реакции в вильгельмовской Германии в конце 90-х—начале 900-х годов сопровождалась обострением национального гнета и правительственной антипольской политики. Позиции нового канцлера в польском вопросе вполне отвечали запросам германской империалистической клики.

В своих мемуарах Бюлов откровенно признает, что в своей политике в Познани и Поморье он руководствовался чувством глубокой ненависти и вражды к польскому народу.

«Я был свободен от сентиментальных чувств в отношении поляков, — заявлял Бюлов. — Я не забыл ни о позиции польской интеллигенции в 1830 и 1848 годах, ... ни о первой битве под Танненбергом, — о величайшем за ряд столетий поражении, которое потерпел наш народ»¹.

¹ В. Bülow. Denkwürdigkeiten, Bd. I, Berlin, 1930, S. 564.

В первые же годы после прихода к власти Бюлов неоднократно выступал с заявлениями, недвусмысленно характеризовавшими его как сторонника жестокого осуществления германизаторской политики в западных польских землях.

Поставив перед собой задачу вытеснения польского населения с его исконных земель, германская империалистическая клика уже в конце 90-х годов резко обострила правительственную политику в польском вопросе.

Это нашло свое проявление в преследованиях польских общественных организаций и польского языка, в политике подавления польской культуры и в издании целого ряда чрезвычайных антипольских законов. Однако в центре внимания немецкой шовинистической антипольской пропаганды и вместе с тем в центре внимания германских и прусских властей в рассматриваемый период была политика колонизации, ставившая своей целью вытеснение польского народа с его исконных земель.

В январе 1898 г. имперский канцлер Гогенлоэ-Шиллингфюрст внес на утверждение прусского ландтага законопроект об увеличении фондов, предназначенных для колонизации западных польских земель, на 100 млн. марок. Это предложение нашло полную поддержку со стороны консерваторов и национал-либералов. В ответ на агрессивные антипольские выступления канцлера Гогенлоэ, прусского министра финансов фон Микеля, а также ряда представителей немецких юнкерских и буржуазных партий польский депутат Язбджевский выступил с протестом против вотирования новых антипольских ассигнований и заявил о демонстративном отказе польской фракции участвовать в обсуждении внесенного законопроекта¹.

Декларативный «отказ» лидеров «Польского кола» от обсуждения внесенного правительством антипольского законопроекта на деле означал лишь политику развязывания рук прусским властям в их наступлении против насущных интересов польского народа.

Уже в этой позиции «Польского кола» наглядно проявилось характерное для возглавлявших его представителей польской шляхты стремление — под прикрытием «протестов» и «оппозиционных деклараций» добиться соглашения с правящими кругами вильгельмовской Германии. В обстановке растущего углубления классовых противоречий реакционные лидеры польской фракции усматривали свою задачу не в защите национальных интересов польского народа, о которых они лицемерно декларировали, а в совместной борьбе рука об руку с прусскими юнкерами против народных масс.

Принятый большинством прусского ландтага законопроект удваивал ассигнованный при Бисмарке в 1886 г. в антипольских целях колонизационный фонд. Вскоре вслед за тем, уже с приходом Бюлова, последовал ряд дальнейших мероприятий в этом направлении. В июне 1902 г. реакционное большинство прусского ландтага снова увеличило ассигнования в фонд Колонизационной комиссии до 350 млн. марок; наряду с этим в распоряжение прусских властей передавались специальные фонды в размере 100 млн. марок на закупку лесных угодий и доменов в целях «укрепления крупного немецкого землевладения».

¹ См. „Preussischer Landtag. Stenographische Berichte über die Verhandlungen des Hauses der Abgeordneten“. XVIII Lgp., S. 108—109.

Усилению правительственной политики колонизации западных польских земель способствовал аграрный кризис конца XIX в. В условиях происходившего уже со второй половины 70-х годов быстрого падения хлебных цен жадные к наживе прусские аграрии старались возможно выгоднее сбывать часть своих имений, используя полученные капиталы в целях интенсификации хозяйства либо вложения их в различные финансовые, промышленные и торговые предприятия. Возраставшая под влиянием аграрного кризиса задолженность землевладения и наряду с этим происходивший под влиянием спекулятивного ажиотажа, вызванного скупкой земель Колонизационной комиссией, быстрый рост цен на землю уже в последние десятилетия XIX в. создали условия, благоприятствовавшие парцеллированию известной части крупного землевладения. Прусские власти и Колонизационная комиссия старались использовать эти условия в своих, враждебных польскому народу целях, для вытеснения польского землевладения и насаждения немецких колонистов.

В то время как в первое десятилетие после основания Колонизационной комиссии она приобретала главным образом земли польских владельцев, очень скоро ей пришлось от этого отказаться.

В 1896 г. прусские власти были вынуждены разрешить Колонизационной комиссии покупку земли и у немецких землевладельцев. Уже в ближайшие годы количество земли, приобретенной у поляков, составляло лишь около 20% всех ее закупок; так в 1898—1901 гг. из купленных комиссией 66 932 га 52 781 га были приобретены у немецких аграриев.

Германские реакционные публицисты нередко пытались «доказать», что вся политика Колонизационной комиссии зиждется на «конституционной основе», ибо каждый, мол, «волен» в совершении той или иной сделки по «купле и продаже земли». Однако уже содержание германского законодательства 90-х годов по данному вопросу наглядно свидетельствует о том, что вся система немецкой колонизации западных польских земель в конце XIX—начале XX в. была основана на резко враждебных польскому народу чрезвычайных законах. Колонизационная комиссия поставила перед собой задачу заселения парцеллируемых ею земель только немцами. Уже в «Колонизационном акте» 1886 г. в качестве основной задачи поселения колонистов выдвигалось «усиление германства» против «грозящей полонизации». Изданные вслед за тем общепрусские законы о «рентных владениях» (от 27 VI 1890 и 7 VII 1891 гг.) исключали поляков из числа лиц, имевших право на поселение и на получение государственного кредита¹.

Наряду с этими национальными ограничениями при подборе колонистов, направленными непосредственно против польского народа, здесь действовал ряд других ограничений — вероисповедного, имущественного и политического характера.

Осуществляя свои преступные колонизаторские планы в западных польских землях, германские правящие классы добивались прежде всего вытеснения польского народа из его исконных земель. Вместе с тем они ставили перед собой задачу насаждения в Познани, Поморье и других западных польских землях немецких «крепких» кулацких хозяйств. При этом германские власти исходили и из соображений военно-стратегиче-

¹ См. „Encyclopedie polonaise“, t. IV, Regime politique et administratif dans la Pologne prussienne. Fribourg — Lausanne, стр. 168; см. также: J. Karski. Die Tätigkeit der Ansiedelungskommission in Posen und Westpreussen. „Die Neue Zeit“, XVI Jrg., Bd. I, 1898, стр. 677.

ского характера, считая, что кулацкие поселения в пограничных польских землях послужат «надежным оплотом» германского империализма в подготавливаемой им войне, в осуществлении политики «Drang nach Osten».

Уже при вербовке поселенцев прусская Колонизационная комиссия выдвигала ряд условий имущественного порядка: каждый из них (глава семьи) должен был владеть имуществом стоимостью в среднем не менее 4850 марок¹. Как размеры земельной площади, так и широкое применение наемного труда в насаждавшихся в западных польских землях немецких колониях свидетельствуют о том, что прусские власти ориентировались при поселении на создание хозяйств кулацкого типа.

Насаждая немецкие колонии, Колонизационная комиссия производила также «отбор» по принципу «политической благонадежности», подвергая будущих колонистов строгой полицейской «проверке». Наряду с требованиями имущественного характера, от поселяемых в западных польских землях колонистов требовалось предоставление «отзыва о благонадежности» от полицейских властей с места их прежнего жительства. Таким образом, немецкие колонизаторы подбирали колонистов на основе ряда специальных ограничений национального, вероисповедного, имущественного и политического порядка; задачей этих ограничений было насаждение в пограничных польских землях широкого слоя коррумпированных, воспитанных в духе реакционного пруссачества и монархизма, «крепких» кулаков-колонистов.

Однако уже в конце 90-х — начале 900-х годов антипольские происки немецко-прусских колонизаторов натолкнулись на возрастающее сопротивление польских народных масс.

Происходившее в последние десятилетия XIX—начале XX в. пробуждение угнетенных наций на востоке и юго-востоке Европы нашло свое выражение и в усилившемся во всех трех частях Польши росте польского национального движения, в возросшем стремлении польского народа к воссоединению, в борьбе польских народных масс против социального и национального гнета. Оживление польского национального движения в западных польских землях проявлялось и в борьбе польских народных масс против подавления польской культуры и германизации школы.

Известно, что в первые годы после образования в 1886 г. прусской Колонизационной комиссии многие крупные польские аграрии, прельщаемые высокими ценами на землю, охотно продавали ей свои имения. В результате за первое десятилетие, к 1895 г., площадь польского землевладения в Познани и Восточном Поморье (Западной Пруссии) уменьшилась на 40 тыс. га.

Подобного рода «практика» польских земельных магнатов, приносящая большой ущерб польскому народу в его сопротивлении политике колонизации польских земель, встречала осуждение в широких общественных кругах. В польских газетах систематически публиковались фамилии землевладельцев, соглашавшихся продавать свои имения Колонизационной комиссии. Эпитет «sprzedawczyk» («спекулянт») звучал в те годы, как позорное клеймо.

С середины 90-х годов польские помещики значительно реже продавали свои земли немцам и сбывали их главным образом польским parcelирующим организациям. Это произошло, однако, не столько под

¹ См. „Германская колонизация польских провинций Пруссии“. СПб., 1894, стр. IV.

моральным воздействием общественного мнения, сколько под влиянием ряда стимулов и соображений экономического характера. В условиях аграрного кризиса, низких цен на хлеб и быстрого роста цен на землю многие польские аграрии были заинтересованы в продаже части своих земель польским парцеллирующим организациям, тем более что последние выдвигали при покупке земель чрезвычайно выгодные условия. Таким образом, польские земельные магнаты под прикрытием «национальных соображений» использовали в своих корыстных интересах тяжелый земельный голод польских крестьян и сельскохозяйственных рабочих.

Уже в 90-х годах XIX в. в Познани и Восточном Поморье польские кредитные и кооперативные организации развернули большую работу по парцеллированию земли и по поселению на созданных участках польских владельцев. В 1891 г. все эти организации объединились в «Союз кооперативных товариществ в Познани и Поморье» («Związek spółek zagobkowych») ¹.

Во главе парцеллирующих организаций стояли представители националистической буржуазии — сельские богатеи, а нередко и местные помещики и ксендзы. В своих заметках по поводу книги Л. Бернгарда «Поляки в Пруссии» ² В. И. Ленин пишет: «Тысячи проделок поляков — подставные лица — надувание казны, вздувание цен и пр. и пр. Местные жители, крестьяне, организованные в союзы, при помощи банков, агентов, попов, помещиков («за польскую землю») перебивают землю у немцев!!!» ³

Однако успешное развертывание парцеллирования стало возможным только благодаря поддержке, которую ему оказывали значительные слои польских крестьян ⁴.

В то время как прусская Колонизационная комиссия, насаждая сотни немецких колоний, опиралась на весь аппарат юнкерско-буржуазного государства и располагала огромными правительственными фондами, польские парцеллирующие организации мобилизовывали в целях парцеллирования

¹ См. М. К. Любавский. История западных славян, М., 1917, стр. 442.

² L. Bernhard. „Das polnische Gemeinwesen im preussischen Staat“. Die Polenfrage, Leipzig, 1907.

³ Ленинский сборник XXX, 1937, стр. 79.

⁴ Это противодействие польских крестьян проискам немецких колонизаторов нашло отражение в стихотворении талантливой польской писательницы Марии Конопницкой „Непродажное“.

Ходят сюда немцы,
Ходят хлопков мучат:
„Кто продаст нам землю,
Червонцы получит!“

Ах немец ты, немец,
Напрасно ты крутишь,
Ни земли, ни хаты,
Вовек не получишь!

Спрячь свои червонцы,
Не подходит мера!
Кто продаст отчизну
Не нашей он веры!

Ты богатый, немец,
Я нуждой заеден.

А для нас ты, немец,
Окажешься беден!

Дашь ты мне червонцы
За хату, за ниву.
А кто мне заплатит
За месяц над ивой?

А кто мне заплатит
За ясное солнце,
Что с каждой зарею
Входит нам в оконце?

Нет! Не дам ни пяди!
Спрячь-ка, немец, деньги:
Кто вам землю продал,—
Отчизне — изменник!

массу мелких сбережений, в том числе и сбережения сотен тысяч мало-земельных крестьян и сельскохозяйственных рабочих, отправлявшихся в поисках заработка в центральные и западные индустриальные районы Германии. Рост парцеллирования и противодействие польских крестьян переходу земли в руки юнкеров и прусской Колонизационной комиссии являлись известным препятствием на пути осуществления антипольских замыслов немецких колонизаторов.

Польские кооперативные и парцеллирующие организации вынуждены были преодолевать большие трудности в своей работе. Усматривая в их деятельности препятствие на пути к осуществлению своих враждебных польскому народу замыслов, германские власти подвергали их преследованиям. Но особенно большие затруднения возникли перед польскими парцеллирующими союзами в связи с изданием в 1904 г. антипольского «закона о поселении», посредством которого германская правящая клика рассчитывала положить конец польскому парцеллированию и перейти в новое, развернутое наступление против польского народа.

Специальный параграф (136) этого закона запрещал поселение на землю в Познани и Восточном Поморье без свидетельства от местных властей о том, что оно «не преследует целей, противоречащих закону 1886 года»¹. Польским крестьянам не разрешалось возведение каких бы то ни было жилых и хозяйственных строений, даже если земельный участок был приобретен задолго до издания «закона о поселении». Пресловутый параграф 136 ставил своей задачей воспрепятствовать польскому парцеллированию, ибо всякое приобретение земли поляками местные власти считали несовместимым с «духом закона 1886 года» и приносящим ущерб немецким «национальным интересам». Таким образом, польский крестьянин, купивший себе небольшой клочок земли, не имел права обзавестись ни жилищем для себя и своей семьи, ни самыми необходимыми хозяйственными постройками. Особенно тяжелый ущерб этот антипольский закон наносил польским малоземельным и безземельным крестьянам.

Министр внутренних дел Гаммерштейн заявил в ландтаге, что закон против парцеллирования должен явиться «острым мечом», который нанесет полякам более сильный удар, чем все предшествующие антипольские мероприятия.

В защиту нового реакционного антипольского закона выступили представители правительственных партий — консерваторов, так называемой «Имперской партии» и национал-либералов.

Выступавшие с критикой внесенного на обсуждение законопроекта представители оппозиционных партий указывали, что он находится в противоречии как с имперской конституцией, так и с законом 1867 г. «о свободе передвижения» («Freizügigkeitsgesetz»), согласно которому каждый подданный должен был иметь право приобретения земли в любом районе.

Представитель польской фракции заявил в своей речи, что принятие законопроекта будет иметь своим последствием дальнейший рост миграции населения из западных польских земель и сделает поляков еще более непримиримыми врагами Пруссии².

С критикой параграфа 136 выступил и один из лидеров партии центра Рёрен, указавший, что под влиянием этого параграфа усилится

¹ „Encyclopedie polonaise“, т. IV. „Regime politique... dans la Pologne prussienne“. Fribourg — Lausanne, 1918, стр. 327.

² См. „Schulthess Europäischer Geschichtskalender“, 1904, Bd. I, S. 85.

разорение польских крестьян и отход их в города. Рёрен взывал при этом к «благоразумию» немецких правящих классов, пугая их перспективой роста «польской опасности» в городах.

Выступления лидеров центра еще раз продемонстрировали лицемерие и реакционный характер их политических позиций в польском вопросе. Стремясь сохранить свое влияние в среде польской мелкой буржуазии и в отсталых слоях польских рабочих, депутаты центра нередко выступали в рейхстаге и в прусском ландтаге с «критикой» правительственных антипольских мероприятий как в области экономической и политической, так и в вопросах культуры. Однако несмотря на отдельные «критические» выступления, эта партия отнюдь не была, конечно, противником правительственной антипольской политики. Являясь представителями немецких католических земельных и промышленных магнатов, заинтересованных в политике империалистической экспансии, лидеры партии центра, вопреки всем своим демагогическим посулам, голосовали за высокие таможенные пошлины, за косвенные налоги на предметы первой необходимости, за агрессивную колониальную политику, за крупные военные ассигнования.

Представители этой империалистической партии, вместе с другими немецкими юнкерско-буржуазными партиями, несли ответственность за осуществление антипольских мероприятий германской правящей клики.

Таким образом, новый антипольский закон, внесенный правительством Бюлова, был принят реакционным большинством прусского ландтага.

Вопрос о прусском «законе о поселении» стал предметом обсуждения германского рейхстага в марте 1905 г. в связи с прениями по вопросу об имперском бюджете на 1905 год. Как и в ходе обсуждения этого чрезвычайного антипольского закона в ландтаге, консерваторы обеих разновидностей и национал-либералы усиленно защищали законопроект и выдвигали всяческие «аргументы» в его пользу.

С критикой принятого прусским ландтагом «закона о поселении» выступил Август Бебель; в своей речи он напомнил о тщетных усилиях Бисмарка путем преследований, путем «исключительного закона против социалистов» нанести сокрушительный удар против рабочего движения. Старый вождь германских рабочих решительно осудил новый чрезвычайный закон, направленный против насущных интересов не только польских, но и немецких народных масс, и заклеймил применяемые правительством против поляков «мелочные и враждебные методы»¹.

Следует, однако, отметить, что даже Бебель, выступая с осуждением антипольской политики имперских и прусских властей и с критикой бюловского чрезвычайного «закона о поселении», не сделал отсюда необходимых выводов о задачах, стоящих перед немецкими и польскими рабочими в борьбе против национального гнета. Как и другие лидеры II Интернационала, Бебель рассматривал национальный вопрос вне связи с вопросом об империализме, с вопросом о революции, и считал возможным его разрешение путем отдельных реформ. Вот почему, несмотря на искреннее возмущение, звучавшее в этом, как и во многих других выступлениях Бебеля по вопросу об антипольской политике германской правящей клики в западных польских землях, он не указывал польским и

¹ „Verhandlungen des deutschen Reichstages“, Session 1903—1905, Bd. VII, S. 5293.

немецким рабочим пути к разрешению вопроса о ликвидации национального гнета, тяготевшего над польским народом.

С критическими замечаниями по поводу принятого прусским ландтагом «закона о поселении» выступили и представители «Польского кола» — Брудзево-Мельжийский и другие. Однако представители польской фракции и на этот раз остались верными себе: выступая против нового антипольского закона, они апеллировали к «чувству самосохранения» германских правящих классов, запугивая их перспективой распространения социалистических идей в среде вытесняемого с земли польского крестьянства¹.

Принятый реакционным большинством прусского ландтага «закон о поселении» нанес значительный ущерб польскому населению Познани и Поморья, чрезвычайно затруднив парцеллирование земли и ее приобретение польскими крестьянами. Несмотря на то, что формально польский крестьянин имел право на покупку земли, это «право» сводилось на-нет запрещением сооружения каких бы то ни было жилых и хозяйственных строений. В ответ на все заявления польских крестьян о разрешении на возведение того или иного строения, со стороны прусских властей следовал неизменный отказ². Истолковывая антипольский закон 1904 г. в своих интересах, последние придавали ему «обратное действие»: даже тем польским крестьянам, которые приобрели свои парцеллы до его издания, но не успели по тем или другим причинам возвести на них жилые и хозяйственные строения, это было теперь запрещено³.

Яркий пример подобного рода использования закона 1904 г. прусскими властями привел впоследствии в своем выступлении в рейхстаге польский депутат рейхстага Кулерский. В районе Грудзэндз (Мальборкский округ в Восточном Поморье) 17 польских крестьян и батраков за три года до издания «закона о поселении» купили себе небольшие участки земли; однако местные власти в течение двух лет отказывали им в разрешении на возведение каких бы то ни было построек, а когда им пришлось явочным порядком соорудить себе какие-то примитивные шалаши, они были выброшены из этих «жилищ» вместе со своими большими детьми; дальнейшее пребывание на этой «собственной» земле стало невозможным, а весь урожай погнил от дождей, ввиду отсутствия амбаров⁴.

«Закон о поселении» тяжело отражался на жилищных условиях польских крестьян и сельскохозяйственных рабочих. В одном из выступлений польских депутатов в рейхстаге приводится следующий характерный эпизод, рисующий тяжелые последствия этого антипольского закона.

Польский батрак Феликс Офьяра из Грабова (Остжешовского р-на в Познани), купив маленький земельный участок и наняв комнату для своей семьи в восемь человек, устроил для своей взрослой дочери жилое помещение в построенном им хлеву; однако местные власти вынудили его,

¹ „Verhandlungen des deutschen Reichstages“, Session 1903—1905, Bd. VII, S. 5352; 5278—5279.

² См. Świdm a. 20 Lat Komisji Kolonizacyjnej, „Przegląd polski“, R. XV, 1906, т. IV, стр. 311.

³ Свидетельством подобного самоуправства прусских властей являлись многочисленные заброшенные недостроенные домишки, замеченные в окрестностях Познани, посетившим их как-то парижским журналистом. В ответ на его вопрос о происхождении этих „руин“, ему рассказали о польских крестьянах, начавших застройку купленных ими участков, а затем, после издания закона 1904 г., вынужденных их покинуть (см. „Verhandlungen des deutschen Reichstages“, Bd. 228, S. 1285).

⁴ См. „Verhandlungen des deutschen Reichstages“, Session 1903—1905, Bd. VII, S. 5101.

под угрозой административных мер, «очистить» хлев и запретили ему подобное «незаконное» расширение своего жилища¹.

В ряде случаев прусские власти использовали «закон о поселении» для вопиющих злоупотреблений, приводивших к грубому ограблению ими польских крестьян.

Так, в ряде деревень в Щытновском районе (Восточная Пруссия) прусские чиновники выманивали у польских крестьян, ходатайствовавших о предоставлении им права на «поселение», особые «обязательства», гласившие, что приобретенный участок должен быть по первому же требованию «уступлен» «Восточно-прусскому земельному обществу». На основе этих «обязательств» польские владельцы вновь приобретенных участков во многих случаях очень скоро получали предписание о немедленной передаче земли в распоряжение «Восточно-прусского земельного общества» и об административном выселении. В своем письме в местную газету престарелый польский рабочий Адам Пшыгода, житель одной из деревень Щытновского района, рассказывает о своих мигрствах, последовавших в ответ на отказ подписать указанное выше «обязательство». Вместе со своей больной женой и 80-летней слепой матерью он был выброшен из жилища. Все его апелляции к властям оказались безрезультатными.

«Да поможет мне бог выдержать эту войну, ибо я не знаю, что со мною будет», — писал Пшыгода о вопиющих злоупотреблениях, совершавшихся прусскими чиновниками на основе изданного Бюловым нового антипольского закона².

Подобного рода «практика» прусских властей усугубляла возмущение, вызываемое антипольским законодательством в широких польских народных массах, и нередко приводила к кровавым эксцессам. Приведем в качестве примера следующие факты. Бывший польский горняк, инвалид труда Хрущ в г. Пщов Рыбницкого округа (Верхняя Силезия), несмотря на его многочисленные ходатайства о разрешении на постройку жилища, получил отказ на основе нового «закона о поселении». Пройдя все «инстанции», он построил на своей парцелле сарай, вырыл под ним глубокий подвал, в котором и поселился. В ответ на предписание местных властей о его выселении, он отказался его выполнить. Когда явились жандармы с рабочими и принялись разрушать подземелье, Хрущ убил жандарма, а затем, окруженный полицейскими, застрелился³. Депутат Кулерский, рассказав об этом — одном из многих других — трагическом эпизоде, ярко рисующем положение, в которое были поставлены польские крестьяне в результате варварской политики прусских властей, подчеркнул, что именно на последних лежит вина за подобного рода кровавые эксцессы. «Настоящие виновники до самой своей смерти будут слышать в ушах своих возглас: „убийцы!“»

Изданный Бюловым «закон о поселении» чрезвычайно затруднял польское парцеллирование, однако приостановить его он не смог. Польские кооперативные и кредитные общества и крестьянские союзы продолжали свою деятельность обходными путями, — покупая у немецких владельцев уже застроенные земельные участки, либо же ограничиваясь так называемым «парцеллированием по соседству»: вновь купленный участок

¹ См. „Preussischer Landtag. Stenogr. Berichte über die Verhandlungen des Hauses der Abgeordneten“, XXI Lgp. V Session, 1912—1913. Bd. IV, S. 4660—4661.

² „Preussischer Landtag. Stenogr. Berichte über die Verhandlungen des Hauses der Abgeordneten“. XXI Lgp., V Session. 1912—1913. Bd. IV, S. 4668—4670.

³ „Zandarm pruski a chłop polski“, „Praca“, Poznań, 19. VIII 1906 г.

присоединялся к другому участку, что давало возможность владельцу пользоваться соседними строениями.

Широкую известность приобрели и другие способы «обхода» бюловского антипольского закона 1904 г. Купив клочок земли, на котором ему не разрешалось построить даже небольшой хижины, польский батрак Войцех Джымала из Подградовиц поселился в фургоне для перевозки мебели, прорубив в нем окна и поставив железную печь. Это своеобразное «жилище», не являющееся постройкой, позволяло измученным земельным голодом польским крестьянам «обойти» изданный немецкими колонизаторами антипольский закон. Примеру Джымала последовали многие другие. Количество его «последователей» столь возросло, что один познанский фабрикант счел выгодным специально заняться сооружением таких фургонов, — в них приходилось искать себе пристанища многим польским крестьянам, лишенным прусскими властями права построить себе человеческое жилище¹.

Антипольский «закон о поселении» 1904 г. воочию показал, что германская правительственная политика главным своим острием направляется против широких народных масс и, прежде всего, против польского крестьянства. Неудивительно, что издание этого закона вызвало глубокое возмущение и многочисленные протесты в польских народных массах.

В своих донесениях в прусское министерство внутренних дел местные прусские власти в Познани, Поморье, Силезии, а также в ряде округов Рейнско-Вестфальской области, где в начале XX в. были сконцентрированы сотни тысяч польских рабочих, сообщали о горячих протестах польских рабочих организаций и национальных обществ против «закона о поселении»².

Направленная своим острием против польского крестьянства, политика колонизации натолкнулась на упорное сопротивление народных масс, особенно усилившееся под влиянием русской революции.

* * *

Буржуазно-демократическая революция 1905—1907 гг. в России, сыгравшая громадную роль в историческом развитии нашей страны, имела одновременно и большое международное значение. Возникшая в условиях, когда центр международного революционного движения переместился в Россию, эта революция являлась «...узловым пунктом мировой революции...», и поставленные ею коренные вопросы «...являлись вместе с тем... коренными вопросами мировой революции»³.

Революционная борьба народных масс России наносила удар не только по реакционному русскому самодержавию, не только по русским помещикам и капиталистам, но и по всей системе мирового империализма.

Русская революция способствовала значительному обострению классовых противоречий в странах Европы и Азии и положила начало

¹ В польской печати приводится ряд идентичных примеров, свидетельствующих о том, что эта своеобразная форма протеста польских крестьян против нового антипольского закона применялась во многих других польских деревнях — в Поморье, в округе Косцежыны, в Радлине, в Длугимосте и т. д. (См. А. Majkowski. *Kultura pruska na Kaszubach*, „Gryf“, 1909, стр. 28; „Encyclopedie polonaise“, т. IV, стр. 328 и др.).

² См., напр., адресованное министру внутренних дел донесение регирунгс-президента г. Арнеберг от 20 декабря 1904 г. („Über den Stand der Arbeiter — insbesondere der social-demokratischen, christlichen und polnischen Bewegung“, S. 961).

³ И. Сталин. Вопросы ленинизма, изд. 11, стр. 357.

целому ряду революционных и демократических движений. Героическая борьба пролетариата России вызвала глубокие симпатии в рабочем классе, в широких народных массах Германии. При первых сообщениях в печати о расстреле многотысячной демонстрации у Зимнего дворца в ряде промышленных центров Германии начались демонстрации протеста против этого страшного злодеяния царизма.

Под влиянием событий в России усилился подъем массового стачечного движения германского рабочего класса. Среди германских рабочих приобрела огромную популярность идея массовой политической стачки. На рабочих собраниях, в низовых организациях германской социал-демократии, в социалистической печати все громче звучали требования применения массовой политической стачки в Германии для борьбы против прусской реакционной трехклассной избирательной системы.

Энергичную деятельность по пропаганде «русских методов» борьбы рабочего класса и прежде всего идеи массовой политической стачки развернули представители левого революционного течения в германской социал-демократии — Роза Люксембург, Клара Цеткин, Франц Меринг и другие.

Под влиянием этой пропаганды на съезде социал-демократии в Йене было принято решение о возможности применения массовой политической стачки, как «одного из наиболее действенных средств борьбы рабочего класса».

Особенно большого размаха достигло массовое рабочее движение в Германии осенью 1905 г., в месяцы высшего подъема первой русской революции. В Саксонии, в Берлине, в Гамбурге и в ряде других промышленных центров рабочие развернули активную борьбу против реакционной прусской избирательной системы.

Одним из проявлений влияния русской революции явилось и обострение классовых противоречий в западных польских землях, где в 1905—1906 гг. наступил значительный подъем стачечного движения, а также развернулись массовые выступления солидарности с русской революцией¹.

В этой обстановке нарастания внутривластных противоречий в стране правящие классы Германии пошли по пути дальнейшего усиления реакционного курса правительственной антипольской политики. Поводом для нового взрыва враждебной польскому народу шовинистической пропаганды явилось опубликование в 1906 г. прусским правительством очередного официального отчета об итогах колонизации за 20 лет (1886—1906 гг.)².

Подводя итоги работы Колонизационной комиссии за 20 лет, прусские власти вынуждены были констатировать, что, несмотря на огромные фонды, ассигнованные в ее распоряжение, успехи в области колонизации земель за последние 20 лет являются весьма мизерными. Из 590 имений, закупленных Колонизационной комиссией до 1906 г., только 175 (т. е. около 30%) было приобретено у польских землевладельцев, а 406 (т. е. около 70%) — у немецких³.

¹ См. подробнее ниже, стр. 197—198.

² См. „Zwanzig Jahre deutschen Kulturarbeit. Tätigkeit und Aufgaben neupreussischen Kolonisation in Westpreussen und Posen“. — „Preussischer Landtag. Haus der Abgeordneten“, XX Lgp., III Session, 1907, Drucksachen, Bd. VI, Drucksache № 501, S. 3577.

³ См. „Preussischer Landtag. Haus der Abgeordneten“. XX Lgp., III Session, 1907, Bd. VI, Drucksachen, S. 3601.

Если до образования Колонизационной комиссии количество земель, находившихся в руках польских владельцев, сокращалось, то за 20 лет, прошедших со времени ее основания, в руки польских владельцев перешло на 100 тыс. га земли больше, чем в руки немцев.

В связи с опубликованием «Меморандума» об итогах колонизации за 20 лет в печати началась полемика по вопросу о дальнейшем направлении правительственной политики в западных польских землях. Даже в некоторых либерально-буржуазных кругах в связи с опубликованием этих итоговых данных выражалось сомнение в целесообразности продолжения проводившегося до тех пор Колонизационной комиссией курса и правительственной политики чрезвычайных законов¹.

В страхе перед влиянием русской буржуазно-демократической революции 1905—1907 гг. не только на широкие слои трудящихся Германии, но и на польские народные массы Познани, Поморья и Силезии, некоторые немецкие буржуазные политики лицемерно призывали к «примирению» с польским народом в западных польских землях.

Представитель так называемых «свободомыслящих» Готайн в своем выступлении на заседании германского рейхстага в декабре 1906 г. заявил, что перспектива предоставления автономии Царству Польскому в результате русской революции сильно обостряет польский вопрос в Германии, ибо русская Польша неизбежно станет центром притяжения для польского населения в других частях Польши и в особенности в западных польских землях.

Между тем во всей правой реакционной юнкерской и буржуазной печати, и в особенности в «Alldeutsche Blätter», «Die Ostmark», «Rheinisch-Westfälische Zeitung», «Kreuzzeitung», «Der Tag», «Post» и др., опубликование «Меморандума» прусской Колонизационной комиссии было использовано как повод к развертыванию новой антипольской кампании. Вся эта шовинистическая пресса подвергала правительство Булова неистовым нападениям за его якобы «нерешительную» и «вялую» политику в польском вопросе. Реакционные газеты вопили о «недостаточно энергичном» проведении в жизнь антипольского «закона о поселении», о массовом переходе «немецких владений» в польские руки, о растущей «польской опасности» и т. д.

Немецкие шовинисты всех разновидностей требовали немедленного осуществления дальнейших законодательных мероприятий, способствующих «ускорению» колонизации польских земель. Вся реакционная, и в особенности пангерманская, печать в 1906—1907 гг. была заполнена различными «проектами» подобного рода законодательных антипольских мероприятий.

Наряду со всеми этими проектами чрезвычайных мероприятий против польского землевладения немецкие шовинисты развернули широкую пропаганду *принудительного отчуждения польских земель*.

В своей пропаганде ограбления польских земель пангерманские элементы использовали страх правящих классов Германии перед влиянием русской буржуазно-демократической революции и дальнейшим ростом польского национально-освободительного движения. Пытаясь запугать германских юнкеров и капиталистов «последствиями массового польского восстания, импортированного через восточную границу», пангерманцы реко-

¹ См. „Verhandlungen des deutschen Reichstages“, XI Lgp., II Session. 1905—1906, Bd. V, S. 4188; см. также „Frankfurter Zeitung“, 1905, № 297; „Münchener Neueste Nachrichten“, 1905, № 505 и др.

мендовали им в качестве «спасения» немедленное проведение принудительного отчуждения польских земель.

«Ничто не может лучше уберечь Пруссию от угрозы пожаров, не может предостеречь поляков по ту сторону границы от опасных шагов, а также прусских поляков от присоединения к своим сородичам — к толпам инсургентов, проникающим с востока, чем это может сделать составленный в предвидении этой опасности план отчуждения польских земель»¹, — заявляли «гакатисты» в своих исполненных злобы против польских народных масс писаниях.

Особенно острые формы приняла враждебная польскому народу шовинистическая пропаганда в Германии в 1907 г., после образования реакционного бюловского блока.

Партии бюловского блока должны были обеспечить политику вооружений и подготовки к развязыванию войны в интересах хищнического германского империализма; они широко использовали включение англорусского соглашения и создание Тройственного соглашения в августе 1907 г. для лицемерных воплей об «окружении Германии» и призывов к осуществлению ее агрессивных планов. Бряцая оружием и требуя всемерного усиления военных приготовлений, реакционные и агрессивные представители германского империализма усиленно подчеркивали, что, в связи с предстоящей войной против России, западные польские земли приобретут «особое военно-стратегическое значение», и требовали от правительства Бюлова немедленного осуществления основанных на политике открытого насилия новых чрезвычайных мероприятий против польского народа.

Осенью 1907 — весной 1908 г. появился, по прямому заказу прусской правящей клки, целый ряд антипольских памфлетов, всячески доказывавших «необходимость» обострения политики колонизации западных польских земель и немедленного издания ряда антипольских законов.

Осенью 1907 г. враждебная польскому народу кампания, развернутая в Германии, достигла своего апогея. На съезде «Союза восточногерманских окраин», происходившем в августе 1907 г. в Быдгощи (Бромберг), снова было выдвинуто требование немедленного издания закона об отчуждении польских земель. Аналогичные решения были вынесены и на состоявшихся вскоре в Висбадене съездах «Пангерманского союза» (в начале сентября 1907 г.)², а также партии национал-либералов (в начале октября 1907 г.)³.

Эта кампания, развернутая немецкими юнкерскими и буржуазными партиями, была своего рода подготовкой к изданию новых антипольских чрезвычайных законов; уже в ноябре 1907 г. в прусском ландтаге начал обсуждаться являвшийся предметом столь горячих вождедений немецких шовинистов законопроект об отчуждении польских земель в Познани и Поморье. В параграфе 14 этого законопроекта предлагалось присвоить прусским властям «право» отчуждения земель. Хотя здесь об этом не говорилось открыто, речь шла, конечно, исключительно о польских землях.

Ход и результаты обсуждения этого реакционного законопроекта определялись составом прусского ландтага, как известно, продолжавшего в начале XX в. оставаться надежным оплотом прусского юнкерства. Подавляющее большинство в нем составляли консерваторы и национал-либералы — реакционные партии прусских земельных магнатов и финансо-

¹ „Die Ostmark“, 1906, № 7, стр. 71.

² См. „Schulthess Europäischer Geschichtskalender“, 1907, S. 135.

³ См. А. Бебел. Der national-liberale Parteitag und die Social-demokratie, S. 18.

вого капитала¹. Вот почему имперские власти, целиком и полностью несущие ответственность за всю политику колонизации западных польских земель, охотно возлагали законодательное и практическое осуществление ряда антипольских мероприятий на прусский ландтаг.

После длительного закулисного торга в январе 1908 г. на обсуждение палаты депутатов прусского ландтага был внесен окончательный текст законопроекта, согласно которому правительству предоставлялось право на отчуждение польских земель в Познани и в восточном Поморье².

16 января 1908 г. он был принят палатой депутатов прусского ландтага — 198 голосами против 119 (против закона голосовали польские депутаты, партия центра и так называемые «свободомыслящие»).

Вскоре после этого, 27 февраля 1908 г., законопроект об отчуждении польских земель был утвержден большинством палаты господ (143 голоса против 111), а в начале марта он был одобрен реакционным большинством палаты депутатов. Принятый законопроект присваивал правительству право отчуждения земель — в общей сложности не свыше 70 тыс. га — в тех районах Познани и Поморья, «где это необходимо для консолидации и округления немецкой собственности путем поселения немецких колонистов». Для проведения усиленной колонизации польских земель прусский ландтаг вотирует новые крупные ассигнования (400 млн. марок).

Таким образом, немецкие шовинисты добились не только принятия нового чрезвычайного антипольского закона, но и вотируют многомиллионных фондов в целях осуществления своих германизаторских замыслов.

Прибегая к столь «экстраординарным» мерам, правительство Бюлова рассчитывало выйти из того тупика, в который зашла деятельность прусской Колонизационной комиссии. Результаты политики колонизации польских земель за 20 лет показали, что она находится накануне провала. Издавая чрезвычайный антипольский закон, предоставлявший Колонизационной комиссии право насильно вынуждать польских землевладельцев к продаже земли там, где это было выгодно немецким колонизаторам, правительство Бюлова рассчитывало тем самым нанести новый удар по жизненным интересам польского народа, оказывавшего упорное сопротивление колонизации польских земель. Издание в 1907—1908 гг. ряда чрезвычайных антипольских законов являлось звеном во враждебной славянству политике империалистической Германии, в осуществлении ее агрессивных планов в Восточной и Юго-Восточной Европе, в подготовке германского империализма к развязыванию мировой империалистической войны.

Шовинистическая антипольская кампания, развернутая идеологами германского империализма в 1906—1908 гг., и принятие закона об отчуждении польских земель должны были, по их замыслам, отвлечь внимание широких слоев населения от ряда внешнеполитических неудач германской дипломатии, крупнейшими из которых являлось заключение англо-французского и англо-русского соглашений и образование Тройственного соглашения. Наряду с этим, посредством разжигания национальной вражды и

¹ В результате выборов в ландтаг, происходивших в июне 1908 г., в его состав прошли 152 консерватора, 60 членов так называемой „имперской партии“ и 65 национал-либералов; таким образом, из общего количества 443 членов ландтага 277 мест, т. е. 62%, принадлежало этим реакционным партиям; католическая партия центра получила 104 мандата, польская фракция — 15, а впервые проникшая в прусский ландтаг германская социал-демократия — 7 мандатов (см. „Bericht über die parlamentarische Tätigkeit der s.-d. Landtagsfraktion Preussens“, XXI Lgp., I—II Session, S. 4).

² См. Schulthess Europäischer Geschichtskalender, 1908, B. I, стр. 186.

звериного шовинизма, правящие круги вильгельмовской Германии рассчитывали отвести в сторону недовольство народных масс реакционной внутренней политикой и способствовать «смягчению» обострившихся с наступлением империализма классовых противоречий в стране.

* * *

Уже первые сообщения о принятии ландтагом закона об отчуждении польских земель вызвали движение протеста в польском народе. В ряде городов Познани, Силезии и других западных польских земель состоялись массовые собрания немецких и польских рабочих в знак протеста против этого нового антипольского похода правительства Бюлова¹.

С резкой критикой нового антипольского закона выступил один из виднейших руководителей польской социал-демократии Ю. Мархлевский (Карский). В статьях, опубликованных им в связи с изданием прусского закона об отчуждении польских земель, он заклеймил германскую антипольскую политику, как «варварскую глупость и позор»². Разоблачая неспособность польских шляхетских и буржуазных партий к действительному сопротивлению германской реакционной политике чрезвычайных законов, Мархлевский указывал, что только рабочий класс является силой, могущей возглавить борьбу польских народных масс против социального и национального гнета.

Горячо протестовали против этого нового проявления враждебного польскому народу политического курса германской правящей клики представители революционного левого крыла германской социал-демократии. Уже в те дни, когда прусские власти внесли на обсуждение ландтага новый чрезвычайный законопроект, передовая статья «Leipziger Volkszeitung» разоблачала антинародный характер правительственной антипольской политики, проводимой в интересах магнатов земли и капитала.

«Этот колониционный шантаж является одной из наиболее грязных страниц в истории хозяйничанья прусской правящей клики»³.

Когда стало известно о принятии законопроекта об отчуждении польских земель прусским ландтагом, германские левые заклеймили его как «вопиющую варварскую несправедливость»⁴.

В то время как в польских народных массах, испытывавших на себе все тяжелые последствия социального и национального гнета, а также в демократических кругах немецкого народа издание закона об отчуждении вызвало бурю негодования, польские имущие классы, как и ранее, на словах взывали «к божьей справедливости», на деле же всячески старались изыскать возможность «соглашения» с правящими кругами Германии.

Приведем в качестве примера «декларацию протеста», принятую на созванном польскими шляхетскими и буржуазными политиками в Познани 4 мая 1908 г. собрании. Протестуя против издания закона об отчуждении польских земель и антипольских параграфов о языке, авторы декларации спешили засвидетельствовать свою «лояльность» в отношении вильгельмовской Германии и Пруссии: «Несмотря на издание исключительных за-

¹ См. „Leipziger Volkszeitung“, 13.II 1908 г.

² J. Kariski. Rząd pruski i polityka wynarodowania, „Przegląd social-demokratyczny“, 1908, № 1, стр. 67. См. также другие статьи.

³ „Leipziger Volkszeitung“, 26.XI 1907 г.

⁴ Там же, 21.I 1908 г.

конов, мы будем выполнять обязанности, возлагаемые на нас принадлежностью к прусскому государству»¹.

Польские имущие классы и их политические представители, демонстрируя свое «недовольство» в связи с изданием новых антипольских законов, вместе с тем усиленно апеллировали к «благоразумию» прусских юнкеров, пугая их тем, что посредством «отчуждения» польских земель они создают «опасный прецедент», санкционируют «социалистические эксперименты», и призывали их к объединению усилий в борьбе против рабочего класса.

Эта позиция польских имущих классов нашла характерное выражение в вышедшей осенью 1907 г. брошюре польского агрария Станислава Турно «К проекту закона об отчуждении. Открытое письмо прусского гражданина польской национальности». Призывая прусские власти к отказу от издания подобного рода антипольских чрезвычайных законов, Турно выражал надежду на «примирение» обеих сторон; этот представитель польской шляхты рассыпался в уверениях в «лояльности» польского населения в отношении правящих кругов Германии и призывал к объединенной борьбе польских и немецких имущих классов против растущей угрозы «радикализма» и распространения социалистических идей в народных массах².

Кампания протеста против издания нового чрезвычайного антипольского закона развернулась и в других частях Польши.

В широких общественных кругах в Царстве Польском и в польских землях, находившихся под австрийским господством, выдвигались проекты организации бойкота германских товаров, а также полного прекращения миграции польских сельскохозяйственных рабочих в Пруссию. Последнее должно было нанести серьезный экономический ущерб прусским аграриям и вынудить их к отказу от проведения в жизнь закона об отчуждении. «Если Галиция и Царство Польское проявят солидарность и, в случае принятия нового антипольского закона, не допустят в Пруссию ни одного польского рабочего, — писал «Kurjer Warszawski», — можно будет надеяться, что этот аргумент скорее дойдет до сознания большинства прусского ландтага и рейхстага, чем всякие призывы и протесты, преисполненные наиболее благороднейшими чувствами и призывами»³.

Следует, однако, отметить, что, развернув в знак протеста против прусского антипольского курса кампанию за прекращение миграции польских сельскохозяйственных рабочих в Германию, польские буржуазные националисты призывали к «большой осторожности», чтобы не ущемить тем самым интересы польских земельных магнатов в Познани, которые «в случае прекращения въезда рабочих пострадали бы не меньше, чем немцы»⁴.

В связи с обсуждением и принятием прусским ландтагом законопроекта об отчуждении польских земель, ряд польских, чешских и украинских депутатов австрийского рейхсрата выступил с декларациями протеста против враждебной славянству политики германского правительства. Они потребовали, чтобы австро-венгерские власти оказали давление на союзную вильгельмовскую Германию в целях изменения правительственного курса в польском вопросе⁵.

Несколько позднее, в январе 1908 г., в своих выступлениях в австрийских «делегациях» польские и чешские депутаты указывали, что антиполь-

¹ „Whippermann's Deutscher Geschichtskalender für 1908“, Bd. II, S. 161.

² См. „Praca“, Poznań, 27.X 1907 г.

³ „Kurjer Warszawski“, 5.XII 1907 г.

⁴ Там же, 4.XII 1907 г.

⁵ См. „Kurjer Warszawski“, 29 и 30.XI 1907 г.

ская политика вильгельмовской Германии ставит под вопрос самое существование австро-германского союза, принесшего с собою ряд пагубных последствий для славянских народов в Габсбургской монархии¹.

В связи с этими протестами, в немецкой шовинистической печати как в самой Австрии, так и в Германии была организована шумная кампания «против подрывной работы, проводимой славянами», и «против вмешательства Австрии во внутренние дела союзной державы». Под давлением этих шовинистических элементов австрийский министр иностранных дел Эренталь выразил германскому послу Чиршки «сожаление» по поводу событий, происшедших в австрийской палате депутатов, заверив его при этом, что председатель австрийского совета министров Бек не преминет выступить с соответствующим заявлением в рейхсрате².

Закон об отчуждении польских земель вызвал протест и со стороны многих деятелей науки, литературы и искусства. Узнав об этом новом объявлении войны польскому народу германской правящей кликой, Генрих Сенкевич обратился с открытым письмом к представителям литературы и искусства во всем мире с призывом присоединиться к протесту против германской политики национального гнета. «XX век стоит перед лицом неслыханного факта, который является оскорблением цивилизации, права, и противоречит всем принципам гуманности», — писал Сенкевич в своем обращении накануне принятия закона об отчуждении польских земель. «Этот удар вскоре будет нанесен. Мы, поляки, ждем его, окаменев в глубокой скорби. Мы многое пережили, — переживем и это. Но пусть народы Европы знают, что в двадцатом веке в нашем обществе еще могут иметь место подобные угнетательские акты!»³

Десятки ученых, писателей и других деятелей культуры откликнулись на этот призыв Г. Сенкевича. Великий русский писатель Л. Н. Толстой с негодованием заклеймил антипольскую политику германского «государства грабителей» и всех тех, «кто чувствует себя с ними солидарными»⁴. В. Г. Короленко квалифицировал прусский закон об отчуждении польских земель, как «голое и открытое насилие немцев над меньшинством, желающим говорить и молиться на том языке, на котором говорили и молились сотни ушедших в прошлое поколений, поливая эту землю своим потом, а нередко и своей кровью»⁵.

Известный французский ученый-астроном К. Фламмарисн с возмущением клеймил реакционную германскую клику, для которой «сила выше права». «Они претендуют теперь на экспроприацию польских земель, — писал он, — но не они ли уже экспроприовали Коперника, утверждая, что бессмертный астроном, родившийся в Торунь в 1473 году, принадлежит к прусской национальности?.. Однако справедливость выше, чем ее богохульники, и камни, которые они в нее швыряют, обрушатся на их собственные головы! Польша не может быть германизирована, как не может быть германизирована и Эльзас-Лотарингия»⁶.

Под влиянием этой волны протеста правительство Бюлова вынуждено было воздержаться от немедленного проведения в жизнь закона об

¹ См. „Neue Freie Presse“, 13 и 22.I 1908 г.

² См. „Kurjer Warszawski“, 30.XI 1907 г.

³ См. „Prusse et Pologne“. Enquête, organisée par H. Sienkiewicz, Paris, 1909, p. 9, 15.

⁴ Там же, стр. 261.

⁵ Там же, стр. 223.

⁶ Там же, стр. 68—69.

отчуждения польских земель. Однако уже в ближайшие годы, в обстановке политического кризиса, назревавшего в Германии накануне первой мировой войны, германская правящая клика не только приступила к «отчуждению», но и издала целый ряд новых чрезвычайных законов против польского народа.

* * *

В то время как имперские и прусские власти столь настойчиво добивались проведения чрезвычайных законов против польского народа, бюловский блок все более обнаруживал свою непрочность.

Отклонение консервативно-клерикальными фракциями рейхстага законопроекта о налоге на наследство послужило толчком к давно готовившемуся распаду бюловского блока и созданию новой парламентской политической «комбинации» — так называемого «черно-голубого» блока.

Исход голосования по вопросу о финансовой реформе поставил в порядок дня отставку Бюлова. Как только зашла речь о налоге на наследство, затрагивавшем материальные и кастовые интересы прусского юнкерства, руководящая часть консервативной партии отказалась от всякой поддержки «аграрного канцлера». В ходе парламентского кризиса, возникшего в связи с обсуждением вопроса о налоге на наследство, польская фракция, состоявшая в большинстве своем из реакционных шляхетских и клерикальных элементов, выступала в блоке с немецкими клерикально-консервативными элементами, невзирая на то, что последние незадолго до этого активно способствовали принятию враждебных польскому народу чрезвычайных законов 1907—1908 гг.

Так же как и прусские земельные магнаты, представители польской шляхты оказали упорное сопротивление увеличению налога на наследство, которое могло бы в какой-то степени задеть материальные интересы крупного землевладения; они требовали от правительства осуществления финансовой реформы за счет снижения жизненного уровня народных масс, путем дальнейшего значительного увеличения косвенных налогов.

При первом чтении законопроекта о финансовой реформе на заседании рейхстага представитель «Польского кола» Дзембовский заявил, что его фракция является противником повышения косвенных налогов¹. Однако при обсуждении законопроекта в комиссии и при его окончательном голосовании польская фракция, вместе с фракцией центра и с консерваторами, выступила против налога на наследство и оказала всемерную поддержку введению дополнительных косвенных налогов на предметы широкого потребления (в размере 500 млн. марок)².

Польские шляхетские и буржуазные политики старались уверить, что финансовая реформа, проведенная при их содействии консервативно-клерикальным блоком, «выгоднее» для польского населения, чем реформы, связанные с введением налога на наследство³.

В действительности «финансовая реформа», проведенная по рецептам партий черно-голубого блока, отвечала интересам крупных земельных магнатов и наносила новый удар по жизненным интересам трудящихся масс.

¹ См. „Verhandlungen des deutschen Reichstages“, XII Lgp., II Session, Bd. 258, S. 483—484.

² См. там же.

³ См. J. Karński. Gorzałka a patriotyzm Koła polskiego w Berlinie, „Przegląd social-demokratyczny“, 1909, № 14—15, стр. 381.

Своим голосованием по вопросу о финансовой реформе польская фракция способствовала не только провалу закона о налоге на наследство, против которого бешено ополчились все представители прусского юнкерства и польской шляхты, но и введению огромных дополнительных косвенных налогов на предметы потребления (кофе, чай, табак, спички и т. д.); это означало на деле предоставление германскому империализму новых финансовых ресурсов для подготовки империалистической войны за счет дальнейшего ухудшения жизненного уровня немецких и польских народных масс¹.

Польская реакционная пресса старалась представить эту политику в качестве некоей «заслуги» перед польским народом, уверяя, что голосование против налога на наследство способствовало распаду «бюловского блока» и отставке рейхсканцлера Бюлова, известного своим враждебным отношением к польскому народу.

Однако уже ближайшие месяцы показали, что, вопреки лживым уверениям реакционных лидеров партии центра и «Польского кола», победа черно-голубого блока отнюдь не означала ни «отказа» германских властей от антипольской политики, ни ее «смягчения».

Придя на смену Бюлову, Бетман-Гольвег (бывший ранее прусским министром внутренних дел, а затем имперским статс-секретарем внутренних дел) проводил по основным вопросам внутриполитической жизни и, в частности, по вопросу о дальнейшем направлении правительственной политики в западных польских землях, ту же линию, что и Бюлов. В немецкой буржуазной историографии Бетман-Гольвег обычно изображается чуть ли не «противником» антипольской политики².

Исторические факты обнаруживают полную несостоятельность этих утверждений о наступившем якобы с приходом Бетман-Гольвега на пост имперского канцлера «изменении курса» правительственной политики по польскому вопросу. Политика прусских и имперских властей после отставки Бюлова показывает, что все эти утверждения германских реакционеров о некоем «повороте», о «смене курса» правительственной политики в польском вопросе при Бетман-Гольвеге ни в коей мере не соответствовали действительности. Ни прусские власти, ни новый рейхсканцлер не помышляли, конечно, о каком-либо «отказе», либо даже о «смягчении» политики колонизации польских земель. Все чрезвычайные антипольские законы, изданные при Бисмарке, Гогенлоэ и Бюлове, — в том числе и закон об отчуждении польских земель, — оставались в силе и, как дамоклов меч, висели над польскими народными массами. Однако по ряду причин имперские и прусские власти считали более выгодным воздержаться пока от немедленного осуществления закона об отчуждении.

Это временное воздержание германской правящей клики от осуществления бюловского чрезвычайного закона об отчуждении польских земель

¹ См. J. Kariski. Ciężary imperializmu a reformy finansowe, „Przegląd social-demokratyczny“, 1909, № 17—18, стр. 564.

² Подобного рода лживая и противоречащая историческим фактам характеристика политики Бетман-Гольвега дается Бюловым. В своих мемуарах он подверг своего преемника жестоким нападениям за то, что после прихода на пост имперского канцлера им не были приняты меры к немедленному осуществлению закона об отчуждении польских земель; Бюлов заявлял, что именно эта „пагубная“ политика Бетман-Гольвега привела якобы в конечном счете... к потере Германией западных польских земель. При этом Бюлов уверял, что если бы он не был вынужден выйти в отставку и имел возможность хотя бы в течение десяти лет „планомерно“ осуществлять этот чрезвычайный антипольский закон, победа „германства“ в Познани и других западных польских землях была бы обеспечена (B. Bülow. Denkwürdigkeiten, Bd. I, Berlin, 1930, S. 492—493).

объяснялось лишь соотношением политических сил, сложившимся в первые годы после образования черно-голубого блока. Наступившие вскоре изменения в международной и внутренней обстановке обнаружили перед лицом масс лицемерный характер всех этих разглагольствований о «смене курса».

Обострение социальных и национальных противоречий в империалистической Германии в годы, непосредственно предшествовавшие первой мировой войне 1914—1918 гг., поставило страну на порог глубочайшего политического кризиса. «На наших глазах зреет политический кризис даже в самой «твердокаменной» буржуазно-юнкерской стране, Германии», — писал В. И. Ленин в марте 1913 г. «Бешеные вооружения и политика империализма делают из современной Европы такой «социальный мир», который больше всего похож на бочку с порохом. А разложение всех буржуазных партий и созревание пролетариата идет неуклонно вперед»¹.

Это назревание политического кризиса в Германии и растущий процесс полевения народных масс нашли свое отражение в результатах выборов в рейхстаг, происходивших в январе 1912 г. Партии, входившие в черно-голубой, консервативно-клерикальный блок, получили 4,6 млн. голосов, в то время как за противников этого блока голосовало 7,5 млн. человек².

В новом составе рейхстага представительство консерваторов, партии центра и национал-либералов значительно уменьшилось, в то время как число социал-демократических депутатов увеличилось в два с половиной раза (с 43 до 110)³. Таким образом, германская социал-демократическая партия стала наиболее многочисленной в рейхстаге.

Одним из проявлений назревавшего в Германии политического кризиса являлось обострение национального гнета и нараставший в противовес этому протест угнетенных народных масс. Весьма показательными в этом отношении явились события, развернувшиеся осенью 1913 г., в связи с так называемым Цабернским инцидентом в Эльзас-Лотарингии, когда по сравнению с предыдущим поводу чаша терпения эльзасского населения была переполнена и оно открыто выступило против гнета немецких колонизаторов, против правительственной политики германизации, против произвола прусской военщины. «То, что накопело за десятилетия гнета, придира и оскорблений, за десятилетия насильственного опруссачения, прорвалось наружу», — писал В. И. Ленин⁴.

Не случайно также, что именно в эти годы, когда германский империализм усиленно готовился к развязыванию войны, особенно обострился и польский вопрос. Уже Балканские войны 1912—1913 гг. привели к усилению антипольских планов идеологов германского империализма.

Войны 1912—1913 гг. завершили освобождение славянских народов на Балканах от гнета турецких поработителей. В результате разгрома Турции был сделан «великий шаг вперед к разрушению остатков средневековья во всей Восточной Европе», — писал В. И. Ленин⁵.

Одним из результатов Балканских войн явилось также оживление национально-освободительных устремлений славянских народов в Австро-Венгрии и в других странах Восточной и Юго-Восточной Европы.

Результаты заключенного в 1913 г. Бухарестского мира и укрепление Сербии на Балканах еще более увеличили агрессивность германского и

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 18, стр. 547.

² См. „Schulthess Geschichtskalender“, 1912, S. 2.

³ См. „Deutscher Geschichtskalender für 1912“, S. 23.

⁴ В. И. Ленин. Соч., т. 19, стр. 464.

⁵ Там же, т. 18, стр. 341.

австро-венгерского империализма и обострили угрозу перерастания балканских конфликтов в мировую империалистическую войну. «Никто не может сказать, что Балканская война является концом, а не началом осложнения», — писал И. В. Сталин¹.

В этой обстановке растущей гонки вооружений и подготовки германского империализма к развязыванию мировой войны за передел мира правящие круги Германии обострили национальный гнет в западных польских землях.

Голосуя вместе с консерваторами против налога на наследство, шляхетские и буржуазные националисты из «Польского кола» пытались уверить, что услуги, оказанные ими германской реакционной кланке, будут способствовать «смягчению» правительственной антипольской политики.

В унисон с этими политическими представителями польских имущих классов мелкобуржуазные лидеры ППС старались посеять в польских народных массах иллюзии по поводу предстоящего «изменения правительственного курса» вильгельмовской Германии в западных польских землях. «В прусской политике на «восточных окраинах» начинают давать себя чувствовать как бы новые веяния», — заявлял один из пепесовских публицистов Плохоцкий в своей статье по поводу выборов в германский рейхстаг 1912 г. «И кто знает, не находится ли Прусская Польша накануне политических событий, могущих серьезным образом повлиять на изменение ее положения? Кто знает, не станут ли последние выборы исходной точкой перемены правительственной политики, шествовавшей ровно сорок лет по пути беспощадной борьбы с поляками?»²

Разоблачая антинародный и лицемерный характер этих уверений польских буржуазных националистов и их социал-националистских пособников — лидеров ППС — по поводу предстоящей «смены курса», руководители польской социал-демократии Ю. Мархлевский и другие указывали рабочим и широким народным массам Познани, Силезии и других западных польских земель, что при первой же возможности имперские и прусские власти неизбежно ответят на все услуги со стороны «Польского кола» новым походом против польского народа³.

Эта оценка политических намерений германской правящей клики очень скоро полностью подтвердилась. В годы, предшествовавшие первой мировой войне, в обстановке назревающего в стране политического кризиса, германские власти обрушились на польские народные массы новыми жестокими преследованиями. Именно в эти годы ими был проведен в жизнь ряд антипольских законопроектов, являвшихся в течение долгого времени предметом горячих вождедений немецких шовинистов.

В начале мая 1912 г. на обсуждение прусского ландтага был внесен законопроект «Об укреплении земельной собственности в Восточной Пруссии, Померании, Силезии и Шлезвиг-Голштинии»⁴. На основании этого законопроекта правительство должно было ассигновать 100 млн. марок для осуществления целой системы антипольских мероприятий. Проводимые под фальшивой маской «защиты немецкой национальной собственности», они

¹ И. В. Сталин. Соч., т. 2, стр. 360.

² Л. Василевский (Плохоцкий). К сорокалетию антипольской политики Пруссии, „Русское богатство“, 1912, № 3—4.

³ См. J. Karski. Gorzalka a patriotyzm Koła polskiego. „Przegląd socjal-demokratyczny“, 1909, № 14—15, стр. 381.

⁴ См. „Sammlung der Drucksachen des preussischen Hauses der Abgeordneten“, XXI Lgr., V Session, 1912—1913, Bd. V, Drucksachen № 334, S. 3332.

должны были явиться дополнительным источником обогащения прусского юнкерства и одновременно способствовать усиленной колонизации польских земель уже не только в Познани и Восточном Поморье, являвшихся до сих пор официальной «сферой деятельности» Колонизационной комиссии, но и в ряде других областей.

Проводя ряд мер в интересах прусских аграриев, имперские и прусские власти под предлогом «укрепления немецкой собственности» осуществляли притязания аграриев на ликвидацию их долгов, за счет дальнейшего увеличения налогового бремени, тяготевшего над народными массами.

В свое время Ф. Энгельс в статье «Прусская водка в германском рейхстаге» разоблачил те гнусные операции по ограблению крестьянства и государственной казны, с помощью которых «бедные» остальбские юнкеры «... превратили тяготеющие над ними ипотечные долги в прибыльные водочные заводы»¹.

В рассматриваемый период в начале XX в. прусские юнкеры в западных польских землях особенно широко прибегали к подобного рода мошенническим операциям по «ликвидации» своих долгов путем взваливания их на плечи народных масс. Следует, однако, подчеркнуть, что специфической особенностью этих «операций» в западных польских землях являлось использование юнкерами правительственной антипольской политики и созданного Бисмарком аппарата прусской Колонизационной комиссии. Под предлогом так называемого «санирования сельского хозяйства» огромные, многомиллионные фонды, ассигнуемые прусским правительством Колонизационной комиссии и другим организациям, предназначенным для «укрепления германства», были употреблены не только для колонизации западных польских земель и дальнейшего национального порабощения польского народа, но и в целях повышения прибылей и обогащения прусских аграриев.

Предложенный на утверждение прусского ландтага законопроект «Об укреплении земельной собственности» должен был придать еще более широкие масштабы этим грабительским операциям, совершавшимся прусскими властями в западных польских землях в интересах немецких юнкеров.

С критикой внесенного законопроекта выступили представители польской фракции, а также представитель левого крыла германской социал-демократии Юлиан Борхардт. Польский депутат Трампчинский подчеркнул в своем выступлении, что подготовленный прусским правительством законопроект, острие которого направлено против польского населения, эмигрирующего из Познани и Поморья в соседние провинции, противоречит закону о свободе передвижения. Он отметил коррумпирующее влияние колониационной политики на насаждаемых в западнопольских землях немецких колонистов, считающих, что «за их патриотизм им должны платить». Юлиан Борхардт заявил в своей речи, что, выступая с подобными законопроектами против поляков, прусское правительство обнаруживает свое стремление расправиться с польскими народными массами так, как германские колонизаторы не столь давно расправились с племенем герреро в Африке.

Он подчеркнул при этом, что политика национального гнета и преследований польских народных масс, так же как и репрессии в период культур-кампфа и исключительного закона против социалистов, лишь усиливают сложность угнетенных масс и их борьбу против своих угнетателей.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XV, стр. 299.

Дальнейшие прения проходили в довольно бурных формах и закончились насильственным удалением Борхардта из зала заседания.

В своей пламенной речи Карл Либкнехт заклеил враждебную польскому народу реакционную политику имперских и прусских властей и горячо протестовал против расправы с Юлианом Борхардтом.

Обсуждение антипольского законопроекта «Об укреплении немецкой собственности» показало, что ему обеспечена поддержка всех немецких юнкерско-буржуазных партий. В начале июня закон был утвержден в третьем чтении большинством реакционной палаты депутатов (за — 212, против — 99). Принятие его означало осуществление весьма выгодной для прусских юнкеров операции по освобождению их земель от многомиллионной задолженности; наряду с этим оно вело к дальнейшему распространению антипольских мероприятий, связанных с пресловутым «укреплением немецкой земельной собственности», с Познани и Поморья на ряд районов Восточной Пруссии, на Западное Поморье, Силезию и Шлезвиг-Гольштинию и тем самым к расширению сферы враждебной польскому народу деятельности немецких колонизаторов¹.

Немецкие шовинисты приветствовали принятие закона «Об укреплении немецкой собственности» и требовали его распространения не только на «национально-угрожаемые» районы, но и на всю Восточную Пруссию, на Бранденбург и другие области. Не удовлетворяясь этим враждебным польскому народу мероприятием прусских властей, шовинисты из «Ostmarkenverein» открыли широкую кампанию за издание закона о запрещении парцеллирования и прежде всего за немедленное проведение в жизнь закона 1908 г. об отчуждении польских земель².

Несмотря на то, что Бетман-Гольвег, так же как и прусский министр сельского хозяйства Шорлемер, неоднократно заявляли в 1910—1911 гг., что осуществление закона об отчуждении польских земель не диктуется никакой необходимостью, в октябре 1912 г. правительство вынесло постановление о проведении его в жизнь.

Переход прусского правительства к осуществлению чрезвычайного закона об отчуждении показал польским народным массам несостоятельность и антинародный, реакционный характер политики польских шляхетских и буржуазных националистов из «Польского кола», которые лицемерно пытались уверить, что путем соглашений с прусскими юнкерами и представлявшей их партией консерваторов они хотят лишь воспрепятствовать проведению в жизнь бюловского закона об отчуждении польских земель. Ни совместное с консерваторами голосование против налога на наследство, ни оказанная польской фракцией поддержка требования консерваторов о сохранении высоких таможенных аграрных пошлин, ни, наконец, декларации польских реакционеров о готовности к совместной борьбе против рабочего движения, против социализма — ничто не помешало прусским властям перейти к практическому осуществлению антипольского закона, имевшего своей целью вытеснение польского народа с его исконных земель.

Уже в начале 1908 г., а затем в феврале 1909 г. на обсуждение германского рейхстага были внесены представителями оппозиционных партий и приняты большинством депутатов интерпелляции, направленные против изданного немцами колонизаторами закона об отчуждении польских

¹ См. „Encyclopedie polonaise“, т. IV, стр. 319.

² „Die Ostmark“, 1912, № 7, стр. 57 и сл.

земель¹. Однако германские власти и не помышляли об отмене этого варварского антипольского закона, вызывавшего глубокое недовольство в польских народных массах и среди передовых людей всех стран.

Когда правительство Бетман-Гольвега приступило к проведению в жизнь антипольского закона 1908 г., на обсуждение германского рейхстага была вновь внесена в конце января 1913 г. подписанная 73 депутатами интерпелляция, в которой предлагалось «протестовать против отчуждения польских земель в Пруссии, как противоречащего взглядам рейхстага»². Бетман-Гольвег демонстративно отказался от ответа на интерпелляцию, пытаясь «мотивировать» это избитым и совершенно несостоятельным аргументом, что вопрос об отчуждении польских земель в Пруссии «не подлежит компетенции германского рейхстага». Вопреки давлению со стороны имперского канцлера интерпелляция, получив необходимое количество голосов, была поставлена на обсуждение рейхстага. Польские депутаты в своих выступлениях квалифицировали закон об отчуждении польских земель «как позор XX века», подчеркнув, что оно производится не вследствие «недостатка земли» у Колонизационной комиссии, а из политических мотивов³.

Против отчуждения польских земель выступил представитель социал-демократической фракции Вендель, указывавший на необходимость «смягчения» антипольского курса вильгельмовской Германии. При этом он рекомендовал извлечь уроки из Балканских войн, одним из результатов которых является национальное возрождение балканских славян⁴. Однако, выступая против проведения в жизнь закона об отчуждении и высказываясь за принятие обсуждаемой интерпелляции и за вынесение вотума недоверия Бетман-Гольвегу, оппортунистические лидеры германской социал-демократии оказались и на этот раз неспособными указать польским народным массам путь к борьбе за социальное и национальное освобождение.

Большинство рейхстага, состоявшее из партии центра, социал-демократов, польской фракции и эльзасцев, приняло решение, осуждавшее проведение в жизнь закона об отчуждении польских земель (213 голосами против 97, при 43 воздержавшихся)⁵.

Невзирая на эту политическую демонстрацию оппозиционных партий в германском рейхстаге и ряд протестов в демократической печати, германская правящая клика не только не помышляла об отмене прусского закона об отчуждении польских земель, но вскоре предприняла новые попытки расширения антипольского законодательства. Уже задолго до этого в германской реакционной печати выдвигалось требование издать закон, запрещающий парцеллирование земли.

В марте 1914 г. прусское правительство внесло в ландтаг законопроект, согласно которому запрещалось парцеллирование земель без специального разрешения на то прусских окружных властей. Прусским бюрократам — так называемым регирунгспрезидентам — предоставлялось право расторжения уже заключенных торговых сделок. Этот закон предусматривал разрешение парцеллирования только в тех случаях, когда оно производилось «в интересах немецкой колонизации»⁶.

¹ См. „Verhandlungen des deutschen Reichstages“, XII Lgp., I Session, Bd. 229: S. 2451, 2488; B. 235 s. 7160—1, 7200.

² Там же, XIII Lgp., B. 287 s. 3331.

³ Там же, B. 287, стр. 3333, 3341, 3357—58.

⁴ Там же, стр. 3341.

⁵ Там же, стр. 3371—3403.

⁶ „Encyclopedie polonaise“, т. IV, стр. 328—329.

Германская правящая клика не успела провести в жизнь закон о парцелировании; развязанная империалистами мировая война, превратившая польские земли не только в поля сражений, но и в объект острой дипломатической борьбы воюющих империалистических группировок, вынудила правительство Бетман-Гольвега временно воздержаться от реализации этого антипольского закона.

3. БОРЬБА ПОЛЬСКИХ НАРОДНЫХ МАСС ПРОТИВ СОЦИАЛЬНОГО И НАЦИОНАЛЬНОГО ГНЕТА. ПРОВАЛ АНТИПОЛЬСКИХ ПЛАНОВ НЕМЕЦКО-ПРУССКИХ КОЛОНИЗАТОРОВ

Важной методологической основой марксистско-ленинской теории по национальному вопросу является рассмотрение его в непосредственной связи с конкретной социально-экономической и политической обстановкой, с развитием классовой борьбы и характером политической власти в стране, с международной обстановкой.

В своей программной работе «О праве наций на самоопределение» В. И. Ленин подчеркивал, что необходимым условием научного рассмотрения того или иного социального вопроса является «постановка его в определенные исторические рамки, а затем, если речь идет об одной стране (например, о национальной программе для данной страны), учет конкретных особенностей, отличающих эту страну от других в пределах одной и той же исторической эпохи»¹. «... Национальный вопрос должен быть поставлен исторически и экономически»².

И. В. Сталин указывает, что национальный вопрос «... целиком определяется условиями социальной обстановки, характером власти в стране и, вообще, всем ходом общественного развития»³. «Конкретные исторические условия, как исходный пункт, диалектическая постановка вопроса, как единственно верная постановка, — таков ключ к решению национального вопроса»⁴.

Эти методологические указания классиков марксизма-ленинизма имеют особенно большое значение при изучении национального вопроса в период империализма. Ленин и Сталин, гениально раскрывшие в своих трудах сущность и историческое место империализма, указывали на неразрывную связь между переходом капитализма в его высшую монополистическую стадию и обострением национального вопроса в конце XIX—начале XX в. Переход к империализму вызвал ожесточенную борьбу монополистических клик за передел мира, «рост милитаризма, учащение войн, усиление реакции, упрочение и расширение национального гнета и колониального грабежа»⁵.

Империалистическая политика захвата чужих территорий принесла с собою неисчислимые бедствия не только колониальным народам, но и угнетенным и зависимым народам Европы. И. В. Сталин подчеркивает, что наступление периода империализма сопровождалось на востоке Европы «пробуждением и усилением подчиненных наций (чехи, поляки, украинцы), приведшим в результате империалистической войны к распадению старых

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 20, стр. 373.

² Ленинский сборник, XXX, 1937, стр. 61.

³ И. В. Сталин. Соч., т. 4, стр. 155.

⁴ Там же, т. 2, стр. 320.

⁵ В. И. Ленин. Соч., т. 22, стр. 132.

буржуазных многонациональных государств и образованию новых национальных государств...»¹.

Это пробуждение угнетенных наций в конце XIX—начале XX в. нашло свое выражение и в росте национально-освободительного движения в Польше и, в частности, в борьбе польского народа в западных польских землях против немецко-прусских колонизаторов.

Постановка вопроса о Польше в конце XIX—начале XX в. значительно отличалась от постановки этого вопроса в 40—60-х годах XIX столетия. Маркс и Энгельс видели в лозунге восстановления Польши один из центральных вопросов борьбы передовых демократических сил Европы против сил реакции, — против Священного Союза, являвшегося оплотом международной контрреволюции, против русского царизма, игравшего тогда роль «жандарма Европы».

Однако в конце XIX—начале XX в. в международной обстановке наступил ряд существенных сдвигов, изменивших и постановку польского вопроса. Центр международного революционного движения переместился в Россию, которая являлась в начале XX в. «...узловым пунктом противоречий империализма...»² и «...была беременна революцией более, чем какая-либо другая страна...»³. Вместе с тем к этому времени в большинстве других славянских стран уже возникли самостоятельные демократические и пролетарские движения, и «Польша не могла не потерять своего исключительного революционного значения»⁴.

Большие изменения произошли и в расстановке классовых сил в самой Польше. В то время как в середине XIX в. «революционной была именно Польша в целом, не только крестьянство, но и масса дворянства»⁵, в последние десятилетия XIX в. польские имущие классы во всех трех частях Польши вели политику реакционных соглашений с правящими кругами, выступая с ними рука об руку против революционного польского пролетариата, против польских народных масс.

В этой обстановке особую важность приобретал вопрос о связи между борьбой польского народа за национальное освобождение и перспективами русской революции.

Уже в 70-х годах Маркс и Энгельс, учитывая наступающие изменения в международной обстановке, неоднократно указывали на непосредственную связь между борьбой за национальное освобождение польского народа и перспективами русской революции.

«Независимость Польши и революция в России взаимно обуславливают друг друга», — писал Энгельс в начале 70-х годов⁶.

В связи с выходом на арену революционной борьбы русского и польского пролетариата и перенесением центра международного революционного движения в Россию создались особенно благоприятные условия для укрепления дружбы русских и польских народных масс. Ленин и Сталин, выдвинувшие программное требование права наций на самоопределение вплоть до государственного отделения, неоднократно подчеркивали большое значение освободительного движения польского народа и неразрывную связь его судеб с развитием революционного движения в России. Ведя решитель-

¹ И. В. Сталин. Соч., т. 5, стр. 35.

² И. В. Сталин. Соч., т. 6, стр. 76.

³ Там же, стр. 74.

⁴ В. И. Ленин. Соч., т. 20, стр. 404.

⁵ Там же, т. 6, стр. 416.

⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XV, стр. 223.

ную борьбу против всех видов социал-шовинизма и национального нигилизма, они призывали польских рабочих к тесному союзу с русским революционным пролетариатом для совместной борьбы против своих угнетателей.

* * *

Политика чрезвычайных законов и правительственных репрессий в вильгельмовской Германии, преследования польского языка и польской культуры наталкивалась на упорное сопротивление польских народных масс. Борьба польского народа против жестокого национального угнетения принимала различные формы: сопротивление политике колонизации польских земель, борьба за родной язык и т. д.

Уже в 90-х годах, вопреки противодействию немецких юнкерских и буржуазных партий, а также занимавших капитулянтские прогерманские позиции польских буржуазных националистов из «Католической партии», на выборах в германский рейхстаг в Верхней Силезии, как и в других западных польских землях, начали чаще выдвигаться польские кандидаты.

Это растущее высвобождение польских народных масс из-под влияния немецких помещичьих и буржуазных партий особенно ярко проявилось на выборах в рейхстаг в 1903 г., когда под влиянием обострения классовых противоречий и растущего возмущения германизаторской политикой правящих классов многие польские избиратели в Силезии порывали с партией центра и отдавали свои голоса социал-демократии либо же польским депутатам. На этих выборах депутатом от Катовицко-Забжского избирательного округа был впервые избран представитель польских мелкобуржуазных радикалов Войцех Корфанты¹.

Быстро увеличивался тираж газет, издававшихся в Познани, Поморье, Силезии, а также в Берлине и в Рейнско-Вестфальской области, где к этому времени были сконцентрированы сотни тысяч польских рабочих. Несмотря на ряд препятствий, число подписчиков польских газет возросло с 35 тыс. в 80-х годах до 200 тыс. в начале XX в.

В движение против гнета немецко-пруссских колонизаторов начали включаться народные массы не только Познани, Поморья и Силезии, но и Вармии и Мазурских земель.

В течение многих лет правящие круги Германии вели политику, направленную к германизации мазуров и кашубов, к их изоляции и отрыву от польского народа.

Однако несмотря на все эти ухищрения, мазуры и кашубы сохранили свой родной язык, свою связь с другими польскими землями, со всем польским народом. Уже в 80—90-х годах XIX в. в Мазурских землях, в Вармии, а также среди кашубов в Восточном Поморье начался заметный рост польского национального движения. Как и в других польских землях, здесь усилился интерес к польской литературе, начала расти польская интеллигенция и находила все более широкое распространение польская пресса.

Нарастание польского национального движения в западных польских землях в конце XIX—начале XX в. сопровождалось глубокими сдвигами в его социальном содержании. С наступлением периода империализма, принесшего с собою глубокое обострение классовых противоречий и усиление

¹ См. «Выборы в Германии», «Искра», 1903, № 47.

национального гнета, здесь, как и в других частях Польши, все с бóльшей наглядностью обнаруживалась политическая несостоятельность и реакционный характер польского шляхетского и буржуазного национализма.

По мере углубления классовых противоречий и роста рабочего движения польские имущие классы в Поморье, Познани и Силезии все более обнаруживали стремление к соглашению с германскими правящими кругами в целях совместной борьбы против растущей «угрозы социализма».

Выступая под лозунгом «органической работы», они, так же как и галицийские «станчики», открыто следовали лозунгам «лояльности», не останавливаясь перед признанием существующих государственных границ, установленных на основе грабительских разделов Польши.

Антинародная политика польской шляхты и польской буржуазии в Познани и других западных польских землях с особенной отчетливостью проявилась в деятельности «Польского кола» — польских фракций в германском рейхстаге и прусском ландтаге. В течение ряда лет шляхетские и буржуазные депутаты оказывали неоценимые услуги германской правящей клике, голосуя за военные ассигнования, за политику высоких таможенных пошлин, за мероприятия, направленные против рабочего класса и его организаций.

В то время как представители польских имущих классов вели предательскую политику соглашения с германской правящей кликой, в народных массах ширился протест против гнета немецких колонизаторов. Уже в 90-х годах XIX в. в социальном содержании польского национального движения в Познани, Силезии, как и в других польских землях, явственно обнаружилось существенные изменения. «Было бы интересно проследить, как видоизменяется, напр., национализм в Польше, превращаясь из шляхетского в буржуазный и затем в крестьянский, — писал В. И. Ленин. — ...Немецкий гнет сплотил поляков, обособил их, пробудив национализм сначала шляхты, потом буржуа, наконец крестьянской массы»¹. Изучение социальной основы польского национального движения в западных польских землях в конце 90-х—начале 900-х годов показывает всю глубину замечательного ленинского анализа классовой сущности этого движения на различных этапах исторического развития.

Политика германского юнкерско-буржуазного империализма, поставившего перед собой задачу вытеснения польского населения с земли, вызывала глубокое возмущение в народных массах, прежде всего среди польских крестьян, и способствовала их вовлечению в национальное движение.

Крестьяне оказывали упорное противодействие антипольской политике немецко-прусских колонизаторов. Поддержка со стороны польских крестьян и сельскохозяйственных рабочих обусловила известные успехи польских кооперативных и кредитных организаций в так называемой «борьбе за землю», развернувшейся в конце 90-х—начале 900-х годов.

Говоря о польском парцеллировании в Познани и в Восточном Поморье, В. И. Ленин, ссылаясь на ряд данных, приводимых в книге Л. Бернгарда, указывает, как на чрезвычайно характерное явление, на «образование своего рода «крестьянской республики» поляков в Германии в виде тесного сплочения всяческих кооперативов и прочих союзов польских крестьян в борьбе за национальность, за религию, за «польскую» землю»².

В условиях, когда польские крестьяне и сельскохозяйственные рабочие испытывали на себе тяжелые последствия земельного голода и ряда полу-

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 20, стр. 422.

² Там же.

феодалных, полукрепостнических пережитков, они видели в так называемой «борьбе за землю», к которой их призывали лидеры парцеллирующих организаций, не только способ борьбы против наступления немецких колонизаторов, но и известную форму протеста против засилия прусского юнкерства и польской шляхты, против всякого рода пережитков феодализма.

Понадобился ряд десятилетий напряженной классовой борьбы для того, чтобы широкие слои польских крестьян в Познани, Поморье и в других польских землях поняли, что не на пути мирной, «органической работы», проповедуемой буржуазными националистами, а путем революционной борьбы против помещиков и капиталистов, проводимой под руководством рабочего класса, возможно освобождение польского народа от национального и социального гнета.

Глубокое возмущение и протесты польских народных масс вызывала правительственная политика германизации школы и подавления польской культуры.

Особенно большое недовольство вызвало изданное прусскими властями в 1901 г. постановление, запрещавшее преподавание на польском языке даже в младших классах начальной школы. Возмущение этим новым антипольским мероприятием немецких колонизаторов нашло свое выражение в стачке польских школьников, вспыхнувшей во Вжесне в мае 1901 г.

Когда стало известно о запрещении преподавания закона божия на польском языке, в этом маленьком познанском городке началась школьная стачка. Польские дети отказывались отвечать на вопросы учителей, задаваемые им на немецком языке. В ответ на это прусские «наставники» подвергали детей жестоким телесным экзекуциям, пустив в ход розги, палки и пр. Положение становилось все более напряженным. 20 мая стало известно, что в школе происходит новая экзекуция над детьми с ведома и «под наблюдением» районного инспектора. Перед зданием школы выросла толпа; среди собравшихся слышались громкие возгласы негодования и проклятия. Школьная администрация вызвала полицию, многие из родителей были арестованы и преданы суду «за нарушение общественного порядка».

Расправа над польскими детьми послужила поводом к многочисленным протестам. Вжесненские события нашли живой отклик в народных массах Познани, Поморья, Силезии и других польских земель, а также Царства Польского и Галиции. В конце ноября 1901 г. в ряде городов Галиции были организованы массовые выступления протеста против антипольской политики вильгельмовской Германии; австрийские власти направили против демонстрантов вооруженные полицейские части.

Через несколько дней, в начале декабря, вспыхнули демонстрации протеста и перед зданием германского консульства в Варшаве. В то время в ряде школ Царства Польского происходили выступления против ассимиляторской политики самодержавия.

Ленинская «Искра», которая относилась с горячим сочувствием к мужественной борьбе маленьких польских школьников, сообщала о ряде откликов на школьную стачку во Вжесне среди учащейся молодежи в городах Царства Польского (в г. Седлец и др.).

Отметив, что расправа германских властей с бастующими детьми глубоко возмутила культурных людей всего мира и что вжесненские события вызвали во всей Польше взрыв самого острого негодования против угнетателей польского народа, «Искра» писала: «Вслед за врешенскими (вжесненскими. — *Ред.*) событиями наиболее национальное чувство Польши выразило свой протест против того порядка вещей, естественным следствием

которого являются подобные события...» «Самодержавная политика порабощения и подавления национальности встретила на этот раз отпор в совсем еще юных честных сердцах польской молодежи»¹.

Явившись формой стихийного протеста народных масс против правительственной политики вытеснения польского языка, школьная стачка вызвала живой отклик среди рабочих, в широких слоях крестьянства, а также в среде городской мелкой буржуазии и польской интеллигенции.

В своих взволнованных стихах «О Вжесне» польская писательница Мария Конопницкая горячо призывала польские народные массы к протесту и борьбе против враждебной польскому народу политики германской правящей клики.

«Там от Варты и от Гнезна
В мир стучится голос гневный.
Стонет мать-земля во мраке,
Мучают детей пруссаки!
Встал орел, гнездо оставил,
Крылья мощные расправил,
И рванулся в злобе лютой
В небо с жалобой будто.
... Пусть народ приказ исполнит,
Крик детей своих запомнит,
Пусть идет на подвиг славный,
Пусть трепещет враг коварный!»²

Таким образом, обострившаяся с наступлением периода империализма политика германизации и подавления польской культуры, так же как и проводившаяся немецко-прусскими колонизаторами политика вытеснения польского народа с его исконных земель, натолкнулась на упорное сопротивление польских народных масс.

* * *

Как и в других частях Польши, в западных польских землях в качестве наиболее активной, наиболее передовой силы в борьбе против социального и национального порабощения выступал рабочий класс. С наступлением эпохи империализма, принесшей с собой резкое обострение классовый борьбы, безработицы и дороговизны, а также невиданное ранее усиление милитаризма и политической реакции, процесс высвобождения польских рабочих из-под влияния буржуазии и рост пролетарского классового самосознания происходили с возрастающей интенсивностью. Не только в Верхней Силезии, в Познани и в Восточном Поморье, но и на западе Германии, на шахтах Рейнско-Вестфальской области, польские рабочие уже в 90-х—начале 900-х годов рука об руку с немецкими рабочими вели борьбу против своих эксплуататоров и принимали активное участие в ряде стачечных движений³.

Особенно большую роль в развитии рабочего движения в Познани и других западных польских землях сыграла основанная в начале 90-х годов революционная польская социал-демократия во главе с Юлианом Мархлевским, Розой Люксембург, Марцином Каспшаком и другими.

Издававшаяся в Познани польской социал-демократией в 1902—1904 гг. «Gazeta ludowa» вела большую работу по разоблачению антинарод-

¹ „К национальному бесправию поляков“, „Искра“, 10. III 1902 г.

² М. Конопницкая. Избранное, М., Гослитиздат, 1950, стр. 86.

³ См. Т. Daniszewski. Historia ruchu robotniczego w Polsce, Warszawa, 1950, I—III.

ной деятельности польских шляхетских и буржуазных партий. Решительно выступая против социал-национализма лидеров ППС и против проводимой ими политики раздробления рабочих организаций по национальному признаку, польская социал-демократия воспитывала рабочих в духе пролетарского интернационализма и учила их бороться совместно с немецкими рабочими за свои классовые интересы.

Продолжая лучшие традиции революционных демократов, руководители польской социал-демократии призывали польских рабочих к нерушимому союзу с русским рабочим классом. Уже в начале XX в. «Gazeta ludowa» горячо приветствовала массовые политические стачки, происходившие в 1903 г. в ряде промышленных центров Закавказья и Украины, как зарницы приближавшейся русской революции. «Современная Россия, снизу доверху охваченная с каждым днем все нарастающим возмущением народных масс, производит впечатление страны, находящейся накануне политической революции»¹.

Борьба польских народных масс против социального и национального гнета особенно усилилась под влиянием русской революции 1905—1907 гг., являвшейся фактором обострения классовой борьбы и растущей поляризации классовых сил и в других странах.

В Германии под влиянием русской революции усилились стачечные движения и революционная борьба рабочего класса против реакционной избирательной системы в Пруссии. Влияние русской революции сказалось и на политической обстановке в Силезии, Познани и других западных польских землях, где она вызвала глубокие симпатии и ряд изъятий братской солидарности.

Героическая революционная борьба рабочего класса и широких народных масс в России против самодержавия, против власти помещиков и капиталистов, подъем рабочего движения в промышленных районах Царства Польского и развивавшаяся в тесной связи с ним борьба народных масс против политического, социального и национального гнета способствовали подъему рабочего движения в западных польских землях. Уже события 9 января 1905 г. послужили поводом для ряда массовых рабочих собраний в Познани и, в особенности, в промышленных центрах Верхней Силезии; рабочие заявляли здесь о своей солидарности с героическим русским пролетариатом и горячо протестовали против расстрела рабочих на улицах Петербурга.

На многих рабочих собраниях в Верхней Силезии распространялись листовки польской социал-демократии, призывавшие к солидарности с русскими рабочими и к поддержке русской революции².

Летом 1905 г. вспыхнули стачки и в ряде городов Великого княжества Познанского — в Гнезно, Познани, Вонгровницах, Вжесне, Лиссе и т. д.; в этих стачках принимали участие не только члены «свободных», «христианских», «польских» профсоюзов, но и неорганизованные рабочие.

¹ „Gazeta ludowa“, Poznań, 6.VIII 1903 г.

² В одном из своих донесений верхнесилезские пограничные власти сообщали из Бытома, что в связи с произведенными весной 1905 г. арестами ими было конфисковано 500 экземпляров варшавской социал-демократической газеты „Z pola walki“, 190 экземпляров газеты „Czerwony Sztandar“, а также несколько сот польских социал-демократических листовок. Значительный интерес представляет самый перечень названий этих листовок, распространявшихся польскими социал-демократами среди рабочих Познани и Силезии: „С фабрик и заводов“ (280 экз.), „Воззвание к рабочим“ (200 экз.), „Слово к братьям крестьянам“ (200 экз.), „Песни пролетариата“ (100 экз.) и т. л.

Польские рабочие выступали под лозунгом солидарности с русской революцией, выдвигая одновременно требования повышения заработной платы, сокращения рабочего дня, улучшения условий труда и т. д.

Октябрьская всеобщая политическая стачка, вынудившая царизм выступить с манифестом 17 октября, возникновение первых Советов рабочих депутатов, наконец, декабрьское вооруженное восстание в Москве способствовали дальнейшему росту рабочего и национально-освободительного движения в польских землях, находившихся под германским господством. Под влиянием сообщений об октябрьской всеобщей стачке в России начался новый подъем стачечного движения в западных польских землях. На этот раз застрельщиками в борьбе против наступления капитала явились верхнесилезские рабочие. В начале ноября вспыхнула стачка в горнопромышленном поселке Шопенице — на шахтах, принадлежавших акционерному обществу «Гишес и наследники». В первые же дни в ней приняло участие свыше полутора тысяч польских рабочих. Вопреки противодействию со стороны реформистских профбюрократов, стачка быстро распространилась и на другие шахты и вскоре охватила десятки тысяч польских рабочих в ряде горнопромышленных районов Силезии (Мысловице, Забже, Катовице и др.)¹.

Измученные нуждой, жестокой эксплуатацией, усугублявшимися тяжелым национальным гнетом, польские рабочие упорно добивались удовлетворения выдвинутых ими требований. Атмосфера становилась все более накаленной. В ряде мест происходили кровавые столкновения между бастующими горняками и жандармами. В горнопромышленном поселке Янов на шахте Вильденштайнзеген стачечники бросились разрушать подъездные пути и вагоны, груженные углем. В ответ на это жандармскими отрядами был открыт огонь. В результате вооруженных столкновений несколько рабочих были убиты и тяжело ранены².

К движению присоединились также многие горняки на шахтах Рейнско-Вестфальской области. Однако несмотря на глубокое брожение среди рабочих и их готовность продолжать борьбу, длившаяся в течение трех недель стачка в Верхней Силезии была сорвана вследствие предательской политики реформистских профсоюзных лидеров. Лишь незначительная часть требований, выдвинутых шахтерами, была удовлетворена.

Обострение классовых противоречий и полевение рабочего класса под влиянием русской революции нашли проявление не только в движении солидарности с пролетариатом России и в подъеме стачечной борьбы: рабочие Познани, Силезии и других западных польских земель принимали активное участие в развернувшейся здесь борьбе против реакционной прусской трехклассной избирательной системы. Осенью 1905 г. в ряде городов Познани и Силезии происходили массовые рабочие демонстрации под лозунгами солидарности с русской революцией, борьбы за избирательную реформу и введение всеобщего избирательного права в Пруссии.

Вместе с тем под влиянием русской революции усилилась борьба польских народных масс против национального гнета и, в частности, против преследования польского языка.

Одним из ярких проявлений возмущения масс правительственной германизаторской политикой явилась вспыхнувшая осенью 1906 г. в Познани стачка польских школьников.

¹ См. „Leipziger Volkszeitung“, 14. XI 1905 г., 16. XI 1905 г.

² См. там же, 15. XI 1905 г.

Поводом для этой стачки, охватившей несколько десятков тысяч школьников и нашедшей непосредственный отклик и поддержку среди сотен тысяч трудящихся, явился новый поход против польского языка, предпринятый прусскими властями. Весной 1906 г. правительством снова было отдано распоряжение о введении преподавания закона божия на немецком языке, начиная с низших классов начальной школы. Однако в ответ на все вопросы учителей маленькие польские стачечники упорно отказывались говорить по-немецки; они стояли молча либо демонстративно отвечали только по-польски. Движение приобрело вскоре массовый характер: в ноябре 1906 г. в нем принимало участие свыше ста тысяч польских школьников¹. Кроме того, фактическими участниками этой своеобразной формы национально-освободительного движения явились десятки тысяч взрослых — познанские рабочие, крестьяне и ремесленники, родители бастующих школьников и сочувствующие им.

Начавшаяся в Познани стачка вскоре приняла более широкие масштабы, распространившись на некоторые районы Восточного Поморья (Западной Пруссии) и Верхней Силезии².

В польских городах и деревнях, охваченных стачкой, созывались массовые собрания протеста против политики германизации. Организованное в начале ноября в г. Мошин под открытым небом польское собрание, происходившее вопреки запрещению полиции, закончилось рядом столкновений с отрядами жандармерии³. 18 ноября в г. Познани состоялось массовое собрание протеста, на котором присутствовало свыше 3 тыс. человек.

Прусские власти обрушились градом репрессий на участников стачки и на всех, кто в той или иной форме оказывал ей содействие. Города Познани и Верхней Силезии, охваченные школьной стачкой, были наводнены полицейскими частями, присланными по распоряжению правительства Бюлова «в помощь» местной жандармерии⁴.

Германская правящая клика использовала школьную стачку для похода против польских общественных организаций и инсценировала сотни судебных процессов против польских газет, печатавших сочувственные сообщения о ходе стачки. В Верхней Силезии архиепископ Копп вошел в прямое соглашение с властями, а также с враждебными польскому народу, шовинистическими «гакатистскими» элементами и оказал непосредственное содействие в подавлении стачки. Расправе с маленькими стачечниками оказывали активную поддержку и многие польские ксендзы, а также католическая партия центра⁵.

Несмотря на жестокие преследования, обрушившиеся на участников школьной стачки, она продолжалась около десяти месяцев — до июня 1907 г. Маленькие стачечники не смогли добиться отмены правительственных постановлений, запрещающих преподавание на польском языке⁶.

¹ См. „Leipziger Volkszeitung“, 14.XI 1906 г.

² См. там же, 6.XI 1906 г.

³ См. там же.

⁴ См. там же, 20.XI 1906 г.

⁵ См. K. Piwarski. Historia Śląska. Katowice, 1947, стр. 364.

Весьма симптоматично, что в ходе конфликта, вызванного школьной стачкой в западных польских землях, реакционный Ватикан, лицемерно претендовавший на роль „защитника всех католиков“, не только не выступил в защиту бастующих школьников, но целиком „санкционировал“ подавление школьной стачки прусскими властями (См. „Allgemeine Zeitung“, 15.I 1907 г. Архив внешней политики России, „Bulletins de Presse“, № 198, л. 114).

⁶ См. „Ważny moment (Koniec strajku szkolnego)“, „Praca“, Poznań, 23.VI 1907 г.

Однако стачка явилась демонстрацией протеста против бюловской политики германизации школы и подавления польской культуры.

Стачка польских школьников в Познани и других западных польских землях в 1906—1907 гг. явилась известным откликом на события русской революции 1905—1907 гг. Толчком к возникновению этой своеобразной формы борьбы против правительственной политики германизации несомненно послужила, в частности, школьная стачка, вспыхнувшая летом 1905 г. в Царстве Польском и охватившая десятки тысяч не только школьников, но и учащихся высших учебных заведений¹. Однако в то время, как школьная стачка в Царстве Польском черпала свои силы в героической революционной борьбе русского и польского пролетариата, — в Познани и других западных польских землях она оставалась лишь отдельным, хотя и довольно значительным, эпизодом.

Ограниченный характер и слабость школьной стачки в западных польских землях коренились также в том, что ни германская социал-демократия, ни польские социалистические партии не сумели возглавить ее и придать ей характер более широкого народного движения против реакционной антипольской политики правительства Бюлова. Это обстоятельство было использовано реакционными клерикальными католическими элементами для того, чтобы воспрепятствовать дальнейшему нарастанию стачки и использовать ее в своих интересах, для сохранения своего влияния на польских крестьян и на отсталые слои польских рабочих.

Следует, однако, подчеркнуть, что, несмотря на ограниченность этого движения, несмотря даже на то, что его инициаторами были первоначально клерикальные элементы, объективно школьная стачка, являвшаяся своеобразным отзвуком первой русской революции, имела положительное, прогрессивное значение. Мужественная борьба десятков тысяч польских школьников против германизаторской политики правящей клики, борьба за свое право на родной язык встретила глубокое сочувствие не только в польских народных массах, но и среди передовых людей всех стран.

Лучшие люди польского и немецкого народов — Ю. Мархлевский, Р. Люксембург, А. Бебель, Ф. Меринг и другие с негодованием клеймили германскую правящую клику, обрушившуюся на маленьких школьников градом репрессий только за то, что они отстаивали свое право на родной язык в школе.

«Нужно обратиться на много веков назад, к временам сожжения язычников, чтобы найти аналогию прусской политике в польском вопросе, но может быть и там нельзя будет найти ничего подобного, — писал Франц Меринг в дни школьной стачки. — ... Бесперспективная война власть имущих против бастующих школьников представляет, насколько нам известно, некий уникум в истории европейской культуры»².

Таким образом, революция 1905—1907 гг. в России, нашедшая широкий отклик в народных массах многих других стран, оказала немалое влияние и на развитие рабочего движения в западных польских землях, находившихся под властью Германии. Это нашло свое выражение и в подъеме стачечного движения и в многочисленных изъяснениях солидарности с русской революцией на рабочих собраниях, а также в участии рабочих Верхней Силезии и других западных польских земель в развернувшейся

¹ См. „Przegląd social-demokratyczny“, 1909, № 17—18, стр. 575—576.

² F. M e h r i n g. Preussische Polenpolitik, „Neue Zeit“, XXV Jrg., Bd. I, 1906—1907, № 11, стр. 355.

в Германии под влиянием русской революции борьбе против прусской реакционной трехклассной избирательной системы.

Вместе с тем в польских народных массах ширился протест против осуществлявшейся германскими властями в течение ряда десятилетий и обострившейся в период империализма политики германизации школы.

Опыт русской революции 1905—1907 гг. имел огромное значение для рабочего класса, для широких народных масс и в западных польских землях. Под влиянием этой революции крепла дружба польского и русского народов: польские народные массы, вопреки шовинистической пропаганде буржуазных националистов и их социал-националистических агентов — лидеров ППС, питали все более глубокие симпатии к братскому русскому народу, трудящимся массам России, которые вели героическую и упорную борьбу против своих угнетателей.

Укреплению дружбы русских и польских народных масс содействовала пропаганда революционной польской социал-демократии, много сделавшей для разъяснения рабочим Познани, Силезии и других польских земель международного значения русской революции.

* * *

Политика национального угнетения и национальной дискриминации, в течение ряда десятилетий осуществлявшаяся германскими правящими кругами, нанесла тяжелый ущерб польскому народу и наложила свой мрачный отпечаток на социально-экономическое и политическое развитие западных польских земель, находившихся под господством вильгельмовской монархии. Однако уже задолго до первой мировой войны становилось все более очевидным, что, несмотря на многочисленные ассигнования, на следовавшие один за другим чрезвычайные законы и на жестокие гонения против польских общественных организаций, ни при Бюлове, ни при Бетман-Гольвеге правящей клике не удалось осуществить свои преступные планы вытеснения с земли польских народных масс.

В своих официальных отчетах прусская Колонизационная комиссия вынуждена была констатировать, что за десятилетия, прошедшие со времени ее основания до первой мировой войны, большую часть закупленных ею земель она приобрела не у польских, а у немецких землевладельцев. Вопреки всемерному противодействию со стороны прусских властей, в Познани и Восточном Поморье происходил некоторый рост польского землевладения за счет немецкого.

Каковы же были причины неудачи германизаторских планов правительства Бюлова и Бетман-Гольвега? В своих трудах «Марксизм и вопросы языкознания» и «Национальный вопрос и ленинизм» И. В. Сталин отмечает, что нации и национальные языки обладают огромной силой сопротивления всем попыткам насильственной ассимиляции. «История отмечает большую устойчивость и колоссальную сопротивляемость языка насильственной ассимиляции», — пишет И. В. Сталин¹.

«... Известно, что нации и национальные языки отличаются чрезвычайной устойчивостью и колоссальной силой сопротивления политике ассимиляции. Турецкие ассимиляторы, — наиболее жестокие из всех ассимиляторов, — сотни лет терзали и калечили балканские нации, но они не только

¹ И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1951, стр. 26.

не добились их уничтожения, а оказались вынужденными капитулировать. Царско-русские руссификаторы и немецко-прусские германизаторы, мало чем уступавшие в жестокости турецким ассимиляторам, более ста лет кромсали и терзали польскую нацию, так же как персидские и турецкие ассимиляторы сотни лет кромсали, терзали и истребляли армянскую и грузинскую нации, но они не только не добились уничтожения этих наций, а — наоборот — оказались вынужденными также капитулировать»¹.

Эти замечательные по своей глубине высказывания И. В. Сталина дают ключ к объяснению вопроса о причинах несостоятельности политики немецких колонизаторов в западных польских землях. Господствующие классы Германии, так же как правящие круги царской России, оказались не в состоянии ни истребить польский народ, ни вытеснить его с его земель, ни ассимилировать его.

Основной причиной этой несостоятельности антипольской политики правящих классов Германии в конце XIX — начале XX в. являлось сопротивление, которое ей оказывали польские народные массы. Обострение социального и национального гнета в западных польских землях с наступлением периода империализма вызывало растущий отпор со стороны польских рабочих, со стороны крестьянства.

Именно народным массам правительственная антипольская политика наносила особенно тяжелый ущерб, и они вели упорную борьбу не только против социального порабощения, но и против чужеземного гнета. Развернувшаяся в конце XIX — начале XX в. своеобразная «борьба за землю», находившая поддержку со стороны польских крестьян, сопротивление народных масс против германизации школы и другие формы борьбы против антипольской политики имперских и прусских властей являлись значительным препятствием на пути к осуществлению антипольских планов германской правящей клики.

Однако, ограничиваясь лишь подобными методами борьбы против политики немецких колонизаторов, польские народные массы не могли положить ей предел, не могли обеспечить полного ее банкротства, не могли достигнуть ни социального, ни национального освобождения.

С наступлением периода империализма, принесшего с собой глубокое обострение классовых противоречий в западных польских землях, с особенно большой наглядностью обнаружился антинародный характер политики польских имущих классов. Деятельность реакционной «придворной партии», так же как и польских буржуазных политических партий (национал-демократов, «Стронництва католицкого» в Верхней Силезии и т. д.), в конце XIX — начале XX в. со все большей очевидностью обнаруживала, что, прикрываясь лжепатриотическими и шовинистическими фразами, они отстаивали не национальные интересы польского народа, а своекорыстные интересы польской шляхты и польской буржуазии.

«Польскому народу угрожала бы гибель, если его должны были бы защищать и представлять польская шляхта или польская буржуазия». «Для них отчизна — лишь дойная корова, — писала «Gazeta ludowa». — Однако на защиту польских национальных интересов встают польские народные массы. Не «против немцев», а вместе с немецкими рабочими против польско-немецкой гакаты должны мы защищать наши национальные и классовые интересы!»²

¹ И. В. Сталин. Соч., т. 11, стр. 347—348.

² „Gazeta ludowa“, Poznań, 17.III 1904 г., № 22.

В этих условиях со все большей настоятельностью выдвигался вопрос о задачах рабочего класса в борьбе за социальное и национальное освобождение польского народа. В противовес предательской антинародной политике соглашений с германскими правящими классами, проводившейся польскими шляхетскими и буржуазными партиями, рабочий класс выступал как наиболее активная и наиболее передовая сила в борьбе польских народных масс за их национальное и социальное освобождение.

Однако рабочие Познани, Силезии и других западных польских земель к концу XIX — началу XX в. еще не имели массовой революционной пролетарской партии, которая могла бы указать им путь к освобождению, которая рассматривала бы национальный вопрос как органическую составную часть вопроса о революции и разрешала бы его в тесной связи с борьбой против хищнического германского империализма, против польских и немецких помещиков и капиталистов.

Созданная в начале 90-х годов XIX в. польская социал-демократия много сделала для пропаганды идей научного социализма среди польских рабочих. Она вела непримиримую борьбу против социал-национализма ППС, воспитывая польских рабочих в духе пролетарского интернационализма. Но польская социал-демократия в западных польских землях была малочисленной и не имела достаточно широких организационных связей с рабочим классом; вместе с тем она была отягощена грузом серьезных теоретических и политических ошибок.

Только большевистская партия, партия нового типа, выкованная Лениным и Сталиным, указала всем угнетенным народам метрополий и колоний путь к освобождению от социального и национального гнета. Еще в начале XX в. эти великие стратеги пролетариата выдвинули программное требование о праве наций на самоопределение вплоть до государственного деления.

Беспощадно разоблачая метод буржуазного национализма, «... метод отпадения наций друг от друга, метод их разъединения, метод усиления национальной вражды между трудящимися массами различных наций»¹, Ленин и Сталин противопоставили ему метод разрешения национального вопроса на пути пролетарского интернационализма.

Большевистская программа по национальному вопросу вооружила рабочий класс всех стран надежным компасом, указывающим путь к завоеванию им гегемонии в национальных движениях и к направлению последних в общее русло борьбы за низвержение империализма.

В своих высказываниях по вопросу о задачах польского рабочего движения и польских социалистов Ленин и Сталин подчеркивали, что только рабочий класс является силой, способной возглавить борьбу польских народных масс против национального и социального гнета, в противовес предательской антинародной политике польских буржуазных националистов. Вместе с тем Ленин и Сталин указывали, что освобождение польского народа от этого гнета возможно не на пути соглашений с правящими классами той или другой империалистической группировки, а лишь в результате свержения романовых, гогенцоллернов и габсбургов, на основе глубокой и нерушимой дружбы между русским и польским народами, на основе совместной борьбы польских рабочих с их русскими братьями по классу, на основе победоносной пролетарской революции. Все последующее

¹ И. В. Сталин. Соч., т. 10, стр. 244.

историческое развитие блестяще подтвердило глубокую правильность этого пути, намеченного великими стратегами большевистской партии.

Великая Октябрьская социалистическая революция, раскрепостившая угнетенные народы царской России и указавшая народам всего мира путь к освобождению от всякого гнета и эксплуатации, нанесла империализму смертельный удар. Победа социалистической революции и установление диктатуры пролетариата в России сделали возможным воссоздание польского государства и воссоединение всех польских земель, включая западные польские земли. Однако правящие классы буржуазно-шляхетской Польши предали национальные интересы польского народа. Большая часть западных польских земель — значительная часть Силезии, Поморье, Вармия и Мазуры, устье Вислы с Гданьском были оставлены в руках Германии. Опираясь на поддержку империалистов Англии, Франции и США, пилсудчики и эндеки затеяли преступную войну против Советской России, с целью захвата украинских и белорусских земель.

Не менее антинародный характер носила и внутренняя политика шляхетско-буржуазной Польши. Правящая клика установила в стране режим жестоких репрессий против польского революционного пролетариата и возглавлявшей его Коммунистической партии Польши, беззаветно борющейся за социальное и национальное освобождение польского народа.

Впоследствии польским народным массам пришлось кровью расплачиваться за эту предательскую политику имущих классов. По вине профашистских правителей Польши она была превращена в плацдарм фашистской агрессии, а затем и сама стала жертвой этой агрессии.

Таким образом, «в течение последних 25—30 лет, т. е. в течение двух последних мировых войн, немцам удалось использовать территорию Польши, как коридор для нашествия на восток и как трамплин для нападения на Советский Союз»¹.

Напав на Польшу, гитлеровская Германия лишила ее национальной независимости; германские фашисты истребили миллионы людей, разрушили тысячи польских городов и сел, нанесли тяжелый ущерб народному хозяйству всех польских земель.

Польские народные массы оказывали мужественное сопротивление фашистским захватчикам. Однако только в результате разгрома фашистской Германии Советской Армией стало возможным освобождение Польши и создание свободной, независимой Польской народно-демократической республики. Только на основе братской помощи Советского Союза и великого друга польского народа товарища Сталина было, наконец, достигнуто возвращение всех западных польских земель в состав воссоединенной Польши и был положен конец угнетательской антипольской политике германского империализма. Опираясь на тесное содружество с великим русским народом и учитывая все исторические уроки тяжелого прошлого, польские народные массы, вопреки всем пронкам американо-английских империалистов, строят величественное здание социализма.

¹ И. В. Сталин. О Великой Отечественной войне Советского Союза, М., 1949, стр. 183.

В. Г. Карасев

ОСНОВНЫЕ ЧЕРТЫ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ СЕРБИИ

в конце 60-х — начале 70-х годов XIX в.

В результате двух революционных национально-освободительных войн сербского народа против турецкого ига, происходивших при активной военной и дипломатической помощи России в начале XIX в., Сербия стала самостоятельным княжеством на началах вассальной зависимости от Турции.

В успехе национально-освободительной войны южнославянских народов решающую роль сыграла помощь и заступничество великого русского народа. Победоносные войны России с Турцией в конце XVIII в. пробили первую брешь в крепости восточного деспотизма. Русско-турецкие войны конца XVIII—начала XIX в., ослабив оттоманскую Порту, расшатав турецкое могущество, создали объективные условия для успешной национально-освободительной борьбы южнославянских народов за свое освобождение.

Первыми на массовую вооруженную борьбу поднялись в начале XIX в. сербы под руководством Карагеоргия. Революционные войны сербов, как показала история, оказались успешными лишь благодаря военной, материальной и дипломатической помощи сербскому народу со стороны России.

«Когда в 1804 г. разразилась сербская революция, — писали К. Маркс и Ф. Энгельс, — Россия тотчас же взяла под защиту восставших «райа» и, поддержав их при помощи двух войн, закрепила в двух договорах внутреннюю независимость Сербии»¹.

Освобождение славянских народов Балканского полуострова, в частности сербского народа, от турецкого ига явилось важнейшим фактором его дальнейшего развития.

Султанский хаттишериф 1830 г., введенный в действие ферманом 1833 г., был прямым результатом русско-турецкой войны 1828—1829 гг. Эти два важнейших в истории Сербии документа определили границы нового государства, его автономные права, ликвидировали турецких помещиков (спахиев) и связанные с ними феодальные отношения.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. IX, стр. 394.

28 июля 1839 г. сербское правительство издало «Закон о возврате земель», по которому «все сербы стали законными владельцами своей земли и уравнились в правах с теми, кто имел на землю владельческие грамоты»¹. Земельные участки закреплялись за лицами, которые до издания этого закона их обрабатывали. Сербский крестьянин получил право собственности на обрабатываемую им землю и свободу передвижения.

Глубокие социально-экономические перемены в общественной жизни Сербии, происшедшие в результате двух восстаний, закрепленных победами русских войск, нашли свое отражение в Гражданском законнике сербского княжества 1844 г. Параграф 213 этого законника гласил: «Так как спахи-луки, тимары и знаметы отменены в Сербии, поскольку их нет теперь, то они не могут быть введены и в будущем; но каждый серб является полным собственником или настоящим баштинником своих владений, гарантированных и защищаемых законом»².

Национально-освободительная борьба сербского народа в начале XIX в., направленная против своих угнетателей — турецких феодалов, имела характер буржуазной революции в стране. Во главе этой национально-освободительной борьбы встала «...сельская буржуазия угнетённой нации...», выступившая «...против помещиков господствующей нации...»³.

Но поскольку главной движущей силой сербской революции было крестьянство, задавленное национальным и социальным гнетом турецких феодалов, наиболее жестоких, по словам товарища Сталина, из всех ассимиляторов, которые «...сотни лет терзали и калечили балканские нации, но они не только не добились их уничтожения, а оказались вынужденными капитулировать»⁴, — то естественно, что эта революция не могла не затронуть аграрных отношений, в разрешении которых она черпала свою основную силу.

«Переход земли от помещиков к крестьянам может быть — и везде в Европе был, — писал В. И. Ленин, — составной частью демократического переворота, одним из этапов буржуазной революции...»⁵.

Своеобразие буржуазного переворота в Сербии состояло в том, что он совершался на протяжении нескольких десятилетий. После второго восстания 1815 г. потребовалось 18 лет энергичного военного и дипломатического вмешательства России, чтобы завоевания сербского народа были окончательно признаны Турцией.

Понятно, что разрешение задач буржуазной революции в сильно отсталой, неразвитой стране при отсутствии промышленной буржуазии и пролетариата не могло быть сколько-нибудь полным и последовательным.

Незавершенность буржуазной революции в Сербии сказалась прежде всего в установлении монархической, полицейско-бюрократической системы управления в стране, в сохранении огромных средневековых пережитков во всех областях народной жизни: господстве полунатуральных и полупатриархальных форм хозяйства, сохранении цехового устройства ремесла, политической зависимости от Турции. Наконец, в Сербии остались в небольшом количестве и отчасти вновь возникли крупные земельные собственники —

¹ «Сборник закона и уредба и уредбены указа изданы у княжеству сербском од времена обнародованог устава земальског (13 фев. 1839 до апр. 1840)», Београд, 1840, стр. 104.

² «Законик грађанскиј за княжество србско. Обнародован на благовести 25 марта 1844 године у Београду», стр. 40.

³ И. В. Сталин. Соч., т. 2, стр. 305.

⁴ Там же, т. 11, стр. 347.

⁵ В. И. Ленин. Соч., т. 9, стр. 286.

сербы (великопоседники), стремившиеся сохранить феодальные отношения. Влияние великопоседников в стране было исключительно велико.

Однако ликвидация турецких военно-феодальных отношений явилась в истории Сербии тем рубежом, который условно разделял феодальную систему хозяйства от капиталистического способа производства. Само собою разумеется, что ликвидация старой общественной формации и рождение новой не могли произойти сразу. Первую от второй разделял целый переходный период. В своем классическом труде «Развитие капитализма в России» В. И. Ленин так характеризовал этот переходный период: «... капиталистическое хозяйство не могло сразу возникнуть, барщинное хозяйство не могло сразу исчезнуть. Единственно возможной системой хозяйства была, следовательно, переходная система, система, соединявшая в себе черты и барщинной и капиталистической системы»¹.

Это, конечно, нисколько не противоречит тому, что с самого начала существования сербского государства, как внутренне независимого, основой государственного и национально-культурного возрождения сербского народа в XIX в. было развитие буржуазных, капиталистических отношений.

При наличии перечисленных выше феодальных пережитков в экономической и политической жизни Сербии и чрезвычайно низком уровне производительных сил страны, унаследованных от пятивекового турецкого ига, которое, как и власть татар, над покоренными странами, по выражению Маркса, «не только давило, оно оскорбляло и иссушало самую душу народа, ставшего его жертвой»², — станет понятным, почему развитие капиталистических отношений в Сербии происходило так мучительно и крайне медленно, а переходный период был столь затяжным.

Основным содержанием экономического развития Сербии в первой половине и до 70-х годов XIX в. был начавшийся еще при турецком господстве процесс первоначального накопления капитала, как исходный пункт капиталистического способа производства³. «Отделение производителя от средств производства»⁴, «экспроприация сельскохозяйственного производителя, обезземеление крестьянина»⁵ — составляет основу всего этого исторического процесса в любой стране, в том числе и в Сербии. Этот процесс сопровождался распадом натурального хозяйства и патриархальных форм быта, исчезновением патриархальной большой семьи — задруги, — ростом задолженности крестьянских хозяйств, обезземеливанием крестьян и другими явлениями, связанными с развитием товарно-денежных отношений.

Основным стержнем общественно-политической жизни Сербии в рассматриваемый период являлась борьба различных общественных сил за завершение буржуазной революции, за доведение национально-освободительной революции, начавшейся в начале XIX в., до логического конца. При всем многообразии социальных и политических проблем, вокруг которых шла политическая борьба в этот период, выделялись по своему значению два основных и решающих вопроса, по отношению к которым может быть определена позиция общественно-политических течений и групп, за которыми стояли определенные классы. Этими вопросами были — аграрный и национальный.

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 160.

² К. Маркс. Секретная дипломатия XVIII в. Цит. по «Истории СССР», т. I, Изд. 2, 1947, стр. 154.

³ См. К. Маркс. Капитал, т. I, 1949, стр. 718.

⁴ Там же, стр. 719.

⁵ Там же, стр. 721.

Оба эти вопроса особенно обострились в конце 60-х и начале 70-х годов прошлого столетия. Капиталистическое развитие Сербии к этому времени, особенно в деревне, достигло значительного уровня, а классовые противоречия особой остроты.

Различные общественные силы, боровшиеся на политической арене Сербии по-разному, в соответствии с их классовыми интересами, решали эти вопросы.

* * *

Полунезависимое сербское княжество было небольшим государством, расположенным в центре Балканского полуострова, в треугольнике рек Савы, Дуная, Дрины и Тимока. Территория княжества представляла собой, исключая долины рек, гористую местность, на $\frac{1}{3}$ поросшую лесом и поэтому чрезвычайно удобную для скотоводства.

На всей площади Сербии, равной 37 976 км², в 1834 г. проживало 678 192 чел. населения (18,1 чел. на одном км²). 40 лет спустя, т. е. в 1874 г., количество населения почти удвоилось и равнялось 1 353 890 чел. (36,1 на один км²)¹.

В административном отношении Сербия делилась в 1874 г. на 17 округов, 57 срезов или уездов, 48 городов и местечек (варош и варошица), 1089 общин (1041 из них сельских) и 2152 села.

Перепись населения 1874 г.² (десятая по счету) была самой подробной в тогдашних условиях Сербии. Данные этой переписи дают возможность установить, что из общего количества населения в 1 353 890 чел. австро-венгерских подданных насчитывалось 8826 чел., других подданных — 102 чел. Основная масса населения в религиозном отношении принадлежала к православной церкви. Неправославного населения насчитывалось 12 849 чел., из них: католиков — 4161, протестантов — 463, евреев (им разрешено было жить только в Белграде) 2049 чел., мусульман — 6174 чел., кроме того, цыган, платящих харач, в 1874 г. насчитывалось в Сербии 24 556 (из них православных — 18 416, мусульман — 6140).

Основную этническую массу народонаселения Сербии (около $\frac{2}{3}$) составляли сербы.

Соотношение городского и сельского населения представляло собой следующую картину. В 48 городах и местечках проживало 138 710 чел. (24 232 дома и 34 425 семей); в селах — 1 215 180 чел. (198 401 домов и 205 484 семьи), или 90,5% от числа всех жителей.

Неграмотность населения была поразительной. Всего в стране умеющих читать и писать насчитывалось 91 039 чел., из них в городах — 46 621 чел., в селах 44 418 чел.³

С тех пор как сербское княжество получило внутреннюю автономию, количество населения в нем неизменно возрастало. Это было необходимым

¹ Статистические данные нами заимствованы из следующих работ и статистических отчетов: Јован Гавриловић. Речник географиско-статистички Србије у Београду, 1846; Коста Ивановић. Речник свију вароша, варошица, села и засека у Србији, Б., 1872; „Statistique de la Serbie“ („Државопис Србија“), св. 1—10; Вл. Јовановић, „Статистичан преглед нашег привредног и друштвеног стања, са обзором на привредно и друштвено стање других држава. „Гласник српског ученог друштва“, RH. I, LI, LII, 1881—1883 года.

² См. „Државопис Србије“, св. IX, Б. д, 1879.

³ В 1866 г. было 4,2% грамотных в Сербии. В 1900 г., по официальным статистическим данным, в Сербии было 76,97% неграмотных: 45% горожан и 84,99% крестьян; 66,16% неграмотных мужчин и 92,64% неграмотных женщин (См. „Стат. год. крај Србије“, 1905, стр. 79).

условием развития производительных сил страны. Движение населения в Сербии характеризовалось рядом специфических черт. Если в период турецкого господства наблюдалось движение населения из долин в горы, то с момента возникновения внутренне независимого сербского государства происходит обратный процесс. Этот последний играл немаловажную роль при распределении, или, точнее, захвате земель в ходе ликвидации турецкой военно-феодальной системы в начале XIX в. Он обусловил в дальнейшем переход от скотоводства к земледелию. Кроме того, процесс захвата земель, способствуя росту дифференциации землевладения, явился новым толчком для первоначального накопления капитала.

Другим не менее важным явлением была иммиграция. Статистические данные говорят о том, что с 1834 по 1874 г. в Сербию иммигрировало из других государств, особенно из Турции, 150 тыс. чел., что составило (без естественного прироста среди иммигрировавшего населения) свыше 11% всего населения Сербии в 1874 г.

В период 1863—1875 гг. в среднем за год в стране оседало: из Австрии 1133 чел., из Турции — 2553 чел.¹

Городское население возрастало больше всего за период 1834—1884 гг. Об этом говорят следующие данные. В 1834 г. городское население составляло 6,5%, в 1859 г. — 8%, в 1884 г. — 14,1%².

О занятиях населения можно судить по данным переписи 1856 г.

В этом году было занято:

В сельском хозяйстве	90,08%	
в ремесле	5,32%	
в торговле	1,54%	
в других профессиях	3,06%	всего населения ³

Однако эти цифры еще очень мало говорят о характере самого развития, о тех процессах, которые протекали в социально-экономических отношениях Сербии. Они станут понятными при конкретном рассмотрении важнейших отраслей народного хозяйства страны.

Определяющим в развитии экономики Сербии, о чем свидетельствует приведенная выше таблица, было сельское хозяйство. В изучаемый период Сербия представляла собой отсталую аграрную страну.

Капиталистическая промышленность Сербии в этот период находилась еще в самом зачаточном состоянии.

К моменту освобождения сербские города, как и ремесленное производство в них, носили феодальный характер. В 20—30-х годах XIX в. происходит процесс вымирания старых ремесел и создания новых. Освобожденный от турецкого засилья сербский город постепенно становится средоточием нового вида ремесел, дотоле неизвестных: типографского, наборного, оружейного, пушкарного дела и т. п.

Известно, что «первой формой промышленности, отрываемой от патриархального землевладения, является ремесло, т. е. производство изделий по заказу потребителя»⁴. Такой именно характер имело ремесло в Сербии в период турецкого господства и в первые годы после освобождения.

¹ См. В. л. Миленковић. Економска историја Београда, Б-д, 1932, стр. 15.

² См. там же.

³ См. В. л. Јовановић. Статистичан преглед нашег привредног и друштвеног стања, са обзиром на привредно и друштвено стање других држава, „Гласник српског ученог друштва“, кн. L, у Београду, 1881, стр. 224.

⁴ В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 285—286.

О развитии ремесленного производства в Сербии за 30 лет, с 1836 по 1866 г., можно судить по следующим данным. В 1836 г. в княжестве насчитывалось 58 различных видов ремесел с 5212 ремесленниками, в подчинении которых находилось 1500 подмастерьев и учеников. В 1866 г. количество ремесел возросло до 75 видов, ремесленников — до 19 800, подмастерьев и учеников — до 14 000¹. В скорняжном ремесле, например, согласно официальным статистическим данным, в 1866 г. на 100 мастеров приходилось 462 подмастерьев и учеников.

Организация ремесленного производства в Сербии покоилась на принципах цехового устройства. Цеховая организация во второй половине XIX в. отживала. Но старые мастера боролись за отживавшую цеховую организацию. Эта борьба нашла свое отражение в изданном сербским правительством в 1847 г. законе о цехах (Еснафска уредба). Для цеховых организаций Сербии на протяжении всего XIX в. вплоть до их ликвидации в 1910 г. был характерен процесс постепенного, но неуклонного разложения и распада под воздействием все возрастающего проникновения капиталистических отношений и ударами иностранной конкуренции.

Столица княжества — Белград — была самым крупным ремесленно-торговым центром Сербии. «Редко можно найти страну, — пишет В. Миленкович, — в которой бы один город в экономическом, социальном, политическом и культурном отношении имел такую важную и доминирующую роль, как Белград для Сербии»². Белград был не только административным и политическим центром сербского государства, но он также в силу чрезвычайно выгодного географического положения занимал ведущее место в экономической жизни страны. Еще в 1825 г. в нем было около 400 ремесленников, организованных в цехи. В 1836 г. в Белграде насчитывалось уже 900 ремесленников, представлявших 45 различных отраслей, 15 из которых имелись только в Белграде. На долю Белграда приходилось 30% всех ремесленников в стране и более 1/3 всего ремесленного производства. В 70-х годах XIX в. количество ремесленников в Белграде достигло 1700 с 2200 подмастерьями и учениками³.

В Белграде раньше, чем в других городах Сербии, происходит дифференциация и специализация ремесленного производства, а также переход сначала к мануфактурной стадии производства, а затем и к машинному, фабричному производству.

Развитие товарно-денежных отношений, расширение внутреннего рынка предъявляли к ремесленному производству новые, более высокие требования. Это вело к возникновению сравнительно крупных мастерских, представлявших собой переход к более высокой форме промышленности. Так, «из раздробленного мелкого производства вырастает капиталистическая простая кооперация»⁴.

¹ См. В. л. Миленкович. Указ. соч., стр. 40.

² Там же, стр. 134.

³ Социальные контрасты общественной жизни Сербии наиболее ярко были выражены именно в Белграде. Этот город занимал первое место по размерам своего богатства. В 1863 г. имущество его жителей оценивалось в 1 435 582 дуката, что в среднем составляло 97 дукатов на человека, тогда как во всех остальных городах, не говоря уже о селах, на одного человека приходилось 20—30 дукатов. В Белграде тогда имелось 1535 хозяйств, имущество которых оценивалось более чем в 1 293 282 дуката, т. е. в среднем на каждое хозяйство приходилось 836 дук. 80 богатейших домов Белграда владели имуществом от 3 до 36 тыс. дукатов, тогда как 1109 порезских душ белградской общины не имели вообще никакого имущества („Државопис Србије“, св. 2, Б-д, 1865, стр. 72).

⁴ В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 308.

Наиболее крупными промышленными предприятиями, точнее капиталистическими мастерскими, Сербии в 70-х годах были: государственный завод для производства пушек и боеприпасов в Крагуеваце (топливница), топчидерская фабрика для производства военного сукна и обмундирования (закрита вскоре как нерентабельная) и ряд частных предприятий — кирпичный завод, мастерские для производства свечей, мыла и т. д.

В 70-х годах XIX в. в Сербии создаются все необходимые предпосылки для превращения торгово-ростовщического капитала в промышленный капитал и постепенного перехода к капиталистическому способу производства, что уже ясно обозначилось в 90-х годах XIX в.

Среди первых промышленных предприятий Сербии мануфактурного типа были мельницы и пивоварни. Наиболее известным предприятием такого рода в 70-х годах была так называемая «Кнежева пивара» в Белграде, работавшая на ручном труде. Пивоварни по образцу белградской были основаны в Ягодине, Вальеве и других городах.

Первая паровая мельница в Сербии была построена в 1863 г. В 1867 г. в Сербии насчитывалось: мельниц водяных 7510, мельничных колес 11279, конных мельниц 306, котлов для винокурения 20729¹.

Развитие крупной капиталистической промышленности в Сербии задерживалось целым рядом причин внутреннего и внешнего характера: отсутствием национального капитала, экономической слабостью и политической зависимостью страны от Турции, а также вмешательством западноевропейских держав (особенно Австро-Венгрии) в ее внутренние дела.

Все попытки сербского правительства «...искусственным средством фабриковать фабрикантов»² в 60—70-х годах XIX в. потерпели полную неудачу. Попытка князя Михаила повысить таможенные тарифы и тем самым вызвать подъем национальной промышленности встретила решительный отпор со стороны Австрии, которая рассматривала действие неравноправных договоров Турции с другими государствами (так называемых капитуляций) обязательным и для Сербии. Но и от этого вскоре пришлось отказаться.

Не принес ожидаемого эффекта и закон о помощи отечественной промышленности от 31 декабря 1873 г.³ Закон предоставлял предпринимателям монопольные права на производство определенных товаров на срок до 15 лет, освобождал их от таможенных пошлин на ввоз машин и оборудования, предоставлял бесплатную аренду государственных земель, леса и т. д. Однако ожидаемого быстрого подъема промышленности не произошло в силу того, что закон не отвечал наличным производительным силам Сербии, с одной стороны, и не защищал имеющиеся промышленные предприятия от иностранной конкуренции — с другой.

Таким образом, в промышленном отношении Сербия в 60—70-х годах XIX в. была крайне отсталой страной, где преобладающее значение имело цеховое ремесло. Крупная промышленность в стране отсутствовала.

Говорить о промышленном пролетариате как общественной силе в рассматриваемый период не приходится, так как его еще не было в это время в Сербии.

Решающее и определяющее значение в народном хозяйстве Сербии, как уже отмечалось выше, имело сельское хозяйство.

¹ См. „Државопис Србије“, св. V, Б-д, 1871, стр. 115.

² К. Маркс. Капитал, т. I, 1949, стр. 760.

³ См. „Зборник закона...“, т. XXVI за 1873—1874 гг., Б-д, 1877, стр. 60—63.

При огромной отсталости и неразвитости сербского города весь бюрократический, чиновничий государственный аппарат, армия, торговцы, ростовщики и другие непроизводительные группы населения жили за счет жесточайшей эксплуатации непосредственного производителя, т. е. крестьянина, составлявшего подавляющее большинство сербского населения. Быстрый и резкий переход от натурального хозяйства к денежному¹ и сопутствовавший ему переход от скотоводства, являвшегося основной отраслью товарного производства Сербии в начале XIX в., к земледелию сопровождался ломкой старых земельных отношений. Переход от одной формы хозяйства к другой требовал перестройки приемов и методов ведения сельского хозяйства. Вследствие коренной ломки всей системы аграрных отношений сельское хозяйство Сербии вскоре после освобождения от турецкой зависимости оказалось в состоянии глубокого кризиса. Кризис характеризовался катастрофическим ростом задолженности крестьянских хозяйств, распадением задруги и другими явлениями, вызванными к жизни проникновением в сербскую деревню товарно-денежных отношений. «Поскольку крестьянин вырывался из-под власти крепостника, — писал В. И. Ленин, — постольку он становился под власть денег, попадал в условия товарного производства, оказывался в зависимости от нарождавшегося капитала»². Специальным указом от 29 мая 1836 г. князь Милош Обренович запретил продавать за долги «в городах дом, в котором живет хозяин семьи, в деревнях дом, баштину, 2 вола и корову»³. Конечно, эти меры сербского князя не могли остановить развитие закономерного экономического процесса.

Степень проникновения товарно-денежных отношений в сербскую деревню можно проследить на примерах роста задолженности крестьянских хозяйств, с одной стороны, и распада патриархальной большой семьи, соответствующей формам натурального хозяйства, — задруги, с другой.

Об угрожающих размерах ростовщичества в сербской деревне, особенно начиная с 50-х годов XIX в., свидетельствуют многочисленные факты. Один ростовщик в 1856 г. имел в суде 164 тяжбы с должниками. Он предъявил в суд 141 долговую расписку для взыскания долга с крестьян. Другой ростовщик в том же году предъявил в суд расписку, по которой его должник был должен ему 10 тыс. ок кукурузы⁴. Причем эта расписка носила 765 порядковый номер⁵. Указывалось на то, что отдельные ростовщики имеют столько же земли, сколько 11—12 крестьянских хозяйств, вместе взятых. В 1858 г. из общего количества 41 826 судебных дел на долю долговых тяжб приходилось 31 530, или 72%⁶. Ростовщики брали со своих должников огромные проценты, которые часто превышали выданную сумму в два-три раза. Об этом свидетельствует жалоба крестьян, направленная в 1859 г. князю Милошу. Один должник в течение трех лет за 40 дукатов долга выплатил 140 дукатов; другой за 130 дукатов в тече-

¹ Статья 3 указа князя Милоша от 16 октября 1837 г. гласила: „Налог остается только денежный, поэтому кулук (барщина) и другие повинности в натуре уничтожаются. На попечении жителей остается содержание в порядке дорог и мостов. Другие же правительственные работы должны соответственно оплачиваться. Что касается работ на старейшин и вообще чиновников, то эти работы могут производиться только наймом...“ („Зборник закона...“, т. XXX, Б-д, 1877, стр. 217).

² В. И. Ленин. Соч., т. 17, стр. 95.

³ „Зборник закона...“, Б-д, 1873, т. XXX, стр. 119.

⁴ 1 oka=0,78 русского фунта—320 г.

⁵ См. Сл. Јовановић. Политичке и правне расправе, кн. I, Б-д, 1932, стр. 95.

⁶ См. его же. Уставобранители и Ђихова влада, Б-д, 1925, стр. 84.

ние полутора лет — 310 дукатов, кроме того, отдал бочонок сливок, двух породистых коров, двух рабочих волов и одного породистого барана¹. Аналогичных фактов, говорящих о том, что ростовщичество принимало поистине ужасающие размеры, можно было бы привести бесчисленное множество.

По подсчетам государственного статистика В. Якшича за 20 лет, с 1843 по 1863 г., на каждые 100 сербских семейств 20 были вообще лишены недвижимого имущества². Еще более разительную картину хозяйничания ростовщического капитала в сербской деревне дают протоколы заседаний скупщины в 70-х годах.

При обсуждении проекта закона о «заложниках Управы Фондов» в скупщине 1873 г. многие депутаты указывали на ужасающее положение многих крестьянских семей в их избирательных округах. В настоящее время, заявил депутат Паңтич, в Ясеницком срезе имеется очень немного людей, свободных от долгов, все остальные являются должниками двух-трех лиц. «Если этому не помочь, — продолжал он, — то несколько сел перейдет в руки 2—3 лиц»³. Другие приводили факты, когда в целом селе, задолжавшем 6—7 тыс. дукатов, необходимо было продать 3 тыс. дней пахоты земли⁴. Депутат Панта Сречкович отмечал, что в Крагуевацком округе за последнее время число должников увеличилось в три раза, а их задолженность ростовщикам исчислялась в сумме 100 тыс. дукатов. В подтверждение своих слов он сослался на одного крестьянина, который задолжал 140 дукатов и в течение трех-пяти лет не мог заплатить долг, выросший за это время до 1260 дукатов, т. е. почти в десять раз⁵.

Такова была одна сторона явления, вызванного интенсивным проникновением товарно-денежных отношений в сербскую деревню в 60—70-х годах XIX в. Другим не менее характерным явлением, как уже отмечалось выше, был распад задруги.

Сербская задруга, этот, по выражению Энгельса, «наилучший еще существующий образец... семейной общины»⁶, под влиянием роста денежного хозяйства начинает быстро разлагаться. Первые признаки распада задруг появились сразу же после освобождения страны от турецкого ига, но особого размаха этот процесс достиг в 60—70-х годах XIX в.

Экономическую основу задруги составляло совместное ведение хозяйства, общественная собственность на орудия и средства производства и на произведенный продукт. Натуральный характер такого хозяйства уже не соответствовал зарождающимся новым, капиталистическим отношениям.

На скупщине 1864 г. министр внутренних дел заявил: «Правительство делает все, что в его власти, чтобы препятствовать разделам задружных родов, но действия правительства не всегда успешны». Затем он привел следующие данные, относящиеся к разделу задруг: в 1861 г. всех разделов было 1526, в 1862 г. — 1354, в 1863 г. — 1559⁷. Данные, приведенные

¹ См. там же, стр. 90.

² См. Светозар Марковић. Целокупна дела, т. I, ч. I, Б-д, 1911, стр. 48.

³ „Протоколи Народне скупштине за 1873 г.“, Б-д, 1873, стр. 591—592.

⁴ Один день пахоты — это участок земли такого размера, который можно вспахать одним тяглом в один день, равный 5760 м², или 800 кв. сажень; 1 га равен 3,5 дней пахоты.

⁵ См. „Протоколи Народне скупштине за 1873 г.“, стр. 592—593.

⁶ Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. 1947, стр. 68.

⁷ См. „Протоколи редовне скупштине... 1864“, Б-д, 1864, стр. 55.

тем же министром на очередной скупщине 1867 г., свидетельствуют об усилении распада задруг. За трехлетний промежуток между двумя скупщинами (1864—1867) число поделенных задруг увеличилось до 5024. По подсчетам правительства на каждый год приходилось 1700 поделенных задруг, причем за последние три года подверглось разделу на 600 задруг больше, чем в предшествующее трехлетие¹.

Таким образом, сербский крестьянин все чаще и чаще становится «инокосан», т. е. незадружным. Под влиянием отходничества, развития ремесла и торговли распадение задруг в дальнейшем приняло широкие размеры. Если для середины XIX в. были еще характерны большие крестьянские семьи в 20—40 человек, то в последней трети века картина резко меняется. Так, в 1891 г. семей в 20 и более человек было 1,9%; 16—20 чел. — 1,7%; 11—15 чел. — 7,9%; 6—10 чел. — 42,9%; 4—5 чел. — 27,1%; 2—3 чел. — 15,9%, наконец, семей в один человек — 2,6%².

Следует заметить, что оставшиеся еще крупные задруги (1,9%—1961 семейство) по своему внутреннему содержанию и формам ведения хозяйства уже не имели почти ничего общего со старыми задругами периода натурального хозяйства. «... вся сущность капиталистической эволюции мелкого земледелия, — писал В. И. Ленин, — состоит в создании и усилении имущественного неравенства внутри патриархальных союзов, далее в превращении простого неравенства в капиталистические отношения»³.

Катастрофический рост задолженности крестьянских хозяйств, связанный с проникновением обмена и торговли в земледелие, хозяйничание ростовщического капитала, который В. И. Ленин назвал «низшим» и «худшим», распад задруги и разложение патриархального деревенского быта были едва ли не самыми характерными явлениями сербской деревни в эпоху после освобождения.

Для того чтобы ответить на вопрос, что представляла собой сербская деревня в 60—70-х годах XIX в., какие общественно-экономические отношения были в ней господствующими, способствовали ли только что рассмотренные нами явления замене старого способа производства новым, капиталистическим способом производства, для этого необходимо проследить тенденцию развития крестьянского хозяйства. Следует, однако, оговориться, что полное отсутствие необходимых статистических данных для этого времени делает весьма затруднительным разрешение поставленной задачи.

В своем замечательном труде «Развитие капитализма в России» В. И. Ленин писал, что наличие в общественном строе хозяйства (в том числе в крестьянстве единоличном и общинном) таких противоречий, как: конкуренция, «борьба за хозяйственную самостоятельность, перебивание земли (покупаемой и арендуемой), сосредоточение производства в руках меньшинства, выталкивание большинства в ряды пролетариата, эксплуатация его со стороны меньшинства торговым капиталом и наймом батраков»⁴, является свойственным всякому товарному хозяйству. «Совокупность всех экономических противоречий в крестьянстве и составляет то,

¹ См. „Протоколы редовне скупштине... 1867“, Б-д, 1868, стр. 31.

² См. Gavrilović. Über den Stand der Landwirtschaft in Serbien, см. сб. и/р. F. B. Pfeifer—Volkswirtschaftliches Jahrbuch des Königreiches Serbien, Berlin, 1894, S. 142.

³ В. И. Ленин. Соч., т. 15, стр. 76.

⁴ Там же, т. 3, стр. 140.

что мы называем разложением крестьянства... или процессом «раскрестьянивания»¹.

Факт наличия в той или иной степени всех этих противоречий в сербском земледелии 60—70-х годов свидетельствует о капиталистическом характере развития сербской деревни в рассматриваемую эпоху.

Однако темпы капиталистического развития Сербии были медленными, что было обусловлено рядом средневековых пережитков, унаследованных от пятивекового турецкого гнета. Следует иметь в виду, что ликвидация турецкого феодального землевладения после двух восстаний затянулась на 18 лет. Кроме того, сама эта ликвидация сопровождалась уплатой Сербией дани Порте в сумме 2300 тыс. грошей в год, куда входили и доходы с турецких феодальных владений: тимаров и знаметов. Это был замаскированный выкуп, хотя и в небольших размерах. Известно, что право султана на получение дани оставалось в силе вплоть до 1878 года, т. е. до признания полной независимости Сербии на Берлинском конгрессе.

Постепенное расслоение сербского крестьянства приводило к тому, что на одном полюсе общественной жизни создавался «свободный» пролетариат, лишенный средств производства, а на другом — хищник-капиталист. Это расслоение крестьянства в сербской деревне сопровождалось насильственным отделением работника от средств производства, захватом общинных земель, сгноем крестьян с земли, ростом государственных долгов, введением покровительственных пошлин и другими явлениями, характерными для периода первоначального накопления капитала. Переход к новой капиталистической системе в условиях крайней бедности и хозяйственной отсталости Сербии носил исключительно затяжной характер. В стране попрежнему сохранялись огромные пережитки средневековья, сильно задерживавшие развитие капитализма.

Отсутствие каких бы то ни было статистических данных о распределении земельных владений в Сербии в середине XIX в. не позволяет воссоздать подлинную картину владения землей различными категориями собственников. Однако некоторые косвенные свидетельства (заявления депутатов в скупшине, законодательный материал) убеждают нас в том, что процесс дифференциации крестьянских хозяйств в 60—70-х годах был довольно значительным².

¹ Там же, стр. 141.

² Более поздние данные, относящиеся к 90-м годам, подтверждают это.

По данным государственной статистики Сербии, за 1897 г. мы имеем следующую картину распределения земельных владений:

Размер владения (в га)	Число хозяйств	%
до 1	26 643	1,9
1— 2	35 690	12,0
2— 5	98 642	33,6
5— 20	121 640	41,4
20— 50	10 617	3,5
50—100	742	0,2
100—200	75	0,03
более 200	8	0,001
Всего:	294 421	100

См. также Милорад Недељковић. Заштита сеоског поседа, Б-д, 1907, стр. 39; Б. Недељковић. Историја баштинске својне у новој Србији од краја 18 в. до 1931 г., Б-д, 1936, стр. 294.

«Земля есть, несомненно, главное средство производства в сельском хозяйстве; — писал В. И. Ленин, — по количеству земли всего вернее можно судить поэтому о размерах хозяйства, а следовательно, и о типе его, т. е., например, о том, идет ли речь о мелком, среднем, крупном, капиталистическом или не употребляющем наемного труда хозяйстве»¹.

Вся земля в Сербии по характеру владения делилась на три категории: частновладельческие, общинные и государственные. Наибольший интерес для нас представляют земли первой категории.

Факт преобладания мелких и средних крестьянских хозяйств в Сербии в середине XIX в. не подлежит никакому сомнению. Об этом говорит и приведенная таблица. Но бесспорно также и то, что крупные земельные собственники (великопоседники) играли значительную роль в экономической и политической жизни страны, которую, как правило, игнорирует вся сербская буржуазная историография.

Великопоседничество возникло в результате насильственного захвата земель в ходе восстаний, а также благодаря системе откупа и распродажи частных мусульманских владений, при которой лучшие земли доставались наиболее богатым торговцам-ростовщикам, зажиточным крестьянам, воеводам, народным старейшинам, кнезам, оберкнезам и другим лицам, обладавшим деньгами и властью². Эти владения увеличились еще больше в 50—60-х годах в результате скупки земель у разорившихся и разоряющихся крестьян. То обстоятельство, что земельные владения крупных собственников были разбросаны в разных селах, срезам и округах и не представляли собой единого массива, давало возможность сербским историкам отрицать наличие в Сербии «крупных владений в собственном смысле»³ и рассматривать ее как классическую страну мелких собственников⁴. Несостоятельность таких доводов очевидна. «Советники были богатые люди, — отмечал С. Иованович, — их недвижимое имущество представляло для того времени огромную ценность. Не принимая во внимание одного чрезвычайно богатого советника, Алексу Симича, чье имущество оценивалось в 14 000 дукатов, средняя стоимость владений советников выражалась суммой в 2—2,5 тыс. дукатов»⁵.

О том, какие злоупотребления совершались при распродаже бывших турецких владений, свидетельствует, в частности, распоряжение князя Александра Карагеоргиевича от 22 июня 1847 г. попечительствам. В этом документе рассказывается, как бывший начальник Серлицкого среза Бошкович доставил от одного турка, бежавшего из Сербии, владельческую грамоту на все Банское пастбище и лес размером в 2 тыс. дней пахоты, тогда как владения этого турка, по его собственному признанию, не превышали 20 дней. Эта фальсификация явилась предметом тяжбы в суде между Банской общиной и Бошковичем⁶.

Крупные земельные владения, отмеченные переписью 1897 г. (83 владельца, имевших более 100 га каждый), создавались постепенно, возникнув еще в эпоху ломки турецких феодальных отношений.

Для великопоседнического хозяйства было характерно сочетание барщинной и капиталистической систем. Причем отработки, этот худший вид

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 16, стр. 394—395.

² См. Сл. Јовановић. Уставобранители, стр. 9—10; I. Петровић. Окућне или заштита земљерадничког минимума, Б-д 1930, стр. 66, 76.

³ I. Петровић. Указ. соч., стр. 208.

⁴ См. там же, стр. 207.

⁵ Сл. Јовановић. Уставобранители, стр. 212—213.

⁶ См. „Зборник закона...“, т. IV, стр. 37.

барщины, имели широкое распространение в Сербии. Задавленность нуждой сербского крестьянина заставляла его идти в кабалу к великопоседнику. Мелкая крестьянская аренда и ипольщина были господствующими в хозяйстве великопоседника¹. При таком способе ведения хозяйства, как отмечал В. И. Ленин, «основой эксплуатации является не отделение рабочего от земли, а принудительное прикрепление к ней разоренного крестьянина, не капитал собственника, а его земля, не инвентарь владельца латифундий, а старинная соха крестьянина, не прогресс земледельческой культуры, а старая долготелая рутинная, не «вольный наем», а закабаление ростовщичеству»².

Реакционная суть великопоседничества станет еще более отчетливой, когда мы ознакомимся с экономической политикой сербского правительства, направленной на сохранение полуфеодалных, крепостнически-ростовщических форм эксплуатации земли. В силу конкретно-исторических условий, сложившихся в сербской деревне (крайне низкий уровень сельского хозяйства, его общая отсталость, острая потребность в кредите), великопоседникам было выгодно эксплуатировать разоряющихся и задыхающихся от нужды сербских крестьян в качестве «самостоятельных» собственников, заставляя их работать на своей земле при помощи допотопных орудий производства. Это обусловило, с одной стороны, жестокость форм эксплуатации крестьянских масс, с другой — задерживало процесс развития сельского хозяйства.

Причина этих явлений станет понятной из рассмотрения общего уровня сельского хозяйства Сербии в изучаемый период. Переход от натурального хозяйства к денежному совершался в Сербии при наличии крайне примитивных сельскохозяйственных орудий производства. Во всех областях Сербии господствовала экстенсивная, двухпольная система земледелия. Удобрения почти не применялись. «Наши земледельцы имеют два вида орудий, — гласит официальный отчет сербской статистики за 1866 г., — плуг в узком смысле, который обычно влекут 2 вола, и «ралице» — малый плуг, чтобы пахать в горных местностях»³. Согласно переписи сельскохозяйственного инвентаря, по данным той же статистики, в Сербии на 1 215 576 жителей приходилось 50 132 плуга, 35 635 малых плугов (ралице), 14 360 конских и 112 791 воловьих упряжек⁴. Иными словами, один плуг в Сербии приходился на 22 крестьянских души, одна конная упряжка на 76,5 души, одна воловья упряжка на 9,8 души, или один плуг на 4 семьи, одна конная упряжка на 15 семей, одна воловья упряжка на 2 семьи.

По подсчетам С. Гавриловича в 1866 г. в Сербии 128 292 семьи не имели самых необходимых сельскохозяйственных орудий; 205 267 семей не имели конных упряжек, 99 928 семей — воловьих упряжек⁵.

Факт несомненного обнищания широких слоев крестьянских масс Сербии сказался прежде всего в систематическом сокращении поголовья скота (этого основного в то время показателя благосостояния крестьян), которое отчетливо прослеживается во второй половине XIX в. Вот соответствующая таблица о поголовье скота за 1859 и 1866 гг.⁶:

¹ См. И. Петровић. Указ. соч., стр. 208.

² В. И. Ленин. Соч., т. 15, стр. 136.

³ „Државопис Србије“, св. IV, Б-д, 1870, стр. 140.

⁴ См. там же, стр. 139—140.

⁵ См. S. Gavrilović. Указ. соч., стр. 133.

⁶ См. „Државопис Србије“, св. V, Б-д, 1871, стр. 114—115.

Наименование	1859 г.	на 1000 жителей	1866 г.	на 1000 жителей
Лошади	139 900	129	122 958	101
Крупный рогатый скот	802 692	739	741 425	609
Свиньи	1 774 348	1637	1 291 164	1061
Овцы	2 385 448	2202	2 677 310	2203
Козы	480 515	459	451 249	370

Разоряющиеся крестьянские хозяйства продавали рабочий скот, количество которого и без того было явно недостаточно для обработки своего участка земли. В 1867 г. в Сербии насчитывалось 18 680 рабочих лошадей и 307 516 волов и буйволов. По отношению к количеству земледельческого населения (около 1100 тыс.) это означало, что каждый пятый земледелец имел по одной лошади, а каждый третий — по одному волу или буйволу.

Мелкое крестьянское землевладение Сербии, задавленное сотнями средневековых перегородок, задерживало развитие производительных сил страны.

Средневековым пережитком Сербии была, в частности, сельская община. Однако следует иметь в виду, что сербская община, в отличие от русской поземельной общины, являлась только административно-территориальной фискальной единицей. В коллективном владении общин в Сербии находились только леса, луга, пастбища и пустоши, размеры которых, вследствие разграбления их зажиточной частью общины, постепенно сокращались¹. Регулярных переделов пахотной земли сербская община не знала. Даже по внешнему виду сербское село сильно отличалось от русского. В Сербии существовал обычай огораживать не только основное владение земледельца, но и отдельные участки земли под различными культурами².

Однако, несмотря на все задерживающие факторы, капиталистическое развитие сербской деревни, хотя и медленно, но все же подвигалось вперед, создавая новые типы сельского населения. «Эти типы, — указывал В. И. Ленин, — сельская буржуазия (преимущественно мелкая) и сельский пролетариат, класс товаропроизводителей в земледелии и класс сельскохозяйственных наемных рабочих»³.

Среднее крестьянство, численно преобладавшее в момент ликвидации турецких феодальных отношений и отличающееся наименьшим развитием товарного хозяйства и крайней неустойчивостью своего положения, начинало быстро разлагаться. «Раскрестьянивание», по выражению Ленина, и есть «... специфически свойственное капиталистическому хозяйству вымывание средних членов и усиление крайностей»⁴.

Сельская буржуазия, кулачество (селячке газде) постепенно становится господином в деревне. Увеличение количества сельскохозяйственных орудий, в частности плугов (в 1864—1865 гг. — 134 шт., в 1869—1870 гг. — 217 шт.), шло на удовлетворение нужд наиболее зажиточных кулацких хозяйств. Наряду с применением новой сельскохозяйственной техники в земледелии, увеличивался и спрос на рабочую силу.

Потребность в рабочей силе для сельского хозяйства удовлетворялась частично и за счет привлечения рабочих из соседних с Сербией земель.

¹ Об этом можно судить хотя бы по увеличению числа тяжб из-за общинных земель: в 1861 г. их было 134; в 1862 г. — 198; в 1863 г. — 291; в 1866 г. — 778 (см. «Протоколы Народне скупштине», 1864, стр. 153—154; «Протоколы Народне скупштине», 1867, стр. 196).

² См. «Современник», 1865, № 5, статья «Сербское село».

³ В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 142.

⁴ Там же, стр. 148.

«Болгары почти всюду обрабатывают нам землю, а в некоторых округах косят луга и убирают кукурузу», — заявил один оратор на скупщине 1873 г.¹ На это же указывал Светозар Маркович в своих статьях². Из стенографических отчетов скупщины за 1874—1875 гг. мы узнаем, что ежегодно около 40 тыс. рабочих приходят в Сербию на заработки из соседних стран и уносят с собой в виде заработка около одного миллиона дукатов³.

Правительство шло навстречу зажиточным сельским хозяйствам, удовлетворяя их растущую потребность в наемной рабочей силе. 21 октября 1871 г. был издан закон, по которому «неженатые лица из задружных обязанных налогом домов с удостоверением своей общины, что они работают в селах в пользу задруги, не подлежат уплате налога на холостяков»⁴. Закон служил целям обеспечения зажиточных кулацких хозяйств дешевой рабочей силой.

Анализ данных вывоза продуктов скотоводства и земледелия в 60—70-х годах XIX в., помещенных в статистических ежегодниках сербского княжества⁵, свидетельствует о том, что сельское хозяйство Сербии все более и более принимало торговый, предпринимательский характер. Вывоз сельскохозяйственных продуктов из года в год возрастал. Так, если с 1843 по 1850 г. средняя годовая стоимость внешнего торгового оборота равнялась приблизительно 22 млн. динаров, то с 1871 по 1875 г. она возросла до 67 млн. динаров. Вывоз скота увеличился за 10 лет в три раза. Особенно характерно увеличение в 11 раз вывоза хлеба и зерна за этот же отрезок времени. Это было прямым результатом перехода от скотоводства к земледелию, отчетливо обозначившегося в 1866 г.

Однако и после 1866 г. самыми товарными отраслями сельского хозяйства Сербии продолжали оставаться свиноводство и садоводство. По свидетельству современника, «на сливах, винограде да на свиньях главным образом и держится все сельское хозяйство Сербии»⁶.

Приведенные выше данные о применении наемной рабочей силы в земледелии, о производстве все большего количества сельскохозяйственных товаров на рынок говорят о том, что в Сербии 60—70-х годов существовали хозяйства предпринимательского, капиталистического типа, существовала сельская буржуазия.

Капиталистический тип сельского хозяйства создавался в Сербии за счет перевода части великопоместнических хозяйств на капиталистические рельсы, с одной стороны, и за счет роста и укрепления кулацких хозяйств в процессе «раскрестьянивания», и «вымывания» средних слоев — с другой. Кроме того, сербская задруга в условиях развития товарно-денежных отношений сама становилась базой для нового, капиталистического типа хозяйства. «... В крестьянском хозяйстве, — писал В. И. Ленин, — семейная кооперация является базой для создания капиталистической кооперации, т. е. крепкие крестьянские хозяйства, отличающиеся особенно высоким числом семейных рабочих, превращаются в капиталистические хозяйства, применяя наемный труд все в больших и больших размерах»⁷.

¹ См. „Протоколи Народне скупштине за 1873 г.“, Б-д, 1873, стр. 479.

² См. С. Маркович. Целокупна дела, т. I, ч. 2, Б-д, 1912, стр. 51.

³ См. „Стенографске белешке о седницама Народне скупштине за 1874—1875 гг.“, Б-д, 1875, стр. 593.

⁴ См. „Зборник закона...“, т. XXIV, Б-д, 1871, стр. 391.

⁵ См. „Државопис Србије“, св. I—X.

⁶ „Современник“, 1865, № 5, статья „Сербское село“, стр. 129.

⁷ В. И. Ленин. Соч., т. 16, стр. 402.

Сельская буржуазия в Сербии, эксплуатируя разоряющееся бедное и среднее крестьянство, выступала не только как предприниматель-фермер, но и как торговец и ростовщик, а иногда и как владелец мелких ремесленных мастерских. По своей экономической мощи эти «сеоске газде» (кулаки) были настоящими господами сербской деревни. Число их из-за отсутствия необходимых для этого времени статистических данных точно нельзя определить. Можно только предположить, что число их по сравнению с более многочисленной группой мелких владельцев, полоников, поденщиков, сельскохозяйственных рабочих было невелико.

Отсутствие организованного государственного кредита, общий низкий уровень сельского хозяйства страны создавали благоприятную почву для кабальных методов эксплуатации великопоседниками и кулаками основной массы сербских крестьян. «Немногочисленные зажиточные крестьяне, — писал В. И. Ленин, — находясь среди массы «маломощных» крестьян, ведущих полуголодное существование на их ничтожных наделах, неизбежно превращаются в эксплуататоров худшего типа, закабаляющих бедноту раздачей денег в долг, зимней наемкой и пр. и пр. Устарелые учреждения, задерживая рост капитализма и в земледелии, и в промышленности, суживают тем самым спрос на рабочую силу, нисколько не гарантируя в то же время крестьян от самой беззащитной и безграничной эксплуатации и даже от голодной смерти»¹.

Немаловажную роль в углублении расслоения сербской деревни и в ухудшении экономического положения беднейших слоев населения страны играла налоговая политика правительства. По закону от 1864 г.² каждый налогоплательщик (пореска душа) обязан был ежегодно платить государству в виде прямого налога (грађанског данака) 6 талеров. Налог в 6 талеров делился на личный (главница) — 3 талера и налог по имуществу — 3 талера. Личный налог в 3 талера платили одинаково все налогоплательщики. В отношении налога по имуществу была введена некоторая градация, которая, однако, не имела ничего общего с прогрессивным налоговым обложением.

Налоги разорительным образом сказывались на малоимущих и беднейших слоях населения. Важно отметить, что при действовавшей в то время в Сербии системе налогового обложения вся тяжесть налогового бремени ложилась на плечи крестьян. Это видно из следующих официальных данных. В 1866 г. в селах Сербии насчитывалось 214 286, или 90,29%, налогоплательщиков, а в городах — 23 039, или 9,71%. Если учесть, далее, что в этом году в государственную казну в виде прямого налога поступило 6 819 487,67 динара, то очевидно, что почти вся эта сумма падала на крестьян.

Крестьянский вопрос в Сербии очень остро стоял на всем протяжении XIX в. В 60—70-х годах XIX в. он не сходил с повестки дня скупщины и широко обсуждался в различных кругах сербского общества. Сербское правительство было также сильно обеспокоено громадным ростом крестьянской задолженности и угрожающим распространением ростовщичества в деревне. Однако экономическая политика правительства проводилась, конечно, не в интересах беднейшего крестьянства, а в интересах сельских эксплуататоров.

Сначала правительство пошло по линии создания кредитных учреждений. 16 августа 1862 г. было принято постановление об учреждении так

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 4, стр. 54.

² См. „Зборник закона...“, т. XVIII, Б-д, 1865, стр. 278—286.

называемой «Управы фондовой»¹ — первого сербского кредитного банка. Управа фондова создавалась на основе объединения всех общественных средств: школьного, вдовьего, сиротского, больничного, церковного и монастырского фондов, опекунских средств и депозитов.

Целый ряд сложных процедур и формальностей не только затрудняли, но просто делали невозможным получение кредита остро нуждающимися земледельцами. Достаточно сказать, что неграмотный сербский крестьянин должен был представить десять различных документов для получения займа. Кроме того, Управа фондова не имела филиалов внутри страны.

В 1871 г. в пяти округах были основаны кассы (штедионице), призванные обеспечивать кредитом земледельческое население. Но и это мероприятие не оправдало возлагавшихся на него надежд. Дело в том, что ст. 14 закона об окружных кассах устанавливала максимальную сумму займа для одного лица в 500 дукатов². И когда правительство решило (16 января 1874 г.) уменьшить эту сумму, то кассы были уже пусты. 150 тыс. дукатов, ассигнованных окружным кассам, были расхищены торговцами, чиновниками, кулачеством.

Таким образом, упомянутые мероприятия правительства оказались не в состоянии задержать процесса обезземеливания крестьян и связанного с этим общего разорения и обнищания деревни. Все эти мероприятия, с помощью которых правительство хотело якобы помочь крестьянину избавиться от нищеты, на самом деле были призваны укреплять социальную базу правительства в деревне — кулачество и великопоседников, которые беспощадно эксплуатировали бедноту и наживались за счет разорения мелких крестьян. В 70-х годах разорение крестьянства в Сербии приняло катастрофические размеры. К старым причинам добавились новые. Разразившийся в 70-х годах XIX в. общеевропейский денежный кризис имел весьма ощутительные последствия и для Сербии. В скупшину непрерывно поступали жалобы на то, что повсюду имущество крестьян продается за бесценок. Это признавало и правительство. «Торговый и финансовый кризис, — говорил князь Милан Обренович, открывая скупшину 1873 г., — который в этом году достиг наивысших размеров на важнейших мировых рынках и который до сих пор не прекратился, поставил нашу торговлю в очень тяжелое положение. Предшествующие неурожайные годы являются причиной того, что последствия этого кризиса сказались у нас гораздо острее, чем при иных условиях»³.

Убедившись в том, что все мероприятия против ростовщичества не дают эффективных результатов, правительство решило прибегнуть к негативным мерам. Мероприятия сербского правительства в 60—70-х годах в этом направлении продолжали по сути дела экономическую политику князя Милоша, начало которой было положено уже упоминавшимся ранее известным законом от 29 мая 1836 г. о защите минимальных участков земли от продажи за долги. В 1861 г. к закону было сделано добавление, в силу которого запрещалось продавать за долги такое количество земли, которое можно было обработать одним тяглом в течение двух дней (два дана ораће земље). Так как крестьянин с этого мизерного участка земли (около 1 га) не в состоянии был прокормить свою семью, то на скупшине 1871 г. депутат Д. Иванович внес дополнительное предложение об увели-

¹ См. „Зборник закона...“, т. XV, Б-д, 1863, стр. 128—133.

² См. „Зборник закона...“, т. XXXII, Б-д, стр. 101.

³ „Протоколи Народне скупштине за 1873 г.“, 1873, стр. 10.

чении неотчуждаемого участка земли до 6—10 дней пахоты¹. «Если этого не сделать, — подчеркнул другой депутат, — то мы дойдем до состояния 1858 г., когда должник клятвой освобождался от уплаты долга»².

Предложение Д. Иовановича пролежало в архивах скупщины до 1873 г., когда по требованию 16 депутатов оно было, наконец, извлечено оттуда и явилось предметом жарких обсуждений. «Имеются слухи, как в Боснии и Валахии народ живет в чужом доме и на чужой земле, — заявил депутат Родован Милошевич, — и что хозяин может согнать крестьянина с земли и лишить имущества в любой момент». Поэтому он выразил опасение, как бы такое зло не пришло в Сербию. «Действительно, — продолжал он, — в нашем народе нет помещиков, но следует опасаться, как бы не попасть каким-либо хитроумным способом другим помещикам в руки, которые будут брать не только десятину, но и все остальное»³.

Милошевича поддержал другой оратор, сказав, что «если мы допустим, что у крестьянина все могут продать и при этом негодуюем на помещиков, то через короткое время будем их иметь у себя, а другие станут их «чивчије» (крепостными)⁴. На скупщине говорилось и о том, что если раньше от ростовщичества страдали центральные районы Сербии, то теперь эта болезнь захватила и западные⁵. «Если не воспрепятствовать созданию бездомной массы людей, то со временем она будет потрясать основы нашего государства», — заявил министр Ценич⁶.

В несколько видоизмененной форме предложение Д. Иовановича было принято скупщиной. 24 декабря 1873 г. был издан специальный закон — «Изменение 4 пункта § 417 закона о судебном гражданском процессе»,⁷ — вступивший в силу с 1 января 1874 г. Он был принят в результате прямого давления масс. В декабре 1873 г. многочисленная толпа крестьян из окрестных сел направилась в г. Крагуевац, где в тот момент заседала Народная скупщина. Крестьяне шли с намерением потребовать от правительства прекращения исполнения судебных решений о распродаже описанного за долги крестьянского имущества. «Это событие, — писал Сл. Иованович, — произвело большое впечатление на князя и на правительство»⁸. Правительство консерваторов опасалось, как бы вооруженные крестьяне не окружили скупщину, и поспешили с принятием закона. Закон запрещал брать в опись или в продажу у землевладельца за долги: «один плуг, одну телегу, двух волов или рабочих коней, мотыгу, топор, кирку, косу и столько хлеба и корма, сколько для него, семьи и скота необходимо до нового урожая. Кроме того, на каждую порезскую душу... если только ее главным занятием является земледелие, 5 дней пахоты земли, считая один день за 1600 сажень⁹, а также и дом с постройками и земельным участком до одного дня пахоты. Имущество, здесь перечисленное, земледелец не может

¹ См. „Протоколы Народне скупштине за 1871 г.“, Б-д, 1871, стр. 447—448.

² Там же, стр. 450.

³ „Протоколы Народне скупштине за 1873 г.“, Б-д, 1873, стр. 220.

⁴ Там же, стр. 325.

⁵ См. там же, стр. 457.

⁶ Там же, стр. 505.

⁷ „Зборник закона...“, т. XXVI, Б-д, 1874, стр. 14—16.

⁸ Сл. Јовановић. Влада Милана Обреновића, кн. I (1868—78), Б-д, 1926, стр. 200.

⁹ 1 сажень — 3,60 м². Один день пахоты — 5760 м², пять дней соответственно — 28 800 м², все „окучье“ вместе с приусадебным участком (6 дней) — 34 560 м², или 3,456 га.

ни сам продать, ни каким-либо другим образом сбыть»¹. На этот случай, если бы земледелец оказался в крайней нужде по причине какого-либо стихийного бедствия, закон разрешал ему быть в долгу под залог недвижимого имущества. Но и в этом случае он не мог заложить участок земли, равный двум дням пахоты, и дом.

Все долги, которые имели крестьяне до 1 января 1874 г., подлежали уплате. Для этих долгов оставался в силе старый закон.

Однако и этот, на первый взгляд, радикальный закон не мог задержать процесса разорения крестьянских хозяйств и концентрации земель в руках финансовой и земельной плутократии. В инструкции к закону от 4 февраля 1874 г.² специально подчеркивалось, что закон не запрещал продажу крестьянских земельных участков, инвентаря и строений для уплаты податей и налогов. При страшной задолженности крестьянин был не в состоянии выплачивать государственные повинности, и это, по существу, отменяло закон и сводило его на нет. Поэтому неудивительно, что крестьяне, оказавшись в критическом положении, находили всевозможные способы и предлоги, чтобы обойти закон. Е. Петрович, автор большой монографии об «Окучье» (так называлась система этих «охранительных» мероприятий), приводит в своем исследовании 14 случаев обхода этого закона³. Автор, извращая характер этого закона, считает «Окучье» такой «экономико-политической мерой», которая «разрешила» социальный вопрос и сохранила за Сербией репутацию «классической страны мелких собственников»⁴.

Закон «О пяти днях пахоты», или «Окучье», по иронии судьбы был назван законом «о народном благосостоянии». Что это было за «благосостояние», видно из выступлений в скупшине. По подсчетам современников, из 25 тыс. порезских душ 10 тыс. имело задолженность⁵. По словам министра юстиции, в Сербии 3—4 тыс. семей завтра могли оказаться без хлеба, если им не предоставить заем⁶. В 1873 г. в скупшину поступило 3 тыс. заявлений с просьбой о помощи⁷, а на следующий год еще 1072 заявлений от крестьян с просьбой задержать исполнение судебных решений о продаже их имущества за долги⁸.

Это заставило скупшину принять закон от 15 января 1874 г. «О заложницама Управе фондова»⁹. Управа фондова получила право заключить заем на сумму 12 млн. динаров для выкупа заложенных крестьянских земель за долги частным лицам по 10% годовых. Однако Управе фондовой не удалось заключить заем за границей. Правило, по которому Управа фондова должна была давать ссуды преимущественно тем крестьянам, у которых имущество было продано или описано и подлежало продаже за долги частным лицам, было скоро забыто, и Управа получила возможность выдавать ссуды любому крестьянскому хозяйству. Земли крестьян стали переходить к Управе, так как закон от 24 декабря

¹ „Зборник закона...“, т. XXVI, Б-д, 1874, стр. 14.

² См. там же. Упутство № 354 от 4 февраля 1874 г., стр. 79—89.

³ См. I. Петровић. „Окучје или заштита земљерадничког минимума“, Б-д, 1930, стр. 278—284.

⁴ См. там же, стр. 107, 151.

⁵ „Протоколи Народне скупштине за 1873 г.“, стр. 491.

⁶ См. там же, стр. 581.

⁷ См. там же, стр. 603.

⁸ См. „Стенографске белешке о седницама Народне скупштине за 1874—1875 гг.“, Б-д, 1875, стр. 975—976.

⁹ См. „Зборник закона“, Б-д, 1874, стр. 57—74.

1873 г. не распространялся на хозяйства, получившие кредит из Управы фондовой.

В конечном итоге получилась та же картина, что и с окружными кассами: спасти разоряющиеся крестьянские хозяйства от ростовщичества, а также ограничить его распространение правительству не удалось. Наличные средства Управы фондовой попали главным образом в руки зажиточной верхушки сербского крестьянства, которая использовала их для приобретения новых земель и расширения производства. «Исчезновение и экспроприация массы крестьян, почти единственного хозяйственного класса, было явлением, на которое нельзя было равнодушно смотреть», — писал М. Неделькович. Было очевидно, что «пролетаризированные крестьяне должны стать или поденщиками и арендаторами на своих бывших владениях или в большинстве вынуждены будут эмигрировать, как ирландцы, из своего отечества»¹.

Закон об «Окучье» имел ясно выраженный классовый характер. Он был проведен в интересах той социальной группы сербского общества, которая была представлена великопоседниками и кулаками. О благосостоянии именно этой группы он прежде всего заботился. Закон об «Окучье» создавал в Сербии тот самый тип сельского рабочего с наделом, о котором В. И. Ленин писал: «Ничтожный размер хозяйства на клочке земли и притом хозяйства, находящегося в полном упадке... невозможность существовать без продажи рабочей силы... в высшей степени низкий жизненный уровень — даже уступающий, вероятно, жизненному уровню рабочего без надела...»². Закон этот лишний раз подчеркивает справедливость положения В. И. Ленина о том, что «наделение сельского рабочего землей делается очень часто в интересах самих сельских хозяев...»³. Для Сербии это тем более понятно, так как масса разоряющихся крестьян не могла найти себе применение в городе.

Закон об «Окучье» не гарантировал крестьян от самой беззастенчивой и безграничной эксплуатации со стороны великопоседников и кулаков. Он был направлен на искусственное удержание крестьян в деревне, задерживал развитие производительных сил в стране. «Укрепление наделной собственности, — указывал В. И. Ленин, — совершенно не соответствующей новым, капиталистическим отношениям, есть реакционная мера...»⁴.

Говоря о господстве мелкого, карликового хозяйства в земледелии, В. И. Ленин писал: «На этом основном фоне неизбежна поразительная отсталость техники, заброшенное состояние земледелия, придавленность и забитость крестьянской массы, бесконечно разнообразные формы крепостнической, барщинной эксплуатации»⁵.

Капиталистическое развитие сербской деревни вело к расслоению сербского крестьянства на два антагонистических класса: сельскую буржуазию и сельский пролетариат. В деревне все сильнее и острее разгоралась классовая борьба. Формы ее были самыми разнообразными. Крестьяне отказывались платить государственные налоги (порез и др.), саботировали общественные мероприятия правительства и местных властей

¹ М. Неделькович. Защита сеоског поседа, Б-д, 1907, стр. 29—30.

² В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 145.

³ Там же, стр. 246.

⁴ Там же, т. 15, стр. 144.

⁵ Там же, т. 13, стр. 202.

и т. п. Пассивный протест нередко перерастал в открытые выступления.

Во время путешествия князя Милана по стране летом 1875 г. к нему обращались многочисленные крестьянские делегации с жалобами на свое тяжелое положение. Попытка полицейских властей в г. Неготине воспрепятствовать передаче крестьянского адреса князю, составленного крестьянским депутатом Адамом Богосавлевицем, вызвала решительный протест с их стороны. В этом адресе крестьяне писали: «... известно, что мы все платим и всех содержим, ибо мы и составляем народ в Сербии. Мы, земледельцы, не обеспечены даже настолько, чтобы на каждый день иметь сухой хлеб, а своим потом и налогами мы содержим всех господ, давая им чрезмерные и излишние жалованья, так что незначительное меньшинство купается в богатстве за счет народного пота, а огромное большинство народа задавлено бедностью»¹. «Как земледельцы, — говорилось далее в адресе, — кроме других тяжб, мы более всего имеем тяжб о земле»². Когда А. Богосавлевиц был арестован за то, что он по просьбе крестьян составил текст адреса, то крестьяне села Копривницы и других деревень явились в Неготин и силой освободили своего депутата из тюрьмы. Сопротивление крестьян было настолько единодушным, а желание во что бы ни стало отстоять своего депутата настолько решительным, что правительство не решилось вновь арестовать Богосавлевица.

Но едва ли не самой массовой формой социального протеста разоряющего сербского крестьянства в это время было гайдучество. Этот старый, испытанный метод борьбы, известный со времен турецкого ига, в новых условиях приобрел совершенно иной характер. Борьба велась теперь уже не против турок-угнетателей, как раньше, а против своих собственных эксплуататоров-сербов: кулаков, ростовщиков, великопоседников и исполнителей их воли — ненавистных для всего трудового народа чиновников. Гайдучество во второй половине XIX в. приняло массовый характер и ярко выраженную социальную окраску. Самый широкий размах оно получило в Ужицком и Чачакском округах. Здесь классовые противоречия достигли особой остроты, так как бедность и разорение крестьян в этих округах были наибольшими, а эксплуатация носила самые жестокие формы.

В 50—60-х годах правительство предприняло целую серию драконовских мер с целью задуть гайдучество. Но все эти попытки оказались тщетными и не давали эффекта. Наконец, 23 октября 1871 г. правительство приняло варварский закон об уничтожении хуторов, расположенных в горах³. Закон давал право министру внутренних дел разрушать и уничтожать отдельные дома и селения крестьян до 10 домов, выселять целые семьи, заподозренные непосредственно в гайдучестве или в связях с последними, в другие округа. Даже послушная правительству скупщина усмотрела в этом жестоком акте правительства опасные последствия. Один из депутатов скупщины, выступая против закона, заявил, что такими мерами правительству не удастся достигнуть желаемых результатов, ибо это приведет к окончательному разорению трудящихся масс этих округов. Единственное средство избавиться от гайдучества он видел в улучшении экономического положения указанных округов Сербии⁴.

¹ П. Велимировић. Сељачки покрет у Крајини 1875, Б-д, 1882, стр. 18.

² Там же, стр. 19.

³ См. „Зборник закона...“, т. XXIV, 1871, Б-д, 1871, стр. 127—133.

⁴ См. „Протоколи Народне скупштине за 1871 г.“, стр. 406.

Для крестьянских движений 60—70-х годов было характерно еще слабое осознание беднейшим крестьянством своих классовых интересов. Его социальный протест носил малоорганизованный, локальный характер, выступления были стихийными, единое руководство отсутствовало. Под влиянием пропаганды сербского революционного демократа Светозара Марковича и его сторонников в скупщине крестьянское движение поднялось на новую, более высокую ступень. Это нашло свое выражение в большом крестьянском восстании 1883 г. в Тимокском районе, охватившем восточную часть страны. Однако Тимокское восстание было быстро подавлено. Основная причина разгрома восставших заключается в том, что в Сербии в то время еще не было пролетариата, единственного до конца революционного класса, способного возглавить крестьянское движение и довести его до победоносного конца.

Для того чтобы картина социально-экономических отношений в Сербии в рассматриваемый период была более полной, необходимо остановиться еще на вопросах внешней и внутренней торговли и роли торгового капитала.

Следующая таблица дает представление хотя и о медленном, но неуклонном росте внешней торговли Сербии¹ (в средних цифрах в тыс. динар).

Годы	Ввоз	Вывоз
1846—1847	8 112	10 805
1864—1868	23 000	22 953
1869—1873	27 696	31 330
1874—1875	31 503	35 211

Из таблицы видно, что экспорт занимал ведущую роль в торговом обороте Сербии. Такое положение было вплоть до начала XX в.

Основными предметами сербского вывоза были: скот и продукты скотоводства, сухие сливы, вино. Зерно появляется как предмет вывоза впервые в 1866 г., и затем его удельный вес неизменно возрастает. Так, в 60-х годах оно составляло 0,79% стоимости всего вывоза, а в конце века — уже 24,91%². Главные статьи сербского ввоза составляли: соль, хлопчатобумажные ткани, сельскохозяйственный инвентарь, простые машины.

Главным внешним рынком для сельскохозяйственных товаров Сербии была Австрия.

Экономическая зависимость Сербии от Австрии была обусловлена поздним, сравнительно с другими европейскими странами, вступлением ее на путь капиталистического развития. Сербия становилась в силу этого аграрным придатком развитых капиталистических стран Европы. Австро-сербская торговля носила колониальный характер. Торговля велась главным образом промышленными товарами при полном отсутствии вложений австрийских капиталов в самой Сербии.

Самыми богатыми и влиятельными в Сербии были белградские торговцы. Свыше 80% всего ввоза страны проходило через Белград. В силу отсталости и неразвитости промышленного производства, влияние торгового капитала в Сербии оставалось доминирующим на всем протяжении XIX в.

Экспорт вообще и особенно экспорт сельскохозяйственных продуктов имел большое значение в развитии внутреннего рынка в Сербии. Рост

¹ См. Вл. Миленковић. Економска историја Београда, Е-д, 1932, стр. 47.

² См. там же, стр. 45.

городов и торгово-промышленного населения, специализация сельского хозяйства, некоторое улучшение путей сообщения — все эти факторы способствовали образованию внутреннего рынка.

Внутренняя торговля в Сербии развивалась в двух направлениях: за счет увеличения числа ярмарок (панаѓури, вашари) и путем создания, главным образом в городах, постоянных базаров. При полном отсутствии железных дорог (первая железная дорога в Сербии была открыта в 1883 г.) ярмарочная торговля имела решающее значение. Она являлась важнейшим средством товарооборота внутри страны. С 1847 по 1861 г. количество ярмарок возросло с 17 до 31, с 1861 по 1871 г. — до 72, а в 1900 г. их насчитывалось уже 177¹. Основным товаром на ярмарках Сербии был скот.

С углублением капиталистического развития и расширением внутреннего рынка, наряду с ярмарками, в городах появляются базары; в 50-х годах Белград, например, имел три базара.

Законом 1847 г. (Еснафска уредба) сербские торговцы были объединены в цехи. Формально цеховые организации в торговле, как, впрочем, и в ремесле, просуществовали до 1910 г., но фактически они изжили себя гораздо раньше, чем ремесленные цехи. Торговые цехи под ударами конкуренции иностранных товаров быстро разлагались. К 70-м годам они уже потеряли всякое значение.

Как и следовало ожидать, первыми против стеснительных ограничений цехов выступили белградские торговцы. «Уже в 70-х годах, — писал Миленкович, — влияние цехов на торговлю настолько упало, что эта организация почти не чувствовалась»².

С ростом сельской торговой буржуазии к концу 60-х годов борьба городских и сельских торговцев приняла острые формы. С особой силой она разгорелась на скупщине 1870 г. при обсуждении закона о сельских лавках. Представители сельской торговой буржуазии стремились к отмене всех и всяческих ограничений в вопросе об открытии новых лавок на селе.

Закон был принят 15 октября 1870 г.³ и отличался известной половинчатостью. С одной стороны, он давал право сельским богатым открывать лавки с разрешения общин в неограниченном количестве, с другой — сельские лавки могли открываться только в тех селах, которые были удалены от города на расстояние 4-часовой езды, что было явной уступкой городской торговой буржуазии.

Анализ содержания закона, а также выступлений депутатов в скупщине в связи с его обсуждением позволяет сделать вывод о том, что сельская торговая буржуазия была уже и численно и по своей экономической мощи значительной силой. Закон был принят с учетом интересов и запросов сельской буржуазии и был выгоден прежде всего зажиточной части крестьянства.

Сельский торговец представлял собою сложную фигуру в социальном отношении. Нередко в одно и то же время он был содержателем лавки или корчемного заведения, ростовщиком (зеленаш) и хозяином-кулаком, занимающимся обработкой земли посредством найма рабочей силы. Можно было также наблюдать, как сельский богатей-мироед, сколотивший значительный капитал путем торговых и ростовщических операций, вкладывал

¹ См. Вл. Миленкович. Указ. соч., стр. 48.

² Там же, стр. 50.

³ См. „Зборник закона...“, т. XXIII, Б-д, 1870, стр. 126—131.

его в земледельческое производство: улучшал агротехнику, покупал или арендовал необходимую ему землю, увеличивал наем рабочей силы и т. п.

Концентрация значительного богатства, накопленного путем торговых спекуляций, ростовщичества и других операций, характерных для периода первоначального накопления капитала, вызвала появление в конце 60-х годов первых частных сербских банков.

В 1869 г. был основан Первый сербский банк в Белграде с капиталом 1400 тыс. динаров. Половина этого капитала принадлежала иностранцам. Первые сербские банки были слабыми и по большей части носили характер частных спекулятивных предприятий. В 1873 г. под ударами торгово-финансового кризиса Первый сербский банк потерпел банкротство. Первым чисто сербским финансовым заведением (без участия иностранного капитала) был так называемый белградский «Кредитный завод», основанный в 1870 г. Затем довольно быстро стали возникать и другие банки: Смедеревский кредитный банк, Пожаревацкий банк, Вельевская касса и т. д. Все эти банки были мелкими заведениями, располагали небольшими капиталами и занимались главным образом выдачей ограниченных ссуд ремесленникам и мелким торговцам под скрытый ростовщический процент. Поэтому они не могли еще оказать серьезной помощи развитию сербской промышленности.

* * *

Переходный период социально-экономического развития Сербии в конце 60-х — начале 70-х годов XIX в. определял расстановку классовых сил в стране и характер общественного движения. Анализ социально-экономических отношений дает ключ к пониманию острой политической борьбы различных общественно-политических течений и групп, выступавших на арене общественной жизни Сербии в рассматриваемый период.

Незавершенность буржуазной революции в Сербии определяла характер политического развития страны на всем протяжении прошлого столетия.

Развитие капиталистических отношений и связанная с этим социальная дифференциация городского и сельского населения обусловили возникновение политических партий в Сербии. Формирование партий в собственном смысле этого слова относится к 70-м годам XIX в., однако их окончательное оформление произошло в 1881 г.; до этого момента сербские партии носили характер общественно-политических течений и групп.

В своем политическом развитии до 80-х годов XIX в. Сербия прошла несколько этапов: первый этап, с 1804 по 1815 г., охватывал собой два сербских восстания; второй, с 1815 по 1838 г., — период патриархально-деспотического правления Милоша Обреновича; третий, с 1838 по 1858 г., — так называемый уставохранительский период, отмеченный господством бюрократической олигархии при князе Александре Карагеоргиевиче. Свято-Андреевская скупщина 1858 г. положила конец режиму уставохранителей, но она оказалась бессильной провести в жизнь декларируемые ею реформы. В стране был установлен абсолютистский режим князя Михаила Обреновича. Убийство Михаила 29 мая 1868 г. открывает новый этап в развитии Сербии, когда к кормилу государственной власти в результате сделки с военными и бюрократическими кругами пришли либералы.

Нет нужды характеризовать каждый из этих этапов в отдельности, за исключением последнего (с 1868 г.), без анализа которого нельзя понять роли и значения революционно-демократического крыла в общественном движении Сербии той поры. Предшествующих этапов мы будем касаться лишь постольку, поскольку будет необходимо проследить, как в ходе развития социально-экономических отношений и в зависимости от них обострялась и принимала все более отчетливые формы политическая борьба в Сербии, являющаяся отражением борьбы классово¹.

Политическое развитие Сербии в XIX в. является наглядным свидетельством того, как с изменением социально-экономической и классовой структуры общества менялся характер существовавших уже общественно-политических групп и появлялись новые политические течения. Основными общественно-политическими группировками до 1868 г., борющимися на политической арене Сербии, были консерваторы и либералы.

Социальной опорой консервативной партии² были главным образом крупные земельные собственники-великопоседники, бывшие воеводы, народные старейшины, некоторые князья и другие обогатившиеся лица, которые были заинтересованы в том, чтобы сохранить феодальные отношения в стране, заменив турецких феодалов сербскими помещиками. Миличевич рассказывает, что когда был обнародован султанский хатташериф 1830 г., то великаши (Стоян Симич и др.) пытались захватить спахилуки в свои руки и заставить сербских крестьян путем внеэкономического принуждения работать на себя. Они уверяли князя Милоша, что лучше крупные турецкие владения продать богатым лицам, чем раздавать крестьянам, которые раздробят их на мелкие баштины. Другие из среды тех же великопоседников предлагали Милошу поделить Сербию на ряд уделов (каймакахий) и распределить их между наиболее отличившимися в восстаниях сербами³.

Однако эти попытки были сорваны многочисленными выступлениями крестьян, с одной стороны, и нежеланием Милоша упускать центральную власть из своих рук — с другой.

Потерпев неудачу путем сговора с верховным князем разделить Сербию на ряд феодальных уделов, великопоседники избирают другую тактику. Прикрываясь демагогическим лозунгом борьбы за Устав (конституцию, отсюда и их название — «Уставобранители», т. е. защитники Устава), с целью ограничить самодержавную власть князя, они, опираясь на Турцию, повели решительное наступление на Милоша. Они изгнали из страны сначала Милоша, а затем в 1842 г. его преемника Михаила. На сербский престол великопоседники посадили Александра Карагеоргиевича, бывшего всего лишь их ставленником. Укрепившись в Совете⁴ и заняв руководящие посты в государственном бюрократическом аппарате, великопоседники, однако, оказались бессильными повернуть вспять закономерный ход экономического развития. Большое значение в провале реакционных планов великопоседников, кроме уже отмечавшихся ранее причин, играл и

¹ Это важно еще и потому, что буржуазно-националистическая сербская историография обнаружила полную несостоятельность в объяснении этих явлений.

² Так мы будем называть консервативную группировку, которая оформилась в партию в современном значении этого слова в 1881 г. под названием «напредняков».

³ См. I. Петровић. Окуђе, Б-д, 1930, стр. 78.

⁴ Должность советников по конституции 1838 г. была наследственной. § 17 конституции гласил, что «советники не могут быть лишены звания, пока их виновность не будет доказана перед Высокой Портой» (См. Л. Ранке, История Сербии по сербским источникам. М., 1852, Приложение).

такой фактор, как наличие противоречий в среде самой этой социальной группы. Часть крупных земельных собственников после уничтожения торговой монополии Милоша заняла его место во внешней торговле Сербии и сблизилась с торговой буржуазией. Интересы этой группы великопоседников яснее всего нашли свое выражение во внешнеполитической части программы 1844 г., одного из крупнейших деятелей уставобранительского режима — Ильи Гарашанина, известной под названием «Начертание»¹. В этой программе, предусматривавшей освобождение и объединение славянских народов Балканского полуострова в рамках монархической «Великой Сербии», И. Гарашанин выступал как идеолог торговой сербской буржуазии.

Свято-Андреевская скупщина 1858—1859 гг. явилась важным внутриполитическим событием, вскрывшим глубокие противоречия в общественной жизни Сербии. Пришли в движение все классы общества. Как в ходе подготовки скупщины, так и на самой скупщине с предельной ясностью определились основные политические направления и их программы.

На скупщине впервые выступило, как самостоятельная сила, либеральное течение, отражавшее интересы нарождавшейся молодой сербской буржуазии города и деревни.

Свято-Андреевская скупщина хотя и уничтожила олигархический режим уставобранителей, находившихся у власти 20 лет, но она не ликвидировала социальную опору этого режима — великопоседничество. Вот почему победа блока либералов и обреновичевцев была непрочной и с возвращением на сербский престол сначала Милоша, а после его смерти в 1860 г. Михаила Обреновича значение либеральных реформ (ежегодный созыв скупщины, свобода печати и др.) было сведено на нет. Абсолютистское правление Михаила опиралось на консервативное правительство, во главе которого стоял бюрократ и реакционер Илья Гарашанин, а пост министра внутренних дел в правительстве консерваторов занимал «железный капрал» — Никола Христич.

Таким образом, великопоседничество с его полукрепостническими методами ведения хозяйства оставалось основной социальной опорой сербской монархии. Это дает ключ к пониманию той огромной роли, которую играла в Сербии бюрократия. Без уяснения экономического, социального и политического значения сербской бюрократии нельзя объяснить многих явлений общественной жизни и политической борьбы в Сербии в рассматриваемый период и прежде всего того, почему Светозар Маркович и возглавляемый им революционно-демократический лагерь вели ожесточенную, непримиримую борьбу с засильем бюрократии в стране, требуя ее уничтожения. Против всемогущества бюрократии выступали, хотя и менее решительно и последовательно, чем Светозар Маркович, все передовые представители Сербии того времени. «Чиновничество, — писала газета «Застава», — это зияющая рана на государственном теле Сербии»². Не было такой скупщины в 70-х годах XIX в., на которой бы прямо или косвенно не ставился вопрос о хозяйничанье в стране чиновников и бюрократов.

Сербская бюрократия в основных своих чертах сложилась в период господства уставобранителей. Государственные чиновники вербовались главным образом из среды великопоседников и были тесно связаны с ними. В этом заключалось их политическое значение и экономическая сила. Поли-

¹ См. приложение к кн. II. «Писма Илије Гарашанина Јовану Марниновићу», Б-д, 1931.

² «Застава», 3.IX 1871 г., статья «Сербия».

тическое поражение уставобранителей на Свято-Андреевской скупщине, как уже отмечалось, не сопровождалось уничтожением их экономической и социальной базы. Напротив, крупная земельная аристократия и созданный ею полицейско-бюрократический аппарат были полностью сохранены и перешли на службу монархии Михаила Обреновича. Основная цель великопоседников состояла в том, чтобы, поддерживая абсолютную монархию Михаила, укрепиться у власти и использовать ее для ограбления крестьян в своих экономических интересах. Блок, сложившийся между Михаилом и великопоседниками, придавал особенно реакционный характер сербскому абсолютизму.

В период правления Михаила создание бюрократических учреждений с помощью консерваторов было завершено во всех основных звеньях государственного аппарата. В стране был установлен суровый полицейский режим. Скупщина была сведена на положение совещательного органа, собиравшегося один раз в три года. Малейшие проявления недовольства и оппозиции господству консерваторов подавлялись с беспощадной жестокостью.

Консерваторы составляли первую общественно-политическую группировку. Их лидерами были Илья Гарашанин и Иван Маринович.

Программа консервативной партии была насковзь реакционной как во внешней, так и во внутренней политике. Консерваторы были яркими противниками каких бы то ни было демократических реформ. Свою основную задачу в области внутренней политики они видели в дальнейшем укреплении и совершенствовании полицейско-бюрократического государственного аппарата. Во внешней политике консерваторы стремились объединить все сербские земли под эгидой династии Обрановичей. Их основное требование выражалось в лозунге: «Великая монархическая Сербия».

В условиях развития капитализма, по мере того как великопоседники начинали переводить свои хозяйства на капиталистические рельсы, а сама бюрократия вследствие пополнения ее рядов выходцами из разночинной интеллигенции, получившей образование за границей, приобретала все более буржуазный характер, — консервативная партия неизбежно становилась позднее (в 80-х годах) партией буржуазной. Правда, процесс превращения консервативной партии, отражавшей интересы полуфеодалов крупных земельных собственников, в партию буржуазную совершался медленно и носил уродливые, половинчатые формы, что и обусловило ее крайне реакционный, черносотенный характер. Тем не менее эта партия, численно небольшая, была самой влиятельной при дворе.

Эволюция консерваторов находила свое отражение и в названии партии. В 70-х годах староконсерваторы стали называться младоконсерваторами, а в 1881 г., когда партия оформилась окончательно, она получила название напреднячкой, или прогрессивной.

Второй общественно-политической группировкой Сербии в 60—70-х годах XIX века были либералы.

Истоки либерального течения в Сербии восходят к 1848 г. В революционном движении 1848 г. в Воеводине молодая сербская интеллигенция принимала активное участие. Еще в 1847 г. сербскими учащимися в Белграде было основано «Общество сербской молодежи»¹. В 1848 г. накануне созыва Народной скупщины секретарь общества Ефрем Груич опубликовал

¹ В этом Обществе начали свою деятельность будущие деятели сербского либерализма: Е. Груич, М. Янкович, В. Иванович, И. Ристич, Стоян Бошгович и другие.

статью под названием «Обзор государства», которая явилась первой декларацией сербского либерализма.

Наступившая после поражения революции 1848 г. реакция во всей Европе очень скоро охватила и Сербию. В 1851 г. «Общество сербской молодежи» было закрыто. Впервые с определенной политической программой либералы выступили на Свято-Андреевской скупщине 1858 г. Наиболее полно эта программа была сформулирована одним из идеологов сербского либерализма Владимиром Иовановичем в его работе «Сербский народ и восточный вопрос», вышедшей в Лондоне в 1863 г. Суть программы сводилась к следующему¹.

Сербский народ, как и всякий суверенный народ, говорилось в ней, имеет полное право распоряжаться своей судьбой. Сербская конституция должна явиться выражением законной воли сербского народа. Сербия, по мнению либералов, должна быть конституционным княжеством, управляемым наследственным князем совместно с Народной скупщиной. Гарантию свобод сербского народа либералы видели в ответственности министерства перед Народной скупщиной, в контроле скупщины за сбором налогов, в обеспечении свободы печати и других свобод, касающихся личности и имущества. В последних двух пунктах программы говорилось о том, что во внешних отношениях нужно стремиться к взаимопониманию с другими народами и проявлять постоянную заботу о воспитании симпатий и братских чувств между сербами и остальными славянскими народами.

Если внимательно проанализировать все пункты этой программы либералов, то окажется, что все ее требования есть не что иное, как программа нарождающейся сербской буржуазии, которая стремилась воспользоваться государственной властью.

Отражая насущные потребности капиталистического развития Сербии, программа либералов 1858 г. в тех конкретных условиях носила прогрессивный характер.

Слабость и неразвитость сербской буржуазии предопределили поражение либералов после Свято-Андреевской скупщины. Преследуемые абсолютистским режимом Михаила, либеральные деятели вынуждены были эмигрировать за границу, откуда они вели борьбу против сербского правительства, за демократизацию политического и общественного строя Сербии.

60-е годы XIX в. были периодом бурного подъема национально-освободительного движения во всей Европе. Польское восстание 1863 г., критское восстание 1866 г., объединение Италии и создание единой Германии — таков был международный фон, на котором разворачивалось национально-освободительное движение на Балканах и, в частности, в югославянских землях. Такие факты, как герцеговинское восстание начала 60-х годов под руководством Луки Букаловича, освобождение сербских городов от турецких гарнизонов, Балканский союз, восстание в Боке Которской в 1869 г., создание литературных кружков и политических обществ сербской учащейся молодежью в Белграде, Вене, Пеште, Пожуне, Нсви Саде, Загребе и других городах, — все это свидетельствовало о пробуждении национального самосознания южных славян, стонавших под турецким и австрийским гнетом.

¹ См. В. Иованович. За свободу и народ, Нови Сад, 1868, стр. 72—73. Эта программа изложена также в его книге: «Сербия и миссия сербов на востоке» и в статье «Голос из Сербии», помещенной в журн. «Русское Слово» за май 1864 г., стр. 87.

Молодая сербская буржуазия понимала, «что для полной победы товарного производства необходимо завоевание внутреннего рынка буржуазией, необходимо государственное сплочение территории с населением, говорящим на одном языке, при устранении всяких препятствий развитию этого языка и закреплению его в литературе»¹. «Ворвавшийся в спокойную жизнь оттесненных национальностей капитализм, — указывает И. В. Сталин, — взбудораживает последние и приводит их в движение»².

Борьба сербской буржуазии и ее идеолога — либеральной партии за национальное освобождение и объединение сербского народа нашла свое выражение в деятельности «Объединения сербской молодежи» («Омладины»). 15 августа 1866 г. в Нови Саде по предложению сербского студенческого общества в Вене «Заря» собралось до 400 представителей от различных организаций сербской учащейся молодежи. Создание единой всесербской организации с целью пробуждения народного самосознания «на основе истины и с помощью науки» взяли в свои руки сербские и воеводинские либералы. Новосадский съезд сербской молодежи выработал декларацию, которой должна была руководствоваться «Омладина» в своей практической деятельности. Официально «Омладина» создавалась как культурное, литературно-просветительное общество, не ставящее перед собой политических задач. «Патриоты сербской народности, — говорилось в первой статье устава «Омладины», — объединенные для того, чтобы совместными усилиями поддерживать и распространять просвещение и общественный прогресс сербского народа, составляют организацию «Объединения сербской молодежи»³. «Омладина», учитывая обстановку, в которой ей приходилось действовать (центр ее находился в Австрийской Воеводине), не могла открыто заявить, что ее целью является освобождение и объединение всего сербского народа. Эту истинную цель «Омладины» выразил один из ее вождей — Владимир Иванович. «Как умственный союз различных сербских земель, — писал он, — объединение всей сербской молодежи было бы предтечей политического единства всех этих земель»⁴.

«Омладина», во главе которой стояли либералы, представляла собой политическую организацию националистической сербской буржуазии.

Для национально-освободительной программы либералов было характерно почти полное игнорирование социальных вопросов, что было обусловлено стремлением буржуазии отвлечь внимание народных масс от социальной революции.

Полицейский режим Михаила сербские либералы считали главным тормозом в борьбе за национальное освобождение и объединение сербов. Столкновение между «Омладиной» и сербским правительством произошло на белградском съезде «Омладины» в августе 1867 г. Разгон омладинского съезда сербским правительством привел к окончательному расхождению «Омладины» с политикой князя Михаила Обреновича.

Своими собственными силами «Омладина» оказалась бессильной разрешить поставленную ею задачу освобождения сербского народа. Преследуемая австро-венгерским правительством и раздираемая внутренней борьбой между либералами, игравшими руководящую роль во всем омладинском движении, и новой общественной силой в лице революционных демократов,

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 20, стр. 368.

² И. В. Сталин. Соч., т. 2, стр. 304.

³ „Омладинска заједница за годину 1868“, св. 1, стр. 104.

⁴ В. Иванович. За слободу и народ, Нови Сад, 1868, стр. 203.

возглавляемых Светозаром Марковичем, «Омладина» прекратила свое существование после своего VI съезда, происходившего в 1871 г. в г. Вршце¹.

Одним из важных положительных результатов омладинского движения было то, что оно способствовало подъему политической жизни в стране. В борьбе с засильем либеральной идеологии в омладинском движении вырос и закалился революционно-демократический лагерь, представлявший эксплуатируемые и угнетенные массы сербского народа.

Борьба антагонистических лагерей — либерально-консервативного и революционно-демократического составляла основное содержание общественно-политической жизни Сербии конца 60-х—начала 70-х годов XIX в. Для того чтобы глубже понять характер этой борьбы, необходимо подробнее остановиться на тех изменениях, которые произошли в политической жизни Сербии после прихода либеральной партии к власти в 1868 г., а также на изменениях, которые претерпела сама либеральная партия.

Реакционный, ненавистный народу полицейский режим Михаила был свергнут в результате заговора. 29 мая 1868 г. сербский князь Михаил Обренович был убит в Топчидерском парке, близ Белграда.

После убийства князя в обстановке всеобщей растерянности и замешательства в правящем лагере (сербский престол остался без прямого наследника) единственной организованной силой была армия, которая «сыграла роль политического жандарма»². Военный министр Миливое Петрович Блазнавац провозгласил в армии сербским князем малолетнего Милана, будущего Обреновича IV, до совершеннолетия которого (исполнявшегося 10 августа 1872 г.) власть в стране находилась в руках трех регентов: М. Блазнаваца, И. Ристича и И. Гавриловича.

Что же произошло в Сербии в 1868 г., каким образом либералы пришли к власти и чем либералы 1868 г. отличались от либералов 1858 г., периода Свято-Андреевской скупщины?

Для того чтобы ответить на эти вопросы, нужно выяснить, что представляло собой регентство, в руках которого была сосредоточена реальная власть в стране, на какую общественную силу оно опиралось? Руководящую роль среди регентов играли австрофил Блазнавац и Ристич. Первый был ограниченным человеком. Находясь за границей, где он изучал военное дело, и будучи очевидцем переворота Луи-Наполеона, Блазнавац проникся глубокой верой в силу штыков. Иван Ристич, второй регент, был человеком иного склада. Это был тонкий политик, хорошо разбиравшийся в политической обстановке. Свою служебную карьеру Ристич начал под руководством И. Гарашанина, учеником которого он являлся. Консерватор по убеждению, бюрократ Ристич твердо усвоил ту истину, что ни один политический режим не может быть долговечным, если он становится непопулярным. Этой истины он придерживался на всем протяжении своей долгой и бурной политической деятельности. Главное искусство политики Ристич видел в умении приспособливаться к духу времени. Ристич — убежденный монархист. Свое политическое credo он сформулировал еще на заре своей политической деятельности в двух брошюрах 1860 г. «Законность» и «Реформы в Сербии», в которых он показал себя закоренелым врагом реформ снизу, проводимых революционной инициативой масс. Он признавал только

¹ III съезд „Омладины“ происходил в 1868 г. в Великом Бечкереке, IV — в 1869 г. в Великой Кикинде, V — в 1870 г. в Нови Саде.

² Веселин Маслеша. Светозар Маркович, Б-д, 1946, стр. 54.

реформы сверху. «Порядок, следовательно, и прогресс, — писал он в брошюре «Реформы в Сербии», — на почве законности и под щитом своего во имя реформ воодушевленного светлого князя, пусть будут лозунгом нашим, который мы будем лелеять всей силой своей души»¹. Ристич никогда не считал, что либеральные идеи нужно принимать всерьез и проводить их в жизнь. В этих случаях он прибегал к демагогии. В минуты откровенности Ристич признавался, что демократия и свобода были для него всего только «предрассудками времени», которым мудрый государственный деятель должен делать уступки, но от которых нельзя ждать реальной пользы. Он оставался верен принципу: предрассудки меняются, как люди, характер же правления остается тем же.

Человек с такими политическими взглядами и убеждениями призван был стать во главе либеральной партии. И тот факт, что Ристич действительно стал вождем либеральной партии, а его программа умеренных реформ стала официальной программой сербских либералов 1868 г., свидетельствует об их отказе от либеральной программы 1858 г. С этого момента лозунг Ристича: «Крайности — не есть путь к свободе, умеренность — вот путь, который ведет к свободе»², — становится основным руководящим лозунгом сербских либералов. Постепенное поправление либералов в сравнении с их программой 1858 г. совершалось под воздействием все возраставшего революционного настроения масс. На сложность обстановки в стране после убийства Михаила, чреватой серьезными последствиями, указывал много лет спустя сам Ристич: «Все было полно внутренней ломки и переворотов, которые налагали на правительство наибольшую осмотрительность»³. «Роковое топчидерское событие господствовало в настроениях и управляло всеми движениями общественной жизни»⁴.

В этих условиях и была заключена сделка либеральной партии с регентством. Однако эта сделка не была великой победой либеральной партии, как это пытался представить официальный историк сербского либерализма Ж. Живанович⁵. Наоборот, после этого либеральная партия постепенно скатилась в лагерь реакции. Она выступила с поддержкой сербских военномонархических кругов.

«Либералы отличаются от консерваторов (черносотенцев) тем, — писал В. И. Ленин, — что представляют интересы буржуазии, которой необходим прогресс и сколько-нибудь упорядоченный правовой строй, соблюдение законности, конституции, обеспечение некоторой политической свободы.

Но эта прогрессивная буржуазия еще более боится демократии и движения масс, чем реакции. Отсюда вечные стремления либералов к уступкам старому, к соглашению с ним, к защите многих коренных устоев старины. А это все ведет к полному бессилию либерализма, к его робости, половинчатости, вечным колебаниям»⁶.

Политика либералов в Сербии при регентстве и после него является прекрасной иллюстрацией к этому классическому определению В. И. Ленина природы и сущности либерализма.

¹ J. Ristić. Реформа у Србији, Б-д, 1860, стр. 27.

² „Народна Енциклопедија Српска, Хрватска, Словеначка“, кн. III, стр. 450.

³ I. Ristić. Једно намесништво 1868—1872, Б-д, 1894, стр. 46.

⁴ Там же, стр. 51.

⁵ См. Ж. Живановић. Политичка историја Србије у другој половини XIX века, кн. I, Б-д, 1923, стр. 213.

⁶ В. И. Ленин. Соч., т. 18, стр. 206—207.

Настроения, господствовавшие в Сербии после убийства Михаила, очень тонко подметил австрийский консул в Белграде Вениамин Калай. «Каждый чувствует, — писал он в донесении своему правительству от 10 августа 1868 г., — что в Сербии необходимы энергичные реформы. Приращения бывшего министра внутренних дел Христича ненавистны всем, и новое правительство волей-неволей должно приступить к реформам»¹. Это понимали как регенты, так и их либеральное правительство. Накопившемуся недовольству нужно было дать какую-то отдушину, чтобы удержать власть в своих руках. Эту отдушину либералы видели в реформах.

Основным мероприятием, по которому можно судить о политической программе либералов после 1868 г., была подготовленная и проведенная ими конституция, принятая скупщиной в 1869 г.

Насколько остро стоял вопрос о проведении внутренних реформ, свидетельствуют, в частности, 17 пунктов пожеланий депутатов Великой топчидерской скупщины, собравшейся 20 июля 1868 г. Эти пункты содержали требования ежегодного созыва скупщины, расширения закона о Народной скупщине в «соответствии с требованиями времени и желаниями народа», издания закона о свободе печати, о суде присяжных заседателей, министерской общественности, общинного самоуправления и другие². Все эти требования были вновь подтверждены и отчасти расширены в адресе, направленном скупщиной регентам в 1869 г. В этом адресе депутаты потребовали, чтобы все эти пункты были закреплены в конституции³.

Нетрудно заметить, что перечисленные выше требования повторяли по сути дела либеральную программу 1858 г.

Прикрываясь демагогическими лозунгами «ничего о народе без народа», «народная династия и народная свобода», «закон — наивысшая воля в Сербии», либеральная партия скрывала свои истинные цели. Она сделала все возможное, чтобы новая конституция не выходила за рамки самого умеренного, убудочного либерализма.

Боязнь демократии и движения народных масс, стремление не допустить народ к законодательной власти наложили печать ограниченности и половинчатости на всю реформаторскую деятельность либералов. Либеральное правительство ратовало за предоставление законодательных прав буржуазии, а не трудящемуся населению страны. Первоначально, например, при обсуждении будущей конституции в Свято-Никольском комитете регенты предлагали сохранить государственный совет в качестве второй палаты. «Двухпалатная система нам необходима, — заявляли они, — так как сельское население мало обнаруживает склонности, чтобы в качестве своих представителей в скупщине избирать людей, не принадлежащих к их сословию, а так как эта категория нашего народа самая многочисленная, то в Народной скупщине может взять верх стихия».

Новая сербская конституция была принята 29 мая 1869 г.⁴ В ней нашло свое выражение стремление либералов приспособить полицейско-бюрократический режим Михаила к новым потребностям буржуазного развития Сербии.

¹ С. Ивановичић. Влада Милана Обреновића, кн. I, стр. 50.

² См. „Протоколи Велике народне скупштине за 1868 г.“, Б-д, 1869, стр. 36.

³ См. „Протоколи Велике народне скупштине за 1869 г.“, Б-д, 1870, стр. 21, 22.

⁴ Текст конституции см. „Зборник закона...“, т. XXII, Б-д, 1869, а также в книге: I. Продановић. Уставни развидак и уставне борбе у Србији, Б-д, 1936.

«Сербское княжество, — говорилось в первой статье конституции, — является наследственной конституционной монархией с народным представительством». Был ликвидирован Государственный совет как законодательный орган. Его функции передавались однопалатной Народной скупщине, которая вместе с князем обладала законодательной властью в стране. Но князь и скупщина не были равноправны. По конституции законодательные права князя были гораздо шире, чем права скупщины. Только князю принадлежало право внесения законов. Никакой закон не имел силы, пока его князь не утвердит. За князем оставалось право издавать временные законы, не созывая скупщины, объявлять чрезвычайное положение в стране, распускать скупщину; наконец, $\frac{1}{3}$ депутатов скупщины не избиралась, а назначалась князем.

Конституция 1869 г. не вводила парламентарный строй в Сербию. Министерская ответственность носила иллюзорный характер. Министры назначались князем и подчинялись только ему. Они несли ответственность лишь за уголовные преступления. Политической ответственности министров перед скупщиной не существовало. Скупщина не могла целиком отвергнуть бюджет.

Свобода печати только декларировалась. Отсутствовали гарантии свободы союзов и собраний. Туманной и неопределенной была статья о местном (общинном) самоуправлении, сохранявшая по существу полицейский закон Михаила 1866 г. об общинах, который ликвидировал всякое самоуправление.

На всей конституции лежала печать ограниченности, умеренности и половинчатости. Одни статьи декларировали гражданские свободы и права, другие их сильно ограничивали и сводили на нет.

Конституция не отвечала тем требованиям, которые были выражены в адресе депутатов скупщины регентам. На это указывали левые либералы (Стайковац, Николаевич и др.). В своем выступлении депутат Михаил Стайковац заявил, что проект конституции не отвечает требованиям народа, так как он ничего не дает народу. «Гарантируется, например, свобода печати, — говорил Стайковац, — но пока специальный закон о печати не будет издан — все остается в прежнем положении. Через год соберется законодательная скупщина и примет закон о свободе печати. Правительству этот закон не понравится и регенты его не утвердят. Что будет тогда? Будет то, что свободы печати нет, хотя она на словах и гарантирована конституцией. Это можно продолжить дальше и дальше, и то же самое будет и с другими законами. В итоге будет не только не лучше, но еще хуже»¹. Стайковац требовал ликвидации устаревшего закона о цехах, который, по его мнению, «безобразно тормозит свободный труд»².

Николаевич, Стайковац и некоторые другие депутаты выступали за предоставление Народной скупщине всей полноты законодательной власти. «Я предлагаю, братья, — говорил в заключение своего выступления Стайковац, — чтобы скупщина сама создала такую конституцию, какую она требовала в своем адресе и которая войдет в силу после того, как ее подпишут народные депутаты, и чтобы ее действие не было обусловлено подписью кого-либо другого»³.

Правые либералы и регенты, являвшиеся творцами конституции, видели в ней «высшую гарантию укрепления престола, обеспечения спокой-

¹ „Протоколи Велике народне скупштине за 1869 г.“, Б-д, 1870, стр. 39.

² Там же, стр. 40.

³ Там же.

ствия в стране и личной свободы, короче — общего прогресса»¹. Младоконсерваторы не разделяли этой точки зрения. Критикуя конституцию, они резко обрушивались на Ристича, называя его «твердолобым либералом-деспотом», «народным убийцей»². Критика младоконсерваторов носила тенденциозный характер. Выступая под маской защитников народа, ратуя на словах за расширение свободы печати и гражданских свобод, на деле они стремились ввести двухпалатную систему с высоким избирательным цензом. В глазах консерваторов абсолютистское правление Михаила было «эпохой наивысшего национального и государственного расцвета Сербии»³.

Самая глубокая и самая последовательная критика конституции 1869 г. была дана Светозаром Марковичем в его статье «Сербские обманы». Критика Марковича носила не только политический, но и социальный характер. Она была направлена против общественного и политического строя тогдашней Сербии, касалась его основ.

Конституция 1869 г. не отвечала тем социально-экономическим сдвигам, которые произошли в Сербии за 30 лет. Ее половинчатость и непоследовательность отражали стремление либералов к уступкам старому, к защите многих устоев старины при попытках проведения буржуазно-демократических реформ. Остался неприкосновенным такой реакционный пережиток феодализма, как монархия, была полностью сохранена полуфеодалная бюрократия, как важнейшая опора господствовавшего режима в стране, наконец, не был ликвидирован полностью Государственный совет. Все это в конечном счете и обусловило консервативный характер конституции в целом.

Уже на первом этапе своего политического господства сербский либерализм скатился в лоно реакции. Это особенно наглядно проявилось в последующие годы, когда конституция была введена в действие и на ее основе были изданы законы о выборах в Народную скупщину, о скупщинском регламенте, о министерской ответственности, о Государственном совете, о свободе печати, а также законы об окружных сберегательных кассах, о сельских лавках и другие. Анализ этих законов убеждает нас в том, что все эти мероприятия проводились в интересах крупной торговой буржуазии и кулачества.

Либеральное правительство отражало в первую очередь интересы торгово-ростовщической плутократии, с которой оно было тесно связано экономическими и родственными узами. Правление регентов являлось по существу господством двух богатейших фамилий в Сербии: Хаджитомичей и Бабадудичей. В руках этих двух фамилий находилась вся политическая власть и все ключевые позиции в экономике государства. Зятья крупнейшего белградского торговца и главного поставщика государства Хаджи-Томы занимали крупнейшие посты в управлении страной: Йован Ристич — второй регент, Радиво Милойкович — председатель министерского совета и министр внутренних дел, Филипп Христич — посланник в Стамбуле (капуттахайя), Антоние Богичевич — адъютант князя.

Из огромной семьи Бабадудичей, насчитывавшей до 100 человек, у власти находились: Йован Белимаркович — военный министр, Панта

¹ „Протоколи Велике народне скупштине за 1869 г.“, Б-д, 1870, стр. 91. Подробная оценка конституции с позиций умеренного либерализма дана в брошюре „Поглед на нови устав“, Б-д, 1869.

² См. их памфлет „Влада намесништва со своим ограницима и кабинет Мариновича“. Нови Сад, 1877.

³ Милутин Гарашанин. Два намесништва, стр. 19.

Иванович — министр финансов, Живко Карабиберович — правительственный банкир и председатель правления Первого сербского банка, несменяемый председатель всех скупщин на протяжении правления регентов. К Бабадудичам принадлежали также: Алимпие Васильевич — профессор Великой школы, один из главных деятелей либералов, Иван Авакумович — секретарь министерства внутренних дел, Милан Ковнович — член кассационного суда, и многие другие.

Новосадская газета «Застава» приводила следующие характерные данные о «доходах» за счет грабежа государственной казны правящей верхушки Сербии. Фамилия министра Белимарковича (10 человек). Ее «доходы» исчислялись суммой 64 150 талеров. Доходы фамилии Хаджитомы (7 человек) превышали сумму в 100 тыс. талеров, а фамилии Обреновичей (6 человек) — достигали 112 610 талеров. «Таким образом, эти три фамилии, — писала газета «Застава», — изымают из народной казны в год 277 420 талеров. Это на 27 000 талеров больше, чем $\frac{1}{10}$ дохода, который получает Сербия в год...» На основании этих подсчетов газета делала следующее заключение: «Полагаем, что через 10 лет эти три фамилии, если ничего не изменится, извлекут из народной казны не менее 1200 тыс. дукатов»¹.

Либеральная политика вызывала недовольство как со стороны трудящихся масс крестьянства, которые ровно ничего не получили для улучшения своего материального положения от проводимой либералами политики реформ, так и со стороны торгово-промышленной буржуазии, недовольной монополией двух семей.

Князь все более склонялся к тому, чтобы отдать управление страной в руки консерваторов. Несторожный политический шаг Ристича, выразившийся в попытке ущемить экономические интересы дома Бабадудичей, окончился катастрофой для либералов. Бабадудичи вступили в блок с консерваторами и при поддержке со стороны князя Милана свергли либеральный кабинет Ристича.

22 октября 1873 г. к власти пришло консервативное правительство Ивана Мариновича. Правление консерваторов открывает период ожесточенной политической борьбы либералов с консерваторами и демократов с теми и другими. Главной ареной борьбы была скупщина. Маринович оказался бессильным сломить либеральную оппозицию в скупщине. Сменивший кабинет консерваторов младоконсервативный кабинет во главе с Ачимом Чумичем был также недолговечным. Насколько остро протекала партийная борьба в скупщине, свидетельствует, в частности, тот факт, что в течение двух недель на имя правительства было подано 30 интерпелляций от либералов и демократов, возглавляемых Адамом Богосавлевичем. Не выдержав такого напора, кабинет Чумича пал. Однако и на этот раз князь, тяготевший к консерваторам, не уступал. Формирование нового правительства было поручено старому бюрократу Даниле Стефановичу. Третий по счету консервативный кабинет назвал себя министерством «примирения и доброй воли». На самом деле консервативное правительство Данилы Стефановича, как и его предшественники, продолжало вести борьбу на два фронта: против либералов и против сторонников и последователей Светозара Марковича в скупщине.

Провал ряда законопроектов правительства свидетельствовал о том, что скупщина перестала быть послушным орудием в руках исполнительной власти, каковым она еще являлась в период правления регентов.

¹ „Застава“, 27.IX 1870 г.

Убедившись, что все средства привести скупщину к покорности не приносят желаемых результатов, князь Милан указом от 13 (25) марта 1875 г. распустил ее. Буржуазные сербские историки пытались объяснить разгон скупщины различным отношением к ней князя Милана и регентов. Однако настоящие причины этого следует искать в общественно-политических изменениях, которые произошли в стране. За семь лет, протекших после 1868 г., в социальной и политической жизни Сербии произошли значительные сдвиги, отражением которых и явилась ожесточенная политическая борьба как в самой скупщине, так и за ее пределы. Партии либералов и консерваторов сербский народ называл «господске странке», так как они мало интересовались положением самой многочисленной социальной группы сербского общества — крестьянства. Их междоусобная борьба была борьбой двух антинародных партий за власть, за министерские портфели.

Основная борьба в Сербии в конце 60-х—начале 70-х годов шла не между либералами и консерваторами, а между либерально-консервативным лагерем, представлявшим интересы эксплуататоров, с одной стороны, и лагерем революционной демократии, отражавшим чаяния эксплуатируемых и угнетенных масс города и деревни, — с другой. Борьба этих двух лагерей была борьбой за различные пути разрешения исторически назревшего буржуазного преобразования Сербии. Но если либералы, опасавшиеся революционного движения народных масс, тормозили это преобразование, то демократы, «разделяя нередко, — как говорил В. И. Ленин, — массу иллюзий насчет последствий буржуазного преобразования — вкладывали все свои силы и всю душу в его осуществление»¹.

Сербское революционно-демократическое движение развивалось под прямым воздействием великих освободительных идей русских революционеров-демократов. Общность исторических задач, стоящих перед обоими народами, обусловила исключительную силу этого воздействия. Во главе революционно-демократического лагеря Сербии в первой половине 70-х годов XIX века стоял Светозар Маркович, ученик и последователь революционных демократов России. Светозар Маркович и его сторонники, сербские демократы, выступили с широкой программой борьбы за перестройку всего социально-экономического и политического строя Сербии, за радикальный политический переворот, за уничтожение монархии и установление демократической республики. Эта внутриполитическая программа теснейшим образом переплеталась с программой внешнеполитической, существом которой составляла национально-освободительная революция южнославянских народов и создание союза свободных, равноправных народных республик на Балканах.

Резюмируя всё сказанное о характерных чертах социально-экономического и политического развития Сербии в конце 60-х — начале 70-х годов XIX в., можно сделать следующие выводы:

1. Национально-освободительная борьба сербского народа в начале XIX в. произвела глубокий социально-экономический переворот в Сербии, равный по своему значению буржуазной революции. Однако в силу общей многовековой отсталости страны, слабости и неразвитости сербской буржуазии буржуазная революция в Сербии оказалась непоследовательной; неполной и незавершенной. В стране установилась монархическая, полицейско-бюрократическая система управления. Осталась вассальная зависимость от Турции, во всех областях хозяйственной жизни сохранились огромные феодальные пережитки. Кроме того, значительная часть сербского

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 17, стр. 78.

народа продолжала нести на своих плечах национальный и социальный гнет чужеземных поработителей.

2. Наличие феодальных пережитков в общественно-экономическом строе Сербии в конце 60-х—начале 70-х годов задерживало прогресс промышленности, сельского хозяйства и общественной жизни страны.

Но, несмотря на все задерживающие факторы, под влиянием развития денежного хозяйства, все более тесных связей между городом и деревней, перехода значительной массы сельского населения от скотоводства к земледелию, роста государственных налогов — сельское хозяйство быстро теряло свой прежний, преимущественно натуральный, характер и превращалось в товарно-денежное. На этой почве происходил быстрый рост задолженности крестьян, достигший к 70-м годам катастрофических размеров, распад большой семьи — задруги, а также усилился процесс обезземеливания крестьянских хозяйств. Эти факторы создавали благоприятную почву для хозяйничанья ростовщического капитала и крайне жестоких и грубых форм эксплуатации. Все это до предела накалило атмосферу в сербской деревне в конце 60-х—начале 70-х годов, а в начале 80-х годов привело к большому крестьянскому восстанию.

3. В промышленном отношении Сербия 60—70-х годов была крайне отсталой страной. Цеховое ремесло в городе и домашнее ремесло в деревне, первые мануфактурные предприятия определяли характер ее промышленного производства. К 70-м годам в Сербии еще не было необходимых предпосылок для возникновения крупной капиталистической промышленности.

Пролетариата, как класса в собственном смысле этого слова, в Сербии в тот период еще не было.

4. В связи с развитием капиталистических отношений в Сербии и обострением классовых противоречий начала оживляться политическая жизнь в стране. В конце 60-х—начале 70-х годов на политической арене Сербии боролись три общественно-политических течения: консервативное, либеральное и демократическое, отражавших интересы различных классов. Консерваторы выражали интересы крупных земельных собственников (великопоседников), ведших хозяйство полукрепостническими методами и поставлявших кадры чиновничьей бюрократии. Либералы выражали интересы сербской буржуазии города и деревни. Выдвигая в своей программе на первый план национальные и политические вопросы, они хотели отвлечь массы от разрешения социальных вопросов. Они боялись радикального разрешения задач буржуазного преобразования Сербии и шли на компромисс с консерваторами под влиянием растущего революционного движения масс. Этим двум группировкам противостоял лагерь сербской демократии. Демократы были единственной прогрессивной силой в Сербии в тот период. Они выступали как защитники интересов разоряющихся крестьян и ремесленников. В своей программе демократы выставляли требование революционного преобразования всего общественного и политического строя Сербии.

5. Сербские революционные демократы выступили на историческую арену в тот момент, когда на повестку дня всем ходом общественного развития Сербии была поставлена задача завершения буржуазной революции. Разрешение этой задачи расчистило бы путь для свободного развития капитализма и открытой классовой борьбы.

Задача завершения буржуазной революции в Сербии теснейшим образом переплеталась с национально-освободительной борьбой южнославянских народов.

В. И. Пичета

ЛИТОВСКИЙ СТАТУТ 1529 г. И ЕГО ИСТОЧНИКИ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Публикуемая в настоящем томе «Ученых записок Института славяноведения» рукопись академика В. И. Пичета «Литовский статут 1529 г. и его источники» непосредственно примыкает к работе покойного о белорусском поместье, опубликованной в IV томе «Ученых записок». Обе работы эти писались, повидимому, автором одновременно и принадлежат к числу его последних работ. В настоящее время трудно окончательно решить вопрос о соотношении между ними, хотя содержание публикуемой ниже рукописи, как нам кажется, определенно свидетельствует в пользу того, что по замыслу она должна была представлять собой большую самостоятельную работу о Литовском статуте 1529 г.

К сожалению, автору не удалось завершить ее. Говоря точнее, он успел только приступить к ней. В бумагах его сохранилось только два отрывка — первый, озаглавленный «Литовский статут 1529 г. и его источники» (разделы I—III публикуемой рукописи) и второй — «Источники раздела третьего «О свободах шляхты и о размноженью великого княжства Литовского»». При издании оставляется первое название, как общее название для всей работы. Второй отрывок присоединяется к первому в качестве IV части работы.

Несмотря на свой отрывочный характер, рукопись академика В. И. Пичета, без сомнения, представляет интерес для историка Великого княжства Литовского, не только благодаря отдельным наблюдениям автора относительно общего хода исторического развития Великого княжства, выдающимся знатоком которого был покойный автор, но и по сформулированной им программе и методике изучения Статута 1529 г. как исторического источника.

Здесь нет нужды подробно останавливаться на историческом значении Статута 1529 г. Представляя собою кодификацию шляхетского права Великого княжства, Статут 1529 г. юридически оформил крепостное право в Великом княжестве в масштабах всего государства.

Поэтому к Статуту 1529 г. всегда будет обращаться историк Великого княжства Литовского. Публикуемая рукопись, несомненно, может быть

использована в качестве ориентира, который облегчит историку самостоятельное источниковедческое изучение этого важнейшего для истории XV—XVI вв. исторического документа.

При подготовке рукописи к печати была проведена только некоторая литературная правка. В работе по подготовке участвовали А. П. Пичета и В. Д. Королюк.

В. Королюк.

I

К началу XVI в. Великое княжество Литовское сложилось как феодальная магнатская монархия. Паны и князья, располагавшие огромным земельным фондом, представляли собой крупную силу как в экономическом, так и политическом отношении. Они фактически стали руководителями всей внутренней и внешней политики Великого княжества Литовского. Действуя через «Господарскую раду» и «вальные сеймы», которые были вынуждены созывать великие князья для разрешения очередных государственных вопросов, в особенности для сбора денежного налога — «серебщины», превратившейся после опубликования привилея 2 мая 1447 г. из регулярной денежной подати в чрезвычайный сбор (общешляхетский привилей освободил класс землевладельцев от ежегодного сбора серебщины). Благодаря привилею 2 мая великий князь литовский стал полностью зависеть от феодальной знати в финансовом отношении. Привилеи Александра и Сигизмунда еще более расширили политические права крупных титулованных и нетитулованных землевладельцев-католиков. Магнаты держали в своих руках суд и управление. Благодаря отсутствию письменного законодательства великокняжеские судьи в центре и в провинциях судили, руководствуясь обычным правом — великокняжескими решениями и действующими законодательными актами, «Правдой Русской». Господствующее положение магнатов долго не вызывало энергичного противодействия со стороны шляхты. Однако во второй половине XV в. происходит процесс консолидации класса землевладельцев в феодальное сословие. Благодаря господарским данинам на вотчинном или условном праве увеличилась прослойка средних и мелких землевладельцев, составлявших основную военную силу Великого княжества Литовского.

Шляхта, до того не имевшая большого веса в общественно-политической жизни Великого княжества, отказывается теперь быть только объектом власти со стороны феодальной знати. Шляхта начинает присутствовать на сеймах, сначала в качестве молчаливого наблюдателя, а затем в качестве самостоятельно действующей политической силы, стремящейся ослабить политическое влияние земельной аристократии и придать политике правительства желательное для нее направление. Естественно, что шляхта в первую очередь стремится ослабить преобладание магнатов в суде, освободиться от произвола выносимых ими судебных решений и подчинить их действию общешляхетского права. Поэтому требование кодификации законодательства было одним из основных требований в политической программе шляхты.

Хотя отдельные белорусские и украинские земли сохраняли свои особые права, закрепленные в «Областных привилеях», но общешляхетский

привилей, распространявший свое действие на всех землевладельцев Великого княжества Литовского, создавал условия для оформления единого феодально-шляхетского права, в кодификации которого была одинаково заинтересована как литовская, так и белорусско-украинская шляхта, тем более, что общешляхетское право не лишало белорусских и украинских шляхтичей тех местных привилегий, прав и преимуществ, которыми они пользовались согласно «Областным привилеям».

В первой четверти XVI в. изменилась и политическая структура Великого княжества Литовского. С ростом экономических связей между отдельными областями Великого княжества постепенно исчезала феодальная раздробленность и укреплялся авторитет центрального правительства на местах. Укрепление политического единства Великого княжества Литовского тоже настоятельно требовало кодификации феодального права, действием которого был бы подчинен весь класс землевладельцев.

Развитие производительных сил и общее усложнение экономической жизни требовали законодательного регулирования отдельных сторон частноправовой деятельности шляхетского сословия. Общий экономический подъем в Великом княжестве сопровождался значительной мобилизацией земельной собственности. Покупка и продажа имений и отдача их в заставу, право наследования недвижимого имущества и право завещаний, организация суда и судебного процесса, юридическое оформление классовых привилегий шляхетства требовали точного юридического определения. В кодификации феодального права в особенности были заинтересованы среднепоместные и мелкопоместные прослойки шляхетства, стремившиеся обеспечить себя от произвола феодальной аристократии.

Правовые нормы «Правды Русской» и «Областных привилеев» не соответствовали новым экономическим отношениям, новой расстановке классовых сил. Равным образом устарел и Судебник Казимира Ягеллончика.

В период политического засилья феодальной знати собственность и личность шляхтичей не были достаточно защищены законом. В Великом княжестве Литовском господствовал произвол и насилие. Постоянные «гвалты» и «наезды» на шляхетские имения были обычным проявлением феодального произвола. Но прежде всего законодательного оформления требовали феодально-крепостнические отношения. Шляхта была особенно заинтересована в этом, чтобы не допустить ухода крепостных крестьян к крупным землевладельцам, чтобы не лишиться рабочих рук.

Таковы те новые экономические и социально-политические явления в жизни Великого княжества, которые настоятельно требовали кодификации права.

* * *

Кодификация феодального права становится неизбежной и необходимой на известной стадии социально-экономического и политического развития феодального общества. Так, когда была ликвидирована феодальная раздробленность на Руси и образовалось единое Русское государство, оказалось необходимым уничтожение местных особенностей в организации суда и правления. Введение единого судебного кодекса укрепляло положение великокняжеской власти и вместе с тем подрывало на местах политическое значение боярства и княжат, продолжавших жить воспоминаниями и традициями периода феодальной раздробленности. Великокняжеское пра-

вительство Ивана III стремилось уничтожить феодальный произвол и подчинить местных феодалов действию единого закона, обязательного для всех.

С этой целью великокняжеское правительство приступило к кодификации права. Проект такого законодательного кодекса был составлен дьяком Владимиром Гусевым в 1497 г. Он был утвержден великим князем и Боярской думой в сентябре того же года.

Московский феодальный кодекс касался вопросов организации суда и управления. Он определял нормы судебных штрафов и натуральных поступлений великокняжеским кормленщикам за выполнение ими тех или других служебных функций. В Судебнике нет статей, касающихся частноправовых отношений. В сфере частноправовых отношений продолжало пока действовать обычное феодальное право, развившееся на основе «Правды Русской».

Средние и мелкие землевладельцы были заинтересованы в том, чтобы сохранить за собой рабочие руки и прекратить самовольный уход крестьян в имения крупных духовных и светских землевладельцев. Эти классовые интересы средних и мелких землевладельцев в известной степени были удовлетворены Судебником 1497 г., поскольку последний регулировал право выхода крестьян с соблюдением имущественных интересов земельных собственников.

Равным образом, когда в Польше исчезла феодальная раздробленность и установилось политическое единство государства, то одним из важнейших актов королевского правительства было издание двух законодательных памятников: Вислицкого статута для Малой Польши и Петроковского для Великой Польши. Эти законодательные памятники правительства отражали борьбу с феодальным беспорядком, от которого так много страдали как интересы средних и мелких землевладельцев, так и крестьян; королевское правительство Казимира III создало новое судебное устройство, разработало уголовный кодекс, определив наказания за те или иные преступления против государства, личности и имущества. Статуты Казимира III, вводя письменное право, подрывали действие обычного права, а также и влияние феодальной аристократии, бывшей до того «хранительницей» обычного права.

Статуты Казимира III были кодификацией феодального права. Они были изданы в интересах экономически и политически усиливавшейся шляхты. В ее же интересах в кодекс феодального права вошли статьи, изменившие условия ухода крестьян из имения землевладельцев. Феодальный кодекс определил более точно военные обязательства феодалов. Все они были обязаны нести военную службу, выходя на войну с известным количеством слуг пропорционально размерам земельного владения. Ввиду усложнения экономических и частноправовых отношений в статутах было уделено известное внимание и частноправовым юридическим отношениям.

С аналогичным явлением встречаемся мы и в истории Чехии. Чешский король Карл IV, столь энергично боровшийся с засилием феодальных магнатов и возникавшими вследствие этого феодальными беспорядками, приступил к кодификации чешского обычного права. С этой целью был составлен проект кодекса законов, известный под именем «Majestas Carolina».

Однако пань-магнаты отвергли на сейме 1355 г. предложенный им на рассмотрение кодекс феодального права, поскольку он подрывал их автори-

тет и значение. Только отдельные статьи кодекса, касавшиеся судебного процесса, вошли в жизнь.

В своих законодательных проектах правительство Карла IV потерпело полную неудачу. Основная причина ее заключалась в том, что правительство не располагало твердой социальной базой, на которую оно могло бы опереться. Города имели свое отдельное право и поэтому не были заинтересованы в том, чтобы был введен в действие кодекс шляхетского права. Средняя и мелкая шляхта была недостаточно сильна, чтобы стать прочной социальной опорой королевской власти в ее борьбе против магнатов. Последние, хотя и должны были несколько смириться, однако продолжали занимать руководящее положение в государстве.

Когда сербский король Стефан Душан благодаря удачным военным действиям создал огромное в территориальном отношении государство, хотя и слабо сплоченное, так как между отдельными областями не было прочных экономических связей, то в целях укрепления этого государства был создан кодекс феодального судебного права — «Законник». «Законник» Стефана Душана был принят в 1349 г., а потом частично был дополнен. Он действовал на территории всего сербского царства и кодифицировал церковное право, обычное право и предшествующую судебную практику сербских краев.

II

Вопрос о кодификации феодального права Великого княжества Литовского имеет свою историю. Однако отсутствие положительных данных лишает исследователя возможности восстановить полностью историю составления Статута 1529 г. и той борьбы, которая происходила вокруг него. Эта борьба была неизбежной, так как магнатские круги прекрасно понимали, что издание письменного свода законов существенно заденет и ограничит их права. Длительная борьба, завязавшаяся вокруг Статута, служит прекрасным доказательством того, что крупные землевладельцы напрыгали все усилия, чтобы не допустить издания письменного свода законов феодального права.

Великокняжескому правительству уже в начале XVI в. была не чужда мысль о необходимости кодификации права. В 1501 г. великий князь Александр, выдавая подтвердительный привилей Волинской земле, считал, что его действие будет иметь временный характер, «пока права Статута у отчизне нашей уставим». В этом случае должны были потерять силу правовые нормы, содержащиеся в привилее, так как «тогда вси земли наши одного права держати мають и одним правом сужены будут подле Статуту»¹.

Однако не видно, чтобы великокняжеское правительство принимало тогда какие-либо меры для осуществления своего намерения. Вопрос о кодификации права оставался без движения до Виленского сейма 1514 г., когда, по словам епископа Перемышльского Петра Томицкого, находившегося тогда в Вильне, станы сейма подняли вопрос о том, чтобы господарь издал письменные законы². Но и на этот раз великокняжеское правительство не приняло никаких мер для выполнения просьбы «станов сейма». Точнее, оно саботировало дело составления Статута. В этом были заинте-

¹ А. Ясинский. Уставные земские грамоты, К., 1888, стр. 73.

² См. М. Любавский. Литовско-русский сейм, М., 1901, стр. 199.

ресованы магнаты, которые держали в своих руках все управление Великим княжеством.

На сейме в Гродне в 1522 г. «станы» вновь обратились к господарю с просьбой об издании письменных законов. Только тогда великий князь с панами — радой «право им прирекли дати и тыи вси члонки, как ся подданный наши мають справовати и радити, казали есмо... выписати»¹.

Нам неизвестны подробности обсуждения представленного проекта. Неизвестен и самый текст Статута 1522 г. Мы знаем, что великокняжеское правительство решило ввести его в жизнь в декабре 1522 г. Великий князь Сигизмунд издал специальный указ о введении в действие письменного кодекса законов.

Великокняжеский эдикт признавал, что до сих пор в Великом княжестве литовском не было законника (*nullis legum statutis*), что суд производился или по особым указаниям (*literis deformatis*), или по обычаю, или согласно мудрости и совести судьи (*alias institia sola consuetudine et iuxta vniuscuiusque capitis prudentiam atque conscientiam ministrabatur*).

Вследствие неправильных судебных решений возникало много жалоб со стороны тех, кто подвергся несправедливому суду (*propter quod multae oriebantur quaerelae ab his, a quibus non rectum accipiebatur iudicium*). Эдикт отмечал, что к великому князю поступали жалобы на пристрастность судей, руководившихся при разборе дел собственными чувствами и настроениями. Поэтому великий князь желал, чтобы для улучшения порядка была бы для каждого «одинаковая справедливость», чтобы был установлен «мир» под защитой письменного права².

Великий князь вводил в жизнь письменный закон.

Однако Сигизмунд несколько поспешил с опубликованием своего эдикта, так как на сейме 1522 г. был принят не весь проект представленного Статута. В 1524 г. великий князь через своего секретаря Михаила Венскайла передал на обсуждение сейма, собравшегося в Берестья, исправленный Статут, а воевода Виленский и канцлер Великого княжества пан Гаштольд, по поручению господаря, должен был «тое право выдать всем подданным Великого княжества Литовского, рассказать нашим господарским словом, або вже тым правом справовалися и радили водлуг того расказання нашого»³.

Однако исправленный текст Статута не вошел в жизнь и в 1524 г. Только на Виленском сейме 1528—1529 гг. был окончательно принят текст Статута. Статут стал действующим правом.

Основными участниками сейма времени Сигизмунда были крупные землевладельцы, паны и князья, а также епископы. Поэтому оппозиция проекту Статута исходила из рядов шляхты, представленной на сеймах.

Проект Статута не удовлетворял «станов» сейма, конечно, не потому, что он был составлен бюрократическим способом, поспешно, в течение двух месяцев, как полагает украинский исследователь С. Борисенок⁴. Вполне возможно, что он был действительно плохо отредактирован и что юристы-

¹ Документы Московского архива Министерства юстиции, т. I, М., 1897, стр. 516.

² М. М. Любавский. Очерки истории Литовско-Русского государства до Люблинской унии включительно, М., 1916, Приложения, стр. 319.

³ Документы Московского архива Министерства юстиции, т. I, стр. 516.

⁴ См. С. Борисенок. Списки Литовского Статуту 1529 р. Праці комісії для вивчення історії західньо-руського та українського права. Вип. VI, К., 1929, стр. 37.

практики выполнили бы эту задачу лучше, чем канцелярия Великого княжества Литовского.

Однако была важна не редакция, плохая или хорошая, Статута, а его классовое содержание. Статут 1529 г. был феодальным кодексом класса землевладельцев в целом. Вместе с тем он закреплял за магнатами их правовое положение, их руководящую политическую роль. За магнатами и панами оставалась попрежнему особая юрисдикция. Они не были подсудны провинциальным судьям. Магнаты оставались такими же недостижимыми для шляхты, как и раньше. В этом и заключалась основная причина того, что отдельные артикулы Статута долгое время не были утверждены сеймом. Статут 1529 г. отражал реальное соотношение сил в лагере литовских феодалов. Экономическое господство и политическое руководство принадлежали крупным землевладельцам. Шляхта политически и экономически еще недостаточно окрепла. Естественно поэтому, что именно магнаты вышли победителями из внутренней борьбы между двумя прослойками феодального класса. Литовский Статут 1529 г. санкционировал то положение в отношении организации власти и управления, которое существовало до введения его в действие.

Статут 1529 г. не был напечатан. Все предположения, высказанные И. Новицким о том, что Статут 1529 г. был напечатан, по всей вероятности, не имеют никаких оснований¹. Статут получил распространение в многочисленных списках, вследствие чего нет единой редакции Статута, а имеется несколько редакций, характер которых был всесторонне и тщательно исследован С. Борисенком.

Утвержденный великим князем Сигизмундом кодекс феодального права становился законом, который распространял свое действие на всю территорию Великого княжества Литовского. Великий князь Сигизмунд гарантировал в нем «тубыцлом земли великого князества нашего Литовского, которого бы колвек стадла и стану были, вси их права и привилея костельные так, латинского закону, яко Кгреческого, теже и светские, которые от памяти королей и великих князей от неколи отца нашего Казимера и брата нашего Александра, предков наших за живота их на которые бы колвек добра и волности мели...».

Статут уравнивал в правах православных землевладельцев с католическими. Значит, до него продолжала действовать статья Городельского привилея, ограничивающая политические права православных землевладельцев, хотя фактически на практике не всегда осуществлялись правовые ограничения по отношению к православным.

Статут 1529 г. был разделен составителями на 13 разделов — глав. Он определял prerogatives великокняжеской власти (разд. I), содержал подробные законоположения «Об обороне земской» (разд. II); кодифицировал личные и сословные права шляхты (разд. III), подробно разрабатывал вопрос о женском землевладении (разд. IV) и об опекуном праве (разд. V). Отдельный раздел (VI) посвящен организации суда и судебного процесса. Остальные разделы посвящены уголовным преступлениям против личности и собственности шляхты, а также другим видам нарушения права на недвижимую и движимую собственность — «О кгвалтех земских, о боех, о головшинах шляхетских» (разд. VII), «О права земские,

¹ См. С. Борисенок. Списки Литовского Статута 1529 р. Праці комісії для вивучування історії західньо-руського та українського права. Вип. VI, К., 1929, стр. 40.

о границах и о межах, о копах» (разд. VIII); «О ловы о поушу и бортное дерево и озера, о бобровые гоны, о соколие гнезда и о хмелища» (разд. IX). Специальный раздел посвящен так называемому «заставному» праву — «О имениях, которые в долзех, и о заставы» (разд. X). В последующих главах Статут определяет «головщины людей поутных и мужицкие и паробочки» — денежные вознаграждения за преступления, совершенные землевладельцами против личности «простых людей» (разд. XI), касается вопроса «о грабежи и навезки», вознаграждения за разного рода преступления имущественного характера (разд. XII). Последний раздел — «О злодействе» посвящен уголовным преступлениям, совершенным «людьми простого стану». Таким образом, Статут содержит в себе права государственное, военно-феодалное, сословно-шляхетское, земельное, наследственное и опекуное, судебное, процессуальное и уголовное. Не всегда принятая в Статуте система строго выдержана; видимо, систематизирование права не всегда удавалось его кодификаторам. Однако они сумели отчетливо показать привилегированное положение класса феодалов-землевладельцев.

Статут 1529 г. — кодекс прав феодалов. Если же в нем все же иногда упоминаются мещане, то эти статьи относятся не к мещанам вообще, правовое положение которых определялось особыми законами, а к мещанам-землевладельцам, владевшим имениями на общешляхетском праве и обязанным с своих земель отправлять военную службу. Впрочем, подобного рода мещанское землевладение было строго ограничено. Оно сохранилось главным образом в Полоцком и Витебском воеводствах.

III

Изучение Статута первой редакции ставит перед исследователем вопрос о его источниках. Эта важнейшая проблема была уже в центре внимания специалистов. Тем не менее до сих пор она остается полностью не разрешенной. В то же время изучение источников права Литовского статута позволяет дать ответ на вопрос, также поставленный в историографии, но несколько односторонне ею разрешенный, а именно, представляет ли собою Статут 1529 г. кодекс польского или русского права?

Нужно сказать, что такая прямолинейная постановка вопроса неправоверна. Литовский статут 1529 г. не был кодексом ни польского, ни русского права. Он был кодексом феодального права, действовавшего на территории Великого княжества Литовского.

Литовский статут не является феодальным кодексом права, введшим в жизнь новые юридические нормы. Статут лишь юридически оформил те правовые отношения, которые выработывались в процессе социально-экономического развития Великого княжества Литовского.

В территориальном отношении Великое княжество Литовское состояло из областей Руси и Литвы (Литва и Жмудь). В землях Руси феодальные отношения уже вполне сложились в то время, когда они подпали под суверенитет литовской княжеской власти. Между тем, в Литве в этот период феодальные отношения находились еще в стадии становления.

В землях Руси действовал кодекс феодального права, известный под именем «Правды Русской». «Областные привилеи» оставляли неприкосновенным действие местных юридических обычаев. Развивавшиеся феодальные отношения в Литве принимали тот же характер, что и в землях Руси.

Естественно, что Литва и Русь, объединенные политически, не были обособлены друг от друга. Параллелизм социально-экономического развития Литвы и Руси позволял Литве принять юридическую терминологию, принятую на феодальной Руси, и те юридические нормы, которые были характерны для нее.

Феодальное право последней не было навязано Литве, как какое-то чужеродное право. Русское право становилось правом общелитовским, правом, действовавшим на территории всего Великого княжества.

Чтобы выяснить истоки общелитовского права, следует обратиться к изучению источников феодального права Великого княжества Литовского. Следует иметь в виду, что Великое княжество Литовское не было изолированным государством. Оно находилось в тесном экономическом общении с соседними государствами, оно состояло в династических унитарных отношениях с Польским королевством.

Последнее выступило на историческую сцену раньше, чем образовалось Великое княжество Литовское. Экономическое развитие Польши поэтому шло впереди экономического развития Великого княжества Литовского. Экономическое развитие последнего создавало юридические отношения, которые не нашли отражения в «Правде Русской», поскольку последняя сложилась в другой, менее сложной социально-экономической обстановке. Естественно, что для определения новых юридических отношений могли заимствоваться отдельные юридические нормы со стороны, поскольку они отвечали новым складывающимся юридическим институтам, которые в силу параллелизма социально-экономического развития уже получили в Польше свое юридическое оформление. Это несколько не препятствует, однако, общему выводу, что феодальное право Великого княжества Литовского не было ни польским, ни русским правом. Это было право Великого княжества, действующее на протяжении всей его территории.

Систему и догму права Великого княжества оформляли создавшиеся в процессе длительного, самостоятельного социально-экономического развития производственные отношения, и поэтому они по существу были самостоятельным явлением, лишь закреплявшим наличные юридические отношения.

Однако вместе с тем возникает вопрос, на основе какой юридической базы оформлялись общеправовые юридические феодальные институты Великого княжества. Ответ на этот вопрос может дать только всестороннее изучение источников первого Литовского статута.

Необходимость всестороннего изучения источников права первого Литовского статута была подчеркнута еще Н. А. Максимейко, посвятившим свое исследование изучению источников уголовных законов Литовского статута. В сущности, это исследование было первым источниковедческим трудом о Литовском статуте. Н. А. Максимейко справедливо замечает, что исследователи Литовского статута довольствовались обыкновенно указанием на сходство между нормами «Правды Русской» и Литовского статута, мало обращая внимания на отличительные особенности последнего. В то же время, — говорит Н. А. Максимейко, — «в польской литературе высказывается (впрочем, совершенно голословно) мнение противоположное, будто Литовский Статут был местным кодексом польского права»¹. По правильному заключению Н. А. Максимейко, «наиболее положительные и проч-

¹ Н. А. Максимейко. Источники уголовных законов Литовского статута К., 1894, стр. II.

ные заключения по данному вопросу могут быть получены только путем исследования источников Литовского Статута; из такого исследования... видно будет, насколько этот памятник русский и какая действительная примесь иностранного права вторгалась в него»¹.

Анализируя источники уголовных законов Литовского статута, Н. А. Максимейко приходит к выводу, что основным источником уголовных законов является «русское обычное право» и «законодательные источники». Н. А. Максимейко не отрицает влияния польского и немецкого права на уголовное право Великого княжества, но считает, что оно было второстепенным. В другом своем исследовании Н. А. Максимейко, сравнив нормы «Правды Русской» с судебной практикой, отраженной в книгах судебных Литовской метрики, приходит к выводу, что приведенные им документальные свидетельства достаточны, «чтобы убедиться в замечательном сходстве между «Русской Правдой» и литовско-русским правом»².

Соображения, приведенные Н. А. Максимейко в обеих работах, несомненно следует признать обоснованными. Однако недостатком исследований Н. А. Максимейко является то, что он не ограничивается изучением только первого Литовского статута, а попутно касается второго и третьего Статута, которые, хотя и были основаны на первом Статуте, но являются продуктом иной социально-экономической обстановки, по сравнению с условиями, при которых создавался Статут 1529 г. Поэтому было бы несомненно правильным, если бы исследователь сосредоточил свое внимание на изучении источников только первого Литовского статута, не затрагивая отдельных вопросов, связанных с Статутами второй и третьей редакций, источники которых должны стать предметом самостоятельного исследования.

При исследовании вопроса об источниках Статута первой редакции необходимо не только показать совокупность всех его источников, но и раскрыть, как та или иная обычная норма видоизменялась и дополнялась в процессе судебных решений. Изменение юридических норм обычного права, конечно, было неизбежным актом судебного творчества, поскольку развивавшиеся социально-экономические отношения настоятельно требовали дальнейшего изменения и приспособления к ним юридических форм.

Феодалное право Великого княжества Литовского не могло остаться в стадии обычного права, частично отраженного в «Правде Русской». Оно эволюционировало и становилось более сложным и нуждалось в новой законодательной кодификации.

Изучение вопроса об источниках Статута первой редакции ставит перед исследователями два вопроса: 1) какие источники вообще легли в основу феодального права Литовского статута; 2) как создавалось в процессе судебных решений по возникавшим делам новое феодальное право, как судебные решения становились юридическими прецедентами, которые были использованы кодификаторами права.

С. Борисенко, спустя 400 лет после издания Статута 1529 г., упрекнул господарскую канцелярию в известной неподготовленности и поспешности при составлении первой редакции Литовского статута. Однако нет основания высказывать предположение о том, что Литовский статут был бы лучше отредактирован, если бы редакция была бы составлена не

¹ Н. А. Максимейко. Источники уголовных законов Литовского статута, К., 1894, стр. П.

² Н. Максимейко. «Русская Правда» и литовско-русское право, К., 1904, стр. 13.

великокняжеской канцелярией, а более опытными и подготовленными людьми.

Поскольку Литовский статут первой редакции только кодифицировал феодальное право Великого княжества Литовского, развивавшееся обычным путем и находившее отражение в судебных решениях суда великокняжеского маршалка, то господарская канцелярия, располагая огромным материалом судебных постановлений по отдельным вопросам феодального права, имела полную возможность быстро выполнить данное ей поручение — составить кодекс письменного права, в который она от себя не вносила ничего нового, а лишь по известной системе расположила судебный и актовый материал, находившийся в ее распоряжении. Поэтому постановления великокняжеского суда по тем или иным возникавшим юридическим вопросам были основным источником Литовского статута первой редакции.

Изучение судебных решений, принятых великокняжеским судом, опять ставит перед исследователем два вопроса: 1) какая юридическая норма лежала в основе судебных решений и 2) каким юридическим изменениям она подверглась в судебной практике. Литовский статут первой редакции был не только кодексом феодального права. Его содержание значительно шире. Он являлся одновременно и «основными законами Великого княжества Литовского»; определяющими его государственный строй и социальное устройство. При наличии польско-литовских унитарных отношений опубликование Литовского статута было показателем политической независимости Великого княжества, хотя великий князь литовский и титуловался польским королем.

После детальных исследований Н. А. Максимейко о значении «Правды Русской» для права Великого княжества Литовского ни один из исследователей не может сомневаться в том, что «Правда Русская» лежала в основе феодального права Великого княжества Литовского и что на ее базе развивалось как гражданское, так и уголовное право. Однако Н. А. Максимейко односторонне подошел к разрешению поставленной им задачи. Он имел в виду указать на юридические особенности «Правды Русской», сближающие ее с правом литовско-русским¹.

Между тем вопрос о значении «Правды Русской» для феодального права Великого княжества Литовского заключается не только в том, что оно включает в себе «общерусские начала права». Н. А. Максимейко совершенно упускает из виду, что феодальное право, которое отражено в «Правде Русской», отнюдь не застыло в своем развитии на почве Великого княжества Литовского. Оно продолжает развиваться в новых, более сложных социально-экономических условиях. Естественно, что возникшее на основе «Правды Русской» феодальное право Великого княжества Литовского должно было существенно отличаться от права «Правды Русской». Это и является основным, что требует всестороннего анализа.

С другой стороны, учитывая, что Статут 1529 г. является «основными законами» Великого княжества первой четверти XVI века, составители его должны были обратиться и к иным источникам государственного права.

Таковыми источниками были шляхетские привилеи, главным образом привилей 2 мая 1447 г. — своего рода «Великая Хартия вольностей» класса литовско-русских землевладельцев.

Привилей 2 мая 1447 г. был общешляхетским привилеем, впоследствии неоднократно подтверждавшимся великими князьями и вошедшим в свод-

¹ Н. А. Максимейко. „Русская Правда“..., стр. 3.

ный привилей 1529 г., выданный Сигизмундом I. Однако и в привилее 1492 г. великого князя Александра и в привилее 1506 г. великого князя Сигизмунда содержались статьи государственно-правового характера, которые определяли правовое положение Государской Рады и ее роль в управлении государством. Статут, закрепляя существующие государственные правовые и социальные отношения, конечно, положил в основу их юридического оформления шляхетские привилеи. Если до опубликования Статута 1529 г. шляхетские привилеи были только имунитетными грамотами, к тому же нуждавшимися в подтверждении со стороны нового государя при его вступлении на престол, то шляхетские привилеи, введенные в состав Статута, становились уже правом господствующего класса, в полном смысле слова.

С другой стороны, шляхетские привилеи не разрешали целого ряда вопросов, связанных с сословной принадлежностью, в частности такого сложного вопроса, как доказательство шляхетских прав. Подобные судебные дела возникали либо по инициативе отдельных лиц, желавших доказать свое «благородное» происхождение, либо в результате обвинений в не шляхетском происхождении того или иного лица.

Оформление шляхетского сословия было неизбежным этапом в развитии феодального общества. Естественно, что при оформлении шляхетского сословия происходил известный отбор. Отдельные социальные группы остались за пределами формирующегося шляхетского сословия. Отсюда — не попавшие в шляхетское сословие и оказавшиеся людьми «простого стану» часто стремились стать «людьми шляхетными».

Однако сложившееся ранее феодальное право, отраженное в «Правде Русской», не могло помочь в разрешении вопросов о восстановлении шляхетского звания, ибо оно не знало такого рода явлений. Вполне понятно поэтому, что, разрешая спорные юридические вопросы «о выводе шляхетства», великокняжеские судьи должны были обращаться к польской судебной практике и к польскому законодательству, где процесс оформления шляхетского сословия произошел раньше; эти нормы польского шляхетского права для Великого княжества Литовского отнюдь не были нормами, случайно заимствованными извне, поскольку оформление литовского шляхетского сословия было тесно связано с польско-литовскими униями. Вместе с тем, будучи применены в судебной практике Великого княжества, они становились нормами общелитовского феодального права.

Судебная практика великокняжеского суда подробно разработала, используя польский опыт, все нормы шляхетского права, не предусмотренные шляхетскими привилеями. Шляхетское право Великого княжества сложилось в процессе разбора дела о восстановлении в шляхетском звании. Поэтому оставалось только юридические нормы, примененные судебной практикой, внести в Литовский статут и, таким образом, установить процессуальный порядок разрешения спорных дел о восстановлении шляхетства. Следовательно, в задачи исследователя входит: а) выяснить процесс образования шляхетского права; б) показать, какие нормы польского шляхетского права оказались приемлемыми для Великого княжества Литовского; в) отметить различия между польским шляхетским правом и шляхетским правом Великого княжества Литовского.

Еще М. К. Любавский отмечал, что в землях Руси термин боярин, бояре, свидетельствовавший о принадлежности к феодальному классу, в процессе образования шляхетского сословия уступал место термину «земяне», а последний был вытеснен термином «шляхта» польского происхождения.

Эти изменения в терминологии были связаны отчасти с тем, что далеко не все мелкие землевладельцы-бояре вошли в состав шляхетского сословия. С этого времени термин «боярин» означал принадлежность к особой социальной прослойке, которая находилась вне рядов шляхетского сословия, образуя высший разряд сельского населения, отличный по своим феодальным повинностям от прочих прослоек сельского населения. Естественно, что не все бояре примирились с своим исключением из состава шляхетского сословия. Многие из них стремились к восстановлению своих шляхетских прав.

В этом случае положение белорусской и украинской мелкой шляхты было более затруднительным, чем литовской, приписанной к польским или литовским гербовым братствам. Она не могла позвать их членов на суд, чтобы они своими показаниями подтвердили принадлежность ее к шляхетскому сословию. Белорусская и украинская шляхта в этом случае могла сослаться только на землянское происхождение родителей и на показания соседей — «околичной шляхты».

Таким образом, нормы польского права «о выводе шляхетства» встретились с нормами «русского права», а из синтеза польского и русского права образовалось шляхетское право Великого княжества Литовского. Принадлежность белорусских и украинских феодалов к шляхетству определялась в основном обычаем — «старинной», тогда как принадлежность литовских средних и мелких феодалов — припиской к польским или литовским гербовым братствам.

IV

Третий раздел Литовского статута представляет собой совокупность норм шляхетского права, с одной стороны, и обязательства великого князя Литовского в отношении шляхты — с другой.

Основными источниками шляхетского права Великого княжества Литовского являются шляхетские привилеи, в основе которых лежит привилей 22 мая 1447 г., как первый привилей, всесторонне определяющий права и преимущества шляхетского сословия. Другим источником общешляхетского права были судебные решения великокняжеского суда, использовавшего нормы польского шляхетского права и нормы обычного феодального права, действовавшего в землях Руси.

Шляхетское право Великого княжества Литовского распространяло свое действие на весь класс землевладельцев, независимо от принадлежности его к той или другой феодальной прослойке. Великий князь обещал «всю шляхту княжата и паны хоругвовные и вси бояре посполитые и мещане и их люди захвати при свободах и вольностях, от предков наших данных им и теж от нас»¹.

Эта статья Статута 1529 г. полностью заимствована из привилея, выданного Сигизмундом I в 1529 г., который объединял все привилегии шляхетского сословия, закрепленные привилеями его предшественников.

В этом привилее Сигизмунд I гарантировал прелатам, князьям, баронам, шляхте и боярам и населению земли Великого княжества Литовского неприкосновенность всех прав, предоставленных Владиславом, Александром-

¹ Статут 1529 г., III, § 7 (Временник Московского общества истории и древностей российских, кн. 18, М., 1854).

Витовтом, Сигизмундом, Казимиром и Александром или данных им самим, скрепив эту гарантию личной присягой перед евангелием¹.

Статут предоставлял право княжатам, панам хоругвовным, шляхте и боярам «волную моц выйти с тых земель наших великого князства Литовского и их, для набытя лепшого щастья своего и навченья учинков рыцерских, до всяких земель чужих окром неприятелей наших»², однако под условием, чтобы с их имений отправлялась военная служба. Впервые право свободного отъезда за границу «для набытя лепшого щастья» было предоставлено привилеем 2 мая 1447 г.³ и в латинском изложении вошло в объединительный привилей Сигизмунда I 1529 г.

Статут гарантировал, что «по смерти отцов дети сынове и девки добра отчизного и дедизного не мают быти отдалены», но сохраняют право наследования, «яко княжата и панове хоругвовные, шляхта и мещане Великого князства Литовского посядают и на пожитки свои оберегают»⁴. Это право наследования сыновей и дочерей после смерти отцов было впервые формулировано в привилее 2 мая 1447 г. со ссылкой на польское право. В привилее 1529 г. тоже есть такая статья, но без ссылки на польское право, сформулированная как действующее право Великого княжества Литовского⁵.

Статут гарантировал шляхте, что великий князь «теж нешляхту над шляхту» не будет возвышать, но будет сохранять всю шляхту, «у их почтливости»⁶.

Эта статья Статута первой редакции была полностью перенесена из привилея 1529 г.⁷ Статут закреплял за шляхтой Великого княжества Литовского монопольное право владения землей и право занятия должностей. Он гарантировал шляхте, что должности и уряды будут раздаваться «только прироожным а тубылцом тых земель наших великого князства»⁸. Это привилегированное положение шляхты было юридически закреплено в привилее 2 мая 1447 г.⁹, откуда почти в дословной передаче было перенесено в Статут 1529 г. В привилее 1529 г. Сигизмунд также гарантировал шляхте, что духовные и светские должности будут раздаваться только туземцам Великого княжества Литовского¹⁰.

Великий князь Литовский давал обещание в Статуте, что если «пан бог усхочет зычити и допустити нам панства инога также и королевства», то в этом случае «панства нашего великого князства Литовского и рад наших ни в чом не вменшим але ото всякое легкости и понижения, яко славное памяти отец наш чинил в щастного панованья своего, того панства стеречь будем»¹¹.

Эта статья — новая в Статуте. Ее нет в шляхетских привилеях. Ею паны-рады стремились обеспечить свое правовое положение и независимость Великого княжества Литовского. Не упоминая о польско-литовских унитар-

¹ См. М. Любавский. Очерки истории Литовско-Русского государства, М., 1911, стр. 327.

² Статут 1529 г., III, § 8.

³ Там же, § 9.

⁴ Законодательные акты Великого княжества Литовского XV—XVI вв., 1936, стр. 6—7.

⁵ См. М. Любавский. Очерки..., стр. 325.

⁶ Статут 1529 г., III, § 10.

⁷ См. М. Любавский. Очерки..., стр. 324.

⁸ Статут 1529 г., III, § 3.

⁹ См. Законодательные акты..., стр. 10, § 14.

¹⁰ См. М. Любавский. Очерки..., стр. 320—321.

¹¹ Статут 1529 г., III, § 1.

ных отношениях, статья фактически говорит о них. Несмотря на унию, Великое княжество Литовское должно сохранить свою независимость, а паны-рада сохранить то правовое положение, которым они до сих пор пользовались.

Великий князь Литовский давал гарантию классу землевладельцев в том, что он будет «размножати великое княжество Литовское» и стремиться к возвращению того, что «будет несправедливе отдано и неслухне розобрано и упрохано»¹. Еще в привилее 2 мая 1447 г. была дана эта гарантия классу феодалов: «обещуем и слюбуем, ижь панства нашего земель, великого князства предреченого, не вменшим, але у границах, как же предькы были наши, на имя князь Александр, нареченый Витовт, дядя наш, и иные дрѣжали и володели, такожь и мы тыежь земли здорови, целы, держати будем, и володети и щитити, а с божьей помочью и всими силами нашими размножати будем»².

Великое княжество Литовское с конца XV в. стало нести значительные территориальные потери. Великокняжеское правительство обычно заключало только перемирие с великим князем Московским, поскольку оно юридически не могло уступить хотя бы часть территории Великого княжества Литовского. Заключение перемирия давало известную надежду, что «после исхода перемирных лет» потерянная территория будет возвращена. Естественно, что в подтвердительном привилее 1529 г. эта статья привилея 1447 г. должна была иметь место. В Статут первой редакции только механически было перенесено то, что содержалось в привилеях.

Создавая кодекс письменного права, великий князь обещал, что «врады старые мают захованы быти подле давнего овычаю». Статья касалась «врадов воеводства Виленского и воеводства Троцкого и иных воевод каштелянов и канцлерства, маршалства земского и маршалства дворного и старость и вси врады наши»³. Эта статья имела для феодальной знати принципиальное значение, так как Городельский привилей 1413 г. предоставлял право занимать должности по центральному и провинциальному управлению, а также участвовать в господарской раде только католикам.

Привилей 2 мая 1447 г. об этих ограничениях ничего не говорит. М. К. Любавский показал, что на практике не всегда соблюдалась эта статья Городельского привилея. Феодальная знать была недовольна представлением князю К. Острожскому первого места в раде, и в 1522 г. великий князь Сигизмунд вынужден был выдать специальный привилей, в котором обещал, что после смерти князя Острожского воевода Виленский будет занимать первое место⁴.

В привилее 1529 г. Сигизмунд подтверждал, что должности воевод, каштелянов будут раздаваться только католикам и притом туземцам, но отнюдь не иностранцам⁵.

Мало того, в том же году Сигизмунд выдал специальный привилей, которым возобновлялся и восстанавливался Городельский привилей.

Статут гарантировал феодальному классу, что «державцы дворов наших и тивунове на причины заочные через нас не мают быти никому

¹ Статут 1529 г., III, § 2.

² Законодательные акты... стр. 10, § 13.

³ Статут 1529 г., III, § 4.

⁴ См. М. Любавский. Очерки... Приложения, стр. 316, 317.

⁵ См. там же, стр. 322, § 2.

отниманы». Они могут быть отняты только после судебного разбора в присутствии обеих сторон. Согласно виновности «винный подле заслуги мает каран быти, але без вины держане отнимати не будем»¹.

Уже привилей 2 мая 1447 г. гарантировал феодальному классу, что без очного разбирательства дела никто не будет лишаться своего имени и не будет подвергаться какому бы то ни было разорению². Привилей не упоминает об отнятии должностей, но их неприкосновенность логически вытекала из статьи 3 привилея 1447 г. В привилее 1492 г. уже содержится статья, гарантирующая неприкосновенность должностей — староств и тивунств, которые могут быть отняты только после очного разбирательства³. Привилей 1529 г. подтвердил эту статью⁴, а Статут превратил ее из привилея великого князя в норму феодального права.

¹ Статут 1529 г., III, § 5

² См. Законодательные акты..., стр. 5, § 3.

³ См. М. Любавский. Очерки..., стр. 311.

⁴ См. там же, стр. 322, § 4.

В. Д. Королюк

РЕЧЬ ПОСПОЛИТАЯ И НАЧАЛО СЕВЕРНОЙ ВОЙНЫ¹

I

Северная война началась в исключительно сложной обстановке, связанной с крайним обострением международного положения на Западе. Могущественной Франции, готовившейся наложить свою руку на испанское наследство, противостояла сильная коалиция, в которой, наряду с Габсбургами и даже в большей степени, чем Габсбургам, решающее слово принадлежало морским державам — Англии и Голландии.

Обе стороны лихорадочно готовились к предстоящей схватке. Вопрос о привлечении союзников стоял для них необычайно остро. В минуту кризиса судьба войны могла оказаться в руках той державы, которая решилась бы в этот момент бросить свою армию на поля сражений, чтобы склонить чашу весов в ту или другую сторону.

Такой силой, по мнению обоих противников, была Швеция.

Со времен Карла X Франция уже не могла безусловно рассчитывать на поддержку Швеции. Северные интересы занимали теперь в шведских планах гораздо более значительное место, чем вопросы западной политики². Но именно поэтому позиция Стокгольма привлекала пристальное внимание обеих группировок. Пассивность шведской политики казалась странной и подозрительной. А когда в 1698 г. Швеция пошла на подписание союзных обязательств с обоими враждующими лагерями³, жестокое соревнование их в Стокгольме было обеспечено.

Особенно твердо курс на сотрудничество с шведами брала дипломатия Вильгельма Оранского⁴.

При таких обстоятельствах начало Северной войны никак не могло входить в расчеты западных держав.

Необходимо учитывать и другую сторону событий. Северный конфликт не только лишал обе стороны возможности использовать в своих целях

¹ Настоящая работа является продолжением работ, опубликованных автором в III и IV томах „Ученых записок Института славяноведения“.

² См. A. Rambaud. Recueil des instructions données aux ambassadeurs et ministre de France depuis les traités de Westphalie jusqu'à la Révolution Française. Russie, t. I, Paris, 1890, p. XII.

³ См. Т. К. Крылова. Россия и „Великий Союз“, „Исторические записки“, 1942, № 13, стр. 87.

⁴ См. там же, стр. 85—86.

первоклассную шведскую армию, не только спутывал расчеты коалиции на вооруженную помощь со стороны Саксонии, Бранденбурга и Дании, — северный конфликт угрожал коалиции еще более опасной перспективой — привести в случае удачи победоносные шведские полки в сердце Европы, где они смогли бы сыграть блестящую роль арбитра.

Но если все это заставляло коалицию решительно выступать против войны на севере, то, с другой стороны, здесь было и одно, казалось бы, чрезвычайно благоприятное для Августа Саксонского политическое обстоятельство. Западные союзники не могли допустить появления шведов в центре Европы, в тылу Августа, для нанесения сокрушительного удара по Саксонии, которая во всяком случае на первое время, пока не было обеспечено участие в борьбе Речи Посполитой, была призвана в планах Августа служить основной материальной базой войны.

Не менее чем морские державы была заинтересована в срыве Северного союза и прекращении неожиданно вспыхнувшего конфликта и Франция. И для нее эта война означала прежде всего невозможность использовать в предстоящей всеевропейской схватке силы могущественной шведской империи, чего она упорно добивалась в течение последних лет, особенно с 1698 г.¹

На позицию Версаля оказывало влияние и то сближение с Августом II, которое началось еще в богатом событиями послелекционный период и продолжалось в течение всего остального времени, предшествовавшего Северной войне. В Версале не без известных оснований могли рассчитывать использовать обострение австро-саксонских отношений с тем, чтобы в решающий момент силами Саксонии нанести серьезный удар в тыл Австрии, для организации опасной диверсии в Венгрии².

Так определялось общее отрицательное отношение французской дипломатии к перспективам продолжения Северной войны, а также ее сложная посредническая миссия между Швецией и Саксонией, с которой она выступила почти с самого начала военных действий³.

Изучение этой чрезвычайно запутанной, полной внутренних противоречий и несущей в себе зародыши неизбежных конфликтов внешней обстановки несомненно будет способствовать выяснению и тех внутренних пружин, которые двигали в начальный период войны политикой северных союзников. В самом деле, как далеко зайдет соперничество между блоком морских держав и Францией, в Стокгольме представить было совершенно невозможно. Зато самый факт назревающего конфликта на Западе и заинтересованности обонх сложившихся там враждебных лагерей в военной машине Саксонии и Дании должен был только укрепить союзников в намерении выступить против шведов. Но та нейтральная линия, которой предпочитала все это время держаться Швеция в отношении основного европейского противоречия, давала основание надеяться, что противники Бурбонов не захотят согласиться с пребыванием победоносной шведской армии в центре Европы, в Саксонии, откуда она могла бы угрожать и Империи. Таким образом, казалось, был гарантирован саксонский тыл — одно из самых уязвимых мест Северной коалиции.

¹ См. R. Nisbet Bain. Charles XII and the collapse of the Swedish Empire. N-Y. — L., 1895, p. 60, 66.

² См. С. Томашивский. Угорщина и Польша на початку XVIII в., „Зап. Наук Т-ва им. Шевченка“, р. 1908, кн. V, стр. 43—45.

³ См. там же; R. Nisbet Bain. Указ. соч., стр. 66.

Правда, некоторую роль в расчетах северных союзников играл элемент недооценки военных и политических способностей молодого Карла XII. Однако этому факту, разумеется, не следует придавать решающего значения. Очевидная финансовая слабость Швеции, которая в глазах северных союзников была основным объективным показателем военно-политического падения Шведской империи¹, все же не препятствовала западным державам высоко оценивать значение шведского союза. Другим немаловажным показателем трудностей, испытываемых Швецией, было широкое недовольство немецкого дворянства в Прибалтике, вызванное политикой редукации коронных имений, проводимой шведской короной в ущерб имущественным интересам местных землевладельцев. Эта политика привела к организации дворянского заговора, на поддержку которого рассчитывал в своих планах Паткуль. Выступление заговорщиков должно было обеспечить нападающей саксонской стороне тот первоначальный успех в войне, который отдал бы инициативу в руки Августа II² и помог бы ему вовлечь в войну нейтральную Речь Посполитую.

Наконец, вооруженные силы союзников тоже представляли довольно внушительную величину: и армия Дании, особенно ее морской флот, бывший серьезной силой на Балтийском море, и первоклассная армия Саксонского курфюрста, не говоря уже о неисчерпаемых военных ресурсах России. При таких условиях расчеты на быстрый и решительный разгром шведов могли представляться вполне реальными.

Однако военные действия союзников с самого начала оказались неудачными. Правда, датчанам удалось довольно легко оккупировать Гольштинию и принудить ее герцога бежать к шведам, поддерживавшим его. Зато саксонскую армию ждало под стенами Риги жестокое разочарование. Непростительное легкомыслие Флеминга, командующего саксонской армией, позволило шведскому командованию быстро справиться с положением и провести целый ряд превентивных мероприятий, ликвидировавших заговор прибалтийского рыцарства в самом зародыше³. Заговор также был раскрыт в Риге, где была сильная просаксонская партия среди местного бюргерства, которая, однако, была очень быстро ослаблена в результате суровых репрессий со стороны шведских властей. По распоряжению губернатора, как сообщал об этом своему правительству русский резидент в Варшаве, двое знатных и наиболее активных заговорщиков из рижских мещан были немедленно повешены⁴.

Вместо того чтобы найти ворота в город открытыми, саксонцы наткнулись на упорное сопротивление шведского гарнизона и вынуждены были ограничиться незначительными местными успехами. Приходилось готовиться к трудной и затяжной операции по осаде укрепленного города. Вместе с этим ослаблялись и надежды на успешный исход переговоров с польским сенатом о немедленном вступлении в войну Речи Посполитой. Но не эта сама по себе временная и преходящая неудача была главным препятствием на пути успешного продолжения Северной войны. Существовала и другая, гораздо более серьезная опасность, которая и определила в конце концов тот факт, что не союзники нанесли сокрушительный удар Швеции, а ей самой удалось добиться временного перевеса сил и нанести значительный урон своим противникам.

¹ См. R. Nisbet Bain. Указ. соч., стр. 59.

² См. там же, стр. 57.

³ См. там же.

⁴ См. ЦГАДА. Дела польские, 1700 г., № 7, л. 55.

Эта опасность грозила прежде всего Дании.

С самого начала войны Вильгельм Оранский, возглавивший политику морских держав, взял курс на сотрудничество со шведами; он добился того, что Англия и Голландия бросили к берегам Дании свои военно-морские силы. Враждебное выступление Англии и Голландии, рассчитывавших ценою разгрома Дании купить себе шведскую помощь в предстоящей борьбе с Версалем, поставило северных союзников перед фактом полного провала их первоначальных замыслов.

Практически вмешательство англо-голландского блока означало не только поражение и выход из войны Дании и потерю ее флота, что повлекло за собой на первых этапах войны полное преобладание шведов на Балтийском море и облегчило им и переброску войск и снабжение их всем необходимым, — удар с запада означал в то же время и ликвидацию всех расчетов на вооруженное выступление против шведов Бранденбурга и других второстепенных германских дворов, сочувствовавших ранее планам северных союзников¹.

Нам и предстоит обратиться к изучению истории датско-саксонской дипломатии в этот период времени, попытаться проследить те шаги, которые делались с ее стороны, чтобы отвести надвигающуюся катастрофу, и указать на ту роль, которая отводилась теперь в изменившихся планах саксонской дипломатии России, которая все еще продолжала оставаться нейтральной.

II

События развивались с необычайной быстротой. Осведомленные о стремлении англо-голландской дипломатии добиться прочного союза с Швецией, где в лице престарелого канцлера Уксеншерны она имела своего последовательного сторонника², северные союзники — Саксония и Дания — торопились с нанесением решительного удара Швеции, стремясь выиграть время и обеспечить себя от угрожающего вмешательства морских держав. Особое основание торопиться имел датский король Фридрих IV, позиции которого в случае англо-голландского выступления оказались бы наиболее уязвимыми. Поэтому датские войска выступили уже осенью 1699 г., ранее намеченного срока, и осадили гольштинский город Ренсбург. Однако ни им, ни позже саксонцам не удалось нанести с самого начала шведам существенного урона. Эффект внезапного вторжения союзников на шведскую территорию оказался довольно незначительным; это создало благоприятную обстановку для энергичного вмешательства в северные дела западных держав, англо-голландского блока и Франции.

Особенно энергично действовала дипломатия морских держав, направляемая Вильгельмом III Оранским. Помимо тех общих причин, о которых мы говорили выше и которые предопределяли антидатский и антисаксонский курс их политики, были и другие конкретные мотивы, которые заставляли их торопиться с вмешательством в Северную войну.

И в Лондоне и в Гааге серьезные опасения вызывала активность французской дипломатии. В Гааге в марте 1700 г. были сильно обеспокоены срочной посылкой в Польшу нового французского посланника дю Геро, «о котором сказывают быть его zelo хитра во всяких практиках...»³.

¹ См. Т. К. Крылова. Указ. соч., стр. 89—91.

² См. там же, стр. 87.

³ Т. К. Крылова. Указ. соч., стр. 85.

Одновременно и в Лондоне и в Гааге распространились тревожные слухи о подготовке Францией вспомогательной эскадры, которую якобы предполагали бросить к берегам Дании, чтобы поддержать военные усилия шведов и ценою замирения Копенгагена приобрести военную помощь Стокгольма в предстоящей европейской схватке¹.

Известное сочувствие проявляли к планам союзников мелкие государства империи — Эссен-Кассель, Вольфенбюттель, Мюнстер, возглавляемые Бранденбургом. Слухи об их военных приготовлениях против шведов тоже были лишним доводом в глазах Вильгельма Оранского в пользу необходимости немедленного вмешательства морских держав².

Не пренебрегали ни дипломатическими, ни военными средствами. В начале 1700 г. был подписан новый оборонительный договор между морскими державами и Швецией, по которому неприкосновенность Гольштинии была гарантирована Англией и Голландией³. Затем дипломатическое давление было оказано на Бранденбург, вслед за которым изменили курс и остальные мелкие германские дворы, сочувствовавшие до того Саксонии и Дании⁴.

Труднее было повлиять на политику России и Саксонии. Правда, в противовес деятельности дю Геро активную деятельность в Варшаве развивал австрийский посол, предлагавший Августу II императорское посредничество для примирения его с Карлом XII⁵. Одновременно делалась попытка оказать давление на Россию, о военных приготовлениях которой были хорошо осведомлены в Гааге благодаря провокационной деятельности датской и саксонской дипломатии, стремившейся путем выдачи русской политической тайны удержать Голландию от оказания помощи шведам. В марте 1700 г. голландское правительство сделало официальное представление русскому посланнику в Гааге Матвееву, прося царя не оказывать помощи Дании. В мае представление это было повторено еще раз. Взамен за сохранение мира с шведами Штаты обещали царю оказать помощь Е. Украинцеву в его переговорах в Константинополе о заключении мира с Портой⁶.

Но самая серьезная опасность была еще впереди. Параллельно этим дипломатическим маневрам морских держав в их портах снаряжалась к рейсу в Балтийское море соединенная англо-голландская эскадра под флагом английского адмирала Рока. Западные союзники предполагали оказать шведам и сухопутную военную помощь.

О всех этих военных приготовлениях в Москве были довольно подробно осведомлены по мартовским депешам Матвеева, внимательно следившего за происходившим⁷. Позже, летом 1700 г., донесения его так же довольно подробно характеризовали военные и морские мероприятия союзников, а 26 июля русский представитель сообщил и о трагической развязке — англо-голландский флот бомбардировал Копенгаген и стоявшую там датскую эскадру⁸.

¹ См. Т. К. Крылова. Указ. соч., стр. 88.

² См. там же, стр. 89.

³ См. там же, стр. 87.

⁴ См. там же.

⁵ См. там же, стр. 89.

⁶ См. там же.

⁷ См. там же, стр. 88.

⁸ См. там же, стр. 90.

Было ясно, что открытое вооруженное выступление морских держав против маленькой Дании окажет пагубное влияние на дальнейший ход войны. Об этом доносил в Москву и русский представитель при шведском дворе князь Хилков. «Король швейской, — писал он 4 (14) июля 1700 г., — стоит на своем короване от Стекольного верст с пятьсот в Зунте, на море. Тут же в помощь ему стоят два корована, а по их — флоты аглинской и галанской. А все те три флота будут против дацкого флота, и чают у дацкого короля скорого миру з галстинским князем и швейским королем, а для того, что будто сводят их англичане и галанцы»¹.

Разгром датского флота и бомбардировка столицы естественно должны были предопределять неминуемую капитуляцию Фридриха IV. Травендальский мир, который вскоре последовал, был достигнут, таким образом, прежде всего благодаря англо-голландской интервенции².

Разгромив Данию и выдав ее беззащитной в руки торжествующих шведов, Вильгельм III добивался только одного — ликвидации Северной войны и привлечения Стокгольма в ряды европейской коалиции против Франции. Впоследствии мы еще увидим, насколько удачным оказался этот ход, насколько оправдал молодой шведский король возлагавшиеся на него Лондоном и Гаагой надежды. Пока только отметим, что Травендаль нанес серьезный удар делу Северного союза, лишил Россию и Саксонию необходимого морского союзника, а Карлу XII развязал руки для энергичного удара на севере.

Не менее губительным оказалось выступление англо-голландского блока для судьбы Северного союза в империи. Второстепенные германские дворы во главе с Бранденбургом, пытавшимся еще вначале как-то протестовать против намечавшегося англо-голландского вмешательства в конфликт, теперь окончательно отходили от своего антишведского курса³. Вместе с тем влияние в международных делах Лондона и Гааги быстро росло за счет известного падения значения Версаля. В данный момент Вильгельм III несомненно оказался в более выгодном положении, располагал гораздо более внушительным международным авторитетом, чем его опоздавший противник Людовик XIV. Исследование Т. К. Крыловой прекрасно это иллюстрирует⁴.

Но была ли прочна эта дипломатическая победа морских держав? Пусть последующие события сами ответят на поставленный нами вопрос. Здесь же важно указать лишь на то, что первые разногласия между союзниками и Швецией наметились уже в момент капитуляции Дании. Таков внешний фон, на котором разворачивалась политическая деятельность северных союзников — Саксонии, Дании и России.

III

Выше мы уже упоминали о провокационной деятельности саксонской дипломатии, поспешившей открыть глаза западным правительствам на подлинные планы Петра, чтобы таким образом ослабить давление на Саксонию морских держав, заинтересованных в прекращении вспыхнувшего конфликта. Разумеется, саксонская дипломатия не думала этим ограни-

¹ ЦГАДА, Дела шведские, 1700 г., № 10, л. 30.

² См. Т. К. Крылова. Указ. соч., стр. 89—90, 93.

³ См. там же, стр. 89.

⁴ См. там же, стр. 90.

читься; она серьезно рассчитывала на энергичное русское дипломатическое давление в Голландии, надеясь путем угроз ее торговым интересам заставить ее отказаться от вооруженного давления на Данию. Об этом свидетельствует датский мемориал от 24 апреля 1700 г., присланный из Копенгагена в ответ на русский запрос о положении Дании. Россию, естественно, интересовал этот вопрос, и теперь она могла составить себе на основании датского мемориала свое собственное, довольно полное (необходимо иметь в виду, что подробные сведения об этом сообщал и Матвеев) представление о крайне тяжелом положении, в котором очутился Фридрих IV в результате вмешательства англо-голландцев.

Мемориал стремился доказать необходимость энергичного дипломатического вмешательства России и даже предопределял в известной мере те пути, по которым оно должно было пойти. В нем содержались, помимо того, важные указания на те усилия, которые предпринимала в этот момент датско-саксонская дипломатия, стремившаяся сорвать задуманный Вильгельмом Оранским план действий.

«И тако надлежит оному (царю. — В. К.), — говорилось в нем, — по содружеству донести, что понеже Свевя с Англиею и Голландиею недавно в новой союз вступила, и тако Французу то таково досадно стало, что он, несмотря и противно прежде сего с Свевю постановленного союзу, уже конечно нейтрален быть объявился в разсуждении в Северных странах восходящего воинского огня. И Француз же притом объявил, что он того не допустит, чтоб иные в то дело вмешались, а особливо, чтоб Англия и Галандия к вспоможению короны свейской шквадру вочнских кораблей на Балтийское море послали. И тако де нам и королю полскому высокопотребно есть, дабы французскую корону в сем добром намерении содержать. И того ради не оставляем мы трудов, дабы действие сего объявления французского далее о вспомоши, буде Галандия и Англия при своем намерении и угрожениях пребывати будут, понеже французская корона отнюдь не позволит, чтоб аки властители в тех странах были. И пребываем мы в надежде, что и его царское величество то наше сообщение с Французом за благо изборящет и на то соизволит»¹.

Итак, Саксония и Дания, обеспокоенные перспективой вмешательства морских держав, искали выхода в игре на противоречиях между ними и Францией. В этом смысле велись и переговоры с последней, причем имелось в виду, что интервенция Англии и Голландии вызовет соответствующие ответные действия Франции. Надежды эти в самом деле имели некоторые основания. Согласно сообщениям Матвеева, французская дипломатия проявляла в этот период известные колебания, а в мае 1700 г. появились даже известия о намерении ее вооруженной рукой поддержать северных союзников².

Что касается России, то попытка опереться на Версаль не находила с ее стороны никаких возражений. В Москве, очевидно, тоже понимали значение Франции и стремились сохранить с ней дружеские отношения. Об этом свидетельствуют и апрельская и майская инструкции Головина Матвееву.

«О французском после, которой обретаецца в Гаге, — указывалось в первой, — изволь смело иметь визит с ним, как и протчими, и обходительство всякие приязни исполненное по их политике. И зело мне сие

¹ ЦГАДА, Дела датские, 1700 г., № 1, лл. 17—18.

² Подробнее об этом см. Т. К. Крылова. Указ. соч., стр. 90 и сл.

удивительно, что ты запаметовал. А о сем и при отпуске твоим приказывал имянно сам тебе, благодетелю моему, великий государь»¹.

10 (20) июля инструкция эта была повторена еще раз: «Со французским послом изволь иметь дружбу»².

Однако, как показало ближайшее будущее, расчеты на французскую помощь против морских держав оказались тщетными. Франция не была в состоянии воспрепятствовать выступлению соединенной эскадры этих держав к Копенгагену, а политика ее далеко не соответствовала интересам Северного союза³.

Но вернемся к нашему мемориалу. На какую все же помощь со стороны России рассчитывали Дания и Саксония? В мемориале прямо говорилось об этом: «И понеже его царское величество, паче всех иных потентатов, Англии и Голландии зло и добро чинить может, и того ради его царское величество просим своему послу в Голландии немедленно указать оныя государства или потентатов от прежде помянутого противного намерения ревностно отговаривать и во всяком случае им объявление учинить, что естли они в то дело вмешаются и на нас наступят, и тогда-де принужден он будет по дружбе, которая его величество с ним и с королем полским имеют, с нами за одного человека стоять, и которые в те ссоры вступаются, и тех крепко за своих неприятелей держать будет. И не сомневаемся, что Голландия и Англия на то великое склонение иметь будут, убоятся знатные свои торговли, в царской области имеющия, во опасение привести и потерять. Не однажды одумаются, прежде нежели в самом деле против нас объявятся и участие в супротивном таковом несправедливом деле воспримут, а особливо того ради, понеже они при содержании единой тишины надежду имети могут торговлю свою в Лифляндии и инде еще вяще умножить. И им ни самой малой причины не подано противное возвращение учинить. Но мы вящее все на то полагали, дабы с ними в ближайшее содружество вступить, и того ради им почитай что обязательное письмо дать обещали»⁴.

Таким образом, пытаясь опереться на Францию, Дания и Саксония не теряли из виду и возможности договориться с морскими державами. Они готовы были даже заранее гарантировать их торговые и политические интересы и воздействовать на них с помощью влиятельного слова русского царя. Вместе с тем оба союзника настаивали на скорейшем вступлении в войну России, связывая с этим перспективу немедленного выступления против шведов бранденбургского курфюрста.

«Что о курфирсте Брандебургском приналежит, — говорилось далее в мемориале, — и тот еще по се время такой умный поступок имеет, что мы оному не можем ничего, кроме похвалы, прилагать. И обнадежены есмы от достоверных рук, что сколь скоро царь объявление учинит, то и он подлинно купно тут же вступит. И того ради просим его царское величество паки, дабы тем объявлением вяще не медлить и тем брандебургское вступление купно вспомощи, понеже чрез то Шведу не токмо едино великое отвращение будет, но и цесарь и римское государство, которые по се время ни на ту, ни на другую страну держались, чрез то могут вне дела удержаны быть»⁵.

¹ ЦГАДА, Письма разных лиц на русском языке за 1700 г., № 1, л. 16.

² Там же, л. 37.

³ См. Т. К. Крылова. Указ соч., стр. 90.

⁴ ЦГАДА, Дела датские, 1700 г., № 1, лл. 18—19.

⁵ См. там же, л. 19.

В Москве, повидимому, вполне разделяли это мнение датчан, тем более, что и из прусских источников, от бывшего прусского посланника в России фон Принцена, поступали аналогичные известия¹.

Нужно сказать, что уверенность России в предстоящем выступлении Пруссии не исчезала в течение всего этого времени с самого начала Северной войны. Одно время (март—апрель) в Москве даже думали о том, что выступление это уже произошло и что прусские войска участвуют в общем вторжении на шведскую территорию².

Теперь, однако, становилось ясным, что Пруссия ставит условием предварительное участие в войне России. В Москве и без этого понимали необходимость скорейшего вступления в войну против шведов и готовы были идти на дальнейшие уступки туркам, только бы развязать себе руки на востоке³. Еще в марте 1700 г. Головин писал в связи с этим Е. Украинцеву, указывая на то, «что сей мир зело здесь нужен, потому что некоторые новые к прибыли сего государства дела начинаются и уже начались, о которых писать к тебе опасен, ради известий противных, а по времени известен будеш. И того ради всякими мерами тшись, что мир заключить»⁴. А несколькими строками выше: «И естли по объявлению сем⁵ в месяц турки к миру не приступят, то просись немедленно и поезжай к Москве, естли не увидишь никакой к миру надежды, а уже мы без надежды будем мира и предуготовление за помощию божиею чинить к воинскому отправлению будем»⁶.

Между тем положение русского посланника в Константинополе было далеко не завидным. Помимо того, что фактически пребывание его там почти не отличалось от условий тюремного заключения⁷, влиятельные представители морских держав не хотели оказать ему необходимой поддержки и тормозили дело заключения мирного договора. Турки тоже не хотели идти ни на какие уступки и пытались даже, впрочем неудачно, повлиять на настроение посланника с помощью православных патриархов⁸.

¹ „Понеже, — писал фон Принцен Головину 25 апреля 1700 г., — при нынешних в Лифляндах учинившихся смятениях всякие ведомости о его великого царского величества начинаниях и намерениях разглашаются, о которых его курфиртская пресветлость не ведает, что ему верить или нет. А всемерно по договору поставленная твердая дружба и высокая полза его царского величества и его курфиртской пресветлости требует, чтоб с обеих стран советы и намерения друг другу объявлены были“. И далее: „Ибо его курфиртская пресветлость охотно с его царским величеством в том согласовался, и естли возможно, то по его намерениям також и свои начинания воспринимать хошет“ (ЦГАДА, Дела прусские, 1700 г., № 3, лл. 10, 11).

² Об этом свидетельствуют письма Головина, помеченные мартом и апрелем месяцами. В первом из них мы находим сведения о том, что „от Риги конечно подтверждают, что облигована от поляков и от саксонов. И тут же есть и Курфиртсра брандбургского войска, толко о сем подлинно послали указ монаршеский во Псков, что для подлинного уверения послали проведывать до самых войск.“ (ЦГАДА, Письма разных лиц на русском языке, 1700 г., № 1, л. 1). Во втором: „саксонские войска и с ними несколько брандбургских, всех же 24 тысячи уже в поход к Риге обретаются и, конечно, уже в сем времени есть у Риги. И естли то истинна, всемерно я чаю, что Рига взята будет“ (там же, л. 14).

³ См. ЦГАДА, Письма разных лиц на русском языке, 1700 г., № 1, л. 8.

⁴ Там же.

⁵ Речь идет о некоторых уступках Порте в вопросе о заднепровских городках.

⁶ Там же, л. 7.

⁷ См. Fr. Poklatscki. Poselstwo Wielkie Rafała Hrabina Lesznie Leszczyńskiego, Poznań, 1744, стр. 104.

⁸ См. Н. Ф. Каптерев. Характер отношений России к православному Востоку в XVI—XVII ст., Сергиев Посад, 1914, стр. 291.

К этому следует прибавить и враждебную русским государственным интересам интригу польского посланника в Порте Рафаэля Лещинского, действовавшего вопреки воле своего государя и пытавшегося снова столкнуть Порту и Россию. Интрига его, правда, серьезных последствий не имела¹.

Тем не менее оставалось совершенно очевидным, что для успеха русско-турецких переговоров в Константинополе, для достижения соглашения о приемлемых и длительных условиях мира необходимо избежать резкого обострения отношений с англо-голландским блоком, пользовавшимся тогда в Порте влиянием.

Итак, требования и интересы северных союзников — Саксонии и Дании, искавших немедленного вступления России в войну или ее энергичного протеста в Голландии против враждебных действий по отношению к ним морских держав, подкрепленного реальной угрозой прекращения торговых отношений с ними, — не могли в данный момент найти благоприятного отклика при московском дворе. Интересы русской дипломатии временно приходили в столкновение с интересами его уже воюющих союзников, временно, поскольку главной целью русской дипломатии оставалось прекращение конфликта с Портой и подготовка, таким образом, почвы для выступления на севере. Но именно поэтому Россия вынуждена была держаться крайне осторожно по отношению к морским державам, стараться до поры до времени не слишком задевать их политические и торговые интересы, чтобы покончить дела в Константинополе и явиться на помощь своим запутавшимся союзникам, а помощь эта в самом деле была необходима не только Дании, но и самому Августу II.

IV

В связи с этим нам придется коснуться одного вопроса, решение которого до сих пор не вызывало никаких возражений, но который в свете новых архивных изысканий нуждается все же в довольно существенных коррективах. Мы имеем в виду вопрос о знаменитом походе Петра под Нарву. Обычное представление, основанное на мнениях, высказанных С. Соловьевым и Н. Устряловым², рассматривало этот поход как попытку Петра нарушить условия союзного договора 1699 г., шедшую в разрез с планами Августа и Паткуля.

Однако такая трактовка вопроса совершенно расходится с той картиной русско-саксонских переговоров 1700 г., которую можно было бы нарисовать на основании депеш русского представителя в Варшаве Судейкина. По его словам, перспектива русского движения на Нарву выяснилась уже в апреле 1700 г. и не вызвала никаких возражений со стороны саксонского партнера³. Наоборот, уже в течение того же месяца два наиболее близких к Августу человека — Паткуль и королевский духовник отец Вота сами поставили перед русским посланником этот вопрос и настаивали на ско-

¹ Wł. Koperczyński. Polska a Turcja. 1683—1792, Warszawa, 1936, стр. 49—51. С этой интригой был связан и шведский посланник в Варшаве, что, повидимому, дало основание Шафирову обвинить шведов в подготовке войны против России накануне ее выступления (см. „Рассуждение какие законные причины...“, СПб., 1722, стр. 98—99).

² См. С. Соловьев. История России с древнейших времен, кн. 3, табл. 1243; Н. Устрялов. История царствования Петра Великого, т. IV, ч. I, стр. 5.

³ См. ЦГАДА, Дела польские, 1701 г., № 5, лл. 157, 161—163.

рейшем прибытии русских войск под Нарву. Отец Вота вместе с тем поспешил напомнить о своем участии в заключении «вечного мира» 1686 г., а также о предпринимаемых им теперь шагах в Риме, целью которых было использовать влияние папы в Вене для оказания Е. Украинцеву помощи в его константинопольских переговорах о мире¹.

Особенно важно привести здесь определенное заявление отца Вота о том, что, «когда того царского величества войск под Нарвою нет, и то саксонским войскам не добро»².

От Судейкина не была скрыта и причина этих новых требований саксонской дипломатии. Вота прямо указывал на то беспокойство, которое вызвали при дворе появившиеся незадолго перед тем слухи о намерении шведов прибыть под Ригу, в то время как никакой надежды на помощь саксонцам со стороны Речи Посполитой не было³.

С другой стороны, саксонская дипломатия поспешила довести эти свои требования и прямо до сведения русского правительства. С этой целью 11 (21) апреля 1700 г. в Москву прибыл капитан Т. А. Эшхау, которому генерал Карлович поручил донести великому государю, «чтоб великий государь его царское величество изволил войска свои, как скорее, слать под Ругодив, потому что из Ругодива свейское войско идет к Риге и чтоб их из Ругодива к Риге не допустить»⁴.

В саксонских кругах, по словам Эшхау, с этим русским выступлением под Нарву связывался вопрос об успехе осады Риги. Эшхау заявлял по этому поводу на опросе, что под Ригой «надежду имеют, как царского величества войски потступят к Ругодиву, Ригу взять вскоре, потому что лифляндская шляхта и всяких чинов жители на полскую сторону склонны»⁵.

В июне запрос повторился, Паткуль опять встретился с русским посланником и интересовался: «сам великий государь его царское величество под Инфлянты и под Ригу как скоро изволит быть?»⁶ Наконец, в июле 1700 г. вопрос этот еще раз повторил отец Вота⁷.

Но изложенные выше обстоятельства русско-саксонских отношений первой половины 1700 г. позволяют внести ряд существенных поправок в принятую в литературе концепцию нарвского похода. Прежде всего совершенно очевидно, что поход этот не был совершенной неожиданностью для саксонского партнера и что идея его возникла значительно раньше, чем это предполагалось до сих пор. С другой стороны, нет никаких оснований утверждать, что поход этот предпринимался в нарушение союзного договора 1699 г. и противоречил интересам саксонского союзника. Наоборот, приведенные выше факты с полной очевидностью свидетельствуют, что этот поход полностью соответствовал военным планам самого Августа II, что сам польский король и его дипломаты настойчиво добивались скорейшего появления русских полков под стенами Нарвы и даже Риги.

Попытаемся теперь выяснить те причины, которые побудили саксонскую политику отказаться от своих первоначальных планов войны и искать

¹ См. ЦГАДА, дела польские, 1701 г., № 5 лл. 185—188; 1700 г., № 7, л. 129. Между прочим, сообщения эти о хлопотах Воты при папском дворе подтверждал и другой саксонский дипломат, известный нам генерал Карлович (ЦГАДА, Дела польские, 1700 г., № 7, л. 10).

² ЦГАДА, Дела польские, 1700 г., № 7, л. 129.

³ ЦГАДА, Дела польские, 1701 г., № 5, л. 185.

⁴ ЦГАДА, Письма разных лиц на русском языке, 1700 г., № 5, л. 14.

⁵ Там же, л. 15.

⁶ ЦГАДА, Дела польские, 1701 г., № 5, л. 260.

⁷ См. там же, л. 307.

немедленной помощи со стороны русского союзника на своем собственном, заранее намеченном театре военных действий. Если внешнеполитическая сторона дела, обусловившая этот крутой поворот, — энергичное давление морских держав и общая неудача саксонского вооруженного выступления — представляется совершенно очевидной, то о внутривосточных затруднениях августовской дипломатии следовало бы поговорить несколько обстоятельнее.

В самом деле, нельзя забывать, что разбираемые нами события русско-саксонских сношений происходили как раз в тот самый момент, когда на другом конце Речи Посполитой влиятельная группа магнатов готовила враждебное выступление против Палея, ставя своей целью развязывание нового русско-польского конфликта. Положение осложнилось еще и тем, что такая агрессивная линия «кресовых» магнатов в течение некоторого времени пользовалась сочувствием и, повидимому, даже поддерживалась Крымом. Во всяком случае, еще Никитину, бывшему русскому посланнику в Речи Посполитой, было известно о ханском предложении вооруженной помощи на случай столкновения поляков с Москвой¹.

Август был прекрасно осведомлен и о двуличной тактике польского примааса, с одной стороны, согласившегося с его планом Северной войны, с другой, — ведшего опасную интригу в Константинополе и тайно сопротивлявшегося вовлечению в войну Речи Посполитой². При таких условиях можно было бы пустить в игру старый литовский козырь, до сих пор сдерживавший в какой-то степени примааса и его сторонников, тем более что уже в марте 1700 г. появились слухи о движении войск Огинского под Ригу³. Однако и в 1700 г. Август не решился пойти на полное соглашение с литовцами, несмотря на то, что Огинский открыто предлагал ему свои услуги в борьбе с шведами⁴. Опасаясь окончательно возбудить против себя Салег и их могущественных союзников в Короне, король попрежнему пытался выступить со своей посреднической миссией в Литве, навязывая ее той и другой стороне. В связи с этим стоит и отказ его обратиться за помощью к «посполитому рушению» литовской шляхты⁵, поскольку такое обращение повлекло бы за собой немедленный взрыв гражданской войны в Великом княжестве Литовском. Приведенные факты показывают те громадные затруднения, которые приходилось испытывать саксонской политике в самой Речи Посполитой, свидетельствуют о том, что королю так и не удалось овладеть ситуацией, и показывают крайнюю непрочность его польского тыла и серьезный кризис, в котором очутилась его дипломатия. Все это вместе взятое и заставляло короля и его дипломатов торопить русского союзника с вооруженным выступлением против шведов, с помощью которого они стремились добиться того успешного поворота в войне, которого не сумели добиться своими собственными силами.

Вместе с тем возникла обстановка неуверенности и нервозности, которая, с одной стороны, толкнула саксонскую дипломатию на выдачу русских военных секретов морским державам, о чем уже говорилось выше, с другой, — повлекла за собой непонимание тех задач, которые ставило себе московское правительство и которые в конечном счете вполне соответство-

¹ См. ЦГАДА, Дела польские, 1700 г., № 7, л. 47.

² См. там же, л. 62.

³ См. там же, л. 64.

⁴ См. там же, л. 89.

⁵ См. там же, л. 74.

вали общим интересам борьбы со шведами. Требуя немедленного появления русских войск в Лифляндию, она не хотела понять, что Россия прежде всего нуждалась в свободе рук на Востоке, а для этого ей необходимо было временно воздержаться от обострения отношений с морскими державами. Саксонская дипломатия наивно полагала, что ходатайства отца Воты за русских при папском дворе могут вполне успокоить тревогу русских политических руководителей за судьбу миссии Е. Украинцева.

Но непонимание это касалось и другого вопроса, тоже игравшего далеко не последнюю роль в русской политической системе. Мы имеем в виду следующую неприятную сцену, разыгравшуюся в апреле 1700 г. между Паткулем и Судейкиным. Не получив никаких сведений от русского посланника относительно военных приготовлений России против шведов, Паткуль разразился гневными упреками по адресу Судейкина, проявив полное пренебрежение к его деятельности, сводившейся главным образом к постоянному контролю за выполнением условий «вечного мира» и ходатайствам в пользу притесняемого поляками православия¹. Впоследствии не более лестную характеристику деятельность русского дипломатического агента получила из уст королевского духовника отца Воты, тоже возмущавшегося неосведомленностью посланника относительно военных замыслов его правительства². Между тем, собственной вины посланника, не получавшего на этот счет никаких указаний из Москвы, в этом деле не было никакой. Зато протесты его против действий великого коронного гетмана Яблоновского, возобновившего заселение пустынных земель около Чигирина³, имели для русского правительства весьма существенное значение, особенно, если учесть, что именно на этот период времени падает самый критический момент в развитии украинской авантюры пограничных польских магнатов. Официальные русско-польские отношения, по мнению русских дипломатов, должны были базироваться на основе «вечного мира». В этом смысле была составлена как инструкция самому Судейкину, так и непосредственное обращение Головина и Мазепы к великому коронному гетману Яблоновскому с протестом против его попыток начать заселение дотоле пустынного пограничного пояса земель⁴.

Серьезным элементом в общей русской политической системе до этого времени была и защита православия на территории Речи Посполитой, с 1686 г. ставшая законным правом русского монарха. В 1700 г. защита эта была тем более необходимой, что именно этот год стал переломным годом в дальнейшей судьбе православия на Правобережной Украине, где как раз в это время начинался новый этап лихорадочной агитации в пользу унии с Римом. Правда, в дальнейшем в петровской политике вопрос о покровительстве православию отошел на задний план и перестал играть какую-либо существенную роль. Но это — результат круто изменившихся после нарвского поражения международных обстоятельств, поставивших перед страной гораздо более сложные и ответственные задачи⁵. В 1700 г. русские протесты были еще достаточно настойчивы. Правда, со стороны короля они не встретили каких-либо серьезных возражений. Август II не

¹ См. ЦГАДА, Дела польские, 1701 г., № 5, л. 152.

² См. там же, л. 307.

³ См. там же, л. 67.

⁴ См. там же, 1700 г., № 14, лл. 1—2.

⁵ А. Deruga. Piotr Wielki a unia i Unja Kościelna. 1700—1711, Wilno, 1936, стр. 57—59; Н. Бантыш-Каменский. Историческое известие о возникшей в Польше унии, Вильна, 1866, стр. 136.

был, повидимому, особенно пылким сторонником унии¹, а на протесты нунция, считавшего, что поведение короля не способствует делу католической пропаганды, у него всегда был готовый ответ: таким образом облегчалось бы разрешение вопроса о свободном проезде через Россию католических миссионеров на Восток, хотя, разумеется, эта цена не представлялась папскому легату достаточно выгодной².

Но если король и оказывался часто довольно уступчивым, то его дипломаты далеко не всегда понимали значение таких существенных моментов в польской политике России, как «вечный мир» и покровительство православию. В результате появлялся дополнительный неприятный осадок в отношениях союзников друг с другом.

Зато в Москве, внимательно следившей за всем тем, что делалось в Речи Посполитой и на театре военных действий, очевидно, прекрасно понимали то тяжелое положение, в котором очутилась саксонская политика, и всеми мерами пытались придти ей на помощь, сами торопились с открытием военных действий.

Но, прежде чем перейти непосредственно к выступлению России, необходимо остановиться на тех русских дипломатических усилиях, с помощью которых ей удалось развязать себе руки на Востоке. В связи с этим нам придется остановиться и на тех русских представлениях в Голландии, которые были направлены на защиту ее северных союзников и которые являются ярким свидетельством того факта, что Россия вполне разделяла их опасения и пыталась оказать им возможную дипломатическую помощь.

V

Положение русского правительства и русского представителя в Гааге было необычайно сложным. Дело в том, что благодаря предательству датско-саксонской дипломатии морские державы оказались осведомленными о намерении русского правительства принять участие в войне. В связи с этим уже в марте 1700 г. голландское правительство настаивало перед русским, «чтобы северные дела отставить и Европе соблагovolить мир»³. Между тем в расчеты русских дипломатов не могло входить обострение отношений с морскими державами. В конечном счете это диктовалось коренными интересами Северной войны, поскольку успех константинопольских переговоров в значительной степени зависел от того, какую позицию займут аккредитованные при султани посланники Англии и Голландии. Очевидно, понимая эту непосредственную заинтересованность Москвы в англо-голландской дипломатической помощи, голландцы взамен за сохранение мира со шведами обещали со своей стороны оказать царю помощь в Константинополе⁴.

Таким образом, открывалась блестящая возможность избежать опасных трений в Порте, которую, разумеется, необходимо было использовать. Поэтому русский ответ от 20 (30) апреля 1700 г. был составлен в весьма примирительных выражениях. Россия не только опровергала все слухи о готовящемся с ее стороны вооруженном выступлении, но и сооб-

¹ См. А. Деруга. Указ. соч., стр. 61—62.

² См. там же, стр. 62—63.

³ ЦГАДА, Дела голландские, 1700 г., № 4, л. 10 (цит. по Т. К. Крыловой. Указ. соч., стр. 87).

⁴ См. Т. К. Крылова, Указ. соч., стр. 87.

щала о недавнем возобновлении шведско-русского договора¹. Вместе с тем в русском ответе содержался запрос относительно движения голландских войск и кораблей против Дании². Ответ Москвы произвел благоприятное впечатление как на голландских дипломатов, так и на шведского посла в Гааге Лилиенрота, который был очень обеспокоен перспективой выступления русских.

В дальнейшем, отчасти под влиянием уже упомянутого выше датского мемориала³, русское правительство попыталось оказать и прямой дипломатический нажим на Гаагу. В инструкции от 28 мая (7 июня) 1700 г. Матвееву поручалось довести до сведения голландского правительства, что царь «по прошению их, господ Стат, для древней дружбы в неприятельские поступки с свейскою короною никогда вступить не соизволит, разве что с стороны свейской коликие неправды явлены будут. Также, чтобы и оне, Статы, для такова показания и содержания истенные дружбы к нему, ц. в., и сами в те дела вступать не соизволили, от чего может вящая и постоянная дружба урасти»⁴.

В свою очередь Голландия обращалась к русскому правительству с просьбой оказать соответствующее давление на саксонского курфюрста, чтобы побудить его отказаться от продолжения борьбы с шведами, поскольку западные представления не оказали на него пока никакого воздействия⁵.

Таким образом, в целом русская дипломатическая помощь северным союзникам ограничивалась пока узкими рамками запросов и протестов в Гааге против предстоящей интервенции англо-голландцев в северные дела. Но большего сделать русское правительство и не могло. Была, правда, и еще одна неиспользованная возможность, о которой напоминал русскому правительству цитированный выше датский мемориал. Мы имеем в виду рекомендованное им экономическое давление на морские державы, серьезно заинтересованные в русской торговле. Но разбирая причины отказа России от такого шага, нужно учитывать прежде всего, что средство это было «обоюдоострым» и что те самые амстердамские торговые круги, на которые экономические репрессии России должны были произвести наиболее сильное впечатление, сочувствовали вместе с тем и идее вооруженной демонстрации соединенного флота у берегов Дании, поскольку Северная война противоречила их торговым интересам⁶.

Помимо того, нужно учитывать, что обострение отношений не входило в планы петровских дипломатов и по очень простой причине, о которой писал уже в апреле 1700 г. Головин, отправляя очередную инструкцию Матвееву: «Зело, мой государь, опасно, — говорилось в ней, — что не научил их (голландцев. — В. К.) диавол мешати вельть послу своему в Константинополи нам в договаривании мира, предваряя сие, чтоб не вспомогали на шведа, понеже и Французской имеет и Цесарь постановленной союз с Шведом»⁷.

¹ См. Т. К. Крылова. Указ. соч., стр. 97; ЦГАДА, Письма разных лиц на русском языке, 1700 г., № 1, лл. 14—16.

² См. Т. К. Крылова. Указ. соч., стр. 97.

³ См. ЦГАДА, Письма разных лиц на русском языке, 1700 г., № 1, л. 22.

⁴ ЦГАДА. Дела голландские, 1700 г., № 4, л. 71 (Цит. по Т. К. Крыловой. Указ. соч., стр. 91—92).

⁵ См. Т. К. Крылова. Указ. соч., стр. 92.

⁶ См. там же, стр. 92—93.

⁷ ЦГАДА, Письма разных лиц на русском языке, 1700 г., № 1, лл. 14—15.

Именно этим и объясняется та осторожная линия поведения, которая была избрана русским правительством в его сношениях с морскими державами и которая заставляла его до поры до времени скрывать свои враждебные Швеции замыслы. Недаром Головин подчеркивал в письме к Матвееву: «с послом швейским изволь иметь дружбу, зане здесь к их стороне нижадного отягчения нет, и все по договором исполнено»¹.

Можно с уверенностью говорить о полном успехе избранной русскими дипломагами тактики. 3 (13) июля 1700 г. переговоры Украинцева в Порте закончились подписанием 30-летнего перемирия с турками (ст. 1), оставившего за Россией город Азов (ст. 4)².

Е. Украинцеву не удалось, правда, полностью осуществить задачи, поставленные перед ним русским правительством. Он вынужден был пойти на целый ряд уступок и отказаться от требования свободы судоходства по Черному морю, чего особенно добивалась петровская дипломатия. Однако именно в этом пункте ему пришлось столкнуться не только с ожесточенным сопротивлением самих турок. Решительными противниками России оказались здесь и англичане и голландцы, опасавшиеся за судьбу своей восточной торговли³.

Как бы то ни было, но договор окончательно развязал руки России и дал ей возможность открыто вступить в Северную войну.

VI

Если дипломатические усилия русских в Гааге были ограничены рядом приводящих обстоятельств, то зато в Бранденбурге с русской стороны уже в течение лета 1700 г. предпринимались настойчивые шаги для привлечения колеблющегося курфюрста к выступлению против шведов. С этой целью в Берлин был направлен гвардии капитан князь Юрий Трубецкой, верительная грамота которого помечена 11 (21) июня 1700 г.⁴

Согласно русским планам переговоры его должны были кончиться заключением наступательного союза против шведов, проект которого опубликован в I томе «Писем и бумаг императора Петра Великого»⁵.

Согласно его первой статье курфюрст должен был выступить немедленно вслед за выступлением России. Проект договора гарантировал обеим державам их новые приобретения, а целью войны объявлялось стремление, «дабы к скорому принудить неприятеля неправдою завоеванных мест возвращению». Проект предусматривал одновременно и заключение прусско-саксонского и прусско-датского союзных договоров (ст. 8). Разумеется, в случае удачного исхода берлинских переговоров и одновременного выступления против Карла XII России и Пруссии положение двух остальных партнеров оказалось бы гораздо более прочным.

Однако переговоры в Берлине не принесли никаких непосредственных результатов. Наоборот, выяснилось полное нежелание Бранденбурга riskовать вооруженным выступлением против Швеции при условии помощи ей

¹ ЦГАДА, Письма разных лиц на русском языке, 1700 г., № 1, л. 76.

² См. «Письма и бумаги императора Петра Великого», т. I, СПб., 1887, стр. 368—378.

³ См. Уляницкий. Дарданеллы, Босфор и Черное море в XVIII в., М., 1883, стр. 31—33.

⁴ См. «Письма и бумаги...», т. I, стр. 365.

⁵ См. там же, стр. 359—364.

со стороны морских держав. Берлинские дипломаты думали даже, что англо-голландское вмешательство сумеет принудить и Россию воздержаться от участия в войне.

О том, что настроение в Берлине было именно таким, свидетельствует переписка русского представителя при прусском дворе со своим правительством.

26 июля (5 августа) 1700 г. князь Трубецкой доносил, например, Головину: «А о наступательном союзе противу Шведов курфирстская пресветлость разсуждает, что его царское величество ныне надежен есть свободнее с Шведом учинити для того, понеже Швед ныне с королем датским и полским в войне пребывает. Но чае курфирстская пресветлость, что тогда его царскому величеству неизвестно было, в каком состоянии ныне сия война пребывает, сиречь, что столкно сильнейших потентатов, яко Англичане и Голанцы, курфирстр и князь браншвейской и линебургской за свейскую корону стоят и войска их уже в середине Датского королевства обретаются и караван аглинской и галанской уже в Зунте, и датской караван принужден ко отступлению. И сверх того уже Копенгаген бомбардируют и датскому королю так досаждают, что вкратце принужден будет помиритца. Еще сверх того король французский для наследства гишпанского обязался накрепко со Англичаны и з Голанцы и Шведу подлинно помогати будст»¹.

Вместе с тем в бренденбургском ответе в качестве официальной причины отказа фигурировало заявление о прямой невозможности для Берлина договариваться о вступлении в войну, поскольку сама Россия не сумела еще договориться о мире с турками². Разумеется, как это и выяснилось впоследствии, ссылки на переговоры Украинцева оказались только предлогом: Пруссия боялась англо-голландского давления и предпочитала не рисковать.

Тем не менее Россия и после подписания мирного договора с Портою продолжала прилагать все усилия к тому, чтобы добиться прусского участия в войне, в связи с чем 27 августа (6 сентября) 1700 г. Трубецкому были направлены дополнительные инструкции. Головин сообщал в них: «Писма, от милости твоей писанные из Берлина июля в 26 день, в которых и писмо соответствователное — принято в целости. И известилися мы по тому, что, кроме чаяния нашего, как о том к нам писали, еще учинилось, что, в первых, препятие полагают о несомвершении нашего мира с Портою. И то в статьях совершенно объявлено: ежели бы волею божиею не совершилось, и до того нового совершенства и дело неналежало б. А ныне уже за помощию божиею весма конец свой восприяло, истинно с Портою мир утвержден. И естли без некакой противности желаемой к сему б приступили, как о том и прежде сами нас в бытность нашу обнадеживали и сами весма звали явно и писмами совершенно ознаменили (что не безвестно тебе подлинно), то возможно и ныне уже при зачинании нашем совершить»³. Русская дипломатия настаивала на заключении антишведского союза. Но понимая, что ссылки на войну с Портою были в устах берлинских дипломатов всего лишь удобным предлогом, она выдвигала другой, казалось, более приемлемый для Берлина план действий, не связанный с прямым выступлением против шведов.

¹ ЦГАДА, Дела прусские, 1700 г., № 5, лл. 50—51.

² См. там же, л. 51.

³ Там же, л. 33.

«Если к сему курфирстская пресветлость, в забвение полага сие, — говорилось далее в инструкции, — не приступит, то б хотя бы того домогаться, что несправедное насилдование посторонних до короны датской не допустить, дабы не принужден был нежеланного к себе мира получить с пограничными. И в том курфирской пресветлости возможно самую истину показать и по совершенному поставленному явному и душевному союзу с царским величеством, как о том персонале утверждали между собою, от сего корону датскую соблюсти какими ни есть способы»¹.

Иными словами, дело о заключении союзного трактата сводилось к просьбе о заступничестве пруссаков перед морскими державами в пользу теряющей последние силы Дании.

Дальнейшие переговоры Трубецкого в Берлине показали полную справедливость опасений русского правительства относительно того, что и примирение с турками не побудит Гогенцоллернов к решительным действиям против шведов. Несмотря на открытые угрозы Трубецкого в Берлине, несмотря на прямые заявления его, что отказ пруссаков будет расценен в Москве как разрыв прежней дружбы и союза², пруссаки оставались непреклонными. Окончательный ответ курфирста, переданный Трубецкому через фон Принцена, гласил следующее: «Однако же курфирст станет тайно готовить свое войско, толко, чтобы его царское величество изволил наипаче у Цесаря и у короля аглинского и у Голанских Статов трудиться о том, дабы они короне свейской не помогали. И когда то учинено будет, я тогда курфирст радостно и без замешательства хошет его царскому величеству помогать и нападение тотчас на корону свейскую учинить»³.

Но это означало, что заключение союза с Пруссией отодвигалось на неизвестное время, что рассчитывать на ее помощь, во всяком случае до коренного изменения международного положения, нет никаких оснований, что, наконец, русские попытки привлечь ее к Северному союзу и оказать тем самым своим двум союзникам существенную помощь потерпели полную неудачу.

VII

В своих попытках придти на помощь терпящим неудачи союзникам русское правительство не ограничилось представлениями в Гааге и переговорами в Берлине. В Москве, очевидно, очень хорошо понимали то сложное положение, в котором оказались Саксония и Дания, и в распоряжении исследователя есть определенные данные, показывающие, что в планы русского союзника входило и оказание немедленной вооруженной помощи Августу II. Но каким образом?

Выше мы уже говорили о том нетерпении, с которым руководители саксонской политики ожидали появления в Лифляндии русской армии, и о том недовольстве, которое вызывало у них гробовое молчание Москвы в ответ на их неоднократные представления о необходимости русского движения под Нарву или даже под Ригу. В самом деле, с апреля 1700 г., когда при польско-саксонском дворе впервые узнали о благоприятном ходе мирных переговоров в Константинополе и о намерении царя двинуться под Нарву⁴ и когда 30 апреля (10 мая) Петр подтвердил особой грамотой

¹ Там же, л. 34.

² См. там же, л. 64.

³ Делепша Трубецкого от 29 сентября (9 октября) 1700 г. Там же, л. 65.

⁴ См. ЦГАДА, Дела польские, 1701 г., № 5, л. 157.

к Фридриху IV свою верность заключенным с Данией и Саксонией союзам¹, и вплоть до августа 1700 г., когда польский король получил, наконец, определенные сведения о русских приготовлениях к войне², — в саксонских кругах царил растерянность и неуверенность, вызванная полнейшей неосведомленностью о русских военных планах.

Но если переговоры с Портой заставили Петра откладывать свое медленное выступление против шведов и не открывать до времени своих военных замыслов, то это еще не значило, что в Москве не думали о необходимости оказания немедленной вооруженной помощи Августу II. Как раз наоборот. В июле 1700 г. Головин лично занимался вопросом о подготовке казачьих отрядов, которые можно было бы немедленно двинуть на лифляндский театр войны и оказать тем самым помощь саксонской армии. Разумеется, это не значило, что выступление состоится от имени России. Речь шла, как это можно видеть из письма Головина к малороссийскому гетману от 20 (30) апреля 1700 г., о передаче казачьих отрядов под видом наемников под команду саксонских офицеров.

«О войсках палеевых, — говорится в этом документе, — изрядное рассуждение милостивейший, всемилостивейший царь и государь наш из писма видев, повелед мне писати, дабы ваша милость, сколь скорейшим возможно, те палеевы войска, совокупя регименту своего с полками, которых бы всех число восходило до трех тысяч, послать с кем наказным немедленно к Риге». И далее: «Зело сие здесь нужда, понеже королевское величество уже многократно о сем к монарху нашему писал секретно, дабы колшко возможно числом, хотя ради малого вспоможения войскам его учинить под образом будто найму»³.

Разумеется, когда Август II обращался в Москву за такой помощью, а русское правительство соглашалось оказать ее, речь шла не только и не столько о действительной вооруженной помощи саксонской армии, сколько о международной демонстрации, о внешнем эффекте, которого должна была достичь эта, хотя и неофициальная, но все же помощь Петра Августу. Оказывая ее, Россия продемонстрировала бы и не только шведам, но и их западным покровителям свою солидарность с саксонским курфюрстом и этим укрепила бы его международные позиции.

Между тем, не кто иной, как собственные подданные польского короля, украинские магнаты, готовившие поход на Палея и сносившиеся с Портою в Крыму, оказались препятствием на пути к этому русскому мероприятию.

Именно связанные с этим опасения Палея за свою собственную судьбу принуждали его медлить с отправлением своих людей на русскую службу. Очевидно, вполне понимая цели магнатских интриг, русские дипломаты вошли на оказание помощи Палею. О решении этом было сообщено малороссийскому гетману⁴.

Последующая переписка Головина с Мазепой подтверждает, что, думая об оказании помощи Палею, Россия понимала антисаксонский характер политики его врагов в Речи Посполитой.

¹ См. «Письма и бумаги...», т. I, стр. 357—358.

² См. ЦГАДА, Дела польские, 1701 г., № 5, л. 365.

³ ЦГАДА, Письма разных лиц на русском языке, № 1, лл. 30—31.

⁴ «О Палее, — писал Головин Мазепе, — изволишь конечно обнадежить, что вспоможение изволит ваша милость ему учинити ис Киевского полку противу его противников. А ему б зело хороша послати, как наперед сего о том я к милости твоей писал указом монаршеским» (там же, л. 40).

Между тем события развивались так, что Россия оказалась в состоянии подать непосредственную военную помощь Августу II. Решение это было согласовано с саксонским посланником генералом Лангом. Русская армия двинулась в том самом направлении, на которое указывали еще с апреля 1700 г. саксонские дипломаты. С другой стороны, было принято и согласованное русско-саксонское решение воздержаться от направления в Лифляндию формируемых на Украине казачьих отрядов. В связи с этим 27 июля (6 августа) 1700 г. Головин направил Мазепе новые инструкции, в которых были изложены обстоятельства русско-саксонских переговоров¹.

Правда, уже буквально через несколько дней приказ этот был снова изменен, и Мазепе еще раз поручили организовать отправление малороссийских войск через Смоленск в Лифляндию. Но и на этот раз русское правительство делало это по просьбе Августа II, под влиянием его новых представлений².

Предполагалось даже, повидимому, что вместе с этими отрядами выступит в поход и сам престарелый Мазепа, однако впоследствии, учитывая необходимость следить за тем, чтобы Украина не осталась беззащитной от нападения, гетману было приказано оставаться на месте³. Вскоре же после этого, но до 29 августа (8 сентября) 1700 г., последовали и более подробные указания относительно привлечения к походу казаков Палея. Учитывая, очевидно, и антирусский и антисаксонский характер деятельности его врагов в Речи Посполитой, Мазепе поручалось в случае действительной опасности Палею с польской стороны не только воздержаться от вербовки его людей, но еще и оказать ему некоторую помощь. «О выправлении палеевых войск и помочи ему, — писал в связи с этим Головин гетману, — мнится мне, естли ему есть подлинная опасность, тамо б у себя их задержал. Советую и помочи ему, како возможно, как о том всемиловивейший государь говорити милости твоей излил, изволь учинити. И сие все те плуты делают ради помешания королевской войны государя своего»⁴.

Вместе с тем малороссийскому гетману были объявлены и остальные военные приготовления правительства: русская армия находилась уже на пути к Нарве и вот-вот должна была подойти и осадить ее⁵.

Итак, Россия выступила. Только учитывая то отчаянное положение, в котором оказались к тому времени ее союзники, можно правильно оценить значение этого события в истории Северной войны. Объявив войну Швеции и бросив свою армию под стены Нарвы, она не только оказала громадную помощь своему саксонскому союзнику, но фактически спасла самую идею Северного союза.

Дело в том, что почти одновременно с выступлением России, в тот самый момент, когда русское правительство окончательно решало порвать отношения и объявить войну Швеции во имя возвращения России исконных русских земель в Прибалтике, окончательно решалась и судьба Дании,

¹ Там же, стр. 43—44.

² „Ныне же еще чрез многие прошения королевского величества ко всемиловивейшему царю и государю нашему, — читаем в письме Головина к малороссийскому гетману от 2 (12) августа 1700 г., — повелел мне он, всемиловивейший государь наш, писать к тебе, моему господину, и чрезвычайную нарочно отпустить почту, чтоб те назначенные войска конечно поход свой восприняли к Смоленску немедленно“ (там же, лл. 46—47).

³ См. там же, лл. 48, 53.

⁴ Там же, л. 56.

⁵ Там же.

разгромленной с помощью англо-голландского флота. Правда, в Москве еще не знали о ее капитуляции. Накануне русского выступления датский посланник категорически опроверг появившееся в Москве известие о намерении Дании выйти из войны и подтвердил верность ее союзным обязательствам¹.

Но если движение на Нарву не могло спасти датчан, то для Августа выступление России должно было иметь огромное значение. Вместе с тем кончался и трудный период того взаимного недовольства между союзниками, причиной которого было продолжительное молчание русского правительства на саксонские призывы о помощи.

Уже в июле 1700 г., повидимому, еще до получения окончательных известий о мире с Портой, Петр нарушил молчание коротким посланием к Августу с успокоительными вестями о русских намерениях — ответ на королевское письмо, полученное им еще 18 (28) апреля 1700 г. 9 (19) августа 1700 г. царь получил возможность прямо объявить Августу о происшедшем разрыве с Швецией².

В том же августе 1700 г. пегровские письма были получены польским королем, радостно встретившим, по наблюдениям Судейкина, сообщенные в них известия³. Долгий период ожидания прихода русских войск в Ливонию закончился.

VIII

Выступление России и, главное, русское движение под Нарву в течение сентября 1700 г. не вызвало, повидимому, возражений с саксонской стороны, насколько мы можем судить об этом на основании переписки Петра с Августом. Утверждая это, мы несколько расходимся с обычным после исследований Н. Устрялова фактическим изложением событий. Дело в том, что в действительности маневры саксонской политики были гораздо более сложными, чем это представлялось до сих пор.

Известно, что в тот момент, когда в Москве окончательно решался план похода под Нарву, со стороны саксонского посланника Ланга, подержанного к тому же и датским посланником, последовали довольно настойчивые возражения против похода, которые, однако, не смогли повлиять на царское решение. 21 августа 1700 г. Ланг довел об этом до сведения одного из наиболее влиятельных руководителей саксонской дипломатии Рейнгольда Паткуля⁴.

Ответное письмо последнего, помеченное 9 сентября 1700 г., окончательно рассеяло все подозрения саксонского представителя. Паткуль не скрывал перед ним ни своих опасений за дальнейшую судьбу Прибалтики, ни своих подозрений относительно возможных размеров русских территориальных претензий.

«Вы знаете, — отвечал он фон Лангу, — какие употребили мы труды, чтобы отвлечь царя от Нарвы; не в наших видах допускать его в сердце Ливонии; взяв Нарву, он приобретет надежное средство завоевать Ревель, Дерпт, Пернау, прежде чем узнают в Варшаве, а потом покорить Ригу и всю Ливонию»⁵.

¹ См. „Материалы для истории русского флота“, ч. IV, СПб., 1867, стр. 33.

² См. „Письма и бумаги...“, т. I, стр. 383.

³ См. ЦГАДА, Дела польские, 1700 г., № 5, л. 355.

⁴ См. Н. Устрялов. Указ. соч., т. IV, ч. I, стр. 6.

⁵ Там же.

Следующие строки этого любопытнейшего документа рассматривали, однако, те мотивы, которые в тот момент настоятельно диктовали саксонской дипломатии отказаться от каких бы то ни было возражений против русского плана действий и ограничиться лишь тем, чтобы еще раз зафиксировать царское обещание сохранить Ливонию под скипетром польского короля.

Вот что прямо говорилось в письме Паткуля: «С другой же стороны, мы слабы, помощь царя нам необходима, если хотим что-нибудь сделать, и Швеция немало ослабнет, потеряв Нарву. Следовательно, мы не должны торговаться с царем, чтобы не раздражать его. Я думаю, не надобно спорить с ним об осаде Нарвы, и только искусно вручить ему записку в обеспечение прав короля на основании договора, чтобы действовать впоследствии, когда не нужно будет беречь царя с такою осторожностью, как ныне»¹.

Что касается заявления Паткуля о тех мерах, которые принимались саксонской политикой, чтобы отвлечь Россию от Нарвы, то тут, очевидно, имелись в виду осенние переговоры 1699 г. в селе Преображенском, предшествовавшие заключению союзного русско-саксонского договора, если Паткуль намеренно не хотел вводить в заблуждение Ланга относительно изменившейся позиции саксонского двора. Утверждать последнее, однако, у нас нет никаких оснований.

Но вернемся несколько назад. Стремясь упрочить свое положение, Август старался возобновить личный контакт с царем, для чего через своего посланника генерал-майора Ланга объявил о своем желании назначить новую встречу монархов. Царь вполне разделял его пожелание, о чем было сообщено королю царским посланием от 28 августа (7 сентября) 1700 г. из-под Нарвы, куда он прибыл 23 августа (2 сентября)².

Тот факт, что выступление России не смогло предупредить падения Дании, благодаря которому у Карла XII были развязаны руки для энергичного продолжения войны в Прибалтике, в значительной степени осложнил как русские, так и саксонские позиции. Петр очень скоро оценил значение этого факта и попытался добиться от своего союзника немедленной координации военных действий. В связи с этим стоит следующая характерная приписка к его посланию от 28/VIII—7/IX 1700 г. «При отпуске сего письма, — говорилось в ней, — получили мы ведомость подлинную, что караваны Аглинской, Голанской, Свейской намеряютца быть для выручки в Лифляндии, и того для просим, дабы естли сюды будут, что [б] от вас в сем случае не оставлены были, а естли к стороне вашей, то взаимно по конечной мере помогать готовы»³.

Но прежде чем перейти к изучению дальнейшей судьбы этих попыток петровской дипломатии, остановимся еще на одном эпизоде, далеко не безразличном для общей оценки польской политики русского правительства. Дело в том, что саксонские предложения, передаваемые царю Лангом, не ограничивались только упомянутым выше предложением назначить новое свидание союзных монархов. Саксонский посланник от имени своего государя настаивал в дальнейшем на том, чтобы с русской стороны был послан представитель к Речи Посполитой с целью привлечь ее к общей вооруженной борьбе с шведами. Очевидно, полностью разделяя тревогу

¹ Там же, стр. 6.

² См. «Письма и бумаги...», т. I, стр. 393.

³ Там же, стр. 393—394.

Августа II за его польский тыл и сознавая, что объявление поляками войны шведам значительно укрепило бы его польские позиции, Петр согласился и с этим новым предложением своего союзника. А 6 (16) ноября 1700 г., сообщая о своем решении послать ко двору короля «для наших общих дел доношения» гвардии капитана князя Григория Долгорукого, он подчеркивал также и свое согласие оказать помощь королю в деле привлечения к войне Речи Посполитой. «К сим же и то не хотели оставить, — отмечалось в царском послании, — чтоб ваш генерал-маеор Ланг нас просил именем вашим, чтоб нам послать к речи посполитой, приводя их на помощь в сем случае, которое ваше желание мы немедленно исправить подшимся, и уже кому быть при том назначили, и накажем, чтоб как возможно в том трудился, и указ послан, дабы оный служитель был сюды не мешькоф, для вручения ему сих дел, который отселе прямо ехать имеет в Варшаву»¹.

«Служителем» этим, назначаемым в Польшу, был В. Постников, а основанием для посылки его на сейм явился пункт 9 статей, поданных Петру фон Лангом 11 октября под Нарвой. В нем говорилось: «Король мой просит прислать посла на сейм Польский, который будет в январе, для склонения речи посполитой к разрыву с Швецией. Послу надобно будет сноситься с королем, но zelo тайно»².

Таким образом и в 1700 г. инициатива привлечения шляхетской республики к общей вооруженной борьбе против шведов исходила от Августа. Петр только соглашался с королевскими представлениями. Что же касается конкретных условий русско-польского союза, выработанных в королевской канцелярии, то известное представление о них мы могли бы составить себе на основании следующих любопытных замечаний Паткуля, помещенных в цитированном выше письме его от 9 сентября 1700 г. «Убеждайте царя, — указывал он фон Лангу, — прислать кого-либо для завлечения речи посполитой к разрыву с Швецией. Может быть, представится возможность заключить трактат не безвыгодный для Польши: попробуйте, не согласится ли царь уступить ей что-либо со стороны Киева, и дайте ему понять, что приобретением Ингрии и Корелии, в особенности утверждением при Балтийском море, он выигрывает так много, что уступки его Польше не могут итти в сравнение»³. Таким образом, в качестве желательного исхода переговоров намечали частичный пересмотр «вечного мира» 1686 г., очевидно, вполне понимая непопулярность его среди довольно широких кругов польской шляхты.

Но вернемся к нашей первоначальной теме. Ход событий уже в самом ближайшем будущем показал Петру, что непосредственная опасность шведского удара грозит прежде всего русским войскам и что ближайшим намерением шведов является марш под Нарву для снятия с нее осады. Григорий Долгорукий, о посылке которого «для наших общих дел доношения» мы уже упоминали выше, именно с этим известием должен был отправиться к королевскому двору. Он посылался инкогнито с тем, чтобы по приезде на место объявиться саксонским, но отнюдь не польским министром⁴.

Целью его миссии было добиться, «чтоб его королевское величество по должности постановленного союза приказал войскам своим ныне в Инфлян-

¹ „Письма и бумаги...“, т. I, стр. 399—400.

² Н. Устрялов. Указ. соч., т. IV, ч. 2, стр. 164; „Письма и бумаги...“, т. I, стр. 339.

³ Н. Устрялов. Указ. соч., т. IV, ч. 1, стр. 6.

⁴ См. ЦГАДА, Дела польские, 1700 г., № 24, л. 1.

дах начинать воинский поход» для отвлечения шведских сил от Нарвы¹. После захвата ее царь обещал оказать королю необходимую помощь войсками и запасами².

В инструкции Долгорукому были и другие пункты: о новом свидании монархов, о посылке царского посла на сейм, о чем нам уже приходилось говорить; наконец, в задачу посланника входило побудить короля к более решительным дипломатическим шагам в Дании с тем, чтобы совместными усилиями склонить ее к возобновлению войны с шведами³.

Отправление Долгорукого, однако, задержалось и произошло уже после нарвского поражения, а в Варшаву князь Григорий прибыл только 19 (29) декабря вечером⁴.

Тем не менее о русских затруднениях под Нарвой Август был осведомлен из других источников; русские просьбы о помощи доходили до него, несмотря на задержку царского гонца, прямо из царской канцелярии. Речь идет о письме Головина к русскому посланнику в Речи Посполитой Судейкину, отправленном из-под Нарвы, в котором сообщалось о прибытии в лагерь Петра 23 августа (2 сентября) и о просьбе царя к королю побудить гданьских купцов снабжать осаждающие войска необходимым провиантом⁵.

На представление Судейкина в этом смысле последовал довольно резкий отрицательный ответ, причем король давал довольно странное объяснение: все равно, даже если русским удастся овладеть городом, то затем «войска царского величества поворот свой учинят до своих мест», в то время как подвоз продовольствия принесет торговцам Гданьска неизбежный ущерб⁶.

Август II, отказывая в такой незначительной помощи, как доставка провианта, тем более не собирался оказать никакой вооруженной поддержки русским усилиям овладеть городом. Возникла какая-то странная ситуация. Дела принимали не совсем ясный оборот.

В самом деле, имея в виду постоянные призывы саксонского двора летом 1700 г., подталкивающие Россию на изменение первоначального (1699 г.) плана военных действий и на движение под Нарву и Ригу, чем объяснить, в конце концов, то обстоятельство, что осенью того же 1700 г. осада русскими Нарвы не только не вызвала никакого оживления в военных действиях саксонской армии, но что саксонский союзник отказывался вообще от оказания какой бы то ни было помощи выступившей на его поддержку русской армии?

Разумеется, проще всего было бы объяснять саксонскую политику подозрениями относительно целей русского движения под Нарву. Предположение, что нарвский поход являлся попыткой нарушить договор 1699 г. и присоединить к русским владениям Нарву, пользуясь затруднениями польского короля, — не ново в русской литературе⁷ и вполне согласуется с дальнейшей политической программой Петра. Именно так трактовался нарвский поход и современниками, о чем свидетельствуют распространявшиеся тогда в Голландии слухи о намерении русских овладеть

¹ Там же, л. 3.

² См. там же, л. 8.

³ См. там же, лл. 9—13.

⁴ См. „Письма и бумаги...“, т. I, стр. 839—840.

⁵ См. ЦГАДА, Дела польские, 1701 г., № 5, л. 458.

⁶ Там же, л. 459.

⁷ См. С. М. Соловьев. Указ. соч., стлб. 1234; Н. Устрялов. Указ. соч., т. IV, ч. 1, стр. 5.

всей Прибалтикой, включая Нарву, Ревель и Ригу¹, о которых не мог не знать польский король, располагавший довольно широкой сетью информаторов. Цитированное выше письмо Паткуля показывает даже, что подозрения эти к тому времени имели уже долгую историю и корнями своими восходили к мало известным обстоятельствам русско-саксонских совещаний в селе Преображенском. В таком случае и отрицательный ответ короля на просьбу Судейкина и его загадочное замечание о том, что русским войскам все равно придется оставлять завоеванную Нарву, можно было бы истолковать как реакцию на усиление подобных подозрений.

Возможен, однако, совершенно иной вариант разъяснения этого вопроса, имеющий то преимущество, что он оказывается связанным с реальными действиями саксонской дипломатии. Имеются в виду завязавшиеся уже в конце лета 1700 г. мирные шведско-саксонские переговоры, о существовании которых должны были знать в Москве все из того же письма Паткуля от 9 сентября 1700 г. Паткуль поручил в нем фон Лангу дать в связи с этим следующее любопытное объяснение русскому правительству: «Король думает обмануть тем шведов и люнебурцев, чтобы они не напали на Саксонию, прежде чем можно защитить ее. Постарайтесь представить все сие царю обстоятельно, чтобы он не подозревал нас»².

К изучению этих событий нам и предстоит сейчас обратиться, для чего необходимо будет вернуться на оставленную нами польскую почву.

IX

Что же происходило в этот ответственный промежуток времени, который отделяет момент вступления России в Северную войну от момента поражения под Нарвой, на другом, саксонском театре военных действий в Прибалтике, в Речи Посполитой и при дворе польского короля? Напомним, что основными фактами предшествовавшего периода было крайне неудачно сложившееся благодаря англо-голландской политике положение Августа II. Напомним вызывающее серьезную тревогу положение в его собственном польском тылу, усиление враждебной ему магнатской оппозиции Яблоновского и примаса в Короне и опасный поворот, который принимала в Литве разгорающаяся там внутривластная борьба. Наконец, и на самом театре военных действий, под Ригой, положение осаждающей саксонской армии было далеко не легким. Шведам удалось не только подавить внутреннюю оппозицию в Ливонии, но и подтянуть к Риге значительные контингенты своих войск, ослабляя, правда, тем самым гарнизоны в других прибалтийских областях. Последнее обстоятельство оказалось обоюдоострым. Дело в том, что о переброске шведских войск были хорошо осведомлены в Москве, что в известной степени не только способствовало, но и определило направление основного удара русской армии. Шведы, очевидно, не вполне еще отдавали себе отчет в намерениях России, в то время как в России пристально следили за всем тем, что делалось в шведском лагере³. Как бы то ни было, если даже переброска шведских войск и могла

¹ См. Т. К. Крылова. Указ. соч., стр. 97.

² Н. Устрялов. Указ. соч., т. IV, ч. 1, стр. 6.

³ 1 (11) июня 1700 г. Ф. Головин получил возможность сообщить Мазепе такую, весьма утешительную для русского правительства новость: „Здесь теперь подлинная ведомость есть, что токмо с тысячу человек войск швейских при рубежах, а протчих с тринадцать поплы к Риге и уж тамо явились“ (ЦГАДА, Письма разных лиц на русском языке, 1700 г., № 1, л. 26).

благоприятно повлиять на предстоящую русскую военную акцию, то зато положение Риги было значительно упрочено, и необходимый саксонской армии военный триумф не состоялся. В таких условиях произошло русское выступление. Не надо забывать, что выступлению этому предшествовало падение Дании, которое еще больше ослабило и затруднило саксонской дипломатии возможность маневрирования. Правда, позиции Августа по отношению к морским державам были гораздо прочнее датских, и их немедленное вооруженное вмешательство не могло оказаться таким решающим фактором, каким оно оказалось в случае с Фридрихом IV. Существовала, однако, другая угроза, предотвратить которую было всецело в их власти. Мы имеем в виду выяснившееся вскоре после Травендаля намерение Карла XII организовать вооруженную диверсию в Саксонию, вторгаясь, таким образом, в пределы империи¹. Нечего и говорить о том губительном влиянии, какое могло оказать это движение шведов на всю дальнейшую судьбу саксонской политики. Захват и разорение Саксонии означали уничтожение того основного резервуара людских и материальных ресурсов, который питал армию и дипломатию Августа II. Сам он был прежде всего саксонским курфюрстом, а затем уже элекционным польским королем, чего никак нельзя забывать при окончательной оценке его политической деятельности. Именно поэтому разгром в Саксонии означал бы для него не только полное крушение его обширной внешней, но и польской политики, означал бы выход из войны и возвращение к прежним тесным рамкам Саксонии. Намечая удар по Саксонии, Карл прекрасно учитывал все это и готовился нанести своему противнику смертельное поражение. Но, очутившись перед неминуемой катастрофой и прекрасно понимая, что предотвращение ее во власти только морских держав, Август вынужден был пойти на целый ряд таких мероприятий, которые в конечном счете шли в разрез с прежним направлением его политики. Прежде всего саксонская дипломатия прибегла к испытанному методу провокации и открыла англо-голландскому блоку глаза на истинные цели русской политики, сообщив голландскому правительству собственноручное письмо Петра Августу о русских военных приготовлениях против Швеции². Путем открытого предательства интересов своего союзника саксонцы пытались отвлечь от себя внимание шведов и покровительствующих им Лондона и Гааги, чтобы самим избежать готовящегося против них удара в империи. Но, с другой стороны, саксонцы вынуждены были согласиться и с навязанным им посредничеством морского блока и под влиянием протестов союзных представителей и их обещаний не оказывать Карлу XII поддержки в дальнейшем прекратили бомбардировку и фактически сняли осаду с Риги³. Идя на такие уступки англо-голландцам, дипломатия Августа II добивалась прежде всего ликвидации угрозы его наследственным владениям в империи. Действительно, заставив отступить саксонцев, морские державы сумели предупредить и диверсию в Саксонию Карла XII. В связи с этим в сентябре 1700 г. английский посол в Гааге Стэнгоп посетил Лианенрота и от имени Вильгельма III заявил категорический протест против предполагавшегося вторжения в империю. Стэнгоп требовал, «чтобы он (Карл XII. — В. К.) отнюдь того не чинил и во

¹ См. Т. К. Крылова. Указ. соч., стр. 95.

² См. там же.

³ См. ЦГАДА, Дела польские, 1700 г., № 5, стр. 386.

империум или цесарства в округу (войск. — В. К.) не посылал и тем союза своего с ними (Вильгельмом III. — В. К.) не нарушал»¹.

Следует отметить то крупное значение, которое играли англо-голландские представления против диверсии в империю в ходе дальнейших событий. Четкая позиция, занятая в этом вопросе Англией и Голландией, значительно укрепила дух других заинтересованных государств, прежде всего Бранденбурга, и способствовала их решительным шагам, направленным к ликвидации угрозы вторжения в Саксонию. В связи с этим уже 27 октября 1700 г. Пруссия приняла на себя обязательство перед саксонским курфюрстом оказать вооруженное сопротивление шведской армии на случай ее предполагаемого марша через Пруссию или Померанию на Саксонию. Вместе с тем королевским саксонским войскам был разрешен переход через прусские земли на территорию Речи Посполитой². О прусской решимости оказать сопротивление шведам свидетельствует также и письмо одного из приближенных бранденбургского курфюрста, помеченное 19 октября 1700 г., в котором он прямо обнадеживал русское правительство относительно прусских намерений вооруженной рукой воспрепятствовать шведским планам вторгнуться в империю.

Разумеется, такое развитие взаимоотношений с морскими державами должно было оказать влияние и на русско-саксонские отношения в целом, особенно при том условии, что, несмотря на английский протест, угроза шведского марша в Саксонию из шведских владений в Померании не перестала существовать до самого конца 1700 г., когда в ноябре она вновь появилась в качестве вполне реальной опасности³. Очевидно, прямая саксонская помощь русским войскам под Нарвой была совершенно исключена. Но если так обстояло дело в плане сношений с морскими державами, то нельзя забывать и того факта, что в саксонской политике существовал и второй план.

Спасая свою наследственную Саксонию путем согласия на прекращение военных действий в Прибалтике, Август II прибегал к обоюдоострому средству, опасному и для него самого. В самом деле, что означал этот его шаг? Как могли расценить его в Речи Посполитой? Логическим выводом могло быть только одно: Северная война, затеянная польским королем не только без фактического сочувствия, но даже вопреки открытым протестам значительной части польского магнатского лагеря, заканчивалась поражением. Это был факт такой серьезной политической значимости, который не могла игнорировать саксонская дипломатия, учитывавшая напряженное положение в стране. В Литве ожесточенная борьба между домом Сапег и сторонниками Григория Огинского не только не затихала, но все более и более приобретала черты открытой гражданской войны⁴, что серьезно затрудняло положение короля, не решавшегося при общей неясности в соотношении сил борющихся лагерей принять ту или иную сторону, особенно

¹ Т. К. Крылова. Указ. соч., стр. 95.

² К. Jarochowski. Dzieje panowania Augusta II (1702—1704), Poznań 1874, стр. 20. «Курфиретское пресветлейшество, — говорилось в письме русского посланника, — получил ведомость о том, что швейские ратные люди на своем рубеже збираютца в таком намерении, чтобы нападение учинить в Саксонскую землю. И курфиретское пресветлейшество посылает немедленно адьинедцать тысяч пятьсот человек ратных своих людей на вышепомянутой рубеж. И сколь скоро услышит его курфиретская пресветлость, что шведы в Саксонию пойдут, и тогда хочет тот час учинить нападение на швейскую померскую землю и шведом войну объявить» (ЦГАДА, Дела прусские, 1700 г., № 5, л. 76).

³ См. ЦГАДА, Дела польские, 1700 г., № 8, лл. 30, 50.

⁴ См. там же.

в условиях роста магнатской оппозиции в Короне и неудачи военного выступления против шведов. Посредническая тактика, избранная им в Великом княжестве, не давала никаких прочных результатов, хотя и позволяла содержать свои военные силы на литовской территории¹. При дальнейшем обострении литовского конфликта королю так или иначе нужно было более четко определить свои позиции, чего до сих пор делать он не решался и что связано было для него с серьезным политическим риском. Обострение это наступило поздней осенью 1700 г. 17 ноября 1700 г. произошло кровопролитное сражение между литовскими конфедератами и Сапегами. Сапеги потерпели полное поражение. Сын великого гетмана литовского М. Сапега, попавший в плен, был зарублен литовской шляхтой. В Литве началась настоящая гражданская война. При таких условиях литовская шляхта оказалась вынужденной искать королевской поддержки любой ценой, даже ценой поддержки абсолютистских планов Августа II. Об этом свидетельствуют постановления Виленского съезда, собравшегося в конце ноября 1700 г.² Август II не решился, однако, принять предложение литовцев. Дело в том, что серьезные опасности ожидали королевскую политику в Короне. Здесь быстро усиливалась враждебная и ему и России магнатская оппозиция примаса и Яблоновского, с которой ему, особенно теперь, приходилось очень считаться. Чрезвычайно важным фактом в ходе польских событий было установление тесных связей между оппозицией, в лице Рафаила Лещинского, и французской дипломатией³, за деятельностью которой Августу все время приходилось следить и настойчивые требования которой тоже клонились к прекращению конфликта с Швецией. В течение всего 1700 г. и примас, и Лещинский, и Яблоновский не только пытались нащупать дипломатические пути на Востоке, чтобы развязать войну с Россией за Украину, но и открыто агитировали за войну с ней в самой Речи Посполитой и в этом смысле делали настойчивые представления королю, особенно во вторую половину года⁴. Судейкин, внимательно следивший за действиями врагов России, недаром, очевидно, именно здесь ставил логическое ударение в своих депешах.

Что касается самого короля, то, разумеется, вполне понимая подлинный смысл этой агитации, понимая, что в конечном счете политическая линия этих магнатов в не меньшей степени, чем России, угрожала и ему самому, он не только не пытался резко противопоставить себя оппозиции, но всеми силами старался избежать намечающегося столкновения с нею и даже пытался окольным путем внушить ей, что в какой-то степени разделяет ее агрессивные антирусские настроения. Такова та необычайно характерная для саксонской политики тактика, к которой Август решился прибегнуть еще летом 1700 г., до русского похода на Нарву.

Для иллюстрации приведем один знаменательный факт, показывающий настроения ближайшего к королю окружения. Халецкий, воевода иновроцлавский, под Ригой, в переговорах с палеевыми посланцами сделал такое чрезвычайно характерное и ставшее, разумеется, сразу же известным от самих же казаков Судейкину замечание: после захвата Риги поляки обрушатся на Палея с тем, чтобы, овладев Фастовом, двинуться на Киев⁵.

¹ См. там же, л. 50.

² T. Sieraputowski. Pierwsza próba reform politycznych w Polsce. Warszawa, 1901, стр. 66—70.

³ См. ИГАДА, Дела польские, 1700 г., № 5, л. 532.

⁴ См. там же, л. 522.

⁵ См. там же, л. 322.

Такими мыслями и настроениями жило польское окружение короля. Разумеется, думать, что он сам серьезно считался с возможностью русско-польской войны в тот момент, когда решалась судьба Дании и все надежды возлагались на русскую помощь, не приходится.

Но события повернулись таким образом, что продолжение войны с шведами казалось Августу невозможным. Август вынужден был под давлением англичан и голландцев, отчасти даже под давлением Франции¹, прекратить бомбардировку Риги и прервать военные действия. Ставился даже вопрос о полном прекращении войны и примирении с шведами. При таком положении дел заигрывание короля с враждебными России магнатами приобретало неожиданно опасный для судьбы Северного союза характер. Дело в том, что одновременно с этими заигрываниями король действительно пытался нащупать почву для мирного соглашения с шведами. Из всех возможных посредников, не исключая Пруссии, к посредническим услугам которой Август, повидимому, относился с известным пренебрежением², наиболее подходящей оказывалась Франция, с которой, начиная с 1698 г., саксонская дипломатия все время стремилась сохранить тесные связи. В конечном итоге выбор этот определялся не только тем фактом, что в лице Версаля выступала крупнейшая западная держава, не менее Англии и Голландии заинтересованная в прекращении Северной войны, но и тем обстоятельством, что вслед за англо-голландским протестом против шведского вторжения в империю значительно возросло французское влияние при шведском дворе, а версальский кабинет именно в этот момент прилагал наиболее упорные усилия, чтобы привлечь на свою сторону молодого Карла XII. Крупным преимуществом французского выбора был, разумеется, в глазах Августа и тот факт, что именно французскому посланнику дю Геро удалось завязать наиболее обширные связи в Речи Посполитой с магнатскими и шляхетскими кругами, особенно в Великой Польше с помощью Р. Лещинского³.

Что касается основного направления франко-саксонских переговоров, завязавшихся еще летом 1700 г. вслед за приездом в Польшу французского посланника дю Геро, то вопрос этот уже достаточно подробно выяснен в литературе. Целью Франции было отвлечь саксонскую политику от Ливонии и направить ее в диаметрально противоположную сторону, против Вены, неизбежного врага Версаля в предстоящей войне за испанское наследство. В качестве приманки с французской стороны выдвигалась перспектива вознаграждения Августа, в случае выступления его против Австрии, чешской или венгерской короной или Силезией⁴. Разумеется, полностью и открыто порвать с прежней политикой для того, чтобы резко повернуть против Австрии, было не легко и не просто. Борьба с Веней отнюдь не представлялась делом настолько несложным, чтобы Август мог без колебаний принять предлагаемую ему из Версаля программу. Отсюда колебания Августа II — обычная его тактика выжидания и проволочек.

Первым и ближайшим препятствием к заключению предлагаемого дю Геро соглашения оказывалась так неудачно развивающаяся для Августа Северная война. Естественным последствием этого должно было стать, очевидно, французское посредничество между Дрезденом и Стокгольмом, как это и случилось на самом деле. Августу необходимо было прежде всего

¹ См. ЦГАДА, Дела польские, 1700 г., № 5, л. 390.

² См. там же, л. 379.

³ См. там же, л. 522.

⁴ См. С. Томашівський. Указ. соч., стр. 44.

развязать себе руки на Севере, а затем уже принимать какие-либо международные обязательства. Поэтому в появившемся вскоре, в конце 1700 г., проекте франко-саксонского союза гарантия Дрезденом испанского наследства для Франции оказывалась самым тесным образом связанной с французским посредничеством в Ливонии¹.

К сожалению, история этого французского посредничества до сих пор не была, насколько нам известно, достаточно подробно и полно изучена. Препятствием к этому служило почти полное отсутствие опубликованных материалов об этом интереснейшем моменте Северной войны. «Польские дела», донесения Судейкина тоже ничего, или почти ничего, не могут прибавить к самому по себе известному факту посредничества. Судейкин, правда, отмечает, что основной целью дю Геро было добиться сепаратного (только между Карлом и Августом) мирного соглашения в Ливонии, причем сам король не без некоторых колебаний и протестов шел на него, в то время как Яблоновский, примас и Р. Лещинский настойчиво требовали скорейшего заключения мира и враждебного выступления против России².

Любопытные сами по себе, эти наблюдения русского посланника, отражающие положение дел в Речи Посполитой и даже настроения некоторых участников переговоров, ничего, однако, не могут дать в смысле конкретного изучения хода переговоров, условий предполагавшегося мирного разрешения конфликта и т. п. Большое значение для изучения данного вопроса имеют депеши русского резидента в Швеции князя Хилкова, проливающие яркий свет на все происходившие в конце 1700 г. события. Кстати, несмотря на состояние войны между Россией и Швецией, князь Хилков располагал в это время известной свободой и мог пользоваться всеми теми источниками информации, которыми пользовались обычно дипломаты XVIII в. Обстоятельство это придает его депешам значение источника первостепенной важности.

Вот что сообщал он, например, по поводу французского посредничества в Стокгольме в своем письме к Петру от 25 сентября (5 октября) 1700 г., когда в Швеции уже точно знали о русском походе под Нарву: «Да в нынешнем же, государь, 1700 году сентября в...³ число писал ис под Риги французской посланник, которой при полском короле, к послу французскому, которой обретаецца при короле свейском, за своею рукою. А в том, государь, письме написано, что король полской с королем свейским просит чрез французских министров миру, и свейской, государь, король миритца с ним, полским королем, хочет. Да и в том же, государь, письме написано, что говорил полской король, естли де твои, великого государя, войски будут на свейские грады, и он де всячески рад строить мир, а будет де твои, великого государя, войски не отступят, и полской де король в том присягает, что ему твоим, великого государя, войскам ни в чем помочи не давать и в союзе с тобою, великим государем, противу свейского короля не быть»⁴.

С другой стороны, не менее любопытны, по сообщениям Хилкова, и те предварительные условия, которыми хотели бы обставить противники начало мирных переговоров. Карл требовал прекращения бомбардировки Риги (переговоры начались до англо-голландского вмешательства), Август, принимая французское посредничество, стремился сохранить в своих руках

¹ См. там же, стр. 44—46.

² См. ЦГАДА, Дела польские, 1700 г., № 5, л. 522.

³ В подлиннике число пропущено.

⁴ ЦГАДА, Дела шведские, 1700 г., № 10, л. 93.

до заключения мирного договора захваченные им шведские крепости в Ливонии¹. В таком случае начало мирных переговоров потеряло бы, иначе неизбежный, характер полного внешнеполитического поражения саксонской дипломатии, чего, разумеется, никак не мог и не хотел допустить Август II.

Вместе с тем эта сентябрьская переписка двух французских посланников, шедшая параллельно англо-голландскому посредничеству под Ригой, показывает и другую, чрезвычайно интересную сторону событий. Поколебленный в своей уверенности относительно исхода Северной войны, напуганный падением Дании и перспективой шведского вторжения в Саксонию, Август II, начиная мирные переговоры, не только шел на то, чтобы оставить своего восточного партнера в полном одиночестве, но и прямо обязывался в дальнейшем выступить против него. Таким предательским по отношению к России дипломатическим ходом обеспечивали безопасность Саксонии и предупреждали шведское движение под Ригу, подталкивая шведского короля на скорейшее выступление против России. Князь Хилков прекрасно отдавал себе отчет в этом и стремился во-время предостеречь русское правительство. В том же письме от 25 сентября (5 октября) 1700 г. он сообщил: «А король свейской пришел со всеми войски из города Крестьян в город Корлос сам, и в том городе станут садитца в корабли и пойдут все в Колывань и в Пернов и в тех городех будут выходить на землю. И говорят, что все те войски ево и король сам пойдет против твоих, великого государя, войск, для того, что король полской хочет миритца, и чают от него верно миру чрез то поданое письмо в их канцелярию от французского посла»².

Обстоятельство это еще более разъясняет ту непонятную на первый взгляд позицию, которую избрала саксонская дипломатия по отношению к России в момент осады Нарвы.

Параллельно французскому посредничеству пытался предпринять некоторые шаги в Стокгольме и Бранденбург, ставя перед собой ту же цель — примирение Августа с Карлом XII³. Большую активность проявляла Вена. 5 (15) сентября 1700 г. Хилков сообщал о том, что «цесарской посланник подал в канцелярию в Стеххолме мемориал о том же миру короля полского с свейским королем»⁴. На следующий день он отправляет в Москву новую депешу, в которой более подробно останавливается на этом вопросе. «Французской и цесарской министры, — пишет он, — подали мемориалы в канцелярию, что король полской конечно желает миру. И верно все чают, что мир у свейн с полским королем состоится вскоре»⁵.

Активно действовала и английская дипломатия, а английский посол при встрече с Хилковым обещал даже, что будет одновременно добиваться прекращения русско-шведского конфликта⁶.

Эти и следующие страницы хилковских депеш рисуют перед нами ту политическую атмосферу, в которой жил в это время молодой шведский монарх. Стокгольм превращался в один из наиболее важных дипломатических центров Европы, где скрещивались самые различные политические направления и ожесточенно боролись враждебные друг другу дипломатиче-

¹ См. ЦГАДА, Дела шведские, 1700 г., № 10, л. 94.

² Там же, л. 93.

³ См. там же.

⁴ Там же, л. 101.

⁵ Там же, л. 107а.

⁶ См. там же.

ские системы. Главными противниками попережнему были Англия и Голландия, с одной стороны, и Франция — с другой.

Оказав однажды прямую вооруженную поддержку шведам против Дании, Вильгельм III повернул дело таким образом, что в дальнейшем все переговоры со шведами неизбежно упирались в один и тот же пункт — в необходимость оплачивать шведский союз ценой выступления против северных союзников. На этот раз в сентябре и октябре 1700 г. речь шла о помощи в войне против России, поскольку вторжения в империю не захотели допустить англо-голландцы, а в Прибалтике Август II пошел на временное перемирие под Ригой. И в то время как французский посол сыпал щедрыми обещаниями о союзе и помощи против России, манил перспективами выступления против нее турецкого султана, подвинутого на это французским влиянием и французскими интригами в Константинополе¹, и «даже говорил французской министр в канцелярии, будто король польской обещает после миру с шведским заодно идти против войск московских»², в это время 5 (15) октября 1700 г. Хилков «слышал от бранденбургского посланника за дружбу тайно, что аглинцы и галанцы дали знать шведскому королю, что они ему помогают ради против войск московских и ево не выдать, только ныне сподеваются, что сила их не поспеет»³.

Но при таком положении дел постепенный рост французского влияния в Стокгольме за счет англо-голландского был неизбежен. Дело, конечно, не только в том, что «сила их» не успевала на помощь шведам, дело в той материальной заинтересованности купеческих кругов Англии и Голландии в русской торговле, при которой немедленное выступление морских держав против России не могло иметь места. Несмотря на это, ходившие в Стокгольме слухи о том, что англичане и голландцы не желают русской победы и, опасаясь за судьбу своей торговли, против укрепления России в Прибалтике⁴, были, повидимому, вполне основательными.

Между тем, на Прибалтийском театре военных действий, под Ригой, происходили знаменательные события. Август прекращал бомбардировку Риги и фактически снимал с нее затянувшуюся осаду, очищая этим путь для мирного соглашения с Карлом XII. Наряду с фактом существования секретных мирных переговоров со Стокгольмом, главным образом при содействии французского посредничества, прекращение военных действий в Прибалтике означало такой серьезный поворот во внешней политике короля, при котором автоматически снимался вопрос о координации военных усилий России и Саксонии и предreshался отказ саксонского партнера от оказания какой бы то ни было помощи русской армии.

Таковы ближайшие причины саксонской измены союзу с Россией.

Что же касается саксонских интересов, то, как это легко можно было заметить по тем условиям, какими хотел бы обставить Август II свои мирные переговоры со шведами, временная оккупация его войсками занятой уже шведской территории в Ливонии должна была полностью обеспечить их. Оккупация эта означала прежде всего, что переговоры велись бы на разных или даже более выгодных для Августа основаниях. Этим подчеркивалось бы, что Северная война отнюдь не проиграна Дрезденом. Предполагаемый мир со Швецией не должен был ослаблять польских позиций короля. Но такое направление саксонской политики совершенно расходи-

¹ См. ЦГАДА, Дела шведские, 1700 г., № 10, л. 115.

² Там же, л. 116.

³ Там же, л. 124.

⁴ См. там же.

лось с политическим курсом, избранным Карлом XII. Противоречие это сказалось в ходе тайных переговоров, в октябре 1700 г. В то время как шведы стремились оказать давление на Августа II с помощью угрозы вторжения в Саксонию¹, польский король, отказываясь помогать царю и используя тот факт, что основное внимание шведов было направлено на русских, пытался воздействовать на них с помощью частичного возобновления военных действий в Прибалтике. О впечатлении, произведенном новым маневром Августа на шведов, мы узнаем из депеши князя Хилкова. «Польша, — доносил князь 6 (16) октября 1700 г. русскому правительству, — от Риги вовсе отступил, и Рига свободна. А полские войска пошли под Пернов, и чтоб, мимо идучи, на походе взять свейское местечко Кокенгузен, а под Перновым промышлять и чтоб его себе получить и войск свейских не пустить на берег с кораблей под Перновым. А в Диншанцах сидят полские люди и их не отдают»².

Однако избранный польским королем курс и частичный успех, достигнутый им под Кокенгаузеном, не только не оказал никакого серьезного влияния в желательном для него смысле на шведское правительство, но, наоборот, возбудил в Стокгольме настолько явственное раздражение, что сами мирные переговоры оказались под угрозой срыва. Факт такой резкой перемены настроения при шведском дворе был сразу же отмечен проницательным русским резидентом. В одной из своих октябрьских депеш, разбирая известия, доходившие до него о продолжающемся французском посредничестве, он помещает попутно следующее свое наблюдение: «А тот мир чинится через французских министров, которой при полском и которой при свейском. Но толко верно, что верно не будет, для того, что после того желаня о миру король полской како отступил от Риги, и в то время взял свейской город Коконгузен»³.

Тем не менее, несмотря на наметившееся уже в октябре нескрываемое раздражение Стокгольма против действий польского короля, французское посредничество продолжалось. Еще в начале 1701 г. князь Трубецкой, объясняя свой отказ воспользоваться помощью саксонского посланника в Берлине в попытках привлечь к Северному союзу Бранденбург, писал Головину (депеша от 6 (16) января 1701 г.), что одной из причин такого решения было то обстоятельство, что «к тому же еще сказывали мне тогда курфирста брандебургского министры, что король де полской одноконечно хочет помиритца вскоре с шведом на нынешних днях»⁴.

К концу 1700 г. был готов уже упоминавшийся выше проект франко-саксонского договора. Однако Август не решился на ратификацию трактата. Тут сыграл свою роль целый ряд обстоятельств. Ближайшим поводом могла явиться почти полная безрезультатность французского посредничества в Стокгольме. После Нарвы дело сепаратного соглашения с Саксонией не только не подвинулось вперед, но скорее, наоборот, завязло окончательно. Теперь, одержав победу, Карл еще решительнее утвердился в своем, избранном им после Травендаля, образе действий — молчаливо отвергать все настойчивые попытки иностранных представителей выступать с различными проектами посредничества и примирения. Факт, достаточно часто отмечаемый в литературе о Северной войне⁵.

¹ ЦГАДА, Дела шведские, 1700 г., № 10, л. 124.

² Там же.

³ Там же, л. 116.

⁴ Там же, 1701 г., № 3, л. 2.

⁵ См. Nisbei Bain. Указ. соч., стр. 66 и сл.

Были, разумеется, и другие, не менее серьезные, хотя и более отдаленные причины, заставлявшие Августа II колебаться и медлить с подписанием предлагаемого ему союза. Без сомнения, тут сказывалась и боязнь открыто порвать с морскими державами, недавно еще спасшими его от шведского марша на Дрезден, и боязнь остаться один-на-один в борьбе с могущественной империей Габсбургов и далеко не прочные его позиции в Речи Посполитой¹. В свою очередь эти колебания польского короля не могли не привести к серьезному охлаждению во франко-саксонских отношениях, поскольку основной целью версальского кабинета было прекращение Северной войны с тем, чтобы заручиться военной поддержкой Дрездена и Стокгольма в предстоящей борьбе за испанское наследство. Нельзя забывать, что почти одновременно со сражением под Нарвой на противоположном конце Европы произошло другое крупное событие — умер лишенный наследников Карл II Испанский, а вслед за его смертью надвигалось начало грандиозной борьбы за гегемонию в Западной Европе. Разумеется, французское посредничество несколько не исключало и не прерывало обычного хода русско-саксонских переговоров. Мы уже говорили о тех основных направлениях, по которым они развивались накануне нарвского похода. Но и после Нарвы сношения эти отнюдь не были прерваны ни одной, ни другой стороной. О русском поражении узнали, правда, при польском дворе гораздо раньше, чем пришло об этом официальное сообщение русского правительства². Однако распространению всевозможных нежелательных слухов, связанных с проигранным сражением, должна была помешать поездка в Варшаву князя Долгорукого, отправленного только теперь с миссией к польскому королю. Помимо всего прочего, поездка его имела еще и то значение, что князь Григорий был сам очевидцем происшедших событий³.

20 (30) декабря 1700 г. Долгорукий представился Августу Саксонскому и с места в карьер «говорил, чтоб королевское величество изволил видетися персоналие немедленно с вами (царем. — В. К.), и король изволил сказать, что видетися сам желает в Дунбуруке», где будет около 20 февраля⁴.

«И потом доносил (князь Григорий. — В. К.) о несчастливом случае под Нарвою» и «чтоб сумневатися не изволил, понеже вы в своем намерении стоять изволите неотменно и впретъ ослабевать не изволишь, а войскам своим дале Новагорода и Пскова отступить не указал»⁵.

Во время этого свидания были затронуты и другие, не менее важные вопросы русско-саксонских отношений, было намечено отчасти содержание предстоящих личных переговоров царя с Августом II. Последний высказался в том смысле, «чтоб войска ваши, также и его королевские, совокупить вместе и итить на шведа, где будут войски шветцкия, и что о том разговор иметь особам вашим персоналие»⁶. Со своей стороны Долгорукий «данася, чтоб изволил (король. — В. К.) послать Дацькому королю нарощаго куриера с писмами, чтоб король Дацькой начал войну противу короны Шветцкой. И король изволил сказать, что к Дацькому королю о том немедленно изволит писать»⁷.

¹ С. Томашівський. Указ. соч., стр. 44—46.

² См. ЦГАДА, Дела польские, 1700 г., № 7, л. 374.

³ См. «Письма и бумаги...», т. I, стр. 409—410.

⁴ Там же, стр. 340.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Там же; о переговорах см. также ЦГАДА, Дела польские, 1700 г., № 24, л. 18 и сл.

В момент отправления Григория Долгорукого в Польшу в Москве, очевидно, еще не успели разгадать дальнейших военных планов шведского короля и не могли предвидеть, куда двинется дальше победоносная шведская армия — в глубь России или к захваченным саксонцами шведским крепостям в Прибалтике. Поэтому вполне законно звучат слова царского посланца о намерении русских преградить дальнейшее продвижение шведов у стен Новгорода или Пскова.

Между тем к моменту прибытия Долгорукого в Варшаву там уже успели хорошо разглядеть шведские военные планы и знали о движении Карла XII под Ригу¹. В свете этих известий, учитывая к тому же почти полную безрезультатность все еще продолжавшихся попыток с помощью Фрэнции достичь мирного разрешения конфликта с шведами, становится понятным и открыто дружественное поведение по отношению к России польского короля во время его свидания с Долгоруким 20 (30) декабря 1700 г., и его собственное стремление теперь поскорее встретиться с русским царем. Во всех случаях, имея в виду продолжение мирных переговоров с шведами или считаясь с возможностью предстоящего разрыва и продолжения войны, сближение с Петром представлялось теперь необходимым и выгодным шагом. Поэтому после свидания с Долгоруким Август сам пишет два письма царю, приглашая его договориться о встрече. Ответом на них было январское 1701 г. письмо Петра к Августу. Вот что говорилось в нем: «Вчерашняго дня получили мы (через нашего курьера) ваши два писма, в которых объявляете свое постоянное ваше к нам намерение, также и особою своею сам с нами видетися изволяешь в Динабурке, которое дело мы с немалым удовольствием прием[лем]»².

Одновременно резко изменилось и все внешнее поведение польского короля, удачно игравшего теперь роль непримиримого противника шведов. В этом отношении необычайно любопытна следующая небольшая выдержка из письма датского посланника в Варшаве Трампа к датскому представителю в Москве П. Гейнсу, помеченного 29 декабря 1700 г. Вот что говорилось в нем: «Корол польской пребывает всенепременно при первом своем мнении и ни от кого неподвижен стоит, хотя весь свет трудится его от воинских мыслей отвести и мирныя предложения ему внушити. Его величество мыслит и требует ничего иного, кроме продолжения войны, и не желает ничего вяще, кроме того, чтобы случай имети его царскому величеству истинныя опыты своего ностоянства показати». Вместе с тем, в письме указывалось и на твердое намерение датчан при первом удобном случае возобновить вооруженную борьбу с шведами: «могу аз обнадежить, что у нас всякие приготовления чинят, которые потребны суть к поведению явственныя войны, сколь скоро паки случай то позволит, о чем вы (П. Гейнс. — В. К.) его царскому величеству для ведома извести и обнадеж, дабы и его наговорить, чтоб при твердом намерении пребывал и против общего неприятеля храбро и силою воевал»³.

Таков канун личного свидания союзных монархов в Биржах.

* * *

Подведем итоги. Сначала дипломатическое, затем и вооруженное вмешательство морских держав — Англии и Голландии с первых же дней

¹ См. ЦГАДА, Дела польские, 1700 г., № 24, л. 23.

² „Письма и бумаги...“, т. I, стр. 421—422.

³ ЦГАДА, Дела датские, 1700 г., № 1, л. 39.

Северной войны явилось наибольшим препятствием, которое оказалось на пути Саксонии и Дании, объявивших войну шведам. Под непосредственным впечатлением их непрекращающегося давления оба северных союзника вынуждены были искать у России немедленной дипломатической поддержки и добиваться ее скорейшего вступления в войну.

В связи с этим, а также в связи с общими затруднениями саксонской политики в Польше, где, с одной стороны, в Литве продолжался ожесточенный конфликт Сапег с враждебной им шляхетской группировкой Огинского, а с другой, — в Короне росло сильное оппозиционное течение, возглавляемое примасом и великим коронным гетманом Яблоновским, стремившееся к прекращению войны в Ливонии и втайне готовившее почву для возобновления польско-русского столкновения из-за Украины, саксонская политика оказалась вынужденной пойти на изменение первоначального (1699 г.) плана военных действий. Она сама добивается скорейшего появления русских войск в Ливонии, под Нарвой и Ригой.

Между тем связанная неразрешенным турецким вопросом, Россия не была в состоянии оказать своим союзникам не только эффективной военной, но даже дипломатической помощи. Поэтому, опасаясь возбудить против себя морские державы, чье влияние в Константинополе в этот промежуток времени было преимущественным, она была вынуждена ограничиться только дипломатическими представлениями в пользу Саксонии и Дании.

Впоследствии, когда вступление России в войну было уже совершившимся фактом, Дания с помощью пушек англо-голландского флота была выведена из строя, а Саксония, оказавшись под угрозой шведского вторжения в империю, пошла на перемирие под Ригой и согласилась на мирные переговоры со шведами.

Осенью 1700 г. благодаря посредничеству Франции, искавшей союза с Дрезденом и Стокгольмом против Австрии, переговоры эти приняли вполне реальный и даже откровенно враждебный по отношению к России характер.

Этими обстоятельствами объясняется тот факт, что под Нарвой русской армии не было оказано никакой помощи со стороны саксонского правительства.

Однако мирные переговоры со шведами не помешали ни до, ни после нарвского перемирия обычному ходу русско-саксонских сношений. Речь шла при этом о предстоящем личном свидании монархов, а также о заключении польско-русского союза против Швеции. По мнению саксонской дипломатии, наиболее желательным исходом польско-русских переговоров было бы согласие поляков на союз с Россией в обмен за частичный пересмотр условий «вечного мира» 1686 г. Инициатива в деле привлечения Речи Посполитой к общей войне против шведов и на этот раз исходила от дипломатии Августа II.

Наконец поздней осенью, и особенно после Нарвы, когда выяснилась полная безрезультатность мирных переговоров со шведами, началось новое сближение Августа II с Россией, приведшее к свиданию государей в Биржах.

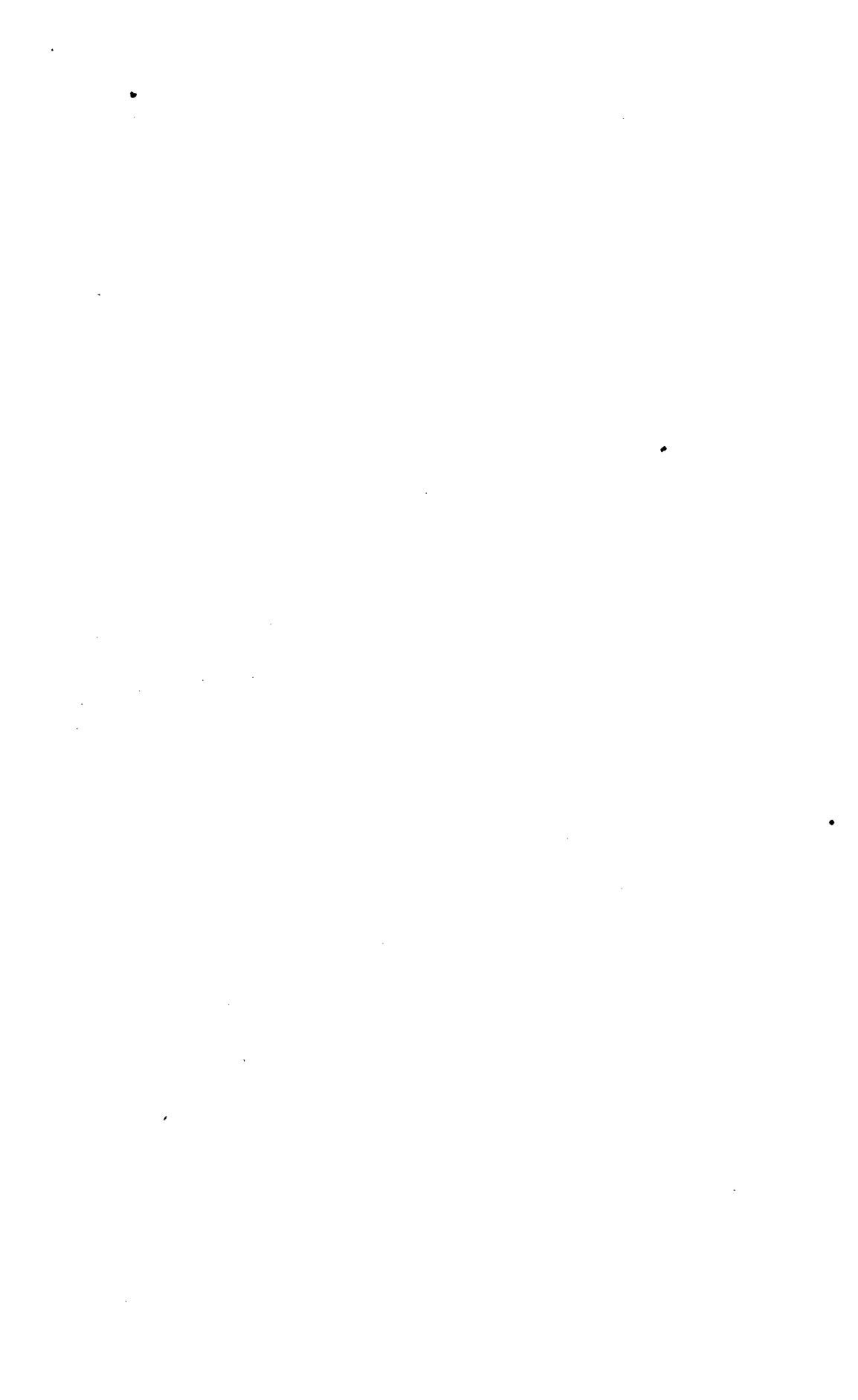
Для Августа II сближение это было одновременно и средством принудить Карла XII пойти на уступки, в случае продолжения мирных переговоров, и средством укрепить свои пошатнувшиеся позиции в случае их полного провала.

Оценивая общий характер саксонской внешней политики в первый год Северной войны, необходимо подчеркнуть ее полную авантюристичность.

Прямым следствием этого были постоянные неудачи и колебания в политическом курсе Августа II.

Полную противоположность саксонской политике представляла политика России. Вступление ее в войну спасло самую идею Северной войны, направленную на ликвидацию претензий агрессивной Швеции на полное господство в бассейне Балтийского моря. И после Нарвы именно Россия, как это видно из вышесказанного, оставалась единственной силой, стремящейся и способной остановить возобновившуюся с началом Северной войны шведскую феодальную агрессию в Восточной Европе. Враждебную позицию по отношению к справедливой борьбе Русского государства за выход к морю занимали западные державы — Англия и Франция. Это крайне осложнило положение русской дипломатии, которая вынуждена была преодолевать их активное сопротивление в деле сохранения русско-саксонского союза. Борясь за его сохранение (после выхода из войны Дании Саксония оставалась единственным союзником России), преодолевая колебания саксонской внешней политики, русская дипломатия брала вместе с тем курс на заключение союза с Речью Посполитой против Швеции.

С О О Б Щ Е Н И Я

А. Н. Куршевская

ОТЕЧЕСТВЕННЫЙ ФРОНТ И АГРАРНЫЙ ВОПРОС В БОЛГАРИИ В ПЕРВЫЙ ПЕРИОД РАЗВИТИЯ НАРОДНОЙ ДЕМОКРАТИИ (1944—1947 гг.)

ВВЕДЕНИЕ

Отечественный фронт — массовая общественно-политическая опора народно-демократической власти в Болгарии — создан и выпестован Болгарской коммунистической партией еще в черные дни гитлеровского господства; он явился средством сплочения всех антифашистских прогрессивных сил для борьбы за освобождение страны.

По своей классовой сущности Отечественный фронт представляет собой союз рабочего класса с широкими трудящимися массами города и деревни, в первую очередь — с трудящимся крестьянством; союз, руководящая роль в котором принадлежит рабочему классу и его коммунистической партии.

Создание такого союза явилось результатом правильной политики Болгарской коммунистической партии, преодоления ею пережитков тесноты и прошлых доктринерских ошибок и перевоспитания ее кадров в духе ленинизма под руководством испытанного вождя болгарского рабочего класса, верного ученика Ленина и Сталина — товарища Г. Димитрова.

Болгарская коммунистическая партия, овладевая большевизмом, основами ленинско-сталинской стратегии, учением о прямых и косвенных резервах революции, о союзниках пролетариата, становилась на деле партией нового типа, партией, способной повести пролетариат на штурм капитализма. «Вопрос о трудящихся массах мелкой буржуазии, городской и сельской, вопрос о завоевании этих масс на сторону пролетариата является важнейшим вопросом пролетарской революции, — говорит товарищ Сталин. — Кого поддержит в борьбе за власть трудовой люд города и деревни, буржуазию или пролетариат, чьим резервом станет он, резервом буржуазии или резервом пролетариата, — от этого зависит судьба революции и прочность диктатуры пролетариата»¹.

Рассматривая крестьянский вопрос как часть вопроса о диктатуре пролетариата, Ленин и Сталин учат в каждый отдельный момент находить

¹ И. В. Сталин. Соч., т. 6, стр. 362—363.

конкретную форму сочетания интересов трудящегося крестьянства с интересами пролетарской революции для того, чтобы, разоблачая мелкобуржуазные партии по их делам, шаг за шагом отрывать трудящееся крестьянство от буржуазии, подводить массы на их собственном опыте к лозунгам партии и использовать до конца революционные возможности трудящегося крестьянства.

Исторические корни Отечественного фронта, как указывал Г. Димитров, связаны с борьбой, которую трудящиеся Болгарии, испытавшие влияние Великой Октябрьской социалистической революции, в течение более двух десятилетий вели против капиталистической реакции и предательской антинародной политики монархии кобургов.

Идеи единого фронта рабочих и крестьян Болгарии выстраданы в этой борьбе ценою тяжелых ошибок и жертв во время героического сентябрьского восстания 1923 г. и после него — в период мрачных и кровавых лет фашистской диктатуры.

В годы второй мировой войны широкие трудящиеся массы Болгарии, как и других стран, поработанных фашистской Германией, воочию убедились в том, что фашизм — это конец национального существования, смерть, физическое уничтожение.

Героическая борьба советского народа во время Великой Отечественной войны вызвала невиданный подъем движения сопротивления, во главе которого стоял рабочий класс и его коммунистическая партия. «... Миллионы этих «простых людей», — указывал И. В. Сталин, — испытав коммунистов в огне борьбы и сопротивления фашизму, — решили, что коммунисты вполне заслуживают доверие народа. Так выросло влияние коммунистов в Европе. Таков закон исторического развития»¹.

Задачи национального освобождения страны от гитлеровского господства переплетались с задачей борьбы трудящихся против империалистического гнета собственной и иностранной буржуазии, ибо кто выступал против фашизма, тот неизбежно выступал и против болгарских крупных капиталистов, высших чиновников, монархического офицерства, давно продавших национальные интересы и перешедших на службу фашистской Германии.

Всемирно-исторические успехи Советской Армии, разгромившей врага и вступившей на территорию захваченных германским фашизмом стран, сделали возможной победу массового антифашистского восстания в Болгарии 9 сентября 1944 г. К власти пришло правительство Отечественного фронта.

И хотя восстание 9 сентября было по своему характеру народно-демократической революцией, хотя оно ставило перед собой задачи непосредственно демократического характера, задачи национального освобождения страны, — оно, как и всякая демократическая революция в эпоху империализма, в обстановке резкого обострения общего кризиса капитализма, не могло не расшатать в корне капиталистическую систему в стране и поэтому не могло не выйти из рамок буржуазной демократии.

Еще в сентябре 1917 г., в канун Великой Октябрьской социалистической революции, В. И. Ленин в статье «Грозящая катастрофа и как с ней бороться» писал: «... господство буржуазии с истинно-революционным истинно-демократизмом непримиримо.

¹ И. Сталин. Интервью с корреспондентом „Правды“ относительно речи Черчялла 13 марта 1946 г., М., 1946, стр. 12.

В XX веке, в капиталистической стране нельзя быть революционным демократом, *если бояться идти к социализму*¹.

Великая Октябрьская социалистическая революция, прорвав цепь империализма в ее наиболее слабом звене, открыла новую эру в истории человечества. Страна победившего социализма стала мощной базой пролетарских движений мира. «... Несомненно, — учит товарищ Сталин, — ... что само развитие мировой революции, самый процесс отпадения от империализма ряда новых стран будет происходить тем скорее и основательнее, чем основательнее будет укрепляться социализм в первой победившей стране, чем скорее будет превращаться эта страна в базу дальнейшего развёртывания мировой революции, в рычаг дальнейшего разложения империализма»².

Разгром Советским Союзом фашистской Германии и империалистической Японии привел к новому существенному изменению в соотношении сил между двумя системами — социалистической и капиталистической — в пользу социализма. Наличие такого мощного фактора, как Советский Союз, который является оплотом мира и демократии во всем мире и всемерно помогает странам народной демократии, создает коренное отличие международной обстановки после второй мировой войны от обстановки после первой мировой войны и обуславливает возможность отпадения новых звеньев от капиталистической системы иным путем и в иных формах, чем прежде.

Сущность совершенных народной властью Отечественного фронта, после освобождения страны Советской Армией, революционных преобразований, из которых решающим является национализация промышленности, банков и шахт, означает социалистическую революцию, ибо основным вопросом всякой революции является вопрос о власти, а в результате этих преобразований могущество буржуазии было уничтожено, старый государственный аппарат сломан, и власть окончательно перешла в руки рабочего класса, опирающегося на союз с трудящимся крестьянством.

Переход этот совершился не сразу. Рабочий класс в жестокой классовой борьбе шаг за шагом укреплял свои позиции, опираясь на великие победы Советского Союза. Немалое значение для укрепления народной демократии имело пребывание в Болгарии освободивших ее советских войск, самым фактом своего присутствия сковавших внутреннюю контрреволюцию и предотвративших возможность интервенции со стороны международной империалистической реакции.

В развитии народной демократии следует различать два этапа. На первом этапе основными задачами были задачи антиимпериалистической, антифашистской борьбы и проведения демократических преобразований. На втором этапе диктатура пролетариата окончательно победила. Основными задачами стали задачи строительства фундамента социалистического общества.

Развивая учение Маркса о диктатуре пролетариата, со всей несомненностью доказав, что, несмотря на все громадное разнообразие политических форм перехода от капитализма к социализму, «сущность будет при этом неизбежно одна: *диктатура пролетариата*»³, В. И. Ленин в то же время предупреждал против игнорирования этого разнообразия, называя «суздаль-

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 25, стр. 331.

² И. В. Сталин. Соч., т. 6, стр. 399.

³ В. И. Ленин. Соч., т. 25, стр. 385.

ской мазней» попытки «рисовать себе будущее... одноцветной сероватой краской»¹.

Конкретный исторический ход общественного развития блестяще подтвердил эти указания В. И. Ленина.

Диктатура пролетариата в странах народной демократии сложилась в иных формах, чем в Советском Союзе, но сущность ее та же.

«В соответствии с марксистско-ленинским положением Советский режим и народно-демократический режим являются двумя формами одной и той же власти, власти рабочего класса в союзе с трудящимися города и деревни и во главе этого союза. Это — две формы пролетарской диктатуры»².

Все три стороны диктатуры пролетариата: 1) беспощадное подавление сопротивления свергнутых эксплуататоров, 2) дальнейшая борьба за окончательный отрыв трудящихся и эксплуатируемых масс от буржуазии и упрочение союза пролетариата с этими массами и 3) организация строительства социализма, — свойственны также народной демократии.

«Высший принцип диктатуры — это поддержание союза пролетариата с крестьянством, чтобы он мог удержать руководящую роль и государственную власть» — говорил В. И. Ленин³.

От того, в какой мере учитываются основные интересы трудящегося крестьянства, насколько правильно определяется степень сочетания этих интересов с интересами борьбы за социализм, зависит прочность союза рабочих и крестьян. Именно поэтому аграрный вопрос занимает значительное место в политике Болгарской коммунистической партии в ее борьбе за создание и укрепление Отечественного фронта как формы союза рабочих и крестьян.

I. ПОЛОЖЕНИЕ КРЕСТЬЯН В МОНАРХО-ФАШИСТСКОЙ БОЛГАРИИ

Аграрный вопрос в Болгарии имеет значительное своеобразие.

Ликвидация крупной феодальной собственности произошла в Болгарии еще в последней четверти XIX в., явившись результатом освобождения страны в 1878 г. русскими войсками от турецкого ига; однако она не означала одновременной передачи земли крестьянам, как это пытаются изобразить буржуазные болгарские экономисты и историки.

Скупая земельные владения у бежавших турецких феодалов, за которыми сохранились права на эти владения по ст. 12 Берлинского трактата, болгарские чорбарджии перепродавали затем их крестьянам по повышенным ценам. Часть земельных владений, выкупленных государством, передавалась крестьянам за выкуп с рассрочкой и уплатой сложных процентов. Не уплатившие в срок лишались права на землю.

Как покупка, так и выкуп земли требовали от болгарских крестьян денежных средств, которые они в условиях полунатурального хозяйства могли получить только у тех же чорбарджиев и городских ростовщиков на кабальных условиях. Ростовщический процент достигал в этот период 100 и даже 300 годовых. Задолженность крестьян росла с невероятной быстротой. Одни только проценты на крестьянский долг государству за получен-

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 23, стр. 58.

² Г. Димитров. Политический отчет, сделанный на V съезде БРП(к), София, 1948, стр. 130.

³ В. И. Ленин. Соч., т. 32, стр. 466.

ную землю возросли за год (с 1889 по 1890) с 71,3 тыс. левов до 131,7 тыс. левов¹.

Лидер буржуазной партии народняков, министр финансов и управляющий министерством торговли и земледелия в Стоиловском кабинете Ив. Гешов исчислял в 1895 г. общий долг крестьян ростовщикам в размере 91 млн. левов².

Таким образом, феодальная зависимость болгарского крестьянина от турецкого помещика сменилась его экономической зависимостью от всемирного ростовщика. Ростовщичество не создает нового способа производства; оно лишь доводит существующий до более жалкого состояния. Но поскольку оно создает самостоятельное денежное имущество и присваивает себе условия труда, разоряя мелких производителей, — «постольку оно является мощным рычагом для образования предпосылок промышленного капитала»³.

Однако развитие капиталистической промышленности в Болгарии шло медленно. Будучи отсталой в промышленном отношении вследствие гнета турецкого феодализма, Болгария после своего освобождения от турецкого ига попала в условия, когда эта отсталость искусственно поддерживалась западноевропейскими капиталистическими странами, превратившими Болгарию в рынок сбыта своих товаров. Согласно ст. 8 Берлинского договора, на Болгарию распространялись все договоры и конвенции о судоходстве, заключенные между иностранными государствами и Турцией. Это означало, что утверждался режим свободной торговли, ограниченной лишь 8%-ными ввозными пошлинами. Западноевропейские товары наводнили страну. Изделия местного производства не могли с ними конкурировать. Лишь с начала 90-х годов отмечается некоторый рост капиталистических предприятий. В первую очередь развивалась промышленность, перерабатывавшая продукты сельскохозяйственного производства (мукомольная и текстильная).

Само собой разумеется, что отсталость экономического развития Болгарии не могла не наложить своего отпечатка и на болгарскую деревню.

В. И. Ленин показал, что в условиях преобладания натурального хозяйства и редкости и дороговизны денег в деревне значение владельцев денег непропорционально велико по сравнению с размерами их капитала, в связи с чем зависимость от них крестьян неизбежно принимает форму кабалы⁴.

Концентрация земельных владений в Болгарии не вела в этих условиях к созданию крупных капиталистических хозяйств. Отчуждаемые ростовщиками у крестьян за долги земельные участки вновь раздроблялись и сдавались в аренду, большей частью исполу, служа дополнительным средством закабаления крестьянской бедноты и полуфеодальной ее эксплуатации. Статистика показывает огромное превышение числа владений (в 1897 г. было 799 588 владений)⁵ над числом собственников, самостоятельно обрабатывавших свою землю (в 1900 г. было 435 416 собственников)⁶. Большое количество паракендных владений, т. е. таких, которые

¹ Илия Стефанов. Господарските и чифлишките земи. „Списание на Българското Икономическо дружество“, София, 1909, кн. 7—8, стр. 518.

² Ив. Гешов. Думи и дела, София, 1899, стр. 209—210.

³ К. Маркс. Капитал, т. III, М., 1938, стр. 539.

⁴ См. В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 333.

⁵ „Статистически годишник на Българското царство“, София, 1910, стр. 183.

⁶ К. Попов. Стопанска България през 1911 г., София, 1916, стр. 84.

находятся вне места проживания их собственников (в 1897 г. было 253 504 паракендных владения)¹, является свидетельством далеко зашедшего процесса мобилизации земельной собственности.

На рубеже XIX и XX вв. переход мировой капиталистической системы к империализму ознаменовался для Болгарии усиленным проникновением иностранного капитала как в область промышленности, так, в особенности, и в область кредита, и развитием монополий, охвативших основные отрасли молодой болгарской промышленности. Общая сумма вложений иностранного капитала в промышленность, банки и займы в 1900 г. равнялась 270 млн. левов, а в 1910 г. достигла 730 млн. левов². В 1900 г. существовало 56 акционерных банков и обществ с общим капиталом в 37,5 млн. левов, а в 1911 г. количество акционерных банков и обществ возросло до 157, а капитал их достиг 99,8 млн. левов.

Господство монополий, власть денежного капитала в отсталой сельскохозяйственной стране давали возможность получения невиданно высоких прибылей за счет ограбления широких трудящихся масс. Болгарский народный банк в 1911 г. получил почти 50% чистой прибыли³.

Непрерывно растущая государственная задолженность всей своей тяжестью ложилась на трудящихся. С 1887 по 1911 г. удельный вес государственных долгов, т. е. их отношение к национальному доходу, возрос в 6 раз, а тяжесть государственных долгов на душу населения увеличилась в 12 с лишним раз⁴.

Для уплаты процентов по кабальным займам правительство ежегодно выколачивало из населения десятки миллионов левов. Больше половины поступлений от всех прямых налогов давал поземельный налог. Сумма поступлений от косвенных налогов возросла с 1887 по 1911 г. более чем в 9 раз⁵.

Ипотечная задолженность болгарских крестьян, свидетельствовавшая о процессе отделения земли от сельского хозяина, за период с 1887 по 1911 г. возросла с 570 тыс. левов до 38,2 млн. левов, т. е. в 67 раз⁶.

Дифференциация крестьянства накануне первой мировой войны достигла значительных размеров. По статистике 1908 г., собственников, имевших менее 2 га земли, было 225 тыс., и у них было 182,5 тыс. га, т. е. 3,8% всей находившейся в частном владении земли, тогда как 371 крупный землевладелец, имевший каждый более 200 га, владел 192,4 тыс. га⁷. Даже с учетом допускаемого статистикой преувеличения числа мелких собственников (за счет паракендных владений собственников — не земледельцев) и принимая число мелких собственников-крестьян равным числу мелких местных владений до 2 га (193 тыс.)⁸, почти 1/3 болгарских крестьян представляли собой «рабочих с наделом», подвергавшихся самым отсталым, самым тяжелым формам эксплуатации.

«...Масса сельских «хозяев», имеющих такие ничтожные клочки земли, существовать с которых нельзя, которые представляют из себя лишь

¹ „Статистически годишник на Българското царство“, София, 1910, стр. 183.

² К. Попов. Указ. соч., стр. 399.

³ Там же, стр. 402.

⁴ Калинов. Български държавни дългове, „Народостопански Архив“, 1946, кн. 3, стр. 392—393.

⁵ К. Попов. Указ. соч., стр. 428—429.

⁶ М. Горюв. Борьба крестьян Болгарии, М., 1927, стр. 44.

⁷ „Статистически годишник на Българското царство год 1913—1922“, София, 1924, отд. VI, стр. 10—13.

⁸ Там же, стр. 4—5.

«подсобный промысел», составляет в общем строе капитализма часть резервной армии безработных. Это — скрытая, по выражению Маркса, форма такой армии», — писал В. И. Ленин, характеризуя пролетарские хозяйства парцелльных крестьян¹.

Парцелльное хозяйство вело к рутинности и застою, к чрезвычайной отсталости техники. В 1910 г. в Болгарии на 703 тыс. хозяйств было 420 тыс. сох, 114 тыс. плугов, 916 сеялок, 6800 жаток, 1000 молотилок².

Низкая урожайность болгарского сельского хозяйства — в два-три раза ниже урожайности стран крупного земледелия — приводила к неустойчивости Болгарии на внешнем рынке, ее зависимости от урожая и от колебания хлебных цен, а господство монополий, диктовавших закупочные цены, вынуждало болгарских крестьян отдавать зерно за бесценок. Спасаясь от голода и нужды, ежегодно до 18 тыс. крестьян уходили на сезонные сельскохозяйственные работы в Румынию, Австрию и Россию. По сведениям К. Попова, с 1904 по 1911 г. около 80 тыс. человек эмигрировало в Америку³.

Уничтожение кабальной аренды, гнета монополистического капитала и непосильного бремени налогов — таковы были насущные требования бедняцко-средняцких масс крестьянства, толкавшие их на борьбу.

Однако существовавшая в то время партия болгарского пролетариата — революционное ядро БРСДП («тесные социалисты»), — которая одна только и могла использовать до конца революционные возможности трудового крестьянства, — стояла по вопросу о крестьянстве не на ленинских, а на плехановских позициях. Доктринерски считая крестьян лишь консервативным элементом, она пренебрегала революционными возможностями крестьянства. Так было, например, в 1918 г. во время владыских событий, когда одетые в солдатские шинели крестьяне, под влиянием идей Великой Октябрьской социалистической революции, восстали, требуя мира и наказания виновников вступления Болгарии в войну. Тесные социалисты не создали в этот период боевого союза рабочих и трудящихся крестьян для борьбы с общим врагом — капиталом, и руководство трудящимся крестьянством оказалось в руках мелкобуржуазной партии — Болгарского земледельческого народного союза (БЗНС).

В период революционного подъема, последовавшего непосредственно после первой мировой войны и Великой Октябрьской социалистической революции, БЗНС пришел к власти сначала в коалиции с правыми буржуазными партиями, а с мая 1920 г. — самостоятельно.

Считая центральной фигурой общества мелкого производителя — крестьянина, правительство БЗНС пыталось провести ряд мероприятий в защиту мелкой частной собственности, задевавших интересы крупной буржуазии, но в то же время боролось и против пролетариата и его коммунистической партии. Эта двойственность являлась выражением двойственности и противоречивости социальной природы крестьянина-средняка.

25 апреля 1921 г. Народное собрание приняло предложенный правительством БЗНС закон о трудовой поземельной собственности (ТПС), по которому размеры землевладения ограничивались «трудовой нормой» в 30 га для лично обрабатывающих землю и для не обрабатывающих землю собственным трудом: на одинокого — 4 га и на семейного — 10 га.

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 16, стр. 398.

² „Статистически годишник на Българското царство“, София, 1911, стр. 191.

³ К. Попов. Указ. соч., стр. 73.

Закон предусматривал в то же время сохранение крупных владений больших неразделенных семей. За отчуждаемую сверх указанного максимума землю владельцы получали возмещение от государства по средней цене на землю в 1905—1915 гг. с прогрессивно увеличивающейся скидкой при больших размерах отчуждения. Возмещение выплачивалось облигациями государственного 6%-ного займа. Желающие получить землю безземельные и малоземельные крестьяне, батраки и сельскохозяйственные специалисты должны были платить за землю по той же средней цене 1905—1915 гг. с 10%-ной надбавкой в пользу государства, вне зависимости от их материального положения¹.

Будучи направлена против носителей полуфеодалных отношений в деревне — крупных землевладельцев, не ведущих собственного хозяйства, а сдающих землю в аренду, эта реформа являлась по существу прогрессивной. Но она проводилась в эпоху, когда буржуазия была уже не прогрессивным, а реакционным классом общества, когда сама она была заинтересована в сохранении всякого рода полуфеодалных пут. Земледельческий союз, объединявший в своих рядах не только беднейшее и среднее крестьянство, но и кулачество, не мог не отразить этого противоречия. Отсюда — половинчатость закона о трудовой поземельной собственности, нерешительность и колебание земледельческого правительства в его проведении. Реализация аграрной реформы не была передана в руки непосредственно заинтересованных в ней бедняцко-средняцких масс деревни, а поручалась специальным комиссиям, в большей своей части назначенным сверху.

Результаты реформы были ничтожны. До фашистского переворота 9 июня 1923 г., т. е. за два с лишним года, было отчуждено в госфонд (в тыс. га)²:

Частновладельческих земель	35,2
Общинных земель и пастбищ	24,3
Государственных земель	6,7
Монастырских земель	2,4
Спорных земель ³	0,4
Всего	69,0

По статистике 1908 г. было 11 527 собственников, владевших более чем по 30 га земли; всего в их владении находилось 743,8 тыс. га⁴. При оставлении в их владении по 30 га (всего 345,8 тыс. га) подлежащий отчуждению излишек составлял 398 тыс. га. Даже допуская возможность уменьшения количества крупных землевладений за период с 1908 по 1921 г., следует признать, что отчуждения, произведенные согласно закону о ТПС от 25 апреля 1921 г., затронули лишь незначительную часть крупных землевладельцев.

¹ „Стенографски дневници на XIX Обикновено народно събрание“, 1 редовна сесия, кн. IV, стр. 2974 и сл.

² „Стенографски дневници на XXVI Обикновено народно събрание“, кн. I, стр. 88.

³ По закону о трудовой поземельной собственности в государственный фонд отчуждались земли, по поводу которых в момент принятия закона велись судебные дела между общинами.

⁴ См. „Статистически годишник на Българското царство 1913—1922“, София, 1924, стр. 10—13.

Полным крахом закончилась также попытка земельного правительства уничтожить могущество хлебных монополистов путем организации государственного кооперативного акционерного общества для закупки и вывоза хлеба. Никаких ощутительных результатов не дали и широко-вещательные начинания правительства в отношении организации водных синдикатов для орошения засушливых районов.

Провал демократических реформ правительства БЗНС, направленных на улучшение положения трудящегося крестьянства, и падение этого правительства в июне 1923 г. со всей наглядностью подтвердили ленинское положение о том, что «распыленного мелкого производителя, крестьянина, объединяет экономически и политически либо буржуазия... либо пролетариат... О «третьем» пути, о «третьей силе» могут болтать и мечтать только самовлюбленные Нарциссы»¹.

Пришедшее к власти после фашистского переворота правительство Цанкова, учитывая настроения масс, официально не сразу отменило закон о трудовой, поземельной собственности, а лишь приостановило его действие. Однако уже в августе 1923 г. было издано распоряжение провести ревизию списков лиц, получивших землю, и «неправильно розданные» земли вернуть обратно. На местах прежние владельцы отбирали землю нередко вместе с урожаем. 1 августа 1924 г. правительство Цанкова издало «Закон о трудовых земледельческих хозяйствах» (ТЗС), по которому из объектов отчуждения изымались «образцовые хозяйства», а также поливные огороды, виноградники, плодовые сады и площади, занятые под другими долголетними насаждениями. Был увеличен максимум землевладения, значительно повышены цены на землю. Размер наделения ограничивался 5 га, причем лица, входившие в «организации, борющиеся против современного государственного строя», лишались права на получение земли. В декабре 1927 г. был отменен и этот закон².

С 1 августа 1924 г. по 1 ноября 1927 г. бывшим собственникам было возвращено свыше 27 тыс. га.

В условиях монархо-фашистской диктатуры развитие болгарского сельского хозяйства шло по линии все большего дробления земельных участков мелкого крестьянина, все большего разорения беднейшего крестьянства под двойным гнетом монополистического капитала и самых отсталых форм полуфеодалной эксплуатации.

В 1926 г. менее чем по 5 га имели 57% всех крестьянских хозяйств³, в 1934 г. — уже 63%⁴. Более трети хозяйств этой группы не имели никакого рабочего скота⁵.

Капитализм все более проникал в сельское хозяйство, о чем свидетельствуют данные о наемном труде и аренде земли — этих важнейших признаках капиталистического способа производства в земледелии.

По данным статистики 1926 г., 23% всех хозяйств применяли наемный труд (постоянный и временный). В группе середняцких хозяйств с количеством земли от 5 до 20 га наемный труд применяли 32,4% хозяйств,

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 32, стр. 339.

² М. Горюв. Ликвидация аграрной реформы в Болгарии. „На аграрном фронте“, 1928, № 3, стр. 91—97.

³ „Статистически годишник на Българското царство“, София, 1934, стр. 83.

⁴ Там же, 1939, стр. 181.

⁵ Там же, стр. 218.

в группе кулацких хозяйств с количеством земли свыше 20 га — 86,1% хозяйств¹.

Широкое распространение имела аренда. В 1926 г. арендовало землю 30,9% всех хозяйств, в 1934 г. — уже 31,1%. При общем увеличении площади частновладельческой земли с 1926 по 1934 г. на 1,8%, количество земли, обрабатываемой собственниками, уменьшилось на 2%, а количество арендуемой земли возросло на 54%. Отношение площади арендуемой земли к площади всей находящейся в частном владении земли возросло с 6,8% до 10%. Особенно сильно увеличилась (более чем в 2,5 раза) площадь арендованной земли в крупных хозяйствах (свыше 50 га)².

В Болгарии, как и везде в капиталистических странах, было два вида аренды: мелкая, так называемая продовольственная аренда бедняков, вынужденных арендовать землю, чтобы не умереть с голоду, и крупнокапиталистическая аренда кулаков, причем первый вид аренды в большинстве случаев представлял собой кабальную аренду полуфеодалного типа, о чем наглядно свидетельствуют данные сельскохозяйственной анкеты 1933—1934 гг. Обследованием свыше 15 тыс. хозяйств в 100 селах различных околий Болгарии было установлено, что почти половина всей сдаваемой в аренду земли (48,8%) сдавалась на условиях натуральной аренды. Преобладала аренда исполу (74,8% всей натуральной аренды), причем в бедняцких хозяйствах до 5 га этот процент был еще выше (83%).

В стране «свободной крестьянской собственности» существовали даже, хотя и в незначительных размерах (1/2% всей натуральной аренды), и отработки!³

Непрерывно росла задолженность болгарских крестьян, еще более усилившаяся в связи с мировым кризисом 1929—1933 гг. За четыре года — с 1930 по 1934 г. — сумма вывоза сельскохозяйственных продуктов упала более чем вдвое⁴. В 1933 г. задолженность крестьян кредитной кооперации равнялась 203,6 млн. левов, причем 65,5% кредитов являлись уже просроченными, а 6,9% были переданы в суд⁵. Огромное большинство болгарского крестьянства испытывало ужасы нищеты.

По данным статистики, 19,4% глав крестьянских семей имели побочное занятие, кроме обработки земли (в группе хозяйств до 5 га второстепенное занятие имели 26% всех глав семей, в группе до 1 га — 51,6%)⁶. Часть владельцев нищенских парцелл бросала свои владения и уходила на заработки.

Уже в 1926 г. было около 5 тыс. брошенных владений; 4/5 этого количества представляли собой мелкие владения размером до 1 га⁷.

Однако значительное большинство крестьян не могло найти применения своему труду в слабо развивавшейся промышленности и оседало в деревне, держась за крохотные, не дающие возможности прокормить

¹ „Статистически годишник на Българското царство“, София, 1935, стр. 107.

² Там же, 1933, стр. 110—111; „Статистически годишник...“, 1941, стр. 214—215.

³ „Аграрни проблеми“, София, 1945, кн. 3, стр. 15.

⁴ „Статистически годишник на Българското царство“, София, 1935, стр. 144.

⁵ Т. Томов. Задолженность крестьян Болгарии. „Аграрные проблемы“, М., 1935, кн. 5—6, стр. 143.

⁶ „Статистически годишник на Българското царство“, София, 1933, стр. 124—125.

⁷ Там же, 1935, стр. 107. По более позднему периоду сведений нет.

семью участки земли, и составляло огромную резервную армию труда. Использование рабочей силы в болгарской деревне достигало лишь 52%¹.

Сельское хозяйство Болгарии было заведено в тупик. Этого не могли скрыть даже буржуазные болгарские экономисты — Долинский, Моллов и другие. Но, констатируя бесперспективность дальнейшего развития сельского хозяйства при существующем положении вещей, они усиленно толковали об «устойчивости мелкого сельского хозяйства», о необходимости государственного вмешательства для охраны этой мелкой крестьянской собственности.

Ленин и Сталин вскрыли порочные корни пресловутой теории «устойчивости мелкого сельского хозяйства» и показали, что эта «устойчивость» хуже всякой неустойчивости.

«Будучи зависимым от крупного капитала, будучи отсталым по сравнению с крупным производством в земледелии, мелкое производство держится только отчаянным понижением потребностей и каторжным, двужилым трудом. Распыление и расхищение труда человека, худшие виды зависимости производителя, истощение сил крестьянской семьи, крестьянского скота, крестьянской земли — вот, что несет капитализм везде и повсюду крестьянину.

Крестьянину нет спасения иначе как в присоединении к действиям пролетариата, наемных рабочих — в первую голову»².

В аграрном вопросе в Болгарии задачи демократической революции тесно переплетались с задачами революции социалистической.

Присоединение Болгарии 1 марта 1941 г. к странам оси, превращение ее в сателлита гитлеровской Германии привело к еще большему упадку ее сельского хозяйства.

Вследствие грабежа гитлеровцев сельскохозяйственное производство Болгарии в 1944 г. упало до 70% довоенного уровня. Резко уменьшилось поголовье домашнего скота и птицы. Количество лошадей сократилось на 5%, волов — на 8%, буйолов — на 11%, овец — на 30%, коз — на 28%, свиней — на 21%, домашней птицы — на 41%³.

Разработанная Г. Димитровым и переданная в июле 1942 г. подпольной радиостанцией «Христо Ботев» программа Отечественного фронта в числе своих требований выдвигала следующее:

«п. 10: Оградить народное богатство и народный труд от иностранного посягательства, создать условия для правильного экономического развития страны, как свободной и независимой» и

«п. 11: Обеспечить народные промыслы, работы, доход и человеческое существование трудящемуся городскому и сельскому населению»⁴.

Эта программа нашла широкий отклик в среде болгарского трудового крестьянства. Выступая против немецко-фашистских поработителей и их болгарских наймитов, пополняя партизанские отряды, созданные рабочими под руководством коммунистической партии, активно участвуя во всей боевой деятельности комитетов Отечественного фронта, болгарское трудовое крестьянство боролось за самое свое существование, против нищеты, голода и вымирания.

¹ „Аграрни проблеми“, София, 1945, кн. 3, стр. 14.

² В. И. Ленин. Соч., т. 19, стр. 250.

³ „Резолюции на V конгрес на БРП(к)“. „Ново време“, 1949, № 1, стр. 111.

⁴ Програма на Отечественния фронт през 1942 година, Нац. ком. ОФ, 6. м., 6. г., стр. 5.

II. АГРАРНЫЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ В ПЕРВЫЙ ПЕРИОД РАЗВИТИЯ НАРОДНОЙ ДЕМОКРАТИИ В БОЛГАРИИ

(сентябрь 1944 — декабрь 1947 г.)

Пролетариат в союзе с крестьянством при нейтрализации средней буржуазии против фашизма, реакции и преступной дворцовой клики — такова была расстановка классовых сил в период народного восстания 9 сентября 1944 года. Задачи освобождения страны от гитлеровского господства, задачи спасения болгарского народа, его независимости объединили вокруг пролетарского костяка боевых комитетов Отечественного фронта самые широкие слои населения, и в этом смысле восстание 9 сентября было народно-демократической революцией.

Однако решение этих задач стало возможным только потому, что пролетариат под руководством коммунистической партии в союзе с трудящимся крестьянством не останавливался на полпути, а шел дальше, к революции социалистической, беспощадно подавляя гнезда реакции, уничтожая носителя фашизма — монополистический капитал, ломая старую государственную машину и создавая новую армию, народную милицию и новые органы управления.

Решающее влияние на весь ход событий оказали великие завоевания диктатуры пролетариата в стране победившего социализма — СССР. Без освободительной миссии Советской Армии, изгнавшей немецко-фашистские полчища с территории Болгарии, была бы невозможна победа антифашистского восстания 9 сентября 1944 г.; без высокого авторитета Советского Союза на международной арене и его моральной поддержки не была бы обеспечена защита национальных интересов народно-демократической Болгарии от посягательств англо-американского империализма; без материальной помощи СССР не могло бы быть проведено в короткий срок экономическое восстановление Болгарии; без богатейшего опыта большевистской партии по руководству строительством социализма, без самого внимательного изучения и использования этого опыта, без овладения большевистской стратегией и тактикой была бы невозможной правильная политика болгарской компартии.

«Мы всегда будем благодарны за ту неоценимую и своевременную помощь, которую мы получили от великой большевистской партии и прежде всего лично от товарища Сталина советами и разъяснениями по вопросам политики нашей партии, как руководящей силы народной демократии, помощь, позволившую нам быстро исправить допущенные ошибки»¹, — говорил Г. Димитров на V съезде Болгарской коммунистической партии.

Прямым резервом социалистической революции явилось трудящееся крестьянство, изнемогающее от малоземелья, от гнета монополистического капитала, непосильных налогов, кабальной аренды и грабежей гитлеровских захватчиков. Революционная энергия трудящегося крестьянства нашла выход в совместных выступлениях с рабочими, организованных боевыми комитетами Отечественного фронта под руководством коммунистической партии, а после победы народного восстания — в массовой под-

¹ Г. Димитров. Политический отчет, сделанный на V съезде БРП(к), София, 1948, стр. 66—67.

держке, которой были встречены революционные преобразования, проводимые народно-демократической властью.

Косвенными резервами являлись противоречия в стане классового врага: противоречия между англо-американским империализмом, с одной стороны, и германским — с другой, и противоречия внутри страны между крупной буржуазией, связанной с германским капиталом, тесно срощенной с преступной дворцовой фашистской кликой, и мелкой и отчасти средней буржуазией, заинтересованной в уничтожении гитлеровского господства.

Вхождение мелкобуржуазных нефашистских партий в Отечественный фронт и явилось выражением этой второй группы противоречий. Использование косвенных резервов позволило коммунистической партии Болгарии углубить и усилить разрыв между буржуазией и средними слоями города и деревни, окончательно завоевать массы на свою сторону.

Национализация промышленности, транспорта и шахт в декабре 1947 г. — в области экономической, принятие конституции Народной республики Болгарии — в области политической — определяют конечные границы первого периода развития народной демократии и победы диктатуры пролетариата в Болгарии, отмечая переход к новому этапу — этапу строительства фундамента социалистического общества.

В течение этого периода в ходе ожесточенной классовой борьбы произошло изменение в расстановке классовых сил. Соглашение с некоторыми элементами буржуазии было временным, союз с трудящимся крестьянством — постоянным и в процессе упрочения народной демократии и закладывания основ для построения социализма — все более укрепляющимся. В новой исторической обстановке еще раз блестяще подтвердилось ленинское положение, во-первых, о допустимости и даже необходимости в известных случаях временных соглашений с отдельными слоями буржуазии, а во-вторых, о принципиальном отличии этих соглашений от прочного и постоянного союза рабочего класса с трудящимся крестьянством.

«... Коренного расхождения интересов наемных рабочих с интересами трудящихся и эксплуатируемых крестьян нет. Социализм вполне может удовлетворить интересы тех и других. Только социализм может удовлетворить их интересы. Отсюда возможность и необходимость «честной коалиции» между пролетариями и трудящимися и эксплуатируемыми крестьянами. Напротив, «коалиция» (союз) между трудящимися и эксплуатируемыми классами, с одной стороны, буржуазией, с другой стороны, не может быть «честной коалицией», вследствие коренного расхождения интересов этих классов»¹, — писал В. И. Ленин.

Большое значение для укрепления союза рабочих и крестьян имела правильная политика правительства Отечественного фронта по отношению к крестьянству.

17 сентября 1944 г., уже через несколько дней после установления власти народной демократии, была обнародована программа правительства Отечественного фронта. Она намечала ликвидацию монополий, конфискацию имущества лиц, разбогатевших во время войны путем спекуляции, суд над виновниками новой катастрофы, демократизацию армии, чистку государственного аппарата от противонародных элементов, введение прогрессивно-подходящего налога и налога на большие имущества, контроль за прибылями и определение их максимального размера. Все эти мероприятия, под-

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 26, стр. 298.

рывающие корни фашизма в стране, серьезно улучшали положение трудящегося крестьянства. Наряду с этим программа предусматривала ряд пунктов, непосредственно касающихся крестьянства:

«9. Уничтожение скрытого налога на сельскохозяйственный труд и производство, осуществляющегося путем режима принудительно низких цен. Свобода и всестороннее поощрение сельскохозяйственного производства, в первую очередь путем дешевого и общедоступного кредита.

10. Кооперативная обработка земли, плановые и специализированные посевы для поднятия урожайности. Отпуск кредитов и снабжение кооперативных хозяйств сельскохозяйственным инвентарем со стороны государства.

11. Снабжение безземельного и малоземельного населения необходимой для его существования землей. Никто не может владеть хозяйством большим, чем 300 дек. земли».

Наконец, пункт 12 программы гласил: «Земля — земледельцу, т. е. тому, кто ее обрабатывает»¹.

Проведение в жизнь этой программы сопровождалось ожесточенной классовой борьбой.

«Не бывало еще в истории таких случаев, чтобы умирающие классы добровольно уходили со сцены. Не бывало еще в истории таких случаев, чтобы умирающая буржуазия не испробовала всех остатков своих сил для того, чтобы отстоять своё существование»².

Свои удары реакция направила прежде всего против боевого союза рабочих и крестьян.

Враг народной власти и Отечественного фронта, платный агент англо-американского империализма Гемето, пробравшись к руководству Болгарским земледельческим народным союзом, пытался создать блок всех правых реакционных элементов в Отечественном фронте и открыто противопоставить их коммунистической партии. Когда нужно было сражаться против фашистской Германии, Гемето проповедовал пораженчество; когда на скамью подсудимых были посажены фашистские преступники, он требовал милостивого к ним отношения; когда началась чистка армии и государственных учреждений от фашистских элементов, Гемето звал к свободе для фашистов. Возглавляемые Гемето реакционные элементы начали борьбу за ликвидацию комитетов Отечественного фронта и превращение Отечественного фронта в обыкновенную коалицию партий.

Коммунистическая партия разоблачила геметовцев как вражескую агентуру и разгромила их. Уже в мае 1945 г. национальная конференция БЗНС, представлявшая здоровое ядро Земледельческого союза, осудила враждебную деятельность Гемето и изгнала его из руководства союзом. Спасаясь от народного гнева, Гемето бежал в Америку.

Однако корни геметовщины вырваны не были. Кулацко-буржуазную оппозицию в стране возглавили, по прямой указке англо-американских хозяев, николапетковцы и косталулчевцы, отколовшиеся первые от БЗНС, а вторые — от социал-демократической партии. Летом 1945 г. они вышли из Отечественного фронта и оформились во враждебную к нему оппозицию. Используя в качестве отравленного оружия реакционную «сословную теорию» и не менее реакционный лозунг борьбы за «самостоятельную

¹ Програма на Отечественния фронт (В кн.: „Дейността на правителство от 9 септември“, София, 1945, стр. 47).

² И. В. Сталин. Соч., т. 12, стр. 37.

крестьянскую власть», николапетковцы стремились оторвать БЗНС от Отечественного фронта, разорвать боевой союз рабочих и крестьян и противопоставить народному режиму значительные крестьянские массы. В своей противонародной борьбе они пытались играть на трудностях. Помимо внешнеполитических (не упрочившееся еще в связи с тем, что не был подписан мирный договор, международное положение Болгарии, открытое вмешательство англо-американских империалистов во внутренние дела страны, как, например, требование отсрочки выборов, назначенных на 26 августа 1945 г., и т. д.), было немало и внутренних затруднений.

Народно-демократической власти досталось тяжелое наследство. Промышленное производство в 1944 г. составляло всего 36% к уровню 1939 г.¹, сельское хозяйство стояло на краю гибели, нужны были срочные меры, чтобы вывести его из тупика, чтобы спасти население от голода, а скот от вымирания.

Решающее значение для преодоления экономических трудностей имела помощь Советского Союза. Уже в конце 1944 г. возобновилась торговля Болгарии с СССР, прекратившаяся во время войны. В 1944 г. из СССР было вывезено в Болгарию товаров на 1 млрд. левов (главным образом — скот)². В 1945 г. ввоз в Болгарию из СССР достиг суммы 15 млрд. левов. По торговому соглашению 1945 г. были получены десятки видов товаров, в том числе около 120 тыс. нефтепродуктов, 11 тыс. т текстильного сырья, 73 тыс. т металлов и металлических изделий, 23 тыс. т искусственных удобрений, тракторы и другие сельскохозяйственные машины, станки, инструменты, несколько десятков тысяч комплектов автомобильных шин. Кроме того, Советский Союз отправил в Болгарию 20 тыс. т пшеницы, 30 тыс. т кукурузы, несколько тысяч тонн фуража³.

В 1946 г. было заключено новое торговое соглашение СССР с Болгарией, по которому СССР снизил на 20% по сравнению с 1945 г. цены на товары и материалы. В 1946 г. было ввезено в Болгарию из СССР 439 тыс. т товаров на сумму 14,3 млрд. левов, в том числе 9,5 тыс. т хлопка, более 110 тыс. т нефти, 500 автомашин, большое количество тракторов и сельскохозяйственных машин, станки, шахтное оборудование и др. Трудовые кооперативные земледельческие хозяйства (ТКЗХ) получили 109 гусеничных тракторов, 145 автомашин, 10 комбайнов и большое количество сельскохозяйственных машин и инвентаря.

Согласно торговому соглашению от 5 июля 1947 г., товарообмен с СССР достиг 28,7 млрд. левов. Болгария получила товаров в кредит на сумму 1,6 млрд. левов.

Непрерывно возрастала помощь Советского Союза Болгарии хлебом. С 1945 по 1948 г. Болгария получила от Советского Союза 185 тыс. т зерновых продуктов⁴.

Однако следующие одна за другой в течение трех лет (1945, 1946, 1947 гг.) засухи нанесли тяжелый урон сельскому хозяйству Болгарии.

Опираясь на бескорыстную помощь Советского Союза, используя внутренние ресурсы страны, Болгарская коммунистическая партия через свой приводной ремень к массам — Отечественный фронт — мобилизовала трудящихся на преодоление хозяйственных трудностей.

¹ „Работническо дело“, 4. XII 1949 г.

² „Статистика на външна търговия 1945—1946“, София, 1948, стр. 4—5.

³ „Работническо дело“, 18. III 1948 г.

⁴ Там же, 15. XII 1949 г.

Когда зимой 1945/46 г. вследствие острого недостатка кормов начался падеж скота в Момчилградской, Кюстендильской, Горно-Джумайской, Новосельской, Габровской и некоторых других непродовольственных областях, правительство приняло решение об обязательной сдаче сена и соломы населением плодородных околий Добруджи, которые не были затронуты засухой¹.

«Спасем скот от гибели и поможем голодающему населению», — под таким лозунгом Национальный комитет Отечественного фронта через свои хозяйственные комиссии на местах провел в начале февраля 1946 г. массовую кампанию по сбору фуража и зерновых продуктов и распределению их среди населения голодающих районов. Депутаты Народного собрания разъехались на места в качестве уполномоченных².

Оппозиция пыталась сорвать кампанию, сея враждебные слухи, беря под свою защиту мешочников и спекулянтов, но потерпела поражение.

Замечательным фактом в жизни новой Болгарии, имеющим не только экономическое, но и политическое значение, явилось создание трудовых культурных бригад, которые трудящиеся города уже с середины 1945 г. начали посылать в помощь деревне. В состав этих бригад входили рабочие, ремесленники, учителя, врачи, артисты и писатели.

«Характерная черта этого движения в том, что оно родилось не в кабине, а в недрах самого народа, как неразрывная часть великого дела Отечественного фронта, — говорил Г. Димитров, — оно было продиктовано необходимостью срочно помочь нашей деревне, ускорить сближение между городом и деревней, укрепить боевую творческую дружбу рабочих и крестьян, ремесленников и народной интеллигенции в борьбе против остатков фашизма, против реакции, за демократическое, экономическое и культурное обновление нашей страны»³.

За три года (1945—1947) трудовые культурные бригады выработали свыше 10 млн. трудодней на общую сумму свыше 9 млрд. левов⁴.

Крестьяне, пострадавшие от засухи, получили помощь от государства. За два года (1945 и 1946) были отпущены из государственных фондов следующие посевные материалы: 20,4 тыс. т пшеницы, 5 тыс. т ржи, 5 тыс. т ячменя, 15 тыс. т овса, 5,6 тыс. т кукурузы, 1,7 тыс. т картофеля⁵. Оказывалась дифференцированная помощь крестьянам незерновых районов.

Значительное место в экономике Болгарии занимает производство табака. Перед второй мировой войной экспорт табака составлял около $\frac{2}{5}$ всего экспорта (по стоимости), а в первые годы после войны — около $\frac{2}{3}$ ⁶.

До освобождения Болгарии весь экспорт табака находился в руках германского концерна «Реестма», который распределял доставку табака в Германию между 21 болгарским торговцем. Торговцы получали миллионные прибыли, а полностью зависевшие от них табакопроизводители голодали. С победой народной демократии эта зависимость была уничтожена. Рядом мер государство ограничило частных скупщиков, а в апреле 1947 г.

¹ Работническо дело“, 6, 7. II 1946 г.

² „Отечествен фронт“, 2. II 1946 г.

³ Г. Димитров. Речь на бригадирском вечере в Софии. „Отечествен фронт“, 22. VI 1946 г.

⁴ Г. Димитров. Доклад на II конгрессе Отечественного фронта. „Второй конгресс Отечественного фронта“, София, 1948, стр. 49.

⁵ „Отечествен фронт“, 27. IX 1946 г.

⁶ Э. Валев. Болгария, М., 1949, стр. 150.

была установлена государственная монополия на производство и переработку табака. Государство снабжало табакопроизводителей по твердым ценам продовольствием и предметами ширпотреба. Только за два года — с сентября 1944 г. по сентябрь 1946 г. — табакопроизводители получили 8100 т кукурузы, 2500 т хлопка, 120 т хлопчатобумажной пряжи, 150 т жиров, обувь, ткани и т. д.¹

Серьезное значение для улучшения положения трудящихся крестьян имела реорганизация налоговой системы. В октябре 1946 г. Народное собрание приняло закон о налоге на общий доход, вступивший в силу с начала 1947 г. Этот закон коренным образом изменил всю систему обложения. С принятием этого закона был отменен ряд прежних налогов — налог на доход, поземельный налог, налог на овец и коз и другие.

От налога на общий доход освобождались все крестьяне, имеющие до 3 га пашни и лугов, 0,2 га интенсивных и долголетних культур, 1 корову, 1 буйвола или пару волов, 5 овец, 5 коз, одну свинью и два улья².

Благодаря высоким прогрессивным ставкам главная тяжесть обложения падает на имущих. Облегчая положение бедноты, налог на общий доход одновременно является одной из мер ограничения кулачества. Принятый в апреле 1947 г. закон о единократном налоге на имущество является дальнейшим шагом в этом направлении, так как, освобождая от уплаты налога те же категории трудящихся, он ложился на кулачество и городских капиталистов³.

Однако наибольшее значение в ряду демократических преобразований, улучшающих положение трудящихся крестьян и освобождающих их от гнета скупщиков, ростовщиков и кабальной аренды, имела, безусловно, аграрная реформа.

18 января 1946 г. Совет министров начал рассмотрение законопроекта о трудовой поземельной собственности (аграрной реформе). Задолго до этого законопроект был разослан комитетам Отечественного фронта, газетам и ряду общественных организаций для обсуждения на местах. Было получено много писем. В большинстве из них крестьяне требовали понижения максимального размера земли, оставляемой в руках тех, кто не обрабатывает ее личным трудом⁴.

5 февраля 1946 г. началось обсуждение законопроекта об аграрной реформе в Народном собрании. «Земля должна принадлежать тем, кто ее обрабатывает», — в соответствии с этим принципом законопроект предусматривал ограничение размеров землевладения максимумом в 20 га для тех, кто сам обрабатывает землю (в Добричской, Балчикской, Дуловской, Ген-Тошевской и Тервелской околиях Добруджи — 30 га) и 3 га для тех, кто не участвует в обработке земли личным трудом. В том случае, если землевладелец в течение двух лет после вступления закона в силу будет сдавать в аренду или исполу более 40% своей земли, право на собственность ограничивается 10 га (ст. 8)⁵.

Владение лесными участками и лесными пастбищами ограничивалось 5 га в степных и 10 га в лесостепных и лесных районах (ст. 12).

Изъятые сверх указанных норм земли поступают в государственный

¹ „Отечествен фронт“, 27. IX 1946 г.

² „Държавен вестник“, 12. X 1946 г.

³ Там же, 8. IV 1947 г.

⁴ „Отечествен фронт“, 19. I 1946 г.

⁵ „Стенографски дневници на XXVI Обикновено народно събрание“, 1 редовна сесия, кн. 1, стр. 191.

фонд, а бывшим владельцам выплачивается вознаграждение в размере средней государственной оценки 1935 г., увеличенной в три раза¹, причем делалась следующая возрастающая скидка в пользу государства:

При изъятии от	5	до	10 га	10%
" "	10	"	30 "	20%
" "	30	"	50 "	30%
" "	50	"	100 "	40%
" "	свыше	"	100 "	50% ²

Оплата производилась 3%-ными облигациями сроком в 15 лет (ст. 17)³.

Кроме земель, изъятых у частных собственников, в государственный фонд поступали также те государственные и общинные земли, которые государство и общины не использовали непосредственно для своих целей: школьные земли и земли других фондов, а также земли религиозных общин, монастырские и церковные сверх определенных для них размеров, земли, присвоенные ранее частными лицами из общинных фондов, пустующие, а также полученные от осушки болот и исправления русел рек, спорные общинные земли и нерозданные земли бывшей Главной дирекции по расселению беженцев.

В связи с тем, что крупные землевладельцы сразу после объявления правительственной программы 17 октября 1944 г., в которой предусматривалось ограничение права собственности 30 га, начали производить фиктивные сделки, якобы продавая излишки сверх этой нормы, закон о трудовой поземельной собственности предусматривал расторжение сделок на покупку-продажу земли, совершенных после 17 сентября 1944 г., если продавцом являлось лицо, у которого по смыслу закона должны быть изъяты излишки земли. Исключение допускалось только в том случае, если покупатель докажет, что сделка была не фиктивная (ст. 21)⁴.

При наделении землей имели преимущества: а) пострадавшие от войны, фашистского террора, инвалиды, вдовы и сироты, б) малоземельные и безземельные крестьяне, в) многодетные семьи, г) участники освободительной борьбы и пострадавшие от фашистской власти крестьяне и д) воспитанники сельскохозяйственных училищ (ст. 39).

Наделяемые землей оплачивали ее стоимость по той оценке, по которой она была причислена к государственному фонду. Предоставлялась беспроцентная рассрочка: при получении земли уплачивалось 10% следуюющей суммы, а остальная вносилась в течение 15 лет равными ежегодными взносами⁵.

Эти условия еще более облегчались для пострадавших от войны и от фашизма инвалидов, вдов и сирот: они уплачивали лишь половину стоимости. Члены трудовых кооперативных земледельческих хозяйств получали 25% скидки (ст. 43)⁶.

¹ По окончательному тексту закона — в 6 раз.

² По окончательному тексту закона эта шкала была несколько уточнена, причем общие размеры скидки остались те же.

³ „Стенографски дневници на XXVI Обикновено народно събрание“. 1 редовна сесия, кн. 1, стр. 191.

⁴ Там же, стр. 192.

⁵ По окончательному тексту закона первоначальный взнос равен 50%, рассрочка дается на 20 лет.

⁶ По окончательному тексту закона — 40%.

Наделяемые землей должны обрабатывать ее собственным трудом, проживать в этом же населенном месте, где находится полученный участок, использовать полученные земли исключительно для сельскохозяйственных целей (ст. 41).

Наделение приусадебными участками (не более 0,2 га) производилось тем же порядком, но уплата за приусадебные участки производилась в размере 50% от рыночной стоимости земли (ст. 48).

Нерозданные земли государственного фонда предполагалось сдавать в аренду, причем арендовать фондовые земли могли только те, кто имел право на наделение землей (ст. 53); они должны обрабатывать ее личным трудом и трудом своей семьи (ст. 55). Таким образом, ограничивалась капиталистическая аренда и давались более широкие возможности для аренды трудовой.

Огромное значение имеет ст. 42, по которой лица, получившие от государственного фонда землю, в течение 15 лет¹ не имеют права отчуждать и обременять долгами, за исключением долгов Болгарскому Земледельческому и Кооперативному банкам, не только эту землю (даже при условии досрочной выплаты всей ее стоимости), но и имевшуюся у них ранее собственную землю².

Таким путем изымалось из оборота значительное количество обрабатываемых земель.

В условиях буржуазной диктатуры всякая попытка иммобилизации земельной собственности означает не что иное, как реакционное мероприятие, привязывающее разоряющегося, теряющего возможность вести собственное хозяйство бедняка к земле и усиливающее его эксплуатацию со стороны кулака. В условиях же развертывающейся революции при значительной и все более увеличивающейся помощи беднейшему крестьянству со стороны государства, при развитии трудовых кооперативных земельных хозяйств, иммобилизация земельной собственности получает иной, принципиально противоположный смысл. Она является одной из мер ограничения кулачества и, как таковая, играет весьма немаловажную роль.

Исполнение закона возлагалось на 1) общинные комиссии по Трудовой поземельной собственности (ТПС), которые создавались в составе околийского агронома или его заместителя, кмета и трех крестьян, избранных общим собранием, и 2) на Земельный совет при дирекции по землеустройству (ст. 3)³.

Разумеется, аграрная реформа лишь несколько смягчала земельный голод в Болгарии, но не ликвидировала и не могла ликвидировать его полностью. Коммунистическая партия и правительство Отечественного фронта разъясняли это крестьянам. По предварительным подсчетам, произведенным Министерством земледелия, количество хозяйств, подлежащих наделению землей, достигало 300 тыс., а для обеспечения им необходимого минимума земельной площади требовалось 1 млн. га. В результате же проведения аграрной реформы и изъятия земельных излишков могли быть удовлетворены лишь 45% нуждающихся. В законопроекте указывается, что выход — в создании крупных, высокопроизводительных коллек-

¹ По окончательному тексту закона — 20 лет.

² „Стенографски дневници на XXVI Обикновено народно събрание“, 1 редовна сесия, кн. 1, стр. 193.

³ Там же, стр. 191.

тивных хозяйств, в национализации природных богатств и развитии промышленности¹.

Но несмотря на то, что аграрная реформа не разрешала проблему обеспечения земель крестьян полностью, что она тем более не была мероприятием социалистического порядка, т. е. не вела к уничтожению частной и созданию общественной собственности, она все же имела огромное значение для широчайших крестьянских масс, так как освобождала их от гнета крупных землевладельцев и кабальной аренды. Именно поэтому законопроект об аграрной реформе был встречен с огромным энтузиазмом со стороны трудящегося крестьянства и ожесточенными нападками и самой разнузданной клеветой со стороны кулацко-буржуазной оппозиции. Не было такой лжи, перед которой остановились бы враги болгарского народа — Никола Петков и его сподвижники. Николопетковское «Земледельско знаме» кричало, что правительство добивается общей пролетаризации, пугало крестьян тем, что тех, кто получит землю, «заставят вступить в ТКЗХ, а если они уйдут, то у них отнимут землю².

Голоса недовольных раздавались и в самом Народном собрании.

Представитель мелкобуржуазной партии радикалов некто Филип Филипов выступил против всех основных положений законопроекта. «Это границит с экспроприацией!» — восклицал он.

Представитель другой мелкобуржуазной партии «Звена» Ив. Харизанов, соглашаясь в основном с законопроектом, требовал повышения максимума земельных владений, ибо, как уверял он, «многие интеллигенты, выходя из села, испытав неудачи, возвращаются вновь к земледелию». Товарищ Димитров расценил это выступление как попытку добиться оставления земли в руках тех, кто ее не обрабатывает³.

Другой представитель «Звена», Ив. Каменов, при обсуждении законопроекта патетически восклицал: «Чем мы сможем оправдать тот факт, что затронем крупные, хорошо организованные селекционные хозяйства?»

В длинной витиеватой речи представитель правого крыла Земледельческого союза Юрдан Пекарев стремился доказать, что раздробление хозяйств в Добрудже якобы приведет к гибели всей Болгарии⁴.

Однако подавляющее большинство депутатов высказалось в пользу реформы, и закон о трудовой поземельной собственности был принят почти единогласно, с незначительными изменениями по сравнению с первоначальным проектом. Было увеличено вознаграждение за изымаемую землю бывшим собственникам в шесть раз сравнительно с государственной оценкой 1935 г., несколько уточнена шкала процентных скидок, удлинена с 15 до 20 лет срок выплаты за землю наделенными землей и уменьшена с 10 до 5% сумма первоначального взноса. Закон подчеркнул роль комитетов Отечественного фронта в проведении реформы на местах: по окончательному тексту закона члены комиссии по ТПС — местные крестьяне — должны быть рекомендованы комитетом Отечественного фронта и лишь после этого утверждены общим собранием. Была добавлена новая статья (62), по которой общины и монастыри, имеющие лесные и высокогорные пастбища в размерах больших, чем это необходимо для удовлетворения

¹ „Стенографски дневници на XXVI Обикновено народно събрание“ 1 редовна сесия, кн. 1, стр. 190.

² Там же, стр. 214.

³ Там же, стр. 206—207.

⁴ Там же, стр. 210—211.

собственных нужд, могут сдавать их в аренду только общинам же и монастырям и то при условии соблюдения установленных Дирекцией земледелия цен¹. Этим ставился предел использованию монастырских и общинных земель для кабальной аренды.

25 апреля 1946 г. закон о поземельной трудовой собственности был опубликован в газете «Държавен вестник» и начал проводиться в жизнь. Враждебная агитация против него, однако, не прекратилась. Враги теперь распространяли слухи об изменении этого закона, о приостановке его действия и т. д., в связи с чем понадобилось специальное сообщение Министерства земледелия, опровергающее эти ложные слухи².

К сентябрю 1946 г. по всей Болгарии было закончено создание общинских комиссий по ТПС. Дирекция по землеустройству при Министерстве земледелия разослала на места технические бригады с целью закончить все землемерные работы в течение зимы³. Уже к середине октября 1946 г. было наделено землей около 11 тыс. малоземельных и безземельных крестьян, 2 тыс. крестьян получили приусадебные участки. Почти полностью закончилось отчуждение земель в Добрудже, где было наибольшее количество крупных земельных владений. В пяти околиях Добруджи у 1224 крупных собственников было изъято свыше 33,4 тыс. га земли⁴. Земли, поступившие в государственный фонд, но еще не розданные крестьянам, сдавались в аренду по твердому тарифу⁵.

Основные работы по проведению в жизнь аграрной реформы были закончены в 1947 г. До конца 1947 г. было отчуждено у частных владельцев, монастырей, изъято из школьных и других фондов и причислено к государственному фонду 153 тыс. га обрабатываемой земли⁶.

К февралю 1948 г. 127 тыс. крестьянских семейств получили 125,2 тыс. га земли, 7863 крестьянские семьи были наделены усадьбами общей площадью в 1,2 тыс. га. Кроме того, 7,1 тыс. га земли были переданы 381 обществу хозяйству⁷.

Сосредоточение некоторого земельного фонда в руках государства, иммобилизация земли, находящейся в руках около 130 тыс. крестьянских хозяйств, позволили регулировать арендную плату, а затем перейти к более серьезному шагу, подрывающему один из самых распространенных видов кабальной эксплуатации беднейшего крестьянства и серьезно ограничивающему кулачество. 10 декабря 1948 г. Великое народное собрание приняло закон о запрещении ипотеки. Аренда земли разрешается только за деньги. Закон указывает также, что арендаторами могут быть только трудовые кооперативные сельскохозяйственные хозяйства, государственные хозяйства, безземельные крестьяне и те малоземельные крестьяне, которые имеют земли меньше среднего размера, определенного для данной местности; местные народные советы контролируют сдачу в наем и определяют арендную плату, принимая за основу тариф государственного земельного фонда⁸.

¹ „Сборник за законите и решения, приети от XXVI Обикновено народно събрание в Велико народно събрание до 20 юни 1947 г.“, София, 1947, стр. 240—264.

² „Отечествен фронт“, 26. VI 1946 г.

³ Там же, 8. IX 1946 г.

⁴ Там же, 23. X 1946 г.

⁵ Там же, 16. X 1946 г.

⁶ Там же, 5. X 1948 г.

⁷ Г. Димитров. Доклад на II конгрессе Отечественного фронта. „Второй конгресс Отечественного фронта“, София, 1948, стр. 4.

⁸ „Държавен вестник“, 27. XII 1948 г.

* * *

Успешным проведением аграрной реформы правительство Отечественного фронта, руководимое коммунистической партией, выполнило демократические требования широких масс трудящегося крестьянства. В. И. Ленин учил, что уравнительное землепользование и тому подобные меры никогда не повредят социализму, если власть в руках рабочего и крестьянского правительства и командные высоты в руках рабочего класса. Но эта мера еще отнюдь не социалистическая, так как не затрагивает основ частной собственности и частного производства.

Оставаясь мелким товарным производством, крестьянское хозяйство представляет собой широкую базу капитализма, имеющую очень глубокие и очень прочные корни. «... Мелкое производство рождает капитализм и буржуазию постоянно, ежедневно, ежечасно, стихийно и в массовом масштабе...»¹.

«Создать экономическую базу социализма, — учит товарищ Сталин, — это значит сомкнуть сельское хозяйство с социалистической индустрией в одно целостное хозяйство, подчинить сельское хозяйство руководству социалистической индустрии, наладить отношения между городом и деревней на основе обмена продуктов сельского хозяйства и индустрии, закрыть и ликвидировать все те каналы, при помощи которых рождаются классы и рождается, прежде всего, капитал, создать, в конце концов, такие условия производства и распределения, которые ведут прямо и непосредственно к уничтожению классов»².

Опираясь на разработанный В. И. Лениным кооперативный план, товарищ Сталин создал цельное и законченное учение о коллективизации сельского хозяйства, указал пути и формы постепенного перевода миллионов масс трудящегося крестьянства на рельсы коллективизации.

Изучая богатейший опыт партии большевиков по руководству колхозным движением, болгарские коммунисты применяют его в своей практической деятельности и создают коллективные земледельческие хозяйства с учетом особенностей социально-экономического развития Болгарии.

«... Для пролетарской революции в капиталистических странах не безразлично, придется ли там строить социализм с первых же дней взятия власти пролетариатом на базе национализации земли или без такой базы»³, — говорит товарищ Сталин.

Народная демократия в Болгарии, осуществляющая функции диктатуры пролетариата, столкнулась с такой именно трудностью. Привязанность болгарского крестьянина к своему клочку земли, иллюзия о возможности развития мелкого крестьянского хозяйства, поддерживаемая среди крестьянства в течение многих десятилетий, должны быть изжиты самими массами.

Именно поэтому закон о трудовых кооперативных земледельческих хозяйствах (ТКЗХ), принятый народно-демократическим правительством в апреле 1945 г., предусматривал создание кооперативных хозяйств при условии сохранения частной собственности на землю. При объединении единоличных крестьянских хозяйств для ведения коллективного хозяйства объединялся годный рабочий скот и инвентарь (ст. 21), сводились в общий

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 31, стр. 7—8.

² И. В. Сталин. Соч., т. 9, стр. 22—23.

³ Там же, Соч., т. 12, стр. 153.

массив земли, но члены ТКЗХ сохраняли за собой право собственности на то количество земли, которое было ими внесено, имели право продавать и закладывать эту землю (ст. 15). Сохранение частной собственности на землю в ТКЗХ имело свое экономическое выражение в установленном ст. 27 примерном порядке распределения доходов. За внесенную в ТКЗХ землю члены ТКЗХ получали либо определенную общим собранием арендную плату, либо определенный процент дохода, либо стоимость определенного числа трудодней. В том случае, если арендная плата определялась в процентах от чистого дохода, распределение происходило следующим образом: от 50 до 70% — вознаграждение за труд и от 20 до 40% — вознаграждение за землю.

Этот не полностью социалистический принцип распределения существенным образом отличает ТКЗХ от советских колхозов, где распределение доходов происходит в строгом соответствии с количеством и качеством затраченного труда. Однако эта форма исторически необходима. Подобно тому как государство народной демократии на первом этапе своего существования представляло собой переходную форму, соответствующую периоду перерастания народно-демократической революции в революцию социалистическую, так и ТКЗХ на начальном этапе своего развития являются переходной организационной формой кооперирования трудящегося крестьянства Болгарии, рассчитанной на победу социалистических элементов.

«Земля у нас не объявлена государственной собственностью. Но в условиях народной демократии то обстоятельство, что существует частная собственность на землю, хотя и представляет, несомненно, момент, задерживающий переход крестьян к социалистическим формам хозяйства, не является непреодолимым препятствием к этому переходу.

Это обстоятельство показывает лишь, что этот переход у нас будет более сложным и совершится в известных своеобразных формах», — говорит В. Червенков¹.

ТКЗХ создавались двух видов: 1) как самостоятельные кооперативы и 2) как производственные отделы при общей кооперации. Это опять-таки было связано с исторически сложившимися условиями развития кооперации в Болгарии. Кооперация — бытовая и снабженческая — имела здесь значительное развитие.

В последние годы перед войной начали возникать и производственные кооперативы. На 9 сентября 1944 г. в стране было 28 земледельческих кооперативов, объединивших 1677 членов с более чем 40 тыс. га земли². Разумеется, что, вопреки всем утверждениям мелкобуржуазных идеологов Болгарского земледельческого союза, пропагандировавших особый «кооперативный строй», являющийся якобы чем-то средним между капитализмом и социализмом, эти кооперативы в условиях буржуазной диктатуры не могли быть не чем иным, кроме как «коллективным капиталистическим учреждением»³. С установлением режима народной демократии, при котором власть перешла к трудящемуся народу, характер кооперации менялся в корне. Она превращалась в один из могучих рычагов, помогающих переделке народного хозяйства и привлечению к активному участию в строительстве новой жизни широких масс мелких производителей.

¹ В. Червенков. За работата на комунистическа партия в село, София, 1951, стр. 25.

² „Работническо дело“, 1. I 1950 г.

³ В. И. Ленин. Соч., т. 33, стр. 433.

«Можно сказать, что такое же значение, какое имеет Отечественный фронт для общественно-политической жизни Болгарии, должна иметь кооперация в области хозяйственных и культурных интересов населения»¹, — говорил Г. Димитров.

Коммунистическая партия поставила вопрос о строительстве трудовых кооперативных сельскохозяйственных хозяйств, как общегосударственный вопрос огромной важности. Партия решительно боролась против допущенных в ряде мест при организации ТКЭХ ошибок, выразившихся в попытках искусственно разделять ТКЭХ по партийности их членов, нарушать принципы добровольности вступления в ТКЭХ. В ряде своих указаний партия предупреждала об опасности ослабления работы с единоличниками, которые в тот период оставались основными производителями сельскохозяйственных продуктов.

Враги болгарского народа развернули бешеную агитацию против ТКЭХ. Главный свой удар они направляли против партийного руководства в ТКЭХ, стремясь превратить последние в кулацкие гнезда. Ратуя за ТКЭХ без коммунистов, николапетковцы повторяли тактику, применявшуюся кулацкими агентами в начале колхозного строительства в СССР, которую своевременно вскрыл и разоблачил товарищ Сталин.

«С точки зрения ленинизма колхозы, как и Советы, взятые как форма организации, есть оружие, и только оружие. Это оружие можно при известных условиях направить против революции. Его можно направить против контрреволюции. Оно может служить рабочему классу и крестьянству. Оно может служить при известных условиях врагам рабочего класса и крестьянства. Всё дело в том, в чьих руках находится это оружие и против кого оно будет направлено»², — учит товарищ Сталин.

Болгарская коммунистическая партия держит руководство строительством ТКЭХ в своих руках. Попытки врагов подорвать союз рабочих и крестьян и здесь были биты.

Число ТКЭХ в стране непрерывно росло. На 31 декабря 1945 г. было 382 ТКЭХ с 34 362 чел. и 146,57 тыс. га земли; на 31 декабря 1946 г. — 480 ТКЭХ с 41 027 чел. и 172,65 тыс. га; на 31 декабря 1947 г. — 549 ТКЭХ с 44 159 чел. и 180,0 тыс. га земли³. Правда, по отношению ко всему количеству хозяйств это составляло соответственно всего лишь 0,6, 3,7 и 4%, но значение ТКЭХ определялось в этот период прежде всего их показательной ролью, как первых образцов коллективного сельского хозяйства в Болгарии.

Несмотря на трудности организационного периода и отдельные ошибки, допущенные на местах, преимущества крупного коллективного хозяйства сказались уже на первых результатах работы ТКЭХ. В условиях тяжелых засушливых лет ТКЭХ получали вполне удовлетворительные урожаи. Урожайность зерновых в ТКЭХ в среднем по стране была на 20—30%, а в отдельных случаях и более, — выше, чем в единоличных хозяйствах.

Так, например, ТКЭХ в селе Рыжево Конаре Пловдивской области в 1947 г. получило 2400 кг пшеницы с га, тогда как единоличники — не свыше 800 кг. ТКЭХ в селе Александрово Ловчанской области получило 1800 кг пшеницы с га, а единоличники — 1200 кг. В селе Марица

¹ „Георги Димитров до отечественно-фронтовска България“, София, 1945, стр. 17.

² И. В. Сталин. Соч., т. 13, стр. 228.

³ „Работническо дело“, 1. I 1950 г.

Пазарджикской околии урожайность пшеницы соответственно была 2150 и 1250 кг, в селе Веселиново Ямболской околии — 1800 и 800 кг.

Большое значение для достижения таких результатов имела успешная борьба с засухой, которую в состоянии вести только крупное хозяйство. Строя плотины и ирригационные сооружения, ТКЗХ обводнили тысячи гектаров обрабатываемых земель. Всего в стране силами ТКЗХ было обеспечено орошением свыше 12,0 тыс. га¹.

Создание мощной технической базы крупного сельского хозяйства представляет в Болгарии значительные трудности, так как своего производства крупных сельскохозяйственных машин страна до последнего времени не имела. Советский Союз оказал огромную помощь сельскому хозяйству Болгарии в самый трудный период. Только за два года (1945 и 1946) было ввезено из СССР свыше 200 тракторов, комбайны, катки и другие сельскохозяйственные машины².

Согласно ст. 31 закона о ТКЗХ, начали создаваться районные машинно-тракторные станции. До конца 1947 г. было создано 31 МТС, которые имели 165 тракторов (главным образом марки «Сталинец»). В течение 1947 г. машинно-тракторные станции выполнили различных работ на 15 тыс. га в весеннюю посевную кампанию, на 33,7 тыс. га — в осеннюю, подняли свыше 42 тыс. га зяби.

Впервые в массовом масштабе было приступлено к очистке и обеззараживанию семян перед посевом. В 1946 г. было очищено 283 тыс. т зерна и обеззаражено 178 тыс. т, в 1947 г. — соответственно 331 тыс. т и 280 тыс. т³.

Это были, однако, лишь первые шаги по пути реконструкции сельского хозяйства и поднятия его на новый технический уровень. Дальнейшие шаги были тесно связаны с реконструкцией всего народного хозяйства в целом.

Принятый в апреле 1947 г. двухлетний народнохозяйственный план своими основными задачами имел преодоление экономических трудностей, унаследованных от монархо-фашистского строя и усугубленных разрушениями военных лет, достижение и превышение довоенного уровня производства в области промышленности, сельского хозяйства и транспорта. Уже в 1947 г. промышленное производство превысило производство в довоенном 1939 г. на 30,5%. Производство электроэнергии возросло с 313 млн. квч. в 1944 г. до 488 млн. квч. в 1947 г. Было электрифицировано более 300 новых населенных пунктов. Началось строительство завода азотно-туковых удобрений в Димитровграде и ряда других крупных предприятий⁴.

Развернувшееся в стране строительство требовало создания промышленных кадров. В 1947 г. количество занятых в промышленности рабочих возросло более чем на 60% по сравнению с 1939 г.⁵

Одновременно росло количество пригодных к обработке земель. Сооружением дамб у Дуная десятки тысяч гектаров были отвоеваны у болот и

¹ „Стенографски дневници на Велико народно събрание“, 1 редовна сесия, София, 1947, стр. 111.

² „Работническо дело“, 19. XII 1946 г.

³ Там же, 1. II 1948 г.

⁴ Г. Димитров. Доклад на II конгрессе Отечественного фронта. „Второй конгресс Отечественного фронта“, София, 1948, стр. 42.

⁵ См. „Месечни известия на Главна дирекция на статистиката“, 1948, № 1, стр. 2.

превращены в первоклассную плодородную почву. В целом посевная площадь в Болгарии была расширена с 4,3 млн. га в 1943 г. до 4,8 млн. га в 1947 г.

В результате массового привлечения рабочей силы из деревни и расширения посевных площадей с аграрным перенаселением болгарской деревни в основном было покончено.

Так, уже в первый период развития народной демократии глубокие революционные преобразования, проведенные народно-демократическим правительством Болгарии под руководством коммунистической партии, наметили путь радикального и полного разрешения аграрного вопроса.

«В крестьянской стране первыми выиграли, больше всего выиграли, сразу выиграли от диктатуры пролетариата крестьяне вообще»¹. Эта оценка, данная В. И. Лениным улучшению положения трудящегося крестьянства в результате победы пролетарской революции в нашей стране, может быть отнесена и к Болгарии.

* * *

Окончательное разрешение аграрного вопроса в Болгарии в смысле полной ликвидации нищеты в деревне связано с социалистической реконструкцией всего народного хозяйства, развернувшейся во второй период развития народной демократии.

«Надо уметь соединить борьбу за демократию и борьбу за социалистическую революцию, подчиняя первую второй. В этом вся трудность; в этом вся суть», — писал В. И. Ленин². Учась на опыте большевистской партии, овладевая гениальным ленинским учением о перерастании демократической революции в революцию социалистическую, болгарские коммунисты и проводили такое соединение, правда не без отдельных ошибок.

На состоявшемся в июне 1948 г. XVI пленуме ЦК БРП(к) руководитель Болгарской коммунистической партии Г. М. Димитров с большевистской прямоотой безбоязненно вскрыл ошибки, заключавшиеся в том, что Болгарская коммунистическая партия допустила ничем не оправдаваемое замедление темпов в переходе к следующему этапу развития народной демократии — этапу непосредственно социалистических преобразований.

К концу 1946 г. все предпосылки для перехода к этому новому этапу уже сложились: Болгария отстояла с помощью Советского Союза свой национальный суверенитет, были ликвидированы монополии. В результате референдума была уничтожена монархия и провозглашена республика.

Народное хозяйство было восстановлено почти до довоенного уровня; была проведена аграрная реформа. Программа Отечественного фронта была выполнена, но дальнейшие шаги осуществлялись медленно.

Пленум отметил, что эти ошибки проистекали от недостаточной теоретической подготовленности партийных кадров, от непонимания неизбежности обострения классовой борьбы в переходный период³.

«... Допустив замедление темпов экономического и политического развития страны, наша партия, хотя и на короткое время, проявила известную недооценку сил рабочего класса и трудящихся, своих собственных сил и

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 30, стр. 92.

² Там же, Соч., т. 35, стр. 213.

³ „Работническо дело“, 15. VI 1948 г.

переоценила силы реакции», — говорил об этом периоде Г. Димитров на V съезде партии¹.

Эти ошибки были исправлены во второй половине 1947 г.

В августе 1947 г. была разгромлена буржуазно-кулацкая оппозиция Николы Петкова, окончательно разоблачившая себя в глазах масс. В декабре 1947 г. была принята новая конституция Народной республики Болгарии, законодательно закрепившая достигнутые успехи народной демократии и наметившая ее дальнейшее развитие по пути социализма. Ст. 11 конституции гласит:

«Земля принадлежит тем, кто ее обрабатывает. Закон определяет размер земельной собственности, которой могут владеть частные лица, равно как и случаи, когда обрабатываемая земля может принадлежать лицам, не занимающимся земледелием. Крупные землевладения в частных руках не допускаются.

Трудовые кооперативные сельскохозяйственные хозяйства поощряются и поддерживаются государством и пользуются особым покровительством.

Государство может организовать государственные сельскохозяйственные хозяйства»².

Национализация промышленности, банков и шахт, проведенная в декабре 1947 г., окончательно определила развитие Болгарии по пути к социализму. В результате национализации в руки государства перешло 5222 предприятия. Огромное значение для подрыва могущества кулаков в деревне имела национализация кулацких мельниц, маслобоен, чесальных машин и т. д. Всего было национализировано и передано в руки местных народных советов более 1500 мельниц, 400 маслобоен, 675 чесальных машин и др.³.

В феврале 1948 г. был принят закон о принудительном выкупе крупного сельскохозяйственного инвентаря. В отличие от закона января 1947 г., когда инвентарь изымался только у тех владельцев, которые не обрабатывали землю сами, теперь изымались тракторы и сельскохозяйственные машины определенных марок у всех частных владельцев без исключения. В результате у кулацкой верхушки деревни было выкуплено принудительным порядком 3350 тракторов, 3700 молотилок, 1660 тракторных плугов и другой инвентарь⁴.

Изменение в расстановке классовых сил нашло свое политическое выражение в проведенной под руководством коммунистической партии в феврале 1948 г. реорганизации Отечественного фронта и превращении его в единую общественно-политическую организацию трудящихся города и деревни с общим уставом и единой, социалистической по своему существу программой.

Огромное значение в жизни болгарского народа имел состоявшийся в декабре 1948 г. V съезд БРП(к), который обосновал генеральную линию борьбы за построение социалистического общества в Болгарии и разработал практическую программу для достижения этой цели. «Съезд вооружил коммунистическую партию, как передовой боевой и организованный отряд

¹ Г. Димитров. Политический отчет, сделанный на V съезде БРП(к), София, 1948, стр. 66.

² Конституция Народной республики Болгарии. — «Конституция и основные законодательные акты Народной республики Болгарии», М., 1950, стр. 73.

³ «Кулакът и борба с него», София, 1949, стр. 19.

⁴ В. Червенков. К новым успехам социалистического строительства в Болгарии. «За прочный мир, за народную демократию!», 1949, № 8.

рабочего класса, Отечественный фронт, всех трудящихся точным знанием конкретных путей, методов и средств социалистического преобразования нашей страны, всем необходимым для этого преобразования идейно-политическим, теоретическим и организационным оружием»¹, — говорит В. Червенков.

Решительное наступление на капиталистические элементы города и деревни сопровождалось усилением классово-борьбы.

В своей звериной злобе против народной демократии международная реакция пустила в ход свои тщательно замаскированные резервы. Злодейский заговор платного агента англо-американского империализма Трайчо Костова и его банды имел своей целью оторвать Болгарию от Советского Союза и толкнуть страну в лагерь империализма. Болгарский народ под руководством коммунистической партии разоблачил, а затем и уничтожил вражеское гнездо.

Пленум ЦК БКП в июне 1949 г. наметил пути исправления ошибок, выразившихся в неправильном отношении к середняку. Решения июньского пленума дали развернутую программу борьбы за укрепление союза рабочих и крестьян.

1950 г. был годом решающих побед социалистического сельского хозяйства Болгарии. Если на 1 января 1949 г. существовало 1100 ТКЭХ и в них состояло 6,7% всех крестьянских хозяйств с 6% всей обрабатываемой земли, на 1 января 1950 г. — 1608 ТКЭХ, в которых состояло 14,3% крестьянских хозяйств с 11,3% обрабатываемой земли, то на 1 января 1951 г. количество ТКЭХ в Болгарии возросло до 2587, и в них состояло 48% крестьянских хозяйств с 43% обрабатываемой земли².

В течение 1951 г. число ТКЭХ возросло до 2740. Площадь, занимаемая кооперативами, увеличилась за год на 120 тыс. га, а число кооперативных крестьянских дворов — на 16,2%³.

Значительную роль сыграл новый устав ТКЭХ, принятый в апреле 1950 г. II национальной конференцией представителей ТКЭХ. Широко обсужденный предварительно на собраниях ТКЭХ, среди крестьян, народными советами, партийными и общественными организациями, организациями Отечественного фронта (в его обсуждении приняли участие около 150 тыс. чел., было внесено более 2,5 тыс. поправок и дополнений), новый устав построен на основе правильного сочетания общественных и личных интересов членов ТКЭХ.

Болгарская коммунистическая партия под руководством генерального секретаря ЦК БКП В. Червенкова, учась на опыте большевистской партии, успешно осуществляет перевод сельского хозяйства Болгарии на путь социализма.

¹ В. Червенков. По пътя на Георги Димитров. София, 1950, стр. 70.

² См. „Работническо дело“, 1. I 1951 г.

³ „За прочный мир, за народную демократию!“, 8. I 1952 г.

А. И. Озолин

МАНИФЕСТЫ ГОРОДА ПРАГИ В ГОДЫ КРЕСТЬЯНСКОЙ ВОЙНЫ В ЧЕХИИ

В течение многих десятилетий гуситское движение в Чехии являлось предметом изучения русских, чешских, французских, немецких и других буржуазных историков. Однако это изучение велось в интересах буржуазии, которая была заинтересована в фальсификации сущности гуситского движения. Выдвигая на первый план религиозные и национальные мотивы, буржуазные историки извращали цели и характер гуситских войн. Идеолог чешской либеральной буржуазии XIX в. Ф. Палацкий не показывал борьбу гуситских лагерей таборитов и чашников между собою как борьбу классовую, а характеризовал ее лишь как результат расхождений в религиозных вопросах, замазывая этим наличие острых социальных противоречий среди самих гуситов. Он относился явно враждебно к таборитскому плебейско-крестьянскому лагерю, особенно к его левому крылу, и дал ему резко отрицательную оценку именно за его революционность. Антифеодалная сущность крестьянской войны в Чехии осталась Палацкому совершенно чуждой. Против марксистского учения о классах и классовой борьбе, о решающей роли трудящихся масс в историческом процессе выступил в XX в. идеолог реакции, буржуазный историк И. Пекарж с книгой «Ян Жижка и его время» (1927—1931). Пекарж утверждал, что таборитское движение не было революционно-демократическим. Табор «не был демократическим ни в теории, ни в практике»¹, — заявлял он. Буржуазные историки не были в состоянии дать правильную оценку сущности крестьянской войны в Чехии.

Только марксистско-ленинская теория дает возможность вскрыть истинный характер гуситского движения в Чехии, как крестьянской народной войны против немецкого дворянства, за национальную независимость, против феодального угнетения.

В ходе крестьянской войны в Чехии выступали два основных гуситских лагеря — табориты и чашники, каждый со своей программой и тактикой. Только плебейско-крестьянский революционный лагерь таборитов защищал народные интересы в области социальных, национальных и религиозных вопросов. Не назад, к временам раннего христианства, стремились табориты, как лживо утверждал Пекарж, а вперед, к новому общественному строю.

¹ Цит. по кн.: Krofta. Žižka a husitska revoluce, Praha, 1937. См. критику, которую в наши дни дал концепции Пекаржа Ян Пахта в статье „Josef Pekarž ideolog kontra-revoluce“, „Nove Mysli“, № 1.

Задача настоящего сообщения и заключается в том, чтобы на одном из важнейших источников для истории крестьянской войны в Чехии — гуситских манифестах — показать решающую роль лагеря таборитов в борьбе с немецким дворянством, чешскими феодалами и католической иерархией и вскрыть непоследовательную, трусливую и, в конце концов, предательскую позицию чешского бюргерства.

Гуситские манифесты составлялись на всем протяжении крестьянской войны представителями различных гуситских лагерей — чашниками и таборитами, и совместно, особенно первое время, и отдельно. В данной статье мы остановимся только на тех гуситских манифестах, которые издавались в Праге. Как и другие источники, гуситские манифесты подтверждают, что гуситские войны это «... национально-чешская крестьянская война религиозного характера против немецкого дворянства и верховной власти германского императора»¹. В то же время гуситские манифесты являлись одной из форм пропаганды гуситских идей за границей.

Рассматриваемые ниже манифесты могут быть разделены на две группы: 1) написанные в 1420—1421 гг. в условиях революционного подъема и 2) составленные в 1430—1431 гг., когда движение уже вступило в полосу кризиса и дело шло к прямому конфликту между гуситскими лагерями.

30 июля 1419 г. в Праге вспыхнуло народное восстание против высшего католического духовенства и патрициата под руководством обедневшего рыцаря Яна Жижки и бывшего монаха Яна Желивского. Смерть короля Вацлава IV (16 августа) усилила размах этого народного восстания в столице. Прага на время фактически оказалась в руках сторонников гусизма. По всей Чехии начались вооруженные восстания сторонников гусизма, сопровождавшиеся разрушением католических монастырей и захватом церковных имуществ. С самого начала движение носило антикатолический, антифеодальный и национально-освободительный характер.

Вся феодально-католическая Западная Европа под руководством папской курии, императора Сигизмунда и немецких князей выступила против чешских гуситов. Немецкие князья хотели удержать Чехию под своим влиянием и даже включить ее в состав владений империи. В то же время они боялись, что под влиянием идей таборитов в феодальной Германии может вспыхнуть своя крестьянская война. Страх перед возможностью крестьянской войны в Германии и давние агрессивные планы в отношении славянских народов выдвинули немецкое дворянство и, прежде всего, немецких князей на первое место в феодально-католическом антигуситском лагере.

Римско-католическая церковь находилась в это время в состоянии глубокого внутреннего кризиса. Дальнейшее распространение гусизма и отпадение от католической церкви целого славянского государства могли привести к резкому ослаблению материальных ресурсов папской курии (доходы римской курии с Чехии были очень велики) и нанести новый удар ее политическому могуществу. 1 марта 1420 г. папа Мартин V особой буллой провозгласил крестовый поход против гуситской Чехии. Император Сигизмунд с немецкими князьями готовился к вооруженному вторжению в страну.

Умеренные гуситы — чашники — уже в это время пытались договориться с Сигизмундом. Только после неудачи переговоров с Сигизмундом

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. VII, стр. 275.

и появления буллы Мартина V гуситы-чашники пошли на опубликование первого манифеста.

Манифест был издан в начале апреля 1420 г. В нем речь шла о насилиях, творимых в Чехии римско-католической церковью, о жестоких решениях Констанцского собора, который обвинил в ереси весь чешский народ и послал на костер его лучших сынов — Яна Гуса и Иеронима Пражского. «Эта церковь не как мать, а как мачеха... вылила на нас смертельный яд», «кровавыми руками воздвигла против всех верных нашего королевства жестокий крест», — говорилось в манифесте. Манифест содержал серьезные обвинения и против немецких феодалов. Авторы манифеста заявляли, что католическая церковь организовала против чехов «повсюду... врагов наших прирожденных — немцев, которые притесняют чешский язык» «по Рейну, в Мишне, Пруссии, где его изгнали; так же думают и с нами сделать»¹.

В заключительной части манифеста содержался горячий призыв ко всему чешскому народу единодушно встать на защиту своей Родины².

Вскоре после этого манифеста, 20 апреля 1420 г., чешские паны — временные сторонники умеренного гусизма — и чашники приняли совместный манифест, содержащий целый ряд обвинений против императора Сигизмунда. Сигизмунд, читаем мы в манифесте,

1) обвинил всех чехов в ереси, особенно в связи с тем, что они требуют причащения под двумя видами, которое было установлено самим богом;

2) он выступил организатором крестового похода «к великому позору и оскорблению короны и языка чешского», сжег в Братиславе гусита Яна Красу за причащение под двумя видами и жестоко расправился с горожанами;

3) приказал кутногорцам преследовать гуситов и «несколько сот невинных чехов духовного и светского состояния были сброшены в шахты»;

4) он оторвал от Чехии маркграфство Бранденбург;

5) отдал моравское епископство в руки гонителя чехов (епископа Яна Железного, известного своей ненавистью к гуситам и жестокой расправой с ними в моравских землях. — А. О.);

6) казнил невинного Яна Гуса.

Манифест отказывал императору Сигизмунду в праве быть королем Чехии (император Германии и король Венгрии Сигизмунд был братом умершего чешского короля Вацлава IV, сыном Карла I, и претендовал на чешскую корону).

В конце манифеста были кратко изложены четыре пражские статьи: первая — о свободном причащении под двумя видами; вторая — о том, чтобы можно было свободно и правильно проповедовать евангелие; третья — о том, чтобы священники жили так, как заповедал Христос и его апостолы и как после них установили «святые отцы», и четвертая «вообще об улучшении королевства и языка нашего чешского, и очищении от злых и лживых слухов о королевстве и языке нашем чешском»³.

Четыре пражские статьи даны здесь в общих чертах, без подкрепления их ссылками на евангелие, как это будет в более поздних документах. Официального принятия и провозглашения статей еще не состоялось. Не

¹ Речь шла, конечно, только о тех, кто действительно угнетал чешский народ и стремился лишить его независимости, т. е. о патрициате, немецких князьях, высшем духовенстве и дворянстве.

² См. „Archiv Český“, dil. XIII, стр. 212—213.

³ „Archiv Český“, dil. III, стр. 210—212.

была еще выработана их твердая редакция, хотя требования в духе четырех пражских статей давно уже выдвигались на массовых народных собраниях на горах. Однако уже и по этой их редакции видно, что гуситы, составляя четыре пражские статьи, опирались на евангелие и исходили из него как единственного авторитетного для них источника. Они заявляли, что если в этих четырех статьях есть что-либо неправильное, то «докажите это священным писанием». Манифест был подписан следующим образом: «Мы, Ченек из Вартенберка, наивысший пуркрабий короны и королевства чешского, Ольдржих из Рожемберка и другие паны, город Прага, рыцари, панюши и другие города с селами, которые стоят за свободу закона божьего и вообще за благо чешского языка».

Манифест от 20 апреля интересен тем, что его подписали некоторые крупные паны из числа тех, кто рассчитывал, не порывая с римско-католической церковью, нажиться за счет грабежа церковных имуществ. Вместе с представителями Праги и других городов они были главными авторами данного манифеста.

В манифесте выдвинуты некоторые пункты, которые впоследствии вошли в число требований лагеря чашников к Сигизмунду. Так, например, обвинение против Сигизмунда в том, что он отдал Бранденбург, нашло вскоре свое отражение в требовании чашников сохранить территориальную целостность земель чешской короны.

Однако здесь еще не поставлен целый ряд вопросов, которые чашниками были подняты позднее и четко сформулированы в их письмах по поводу признания Сигизмунда королем Чехии. Манифест от 20 апреля 1420 г., несмотря на довольно резкую критику действий Сигизмунда в отдельных пунктах, все же представлял собою со стороны чашников попытку урегулировать спорные вопросы с Сигизмундом. Сигизмунд, в свою очередь, видел в них наиболее удобный путь для раскола гуситского лагеря и ликвидации крестьянской войны в чешских землях.

15 мая представители чашников получили аудиенцию у императора. Затем был организован диспут умеренных гуситов-чашников с католическими богословами. Сигизмунд оправдывался в своих действиях, но ни на какие существенные уступки чашникам не пошел. Переговоры были прерваны, и Сигизмунд продолжал подготовку к вооруженному вторжению в Чехию. В этой обстановке чашники вынуждены были отступить от своей мирной тактики.

Реакционный чешский историк Пекарж, пересматривавший всю историю крестьянской войны в Чехии с фашистских позиций и фальсифицировавший сущность и значение ее, всячески стремился оправдать Сигизмунда и переложить всю ответственность за длительные войны и разорение страны на плечи народа, защищавшего свою независимость и боровшегося за улучшение своего положения. Он заявлял, что весь ход дальнейших событий зависел от этих майских переговоров между Сигизмундом и чашниками. Если бы переговоры увенчались успехом, то гуситских войн могло бы и не быть вообще, говорил он, смазывая всю остроту социальных противоречий в стране, глубину и силу национально-освободительного движения. Это лживое утверждение Пекаржа связано с его реакционным стремлением во что бы то ни стало затушевать ту решающую роль, которую широкие слои народа — крестьянство и плебс городов — играли в развернувшихся событиях. Положение в стране было таково, что независимо от исхода переговоров чашников с Сигизмундом народная война против немецкого дворянства и чешских феодалов должна была развернуться.

Тем временем император Сигизмунд вторгся в пределы Чехии, выжигая на своем пути села, подвергая разграблению города и истребляя мирное население. Зарево пожаров и потоки крови, дикие зверства и насилия извещали о его приближении к столице Чехии. 10 июня табориты и пражане в совместном обращении к венецианцам писали, что они борются за независимость своей родины: «Все люди благородного образа мыслей искони любили свою Родину и в почетной борьбе отдадут за Родину, как за самое дорогое, свое добро, свою жизнь и кровь»¹.

Между тем первый манифест — призыв ко всем встать грудью в защиту родины от немецких захватчиков-феодалов — получил широкий отклик во всей Чехии. Тысячи крестьян и горожан, плохо вооруженных, но горящих желанием отстоять свою свободу и независимость страны, отовсюду двинулись к Праге. Из города Табора — главного центра революционного плебейско-крестьянского лагеря — на помощь столице направилось 9 тыс. вооруженных таборитов, среди которых были и женщины, выступившие с оружием в руках против крестоносцев. Лагерь чашников был вынужден временно отказаться от той соглашательской тактики, которую он отстаивал в ожесточенной полемике с таборитами.

Но, приняв участие в героической борьбе таборитов против крестоносцев и чешских феодалов, чашники мешали углублению революционного движения и открыто боролись против идей социально-экономических преобразований, выдвигавшихся таборитами. Они пытались сдержать революционную энергию народа и направить ее в русло умеренных реформ. Изменение чашниками тактики диктовалось стремлением удержать в своих руках руководство событиями и, если удастся, подчинить себе лагерь таборитов.

В обстановке растущей угрозы Праге со стороны приближавшихся крестоносцев пражане выпустили новый манифест, адресованный войскам мишенского маркграфа, жителям Будишина, представителям верхнелужицких городов, участникам крестового похода. Экземпляр этого манифеста уцелел на немецком языке в прусском государственном архиве под названием «статьи сектантов гус., посланные ими самими в войска маркграфства мишенского, находящегося у Праги»².

Манифест был написан около 1 июля 1420 г. В его задачи входило показать «подлинным, истинным христианам» цели чешских гуситов, так как их многие не знают; «... некоторые короли, князья и господа, рыцари и слуги, горожане и крестьяне не знают причины войны в чешском королевстве». Если по отношению к королям, князьям, господам и рыцарям это утверждение было неверным, то по отношению к горожанам и крестьянам оно было вполне справедливым. Гуситы были правы, заявляя: «мы слышим, что о вышеназванной войне пишут и говорят фальшивые и лживые вещи». Все подлинные христиане должны знать, что «все верующие вышеназванной страны сопротивляются и с помощью божьей будут противостоят названному королю Сигизмунду, до самой смерти за те статьи, которые здесь написаны». Затем следует текст четырех пражских статей с многочисленными ссылками на евангелие.

Порядок статей здесь тот же, что и в манифесте от 20 апреля 1420 г., но даны они в полной редакции. В конце второй статьи подчеркивается,

¹ Fr. Palacky. Dějiny národu českého v Čechách a na Moravě, díl. III, 2, стр. 117.

² „Sbornik příspěvků k dějinám Hlavního města Prahy“ díl. VII, v Praze, 1933, стр. 275—278.

что данный порядок был установлен уже в раннехристианской церкви и христианскими святыми. По-иному же, в гораздо более развернутом виде даны третья и четвертая статьи. Третья статья содержит требование отнять у церкви светскую власть и светские владения, так как наличие их в руках духовенства находится в явном противоречии с учением Христа. Повидимому, этой статье они уделяли особенно большое внимание, так как аргументация ее весьма обширна. Почти страница печатного текста книги содержит извлечения из евангелий Матвея, Луки, Марка и сочинений Августина и других деятелей церкви, которые должны были подкрепить своим авторитетом законность требований гуситов. Значительное место занимает также и четвертая статья, направленная против «смертных грехов». Уже здесь мы находим деление на греховные дела мирян и проступки духовенства. Это деление сохранится и в последующих манифестах. Подробно перечислялись «грехи» населения. В числе их для мирян — разбой, войны. У духовенства главный грех — симония, которая представляет собою страшную ересь. Симония господствует повсюду. Духовенство берет деньги за крещение, причащение, заупокойные мессы и прочее. Представители высшего духовенства торгуют «живыми отпущениями», т. е. индульгенциями. В заключительной части манифеста гуситы выступали с оправданием той войны, которую они вынуждены вести в связи с нападением крестоносцев.

В целом этот манифест отличается от апрельских манифестов гораздо более решительным и даже резким тоном. Содержание статей звучит гораздо более радикально, и социальный элемент в них совершенно очевиден. Очень важно указание в заключительной части манифеста на материальную нужду восставших, как на одну из причин гуситских войн. Сохранилось очень мало источников, в которых прямо подчеркивалось бы это обстоятельство.

Чем же объяснить «полевение» июльского манифеста в сравнении с апрельскими манифестами 1420 г.? Для решения этого вопроса необходимо сказать несколько слов о положении, сложившемся к тому времени в Праге. Крайне неохотно перед угрозой вторжения иностранных интервентов и под нажимом плебейских элементов Праги чашники призывали к себе на помощь таборитов. В конце мая 1420 г. вожди таборитских отрядов из Табора, Жатца, Лоуна, Ореба и других центров собрались с консулами Праги, сместили старых и выбрали новых консулов, приняли решение о защите четырех пражских статей. Новые консулы, принадлежавшие к левому таборитскому крылу гусизма, быстро организовали население города на строительство укреплений.

Противники четырех пражских статей — немцы-патриции города в количестве 700 семей бежали из Праги, а имущество их было конфисковано. Гуситские отряды осадили замок Вышеград, где укрепились сторонники Сигизмунда¹. Во главе обороны города гуситы поставили 12 выборных гетманов, в числе которых были 4 представителя от Табора. Временные попутчики гуситов — паны, примкнувшие вначале к пражанам, убедившись в том, что в движении проявляются все более отчетливо антифеодальные тенденции, что табориты уже уничтожают дворянские замки, что они приобрели большое влияние, — оставили гуситов и перешли на сторону Сигизмунда (Ченек Вартенбергский, Ольдржих Рожембергский и др.).

После прихода в Прагу отрядов таборитов подготовка столицы к обороне проходила в обстановке высокого патриотического подъема.

¹ См. „*Fontes rerum Bohemicarum*“, t. V, стр. 375.

Все эти обстоятельства весьма сильно отразились на манифесте от 1 июля и на других июльских манифестах, изданных в Праге. Вскоре после вступления в Прагу таборитов всеми гуситами были приняты четыре пражские статьи. 3 июля 1420 г. эти статьи были торжественно провозглашены в Праге и должны были явиться основой для совместных действий гуситов. Манифест от 3 июля сохранился в ряде источников и имеет надпись: «Четыре пражские статьи чехов и письмо, посланное всему миру»¹. Манифест прежде всего был направлен в войско, осаждавшее город. В армии крестоносцев было много крестьян и горожан, которые пошли в поход на Чехию по принуждению. Именно на эти слои и был рассчитан манифест. Он имел целью внести разложение в феодальную армию или, по крайней мере, неуверенность; он должен был подорвать, ослабить наступательную силу крестоносцев. Трудно сказать, какова была действительность манифеста с этой точки зрения, но все же известно, что в лагере Сигизмунда многие из находившихся там чехов выражали свое недовольство действиями крестоносцев. Известно, что в числе участников этого крестового похода были такие, которые потом унесли с собою на родину эти гуситские манифесты и даже пытались пропагандировать гуситские идеи и действовать в духе гуситов.

В целях наибольшей доступности манифест был написан на трех языках: латинском, чешском и немецком. Чехи-гуситы заявляли в нем прежде всего о том, что они «с божьей помощью», «всем своим имуществом и жизнью и смертью» будут защищать четыре пражские статьи. После этого краткого, но очень важного вступления был дан текст четырех пражских статей в очень развернутом виде, с многочисленными ссылками на евангелие. Редакция самих статей здесь уже значительно уточнена и тщательно отработана. Видно, что над этим текстом много трудились ученые гуситы, знатоки евангелия. Первые две статьи не вносят существенных изменений в сравнении с ранней редакцией. Общий порядок статей следующий:

- 1) о свободной проповеди слова божьего, т. е. евангелия;
- 2) о причащении под двумя видами;
- 3) о светских богатствах и власти церкви и
- 4) о борьбе со всякого рода смертными грехами.

В сравнении с манифестом от 20 апреля 1420 г., где четыре статьи были лишь намечены, изменения здесь значительны и по форме и по содержанию и напоминают манифест, направленный 1 июля в лагерь крестоносцев. Статья о свободной проповеди христианской религии, бывшая в манифесте от 20 апреля 1420 г. на втором месте, теперь была передвинута на первое место и в официальных редакциях долгое время останется первой статьей. Гораздо шире и по-иному сформулированы третья и четвертая статьи. В третьей статье гуситы писали: «Многие священники и монахи владеют огромным материальным имуществом на основе светского права, против заповеди Христа... и к великому ущербу панов светского сословия; чтобы у таковых священников это незаконное владение было отнято», и жизнь духовенства была бы приведена в соответствие с учением Христа и апостолов. Эта редакция третьей статьи почти совпадает с редакцией манифеста, выпущенного 1 июля к мишенским войскам. В нем было сказано: «третья статья заключается в том, что светская власть над временными сокровищами и богатствами, которыми духовенство владеет против заповеди Христа и к помехе самой сущности духовенства и к ущербу светской власти,

¹ „Archiv Český“, díl III, стр. 213—216.

от него будет отнято... и что духовенство будет возвращено к порядкам и к жизни по 12 заповедям...»¹.

Совпадение этих статей по существу здесь совершенно очевидно. В манифесте от 20 апреля 1420 г. третья статья была изложена в общей форме: «третье, чтобы священники жили так же примерно, как заповедовал Христос и его апостолы, а после них установили святые отцы»².

В июльских манифестах требование примерной, образцовой жизни духовенства является лишь частью статьи и поставлено в конце ее. На первый план здесь было выдвинуто требование секуляризации церковных богатств и ликвидации светской власти духовенства.

В четвертой статье в первом июльском манифесте выдвигалось требование борьбы со смертными грехами, причем последние были перечислены весьма подробно. Под смертными грехами разумелись вполне конкретные явления. У светского населения — это разврат, обжорство, злодеяния, ложная присяга, ростовщичество, колдовство и т. д. У духовенства — это симония, т. е. вымогательство денег церковью за совершение различных церковных обрядов и получение церковных должностей.

Разумеется, изменение редакции третьей и четвертой статей не является результатом только редакционного уточнения. Буржуазный историк Ф. Бартош в статье, посвященной гуситским манифестам города Праги, совершенно обходит этот вопрос, останавливаясь лишь на формальном анализе материалов, а между тем вопрос этот чрезвычайно важный, и анализ манифестов позволяет нам подчеркнуть решающую и революционную роль таборитского крыла в гусизме³. Можно привести много доказательств в пользу того, что именно таборитское влияние сказалось на более радикальной формулировке и содержании июльских пражских манифестов.

В середине июля Сигизмунд потерпел поражение под Прагой и был вынужден заключить с гуситами перемирие, при условии публичного обсуждения четырех пражских статей. 30 июля была снята осада с города Праги и сразу же вышли наружу противоречия между гуситскими лагерями. 5 августа табориты, и вместе с ними Новая Прага, представили пражанам-чашникам 12 статей для обсуждения, заявив, что в случае несогласия чашников с этими статьями табориты будут вынуждены оставить Прагу⁴. Главное место среди этих статей занимают те, которые по существу своему соответствуют третьей и, особенно, четвертой статье из четырех пражских статей. Табориты обвиняли чашников-пражан во многих смертных грехах — разврате, пьянстве, роскоши, обмане в торговле. Они требовали, чтобы пражане отказались от роскошной одежды, серебряных украшений, ликвидировали бы немецкое «языческое» право и установили бы «божественное право» в соответствии с заповедями Христа. Они настаивали на ликвидации всяких плат духовенству, на отмене ростовщичества; требовали ликвидации в церквах алтарей, икон, богатых золотых и серебряных чаш и украшений и разрушения монастырей.

12 таборитских статей выходят далеко за рамки четырех пражских статей. В нашу задачу не входит подробное их рассмотрение. Мы привлекаем их лишь как свидетельство того, что именно табориты, и только они,

¹ „Sbornik příspěvků k dějinám Hlavního města Prahy“, dil. VII, приложение первое.

² „Archiv Český“, dil. III, str. 210—212.

³ См. „Sbornik příspěvků k dějinám Hlavního města Prahy“, dil. VII.

⁴ Текст статей дан у Лавренция из Бжезовы. — „Fontes rerum Bohemicarum“, t. V, стр. 397—398.

давали такую революционную трактовку четырем пражским статьям. В отличие от пражан, табориты на деле стремились полностью осуществить четыре пражские статьи.

В таборитских общинах были запрещены ростовщичество, торговля на деньги, роскошь в одежде и быту, игра в кости, пьянство — все то, что они называли смертными грехами. Под смертными грехами табориты понимали, по существу, целый ряд действий феодалов и городских богачей, направленных против народа. Кто носил роскошные одежды в то время? Светские и духовные феодалы и патриции. Кто занимался ростовщичеством? Церковь и патрициат. Кто разбойничал на больших дорогах? Паны и рыцари.

Таким образом, в трактовке таборитов четвертая из пражских статей носила явно антифеодальный характер. В трактовке этой статьи чашниками антифеодальный характер ее отпадал. Представители лагеря чашников не вели последовательной борьбы со смертными грехами, и вообще четыре пражские статьи в их толковании выглядели весьма умеренно.

Когда в результате обострения противоречий между гуситскими лагерями табориты покинули Прагу, они назвали ее «блудным Вавилоном» и требовали ее разрушения. Позднее, ко времени Базельского собора, текст четырех пражских статей был дан чашниками уже в совсем смягченных тонах и был гораздо умереннее по содержанию.

Влияние таборитов нашло отражение еще в двух манифестах, выпущенных в июле 1420 г. 10 июля 1420 г. в Праге гуситами был принят манифест, обращенный к венецианцам¹. Цель обращения к Венецианской республике была двойной. Во-первых, гуситы стремились доказать, что они ведут справедливую войну против Сигизмунда в защиту своей родины. Во-вторых, они просили венецианцев вторгнуться в пределы Австрийского герцогства с тем, чтобы отвлечь от чешских дел герцога Альбрехта Австрийского, беспощадно расправлявшегося в то время с мирным населением Чехии. Во вступительной части указывалось вообще на необходимость служения отечеству, на то, что имена людей, которые с честью защищали свою дорогую родину, долгие годы сохраняются в памяти потомков. «И, наоборот, те, кто отечеством пренебрегают», гибнут бесславно, и имя их умирает вместе с ними. Поэтому и мы, заявляли гуситы, из любви к родине и из-за жестоких притеснений Сигизмунда поднялись против него. Сигизмунд грубо нарушил права чешской короны. Он послал на костер Яна Гуса и Иеронима Пражского; объявил чехов на Констанцском соборе еретиками; сжег в городе Братиславе чешского купца Яна Красу; отдал иноземцам маркграфство Бранденбургское; назначил оломоуцким епископом врага гуситов; «законы и свободы королевства, которые он первый должен хранить, защищать и поддерживать до пролития крови, он осуждает и отнимает».

Перечисленные выше обвинения были не новы. Мы видели их еще в манифесте от 20 апреля 1420 г. Но в манифесте от 10 июля гораздо решительнее подчеркнуты национальные права чехов.

В отличие от предшествующих манифестов в письме к венецианцам несколько статей посвящено вопросу о дружбе Сигизмунда с немецкими феодалами — исконными врагами чехов.

С глубокой скорбью авторы манифеста сообщали о том, что «христианнейшее и золотое королевство Чехия, которое по своей природе всегда выделялось славными обычаями и делами, теперь ввергнуто в потоки слез и

¹ См. Fr. Palacký. Указ. соч., т. III, ч. 2, стр. 117.

печали». Сигизмунд хочет огнем и мечом разрушить всю страну. Нарисовав мрачную картину ужасов, которые принесли с собою в Чехию крестоносцы, гуситы восклицали, что, несмотря ни на что, Сигизмунд «победить не может».

Манифест от 10 июля 1420 г. полон глубокой любви к родине, твердой, несокрушимой уверенности в правоте своего дела и в конечной победе над врагами. Мы боремся не за пустую временную славу, заявляли гуситы, а за «священнейшие законы христианской религии, побуждаемые глубокой любовью к нашему невинному отечеству». Мы хотим, говорили они, чтобы «королевство Чехия сохранялось в прежней, древней и своей прирожденной благочестивой славе».

В конце манифеста даны в кратком изложении три из четырех пражских статей и просьба к венецианцам, друзьям чешского королевства, помочь им и вторгнуться в австрийские земли.

К счастью для гуситов, они смогли обойтись и без этой помощи. 14 июля крестоносцы штурмовали Прагу, потерпели жестокое поражение и были вынуждены вскоре заключить с гуситами перемирие, а затем с позором удалиться вообще из пределов Чехии. Вскоре после этой блестящей победы над крестоносцами, около 20 июля 1420 г., гуситы вновь опубликовали в Праге четыре пражские статьи с подробными обоснованиями каждого тезиса на материале евангелия¹.

От имени пражской общины гуситы сообщали всем «истинным христианам» о том, что они ведут с врагами войны, достойные удивления. С гордостью победителя они заявляли, что с «божьей помощью одержали победу над царем и около 40 герцогами, народами и провинциями, вооруженными отборным оружием». Благодаря этой победе они сохранили независимость Чехии. Затем в манифесте следовали четыре пражские статьи, в уже установленном порядке. В особенно развернутом виде даны статьи третья и четвертая, причем в четвертой статье еще более уточняется понятие «смертного» греха. В третьей статье содержится отрицание права духовенства на светскую власть и богатства. В четвертой статье данное требование было подкреплено тем, что владение бенефициями и пребендой для духовного лица вообще отнесено к «смертным грехам».

Особо выделен вопрос о нравственном разложении духовенства и указано на широкое распространение фактов конкубината. Новым моментом в этой статье является указание на то, что священники безжалостно грабят простой народ, захватывая его имущество и с жадностью выжимая из него ценз. Таким образом, в данной редакции особенно сильна антифеодалная тенденция четырех пражских статей.

После манифеста от 20 июля 1420 г. в течение довольно длительного времени мы не встречаем гуситских манифестов. Крестоносцы были изгнаны, внешняя опасность на время миновала, и все внимание гуситских лагерей было теперь поглощено внутренними делами. Если в июле 1420 г., наиболее опасном периоде на раннем этапе существования гуситской Чехии, было издано четыре манифеста, то с этого времени и до февраля 1421 г. манифестов не сохранилось.

К концу 1420 г. коренным образом меняется соотношение сил в самой Праге. 22 августа табориты покинули Прагу и выехали в свои общины. Они продолжали ожесточенную борьбу с феодалами Чехии, с немецкими поме-

¹ См. „Sbornik příspěvků k dějinám Hlavního města Prahy“, стр. 282—285; Лавренций из Бжезовы. — „Fontes rerum Bohemicarum“, т. V, стр. 391—395.

щиками и патрициатом в чешских землях, захватывали церковные земли, уничтожая монастыри. На массовых собраниях плебеи и крестьяне вырабатывали и принимали различные документы, в которых выдвигались таборитские требования. Так, например, сложились 14 таборитских статей. Среди таборитов все более выделяются левореспубликанские секты, которые особенно защищали хилястические идеи. В декабре 1420 г. пражские магистры составили 72 статьи обвинений против таборитов и организовали диспут для их публичного обсуждения. Диспут показал, насколько глубоко было различие между чашниками и таборитами в вопросах программы, целей движения и в способах, которыми те и другие думали осуществлять свои требования. Чашники боялись дальнейшего углубления движения, растущего влияния таборитства во всей жизни страны. Они чувствовали себя весьма неуверенно без крепкой королевской власти, и по их инициативе в ноябре 1420 г. в Польшу было послано совместное посольство гуситов с предложением чешской короны Владиславу Ягайло.

За эти месяцы гуситами было отбито новое нападение разбойничьих орд Сигизмунда. После того как угроза вторжения на время миновала, 19 ноября в Праге чашниками был произведен переворот. Таборитские консулы были свергнуты и на их место поставлены представители чашников. После событий 1420 г. чашники никогда уже не заходили так далеко в своих действиях, как в период первого крестового похода. Наоборот, теперь с каждым годом заметнее становилось их все большее поправление. Это отразилось и на последующих манифестах, которые выпускались в Праге, в том числе и на манифесте от 8 февраля 1421 г.¹ Манифест сохранился в Ватикане и был адресован герцогу Альбрехту Австрийскому от имени магистров Пражского университета, консулов и всех горожан Праги. Он был направлен против императора Сигизмунда. Пражане объяснили Альбрехту Австрийскому, который вел против них вооруженную борьбу, почему они не могут признать Сигизмунда королем Чехии. Повторялись те обвинения, которые были выдвинуты против Сигизмунда еще в манифесте от 20 апреля 1420 г.: Сигизмунд содействовал несправедливым решениям Констанцского собора, который обвинил чехов в ереси; он беспощадно распоряжался с мирным чешским населением, «так как приказал сжигать еретиков», и послал Фердинанда, епископа города Лукки — этого инициатора всевозможных преступлений — в качестве легата в Чехию. Но это не божий легат, который должен принести с собою мир, «а посланник Антихриста». Он приказал убивать, сжигать без всякого милосердия простых крестьян и других мирных жителей королевства. Это не пастырь, а дракон и зверь, рожденный в крови и заливающий ею всю страну. В обвинениях против Сигизмунда и Фердинанда манифест достигает большой силы, и здесь в нем применяются очень резкие формулировки. Но, с другой стороны, в нем уже не повторяются многие из тех обвинений, которые были в манифесте от 20 апреля 1420 г.

Вслед за обвинениями чашники перешли к конкретным статьям. Они предлагали организовать обсуждение четырех пражских статей с привлечением к диспуту лучших ученых богословов с обеих сторон. С католической стороны они хотели бы видеть Людовика, патриарха аквилейского, Симона Рагузского и других. Со своей стороны они выдвинули бы магистра Яна Пшибрама, декана Пражского университета. Особое внимание привлекает

¹ См. „Sbornik příspěvků k dějinám Hlavního města Prahy“, dil. VII, приложение IV, стр. 285—290.

в манифесте всемерное подчеркивание того обстоятельства, что спорные вопросы между католическим лагерем и гуситами нужно решать не оружием, а мирными прениями: «и что истинно есть доказывать не оружием, а аргументами». Здесь уже нет ни слова об успехах гуситского оружия в борьбе с крестоносцами, о том, что гуситы готовы отдать свою жизнь в защиту четырех статей. Манифест лишний раз свидетельствует о том, что идея вооруженной борьбы в защиту своих прав была глубоко чужда чашникам, и лишь чрезвычайные обстоятельства июля 1420 г. вынудили их взяться за оружие. Боевой дух июльских манифестов 1420 г., вдохновленных главным образом образом таборитами, к 1421 г. в манифестах чашников почти исчезает.

Это подтверждается и весьма умеренной редакцией четырех пражских статей, принятых в тот период. Первые две статьи сохранились, в основном, в прежнем виде. В третьей статье поставлен вопрос о светских богатствах церкви, но опущен тезис о ликвидации светской власти духовенства, а от четвертой статьи по сравнению с ее июльской редакцией почти ничего не осталось. Вместо довольно отчетливо сформулированного и выраженного в энергичной форме требования борьбы со смертными грехами остались лишь пассивные пожелания уничтожить все беспорядки, противоречащие закону божьему.

Февральский манифест свидетельствовал о том, что табориты в своей энергичной борьбе против немецких феодалов в стране остались в одиночестве.

* * *

С февраля 1421 г. и до 1430 г. не сохранилось манифестов, выпущенных гуситами Праги — чашниками. Мы встречаем их вновь лишь в 1430 г. За эти годы, 1422—1430, в Чехии произошли значительные изменения, без учета которых нельзя понять поздних гуситских манифестов. В борьбе гуситских лагерей против феодально-католического лагеря и немецкого дворянского засилья наибольшую роль играли два элемента — социальный и национально-освободительный. При всей умеренности лагеря чашников наличие внешней опасности было той силой, которая на время объединяла два враждебных гуситских лагеря против общего врага в те критические моменты, когда независимость родины была под угрозой.

Кроме того, нужно было время, чтобы сами гуситы убедились в наличии резкого расхождения их классовых интересов. Эти различия становились особенно ясными в ходе гуситских войн, при первых же попытках практически решить вопрос о церковных землях и королевских поместьях. К 1431 г. вопросы национального единства были явно и окончательно отодвинуты на второй план перед обострившимися социальными противоречиями. За годы гуситских войн лагерь чашников — дворянство, бюргерство, магистры университета — захватил в свои руки большую часть имущества церкви. Декреты 1421—1424 гг. о конфискации имущества врагов гусизма были подтверждены в 1427 г., когда была произведена конфискация имущества заговорщиков, желавших пойти на полную сделку с феодально-католическим лагерем. К этому времени в руки чашников перешла также значительная часть собственности короны. В Праге и других городах, находившихся в руках чашников, к власти пришли гуситы — дворяне и чешские бюргеры. Засилье немецкого патрициата в городах

было уничтожено. Религиозные требования чашников были фактически тоже уже осуществлены. Бюргеры и пражские магистры, дворяне нуждались теперь в установлении мира и возможности спокойного пользования захваченными богатствами. После ожесточенной внутренней борьбы в Праге в 1427—1429 гг. чашники окончательно убедились в том, что главным препятствием на их пути к миру с феодально-католическим лагерем является плебейско-крестьянский революционный лагерь таборитов.

В отличие от чашников, таборитский лагерь еще далеко не осуществил своей антифеодальной программы, хотя и достиг значительных успехов. Поэтому табориты под руководством своих выдающихся вождей Прокопа Великого и Прокопа Малеого продолжали вооруженную борьбу с немецкими и чешскими феодалами. Успешные военные действия таборитов вынудили Сигизмунда и римско-католическую церковь начать переговоры с гуситами в 1429 г. в г. Хебе. Лагерь чашников охотно пошел на эти переговоры. Табориты согласились на них лишь при условии сохранения за ними полной свободы действий и продолжали походы в немецкие феодальные княжества. В процессе переговоров разрабатывались условия участия гуситов на предстоящем Базельском соборе. Феодально-католическая церковь и император в этих переговорах ставили своей целью добиться полного раскола гуситского лагеря и привлечения на свою сторону чашников. В такой обстановке и были написаны манифесты чашников в 1430 г.¹

В конце апреля 1430 г. чашники обратились с манифестом ко «всем верным Христа, в каком бы сословии, службе» они ни находились. В нем объясняются причины, которые заставили чашников взяться за оружие. Говорится о том, что появилось много несправедливости и нарушения порядков раннехристианской церкви. Например, духовенство устремилось к светским занятиям, отбросив церковные порядки. Мы же (т. е. гуситы — А. О.) заботимся «о вечной жизни и о спасении своей души». Неправедливые решения Констанцского собора, интердикт и обвинения чехов в ереси, крестовые походы против них, сопровождающиеся нечеловеческими жестокостями крестоносцев, вынудили нас, заявляла гуситы, взяться за оружие. Против нас были направлены почти все христианские государства и народы, творившие бесчисленные неистовства и ужасы, завоевывавшие замки, укрепления и города, сжигавшие их жителей и села, опустошавшие виноградники, сады и поля. Тогда мы увидели, что на насилье следует отвечать насильем, и подняли оружие против врагов наших — врагов законов божьих и отбросили их за границы нашего отечества, писали авторы манифеста. Затем указывалось на то, что было отбито нападение маркграфов бранденбургского и мишенского.

В то же время авторы манифеста подчеркивали, что они, чашники, и прежде искали мирного пути в решении спорных вопросов, но в ответ на манифест, который они направили крестоносцам, последовали военные действия. Мы с самого начала, заявляли чашники, были готовы, как готовы и сейчас, защищать на церковном соборе в мирном и братском диспуте против докторов церкви истину слов и учения Старого и Нового заветов. Но представители церкви не должны применять против нас насилия. Мы готовы к диспуту потому, что считаем, «что наша вера является истинной верой, которую мы берем от господ бога и его учеников и докторов святой церкви» и проповедуем ее под крышами домов, на полях,

¹ См. „Sbornik příspěvků k dějinám Hlavního města Prahy“, díl. VII, приложение VI, 22*

в горах, селах, замках, в городах. О, если бы короли и руководители христианских государств были бы справедливыми судьями! Мы будем защищать четыре пражские статьи, которые содержат в себе истину священного писания. Надеемся, что обсуждение их принесет в церковь мир и христианскую истину и приведет к прекращению раздора», — писали чашники в заключительной части манифеста.

Таким образом, майский манифест 1430 г. оправдывал вооруженную борьбу, которую гуситам приходилось вести до того времени против крестоносцев. Но центр тяжести заключался все же не в этом утверждении, а в выражении со стороны чашников полной готовности прийти к соглашению с феодально-католическим лагерем. В манифесте нет ни слова о том, что чашники будут продолжать вооруженную борьбу с феодально-католическим лагерем в дальнейшем. И в этом сказалось стремление возможно скорее и любой ценой достичь соглашения с недавними противниками.

Но еще более поворот чашников в сторону сближения с феодально-католическим лагерем сказался в другом манифесте, который был издан также в мае 1430 г. и составлен вместе с гуситским духовенством г. Праги¹. В это время среди высшего духовенства лагеря чашников, возглавлявшегося Яном Рокицаной, тенденция к сближению и примирению с римско-католической церковью была особенно сильна. Манифест был адресован так же, как обычно, всем и каждому «верным Христу», к какому бы состоянию они ни принадлежали, но был рассчитан фактически только на правящие круги. По своему содержанию он значительно отличается от предшествовавшего документа. Здесь впервые, в отличие от других манифестов, был поставлен вопрос о семи таинствах католической церкви. Чашники заявляли о том, что они «крепко верят и нисколько не сомневаются» в том, что это учение католической церкви является истинно христианским и полностью отвечает учению Христа.

Нужно сказать, что в эти годы (1429—1431) Ян Рокицана вообще решительно выступал в защиту семи таинств против таборитской трактовки учения о таинствах и написал специальный трактат об этом, опубликованный позднее в хронике Кохлая «История гуситов»². Пражский синод принял по этому поводу решение, также направленное против таборитов. Табориты совлекали покров таинственности с католических таинств, превращая их в обычные церковные обряды, которые мог совершать любой мирянин. Духовенство как особое сословие, как «посредник» между богом и людьми (миссия, которую приписывало себе духовенство, на чем в значительной мере держался его авторитет) становилось, таким образом, ненужным. Чашники, в отличие от таборитов в данном вопросе, стремились сохранить духовенство как сословие, ограничив его деятельность определенными рамками.

В таком же антитаборитском духе и явно с целью примирения с римской церковью в манифесте сформулировано учение о путях загробной жизни человеческой души. В то время как табориты отрицали чистилище и признавали только рай и ад, чашники высказались за католическую трактовку этого вопроса, признавая рай, ад и чистилище. Отрицание таборитами чистилища влекло за собою ликвидацию всего заупокойного культа церкви и, стало быть, приводило к уничтожению одной из круп-

¹ „Sbornik příspěvků k dějinám Hlavního města Prahy“, díl. VII, приложение VII.

² „Historiae Hussitarum libri duodecim Ioannem Cochlaevum, artivum ac sacrae theologiae magistrum, canonicum Vratislaviensem...“, Moguntia, 1549.

нейших функций католического духовенства — «спасения человеческих душ».

После определения своих позиций в двух указанных пунктах чашники заявляли, что они защищают четыре пражские статьи, которые должны стать основой при обсуждении спорных вопросов между римско-католической церковью и гуситами. Затем следовал текст четырех статей с довольно подробными ссылками на евангелие. В первой статье сказано о необходимости восстановить причащение под двумя видами, так, как мы это уже встречали в других манифестах. На второе место поставлена была третья пражская статья. По поводу нее в манифесте было записано: так как священники в церкви являются преемниками апостолов и учениками Христа, пусть учатся жить в собственности, полученной добровольно, отказавшись от временных богатств и временной власти над ними. Особое внимание привлекает в манифесте именно новая трактовка третьей пражской статьи. Она передвинута здесь на второе место, чего мы не встречали ни в прежних манифестах, ни в той редакции четырех статей, которая была представлена гуситами Базельскому собору для обсуждения. Но самое важное, на что уже указал в своей статье о манифестах г. Праги Бартош, — это совсем иная, новая постановка вопроса о церковной собственности¹. Характерно, что в пражских компактатах 1433 г. римско-католическая церковь сделала известные уступки чашникам по четырем пражским статьям. Она приняла первую и вторую статьи о свободной проповеди евангелия и причащении под двумя видами в том умеренном их понимании, которого держались чашники. Но именно в третьей статье «отцы собора» добились наиболее крупных изменений в свою пользу.

Что же нового вносилось рассматриваемым нами манифестом в трактовку третьей пражской статьи по сравнению с редакцией от 3 июля 1420 г.? Напомним редакцию третьей статьи в июльском манифесте. Там было записано: «Многие священники и монахи владеют огромным материальным имуществом на основе светского права против заповедей Христа... и к великому ущербу панов светского сословия; чтобы у таких священников это незаконное владение было отнято» и духовенство жило бы в соответствии с учением Христа и апостолов, т. е. в манифесте от 3 июля шла речь не только о ликвидации светской власти церкви, но и об отнятии у нее ее несметных богатств. Именно эта статья была наиболее опасной для римско-католической церкви из всех четырех пражских статей. Уступки чашников и шли прежде всего в этом направлении. Уже в майском манифесте 1430 г. в вопросе о церковной собственности католической церкви был предоставлен для сохранения ее богатств тот выход, который она полностью использует позднее. Это — право церкви на «добровольно» отданное ей имущество. В материалах Базельского собора эта статья занимает четвертое место по порядку и выражена следующим образом: «Четвертое, священники не должны... господствовать светским образом над временными богатствами»².

В первых компактатах, принятых на Святоартинском сейме в Праге 30 ноября 1433 г., во время переговоров чашников с послами Базельского собора права церкви на собственность движимую и недвижимую были сформулированы весьма отчетливо: «Священники могут иметь и держать

¹ См. F. M. Bartoš. Manifesty města Prahy z doby husitské. — „Sborník příspěvků k dějinám Hlavního města Prahy“, díl. VII, v Praze, 1933, стр. 252—274.

² „Concilium Basilense. Conciliorum tomus trigesimus“, Parisiis, 1649, pp. 560—561.

какое бы то ни было частное имущество, отцовское наследство и иное, будет ли им оставлено, и другое имущество, справедливо добытое путем дарения или полученное иным путем»¹. Все это свидетельствует о том, что именно третья статья привлекала особое внимание католической церкви и здесь чашники пошли на решающие уступки. На этой основе и были заключены пражские компактаты.

Вернемся к майскому манифесту 1430 г. Четвертая пражская статья была в нем также значительно урезана и сформулирована отвлеченно и очень обще. Вместо прежнего требования борьбы со всеми смертными грехами теперь было записано, что все публичные грехи, должны искореняться теми людьми, которым надлежит этим заниматься, т. е. судьями и другими официальными лицами. Таборитское понимание этой статьи было совершенно отброшено, и она потеряла свою острую антифеодалную направленность.

Краткое рассмотрение манифестов чашников 1430* г. приводит нас к выводу, что чашники уже решительно встали на путь открытого предательства национальных, народных интересов. В 1431 г. они выступают еще раз совместно с таборитами против крестоносцев, но это — последнее совместное выступление гуситов. Вскоре были заключены пражские компактаты между чашниками и феодально-католическим лагерем, направленные против плебейско-крестьянского лагеря. От тактики соглашения с врагами чешского народа чашники закономерно пришли к полному и открытому предательству и с оружием в руках выступили против недавних союзников при Липанах. Одной из главных причин поражения таборитов, восставших против немецкого дворянства и чешских феодалов, было предательство богатых горожан — бюргерства.

¹ „Archiv Český“, dil. III, стр. 398—412.

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

Стр.

<i>М. А. Бирман.</i> Нарастание революционной ситуации в Болгарии в 1917—1918 гг. и Владайское восстание	5
<i>Ю. А. Писарев.</i> Из истории революционного движения рабочего класса и крестьянства в Сербо-хорвато-словенском государстве в 1919—1923 гг.	78
<i>Е. И. Рубинштейн.</i> Политика колонизации западных польских земель вильгельмовской Германией (1900—1914 гг.)	151
<i>В. Г. Карасев.</i> Основные черты социально-экономического развития Сербии в конце 60-х—начале 70-х годов XIX в.	206
<i>В. И. Пичета.</i> Литовский статут 1529 г. и его источники	243
<i>В. Д. Королюк.</i> Речь Посполитая и начало Северной войны	259

СООБЩЕНИЯ

<i>А. Н. Киришевская.</i> Отечественный фронт и аграрный вопрос в Болгарии в первый период развития народной демократии (1944—1947 гг.).	299
<i>А. И. Озолин.</i> Манифесты города Праги в годы крестьянской войны в Чехии	327

*Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Академии Наук СССР*

*

Редактор издательства *В. М. Турок* и *В. И. Зуев*
Технический редактор *Т. В. Полякова*
Корректор *О. Я. Хохлова*
Переплет художника *Б. Б. Титова*

*

РИСО АН СССР № 4983. Т-03622. Издат. № 3383.
Тип. заказ № 272. Подп. к печ. 30/IV 1952 г.
Формат бум. 70×108^{1/16}. Печ. л. 30,14.
Бум. л. 10,75. Уч.-издат. л. 31,5. Тираж 3000.
Цена по прейскуранту 1952 г. 20 руб. 40 коп.

1-я тип. Издательства Академии Наук СССР
Ленинград, В.-О., 9 лин., д. 12.

УЧЕННЫЕ
ЗАПИСКИ
ИНСТИТУТА
СЛАВЯНО-
ВЕДЕНИЯ

V

ИЗДАТЕЛЬСТВО
АКАДЕМИИ
НАУК
СССР

•
1958